

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

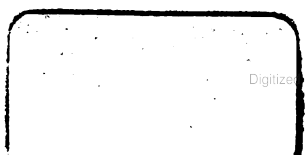
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть сорокъ пятая.

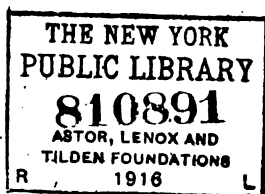

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

или ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по рѣпечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Августа 16 дня, 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

ХОУ МАН
1187
V1801

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПОСТЕПЕННЫЙ ХОДЪ

И

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ АРХИТЕКТУРЫ ВЪ АНГЛІИ.

Сочиненіе Валтера Скотта.

Архитектура каждаго народа, подобно языку и правамъ его, бываетъ слѣдствіемъ постепеннаго, медленнаго сближенія разнородныхъ элементовъ. Сначала простыя и малочисленныя, они сближаются, соединяются, уравниваются или измѣняются одинъ отъ другаго. Климанъ, народныя привычки, образъ жизни общественной и частной, усвоенія религіозныя и политическія, степень образованности, даютъ свой характеръ великому числу заимствованныхъ идей, образующихъ народную Архитектуру. Человѣкъ существо подражающее. Онъ беретъ въ образецъ и природу, и сосѣдей, и предковъ, хотя всегда воображаетъ себя творцомъ.

Май 1832.

4

Не ищите народности архитектурнаго стиля въ зданіяхъ общественныхъ, часто спроектированныхъ въ подражаніе чужеземному. Архитекторы Греческіе устали Эштурую своими памятниками; художники Ломбардійскіе воздвигли соборныя церкви на Сѣверѣ Европы; Мусульмане Арабскіе оставили въ Испаніи слѣды своего смѣлаго, оригинальнаго генія. Вкусъ народа, такъ-же какъ истинныя наклонности его бываютъ явны въ формахъ и назначеніи жилищъ, а не дворцовъ; зданій самыхъ простыхъ, а не храмовъ. Король спроводитъ священныя своего величія изъ порфира и золота, иснощаясь нѣдра земли и берещъ дань съ самыхъ опдаденныхъ странъ: это понятно. Напронивъ горожанинъ, земледѣлецъ, аренданоръ употребляютъ матеріалы подручные, кирпичъ или аспидъ, камень или гипсъ; строятъ обширные дворы, длинныя колоннады, открытыя гумна, провѣшриваемыя поршники въ странахъ жаркихъ; умножаютъ предохранительныя средства, выводятъ высокія, прочныя кровли, защищающыя себя отъ вѣтровъ и бурь въ странахъ холодныхъ, или воздвигаютъ, въ земляхъ, опуспшаемыхъ войною, огромныя, крѣпкія башни, въ защиту отъ грабежа и насилія.

Приличіе и симметрия (которая опять есть не иное что какъ совершенное приличіе всѣхъ отношеній, подчиненныхъ одному закону гео-

мепирическому): вошь два великія правила Архитектуры. Гармонія, не шолько часцей между собою, и часцей съ цѣлымъ, но и общности зданія съ окружающими предметами, скажу, не полезна, но необходима. Каждая иѣспіоснѣ, носнѣ на себѣ оппечашокъ особенный; обспоппельшва часпными необходимо опредѣляютъ архитектурный спнѣ, ей сообразный. Нарупшье эшо, уннчшошье эшу гармонію: цѣль Искусства поперяна.

Посмотрнше на какую ннбудь мннмо-Голпнческую церковь, копшорой бѣлнн спѣнн выказываютъ юносшь, а обманчнвые опрѣльчатые сводн хощншь казаться древннми. Какъ не ладнѣ она съ окружающими ее плоскнми кровлями, чепыреугольннми окннми, ннзкнми дверями и горизонтальннми ашпнками! Эшо разладъ для глазъ. Насъ поражаетъ эша несообразносшь; мы шребуемъ, чшобы подлѣ церквей бнлн Голпнческія кровлн, окна съ опсроконечною дугою, домн съ ннжннмъ косымъ эпнжемъ, съ алебастровнми харями, и шпоки дннннми шрубамн съ опшвершою пашью. Пуснѣ эшо старое аббашшво будешъ на большой Ропштердамской площади: вы уднвшесь, какое дѣнствіе произведущъ его дннннне шпнцы и краснвые фронтонн; во помѣспнше, какъ безобразнне прнроспн, эшн спрогнн и правнльнн лнннн и чн-

спую спененность Эллинскаго или Римскаго сншла , подлѣ фантасмической поэзіи , кошорую Средніе Вѣка вырѣзывали изъ камня и возносили къ небесамъ , въ произведеши одну непріятную пестроту. Аббашство и замокъ , два рычага феодальнаго общества , исчезли вмѣстѣ съ властію духовенства и высокопочныхъ Бароновъ. Европейское общество запечатлѣно демокрашіемъ и духомъ промышленности ; всѣ классы уравнились , и уже нѣтъ средопочныхъ , свѣплыхъ шочекъ ; нѣтъ властвованія безумнаго. Алшарь и владѣльческій чершогъ имѣютъ свои мѣсна , равно какъ очагъ гражданина и зала правосудіа. И посмошрше , какъ мы возвращались мало по малу къ простотѣ архитектурныхъ линий. Въ нной улицѣ заключаетса цѣлая исторія народа. Тамъ , огромные шпцы церкви , памятникъ давняго вѣка ; здѣсь , палашы шесшнадцапаго сполѣшя , прелестный хаосъ , любопытное смѣшеніе всѣхъ стилей ; наконецъ , вошъ наши новые домц , въ нѣсколькo эшажей , съ удобными входами , легкой поспройки , вездѣ горизонтальныме , прямолинейныме , болѣе удобныме , чѣмъ живописныме , болѣе правыльныме , чѣмъ прекрасныме , болѣе изящныме , чѣмъ великолѣпныме .

Смѣшеніе бываешъ не безъ прелести для философа и говоритъ ему о вѣкахъ прошедшихъ ; но оно прошивно для глазъ. Если-бы художни-

ческия чувства сколько нибудь сближалось съ распоряженіями полиціи и приказами спроведываго управленія, шо весьма легко было-бы сохранишь для города вообще занимательность историческую, и въ тоже время избѣгнуть этой разительной несообразности, которой несшерпимые примѣры видим кругомъ соборныхъ церквей, на многихъ площадяхъ. Чѣмъ болѣе зданія, окружающія старинную церковь, замечательнымъ характеромъ пустыннымъ, тѣмъ болѣе однородно зрѣлище, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ оспанаваиваешься взглядъ на этой исполненной и великолѣпной громадѣ украшеній; но ошдѣльно, среди намятниковъ чуждыхъ, эшотъ спилъ какъ будто говоришь о гибели чувствъ и ноняшій, породившихъ его. *Genius loci*, какъ выражались Древніе, опвергаетъ такое неуваженіе. И что сказать объ эшихъ Греческихъ предѣлахъ, насильно введенныхъ въ гошическій чешыреугольникъ, объ эшихъ Эллискихъ перистилахъ въ зубчатой колокольцѣ, объ эшихъ Палладіевскихъ окнахъ въ сплнѣ съ зубцами, съ иѣлками пиластрами и Арабскими украшениями? Эшо почти варварство.

Архитектура городовъ часто должна соображаться съ общешвенною пользою, и сіи-шо частныя соображенія могутъ удалять ошъ все живописное, и даже изгнать свяшнюю восво-

минавнн и народносн , споль драгоцнну ю сво-
 ею древною поэзію. Только въ деревнн эполъ
 двойсвенный харакнеръ. можешъ сохраннысь
 во всей чнсполн. Воображеніе играешъ тамъ
 свободнн , мнслъ возвращаешъ къ независмо-
 снн. Тамъ вы не сжашн со вснхъ сторонн , не
 осаждены , шакъ сказащъ , лавкою , магазиномъ
 и зданіями , конхъ едннсвенная цнль польза ;
 конн чужды вкусу и прелесн. Если гошнче-
 ское аббашснво кажешъ намъ неумнспннмъ
 подлн Шнспсда , шо Греческнй храмъ , посре-
 дн Англійскнхъ старнхъ дубовнхъ лнсовъ , по мнн-
 дію нашему такая-же разншельная несообра-
 зносн. Наша феодальная Исторія , нашн воспо-
 мннавн , даже атмосфера наша , климатъ , лнса,
 пригорки , все худо мнрнспя съ лннннми Пар-
 девопа и поршнками Песнля. Къ чему эшн ко-
 лоннады , опнмающн у насъ и послдннй свнпъ ,
 конорнмъ ссужаешъ насъ небо? Въ нашей , прав-
 да , днкой сторонн , но гдн поверхность земли
 не споль разнообразна какъ у Элнновъ , къ че-
 му эшн плоскня зданн , конорнхъ прнмоливей-
 ное однообразіе было споль прнлнчно живой ла-
 зурн неба и прнхошлнвому плодородію почвы
 Аеннской? Могущъ-лн нашн новне нравы , споль
 домолюбнвые , споль мало сходные съ нравами
 Греціи и Рнма , нлн даже Средннхъ Внковъ въ
 Италн , могущъ-лн онн быщъ довольны эщнмъ
 внупренннмъ располженіемъ , прнлнчннмъ для

людей, которые всегда живут на вольномъ воздухѣ и ищутъ только ночнаго убѣжища подъ домашнею кровлею?

Мнѣ кажется, что старый Англійскій стиль, для котораго есть у насъ прекрасные образцы, особенно приличенъ нашимъ сельскимъ жилищамъ. Церковь, домъ священника, иногда и окрестныя фермы, голшты, если могутъ такъ выразиться, принять новаго госпа. Вамъ сподобитъ лишь привести въ согласіе вашъ замокъ съ этими многовѣковыми, феодальными дубами, съ эпою высокою, кудрявою правою и почтенными вершинами каштанника, наследственными, никогда ненарушаемыми убѣжищами безчисленныхъ плницъ. Все напоминаетъ вамъ домашнюю, патриархальную, сельскую, охотничью жизнь стариннаго Англійскаго владѣльца. Зачѣмъ шутъ, среди сихъ мирныхъ образовъ, воспоминанія объ идолопоклонствѣ и симметрическихъ красотахъ Греціи, образца въ этомъ родѣ? Они изгоняютъ другія, болѣе милыя сердцамъ нашимъ красотахъ: опеченство, народность, воспоминанія о предкахъ. Воспользуйтесь приходами этой неправильной, фантастической Архитектуры. Благодаря ея башенкамъ, ея множеству лестницъ, ея легкой фантазіи, вы можете безъ труда наклонить ее ко всѣмъ условностямъ новой роскоши. Ваши будуары и гостиныя, ваши билліарды и

ванныя комнашы, ваши карпинныя галлерей и ученныя кабинеты легко найдуть себѣ мѣсто въ изворотахъ, въ извилинахъ, и въ нечаянныхъ, спранныхъ измѣненіяхъ плана, располагаемаго единственно вкусомъ вашимъ, а не Классическимъ стилемъ, кошорый приведетъ его въ прекрасную, но неудобную правильность.

У насъ, Англичанъ, нѣтъ полной Исторіи народной Архитектуры; а это сочиненіе было-бы чрезвычайно любопытно и поучительно. Но, таково общее заблужденіе новой гордости! Думающъ, что все сдѣлано, что нашъ гений, наша мудрость исчерпали все, и что мы уже опяли у наслѣдниковъ нашихъ всякую славу въ будущемъ. Но посмотрите ближе: вы увидите, что большая часть важныхъ вопросовъ еще не потревожены, и даже изслѣдованные вопросы пребуящъ руки болѣе искусной, сужденія болѣе вѣрнаго.

Прежде Саксонской эры, въ Англии были однѣ хижины дикарей и зданія Римскія. Желѣзо сохи ежедневно открываешъ бани, украшенныя любопытными *тесселляціями* (*), и обломки изваяній: доказательство роскоши, принесен-

(*) *Opus tessellatum*, шпучное украшеніе, съ шахматными клѣпками.

вой влaстншелaми мiрa къ сшaрншз Брeмoнaмъ. Пeрвoнaчaлнaя Архшпeкшурa Сaксoнскaя зaвѣщaлa нaмъ, вмѣстo всѣхъ пaмaтншкoвъ , oгрoннaя крyглaя бaшнa , въ двa н шрш эшaжa, грyбo нo прoчнo вшспрoеннaя, пeчaлннaя вшдoмъ , н бeзъ всaкшхъ прштязаншй Искуштвa. Эшo бшл вoеннaя зaсaдa , врeмeннaя убѣжшцa , рeдyшн , a нe дoмш. Сaксoнeцъ жшл въ ншзкoй кшжшнѣ, кaкъ гoвoрштъ нaмъ Вшльгeльмъ Мaльшсбурш. Eгo oбычaя бшл зeмлeдѣлчeскшe, дoмoсѣдннe , a нe вoшнскшe. Ршмскaя пшшнoстъ, oщрaзшвшaяся oдншмъ лyчeмъ нa зaвoевaннoй Вeлшкoбрштaнш, пoмeрклa прш эшшхъ нeвѣжeсшвeнншхъ влaстшшeлaхъ.

Крѣпoстeй бшлo вoздвшгнyтo нe мнoгo , н пoшoмy Нoрдмaннъ-зaвoевaшeль, рaзсыпaя вo oрyжeнншхъ лyдeй пo эшшмъ бeззaщшпншмъ дoлшнaмъ , вшстрѣчaлъ мaлo сoпрoшшвлeнш. Бoлѣ сшѣшлшвшй нeжeлш eгo прeдшeсшвeнншкш, oнъ пoсшaрaлcя yшвeрдшть свoe зaвoевaншe , н пoкршлъ зeмлю yкрѣплeнншмъ зaмкaмш, длa зaщшпш свoшхъ вoшнoвъ нe шoлькo oтъ вшпoржeнш, нo н oтъ вoзмyщeнш, вceгдa нeмзбшжнaгo въ нaрoдѣ , сшeнaющeмъ пoдъ нoвшмъ шгoмъ. Eгo сoрaшншкш н прeдвoдшщeлш вoйскъ , кoшoрннш рoздaлъ oнъ влaдѣншя пoбѣдeнншхъ , сдѣлaлш шoжe. Нeсчaстншхъ жшшeлeй зaсшaвлaлш сaмшхъ сшрoшщъ крѣпoстш , eщe бoлѣ oшлгчaвшя ншхъ

умы и опытавших у нихъ даже надежду разорвать ихъ когда нибудь. Феодалныя войны увеличили важность укрѣвленныхъ мѣстъ, и въ концѣ Стефанова царствованія ихъ считалось уже, на всейъ пропяти Англіи, тысяча снопъ и тринадцать. Мирные и грозные въ эписхъ неприступныхъ берлогахъ, Бароны смѣлились надъ подчиненными владѣльцами и угнетали народъ. Одно изъ первыхъ дѣлъ Генриха II былъ приказъ, чтобы впередъ не строили замка безъ позволенія Монарха: это было смертельнымъ ударомъ феодализму. Для насъ сохранилось позволеніе Ричарда II, Канцлеру его, *вывести укрѣпленія, сдѣлать по стѣнамъ зубцы и махмулы* (*licentia batellare, kernellare et machicolare*).

Въ этой Архипешурѣ было величье, варварское, однакожь сильное и могущественное. Большая часть замковъ была построена въ испанскихъ размѣрахъ. Древняя Саксонская башня сохранилась, но къ ней прибавили множество круглыхъ и четырехугольныхъ башенокъ, соединенныхъ между собой стѣною, облежавшею многоугольный дворъ. Въ этомъ дворѣ входъ былъ въ ворота, обикновенно защищенные двумя шолстыми смежными башнями. Передъ воротами находился *барбиканъ*, или спорожевая башня, защищавшая подходы къ замку и пове-

дѣлавшая ровомъ и подземнымъ мѣстомъ. Огромныя, тяжелыя верошна были обиты толстыми, желѣзными или мѣдными листами, а опшверсіа, сдѣланныя въ стѣнѣ, позволяли свободно опшдвигать рѣшетку, когда надобно было проходитьъ. Толстыя подшавки или грубыя столбы поддерживали парапетъ, который находился надъ ровомъ; въ парапетѣ были большія дыры, куда осаждаемые лили на осаждающихъ кипящее масло, расплавленный свинець, кидали камни. Эти дыры или опшверсіа назывались *мажхулы*. Въ средопочіи замка возвышалась огромная башня, кошорую часно спрости на искусственомъ холмѣ, для шого чшобы она была выше: шамъ былъ колодезь, шамъ хранились сокровища и сѣстные припасы. Туда-шо заширался гарнизонъ, когда осаждающіе овладѣвали наружными укрѣпленіями, но когда осажденные рѣшались еще защищаться. Лѣспницы, изсѣтенныя изъ камня въ шолсныхъ стѣнахъ, вели во многія комнашы, сдѣланныя въ разныхъ эшажахъ, гдѣ жили шолько во время осады. Однимъ словомъ, воиншвенная жизнь шого времени шревосходно выражается въ эшихъ могущешвенныхъ вдаянхъ, которыя сдѣланы единшвенно для войны. Замки Кернарвонскій, Тонбрейджскій, Ковуэйскій, Карисбрукскій и Церлеверокскій, сохранили опшчаспи свою первобыш-

ную грубою и нѣкошорую осшашку этой, но-
ящи Циклопѣйской Архитектуры.

Около царствованія Эдуарда III-го, прежній
архитектурный стиль началъ измѣняться. Впер-
вые стали прибавлять, къ силѣ стѣнъ и
разнымъ военнымъ укрѣпленіямъ, нѣкошорую
изысканность, нѣкошорыя украшенія. Число дво-
ровъ увеличилось, вмѣстѣ съ стѣмъ какъ рас-
ширили, распроспранили цитадель и превра-
щали ее въ удобное жилище. Въ первомъ или
переднемъ дворѣ помѣщались конюшни и всѣ
воинскія службы. Второй, внутренній дворъ,
былъ окруженъ галереями, пышными залами,
проспранными отдѣленіями комнашь. Тамъ-то
была зала пиршесствъ, тамъ жили и принимали
госней. Въ этомъ расположеніи уже замѣтна
нѣкошорая образованность. Комнашы сообра-
ются одна съ другою; окна, все еще сдѣлан-
ныя высоко, обращены во дворъ. Внутреннія
украшенія великолѣпны. Снаружи, это все еще
крѣпость, внутри это уже замокъ.

Таковы прелесныя Виндзорскія палашы, со-
зданіе Генриха III-го, Короля мало славнаго,
но которому Англія обязана многимъ. Въ зда-
ніяхъ сего времени, крѣпость все еще ошдѣле-
на ошъ замка, собственно шакъ называемаго.
Въ числѣ прекраснѣйшихъ образцовъ Архитек-
туры сего рода, мы назовемъ замки: Варвикъ,

Леджовъ, Спозфордъ, Гервудъ, Альденкъ, Кенильворпъ, и особенно замокъ Рагландъ, мастерское произведеніе опносительно прочости и шой рыцарской прелести, которая такъ спирально и живописно соединена съ частными принадлежностями снарижной крпоссти.

Но время лепило; нравы измѣнились; а продолжительный переворотъ въ нихъ увлекаешъ съ собою все. Мало по малу, господство силы уступило господству закона. Перевѣсъ короны и возрастающее богашство шрудолубивыхъ классовъ дало обществу видъ новый. Рыцарскій значекъ и бердышъ уже не были единственными пушеводителями гражданъ, которые выстроили свои снѣны и башни. Гражданство устройвалось. Желѣзная рука Феодализма ослабѣвала. Исключая обласши, пограничныя между Шопландіею и Англіею, гдѣ было непрерывное кровопролитіе, повсюду воздвиглись жилища мирныя, для приспанища обиташелей, а не для защиты ошъ нападешя. Зубцы и махикулы оспались одинымъ наследственнымъ украшеніемъ. Начали увеличивашъ удобства, а не военную швердосшъ зданій. Сохранались еще шжелыя вороша и желѣзная рѣшешка, да иногда башня или двѣ, на поспройку копорныхъ надобно было Королевское позволеніе. Но окна понизились почти до самой почвы и раскрылись въ сады и въ парки,

окруженные стѣною и рвомъ. Начали роскошествовать украшеніями, увеличивашъ число залъ, украшашъ оба двора поршиками и пиласирами : это былъ переходъ отъ стараго времени , когда знали однѣ жрѣвности , къ эпохѣ новой , когда оспавляли зубчатыми стѣны для Итальянскихъ зданій. Тутъ уже легко признашъ время болѣе мирное , когда хошашъ наслаждаться жизнью , когда междоусобная война не есть всегдашнее состояніе народа , и когда чувство безопасности уже смѣшивается съ исчезающими феодалными привычками.

Прекраснѣйшія изъ эпитъ укрѣпленныхъ палашъ, обыкновенно чешыреугольныхъ, суть замки : Винкфильдъ въ Графствѣ Дерби , Коудрей въ Суссексѣ , Кельмингамъ въ Суффолкѣ , Пенсгорпъ въ Кенпѣ , Динъ въ Норпгамптонѣ , и Торнсбори въ Глосперѣ. Смѣло указываю на эти замки , какъ на образцы хорошаго вкуса , приличія , и какъ на первый шагъ нашей Архитектуры къ эрѣ болѣе замѣчательной.

Этотъ родъ зданій мало разнился отъ монастырскихъ резиденцій той-же и предшествовавшей эпохѣ. Тогда подвластный Аббатъ соперничалъ въ великолѣпіи съ Барономъ : только у сильныхъ духовныхъ находились изысканности роскоши , существовавшей въ то время. Эти мирные обитатели оазисовъ, называвшихся

са монастырями, оставались неприкосновенными при всеобщей войне, и ввели въ частную жизнь упорченности, которая заняла у нихъ въ послѣдствіи рыцарь, обличий желѣзомъ. Когда Генрихъ VIII ошлялъ у духовенства имѣнія, хорошо или худо прибрѣтенныя, и приказалъ цероки пресшупленіемъ, тогда изумидьсь роскоши и удобшву, процвѣтавшимъ въ шюрьмахъ духовныхъ опцовъ. Насиліе, поразившее ихъ всѣхъ, правыхъ и виноватыхъ, и всѣхъ достигшее однимъ бѣдствіемъ, ошкрыло глазамъ полцы зрѣлице неожиданное. Ихъ блистательныя убѣжища пробудили не только жадность Короля и зависть свѣшскихъ жишелей, но и вкусъ къ хорошему бышу, и потребность въ наслаженіяхъ. Это вскорѣ принесло свои плоды. Придворные, которыми роздали эти богатныя добычи, стали жить въ монастыряхъ, и должны были не много сдѣлать перемѣнъ и поправокъ, чтобы привести ихъ въ удобное для себя состояніе.

Благодаря имъ, похищеніямъ чужаго, до насъ дошли въкошоры изъ этихъ любопытныхъ зданій. Всѣ другія жилища владѣльцевъ того вѣка, и предшествовавшаго ему, кромѣ самыхъ огромныхъ и значительныхъ, превратились въ развалны, или остаются нынѣ совсѣмъ для иныхъ назначеній, фабриками и фермами. Но да-

же не эшимъ оспашкамъ легко можно видѣть; что сіи жилища, въ первобышнемъ состояніи своемъ, представляли мало средствъ къ защитѣ. Спарый Оубрей, авторъ писателя семнадцатаго столѣтія, довольно любопытно изображаетъ намъ насюуща Баронскія жилища, крѣпости Тудоровъ и Пляншагенешовъ. Мы приведемъ многія любопытныя и неизвѣстныя мѣста изъ его рукописи. Онъ началъ было Исторію Архитектуры, не полную, однакожь доснойную справку, ибо она соснавляетъ драгоцѣнный памятникъ нравовъ того вѣка. Онъ не умѣетъ описать оныхъ свода оныхъ арки, и пиласпра оныхъ колонны; но онъ просподушетъ, онъ примѣшиваетъ къ своему невѣдѣнію какое-то живое, особенное краснорѣчіе, не лишенное прелести.

«Прежде, говоривъ онъ, Англійскій помещикъ защищался плосною стѣною, превисокою и прекрѣпкою, да ворошами и желѣзною рѣшеткой. Жилище его соснавляли: большая зала, общая комната, да маленькій дворъ съ зеленью, который велъ къ спойламъ. Тогда слышъ воронъ, который визжанъ на своихъ петляхъ, и мычанье коровы, еще не раздирали слуха. . . . Примѣры этой Архитектуры можно найдти во многихъ Графствахъ, особенно въ Вильшскомъ.»

«. . . : Ничего и говорить объ Архипенбургѣ и объ Искусствахъ до-Саксонской эпохи. Сдѣланы употребляли на постройку одну сухую грязь; ихъ Глазговская церковь была сдѣлана изъ кирпича и изъ глинъ; ихъ Короли были арендашоры, которые жили въ большихъ избахъ, пили много пива, пишались огромными ломкими солоними, и передавали другъ другу рога съ пиващими злеме.

«. . . . Правительство, отъ времени Альфреда и до Генриха VIII-го, я сравню со многими ящичками (*), которые вкладывались одинъ въ другой, отъ самаго малаго, до самаго большаго. Самый ничтожный изъ этихъ ящичковъ былъ мужикъ; его держалъ въ рукахъ повѣщикъ, завистливый отъ другаго, другой отъ прещяго, а самый послѣдній былъ подъ рукою Короля. Случалось ли смѣшеніе, владѣлецъ, сопровождаемый всегда своими трубочами, гремѣлъ въ трубы; вассалы сбѣгались и въ свою очередь били въ набалѣ. Такъ шло до послѣдняго мужика и раба, которые всѣ спѣшили къ владѣльцу. У младшихъ браншевъ не было ничего: они послушались въ духовенство или къ какому

(*). Это прелепное, простое сравненіе, можетъ быть всего лучше объясняетъ феодальную систему.
Прим. Сот.

иногда сильному Барону. Они занимались не торговлею, какъ многіе нынѣ (а это обидно): они разбѣжались на коняхъ, какъ благородные, иногда отымали кошельки или два на большихъ дорогахъ, и проливали свою кровь за власнители и Бароновъ. . .

« . . . Эпоха была военная: владѣльцы по большей части враждовали другъ съ другомъ. Когда ихъ слуги встрѣчались на рынкѣ, они обыкновенно ссорились и дрались и начинали маленькую драку. Рыцарь ѣзжалъ въ городъ не иначе какъ съ десятиью, съ двѣнадцатымъ провожатымъ, одѣтымъ въ голубое платье, съ его гербомъ. Владѣльцы жили какъ маленькіе Короли: тогда ихъ шишулъ былъ не только названіемъ.

« У нихъ было все свое: судъ гражданскій и уголовный, владѣльческія права, граждане, свои депутаты въ Парламентѣ, свои висѣлицы, на кошорыхъ они могли вѣшать мужиковъ, свои колеса, гдѣ они колесовали ихъ! Они ѣзжали въ Лондонъ только во время засѣданій, или разъ въ годъ, съ поклономъ къ Государю. За большимъ ихъ споломъ, кошорый располагали въ видѣ подковы, сажались главныя вассалы; проспонародіе сажали за малѣкіе сполы. У каждаго владѣльца былъ свой арсеналъ, свои кони, свои значки. Монархія опиралась на силь-

ние законы, испровергнувшие, переименованіа Генриха VIII-го: тогда-ишо право суда, испорченное: у владѣльца, оставило въ обществѣ шолну, не знающую ни законовъ, ни болзни. Пошомъ продали имѣнія духовенства. Народъ овладѣлъ всѣми правленіа, и все перемѣнилось. Учредились гостиницы по всѣмъ угламъ Англіи. Прежде, кто чувствовалъ жажду, шелъ въ монастырь, гдѣ помилъ его; нищенствениковъ кормили и угощали въ каждомъ монастырѣ по три дни. Тогда дворянство собиралось не въ шавернахъ, а на поляхъ, въ рощахъ, среди огромныхъ, сѣрыхъ лѣсовъ, при звукѣ шрубъ и роговъ, при лаѣ звѣрихъ собакъ и ржаніа боевыхъ коней.»

Просподушныя, поэшическія жалобы добраго антикварія шли опъ сердца. Онъ лишился своей собственности, испребленной междуособными войнами. А послѣ смерти его: сколько новыхъ перемѣнъ! Едва находимъ въ обществѣ слѣдъ старыхъ нравовъ, а на землѣ какіе нибудь осшашки старыхъ замковъ.

Имѣнія сосредоточены въ немногихъ рукахъ; высшіе классы любящъ жить въ столицѣ, и наполняютъ ее, или живутъ въ шѣхъ городахъ, гдѣ мода величѣ сбирается къ водамъ. Это много способствовало опустѣнію замковъ, кошорыми прежде Англія была устѣана. Младшему

брашу часто доставался особенный удѣлъ, владѣльскій замокъ, завѣщенный опцомъ семейства. Сельская жизнь Аристократіи нашей исчезла навсегда. Нѣтъ сомнѣнія, что общая образованность выиграла при этомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; просвѣщеніе увеличилось; но да позволятъ усомниться, чтобы общенравныя добродѣтели были многимъ обязаны новому порядку дѣлъ. Да позволятъ намъ думать, что наслажденія частной жизни, оспавленные для клубовъ и спекшаблей, для карточной игры и конской скачки, имѣли свою цѣну. Владѣлецъ, вокругъ котораго сложились вассалы; рѣшительныхъ споровъ и некривительныхъ правъ; *трактель мира*, какъ сказали-бы наши предки, оставилъ свою резиденцію, отказался опъ своихъ правъ. Онъ председательствовалъ на празднествахъ, онъ исправлялъ заблужденія, онъ поддерживалъ слабыхъ, утѣшалъ несчастныхъ. Опъ него ошдѣлялись, переслали глядѣть на него какъ на опца и опору; онъ сдѣлался безвластнымъ помѣщикомъ (*). Конечно, блеску много въ освѣщенныхъ улицахъ Бата, въ гостинныхъ Челшентама; но кто можетъ безъ груснаго чув-

(*) Въ этихъ сужденіяхъ типантели наши могутъ видѣть духъ писателей Англійскихъ, принадлежащихъ къ паршій Тори, Прил. Переводс.

сидя пройдя мимо древняго, ничѣмъ проломаннаго замка! Тамъ царствовало радостное господствіе, тамъ былъ протѣ мирнаго владыка. Вотъ прелестный портикъ, съ богатой дѣльной работою: она обломана, онъ брошенъ въ чуждый ему уголъ, обезчещенъ, преданъ всѣмъ оскорбленіямъ! Войдите въ большую залу пршества: тамъ обвѣшаны украшенія закрыты громадами сыру и грудой съѣстныхъ запасовъ! Загляните въ кладовую: это пріемная зала, со своимъ исполинскимъ каминомъ, и пополкомъ, разукрашеннымъ арабесками. Прелестныя окна, стоившія столько труда и времени готическому художнику, заложены простыми каменьями или грубымъ гипсомъ. Въ капеллѣ навалены дрова. Зеленая площадка превращена въ скотный дворъ. Едва узнаете вы террасы и балюстрады парка, гдѣ дороги не поправлены, загромождены обломками изваяній, кучами разбитыхъ камней и головами спашуй. Эти величественныя развалины, эти изваянія въ древнемъ вкусѣ, возраждають для васъ прежнихъ обитателей, съ ихъ благородствомъ, пріятностью, блескомъ; вы снова видите ихъ пышныя, характерныя одежды. . . но вопль, какой нибудь работникъ, дровосѣкъ, какая нибудь деревенская служанка, босоногая, въ грязномъ, грубомъ плащѣ, выходитъ изъ аллея. . . проситъ

отрочаще! Въ сердцѣ вашемъ ошобталась тѣнь
ная, глубочайшя скорбь.

Не раньше какъ при послѣднемъ Генрихѣ на-
чали въ Англіи подражать спиллю Архидиакон-
ры Испальинской. Мало по малу онъ смѣшался
и соединился съ истиннымъ Гошическимъ спи-
лемъ, кошораго названіе невѣрно, но смыслъ и
значеніе извѣстны всѣмъ. Художники съ боль-
шимъ дарованіемъ; надѣленные смѣлоу, блестя-
щею изобрѣтательностью, создали это смѣше-
ніе спилей Ломбардскаго, Саксонскаго и Норд-
маннскаго; удивляющее и нынѣ знапоковъ. Меж-
ду шѣмъ въ Испалии шолько подражали, безъ
вкуса и величія, древнимъ зданіямъ. Тамъ смѣ-
шали всѣ ордена; выдумали какой-шо архи-
текшурный хаосъ, и полагали что изобрѣта-
ють!

Едва-ли извѣстны имена одного или двухъ изъ
нашихъ спаринныхъ, гошическихъ архидиакон-
ровъ, коихъ геній былъ достоинъ безсмертія.
Это самая спранная несправедливосць Исторіи,

Испалия оставалась безплодною; Сѣверъ про-
извелъ чудеса, а Констанинополь, сдѣлавшій-
ся средю образованности и Греческой Имперіи,
вознесъ къ облакамъ свой воздушный куполь.
Но возрожденіе Липшперкиши дало жизнь всѣмъ
Искусствамъ. Начали измѣривать, очищать, спм-
сывать, изучать зданія Римскія. Прочисали

древній рукописи, и Випрувій давъ совѣтъ чь-
 вымъ архитетшорамъ. Исправили Архитетшору
 Ломбардскую, сравнивъ ее съ тѣмъ первообра-
 зомъ, которій она искажала. Брунеллески,
 Браманше и Микель-Анджело, гени-современна-
 ки, принѣли начала Древнихъ, но, соображаясь
 съ своимъ вкусомъ, измѣнили образцы, заво-
 дянные Римомъ и Греціею. Смѣлые и блестящіе,
 и часто несчастные въ своихъ омынахъ, они
 удалялись отъ первоисточной чистоты и новели
 Искусство путемъ опаснымъ, съ котораго на-
 конецъ свелъ его Палладію, самый правдивый
 и болѣе всѣхъ древній Архитетшоръ.

Около половины шестнадцатаго столѣтія,
 любовь къ Древности, заразившая всю Европу,
 овладѣла всеми Искусствами и всеми промыс-
 лами. Италия открыла путь, начала Класси-
 кое перерожденіе, и сдѣлалась обитованною
 землею, святилищемъ вѣрованія всеобщаго. Ея
 прекрасный языкъ, ея образцовыя произведенія
 Живописи, ея новыя зданія были удивленіемъ и
 предметомъ подражанія во всей Европѣ. Уже
 владѣлецъ не довольствовался болѣе своимъ ве-
 одалнымъ великолѣпіемъ. И правду сказали,
 было слишкомъ довольно пышности. Эти стѣ-
 ны, выработанныя какъ кружево, эти спрѣ-
 чашые своды съ феснонами, эти легкіе и спрѣ-
 чные своды висячіе, эти ограды съ зубцами;

види окна, окруженные лощинами и живописными, видн кровли, столь богатыя украшеніями, и шрубы каминовъ, скрытыя за статуями или обелисками, удовлетворили-бы самый жаркій вкусъ къ великолѣпію. Но мода пребодала, шрубы шрували на Итальянскій манеръ; суешность, предубѣжденіе, пошребность въ новомъ способствовали распространенію этого новаго снмля. Мало по малу забыли, презрѣли стнль старинныхъ носнпроекъ; призвали чужеземныхъ художниковъ; шребовали у нихъ уроковъ и образцовъ. Каждый большой владѣлецъ хотѣлъ, чтобы сосѣди удивлялись его прекрасному вкусу и новому изяществу. Даже сохраняя общій планъ старинныхъ строеній, обременяли ихъ украшеніями чуждыми. Высокія двери были понижены; ихъ остроконечная дуга округлена; колонны или пиластры обрисовали надъ аркою иногда двойной или тройной рядъ шафоновъ; стѣлая кривая линія готическихъ куполовъ вывремилась, и вскорѣ представляла уже горизонтальную линію, съ тяжелыми брусьями.

И теперь еще можно видѣть въ Аббатствѣ Мальшонскомъ, и въ Марней (Low-Magneu-Hall), замкъ Эссекскаго Графства, самые древніе образцы этого нововведенія. Марней выстроена изъ кирпича; планъ старыхъ замковъ сохраненъ въ немъ. Это правильный чепыре-

угольничку, а въ башняхъ по бокамъ. Осмиуголь-
ныя башенки, чрезвычайно выскія, защищаютъ
главный входъ; одна одна башенка, узкая и
со снѣгами щипъ сводомъ, совершенно краси-
воюлокимъ мѣрекамъ однакъ башенъ. Іоническія
укороченныя капители вѣнчаютъ сія послѣднія,
а лѣсныя дѣлѣнца, курьёзно выдѣленныя, окру-
жаютъ малыя окна. Эти украшенія соединены
иакъ странно, что въ нихъ, можно сказать,
Сѣверъ и Югъ дѣлаются одинъ другому.

Нововведеніе не могло основаться на эпохѣ.
Въ Ишаліи шакъ много шумѣли объ изобрѣтеніи
купола, что Англійская знаетъ шакже захошѣла
имѣть свои куполы. Они явились всюду и всѣ-
дѣе: осмиугольныя, круглыя, чешыреугольныя,
овальныя, надъ башенками, надъ капеллами,
надъ церковными папершиями, и даже подъ флю-
герами. Вскорѣ исчезъ парапетъ; горизонталь-
ныя линіи усиливались болѣе и болѣе. Ввели въ
употребленіе ашшикъ. Въмѣсто гербовъ, щип-
новъ и изображеній Святыхъ, по вѣсѣмъ балю-
страдамъ явились двѣнадцать Цезарей или Гре-
ческія божества. Мѣсто зубцовъ и оградъ за-
няли справныя, прямолицейныя парапеты, съ
сквозными отвѣрспціями, овальными или круглы-
ми, украшенныя пирамидами, бюстами и обе-
лѣсками. Иногда, старинныя угловатая кровля
была замѣняема плоскою, Ишалійскою, и на

изобразили оба стили рисованными разными украшениями и вазами саншастической формы. Таким образом нестрома Архитектуры сивранной, елшнцы, косоугольнички, бороздки, спиральчатые своды, и проч., закривные, незакривные, были сглажены прямою линією и однообразными сводками. Подражаніе Итальянскому дошло до злоупотребленія. Вокругъ замковъ насадили цѣлыя леса колоннъ. По-эпично возвышались въ ордене Архитектуры, вилластры на вилластрахъ, колонны на колоннахъ, подраздѣленныя ошкряпными арками. Не было измѣнено только окно съ готическими выкружками, эшопъ особенный признакъ царствованія Тудоровъ: въ немъ какъ будто уважали ошпапокъ Древности, почтенный, живописный, который составлялъ прошивоположность со всѣмъ ошальнымъ, придавая зданію характеръ оригинальной ошранности, особенную печать того времени.

Художники и любители, почти единогласно оуждають эту смѣшанную Архитектуру, которую описалъ я здѣсь. «Нездный родъ, говорятъ они, соединеніе ложное, неестественное, смѣшной сборъ всѣхъ тоновъ!» Но чего копятъ они, и чего требуютъ мы отъ Искусства? Конечно силы нравиться новыми сближеніями. Что вамъ за надобность до влещенцовъ, изъ коихъ составленъ ошпль, если только обш-

ность его удовлетворительна? Хоплять-ли неизменной чистоты, неприкосновенности архитектурного стиля? Тогда мы щедро будем искать ее повсюду, кроме первобытных храмов древней Греции, Браманцы, Иако Дюнесъ, Палладио, Микель-Анджело записными стѣнъ-же недогадочкомъ Коллизей, театръ Марцелла, представляющъ смѣсь родовъ и стилей самыхъ противоположныхъ. Какъ? Васъ не смущаетъ колокольня на Греческомъ храмѣ, колонна и арка одна подлѣ другой, и вы осуждаете окно со стрѣльчатимъ сводомъ, сближенное съ аршикомъ, или высшій оцѣдъ подлѣ колоннъ и подлѣ сводовъ съ правильною дугою и коринѣми?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ЖИЗНЬ ТРЕХЪ ДРУЗЕЙ.

Новѣсть Гессемера

(Околѣніе).

Прошло два года, и Марцелль, снова оснавивъ службу и прѣхавъ въ Берлинъ. Именно на другой день послѣ Троицы, онъ шло въ Веберовой палаткѣ, облокотясь объ загородку, и, теряясь во множествѣ мыслей, смотрѣлъ на Шпрею. Кто-то слегка ударилъ его по плечу; онъ обернулся и увидѣлъ Александра съ Севериномъ. « Вотъ какъ надобно искать и находить друзей! » вскричалъ Александръ, съ живою радостью обнимая Марцелла. « Все не ожидая видѣться съ вами ниче — продолжалъ Александръ — кой-куда пробирался я между липами, какъ вдругъ возлѣ меня являеися человекъ . . . не вѣрю глазамъ своимъ: то былъ Северинъ! Я кличу его, онъ оборачивается, съ радоснью, которая не уступала моей; приглашаю его къ себѣ; онъ начисто отказываеися, пошому что непреодолимое стремленіе влечешъ его въ Веберову палатку. Мнѣ ничего

больше не остаётся, какъ ошлужить свое дѣло до другаго времени, идти вѣспитъ съ нимъ. Предчувствіе не обмануло его; онъ сердцемъ зналъ, что ты здѣсь.» — Въ самомъ дѣлѣ — прервалъ Северинъ — мнѣ такъ ясно представлялось, что непременно встрѣчу здѣсь тебѣ и Александра! Я не могъ ни на минушку ошлужить радостнаго свиданія. — Друзья обнялись снова. «Не замѣчаешь ли ты, Александръ — сказалъ Марцелль — что у Северина совсѣмъ исчезла болѣзненная блѣдность? Посмотри, какъ онъ свѣжъ и здоровъ: на ошкрипомъ лицѣ его вѣтъ и слѣда мрачной шѣви.» — Тоже самое — возразилъ Северинъ — можно сказать и о тебѣ, любезный Марцелль! Если ты и не казался такимъ разслабленнымъ, какъ я, дѣйствительно спорадически духомъ и шѣломъ, то какое-то внутреннее несогласіе съ самимъ собою до такой степени обладало тобою, что совсѣмъ было превратило юношеское, веселое лицо твоё въ шарообразное и брызгливое. Думаю, что вы держали чистилище, не исключая и Александра. Вѣдь онъ было такъ же сдѣлался чуждъ обыкновенной своей веселости, и, какъ будто передъ приѣмомъ отвращительнаго лекарства, сиромъ такое кислое лицо, что бывало невольно чихаешь на немъ: *каждый часъ по столовой ложкѣ.* Ужъ покойница-ли пѣтушка, или, пожалуй, другое что нибудь такъ ух-

дню его, но только и онъ совершенно пере-
 мѣнился къ лучшему. — «Твоя правда — под-
 хвачивай Марцелль — вѣдѣть больше смоюрю я
 на нашего друга, шимъ дѣше спановишся для
 меня, какъ слыны въ эпомъ мирѣ денъдъ. Ну
 были-ль у него прежде шакія румяныя щеки,
 шакой круглый подбородокъ? Не говорять-ли аще
 всегда къ улыбки гопровыя губы: какъ вкусно
 были пригошювлены доплешы, какое чудесное
 Бургонское!» Северинъ смѣялся. «Замѣшь —
 продолжалъ Марцелль, взявъ Александра за обѣ
 руки и шихо повершывая его — замѣшь, по-
 жадушна, эшо шонкое сукно на фракѣ послѣдней
 моды; взгляни на эшо, ослѣпительной бѣлизны,
 шакъ искусно сложенное бѣлье, на эшу бога-
 шую часовую цѣпочку со множествомъ золошыхъ
 дѣкашей! Скажи, ради Бога, любезный, какъ
 эшо дошелъ шм до шакого зашѣшливаго, преж-
 де совершенно чуждаго шобѣ шегольштва? И
 вошь нашъ великолѣпный пріатель, о кошо-
 ромъ, какъ Фальшпафъ о Президентѣ Мир-
 наго Суда, мы говаривали, что его можно
 всего укушашъ въ угриную кожицу, начинаешъ
 округляшся. Скажи, на милосшь, что сдѣлалось
 съ тобой?» — Ну, вошь прекрасно — возра-
 зилъ Александръ, и легкій румянецъ пробѣжалъ
 по лицу его — да почему кажусь я шобѣ шакимъ
 спраннымъ? Годъ шому, какъ я покинулъ Ко-
 ромевскую службу, и живу шедерь беззабошно,

весело. » — Правду сказать — началъ Северинъ, которій не внималъ ничему, что говорилъ Марцелль, сидѣлъ въ глубокой задумчивости и теперь только очнулся — правду сказать, мы распались вовсе не по пріятельски, не шакъ, какъ-бы слѣдовало стариннымъ друзьямъ. — « Да ты первый — сказалъ Александръ — ты первый убѣждалъ, не сказавъ никому ни слова. » — Ахъ — возразилъ Северинъ — я былъ тогда въ какой-то хандрѣ, точно шакъ же, какъ и ты и Марцелль, потому что. . . . — Вдругъ замолчалъ онъ, и пріѣхали полнѣе огня взоромъ взглянули другъ на друга, подобно людямъ, которыхъ, какъ электрическій ударъ, пошрясаетъ одна и та же мысль. Въ то время, какъ говорилъ еще Северинъ, они пошли рука объ руку и остановились возлѣ того самаго стола, гдѣ за два года сидѣла прелестная дѣвушка, которая всѣмъ имъ вскружила голову. Здѣсь, здѣсь сидѣла она, говорилъ каждый взорами, и они, казалось, хотѣли съспѣть за стоуль столъ; Марцелль придвинулъ уже и стулья, но, ничего не говоря, они шли далѣе, и Александръ велѣлъ поспавитъ стоуль именно на стоуль мѣстѣ, гдѣ они сидѣли за два года. Кое-что былъ уже принесенъ, но никто не вымолвилъ еще ни слова. Александръ казался всѣхъ задумчивѣе. Тракширщикъ, дожидаясь плаши, споуль и съ удивленіемъ посмашривалъ шо.

на одного, но на другого въ безмолвныхъ
 госпней, попираля руки, кашляля, наконецъ
 спросилъ шихимъ головою: « Не прикажете-ли
 рому, господа. » Тутъ друзья взглянули одинъ
 на другаго и прегромко захохотали. « Ахъ,
 Боже мой, да они не въ своемъ умѣ ! » вскри-
 чалъ изумленный пракпирщикъ и отскочилъ на
 два шага назадъ. Александръ успокоилъ испу-
 ганнаго, заплативъ ему деньги, и когда они
 уѣхали, Северинъ началъ: « То, что хотѣлъ
 я описать только впоследствии, мы всѣ трое
 мимически предсказали, и утѣшительная раз-
 вязка съ ея нравственнымъ примѣненіемъ заклю-
 чается уже въ нашемъ, прямо изъ души вылив-
 шемса смѣхѣ. Нынче два года тому, какъ мы
 немилосердо хандрили; но теперь вылечились
 отъ этой глупости и спыдимся ея. » — Въ
 самомъ дѣлѣ — сказалъ Марцелль — эта небес-
 ной красоты дѣвушка, вѣсмъ намъ, дивнымъ об-
 разомъ вскружила голову. — « Небесной кра-
 соты, пакъ, небесной красоты ! » повторилъ
 Александръ, пріянно улыбаясь. « Но — продол-
 жалъ онъ вѣсколькo грустно-смущеннымъ голо-
 сомъ — мы утверждаешь, Северинъ, что мы
 всѣ вылечились отъ величайшаго дурачества,
 но есмь, отъ безумной любви къ той пре-
 лесной дѣвушкѣ, которая осталась намъ не-
 знакомою; но положимъ, напримѣръ, что она
 столь же прелестною, столь же очарователь-

вою явится здѣсь въ сію минупу и сидеть намъ , на прѣнемъ нѣопѣ : не впадемъ-ли тогда опшѣ въ прѣжнее дурачество ? » — Что касается до меня — подхвапилъ Северинъ — то могу сказать , что я вылезился прѣспираннымъ образомъ . — « И я также — сказалъ Марцелль . — Едва-ли еще можно такъ нелѣпо водить за носъ самого себя , какъ я во время болѣе короткаго знакомства съ этою несравненною дѣвушкой . » — Несравненная дѣвушка , короткое знакомство ! — прервалъ съ живостью Александръ . « Да , конечно — продолжалъ Марцелль . — Ошкровенно скажу вамъ , что за проказами въ тавернѣ (такъ почти можно назвать тогдашнее пированье наше) слѣдовалъ небольшой романъ въ одной часпи , или шупка въ одномъ дѣйствіи . » — Со мною было шже самое — сказалъ Северинъ — и если швой романъ заключается въ одной часпи , швой шупка въ одномъ дѣйствіи , то моихъ похожденій достанетъ не больше какъ на одну брошюрку , на одно явленіе ! — Александръ покраснѣлъ до ушей ; пошъ выступилъ у него на лбу ; съ нрудомъ переводилъ онъ духъ , перебиралъ завпыше на вискахъ волосы свои , словомъ , не смопря на очевидное усиліе , не моѣтъ онъ скрыть всѣхъ признаковъ сильнаго внутреннего движенія , такъ , что Марцелль спросилъ его : « Скажи , ради Бога , что дѣлается съ тобою ? » — Чему и бытъ нѣому — сказалъ

Северинъ, улыбаясь — какъ не поому, что онъ и шеперь по уши влюбленъ въ женщину, оиъ кошорой мѣ опиказались; не хочется признаваться намъ, или, Богъ знаетъ что думаешь о нашихъ романахъ и мучишься ревностью, не мнѣ на то ни малѣйшей причины, поному что меня, по крайней мѣрѣ, не на шупку опболрили. — « Да и меня нѣкошорымъ образомъ — сказалъ Марцеллъ — и я клянусь шебѣ, Александръ, что искра, кошорая въ то время зачала мнѣ въ душу, совершенно и на вѣки погасла, и поному ты свободно можешь, сколько шебѣ угодно, любишь ану женщину.» — На счетъ меня будь также покоенъ — прибавилъ Северинъ. — Александръ, кошорый между тѣмъ совершенно развеселился, смѣялся опъ души и наконецъ сказалъ: « Нѣкошорымъ образомъ вы справедливо судите обо мнѣ; но все-таки не знаете, въ чемъ дѣло. Слушайте-же. Скажу вамъ чистосердечно, что, бывало, лишь только вспомню о роковомъ времени, проведенномъ въ шавернѣ вѣспнѣ съ вами, какъ ша милая дѣвушка, во всей своей очаровательной прелести, столь живо представилась 'глазамъ. мнѣ, что я слышу ея восхищительный голосъ, беру ея за бѣлыя, нѣжно простертыя ко мнѣ руки. Мнѣ казалось, что лишь ея могу любить я со всею силою высокой, въ душѣ пламеньющей спрасши, лишь ея одною обладая могу

быть совершенно счастливъ; но это было бы величайшимъ несчастіемъ.» — Какъ такъ? почему! — спросили съ живостью Марцелль и Северинъ. «Потому что — возразилъ спокойно Александръ — вотъ ужь годъ, какъ я женатъ!» — Ты? женатъ? годъ тому назадъ? — вскричали друзья, всплеснувъ руками, и громко засмѣялись. — Кто такая подруга швоя? хороша-ли она? богата? бѣдна? молода? стара? какъ это? гдѣ? когда?» — «Прошу васъ — продолжалъ Александръ тихимъ голосомъ, облокотясь на сполъ лѣвою рукою, а правую, на которой возлѣ хризомопаза свѣпилось обручальное кольцо, взялъ ложку и, смонря въ чашку, мѣшалъ кофе — прошу васъ, избавьте меня отъ всякихъ распросовъ, и если сверхъ того хощете отъ сердца удружить мнѣ, то расскажите, что случилось съ вами послѣ нашихъ проказъ въ шавернѣ? — Ну, брань, мнѣ кажется, шы не шакъ-шо счастливо женился. Не попушалъ-ли шебя печисный духъ и не свель-ли съ Фальшеровой желполицей Сивиллой? — «Если шолько любишь — прервалъ его Александръ — то не мучь распросами, а расскажи намъ лучше свой романъ.» — Озадачилъ-же онъ насъ! — вскричалъ съ припворною досадою Северинъ. — Владѣя добрымъ запасомъ шарелокъ, блюдъ, чайниковъ, чайничковъ и кашрюль, для порядка въ домѣ, зажмуривъ глаза, женился

на конъ попало , да , видно , и убилъ бобра ! За то изволька теперъ думашъ думу , съ раскатиємъ и запрешною любовью въ сердцѣ ; а ужъ это , кажешся , вовсе не къ лицу тебѣ . А что , покойница петушка принимаетъ-ли , по прежнему , желудочныя капли ? — « Она очень довольна мною , » сказалъ съ важностью Александръ , « но , » продолжалъ онъ , « если вы не хопите навсегда оправить для меня часъ нашего свиданія и насильно прогнать мѣня отъ себя , то пересмаште спрашивашъ и рассказываште ! »

Александрово обращеніе показалось друзьямъ чрезвычайно смраннымъ ; они увидѣли , что не надобно болѣе сердить раздосадованнаго поварища , и потому Марцеллъ потчасъ началъ рассказывать желанный романъ слѣдующимъ образомъ .

« Извѣстно , что въ нынѣшній день , назадъ шому два года , одна прелесная дѣвушка , съ перваго взгляда , намъ всѣмъ премъ искружила голову ; что мы , какъ неопытные влюбленные шалуны , обманывали самихъ себя и не въ силахъ были оставить глупость , кошорая овладѣла нами . Днемъ и ночью , гдѣ-бы я ни былъ , образъ дѣвушки преслѣдовалъ меня : она вмѣстѣ со мною приходила къ Военному Министру , являлась мнѣ изъ-записьменнаго стола Президента и нѣжными взорами своими смѣши-

вала меня въ заученныхъ выраженіяхъ моихъ, шакъ, что съ видомъ состраданія не рѣдко спрашивали, не спрадаю-ли я еще отъ своей раны въ голову? Снова видѣвъ ее, было моею единственною цѣлю, моимъ пламеннымъ стремленіемъ. Какъ почшаліоцъ, съ утра до вечера, бѣгалъ я по улицамъ, смотрѣлъ въ окна, гдѣ только появлялись прекрасныя лица, но все напрасно. Каждый вечеръ приходилъ я въ звѣринецъ, сюда въ Веберову палатку.» — И я также! И я также! — вскричали Северинъ и Александръ. «Я очень хорошо видѣлъ васъ, но всякій разъ спарался избѣганъ, » сказалъ Марцелль. — Ну шочъ въ шочъ шакъ какъ мы! — вскричали друзья, и всѣ шрое въ одинъ голосъ: «Ахъ мы глупцы!» — «Все, все былъ шщепно — продолжалъ Марцелль — но я не переспавалъ, а не зналъ покоя. Убѣжденіе, что незнакомка уже любитъ, что я погибну въ безнадежной горести, если узнаю ее и собственными глазами увижу свое несчастіе, буду свидѣтелемъ безупѣшной шоски ея по возлюбленномъ, ея грусти, ея вѣрности, все это болѣе и болѣе пишало огонь души моей. Севериново шрагическое объясненіе минувшаго явленія здѣсь въ звѣринецъ, безпреснанно приходило мнѣ на умъ, и между шѣми какъ я видѣлъ въ судьбѣ этой дѣвушки все возможное несчастіе, до какого шелько можешъ довешти любовь, самъ

я былъ еще несчастливѣе. Во время ночей, проведенныхъ безъ сна, и даже въ уединенныхъ прогулкахъ моихъ, сочинялъ я самыя запутанные, чудные романы, гдѣ, само собою разумѣется, незнакомка, ея возлюбленный и я, играли главные роли. Я вводилъ сцены, поражающія неожиданностью. Мнѣ пріятно было видѣть въ себѣ героя, покорнаго бѣдствію, въ которое вовлекла любовь! Вы ужь знаете, что я безъ памяти бѣгалъ по всему Берлину, желая найдти ту, которая владѣла всѣми моими мыслями, всемъ бытіемъ моимъ. Однажды утромъ, часу въ 12-мъ, очутился я на Новой Зеленой улицѣ и шелъ по ней, погруженный въ самого себя. Вдругъ подошелъ ко мнѣ молодой человекъ, хорошо одѣтый, и, вѣжливо приподнявъ шляпу, спрашиваетъ, не знаю-ли я, гдѣ живешь здѣсь Тайный Совѣтникъ Аслингъ. Я говорю, что не знаю; между тѣмъ фамилія Аслингъ какъ будто знакома мнѣ. Аслингъ... Аслингъ! Вдругъ приходитъ мнѣ на мысль, что увлеченный своею романическою любовью, вовсе забылъ я объ одномъ письмѣ къ Тайному Совѣтнику Аслингу, которое опідалъ мнѣ его равный племянникъ, лежащій въ Дѣйцкомъ госпиталѣ, усердно прося меня доставить оное лично. Я рѣшился въ ту-же минуту исполнить, непростишельнымъ образомъ забытое порученіе; я видѣлъ, какъ молодой человекъ, по

указанію сидѣльца ближайшей лавки, вошелъ въ большой домъ, и я послѣдовалъ за нимъ. Слуга вводитъ меня въ приемную, прося лемного подождать, потому что господинъ Тайный Совѣтникъ займется съ какимъ-то гостемъ. Онъ оставилъ меня одного. Ни о чемъ не думая, разсматриваю я большіе ашампы на спѣнахъ; позади меня отворяется дверь... оборачиваюсь и вижу—ее! ее самоё, прелестную дѣвушку, которая очаровала насъ въ звѣрицѣ! Не въ силахъ описать вамъ, что я тогда чувствовалъ; знаю только, что у меня сперлось дыханье, что я не могъ произнести ни слова, ожидая каждую минуту безжизненно упасъ къ ногамъ божественной.» — Ну, братъ — вскричалъ Александръ, нѣсколько смущенный — ты въ самомъ дѣлѣ былъ жалкій влюбленный! — «По крайней мѣрѣ — продолжалъ Марцелъ — въ эту минуту чувство безумной любви не могло быть сильнѣе. Мое отъщепеніе должно было явно выражаться на лицѣ моемъ и во всѣхъ приемахъ; потому что Паулина съ удивленіемъ смотрѣла на меня; а пакъ какъ я не сказалъ и полслова, то она, вѣроятно, приняла такой способъ обращенія за глупость или за невѣжество, и наконецъ, проницески улыбнувшись, спросила: «Вы вѣрно дожидаетесь батюшки?» Тутъ я образумился, спыдился самого себя; собрался съ силами, вѣжливо поклонился, сказалъ свою фа-

милію и упомянулъ о письмѣ къ Г-ну Тайному Совѣтнику. Вдругъ Паулина громко и радостно вскричала : » Боже мой ! Боже мой ! извѣстія о моемъ двоюродномъ братѣ ! Вы были у него , говорили съ нимъ ? Я не вѣрю его письмамъ : онъ всегда пишетъ , что здоровъ совершенно ! Скажите , ради Бога , не жалѣйте меня ! не правда-ли , что онъ бѣдный изуродованъ ? « Я увѣрялъ , напропивъ , зная но совершенно , что у него въ ногѣ раздроблена почти самая колѣнная чашечка , и , конечно , рана была опасна ; хотѣли даже сдѣлать операцію ; но , хотя опасность не совсѣмъ еще прошла , есть надежда , что крѣпкаго сложенія молодой человѣкъ , оцѣпивъ свой костыль , съ которымъ долженъ еще проходить нѣсколько мѣсцевъ . Привыкнувъ ко взорамъ Паулины , къ ея очаровательному присутствію , ободренный эшимъ разговоромъ , я прибавилъ къ извѣстію о положеніи раненаго описаніе сраженія , гдѣ былъ я вмѣстѣ съ нимъ , служа въ одномъ батальонѣ , и гдѣ получилъ онъ рану . Вы знаете , что въ такомъ восторженномъ состояніи бываешь способенъ къ самымъ живописнымъ изображеніямъ , вдаешься въ слогъ болѣе , нежели сколько должно цвѣтисный , который всегда имѣетъ свое дѣйствіе на молодыхъ дѣвушекъ . И потому можете себя представить ,

какъ распространялся я не только о выгодномъ положеніи арміи, объ искусномъ планѣ маневровъ, о внезапныхъ нападеніяхъ, о прикрытыхъ башаряхъ, о томъ, какъ наскაკиваешь и рассыпаешься кавалерія и п. п., но не забылъ даже и особенныхъ, разспѣдныхъ для сердца и воображенія случаевъ, которые такъ часто предспавляются въ полѣ. Признаюсь, что многія происшествія, прежде едва обращавшія на себя мое вниманіе, спановились, во время разсказа, чрезвычайными и прегательными, до такой спешени, что Паулина то блѣднѣла отъ ужаса и шрепета, то умиленно улыбалась сквозь слезы, которыми наполнялись глаза ея. «Ахъ — сказала она наконецъ, когда я замолчалъ на одну минушу — вы были такъ неподвижны, такъ углублены въ мысли, когда вошла я; война, вѣрно, возбудила въ васъ какое нибудь грустное воспоминаше!» Какъ будто огненная сшрѣла пролетѣла сквозь мою внутрешность, и я весь вспыхнулъ отъ эшихъ словъ Паулины. «Я думалъ тогда — сказалъ я, вѣрошно съ прежалкимъ вздохомъ — о счастливѣйшей минушѣ моей жизни, не смѣшря на то, что пораженъ былъ смертельно.» — Но теперь вы совершенно здоровы? — спросила Паулина съ прійвнымъ учаспиемъ. — Можешь бышь, ненависпная пуля поразила васъ въ минушу знаменшвѣйшей побѣды? — Я смѣшался,

однако заглушилъ это чувство; и не поднимая глазъ, но смотря въ землю, какъ обличенный плутишка, сказалъ тихимъ голосомъ: «Я имѣлъ уже счастье видѣть васъ, сударыня!» Тупиъ завязался странный разговоръ. — Я совсѣмъ не знала этого — начала Паулина. «Нѣсколько дней тому, былъ прекрасный весенний вечеръ. Съ двумя истинными друзьями праздновалъ я день нашего свиданія послѣ продолжительной разлуки!» — Признаюсь, это спрaxed какъ приятно! — «Я видѣлъ васъ, сударыня.» — Въ самомъ дѣлѣ? ахъ! это конечно въ звѣринцѣ! — «На другой день послѣ Троицы, въ Веберовой палаткѣ!» — Такъ, шакъ; это правда; мы вѣдкли туда съ бабюшкой и мапушкой! Тамъ было премного гуляющихъ, и очень, очень весело; во васъ я совсѣмъ не видала! — Я опять пришелъ въ замѣшательство; и собирался уже наговорить ему глупостей, какъ вдругъ вошелъ Г. Тайный Совѣтникъ, которому Паулина съ радостью шопчасъ сказала, что у нея есть письмо отъ ея брата. Спирикъ вскричалъ радостнымъ голосомъ: «Какъ! письмо отъ Леопольда! Живъ-ли онъ? Что его рана? Когда-то можно будетъ ему вѣхать?» Онъ взялъ меня за руку и повелъ въ свой кабинетъ. Паулина послѣдовала за нами; онъ велѣлъ подать завтракъ и не переспыивалъ меня спрашиванъ. Словомъ; бипше два

часа долженъ былъ просидѣть я , и когда наконецъ вспалъ , съ мѣста , болѣе и болѣе возрастало мое замѣшательство , потому что Паулина сидѣла возлѣ меня и во все время съ дѣвскою простотою смотрѣла мнѣ въ глаза. Шарикъ , радушно обнимая меня , просилъ посѣщать его , особливо во время чаю , когда только мнѣ вздумаешь. Ешть шеперь-шо , какъ не рѣдко случается въ сраженіи , попался я въ самый огонь. Если-бы началъ я описывать вамъ свои мученія , когда я , часто увлекаемый непреодолимымъ стремленіемъ , спѣшилъ въ шопъ домъ , который казался мнѣ шоль гибельнымъ , подходилъ къ самымъ дверямъ , брался за ручку , оставлялъ ее и опять уходилъ домой , потомъ снова возвращался , бродилъ около дому и наконецъ , съ нѣкотораго рода отчаяніемъ , входилъ туда , подобно бабочкѣ , которая не въ силахъ опснать ошъ свѣчки и добровольно сжигаетъ себя , вы , право , спали-бы смѣяшся ; но вѣдь я признался вамъ , что самъ себя жалкимъ образомъ обманывалъ. Почти всякій вечеръ , когда я шолько посѣщалъ Г. Тайнаго Совѣтника , находилъ довольно многочисленное общество , и признаюсь , нигдѣ не проводилъ я шакъ пріятно времени , какъ тамъ , не смошрѣ на шо , что подобно какому-шо демону , мучилъ самого себя , повторяя безпресшанно : ты погибшій человекъ ! Всякій разъ , возвращался домой , я чув-

спивовалъ себя влюбленнаго и несчастливнаго. Изъ веселаго, свободнаго обращенія Паулины скоро замѣнилъ я, что дѣло вовсе не шло о несчастливой любви, и нѣсколько разъ слышалъ я, какъ иные изъ гостей явно намекали, что она помолвлена и скоро будетъ свадьба. Вообще въ домѣ Тайнаго Совѣтника господствовала какая-то непринужденная веселость, которую онъ самъ, еще добрый, любезный весельчакъ, умѣлъ всегда поддерживать. Не рѣдко подавали поводъ къ смѣху и пакія шуточки, которыя, можешь быть, имѣли въ виду личность, относясь, кажешься, къ отсутствующимъ, и для меня, не посвященнаго во всѣ тайны общества, не могли имѣть никакой занимательности; а потому ихъ всегда старались прекращать.

«Такъ я помню, что однажды, послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою, явившись поздно вечеромъ, увидѣлъ я Совѣтника и Паулину, окруженныхъ молодыми дѣвушками и сплящихъ въ углу. Старикъ читалъ что-то, и громкій хохотъ раздавался, когда онъ кончалъ. Къ удивленію моему, держалъ онъ въ рукѣ большой, огромнымъ кусномъ гвоздики украшенный бѣлый капакъ, надѣлъ его, сказавъ нѣсколько словъ, и пресмѣнно кивалъ головою туда и сюда, онъ чего-то опасъ прегромко захохоталъ.»—Проклятый, проклятый!—вскричалъ Северинъ и сильно ударилъ

себя по головѣ. «Что такое? Что сдѣлалось съ тобою?» заботливо спросили друзья. — Ничего, ничего; продолжай, сдѣлай милость! Послѣ, послѣ! Ну, что далѣе? — Такъ возразилъ Северинъ съ горькимъ, внутренно удерживаемымъ смѣхомъ. Марцелль продолжалъ. «Потому-ли, что я былъ шоварищемъ племянника, или потому что мой необыкновенный способъ обращенія, происходящій отъ непрестанной восшорженности, придавалъ каку-то особенную занимательность какъ моему разговору, такъ и мнѣ самому, но только спарикъ, очень полюбилъ меня въ короткое время; и надобно было совершенно слѣпымъ, чтобы не замѣнилъ, какъ отличала меня Паулина предъ всѣми молодыми людьми, ее окружавшими.» — Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Александръ смущеннымъ голосомъ. «Въ самомъ дѣлѣ это было такъ — продолжалъ Марцелль — и я не могъ не сблизиться съ нею, потому что она, какъ глубоко чувствительная дѣвушка, изъ всего, что ни говорилъ, что ни дѣлалъ я, съ удивительной тонкостью умѣла выслушивать неозвучный гимнъ своей дивной прелести, и въ полной мѣрѣ чувствовать глубокое обожаніе, какое питалъ я къ ней, пламенѣя высокою любовію. Сколько разъ, по цѣлымъ минутамъ, держалъ я въ своихъ рукахъ ея нѣжную руку, и какъ часто она ошвытала мнѣ легкимъ пожатіемъ!

Если иногда молодыя дѣвушки, въ избытокъ радости, начинали кружиться подъ игру спараго фортепiano, она лепала въ моихъ объятiяхъ, и я чувствовалъ, какъ пламенно волновалась грудь ея и сладостное дыханiе любви вѣло на мои щеки. Я былъ въ себя! Огнемъ пылали губы мои... я поцѣловалъ ее!» — Боже мой! — вскричалъ Александръ, какъ безумный вскочилъ со стула и обѣими руками схватилъ себя за голову. «Спыдись, спыдись, женатый чловѣкъ!» сказалъ Северинъ, сажая его на стулъ. «Клянусь всѣмъ, что мы еще влюбленъ въ Паулину; спыдись, спыдись, женатый чловѣкъ, бѣдный, ярмомъ угнетенный супругъ!» — Продолжай, продолжай, сдѣлай милость — сказалъ неушѣнный Александръ. — Тунъ, вижу я, будешь еще кой-чего послушать. — «По всему эпoму — началъ снова Марцелль — вы можете себя представить, въ какомъ положенiи былъ я. Тысяча мученiй, казалось, раздирали меня. Я вооружился высокимъ героизмомъ, хотѣлъ за одинъ разъ выпить всю губельную чашу ада и потомъ далеко отъ обожаемой провлачить оспашокъ жизни. Это значить, другими словами, что я хотѣлъ опираться ей въ любви, и убивалъ ее, по крайней мѣрѣ до свадебнаго дня: иногда могъ-бы я, какъ говорится во многихъ книгахъ, скрывался за церковной колонной бышь свидѣтелемъ вѣнчальнаго обряда, и послѣ

убійственнаго: да! съ громомъ и стукомъ упасишь безъ чувствъ на полъ, заспавишь со-спрадашнелъныхъ людей вынесши меня на воз-духъ, и проч. и проч. Полный вшихъ имслей, не помня самого себя, побѣжалъ я однажды, раньше обмолновеннаго, къ Тайному Совѣтнику. Нахожу Паулину одну въ комнашѣ. Прежде нежеля уснзла она испугаишься моего раз-спроеннаго вида, бросаюсь я къ ногамъ ея, хватаю ея руки, прижимаю ихъ къ груди своей, признаюсь, что люблю ее до безумія, и, проливая ручьи слезъ, называю себя несча-стнѣйшимъ, на мучишельнѣйшую смерть осуж-деннымъ человекомъ, потому что она не мо-жетъ быишь моею, потому что рука и сердце ея опиданы счастливому сопернику. Паулина смю-шришь на мое изсшушение, попомъ заспавля-ешъ меня всшашъ, съ ангельскою улыбкою про-сшишь сѣснъ возлѣ нея на софу и спрашиваешъ вѣжно-шроганельнымъ голосомъ: «Что сдѣла-лось съ вами? Любезный Марцелль! успо-койтесь, ради Бога, ваше положеніе огор-чаешъ меня!» Я повшорилъ, съ меньшимъ из-сшуупленіемъ, все что говорилъ вамъ неперъ. Туцъ Паулина возразила мнѣ: «Какъ шолько могло предши вамъ въ голову, что я ужъ люб-лю, что я даже помолвлена? Эшо совершенно несправедливо, могу увѣришь васъ.» Я сказаъ ей на эню, что въ іпу мнвушу, какъ я

только увидѣлъ ее, былъ уже очевидно убѣжденъ, что она любитъ, и часъ опгь часу болѣе увѣрился въ шомъ. Я чистосердечно разсказалъ ей все, что происходило на другой день послѣ Троицы въ Веберовой палаткѣ. Едва успѣлъ я кончить, какъ Паулина вскакиваетъ съ мѣсна и съ громкимъ хохотомъ начинаетъ прыгать по комнатамъ, вскрикивая: «Нѣтъ, ужъ это слишкомъ зашѣливо! Что за мечты! что за фантазія! Нѣтъ, ужъ это слишкомъ зашѣливо!» Я смжу, какъ окаменѣлый; Паулина подбѣгаетъ ко мнѣ, беретъ за обѣ руки и потрясаетъ ихъ, какъ-бы спараясь пробудить меня опгь глубокаго сна. «Послушайте — говоритъ она, едва удерживаясь опгь смѣха — молодой человекъ, котораго приняли вы за передателя любовной записки, былъ сидѣлецъ изъ Брамигковой лавки; записка, имъ поданная, опгь саяого Г-на Брамигка. Онъ, какъ человекъ услужливый и вѣжливый, обѣщалъ мнѣ выписать чудесную Парижскую шляпку, фасонъ которой я видѣла, и уведомишь меня, какъ скоро она получитъ. Я желала имѣть ее на другой день послѣ шого, какъ вы меня видѣли, собираясь ѣхать на чай въ одинъ домъ, гдѣ мы сговорились пѣть: вы знаете что здѣсь бывають шакіе вечера, на которыхъ пьють чай для шого только, чтобы пѣть, и поють, чтобы пить чай. Въ эшомъ-то вечерѣ хошѣлось мнѣ обновить свою шляпку. И

она дѣйствительно была получена; но по неосмотрительности опправлявшаго, до такой степени испорчена, что безъ совершенной перѣлки невозможно было носить ея. Вошъ роковое извѣстіе, которое заставило меня плакать. Я вовсе не должна была дать замѣнить это башюшкѣ; но онъ скоро открылъ причину моей глубокой горести и чрезвычайно какъ смѣялся надо мною. Вы уже давно замѣтили, что въ подобныхъ случаяхъ я имѣю привычку закрывать плащомъ щеку.» Паулина снова застылась, но меня обдало холодомъ, потомъ пламень пробѣжалъ по моимъ членамъ и мнѣ послышался внутренній голосъ: «Смѣющая, глупенькая щеголиха!» — Ого! ужъ это слишкомъ грубо и несправедливо! — прервалъ раздосадованный Александръ рассказывающаго. — Далѣе, далѣе — прибавилъ онъ равнодушно. «Я не въ силахъ — продолжалъ Марцелль — описать вамъ своего чувства. Для меня исчезла мечта, въ которую завлеченъ былъ какимъ-то злымъ демономъ; я узналъ, что никогда не любилъ Паулины, и что очарованіе, которое такъ сильно овладѣло мною, было невыразимо-безумный обманъ. Едва могъ я сказать слово, дрожалъ отъ досады всѣмъ шлономъ, и когда испуганная Паулина спросила, что со мною дѣлается, сослался я на дурношу, которая не позволяла мнѣ осмѣиваться долѣе, и, какъ звѣрь на травлѣ,

и*

пустился со всѣхъ ногъ изъ дому. Проходя Жандармскою площадью, повспиртчался я съ ошрядомъ волонтеровъ, гошовыхъ въ походъ; шушь явно представился мнѣ способъ, примиришься съ самимъ собою и забышь свою несносную вешюю. вмѣсто того, чшобы идши домой, я побѣжалъ въ Военную Канцелярію и снова записался въ службу. Черезъ два часа все было гошово; тогда я ошправился домой, надѣлъ свой мундиръ, уложилъ сумку, взялъ саблю, кошелекъ и пошелъ къ хозяйкѣ, чшобы ошдашь ей подѣ сохраненіе свой сундукъ. Въ то время, какъ я говорилъ съ нею, послышался шумъ на лѣспницѣ. «Ахъ, вопгъ шеперь-шо ведутъ его!» сказала хозяйка, ошворяя дверь. Я увидѣлъ, между двухъ человекъ, сумасшедшаго Нешшельмана, сходящаго съ лѣспницы. На немъ была высокая корона изъ позолоченной бумаги; въ рукахъ несъ онъ длинную линейку, съ позолоченнымъ шаромъ на одномъ концѣ, вмѣсто скишпра. «Онъ ошань сдѣлался Королемъ Амбоны — сказала шопошомъ хозяйка — и въ последнее время шнолько напроказилъ, чшо браншъ принужденъ ошдашь его въ больницу.» Проходя мимо, Нешшельманъ узналъ меца, съ благосклонногордымъ видомъ улыбулся мнѣ и сказалъ: «Тешерь, когда Болгары совершенно уже разбиши Полководцемъ моимъ, прежде бывшимъ Кашишаномъ Тельгеймомъ, возвращаюсь я въ свое усшо-

кошное государство.» Не смотря на то, что я вовсе не имѣлъ намѣренія говорить, онъ прибавилъ однакоже, махая рукою: «Хорошо, хорошо, я знаю, что хочешь ты сказать, мой другъ! Ни слова болѣе: я былъ доволенъ тобою и сдѣлалъ, что могъ! Возьми эту бездѣлицу въ знакъ моей любви и милости!» Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и всунулъ мнѣ въ руку двѣ гвоздичныя головки. Пошомъ послали его въ карету и увезли. Слезы навернулись у меня на глазахъ, когда захлопнули дверцу. «Привѣжайте оцашъ къ намъ въ Берлинъ, здоровымъ, веселымъ, и съ крестами,» сказала хозяйка, радушно пожимая мнѣ руку. Съ разными горестными чувствами въ снѣженной груди моей, пустился я въ путь ночью, и въ короткое время догналъ отрядъ. Веселая военная пѣсня пѣла шоврищи. — И такъ ты увѣренъ, любезный другъ — спросилъ Александръ — что твоя любовь къ Паулинѣ была только обманъ самого себя? — «Увѣренъ, какъ въ шомъ, что я существую — возразилъ Марцеллъ — и если ты хочешь мало-мальски посоветуешься съ познаніемъ людей, то также найдешь, что мгновенная пресыщенная чувствъ, которая произошла во мнѣ, когда я узналъ, что не имѣю соперника, была-бы невозможна въ подобномъ случаѣ. Но я люблю теперь въ самомъ дѣлѣ, я не смотря на то, что шашъ смѣлся надъ своимъ супружествомъ,

Александръ, пошому что ты, не притѣвляйся другъ, какъ *pater-familias* (*), кажешься мнѣ слишкомъ разгульнымъ, я надѣюсь однакоже скоро жениться на милой дѣвушкѣ, живущей въ странѣ, болѣе прекрасной нежели наша.» — Въ сѣномъ дѣлѣ — вскричалъ съ радоснію Александръ. — Ахъ ты мой милый! — Онъ съ живоснію обнялъ Марцелла. «Посмотрите пожалуйста,» сказалъ Северинъ, «какъ онъ радуется тому, что другой подражаетъ его глупости! Нѣтъ, что касается до меня, то при одной мысли о супружествѣ на меня находить ужасъ. Но теперь дайте-же и мнѣ угостишь васъ, для забавы, своей исторіей съ дѣвцею Паулиною.» — Чшо-жъ такое было у тебя съ Паулиною? — спросилъ съ досадою Александръ. «Да шакъ, не Богъ знаетъ что,» возразилъ Северинъ. «Послѣ Марцелловой подробно-полной, съ психологическими взглядами и наблюденіями разсказанной исторіи, моя покажется очень незатѣливой, сухой шушкой. Вы знаете, что шому назадъ два года, я былъ въ какомъ-шо странномъ расположеніи духа. Самое физическое нездоровье легко могло бытъ причиною, что я сдѣлался иногда совершенно развѣженнымъ духовидцемъ. Я плавалъ по безпредѣльному морю предошущее-

(*) Отецъ семейства.

ній и мечпавій. Думалъ , подобно Персидскому Магу , что понимаю пѣніе пивецъ ; въ бушеваніи лѣса слышались мнѣ по ушишисельные , по предвѣщательные голоса ; я видѣлъ самого себя , носящагося въ облакахъ . Однажды , сидя на пороошемъ мхомъ возвышеніи , въ опдаленной , дикой сторонѣ звѣрица , пришелъ я въ состояніе , которое можно сравнить съ непонявимъ забышемъ передъ тѣмъ временемъ , какъ заснаешь . Казалось , будто на меня вѣяло благоуханьемъ розы , и я скоро замѣнилъ , что это благоуханье было милое существо , къ которому я давно пылалъ любовью , самъ не зная о томъ . Я хопѣлъ взглянуть на нее иѣлесными глазами ; но въ это время большая темнопунцовая гвоздика очутилась на лбу моемъ , и ея запахъ , какъ-бы огненными лучами сжигая благоуханье розы , привелъ въ смяшеніе весь умъ мой , такъ , что горькое , мучительное чувство проникло меня и гопово было излишья въ громкихъ , жалобныхъ звукахъ . Подобно какъ вечерній вѣтеръ легкими крыльями ударяетъ въ Эолову арфу и разрушаетъ очарованье , которыми окованы были звуки и покоились во внушренности , какой-то голосъ разносился по лѣсу ; но не были однако мои жалобы , но голосъ милого существа , до котораго , какъ и до меня , мучительно коснулась гвоздика . Если можно объяснить мое сновидѣніе , какъ Индійскій мuez ,

но роза и гвоздика значили для меня жизнь и смерть, и все дуратесиво, которое овладѣло мною за два года предъ симъ, происходило большею частію отъ того, что я влюбился въ прелестную незнакомку, которую, съ всею любезнѣйшею стороны, мы знаемъ теперь за дѣвицу Аслингъ, и которая являлась мнѣ въ зѣриномъ благоуханьи розы. Вы помните, что я еще въ зѣриницѣ распался съ вами, сѣща дѣмой; но какое-то явное, определенное предчувствіе говорило мнѣ, что если я, удвоивъ шаги, пойду въ Лейпцигскія ворота, а шамъ между липами, то успею догнать давно уже удалившееся семейство, или при выходѣ изъ зѣриница, или близъ замка. Вошъ я пустился что есть силъ, хотя совсѣмъ не въ шу сторону, куда хотѣлъ, и на широкой улицѣ, куда зашелъ невольно, увидѣлъ я все семейство, увидѣлъ, какъ шла впереди и моя очаровательница. Я издали слѣдовалъ за ними, и такимъ образомъ въ шонъ-же вечеръ узналъ жилище своей возлюбленной. Вы, вѣроятно, будете смѣяться тому, что я на Зеленой улицѣ... говорю вамъ на Зеленой улицѣ... ощутилъ таинственнаго благоуханье розы и гвоздики. Да! вошъ до чего просширалось мое безуміе! Тушъ-то началъ я проказничать, какъ влюбленный мальчикъ, который, вопреки лѣвному ушау, поршишилъ прекраснѣйшія деревья, вырзыная на нихъ кудрявые вензеля, или, за-

вернувъ въ нѣсколько лоскушковъ бумаги высушенный листочекъ, унавший изъ рукъ возлюбленной, пошилъ его у сердца и т. п., то есть, я началъ, какъ это всегда водилось, десять, двадцать разъ въ день ходить мимо дому, гдѣ жила она, и если видѣлъ ее подъ окномъ, то не кланяясь ошанавливалъ на ней свои взоры, кошорые, вѣрояшно, казались довольно справедливыми. Она замѣтила меня. Богъ знаетъ какъ могло приидти мнѣ въ голову, что она понимаетъ меня, что даже, сознавая свое психическое на меня дѣйствіе и явленіе въ видѣ цвѣтновъ, она узнаетъ во мнѣ того, на кого враждебная гвоздика набросила мрачное покрывало, когда я, полный пламеннаго стремленія, хотѣлъ броситься къ ней, кошорая свѣтлой звездой любви являлась въ душѣ моей. Въ шестъ-ые самый день я рѣшился написать къ ней записку. Я описалъ ей свое видѣніе; потомъ, какъ увидѣлъ ее въ Веберовой палаткѣ, и наконецъ, какъ узналъ мечпавшійся мнѣ образъ и увѣрился, что она уже любитъ, но что въ этомъ случаѣ какая-то грозная судьба носится надъ нею. Въ шестъ-ый обмана — писалъ я — если и она, такитъ-же предожущеніемъ, узнала наше психическое родство, нашу любовь, и что, можеть бытъ, теперь только мое видѣніе ясно ошкроетъ ей все, шавшееся во глубинѣ общешвенной души ея. Но чтобы дать этому внутреннему

чувству радостно развились, чтобы я могъ свободно сблизиться съ нею, я умолялъ ее, на другой-же день въ двѣнадцатомъ часу явиться подъ окошкомъ, и, какъ явный признакъ нашего взаимнаго счастья, приколонь къ груди свѣжую, цвѣщую розу. Но если она, по какому нибудь враждебному обману, увлеклась любовью къ другому, если мое стремленье безнадежно и она совершенно отвергаетъ меня, то пусть въ пошлѣ-же самый часъ, вмѣсто розы, приколонь къ груди гвоздику. Какъ глупо, безумно должно быть письмо мое, можете себѣ представить. Я отослалъ его съ такимъ надежнымъ человѣкомъ, что не сомнѣвался въ вѣрности доставленія. Полный глубокой грусти, смущенный душою, иду я на другой день на Зеленую улицу, приближаюсь къ дому Тайнаго Совѣтника, вижу кого-то въ бѣлой одеждѣ подъ окномъ... сердце мое начинаетъ сильно биться... останавливаюсь передъ самымъ домомъ... шаркъ (онъ-то и былъ въ бѣломъ халатѣ) открываетъ окно: на немъ высокій бѣлый калпакъ, въ кошорому приколонь чрезвычайной величины кусокъ гвоздики! Онъ весьма привѣжливо киваетъ головою, какъ, что цвѣты шевелятся во все стороны, и съ сладкою улыбкою посылаетъ мнѣ поцѣлуй рукою. Въ эту-же минуту замѣчаю я Паулину, которая пряталась за гардину и выглядываетъ. Она смѣется,

хохочеть! Какъ околдованный, стою я безъ движенія; вдругъ пускаюсь бѣжать... бѣгу, какъ безумный! Вотъ вамъ! Думайте что хотите. Повѣрите-ли, что чрезъ эту заштылевшую насмѣшку я совершенно вылетѣлся. Спидъ не давалъ мнѣ покоя. Я тогда-же записался въ военную службу, въ которую Марцелль вступилъ уже послѣ, и какой-то злобой судьбы угодно было, чтобы мы ни разу не встрѣтились съ нимъ въ походѣ.»

Александръ безъ памяти смѣлся надъ спаркомъ юмористомъ. «Такъ эту-то сцену — сказалъ Марцелль — представлялъ тогда спарикъ, и свое-то эксценирическое письмо, вѣроятно, читалъ онъ.»—Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія — опивчалъ Северинъ — и не смотря на то, что теперь я очень хорошо вижу, до какой степени смѣшонъ мой поступокъ; даже совершенно оправдываю спарика и долженъ благодарить его за такое дѣйствительное лекарство, но все еще проказы мои возбуждаютъ во мнѣ чрезвычайную досаду, и потому я по сю пору шершавъ не могу никакой гвоздики.

«Такъ и быть — сказалъ Марцелль — мы ужъ довольно дорого заплатили за свое дурачество. Александръ, кешормый, кажется, все еще влюбленъ въ Паулину, тогда какъ мы отдѣлялись

онъ нея, поступилъ встѣхъ благоразумиѣ: вошъ почему и не надѣлалъ глупостей; но за шо сму вечѣмъ и позабавить насъ.» — Онъ все-таки — вскричалъ Северинъ — долженъ разсказать намъ о своей женищбѣ. — «Ахъ, любезный другъ — подхватилъ Александръ — что могу я сказаъ звиъ болѣе объ испорчи моей женищбы, кромѣ того, что я увидѣлъ дѣвушку, влюбился, она сдѣлалась моею невѣстною и... женою. Тушъ одно шолько можешъ имѣшь нѣкоторую занимательность, а именно, какъ поступила въ этомъ случаѣ покойная моя шешка.» — Что такое, что шаксе? — спросили друзья съ любопытствомъ. «Вы, думаю, помнише—продолжалъ Александръ— что я съ большою неохотою оставилъ тогда Берлинъ, а особливо домъ свой, хотя онъ и опосылалъ мнѣ, по причинѣ ужаснаго привидѣнiя. Вошъ какъ эшо было. Въ одно ясное утро, послѣ мучительно проведенной ночи, когда подивившаяся шопоща взадъ и впередъ по комнашѣ, казалась, угрожала и моему кабинету, ушомленный, съ досадою въ душѣ, облокочась объ окно и ни о чемъ не думая, смотрю я вдоль по улицѣ. Вдругъ, наискосокъ онъ меня, въ большомъ домѣ открываешся окно и выглядываешъ прелесшная дѣвушка, въ нарядномъ ушреннемъ платьѣ. Какъ ни нравилась мнѣ Паулина, я находилъ однакожъ эшо личико несравненно болѣе привлекаемельнымъ. Взоры мои неподвижно осна-

повылись на красавицъ; наконецъ и она взглянула въ мою сшорону и не могла не замѣтить меня; я поклонился ей; она поблагодарила меня съ невыразною прелеснью. Черезъ сшарую Анну я шощасъ узналъ, кшо шущъ живеть, и швердо рѣшился, какъ-бы шо ни было, познакомишься съ эшимъ семействомъ, и такимъ образомъ коротче узнашь прекрасную дѣвушку, которая не выходила у меня изъ головы. Сшранно, что съ шѣхъ поръ, какъ усшремидисъ къ ней всѣ мысли мои, съ шѣхъ поръ, какъ силалъ я шеряшься въ сладкихъ мечтахъ любви, сшрашное привидѣнiе не являлось болѣе. Сшаруха Анна, съ кошорой я обходился сколько можно ласковѣе, сдѣлалась ошкровеннѣе и часно говорила со мной о покойницѣ; она была пеушѣшна, видя, что пешушка, жившая шакъ благочесшиво, не имѣла покоя въ могилѣ; всю вину слагала она на вѣроломнаго жениха и на непреодолимую грусь покойницы съ роковаго дня, назначеннаго для свадьбы, дня, въ кошорой женихъ не явился. Теперь съ большою радосшью объявилъ я ей, что ничего не слышу болѣе по ночамъ. «Ахъ, Царь шш мой небесный!» вскричала она сквозь слезы: «лишь-бы пршшелъ поскорѣе день Обрѣшенiя Креша.» — Да къ чему говоришь шш объ эшомъ праздникѣ? — спросилъ я шоропливо. «Ахъ, Царь шш мой небесный!» продолжала Анна: «да вѣдь эшо, прости Господи, несча-

спный день, въ кошорый назначена была свадьба. Вы знаете, сударь, что барышня скончалась nochъ въ nochъ 3-го Аярыя. Черезъ недѣлю мы ее похоронили. Всѣ комнаты, кроми залы и кабинета, были запечатаны, такъ миѣ и приходилось жишь въ эшихъ двухъ покояхъ; а ужъ и сама не знаю, отъ чего нашель на меня такой страхъ, что и Боже упаси! Лишь только начало свѣнитъ, въ самый день Обрѣженія Креста, какъ кто-то холодной рукой повель у меня по лицу, и я очень хорошо слышала голосъ покойницы, которая сказала: «Всшавай, всшавай, Анна! пора одѣвать меня, скоро прѣдетъ женихъ!» Смертельно испугавшись, я вскочила съ постеля и шотчасъ одѣлась. Все было тихо, и только рѣзкій сквозной вѣшеръ свистѣль въ каминѣ. Мими безпреспанно визжала и шосковала, Гансъ, ужъ вовсе не по-кошачьи, громко спональ и жался отъ страха въ уголь. Вдругъ послышалось, что кто-то ошкрываетъ шкафы и комоды, шумитъ шелковыми платьями и поешъ упреннюю молишву. Ахъ, баринъ батюшка! Все это слышала я своими ушами, а никого не видала; шосжа одолѣвала меня; я спала на колѣна въ углу комнаты и усердно молилась. Вотъ ужъ кто-то пододвинуль споль, поставиль спаканы, чашки, и началъ ходишь по комнатамъ. Я не могла вовсе шосевелишься и — что шуть долго разказывать — всякій разъ, въ эшомъ, просши Госцо-

ди, несчастный день слышала я, какъ покойница барышня расхаживала взадъ и впередъ, вздыкала и молилась, ровно до 40-ти часовъ; послѣ того, явно слышала я слова: «Ложись спать, Анна! теперь все кончено!» Тогда я безъ намяти падала на полъ, и въ этомъ положеніи находили меня упрямъ домашніе, которые, такъ какъ я не ошкликалась, думали что со мной случилось что нибудь не доброе и ошламывали двери. Никому еще, кромѣ васъ, сударь, по ея пору, не рассказывала я, что случалось со мною въ день Обрѣщенія Креста.»

«По всему, что самъ испыталъ я, мнѣ не возможно было сомнѣваться въ истиннѣ словъ сна-рухи Анны; я радовался, что не прѣхалъ раньше и вмѣстѣ съ нею не былъ свидѣтелемъ этого ужаснаго происшествія. Именно въ это время, когда я выжилъ изъ дому привидѣніе, когда въ сосѣдствѣ сладосныя надежды начали лѣлѣять меня, долженъ былъ я ѣхать изъ Берлина: вошь причина того разспройсѣва, которое вы привѣстили во мнѣ. Не прошло и шестни мѣсяцевъ, какъ я вышелъ въ ошставку и возвратился. Мнѣ удалось очень скоро познакомиться съ семействомъ, жившимъ въ моемъ сосѣдствѣ, и, послѣ довольно короткаго знакомства, я находилъ часъ отъ часу привлекательнѣе дѣвушку, которая съ перваго взгляда показала мнѣ споль

милою, степь прелестною, что только въ союзѣ съ нею могло процвѣтать счастье моей жизни. Самъ не знаю почему я былъ увѣренъ, что она любишь другого, и эта мысль подкрѣпалась еще болѣе, когда рѣчь зашла какъ-то объ одномъ молодомъ человѣкѣ, при имени котораго дѣвушка, съ полными слезъ глазами, шлочасъ всхлипла и удалилась. Не смотря на это, я не-принужденно обращался съ нею, и не говоря ничего прямо, давалъ ей въ полной мѣрѣ замѣчать всю мою привязанность. Казалось, она каждый день болѣе сближалась со мною, съ невыразимо-милою радостью принимала всѣ знаки моего вѣжливаго вниманія, которое выражалось въ шмелѣхъ неважныхъ, но любимыхъ ей вещей. » — Никогда — прервалъ Марцелъ рассказывающаго — никогда не ожидалъ-бы я этого отъ нашего неловкаго Александра! Какъ? Духовидецъ, и въ такое время услужливый любовникъ! Но теперь не лзя не вѣришь его рассказамъ, и я воображаю, какъ онъ бѣгалъ по всѣмъ лавкамъ, чтобы найдши какой нибудь желаемый нарядъ, какъ, утомившись, приходилъ къ Буше, чтобы выбравъ горшокъ красивѣйшихъ розъ или гвоздики. — «Пропадий имъ съ этими проклятыми цѣвшами!» вскричалъ Севериль, и Александръ продолжалъ рассказъ свой: «Не думайте, чтобы я (здѣсь это было-бы не испана) авался въ домъ съ драгоцѣнны-

на подаркамъ; неложное, внушительное чувство говорило мнѣ, что они вовсе не нужны; напрошивъ, не желая блистать роскошью, я всегда приносилъ съ собою какой нибудь желаемый уборъ, новое стихотвореніе, недавно явившійся альманахъ, и т. п. Если я не приходилъ всякой день упрямъ, такъ, хоть на полчаса времени, меня упрекали въ шомъ. Словомъ, чтобы не упомляшь васъ такими подробностями, мои отношенія къ этой дѣвушкѣ дошли до той невыразимо-приятной, взаимной опкровенности, которая ведетъ за собою признаніе въ любви и супружество. Я хотѣлъ уничтожить и послѣднее недоумѣніе. Однажды, какъ-то кстанн, завелъ я рѣчь о шомъ, что она, какъ мнѣ кажется, любитъ, или, по крайней мѣрѣ, любила другаго, и упомянулъ обо всѣхъ обстоятельствевахъ, подкрѣплявшихъ это мнѣніе; особливо говорилъ я о молодомъ человѣкѣ, при имени котораго навернулись у нея слезы. «Я должна признаться вамъ — сказала дѣвушка — что болѣе продолжительное знакомство съ тѣмъ человѣкомъ, который, какъ незнакомецъ, неожиданно вошелъ къ намъ въ домъ, могло-бъ быть опасно для моего спокойствія, что я даже замѣчала въ себѣ довольно сильную къ нему склонность, и потому не могу до сихъ поръ безъ участія, вызывающаго у меня слезы, вспомнить о несчастіи, которое на

Май 1832.

5

вѣкъ разлучаетъ его со мною.» — О несчастіи, кошорое изгнало его изъ вашего дому? — спросилъ я съ любопытствомъ. «Такъ — продолжала она — никогда не видала я человѣка, кошорый-бы до такой степени не умѣлъ владѣть самимъ собою и всеми своими приѣмами, разговоромъ, чувствами и мыслями. Не лзя не согласиться, что онъ, шакъ какъ всегда утверждалъ бабюшка, находился въ безпрерывно воспорженномъ состояніи. Это приписывала я глубоко шронушой душѣ его, но не извѣстно чѣмъ: можешъ бытъ какимъ нибудь случаемъ во время войны, на кошорой онъ былъ; бабюшка, напрошивъ, относилъ это къ употребленію горячительныхъ напитковъ. Я не ошиблась: послѣдствіе оправдало меня. Однажды онъ заспалъ меня одну и обнаружилъ такое состояніе души, кошорое сначала приняла я за пылъ шпрасивной любви, но послѣ, когда онъ встрепенулся, какъ-бы опъ сильнаго холоду, и, съ дрожью во всѣхъ членахъ, произнесши нѣсколько невнятныхъ звуковъ, брѣслся изъ комнаты, я должна была почешъ его сумасшедшимъ. Оно шакъ и было. Однажды онъ назвалъ улицу и номеръ дома, гдѣ жилъ, и это оспалось у меня въ памяти. Прошло нѣсколько недѣль, онъ не явился, и бабюшка послалъ узнать о немъ. Хозяйка, вѣдъ, лучше скажешъ, дворникъ, кошорый иногда служилъ нааниманцимъ меблированныя комнаты

въ помѣ домѣ, и котораго встрѣщилъ нашъ по-
сланникъ; на вопросъ о молодомъ челоѣкѣ ош-
вѣчалъ, что онъ давно сошелъ съ ума и уве-
зенъ въ больницу; что онъ, вѣроятно, помѣ-
шавъ на лошереяхъ, потому что почиталъ се-
бя Королемъ Амбы.» — Боже мой! — вскричалъ
испуганный Марцеллъ — вѣдь это Непшельманъ!
Амба... Амбоана. — « Можешь смѣяться — сказалъ
шихо Северинъ — шущъ кроется какая либудь
пушанца... и я догадываюсь! Но что далѣе?—
Александръ, грустно улыбаясь, взглянулъ на
Северинна и продолжалъ: « Я успокоился. Скоро
дошло до того, что милая дѣвушка сдѣлалась
моею невѣстою и назначенъ день свадьбы. Я
хотѣлъ продать домъ, потому что я привидѣ-
нне, вѣпъ, нѣпъ, да и появившся; песинъ оп-
совѣщивалъ мнѣ это, и я принужденъ былъ
разсказать ему всю исторію страшныхъ появ-
леній покойной пѣшки. И вотъ мой пѣснъ,
весельчакъ, какихъ мало, сдѣлался очень за-
думчивъ и сказалъ; чего никакъ не ожидалъ
я: « Встарину мы были по просту благоче-
спивно-вѣрующими, признавали награды и нака-
занія на помѣ свѣтѣ; но за то боялись му-
дринъ умомъ, и все шло своимъ порядкомъ;
а вотъ нынче, въ вѣкъ зашѣливой мудросини
человѣческой, и покойникамъ не хошяшъ дашь
покоя! Оставите-ка домъ-то за собою, да
шолько не мѣшайше мнѣ: ужъ я все улажу!»

Я удивился , когда спарикъ назначилъ бышь свадьбу въ большой комнашъ моего дома, въ самый день Обрѣшенія Креста ; я удивился еще болѣе , когда онъ велѣлъ прибранъ комнату почъ въ почъ шакъ , какъ убрала ее покойная моя тешка . Сшаруха Анна , съ грустью на лицѣ , пихо молилась и расхаживала взадъ и впередъ . Пришли : невѣста въ вѣнчалномъ плашь , священникъ... ничего необыкновеннаго не было слышно . Но лишь полько . послѣдній произнесъ благословеніе , какъ по комнашъ раздался пихій , горестный вздохъ... Я , моя молодая подруга , священникъ и всѣ присуществовавшіе , по единогласному признанію , почувсшвовали въ душѣ что-шо невыразимо пріятное , проникшее всѣхъ насъ элекпрической пещотою . Съ шого времени привидѣніе не являлось болѣе , и полько развъ нынче живое воспоминаніе о милой Паулинѣ вызовешъ для меня новбе привидѣніе .» Александръ , сказавъ эшо , значительно улыбнулся и посмопирѣлъ вокругъ себя . « Не говори объ эшомъ , сдѣлай милость !» вскричалъ Марцелль . « Я-бы вове не хотѣлъ шеперь встрѣшитъ ее здѣсь : Богъ знаетъ , что спалось-бы со мною .» Между шѣмъ собралось много гуляющихъ ; всѣ столы и спулы были уже заняты , кромѣ шого мѣста , гдѣ , два года шому , сидѣло семейшво Аслинга . « Какое-шо странное предчувствіе пѣснился мнѣ въ душу — сказалъ

Северинъ — когда я смотрю на это роковое мѣсто : мнѣ кажется.....» Въ это самое время пришелъ Тайный Совѣтникъ Аслингъ, рука объ руку съ своею женою; за ними слѣдовада Паулина, съ шю-же прелеснью, съ шю-же очаровательностью, какъ и два года тому назадъ. Она шакъ-же шочно, смотря въ сторону, ко-го-шо искала, и вотъ остановила взоръ на Александрѣ, который вспалъ съ мѣста. «Ахъ, да ты ужь здѣсь!» вскричала она съ радостью и подбѣжала къ нему. Онъ взялъ ее за руку и, обратясь къ шоварищамъ, сказалъ: «Вотъ она, добрые друзья, вотъ моя милая Паулина!»

Ревель.

Декабрь 1831.

Съ Нѣмецкаго И. Бэсман.

—*—

Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, etc. — De la Politique et du Commerce des peuples de l'antiquité, etc. (О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ Древнихъ народовъ. Соч. Геерена).

(Охотаніе).

Тоже *однообразіе*, какое находимъ мы въ Полишической исторіи Азіи, видимъ и въ исторіи Торговли Азіатской. Событій измѣняли частности, но не сущность ея, и торговля Азіи, съ древнѣйшихъ временъ, была постоянно одинакова.

Хотя Азія и не представляла странствовашелью такихъ препятствій, какія испытывадъ онъ въ Африкѣ, но мѣстность и природа Азіи заставляли однакожь его употреблять тѣ-же способы въ путешествіи, какіе употреблялъ онъ въ Африкѣ. Для продолжительнаго пути, отчасти по степямъ, и по землямъ населеннымъ дикими, кочевыми народами, путешественники собирались большими обществами. Верблюды, обитатели степей Аравіи, долины Киргизскихъ, и прибрежьевъ Каспія, служили средствомъ для проѣзда ихъ, и перевоза тяжестей. Рѣки Азіискія, протекая по обширнымъ степямъ и странамъ безлѣснымъ, при недостаткѣ желѣза, не

могли бытъ пушями торговыми, ибо кораблестроенія не лзя было завести на нихъ нигдѣ. Посему вся Азійская торговля производилась сухопутно. Перехода странами, болѣе просвѣщенными, болѣе населенными, путешественники находили въ Азін и болѣе удобствъ, нежели въ Африкѣ. Два главные преимущества сей страны свѣта состояли въ *дорогахъ и каравансараяхъ*, или пристанищахъ, по дорогамъ устроенныхъ.

Ошъ эпохи Персовъ до эпохи Монголовъ, въ Азін повсюду были устроены дороги, иногда изумлявшія великостью шруда и обширностью устройства ихъ

Караваны торговые не всегда слѣдовали по пригошвленнымъ дорогамъ, часто избирая кратчайшіе объѣзды, но дороги много способствовали сообщеніямъ народовъ, шакъ-же какъ и каравансарай, или нѣшпа для ошдыха каравановъ устроенныя, и особенно умножившіяся со временемъ Мугаммеда, когда основаніе ихъ стали почтшать дѣломъ богоугоднымъ. Эшо были огромнѣйшія зданія, въ конхъ иногда помѣщалось по нѣсколку тысячъ людей и верблюдовъ. Но дорожные запасы должно было возишь съ собою, ибо каравансарай совсѣмъ не былъ нашими гостинницами.

Замѣчаніе о единообразіи торговли Азійской, и о томъ, что она была всегда сухопутная, необходимо вешеть къ шому заключенію, что политическія революціи должныствовали имѣть на нее сильное

вліяніе. Но перемѣны власней были мгновенны, и послѣ каждаго ужаснаго истребленія, когда пошохъ побѣдителей-народы вступали въ права законныхъ властителей, одинаково потребности торговли были ими чувствуемы, однаково выгоды оной ощущаемы ими. Посему-то отъ Навуходоносора и Кира, до Чингисъ-Хана и Тимура, одинаково возстановлялась, и вновь каждый разъ процвѣтала торговля, послѣ бурь политическихъ, воспринимая даже всѣ прежніе пути, на коняхъ, пѣзъ пепла и крови, вновь возникали прежніе города, снова процвѣтавшіе отъ торговыхъ сношеній между народами.

Только одно событіе составляетъ рѣшительную эпоху измѣненія въ Исторіи Азіійской торговли: открытіе Европейцами пути на востокъ, мимо Мыса Доброй Надежды. Нѣтъ сомнѣнія, что съ древнѣйшихъ временъ, существовало плаваніе въ Индію по Черному морю. Но оно было незначительно, въ сравненіи съ сухопутною торговлею, переходившею черезъ порты Черноморскіе и гавани Средиземнаго моря, какъ издревле, такъ и во времена обладанія симъ путемъ Македонянами, Римлянами, Арабами и Венеціанами.

Но съ открытіемъ пути въ Индію, вокругъ Африки, торговля Азіійская обратилась къ берегамъ Индійскимъ, и тамъ уредились складочныя мѣста Европы и Азіи. Сухопутная торговля все еще поддерживалась однакожь и послѣ сего важнаго переворота, нѣсколько времени. Желѣзный деспотизмъ Турковъ, безначалія въ Персіи, и опущенія сѣверной Индіи Аванцами и Марашшанами

вспровергли и уничтожили наконецъ сухопутную торговлю Азіійскую, преобразили въ пустыни цѣлущія страны Эвфрата и Инда, и только развалины городовъ, отъ Индіи до Чернаго моря, напоминаютъ нынѣ прешедшія навсегда великолѣпіе, роскошь и жизнь общественную.

Изъ всѣхъ частей Азіи, Югъ, или Индія, отличается богатствомъ и многоразличіемъ произведеній, ибо не только все, что производилъ остальная Азія, съ немногими исключеніями, находится въ сихъ странахъ, но и то, что производилъ природа исключительно тамъ, кажется, заставляешь насъ думать, что это любимая страна для ея обильныхъ созданій. Пряные корни, шелкъ, хлопчатая бумага, первоначально были произведеніемъ одной Индіи. Испочинку богатство непрерывно переливалось отсюда къ Западу, и вліяніе Индіійской торговли на судьбу Человѣчества составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для изслѣдованій Исторіи. Намъ потребно узнать пути ея, и страны, служившія для нея мѣстами перехода, ибо постепенность, уменьшеніе и увеличеніе вліянія торговли на оныя, или смягчали, или ожесточали нравы, и умножали, или уменьшали образованность и богатство обитателей сихъ странъ. Отсюда распространились основанія торговли между Евреями, и способствовали взаимному ихъ сближенію и образованію. Народы, отдѣльные отъ сего великаго оборота торговыхъ сношеній, если и успѣвали собственною силою выходить изъ младенчества общественнаго, то и за всѣмъ тѣмъ неда-

леко могли они возвыситься надъ первобышнимъ своимъ варварствомъ.

Имѣя уже основныя идеи о дѣйствіи, образѣ, и судьбѣ Азіійской торговли, взглянемъ на мѣста, гдѣ были, такъ скажемъ, главные припоны и. Природа мѣстности опредѣляла сіи мѣста, и попомощю въ теченіе сполькихъ вѣковъ оставались они всегда одни и тѣ-же, именно: страны Евфрата и Тигра, особливо Вавилонъ, страны Окса, преимущественно Бакшра и Самарканда, и наконецъ прибрежія Чернаго и Средиземнаго морей. Вавилонъ былъ всегда мѣстомъ складки для Западной Азіи и, слѣдственно, Малой Азіи и Европы. Здѣсь перерабатывалось много Индійскихъ произведеній. Бакшра и Самарканда (нынѣшняя Бухарія) были средоточіемъ шорга Сѣверной Азіи, куда изъ Индіи шли шовары къ Каспійскому морю, также изъ Кітая и Тангуша, черезъ степь Гоби, и Тибетскія горы. Здѣсь было шоржище для кочующихъ обитателей средины и дикихъ жителей сѣвера Азіи; эшо поясняетъ намъ удивительное многообразіе тамошнихъ обитателей. Прибрежія Средиземнаго моря, Финикія, и Малая Азія, были издревле складками для Европы и Азіи. Обитатели ихъ сдѣлались по сеѣ причинѣ мореплавателями, и посредниками шорговли шрехъ материковъ. Серебро Испаніи, яшмаръ Пруссіи, мѣняли они на приноши Индіи и благовонія Аравіи. Ихъ земля казались по сеѣ причинѣ богатышными въ мірѣ, и до основанія еще Персидской монархіи, представляли онѣ безпрерывную цѣпь богатыхъ городовъ, отъ пролива Византій-

скаго до предѣловъ Египта, шакъ, какъ нѣтъ видимъ ны подобное проиженіе цѣни богачныхъ и шорговныхъ заселеній на берегахъ Сѣверной Америки.

Обозрѣніе главнѣйшихъ предметовъ древней шорговли, въ сравненіи съ новѣйшею, можешь пояснить намъ весьма многое, неизвѣстнае въ ея исторіи. Находя исключительное произведеніе какой-либо страны въ шомъ, или другомъ мѣстѣ, видимъ доказательство, что сія страна имѣла сношенія съ онымъ, хотя и не можемъ опредѣлить ни сущности, ни подробностей сего сношенія. Такъ кусокъ сахара, или горсть перцу, найденныя въ какомъ нибудь углу Англіи, или Голландіи, доказали-бы, что сія страна имѣла шорговныя сношенія съ Индією и Америкою, если-бы ушрачены были совершенно всѣ свѣдѣнія о заморской ихъ шорговлѣ.

Сколь ни многообразны произведенія Азіи, но ихъ можно однакожь свести на шри слѣдующіе, главные, ошдѣла: 1-е, драгоцѣнности, какъ-то: металлы (золото и серебро), дорогіе каменья, и жемчугъ; 2-е, предметы для одежды — шерсть, хлопчатая бумага, шелкъ, мѣха; 3-е, приноши и благовонія.

Издравле Азія изумляла обиліемъ золота, какое расшчала она въ своихъ нарядахъ, домашнихъ вещахъ, посудѣ, конской сбруѣ, и въ драгоцѣнномъ оружіи. Не только Цари и вельможи, но даже простолюдныи Азіійскіе всегда полагали первую роскошью золото. Случая описанія Ксенофонша и Шардена, видимъ, что сія роскошь не измѣнилась въ

печеніе въкозь. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ природы, мы знаемъ, что золото находится только въ горахъ, изъ коихъ вода вымываетъ его, и разноситъ опчасши на долины. Страны низменныя не представляютъ намъ обилія золота, не смотря на всѣ другія блага природы, на нихъ разсыпанныя. Разсматривая географію горныхъ прощаженій Азій, и сличая историческія преданія, видимъ, что востокъ Азій былъ и остается главнымъ мѣстомъ нахжденія золота. Пакшоль и Меандръ влекли золошой песокъ въ струяхъ своихъ, но рудниковъ золошыхъ здѣсь не было. Золошосные пески составляли также все богатство Лидіи. Кавказъ, на пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, обилуетъ болѣе серебромъ, нежели золошомъ, и серебряныя рудники обрабошывались здѣсь издревле, но золота шуземнаго находили мало. Тавръ, до самой Бакшріаны не былъ обилень золошомъ, и только при раздвоеніи цѣпи его, близъ Гоби, начинается золошоприносящая порода отраслей его. Отсюда рѣки влекутъ золото во всѣ окрешные пески; сюда приходили и данники древнихъ Персіянъ искашь золота, для плашы своимъ повелешельамъ.

Прощаженіе Тавра къ югу весьма обильно золошомъ: Тибешскія, Кишайскія, Сіамскія, Кохинхинскія, Малаккскія горы приносятъ богашую дань его. Впрочемъ, Древніе не оставили намъ извѣстій о добываніи золота въ сихъ мѣстахъ: Географія Иродота оканчивалась сшепью Гоби, и окрешными горами. Обильныя золошомъ страны, по из-

вѣстіямъ Древнихъ, были, слѣдовательно, Индія и горная часть нынѣшней Бухаріи. Здѣсь, какъ говоритъ Иродотъ, извлекали его изъ рудниковъ.

Но всѣ сіи мѣста не могли доставить золота въ такомъ количествѣ, какое во всѣ времена было разсыпано въ Азіи. Получали-ль его еще изъ юго-востока Азіискаго? Или добывали его въ Сибири?

Мы знаемъ, что золото есть въ Алтайскихъ горахъ. Русскіе золотые рудники начинаются только съ Байкала, и обильные источники сего металла должны скрываться въ горахъ, находящихся далѣе на востокъ. Соображая то, что говоритъ Иродотъ о Массагетсахъ и Аримаспахъ, жившихъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Каспія; зная, что чѣмъ далѣе къ Востоку Азіи, тѣмъ значительнѣе становится произведеніе золота въ горахъ; вспоминая наконецъ, что въ Сибири открыты слѣды древнѣйшихъ рудниковъ, можемъ предположить, что именно востокъ и сѣверъ доставляли югу и западу Азіи золото, въ самомъ величайшемъ изобиліи. Для сего нѣтъ надобности предполагать въ тѣхъ странахъ древнѣйшее образованіе народа, ибо легко могли добывать сей драгоценный металлъ самые грубые дикари.

Количество серебра, въ Азіи находившагося, и безмѣрное употребленіе его, доказываютъ, что обиліе онаго превосходило самое обиліе золота. Знаменитѣйшіе рудники серебряные были въ странѣ Халибовъ, въ западной части Кавказа, гдѣ и Генуэзцы добывали его впоследствии, когда обладали Крымомъ и Азовскимъ моремъ. Въ

Бакиріанъ , Сибиря , Кытаѣ , на югъ Азіи , были также изобильные рудники серебряные. Но , кажется , главный источникъ серебра составляла вѣнцкая торговля. Финикійяне , обладая южною Испанією , извлекали отсюда величайшее количество онаго , и распространяли его , посредствомъ торговли , въ Азію .

Другіе металлы , менше драгоцѣнные , были извѣстны и обрабатываемы съ древнѣйшихъ временъ , и это подтверждается найденными въ Сибири слѣдами древнихъ рудниковъ , и извѣстіями Иродота .

Драгоцѣнные каменья употреблялись въ Азіи съ такою-же расточительностью , какъ золото и серебро , и употреблялись со временъ древнѣйшихъ . До владычества Персовъ находимъ мы слѣды сего въ книгахъ Моисея . Вавилонянине любили перспіи ; Мидяне и Персы носили дорогія запястья , цѣпочки изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ , и украшали ими оружіе , плаще и конскую сбрую . Но какія преимущественно драгоцѣнные каменья были тогда вѣдомы ? Намъ передали Древніе писатели названія *сарда* , *оникса* , *сардоникса* , *смарагда* (изумруда) и *сафира* . До сихъ поръ , мы не опредѣлили еще : какіе именно каменья означались сими названіями ? Сафиръ , кажется , былъ тошъ самый камень , который мы называемъ Лазурикъ , или *Лалль-лазули* . Труднѣе опредѣлить Смарагдъ , и въ семь названіи смѣшивали , по видимому , изумрудъ съ флуоровымъ шпашомъ . *Сардъ* означалъ родовое имя : каменья сего рода , краснаго цвѣща называли *Карніолемъ* , бѣловашаго *Ониксомъ* , двуцвѣтнаго

Сардониксоль. Сюда относился и Халцедонъ. Множество драгоценныхъ камней въ доставляла въ Азію караванная торговля Карагеняль, изъ Африки. Изумруды добывали въ верхнемъ Египтѣ, и на островахъ Аравійскаго залива. Въ Азіи особенно обилывала ими весь востокъ. Алмазные копи издревле были открыты въ Индостанѣ; впрочемъ, во времена Персовъ алмазъ еще мало былъ извѣстенъ. Мусшагъ, или Иммаусъ, должно почести мѣстомъ нахождения другихъ драгоценныхъ камней. И въ XVII-мъ вѣкѣ, Бухарія производила еще ими важный шоргъ. Жемчугъ всегда считался въ числѣ великихъ драгоценностей на Востоку. Его скромный блескъ, простая красота, и правильность формы, болѣе привлекали Азіяца, нежели ослѣпительный огонь яркаго алмаза. На западѣ жемчугъ вошелъ въ особенную моду болѣе при паденіи Римской Республлки. Персидскій заливъ, Цейланъ, Индія вообще, были почитаемы мѣстами сборки жемчугу.

Познаніе различныхъ тканей, употреблявшихъ на одежды, и составлявшихъ важный предметъ древней торговли Азіи, для насъ довольно трудно. Множество извѣстій находимъ мы объ этомъ у Древнихъ Писателей, но всѣ они весьма неопредѣленны. Востокъ былъ всегда источникомъ драгоценныхъ тканей. Кромѣ шелка и хлопчатой бумаги, онъ издревле обладалъ тончайшею шерстью, и драгоценнымъ льномъ. Цѣнность тканей умножалъ еще драгоценные, прекрасные цвѣта, въ чѣмъ Азія всегда превосходила и превосходитъ всѣ другія части свѣта, имѣя удивительные матеріалы

для крашенія. Употребленіе на шкани хлопчатой бумаги существовало еще до владычества Персовъ. Иродотъ говоритъ уже о *древесной шерсти* Индійской, превосходящей шерсть животныхъ, и *Sindones Byzinae* Персовъ, вѣроятно, были бумажныя шкани. Производство хлопчатой бумаги быстро распространилось потомъ по Азіи.—Знали-ль въ глубокой древности употребленіе шелка? Вопросъ затруднительный. Ни Иродотъ, ни другіе древнѣйшіе писатели не говорятъ ничего о шелковомъ червѣ. Первый упоминаетъ о немъ Страбонъ. Впрочемъ, предположеніе, что шелкъ вошелъ въ употребленіе въ позднѣйшее время, и баснословное имя *Серикки*, какъ первоначальной страны шелка, вовсе неизвѣстное Древнимъ, можно опровергнуть многими доказательствами. Изъ оныхъ видно, что Ассирія и Мидія въ глубокой древности обрабатывали шелкъ, и шкали изъ него машеринъ; что славныя у Грековъ *Мидійскія* шкани были шелковыя, и что употребленіе шелка было издревле распространено въ Азіи.—Тончайшая шерсть, обрабатываемая Финикіянами, шла изъ Вавилона. Но въ Индіи и другихъ земляхъ также производили ее, весьма разнообразную, и въ великомъ количествѣ.—Народы, участвовавшіе въ древней торговлѣ, конечно, не имѣли нужды въ мѣхахъ, ибо обитали въ благораспоренныхъ климахахъ, но за то мѣха составляли предметъ ихъ роскоши, и за ними ѣздили купцы даже къ берегамъ Балтійскимъ. Впрочемъ, многіе народы Азіи, и даже отчасти Африки, употребляли вообще мѣховыя одежды, и поному торговля мѣхами была весьма обширна и важна.

Третій разрядъ товаровъ въ Азіійской торговлѣ составляли благовонія и приносы. Аравія и Африка доставляли первыя. Они были необходимою въ частной жизни, и при религиозныхъ обрядахъ, въ Европѣ, и особенно въ Азіи. Главный предметъ въ разрядѣ приносовъ составляла у Древнихъ корица, или киннамонъ.

Указывая на всѣ сія замѣчанія, какъ на пособія для изысканія Историческихъ истинъ, и какъ на средства, могущія служить къ разсѣянію ограниченныхъ и произвольныхъ понятій, изъ коихъ многія остаются донинѣ въ Исторіи закоренѣлыми предрасудками, Гееренъ занимается только одною общностью взгляда. Всѣ подробности отдѣляетъ онъ къ частнымъ изображеніямъ народовъ.

Въ заключеніе излагаетъ Гееренъ понятія объ Азіійскихъ древнихъ языкахъ. Мы извлечемъ изъ сихъ замѣчаній его только главныя идеи, такъ, какъ мы сдѣлали это излагая всѣ другія части Гееренова Вступленія.

Большое вліяніе различія, и взаимнаго отношенія языковъ, на сношенія и торговлю народовъ, заставляющъ насъ обратишь филологическій взглядъ на Азіійскіе языки въ эпоху владычества Персовъ, какъ такую эпоху, кошорую должно почестъ основною въ исторіи Политики и Торговли Азіійской.

Два замѣчательныя явленія можно указать въ языкахъ Азіійскихъ. *Первое*, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Азіи, съ древнѣйшихъ временъ, встрѣчалось величайшее множество различныхъ между собою языковъ, на небольшомъ пространствѣ земли,

шакъ , что каждое изъ маленькихъ поколѣній , обитавшихъ на семь пространствъ , говорило своимъ отдѣльнымъ языкомъ , вовсе не похожимъ на другіе , соотвѣтствіе. Въ тоже время , на величайшихъ пространствахъ , рядомъ съ такими землями , народы многочисленныя говорили однимъ , общимъ языкомъ. *Второе* , что въ Азіи находимъ мы совершенно мертвые языки , то есть , шакіе , коими никою не говоришь уже болѣе. Таковы священные языки : *Зендскій* , древнихъ Персовъ , и *Санскритскій* , древнихъ Индійцевъ.

То и другое явленіе объясняются исторіею Азіи , и именно : быстрыми , мгновенными завоеваніями народовъ-побѣдителей , и разсыпаніемъ , разселеніемъ разныхъ племенъ , которыя принужденны были идти подъ ихъ знаменами , оставляя родину , и поселяясь пошомъ въ отдаленныхъ отъ нея мѣстахъ , или , убѣгая отъ преслѣдованія побѣдителей , искавъ независимости и новой отчизны. Языкъ каждаго народа рождается и увеличивается только употребленіемъ его въ разговоръ , хотя опредѣляется , и дѣлается правильнымъ , только посредствомъ письма и Литшературы. Языки мертвые , конечно , были некогда живыми ; цѣлыя народы , вѣроятно , говорили ими , и это доказывается тѣмъ , что въ числѣ живыхъ языковъ Индіи и Персіи есть нарѣчія , явно сохранившія слѣды происхожденія своего отъ Санскритскаго и Зендскаго. Побѣдители вводили свой языкъ ; языкъ побѣжденных падалъ въ забвеніе , измѣнялся , и удалялся отъ своего источника. Онъ исчезалъ совершенно ,

если не было у него письма и Литшерауры, и если не былъ онъ Иерархическимъ языкомъ, но есть шакимъ, на кошоромъ написаны были религіозныя преданія и догматы народа, хранимыя и послѣ паденія народной самобытности. Посему исчезли языки: Хазарскій, Аварскій, Гунискій, и сохранились Санскрипскій и Зендскій. Судьба Лашинскаго языка въ Европѣ поясняетъ намъ все сказанное здѣсь. Онъ сдѣлался мершвымъ, когда разрушилась Римская Имперія, и могъ ошашься единственно Иерархическимъ, если-бы не была открыта нами, пошомками варваровъ-разрушителей, богашая литшераура его, и не сдѣлала его языкомъ ученыхъ, и выѣшъ Иерархическимъ.

Случая извѣстія Древнихъ, Гееренъ показываешь, что въ юго-западной Азии, въ эпоху Персовъ, существовали три главные языка: ошъ Средиземнаго моря до Галиса *Фригійскій*; ошъ Галиса до Тигра *Семитическій*, и ошъ Тигра, до Окса и Инда, *Перскій*. Величайшее различіе языковъ являлось въ области языка Фригійскаго: Греческій въ приморскихъ поселеніяхъ Грековъ; Карійскій въ Каріи, Лидіи и Мизии; Фракійскій въ Внемнии, и даде къ Черному морю; въ Пафлагоніи, Писидіи, Памфилии и Киликии говорили особыми языками. Особенно многоразличіе языковъ изумяло въ Кавказскихъ горахъ. Страбонъ сказываешь, что на шоржищахъ Діоскурии (Греческаго города, на восточныхъ берегахъ Чернаго моря) можно было вдругъ услышашъ до семидесяти языковъ. — Гееренъ не рѣшаешь задачи о Фригійскомъ языкѣ, но ешь: происходилъ-ли онъ ошъ Армянскаго, можешь бышь,

весьма древняго, нѣкогда сильнаго, и далеко распространенаго, или, какъ говоритъ Иродотъ, Фригійцы вышли изъ Фракіи, въ глубокой древности, и отъ нихъ уже произошли Армяне (кн. VII, 73). — Къ числу нарѣчій Семитическаго относились языки: Каппадокійскій, Сирійскій, Ассирійскій, Халдейскій, Еврейскій и Самаританскій, Финикійскій и Арабскій. Глубокая древность скрываетъ отъ насъ—когда, и какой сильный, многочисленный народъ, говорившій *хореннымъ Семитическимъ* языкомъ, обладалъ сими странами! Но онъ былъ, сей народъ и исчезъ, неизвестный Исторіею, оставивъ слѣды измѣненнаго своего быта. Въ Аравіи онъ осѣдлся въ кочевомъ своемъ состояніи; въ Сиріи сдѣлался осѣдлымъ и земледѣльческимъ; въ Вавлоніи основалъ знаменитѣйшій въ древности городъ; на берегахъ Финикіи устроилъ гавани и флоты, упрочившіе ему всемірную древнюю торговлю.

Замѣчаніями о Скиѣскихъ языкахъ, и языкѣ Персскомъ, Гееренъ оканчиваетъ свой общій взглядъ на Азію.

Здѣсь и мы окончимъ извѣстіе наше о сочиненіи Геерена. Определенный объемъ слатвы не дозволялъ намъ представить болѣе подробностей, хотя и безъ того выписки наши были довольно обширны. Впрочемъ, мы надѣемся, что читатели извинятъ насъ въ этомъ, сообразивъ важность предмета. Мы уже сказали, въ началѣ, мнѣніе наше о швореніи Геерена. Безпристрастные, при указаніи недоспащковъ сего писателя (см. Тел. IV, 515, 547), мы искренно отдаемъ справедливостъ его достоинствъ.

схвасть, и также искренно желаю, чтобы Русская публика болѣе ознакомилась съ нами, и чтобы наши сочинители Историческихъ книгъ изучали съ большимъ вниманіемъ *Идеи* Геерена, приговоряясь ими къ чтенію Вико, Нибуровъ и Тьерри. Послѣ сего не будушь имъ казаться странными приложенія Европейскихъ идей и къ отечественной нашей Исторіи; мало по малу, исчезнуть, можешь быть, и тѣ жалкія созданія, които, подъ именемъ Историческихъ книгъ и руководствъ, безпрестанно обременяють учебную литературу нашу. Дай-шо Богъ!

По послѣднимъ извѣстіямъ, мы видимъ, что шредій шомъ Французскаго перевода Геереновой книги (*Индія*) выданъ уже въ свѣтъ, и что осмалвые не замедлять. Скажемъ, объ этомъ переводѣ вообще, что его можно почестъ образцовымъ. Надобно намъ учиться у нынѣшнихъ Французовъ переводить такъ хорошо. Французскіе переводы швореній Вико, Нибура, Гердера, Крейцера, Савиньи, показывають, какъ далека нынѣшня образованность Франціи отъ прежней.

Н. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

• РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— *Хромоногий бѣсъ*. Соч. Лесажа. Переводъ Г. Пасынкова. Часть I. Спб. 1832. Въ ш. Штаба Остдальнаго Корпуса внутренней стражи. 216 стр. in-12.

— *Хромый бѣсъ*. Соч. Лесажа. Перев. В. Волжскій. III части. Спб. Въ ш. Смирдина. 1832. 228, 254 и 218 стр. in-12.

Имя Лесажа есть какъ-бы синонимъ веселости и остроумія. Кшо не смѣлся, читая его *Жилблаза*, *Баккалавра Саламантскаго*, *Гузмана*, *Хромоногаго бѣса*, *Найденный гемоданъ*? Надобно признаться, что у него всегда одинъ ладъ, на который онъ нацпроиваетъ рассказъ свой: всегда шушливостъ, нѣсколько грубая, однакъжъ закрышая маской важности. Лесажа уподобилъ-бы я такому рассказчику, который смѣшишь васъ не измѣняя своего лица, и какъ будшо досадуя, что вы смѣтешь. Эшошъ родъ остроумцевъ самый веселый и самый пріятшвый. Такова наружная, такъ сказать, сторона, или оболочка остроумія Лесажа. Въ философскомъ смыслѣ, онъ не сважешъ вамъ ничего новаго, ничего глубокаго, говоритъ почти все наслышное, но все умѣетъ представитъ и обшавитъ такъ,

что вы забываете и заимствованія его и грубость проспонародную — вы только смѣтаетесь.

Признаюсь, что вообще я не совсѣмъ согласенъ съ мнѣніемъ В. Скопша о Лесажа. Описывая жизнь Французскаго Романиста, В. Скопшъ изъясняетъ къ нему безграничное уваженіе и съ восторгомъ говоритъ о всѣхъ романахъ его, особенно-же о Жилблазѣ. Вотъ слова знаменитаго Біографа: «Кто читалъ сіе превосходное произведеніе, кто съ удовольствіемъ воспоминаетъ, какъ о пріятнѣйшемъ занятіи въ жизни своей, о томъ времени, когда онъ въ первый разъ пробѣгалъ жаднымъ взоромъ страницы онаго, тошъ конечно иногда съ охотою возвращается къ сему безсмертному шворенію со всѣмъ жаромъ, со всѣмъ живымъ чувствомъ, которыми пробуждаетъ въ груди нашей воспоминаніе о первой любви, въ какомъ-бы возрастѣ мы ни были, когда мы въ первый разъ почувствовали очаровательную силу сего сочиненія... Если Грей справедливо утверждаетъ, что первое для него удовольствіе, небрежно разлегшись на диванъ, безпрестанно читать новые романы, то во сколько разъ сіе наслажденіе еще-бы увеличилось, если-бы геній челоука могъ произвести на свѣтъ другаго Жилблаза (*)!»

Люблю Лесажа, восхищаюсь романами его, и соглашаюсь, что это произведенія высокаго ума; но знаю и то, что всѣ романы Лесажа суть, больше

(*) Не имѣя на сей разъ подъ рукою подлинника, мы заимствовали сіи спроки изъ перевода, помѣщеннаго, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Сынѣ Ошецесва. *Сот.*

или меньше, подражанія. У Французовъ долго была нецѣпимымъ и шайнымъ запасомъ Литшература Испанская. Изъ нея заимствовали многое величайшіе писатели Французскіе, Корнель, Мольеръ, Лесаажъ; заимствовали и молчали объ этомъ. Одинъ разсерженный такою несправедливостью Испанецъ, написалъ даже книгу: *Жилблазъ, возвращенный своему отечеству*. Это Испанскій переводъ Жилблаза, съ указаніями, откуда что заимствовалъ Лесаажъ. Можешь бышь въ этой книгѣ есть и натяжки; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что Лесаажъ вообще полною рукою бралъ у Испанцевъ и картины и вымыслы. Въ собственныхъ сочиненіяхъ своихъ, напримѣръ въ немногихъ драмахъ, онъ являлся писателемъ самымъ посредственнымъ. Не справедливо-ли заключишь по этому, что Лесаажъ былъ превосходный расказчикъ, но не шворецъ? Взять чужое, передѣлать его по своему, осыпать солью остроумія, вошь это было его дѣло. Замѣтьше еще какъ часто не вяжущся у него происшествія, какъ часто, въ самомъ Жилблазѣ, есть ушометельныя и пустыя вставки. Прибавленная послѣ къ Жилблазу четвертая часть, наполнена повшореніями, и, подобно всѣмъ продолженіямъ сочиненій, имѣвшихъ необычайный успѣхъ, гораздо слабѣ первыхъ частей, отличающихся необыкновенною наблюдательностью, остроуміемъ и живостью картинъ.

Хромомогій бѣсъ не можешь бышь сравниваемъ съ *Жилблазомъ*, ни по внутреннему достоинству, ни по плану романа. Но за всѣмъ тѣмъ, это одна изъ остроумнѣйшихъ сатиръ на гаупости; на пороки людей. И заглавіе, и основаніе, и ходъ

романа сего Лесаажъ заимствоваль у известнаго Испанскаго Писателя, Гвевары, который не зналъ себя соперника въ остроуміи, и даже однажды остримъ словомъ спасъ жизнь какому-то осужденному на смерть. Пріискъ былъ богачиѣ, и Лесаажъ воспользовался имъ мастерски.

Не почишаемъ нужнымъ излагать здѣсь содержаніе *Хромоногаго бѣса*. Оно или известно читателямъ нашимъ, или можетъ быть известно изъ двухъ Русскихъ переводовъ, нынѣ изданныхъ. Выпишемъ лучше мнѣніе В. Скошша о семъ романѣ.

«Есть въ свѣтѣ книгъ, которая-бы содержала въ себѣ столько глубокаго познанія человеческого характера, столько точно выраженнаго, какъ *Хромоногий бѣсъ*. Каждая страница, каждая строка представляешь намъ ошпечашокъ сего безотшибочнаго чувства, сего точнаго развитія человеческихъ слабостей; намъ кажется, будто какая-то вышняя сила прочла въ сердцахъ нашихъ, провикла въ потаеннѣйшія причины нашихъ поступковъ, и съ злобною радостью разрываетъ завѣсу, за которою мы стараемся скрыть наши дѣянія.»

Не справедливо-ли замѣчаніе ваше о кришикѣ В. Скошша?

У насъ на Руси выпало какое-то необыкновенное счастье *Хромоногому бѣсу*: онъ являешся въ одно время въ двухъ переводахъ. Прямо по-Русски! Не явился-ли еще и прешій переводъ, потому что у насъ въ Литтературныхъ трудахъ не слѣдуютъ системѣ *Экономистовъ*: раздѣляшь шруды. У насъ куда одинъ, шуда и всѣ.

Старшинство появленія въ свѣсъ принадлежитъ переводу Г-на Пасынкова. Жаль что окончаніе перевода сего еще не издано ; но , судя по первой части , можно сказать , что и по достоинству переводъ Г-на Пасынкова заслуживаетъ предпочтеніе. Онъ чище, вѣрнѣе, и если можно такъ сказать, *литтературнѣе* перевода Г. Волжскаго , то есть въ немъ не видно руки подрядчика , а вездѣ видѣть лишьперашоръ , вполне понимающій подлинникъ и владѣющій своимъ языкомъ. Сколько можно , онъ старался передать все опшѣнки слога своего Автора и выполнилъ это удачно. Можно было-бы замѣтить и въ его переводѣ кой-что ; но въ лишьперашурныхъ трудахъ надобно смотрѣть на то, что составляетъ общій , отличительный характеръ. Въ переводѣ-же Г-на Пасынкова преимуществуешь хорошее , и есть только маленькіе , частные недостатки относительно Русскаго языка.

Переводъ Г-на Волжскаго гораздо хуже. Онъ во многихъ мѣстахъ показываетъ неумѣнье чисто выражаться по-Русски. Сверхъ того, Г-нъ Волжскій вздумалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *передѣлывать* Лесажа , можешь бышь потому что не вездѣ понималъ его сочиненіе. Довольно странно, что въ семъ случаѣ мы сошлемся на *Русскій Инвалидъ* , гдѣ Г. Воейковъ сдѣлалъ шу услугу читателямъ , что написалъ многія мѣста изъ обоихъ переводовъ и подлинникъ оныхъ. Тушь ясно оказывается, что переводъ Г-на Пасынкова лучше. Спасибо Г-ну Воейкову , что онъ занялся изслѣдованіемъ о *Хромомъ и Хромоногомъ* бѣсѣ , хотя мы и не понимаемъ , что заставило его смоль опшечески позабошиться объ

эпикъ Бѣсага, ибо Литтературою онъ не занимается.

Вообще эта книга обратила на себя вниманіе нашихъ Журналистовъ. Въ Сѣверной Пчелѣ сказано о трудѣ Г-на Волжскаго: «Переводчикъ исполнилъ свое дѣло весьма опчешисто, что доказываетъ уже и самое заглавіе книги, пошому что до сихъ поръ Лесажева Бѣса у насъ называли (и еще весьма не давно, въ переводѣ Г-на Пасынкова, вышедшемъ въ одно время съ эшимъ), *Хромогилъ* бѣсомъ, какъ будшо можешь быть бѣсъ *хроморукій!*» Върояшно, это остроумно; шолько несправедливо. Слово *хромогилъ* есть въ Русскомъ языкѣ и употребляется въ цѣлой Россіи; а что принято цѣлымъ народомъ, того презирашь и исключашь не для чего. Мало-ли у насъ есть выраженій и словъ, по видимому спранныхъ, но они освящены употребленіемъ. Есть эшо и во всѣхъ языкахъ. Слово *хроморукій* бессмысленно, пошому что нѣтъ идеи для него; но грамматически оно составлено правильно. Куда-же заведешь насъ одиѣ формы, есав мы спашемъ руководствовашь шолько ими, а не употребленіемъ и смысломъ! По правилу Замѣчателя, должны быть изгнаны слова: *бездушный, невѣда, быстротелный*, и проч., ибо нѣтъ противоположныхъ словъ: *душный, вѣда, медленнотелный*. По его должно говоришь: *не имѣющій души, не отдающій, быстротекущій*. Не лучше-ли было-бы догадаться, что Г-нъ Волжскій ошибся, написавъ: *хромый?*

Вниимся передъ читашелями въ эшихъ грамматическихъ цѣлогахъ. Но любовь къ языку нашему и

боязнь, чтобы не ввели его въ Академическую шпарку, извиняешь насъ.

— *Исторія Вильгельма IV-го Короля Англійскаго и Людовика Филиппа Короля Французовъ.* Переводъ съ Французскаго. М. въ Универс. ш. 1832. 57 стр. in-12.

На Русскомъ языкѣ, въ Русской Литтературѣ, книга о предметѣ не только современномъ, но можно сказать *содневномъ*, вошь явленіе рѣдкое! Мы вообще не очень заботимся о томъ, что дѣлается въ Европѣ. Умираешь-ли великій человекъ, совершается-ли переворотъ въ какой-либо наукѣ, вырастаетъ-ли островъ изъ моря или какой-нибудь исполнитъ въ мірѣ нравственнымъ, мы смотримъ на это какъ на горы въ лунѣ; намъ также и далеки и шуманны всѣ подобныя предметы. И пустьъ бы, подобно какому-нибудь Нѣмецкому ученому, углублялись мы въ ошвлеченность, искали слѣдовъ какого-нибудь исчезнувшаго съ земли народа, или ошыскивали мѣсто рожденія Омира; тогда, конечно было-бы равнодушіе Русское, какъ равнодушіе того Нѣмецкаго Профессора, котораго, услышавъ что подѣ Іеной рѣшается судьба отечества его, ошвелъ глаза ошъ своихъ рукописей и проширалъ очки сказалъ: «So? das ist ziemlich interessant.» Но мы заняты со всѣмъ другими предметами. У насъ продажа илѣвнѣя какого-нибудь повѣсы, балъ Князя N. N., сплетня свѣтской ханжи, *партія* богашой наследницы, вошь наши новости, ошрада любопытству нашему. Говорятъ, что изобрѣшеніе магнитной штрѣлки и ошкрытіе Америки важныя событія; но для нашего общества не существующи они.

Намъ еще надобны магнишная спрълка и Коломбъ новаго рода , которые показали-бы намъ путь къ Европѣ и открыли-бы шарый свѣтъ. Коломбъ шрудился не для насъ.

Зная все это, чинашели наши конечно удивляшся, шакъ-же какъ удивились мы , увидѣвъ книжку , гдѣ описана жизнь двухъ Королей , недавно вступившихъ на шронъ. Подобныя описанія принадлежатъ Журналовъ , и мы , въ качествѣ Журналистовъ , конечно упрекнули-бы себя за лѣность , пропустивъ безъ замѣчанія два предмета , имѣвшіе занимательность современную. Но , кромѣ шого , что ошъ Русскаго Журналиста не лзя шребовать всего , что должны дѣлать Журналисты иныхъ странъ , мы еще имѣемъ и другія оправданія. Жизнь Вильгельма IV-го, нынѣшняго Короля Англійскаго , не представляетъ ничего , исторически занимательнаго ; а о нынѣшнемъ Королѣ Французовъ было помѣщено въ Телеграфѣ , 1830 года , историческое извѣстіе , объемлющее почти всю жизнь его , до вступленія на прешоль.

Книжка , издавшая нынѣ у насъ о сихъ двухъ Короляхъ , написана благородно и съ знаніемъ событий. Происшествія изложены въ ней краткко , однакожь ясно и опчешисто. Русскій переводъ ея хорошъ. Не находя въ біографіи Короля Французовъ почти ничего , что уже не было-бы извѣстно чинашелямъ нашимъ , мы выпишемъ изъ біографіи Вильгельма IV-го нѣкоторыя мѣста , изъ коихъ видны будущъ , какъ прекрасный характеръ и благородныя поступки нынѣшняго Короля Англійскаго , шакъ и изложеніе книги , о которой идешь рѣчь.

Вильгельм IV-й родился въ Лондонѣ, 21 Августа 1765 года.

«14-ти лѣтъ, въ званіи Мичмана, онъ поступилъ на 80-шій пушечный корабль *Принцъ Георгъ*, подъ начальство Адмирала Джигби, и участвовалъ во многихъ битвахъ, съ тѣмъ неизмѣннымъ мужествомъ и неустранимостью, которыя замѣтны въ немъ были съ самаго младенчества..... 17 Юня 1785 года, послѣ дѣсятилетней службы, продолжавшейся 6 лѣтъ и 3 мѣсяца, онъ произведенъ въ Лейтенанты; черезъ 10 мѣсяцевъ въ Капитаны, а 3-го Декабря 1790-го въ Коншръ-Адмиралы. Весьма замѣчательно то, что не смотря на высокое происхожденіе, при производствѣ его наблюдался строгій законный порядокъ. Онъ прослужилъ въ каждомъ чинѣ положенное время и во все продолженіе службы не получалъ никакой награды предпочтительно новаричамъ... 16-го Мая 1789 онъ занялъ мѣсто въ Палатѣ Перовъ, какъ Герцогъ Кларенскій... Въ 1793 году, когда возгорѣлась война съ Франціею, онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, вѣроятно потому, что передъ тѣмъ оказалъ себя, въ Палатѣ Перовъ, противникомъ Писша.

«... Въ продолженіе двухъ царствованій, Георга III-го и Георга IV-го, Герцогъ Кларенскій не участвовалъ въ общесвенныхъ дѣлахъ. Будучи искреннимъ другомъ правъ своей родины, онъ не могъ одобрять правилъ Писша и Касшельре. Неумолимо прошивоборствуя имъ въ *Камерѣ* Перовъ, онъ узнавалъ однако, что имѣешь дѣло съ соперниками смѣлыми и смѣлыми, которые успѣли даже лишиться его любви родительской.

« . . . Во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Герцогъ Кларенскій, явный другъ великодушныхъ правилъ религіозной ширимости, не смотря на свою преданность къ Церкви Англиканской, принялъ дѣйствительное участіе въ уравненіи Ирландскихъ Кашоликовъ. Согласіе въ правилахъ и видахъ касательно сего важнаго пункта, было главнѣйшею связью искренняго союза между Герцогомъ Кларенскимъ и Георгомъ Каннингомъ. Обязанъ будучи безпрестанно касаться вопроса, прошивъ кошораго возставали въ Палатѣ Перовъ большинство голосовъ и олигархическіе предрасудки, не принимавшіе ошъ Министра-плебейца никакихъ предложеній, сколь-бы они ни были благоразумны и согласны съ правосомъ и народнымъ благомъ, Каннингъ всегда находилъ въ Герцогѣ Кларенскомъ помощника твердаго, смѣлаго, неизмѣннаго. Мнѣніе Герцога было столь искренно, столь твердо въ основаніяхъ, столь независимо ошъ лицепріятія и далеко ошъ мѣлочныхъ расчетовъ, что и по смерти Каннинга ошъ дѣйствовало одинаково.

« . . . При Герцогѣ Веллингтонѣ, положеніе Герцога Кларенскаго не измѣнялось; но поступки прошивъ него перваго Министра, и неприличіе, съ кошорымъ сей отказался плашить расходы по званію Генераль-Адмирала, сильно раздражали его, и ошъ вышелъ въ ошсшавку.

« . . . Между тѣмъ Георгъ IV-й приближался ко гробу. Герцогъ Кларенскій, во все время продолжительной болѣзни своего брата, принималъ

живѣйшее участіе въ состояніи больного, не изыскивая однако случая видѣть его часто, и являлся только тогда, когда самъ больной требовалъ его. Герцогъ Веллингтонъ, напрошивъ, оказалъ столько заботливости, суевливости и странныхъ услугъ, что Георгъ IV-й, который впрочемъ казался имъ довольнымъ, не могъ воздержаться, чтобы не сказать одной изъ окружающихъ его особъ: «Не правда-ли, что Аршуръ слишкомъ превозмощенъ для «своего здоровья?»»

« . . . Не многіе изъ частныхъ людей ведутъ столько *регулярно* жизнь, какъ этакъ Государь (Вильгельмъ IV-й): онъ встаетъ около 6-ти часовъ по-утру, занимается нѣсколько времени и завтракаетъ; послѣ того заставляетъ чиншашъ поданныя къ нему просьбы и записки, входитъ въ малѣйшія подробности частной жизни просителей, и нерѣдко самъ навѣщаетъ ихъ, когда они живутъ не далеко. Все равно какъ и прежде, когда онъ былъ Герцогомъ Кларенскимъ, Вильгельмъ IV-й прогуливается по улицамъ одинъ, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ брюкахъ. — Воздержность его необыкновенна. . . .»

« . . . Ошвращеніе къ эшкету замѣтно было въ Королѣ, когда онъ былъ еще Герцогомъ Кларенскимъ, и онъ избѣгалъ его со всѣми равно. Такъ недавно явился къ нему одинъ изъ старыхъ его друзей, для засвидѣтельствованія ему своего почтенія. «Жоржъ!» сказалъ ему Король: «Если тебѣ нечего дѣлать, ошобѣдаемъ со мною! Только, сдѣлай милость, не церемонься.»

— *Повѣсти Михайла Погодина*. 3 части. М. 1832. Въ ш. Селивановскаго. 240, 292, 250 стр. id-16.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда была издана повѣсть Г-на Погодина: *Чермая немота*, мы подробно изложили свое мнѣнiе о неспособности его къ сему роду сочиненiй. Но онъ не послушалъ добрыхъ совѣтовъ и продолжалъ печататься въ прiятельскихъ Журналахъ и Альманахахъ повѣсти свои. Теперь накопилось ихъ три томика. Не хотимъ повторять того, что уже было сказано, и, какъ намъ кажется, доказано, то есть, что Г-нъ Погодинъ не рожденъ бытъ романтическимъ писателемъ, что у него нѣтъ ни воображенiя, ни слога, ни шеплошны душевной, и что онъ того новѣсти его напущены, грубы, холодны. Всякiй можетъ удостовѣриться въ этомъ, прочитавъ любую повѣсть его. Замѣтши нѣчто другое, прямо идущее къ предмету нашему.

Г-нъ Погодинъ почти не имѣетъ соперника въ разнообразiи трудовъ. Развѣ Б. М. Федоровъ, единственный изъ Русскихъ писателей, можетъ сравняться съ нимъ въ этомъ. Г-нъ Погодинъ долженъ спрашиваться этого опаснаго соперника. Но кто еще можетъ оспаривать у него вѣдкъ всеобъемлемости? Г-нъ Погодинъ писалъ Драмы и сатирическiя сцены, историческiя сочиненiя и легонькiе стишки, критическiе разборы и сказки, издавалъ Классическiя сочиненiя и статистическiя записки,

Май 1832.

7

Журналы и крошечныя книжонки, Альманахи и учебныя шестрадки, переводилъ Гёше и Эверса, Овидія и Добровскаго, Шашобріана и Шлецера, переводилъ даже съ шакихъ языковъ, которыхъ онъ не знаетъ (напримѣръ Нѣмецкаго, что доказано Г-мъ Булгаринымъ, въ разборѣ перевода *Гѣца*). Онъ и Подлинническій Экономъ и Историкъ, и Романистъ и Философъ, и Стихотворецъ, и Критикъ, и Спашисникъ и Журналистъ! . . . Это въ нѣкоторомъ смыслѣ нашъ Вольтеръ, который также писалъ все и обо всемъ, qui a tout dit. Г-нь Погодинъ также писалъ обо всемъ: il a tout dit. Что значить это?

Есть два рода писателей. Одни пишутъ слѣдуя внутреннему призванію, отъ полношны ума и воображенія, которые пребываютъ дѣйствія и подрища всемірнаго, ибо имъ шѣсно въ головѣ и въ груди одного человѣка. Другіе пишутъ слѣдуя врожденной способности человѣка подражанію, или также почти врожденному чувству, пріобрѣсши посредствомъ писанья что нибудь, какое нибудь имя, мѣстечко, или *дружество съ Князькомъ*, какъ сказалъ И. И. Дмистріевъ. Писатели перваго рода дѣлаются великими Поэтами, Историками, Поляшиками, и проч. Это Байроны, Робертсоны, Смины. Писатели другаго рода остаются въ потомствѣ памятниками безспія умшвеннаго и душевнаго: это Прудоны, Тредьяковскіе, Щербашовы, мученики, а не писатели. Но нѣтъ возможности растолковать подобнымъ людямъ ихъ ничтожество. Они вѣчно пи-

ишь, пишешь и пишешь. Еще благоразумны изъ нихъ шѣ, которые останавливаются или заѣниваются при первыхъ опытахъ. Но другіе воображаютъ что цѣлый міръ завистствуетъ имъ, показываютъ равнодушіе притворное, и что лишь пошомство оцѣнитъ ихъ заслуги.

Желая добра Г-ну Погодину, мы напоминаемъ ему, что онъ уже сдѣлался маленькимъ Вольгеромъ; по множеству писаній своихъ. Пора-бы ему извѣдать силы свои, занявшись шѣмъ родомъ сочиненій, къ которому чувствуешь онъ себя способнымъ, и оставишь пастушескіе, прѣшческіе и многіе другіе вѣнки, или, чтобы не ошваживашся на славу Тредьяковского, вспомнишь, что не всякій рожденъ бытъ писателемъ.

—*—

810801

7

ОБОЗРѢНІЕ

НОВЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

(Окончаніе).

Въ два вѣдѣшіе года , Африка была предметомъ и театромъ самыхъ любопытныхъ изслѣдованій и смѣлыхъ трудовъ Англійскихъ путешественниковъ. Послѣднія , изданныя Географическимъ Обществомъ извѣстія , особенно обращаютъ наше вниманіе на области около Ашласа , соприкасающіяся Имперіи Мароккской , и на средоземную Африку , которой изслѣдованіе стоить уже многихъ жерствъ.

Самое полное извѣстіе объ Имперіи Мароккской , и пограничныхъ съ нею странахъ , доставилъ Г-въ Вашингтонъ , Лейтенантъ Англійскаго флота. Къ извѣстію его приложена карта , гдѣ превосходно обозначены всѣ земли отъ Мельцина , самой возвышенной точки Ашласа , до Марокко , и отъ мыса Спарсея до мыса Бланко , на берегахъ Атлантическаго Океана , Главное достоинство сей карты , точность , съ какою путешественникъ начерталъ всѣ изгибы и всѣ неровности берега.

Пусть разсказываешь за насъ самъ Авшоръ, съ шей минуешь, когда выходишь онь, со своими провожаемыми и сонушниками изъ шьснинъ, ведущихъ къ долини, въ кошорой находишся сшодлица.

«Вдругъ, говоришь онь, увидѣли мы Императорскій городъ, находящійся среди обширной, покрытой пальмами долины. Вблизи возвышались его мечети, минареты и крѣпость, а далѣе, на заднемъ планѣ, вѣчные снѣга Ашласа рисовались на лазури неба, въ вышинѣ 11,000 футовъ. Покуда мы въ молчаніи наслаждались этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, нашъ провожатый оставилъ всѣхъ, и его соотечественники всѣ вмѣстѣ начали молиться за здоровье своего Султана, помолвившись напередъ Аллаху за счастливое окончаніе путешествія. Ночь провели мы подъ пальмовыми деревьями. На другой день, утромъ 10 Декабря, мы перешли черезъ рѣку *Тенсифтъ*, въ Альканшрѣ, по мосту на тринадцати аркахъ, и оставили за собою пальмовый лѣсъ, отдѣлявшій насъ отъ сшодлицы. Чѣмъ ближе подходили мы къ ней, тѣмъ болѣе увеличивались передъ нами шолпы и шумъ. Здѣсь сшражи Султана, въ бѣломъ плащѣ; далѣе другія войска и всѣ мужчины города, числомъ болѣе 40,000 человекъ; манѣвры кавалеріи, громъ пушекъ, фейерверочныхъ шпукъ, шумъ музыки, непрерывные залпы изъ ружей, смѣшанные съ рѣзкими криками женщинъ.... Такъ встрѣчили насъ въ Марокко. Въ полдень, когда бѣлые флаги шрепещутся надъ минаретами, и звучный голосъ Муэцинна зовешъ пра-

вовѣрныхъ къ молитвѣ , внятно повѣроря для нихъ слова : « Богъ есть Богъ , а Мугаммедъ его Пророкъ ; » мы , недостойные Назаряне , вошли въ Императорскій городъ . Насъ приняли въ навильонѣ , находящемся среди удивеннаго сада , гдѣ тѣнь и прохлада манили насъ къ ошдыху , въ кошоромъ мы очень нуждались .

« Долина Мароккская , заслоненная ошъ сѣвера дѣльно сланцовыхъ холмовъ , а ошъ юга Атласомъ , простирается въ ширину на 25 миль . Къ востоку и западу простиженіе ея необозримо , а возвышеніе надъ поверхностью моря около 1500 фушовъ . Почва ея состоишь изъ песчанистаго мергеля , смѣшаннаго съ кремнемъ , изъ кварца , агата , порфира , сердоликава , и проч . Къ югу она покрыва кустами придорожной иглы , которую Мавры называютъ *сидра небрахъ* , а къ сѣверу возвышается на ней величественный пальмовый лѣсъ . Рѣка Тенсифъ , вытекающая изъ горъ , окружающихъ долину со стороны сѣвера , слѣдуетъ въ теченіи своемъ около Марокко , ошстоящаго ошъ нея шолько въ чешырехъ миляхъ , принимаетъ въ себя безчисленное множество ручьевъ , бѣгущихъ съ Атласа , и вливается въ Атлантическій Океанъ , въ шнадцати миляхъ къ югу ошъ Саффи и во ста миляхъ ошъ Марокко . Она быстра , хошя не глубока ; ширина ея шриса сажень . Почти вездѣ можно пройдши ея въ бродѣ , шолько не весною .

« Марокко окруженъ валомъ , изъ крѣпкой глины , и съ ошвершіями по нѣкоторымъ мѣстамъ . Основаніе вала кирпичное ; вышина придцать фушовъ .

На каждахъ пятнадцати шагахъ сдѣланы въ немъ четырехугольныя башни. Вся окружность города составляетъ шесть миль; въ него входятъ одиннадцатую двойными воротами. Народонаселеніе не соразмѣрно съ окружностью города. Въ немъ множество большихъ садовъ и не заспроенныхъ земель, акровъ по двадцати и по тридцати. Дворецъ Султана внѣ города, съ южной стороны. Это настоящая крѣпость: четырехугольникъ; въ полторы тысячи сажень длины и шесть сотъ ширины, разделенный на сады и павильоны. Тутъ-то живешь Императоръ. Комнаты его устланы разноцвѣтными изразцами; всю мебель въ нихъ составляютъ подушки и ковры.

«Кромѣ садовъ при дворцѣ, у Султана есть еще другіе, чрезвычайно обширныя, въ срединѣ столицы. Къ нимъ принадлежишь и шопъ, въ которомъ жила мы цѣлый мѣсяцъ. Его называютъ: *Себтъ-эль-Мамонія*. Онъ занимаетъ пятнадцать акровъ. Это обширный зеленый лугъ, гдѣ смѣшанно представляются деревья масличныя, помаранцевыя, гранатовыя, лимонныя, фиговыя, кедровыя, акаціи, шиповникъ, миртъ, жасминъ, и проч. Эти растенія образуютъ куполы надъ зеленью; надъ ними возвышаются стройныя кипарисы, шополы и пальмы. Сквозь прогаліны ихъ семей видны лишь свѣса Аш-Ласа и башни главной мечети. Одиѣ игры газелей и журчанье воды нарушаютъ спокойствіе этого очаровательнаго утѣжища, гдѣ соединено все, чего можно желать подъ палящимъ небомъ: шизина, свѣжестъ и благоухающій воздухъ. Видъ съ плащ-

формы нашего жилища были удивительны: путь открывался весь город и весь незамѣримый доль осьь запада къ востоку; а осьь юго-востока: къ сѣверо-западу, величественная цѣпь Атласа развивала по горизонту свою завѣсу изъ вѣчныхъ льдовъ. Тамъ-то каждый день, при восхожденіи и заходѣніи солнца, глядя на эту великолѣпную картину, мы горевали, что эти превосходныя, но невѣдомыя мѣста, гдѣ на пространствѣ немногихъ миль соединены всѣ климаты, гдѣ представляется такое обширное поприще для трудовъ естествоиспытателя и геолога, что эти мѣста ограждены осьь образованности непреоборимыми препятствіями.»

Исполнивъ свое порученіе въ Марокко, Г-нъ Вашингтонъ объѣхалъ сѣверъ Атласа. Вошь нѣкошорыя выписки изъ его извѣстій.

« На разсвѣтѣ мы начали взбираться на ближайшую гору. У подошвы ея рождалъ потокъ, устланный по берегамъ масличными, рожковыми, ореховыми деревьями, акаціями, кедрами (какихъ я уже и не видывалъ лучше въ шамонней странѣ), малорослыми пальмами и шиповникомъ. Эхо скалъ приносило къ намъ крики охотниковъ Шеллогскихъ (Шеллоги урожденцы сихъ горъ), и при каждомъ поворотѣ дороги, излучины дола и безмѣрная долина открывали намъ новыя красоты. Основаніе почвы известковое; въ ней попадаетъ камешникъ, мѣль, кремнеземъ, агатъ, порфиръ, лаписъ лазули и сердоликъ. Чело горы увѣчано скалами, которыя можно почестъ исполняскими надгробными каменьями, пошому что онѣ возвышаются прямо и отдѣль-

но. Индѣ, въ самыхъ романтическихъ мѣстахъ, разбросаны скверныя хижины Шеллоговъ.

«Три часа подымались мы въ гору. Крушизна дорожекъ заставила насъ сойдти съ коней, оставивъ своихъ провожатыхъ и взявъ въ проводники горныхъ жителей. Въ этомъ мѣстѣ дорога опушена рожковыми и масляными деревьями, кедрами, дикимъ виноградникомъ и хмѣлемъ. На право и на лѣво возвышались надъ головами нашими громады песчаного камня. На 500 фузовъ ниже, съ ревомъ мчался источникъ по излучинамъ долины, и сѣга Ашласа, казалось, исчезали передъ нами.

«Въ полдень мы остановились на вершинѣ коническаго холма, сланцовой породы, и въ первый разъ принялись за измѣренія. Это было $31^{\circ}25'$ северной широты. По барометру, мы стояли въ 4600 фузахъ надъ поверхностью моря.

«Во время наблюденій своихъ мы были окружены толпою Шеллоговъ, кощорые, глядя на насъ изумленными очами. По видимому, всего болѣе обращали ихъ вниманіе нашъ нарядъ, наши выдолбленные пуговицы и наши наблюденія, производимыя инструментами. Они закричали отъ удивленія, увидѣвши что я влилъ ртуть въ одинъ изъ нашихъ приборовъ, желая получить искусственный уровень. Смѣшность и любопытство этихъ горцевъ странно противоположны съ безчувственностію Мавровъ. Они не очень высоки ростомъ, очень обыкновенны видомъ, но формы у нихъ аплещическія, приемы свободныя и видъ независимый,

какого не замѣшишь у жителей долины. Кажется что у нихъ не бываетъ зоба. Нашъ полмачъ ни сколько не понималъ ихъ нарѣчія, а сами они не знаютъ Арабскаго языка. Къ счастью съ нами былъ Шейхъ Жидовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, и съ его помощью мы могли запомнить въ точности самыя употребительныя слова изъ языка Шеллоговъ. Ихъ хижины, выстроенныя изъ камня и глины, покрыты аспидными камнями. Главное занятіе ихъ охота. Они имѣютъ мало сношеній съ Арабами и Маврами долины, и тщательно обрабатываютъ всѣ окружныя земли, способныя къ произведенію растеній.

«Въ каждой деревнѣ тамъ множество Жидовскихъ семействъ, которыя удалились для избѣжанія отъ налоговъ и оскорбленій, угнетающихъ жизнь ихъ въ городахъ. Въ долину десять деревень и 4000 жителей; изъ нихъ четвертая часть Жидовъ. Намъ сказывали, что въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ долины есть мѣдная руда, которую и разрабатывали. Нѣтъ сомнѣнія, что на цѣпи Апласа находится множество жителей, неизвѣстныхъ намъ, но конихъ нравы и характеръ достойны особеннаго вниманія.

«Выше того мѣста, гдѣ мы отдыхали, надобно всходящъ два часа по землѣ, почти голой, произрастающей немного хилыхъ кедровъ. Дошедши до снѣговой области, мы продолжали путь до того, куда проводники наши отказались идти далѣе. Въ самомъ дѣлѣ, мы могли бытъ ежеминутно погребены въ снѣгу, на кошоромъ, почти до самой

верхушки горы, нѣтъ никакого слѣда. Барометръ показалъ на этомъ мѣстѣ 6,400 футовъ вышины. Почва тамъ изъ красноватаго песчаника, и ея слои простираются отъ востока къ западу, безъ всякихъ признаковъ первобытныхъ скалъ, кромѣ обломковъ гранита и немногихъ жвъ иварца, перемежающихся съ сланцомъ. Песчаная земля расположена горизонтальными слоями, въ видѣ острого угла и круглой шапки. Впрочемъ, тутъ нѣтъ никакого слѣда вулканическихъ изверженій, и во всѣхъ наружныхъ частяхъ Атласа не видно первобытнаго существованія крашера.»

Изъ Географическихъ открытій нашего времени, всѣхъ важнѣе то, коимъ наконецъ рѣшена задача о теченіи Нигера по среднѣ Африки. Открытіе совершилъ скромный путешественникъ, безъ всякихъ прѣбзаній на систему, шедшій прямо къ своей цѣли, и смѣло преодолѣвшій затрудненія и опасности, среди коихъ погибли всѣ предшественники его. Это Ричардъ Ландеръ, вѣрный слуга и достойный сопутникъ несчастнаго Клаппертона, бывшій съ нимъ во время втораго путешествія его въ Соккашу. Извѣстно, что онъ, съ любовью горестнаго брата принявши послѣдній вздохъ своего хозяина, вѣрно сохранилъ драгоценнѣйшее сокровище его, описаніе путешествія, обогащенное собственными его примѣчаніями. Извѣстно также, что возвратившись въ Лондонъ, онъ предложилъ Географическому Обществу продолжать открытія Клаппертона, касательно теченія Нигера, или *Коррага*, ибо таково настоящее назва-

ніе сей рѣки, несвойственно именованнейся до сихъ поръ Нигеромъ. Въ назначеніи предписано было ему слѣдовать пушемъ, конемъ иель его хозяинъ, до того мѣста, гдѣ можно будетъ пачать по рѣкѣ, и такимъ образомъ изслѣдовать ея теченіе водою, до самаго впаденія въ море или въ озеро Тсаадъ, ибо во всѣхъ ипопезахъ только два сіи собранія водъ назначали ушьемъ ея.

Ричардъ Ландеръ, вмѣстѣ съ брешомъ своимъ Джономъ, вышелъ на берегъ въ Бадагрѣ, 31 Марта 1830 года. Кромѣ немногихъ уклоненій, онъ шель прежнимъ пушемъ до Буссы. Тамъ имѣлъ онъ случай ошкрыть одну ошибку Клаппершена. Бусса находится не на ошровѣ, но на правомъ берегу Коррага. Клаппершонъ почель рукавомъ рѣки небольшую рѣчку Менаи, впадающую въ Коррагъ выше Буссы. Черезъ нее должно переправляшься шедши въ городъ съ юга.

Дошедши до бѣрега большой рѣки, Ландеръ удивился, что она шакъ узка. Черныя скалы возвышались посреди водъ, между двухъ пропастей, гдѣ волны лились быстрыми клубами. Въ этомъ мѣстѣ можно перебросишь камень съ одного берега на другой. «Скала, на которой сидѣлъ я, говоришь пушешественникъ, возвышается надъ тѣмъ проходомъ, гдѣ были зарѣзаны Мунго-Паркъ и несчастные сопушники его.»

Въ Буссѣ Ландеръ и брешъ его начали свое опасное плаваніе. Отъ этого города до Юри, рѣка усьяна скалами, песчаными ошмѣями и низменны-

ми островами покрытыми пророщникомъ; путь лодка-нѣ садилась на шель безпрестанно. Тогда послѣ дождей, продолжающихся сряду двѣ недѣли, скалы покрываются высокою водою. Тогда по рѣкѣ можно плыть безъ опасности, во всю ширину ея русла.

Королевство Юри граничитъ къ востоку съ Королевствомъ Гауссою, къ западу съ Боргу, къ сѣверу съ Кюбби, къ югу съ Ниффе. Правленіе тамъ деспотическое и наследственное. Послѣдній Султанъ былъ лишенъ владѣльческаго права, послѣ возстанія, которое самъ навлекъ онъ своими припѣсненіями и несправедливостью. Нынѣшній владѣлецъ господствуетъ уже тридцать девять лѣтъ. У него есть значительное войско, съ успѣхомъ отражающее безпрестанныя нападенія Феллашаговъ. Теперь онъ занимается, въ одной изъ областей своихъ, усмиреніемъ бунша, который былъ причиненъ ошказомъ плашнѣ какія-то цодаши, и тяжкими мѣрами, принятыми для полученія сихъ цодашей. Городъ Юри населенъ чрезвычайно. Онъ обведенъ высокою и толстою стѣною изъ глины; окружность его составляетъ отъ двадцати до тридцати миль. Для входа въ городъ есть восемь ворошь, укрѣпленныхъ по системѣ туземной. Лучшее мануфактурное произведеніе въ Юри родъ пороха, весьма плохого. Кромѣ того тамъ дѣлають сѣда, шкани, и проч.; разводять и обрабатываютъ индиго, шабакъ, лукъ, хлѣбъ и рисъ превосходнаго качества. Тамъ-же выкармливаютъ лоша-

дей, буйволовъ, барановъ, козъ; но не сметря на промышленность свою, жители ошврашительны наружностью, и безпрестанно жалуется на несчастія современныя.

Вышедши изъ Лайябы, въ Королевствѣ Ниобе, Коррагъ величественно продолжаетъ свое теченіе, на двѣнадцать или четырнадцать миль, до Баіэбо, не будучи затрудненъ ни островами, ни скалами. Ширина его, въ долинѣ, гдѣ разсыяно нѣсколько печальныхъ деревень, различна: отъ одной до трехъ миль. «Въ Ваіэбо, говоритъ Ландеръ, увидѣли мы, 5-го Октябръ, въ первый разъ, большія лодки, съ шалашомъ посрединѣ, нагруженныя товарами.»

Далѣе открывається островъ Моджи, покрытый бѣднымъ произрашеніемъ, ушыканый кустарникомъ и прямыми скалами, гдѣ въ заслоненныхъ шеровъ расщелинахъ живутъ дикіе звѣри и хищныя птицы. Ниже Моджи видна громада скалъ, вышиною въ шриста футовъ: онѣ возвышаются изъ воды; жители, называя сію гору Кеземъ, оказываютъ къ ней суевѣрное уваженіе. Здѣсь рѣка обращается къ востоку, при подошвѣ цѣпи горъ, и течетъ далѣе на юго-востокъ, до Рабы, цвѣшущаго и многолюднаго города, гдѣ есть большое шоржище невольниками. Отсеаъ направляетъ она теченіе свое къ востоку. Ниже Рабы, принимаетъ она въ себя значительную рѣку, текущую отъ сѣверо-востока: это Кудонія, черезъ которую пере-

правился Ричард Ландеръ во время перваго своего путешествія, возвращаясь изъ Соккашу. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья ея встрѣчается Эгга, городъ довольно значительный, гдѣ жители одѣваются въ Португальскія шкани, идущія изъ Бенна; это заставляетъ предполагать, что они вѣзутъ сообщеніе съ берегами Океана, посредствомъ своихъ большихъ лодокъ. Отъ Эгги рѣка обращается къ югу, и черезъ четыре дни плаванія путешественникъ встрѣчаетъ устье другой большой рѣки, текущей съ сѣверо-востока и называемой Тшадда. Во время прибытія Ландерова, она была въ разливѣ и казалась шириною около трехъ миль. Имъ объявили, что городъ Фунда, о которомъ говорилъ Клаппершонъ по случаю своего пребыванія въ Соккашу, находится на берегу сей рѣки, въ трехъ дняхъ разстоянія отъ ея устья. Арабскій Шехъ, увѣрявшій Клаппершона, что Коррагъ проходитъ въ Фундѣ и послѣ обращается къ востоку, говорилъ о Тшаддѣ. Сія-то ошибка заставила Маіора Денгама думать, что Шарри могла быть продолженіемъ Коррага.

Присоединивъ къ себѣ Тшадду, Коррагъ проходитъ сквозь цѣпь горъ, которыя постепенно возвышаются къ юго-востоку и оканчиваются у испанскихъ прямыхъ горъ, ограничивающихъ горизонтъ Бенниискаго залива. Исчислено, что вышина ихъ простирается на двѣнадцать и тринадцать тысячъ футовъ. Выходя изъ сихъ горъ, рѣка омываетъ сѣвы города, называемаго Киррія. Тамъ-то начина-

есть она образовывавшъ великую дельту, простира-
ясь къ юго-западу до устьевъ рѣки Формозы или
Бенина, а къ юго-востоку до устьевъ прежняго
Кальбарн. Разстояніе между сими двумя устьями
составляетъ 240 миль. Рукава дельты раздѣляю-
тся на необозримой долины и часто наводняють ее.
Вся эта страна есть не иное что какъ болото,
гдѣ прозябають ничтожный народъ. Тамъ Ландеръ
нашелъ многихъ торговцевъ невольниками, занимаю-
щихся этимъ безчеловѣчнымъ и постыднымъ тор-
гомъ.

И такъ, вошь рѣшеніе задачи! Надобно благо-
дарить за это духъ системы, столь долго поддер-
живавшій своими остроумными вымыслами вниманіе
и любопытство публики. Съ той поры, какъ Мун-
го-Паркъ открылъ рѣку, названную имъ *Джоллибой*,
всѣ Географы занимались изысканіемъ дальнѣйшаго
ея направленія. Нѣмецкій Географъ Рейхардъ пош-
тасъ сосрощилъ на извѣстїи Мунго-Парка ищезу,
довольно остроумную, но неподкрѣпленную ничѣмъ.
Онъ выдумалъ, что въ срединѣ Африки есть огром-
ное озеро, откуда вытекають и Джоллиба и другія
внутреннія рѣки. Онъ исчислилъ количество воды
въ озерѣ и въ рѣкахъ; количество, теряющееся
отъ испаренія, отъ всасыванія, и проч., и другую
различную убыль, а осальное сжалъ въ Бенинскій
заливъ. Г-нъ Макъ-Квинъ, послѣ него, сосрощилъ
систему, также остроумную, но также лишенную
всѣхъ доказательствъ. Одному Ричарду Ландеру
обязаны важнымъ открытіемъ теченія Коррага до

самаго устья его, и онъ конечно заслужилъ *пятьдесятъ гиней*, Королевскую награду, выданную ему Географическимъ Обществомъ.

Коррагъ не есть-ли продолженіе Мунго-Парковой Джоллибы? Нѣтъ-ли чегонибудь общаго между Джоллибой, Коррагомъ и Нигеромъ?

На первый изъ сихъ вопросовъ ошлѣчаемъ, не записываясь: *да*; на второй: *нѣтъ*.

Неоспоримое мнѣніе, что Коррагъ и Джоллиба суть одно и то же, подтверждается самыми положительными и согласными свидѣтельствами. Мандингскій священникъ, посланный удостовѣриться о жребіи Мунго-Парка, послѣ того какъ распространилось извѣстіе о его смерти, донесъ, что лодка Мунго-Парка опрокинулась въ Буссѣ, и онъ самъ, со своими спутниками, былъ зарѣзанъ въ этомъ мѣстѣ, до полн неизвѣстномъ. Клаппертономъ, во время втораго путешествія своего, узналъ это мѣсто на берегахъ Коррага, и ему рассказали о несчастіи и смерти Мунго-Парка, съ тѣми-же подробностями, какія доставилъ Мандингскій священникъ; назначили мѣсто ужаснаго случая и сказали, что книги и бумаги Мунго-Парковы находящіяся у Султана Ниффескаго. Когда Ландеръ возвращался послѣ смерти Клаппертона, то Султанъ Бусскій далъ ему вычистить ружья, на которыхъ крѣпко показывало, что они сдѣланы въ Лондонѣ. Но вѣдь еще сильнѣйшее доказательство: старый Султанъ Бусскій подарилъ братьямъ Ландерамъ книгу логарифмовъ и прекрасный молитвенникъ, на ко-

порыхъ означено имя Андерсона, одного изъ сопутниковъ Мунго-Парковыхъ. Въ первой изъ этихъ книгъ была вложена записка, съ приглашеніемъ на обѣдъ къ одному Дженсласмену, въ улицу Справдъ. Слѣдовательно, если лодка Мунго-Паркова опрокинулась около Буссы, когда онъ изслѣдывалъ теченіе рѣки, то эта рѣка, все равно какъ-бы ни назвали ее сначала, была не иное что какъ Коррага.

Касательно Нигера, ни Иродотъ, ни Плиній, ни Птоломей не писали ничего, что имѣло-бы малѣйшее отношеніе къ Коррагѣ или Джоллибѣ. Иродотъ рассказываетъ по слуху, что молодые путешественники прошли пустыню Ливійскую, которая, по его мнѣнію, простирается отъ Египта до Мыса Содоенса, и что они шли прямо на западъ (*προς Ζηφυρον ανέμων*). Они могли-бы идти столько по этому направленію, и не встрѣтили-бы ни Джоллибы, ни Коррага. О великой степи Сааръ Иродотъ не говоритъ ничего. Онъ рассказываетъ только, что за степью Ливійскою, которая простирается на Югъ отъ Мавританскаго Атласа, путешественники нашли городъ, на берегахъ большой рѣки, текущей отъ запада къ востоку. Слѣдующе по пути, означенному Греческимъ Историкомъ, можно встрѣтить лишь небольшія рѣки, вытекающія изъ цѣпи Атласа, къ югу отъ Алжира, изъ коихъ значительнѣйшую называютъ Африканцы *Гиръ*. Подъ этимъ именемъ находится она и на послѣдней картѣ Африки Карей. Объ этой-то рѣкѣ, вѣроятно, говоритъ и Плиній. Онъ рассказываетъ, что Римскій военачальникъ Свешоній Паулинусъ,

первый перешедшій западную дѣль Ашласа, достигъ береговъ рѣки, текущей къ востоку и называемой Нигеръ; что эта рѣка скрывается въ пескахъ, является снова и опять исчезаетъ въ нихъ, послѣ чего продолжаетъ свое теченіе, разделяя Ливію отъ Эіопіи, и впадаетъ въ Нилъ. Вѣроятно, что Гиръ Леона Африканскаго есть не иное что какъ Нигеръ Плинія и *Нигеръ* Птоломея. Впрочемъ, сей послѣдній говоритъ о за-Ливійской части Африканскаго материка, и всегда по сказаніямъ коричихъ сѣверной части береговъ, находящихся къ западу отъ Египта. (Прежде всѣхъ Арабы, на своихъ верблюдахъ, прошли черезъ степь Саару.

Такимъ образомъ Нигеръ Древнихъ долженъ быть уничтоженъ на картѣ Африки.

Съ Французскаго. Б.

Г Р А М А Т Ы ,

Великаго Князя Василія Іоанновича , и Царей Іоанна Васильевича , Θεодора Іоанновича , Бориса Θεодоровича , Дмитрія Самозванца , и Василія Іоанновича Шуйскаго , данныя Галицкимъ ры-
воловамъ (*).

Сезъ , Князь Велики Василей Ивановичъ , всея Русси , пожаловалъ есьми своихъ рыболовей Галицкихъ , Несперка Ильина да Дему Тимохина , да Закаря Анапьяна , да Фимоника Федорова , да Нилку Иванова , да Михайля Деева , да Сеньку Меленшьева , да Онцыфорика Иванова , да Оснеца Опаньяна , да Федьку Дворникова , да Пешрушку Лавреншьева , да Пешрушку Гридина , да Василья Захарова , да Ивашка Давыдова , да Ивашка Федорова , да Микишку Парфоньева , да

(*) За доставленіе сихъ памятниковъ древности , Издашель Телеграфа усердно благодаритъ почтеннаго В. Н. Барпенева , который узнавъ о существованіи оныхъ , собственноручно списалъ ихъ , съ возможною точностію .

Олексыка Власова, да Данилка Гаврилова, да Лавра Борисова, да Левона Фофанова, да Илью Гридина, да Исака Машвѣева, да Тереха Машвѣева, да Есипа Васильева, да Илью Окузова, да Демиды Иванова, да Пешрушку Сяманова, да Гридю Левоншіева, да Сенку Гридина, да Фисена Машукова; озеромъ Галичскимъ, да корыпинами, что около шого озера, да рѣкою Вексою, до Сокольной Помчицы, опроче ловищъ Григорьевыхъ дѣшей, Морозовыхъ, а ловиши имъ рыба въ шомъ озерѣ, и въ корыпинахъ, и въ рѣкѣ Вексѣ и въ сокольныхъ помчицахъ, ледъ, опледу доледу, а что ихъ ловля порѣчкамъ по падучимъ, и по шемъ рѣчкамъ ловяшъ рыбу шѣхъ рыболове, по шарыль своимъ ловищемъ, ошъ леду до леду, а давали имъ съ шого озера и съ рѣки Вексы, и съ рѣчекъ съ падучихъ, и съ корыпинъ, и съ Сокольныхъ помчищъ, за рыбную ловлю, згуду на годъ на мой дворець по шрешьящдать рублевъ, а проче подледные ловли; зимніе; а даши шѣмъ рыболовемъ шомъ оброкъ въ первые на Крещеніе Христово, леша семь пысячь пятаго надесащъ, а опроче шѣхъ рыболовей не ловиши рыбы въ озере, и въ рѣке въ Вексѣ, и въ падучихъ речкахъ. . . . никому, а хто учнешъ опроче шѣхъ рыболовей рыбу ловиши въ озерѣ и въ рѣкѣ въ Вексѣ, и въ падучихъ рѣчкахъ, и я шѣмъ рыболовемъ велѣлъ имати изъ заповѣди достащдши передъ своими Намѣстники, передъ Галическихъ, да ково ушяжущъ, и Намѣстники наши на шомъ веляшъ взяши себе рубль, а другой рубль рыболовемъ. А дана Граманша *лѣта семь тысячъ ствертаго надесащъ*, Марша въ 23 день.

На подлинной на оборотѣ написано тако: *Князь Велики Василей Ивановичь всея Русіи. Приказалъ Дворецкой Петръ Васильевичь.* На шой Грамагѣ приложена печать краснаго сургуча. Новая скръть: *Президентъ Алексей Скорняшниковъ.*

Ошъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Русіи, въ Галичи, Городовымъ Прикащикомъ Меншику, Окоемову сыну, Свиньину, да Федору, Машвъеву сыну, Борнякову, и шѣмъ Городовымъ Прикащикамъ, которые впередъ по нихъ будутъ. Били намъ челомъ Галицкіе посадскіе рыболова, Назарко Ивановъ сынъ, да Федосейко Андреевъ сынъ, да Агей Григорьевъ сынъ, Корышовъ, да Васька Петровъ сынъ, да Гришка Трофимовъ сынъ, да Федько Онаньинъ сынъ, да Оверкейко Онуфріевъ, да Васька Федоровъ сынъ, да Мишка Савельевъ сынъ, да Курсанко Гавриловъ сынъ, да Федько Дмитревъ сынъ, да Харитонко Степановъ сынъ, да Селя Ермолинъ сынъ, да Сенька Лавреншьевъ сынъ, да Ошашка Андреевъ сынъ, Мякишевъ, да Иванко Ивановъ сынъ, Луцка, да Сенька Андреевъ сынъ, Воскресенской, да Олешка Чепуринъ сынъ, да Иванко Ивановъ, Муреновъ, и во всѣхъ шоварищевъ своихъ, Галицкихъ рыболовей мѣсто: собирають-де съ насъ на вѣру съ Галицкаго озера, и съ рѣкъ съ Вексы, съ остроловицы и съ иныхъ рѣчекъ съ рѣчки Середни, да съ рѣчки съ Едомши, да съ рѣчки съ Шокши, да съ рѣчки Свящницы, да съ рѣчки съ Липовки, да съ рѣчки съ Пусыньки, съ Соколыхъ помчищъ, съ лѣтнія рыбныя ловли, обро-

ку и пошлинь, съ году на годъ, по сороку по два рубли, и по чешыре гривны; да шого-же озера и рѣкъ за нашу половину, съ зимнихъ рыбныхъ ловель, оброку и пошлинь по осьми рублевъ, и по шестнашцаши алшынь; и шого-де у нихъ оброку въ сборѣ шолько не сходится, пошому, которые у нихъ кругъ шого Галицкаго озера, и рѣкъ живутъ Княжіе, и Боярскіе, и монастырскіе, рыбу ловяшъ на себя, а имъ-де и съ шѣхъ своихъ ловель оброку не даюшъ, а спавяшца имъ сильны, и съ шѣхъ-де ловцевъ они оброку сполна не собираюшъ, а доплачиваюшъ нашъ оброкъ собою, и Грамоты у нихъ нашіе на шо озеро и на рѣки нѣшъ, и спояши имъ на шомъ озерѣ и на рѣкахъ непочему и въ шѣхъ-де и съ иныхъ людехъ спавяшца имъ убышки великіе, и намъ-бы ихъ пожаловашъ, на шо озеро и рѣки даши Грамота, которые въ шомъ озерѣ, и въ рѣкахъ, учнушъ съ ними рыбу ловиши, и съ шѣхъ-бы своихъ ловель наши оброки плашили имъ, пошому-жь почему они промежъ себя по разводу плашяшъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а которые окольные ловцы въ шомъ озерѣ и въ рѣкахъ учнушъ съ ними рыбу ловишъ, и вы-бъ на шѣхъ ловцевъ, въ нашъ оброкъ, съ рыбныхъ ловель доправлявали, пошому-жь, почему они промежъ себя разведущъ, а которые ловцы спороніе учнушъ въ шомъ озерѣ и въ рѣкахъ рыбу ловиши, а въ оброкъ въ нашъ съ ними шянушся не спанушъ, и вы-бъ шѣхъ людей велѣли приводиши къ собѣ, да ихъ въ нашей ценѣ, и въ шомъ оброкѣ велѣли давали на поруки, съ записьми, да о шомъ кнамъ описывали, и мы вамъ о шомъ велѣмъ Указъ свой учинишъ, шомъ оброкъ

съ озера и рѣкъ великъ на нихъ насильныхъ людехъ, на однихъ, доправши вдвое, а проченси-бъ еше сея нашу Грамошу ошдали рыболовемъ шѣмъ, которые въ сей нашей Грамашѣ имяны писаны, а себе-бы еше съ тою нашею грамошою списывали прошивень, слово въ слово. Писана изъ слободы, лета 7082, Генваря въ . . . день.

На подлинной Грамашѣ назади пишеть, тако : *Царь и Велики Князь осел Русіи.* Да на той-же Грамашѣ пишеть : *Днакъ Гаврило Станиславовъ.* На подлинной Грамошѣ приложена печашь чернаго сургуча.

Ошъ Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича, всеа Русіи, въ Галичъ Семенкѣ Кобелеву. Били намъ челомъ Галицкіе, зимнія рыбныя ловли ловцы, Рошка Онаньпнъ, да Андрюшка Ондреевъ, да Ивашко Савельевъ, да Сенка Ивановъ, да Митка Кузмпнъ, да Олешка Ивановъ, да Афонька Афонасьевъ, да Васька Васильевъ, стоварищи, а сказали : ловяшь-де они рыбы вгалицкомъ озерѣ, да въ рѣкъ Вексѣ по Сынковскіе сады, да въ рѣкъ Оспроловицѣ, да въ рѣкъ Светицѣ, по Московскую дорогу, да въ рѣкъ Ихляскѣ по чолску, да въ рѣкъ Средней, по большіе омушы, да въ рѣкъ Шекшѣ по бѣлой омушѣ, да вѣрѣкъ Едомшѣ починокъ, и на всѣхъ рѣкахъ, которые впали въ Галицкое озеро, и пляшяшь-де они съ тою рыбныя ловли въ нашу казну, въ чет-вершъ Діжка нашего Василя Щелкалова, оброку по осми рублевъ, и пошшинадцаши алшынъ, да въ

шомъ-же-де въ Галицкомъ озерѣ, и въ рѣчкахъ ошданы въ откупъ намѣстничи двѣ доли, зимня-жь рыбные ловцы Галицкому Протопопу Ивану Федорову съ товарищи, а откупъ оны съ шѣхъ дву доль плащипъ въ нашу казну, въ четверть Діака нашего Василья Щелкалова, по десяти рублевъ, и по двашцати по семи алшынъ, и въ шѣ-де зимнія рыбныя доли всшупаюшся Князи, и дѣши Боярскіе, и монастырскіе прикащики, а сказываюшъ, что у нихъ шѣ воды написаны въ нашихъ въ жалованныхъ Грамошахъ, и будешъ такъ, какъ намъ рыбные ловцы Родка Онаньинъ; съ товарищи, били челомъ, а шѣми будешъ зимними рыбными ловцами прежь сего владѣли они, Галицкіе рыбные ловцы, Родка Онаньинъ съ товарищи, кошорые въ сей нашей Грамашѣ имяны писаны, а у помѣщиковъ и вошчинниковъ, въ вошчинныхъ, и въ помѣстныхъ Грамашахъ, и у монастырей въ нашихъ жалованныхъ Грамошахъ, шѣ рѣчки не написаны, и на оброкъ никому не ошданы, и шы-бъ шѣми рѣчками велѣвъ владѣши Галицкимъ рыболовемъ, Ромкѣ Ананьину, съ товарищи. А будешъ шѣ рѣчки у дѣшей Боярскихъ, и въ вошчинныхъ, и въ помѣстныхъ Грамашахъ, или у монастырей въ нашихъ жалованныхъ, или въ оброчныхъ Грамашахъ, и шы-бъ о шомъ писаль къ намъ, къ Москвѣ, въ четверть Діака нашего Василья Щелкадова, и мы шебѣ о шѣхъ рѣчкахъ велымъ Указъ учинишь, а прочешъ сю нашу Грамашу, и списашъ съ неѣ прошивень, слово въ слово, держаль у себя, а сю нашу Грамашу ошдалъ-бы еси рыбнымъ ловцамъ, Ромкѣ Ананьину, съ товарищи, и они ее у себя держашъ для иныхъ

нашихъ приказныхъ людей, и посланниковъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7093, Марша въ 25 день.

На подлинной Грамотѣ позади пишешь шако:
Царь и Великии Князь всеа Русии.

Лѣта 7108, Генваря 11, Государь Царь, и Великии Князь, Борисъ Федоровичъ, всеа Русии, Галицкихъ рыбныхъ ловцовъ, Ротку Ораньина, съ товарищи, пожаловалъ, сее у нихъ Грамоты никому ни въ чей рудни не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити въ сѣмь пошому, какъ въ сей Грамотѣ написано, а подписалъ Государевъ, Царевъ и Великаго Князя, Бориса Федоровича всеа Русии, Дьякъ Семень Чередовъ, Дьякъ Василей Щелказовъ. — На подлинной Грамотѣ приложена печать чернаго воска.

(До следующей книжки).

С М Ъ С Ъ.

— *Новыя зданія въ Москвѣ.*— Никогда древняя наша Столица не была украшаема такъ быстро, и такими огромными, прекрасными зданіями, какъ нынѣ, въ послѣдніе годы. Устроилось фоншановъ учебнаго заведенія въ Слободскомъ дворцѣ, младшаго Кадетскаго Корпуса, Городской больницы за Калужскими воротами, и Екатерининской больницы на Петровкѣ, доказывающъ справедливость нашихъ словъ. Касательно учебныхъ заведеній, упомянемъ, что для учрежденія двухъ новыхъ училищъ, по особеннымъ назначеніямъ, купленъ уже домъ Апраксина на Знаменкѣ, и нанята домъ Князя Куркина въ Старой Басманной. Въ сихъ обонхъ мѣстахъ откроются новыя пріюмы народному образованію. Домъ Пашкова (гдѣ былъ Театръ), на Моховой, купленъ Университетомъ, и, какъ говорятъ, будетъ соединенъ съ домомъ Университета аркою, черезъ Никишскую. — Вскорѣ Москва будетъ имѣть и купеческую биржу, чего донныѣ недоставало для Московскаго купечества. Государь Императоръ пожаловалъ для сего предмеша Московскимъ купцамъ 500,000 рублей.

Биржа будетъ построена на мѣстѣ нынѣшняго рыбнаго двора, въ переулкѣ, противъ Госпитнаго двора. Мѣсто, конечно, не совсѣмъ удобно, для изящнаго строенія, но здѣсь болѣе имѣли въ виду пользу, нежели красоту. Отдаливъ биржу отъ Госпитнаго двора, лишили-бы купцовъ возможности собираться въ оной. Рыбный дворъ, временно, переносится за Ильинскія ворота, гдѣ будетъ устроено, противъ мѣста яблочной складки, деревянное зданіе, для помѣщенія онаго. Но гдѣ окончательно будетъ устроено зданіе онаго, приносящее купечеству 16,000 рубл. ежегодно, еще неизвѣстно.

Публика извѣщена уже, Высочайшимъ повелѣніемъ, что Храмъ Христа Спасителя, который предположено было воздвигнуть на Воробьевыхъ горахъ, будетъ построенъ на берегу Москвы рѣки, тамъ гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь. Впрочемъ, къ постройкѣ Храма еще нѣтъ никакихъ приготовленій.

Скажемъ о новомъ благотворительномъ заведеніи, которое предположено устроить въ Москвѣ. *Андреевская богадѣльня* (въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ, что близъ Воробьевыхъ горъ), принадлежащая Московскому купечеству, и содержащая на его счетъ, издавна оказывалась недостаточною, для помѣщенія многихъ, пребывавшихъ призрѣніи и пристанища, спрадальцевъ. Между тѣмъ, въ Московское купеческое общество поступило довольно

кацишатовъ, пожертвованныхъ для устройства больницы и богадѣльнъ, разными благошворителями. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году купецъ Зубовъ, по духовной, передалъ обществу на сей предметъ 200 т. рублей. Изъ сихъ суммъ купечество рѣшилось устроить отдѣленіе Андреевской богадѣльни, и купило уже для помѣщенія онаго дома Г-жи Полшарацкой, за Калужскими ворошами, съ обширнымъ мѣстомъ, за 100 т. рублей. Немедленно приступлено будетъ къ дальнѣйшему устройству предполагаемаго припанища спаросии и нищеты.

— *Теоретическая и практическая метода для фортепiano, изданная Г-мъ Козловскимъ.* — Подъ симиъ заглавіемъ, на Французскомъ и Польскомъ языкахъ, издава Г-мъ Козловскимъ книга, полезная для обученія на фортепiano. Извѣстны многія подобныя сочиненія. Изъ числа ихъ, въ послѣднее время признана превосходнѣйшею *Метода*, изданная знаменитымъ Гуммелемъ. Она извѣстна и въ Россіи. Но неудобство ея для насъ состоятъ въ томъ, что Гуммель писалъ не для нашихъ учащихся, воспитанцевъ и начальниковъ семействъ, которые имѣютъ надобность въ музыкальномъ руководствѣ. Напрасивъ Г-на Козловскій, проживши нѣсколько лѣтъ въ Россіи, собственнымъ опытомъ узналъ, что потребно для исправленія и усовершенствованія нашего при обученіи на фортепiano. Ошъ сего, въ

книгѣ его найдете многое, что и въ мысль не приходило Гуммелю. Есть подробности, которыя можно было-бы почтеть излишними, не зная, на какой степени находишься у насъ музыкаученіе. Такова, напримеръ, статья: *Къ родителямъ и учителямъ*, помѣщенная вначалѣ. У насъ, обыкновенно, обученіе на фортепіано оканчивается вышверживаніемъ болѣе или менѣе шрудныхъ пьесъ. Это губитъ много дарованій; прошивъ этого-то возстаешь Г-нъ Козловскій; онъ объясняетъ значеніе, цѣль Музыки, и предлагаетъ истинную методу. Въ механической части ея не можешь быть много новаго: это плоды усовершенствованій, сдѣланныхъ въ игрѣ на фортепіано великими художниками, каковы Фильдъ, Гуммель, Мошелесъ, Калькбреннеръ, Ризъ, Герцъ, и проч. Но самая *метода* Г-на Козловскаго ошачается ясностью, постепенностью и обдуманностью. Знаюки увѣряли насъ, что обученіе по методѣ Г-на Козловскаго, можно сдѣлать легкіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ богатые сладствіями и прочіе успѣхи. Посему-то мы обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на книгу Г-на Козловскаго.

Въ концѣ сей книги помѣщенъ *Словарь терминовъ и изобретеній музыкальныхъ*. Онъ ошачается полнотою, какия только возможна при краткости. *Прибавленіе*, гдѣ исчислены лучшія сочиненія (ношны) для фортепіано, назначаемыя къ постепенному разигрыванію, также весьма полезно. Авторъ справедливо говоритъ, что особы, живущія въ провинціяхъ, затрудняются въ выборѣ ношъ для уча-

щихся и часно покупають или очень шрудныя или не самыя хорошія. Онъ указываетъ на самыя изящныя сочиненія, наблюдая при томъ постепенную шрудность оныхъ.

Изданіе *Методы* Г-на Козловскаго было-бы великолѣпно, если-бы ноты въ ней были всѣ одинаково литографированы. Видно что Издашель не жалѣлъ издержекъ; бумага употреблена имъ превосходная; только художники не выполнили ожиданія его. Первые листы литографированы прекрасно; послѣдніе ученически. Въ началѣ приложенъ чрезвычайно сходный съ оригиналомъ портретъ Фильда, сдѣланный очень хорошо.

Книга Г-на Козловскаго продается въ музыкальных магазинахъ и книжныхъ лавкахъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА СТАТЬЮ МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

М. Г. Николай Алексѣвичъ!

При истинномъ уваженіи къ лицу, неохотно относимъ къ нему дѣйствіе, по видимому имъ совершенное, но недостойное его. Такъ я не могу повѣрить, чтобы, помѣщенные въ 7-мъ № Московскаго Телеграфа; замѣчанія на *Рѣчь мою* — о необходимости отечественнаго воспитанія, были написаны вами, хотя сіе и кажется ямовѣрнымъ; даже не понимаю, какъ могли сіи замѣчанія получить мѣсто въ Журналѣ, вами издаваемомъ, ибо не много, и въ посредственныхъ періодическихъ изданіяхъ, можно найти разборовъ книгамъ, въ которыхъ-бы судьи оказали такое пренебреженіе и къ своему добру имени и къ имени обсуживаемаго ими, какое оказано въ помянутыхъ замѣчаніяхъ. Ошозвавшись о чедовѣкѣ съ похвалою за два обширныя произведенія, перебующія многихъ и трудныхъ соображеній, и шунъ-же отказать ему въ здоровомъ смыслѣ и способностѣ для сочиненія крашкой рѣчи, назначенной для единовременнаго прочтенія; исказить шрудъ Сочинителя до того, чтобы не оставалось

въ немъ и шѣни написаннаго, и, послѣ сего скаже-
 нія, нещадно порицашъ того Сочинителя за легко-
 мысленность, преувелчѣнія, несоблюденіе логи-
 ческихъ правилъ, и шюму подобное!... Нѣтъ, М.
 Г., все это недостойно васъ, недостойно
 Журнала нашего. Я остаюсь въ увѣренности,
 что Г-нь Полевой не только не писалъ подоб-
 ныхъ замѣчаній, но даже не читалъ ни Рѣчи моей,
 ни сужденій объ оной; и посему, въ защиту свою,
 сообщаю ему содержаніе первой, каково оно есть
 дѣйствительно у меня, и прѣтѣмъ, какъ оно выра-
 жено въ отрывкѣ М. Телеграфа. Увѣренъ, что по-
 сему одному вы будете смотрѣть на мой трудъ
 иными глазами. Удостоите меня вниманіемъ.

Предметомъ рѣчи моей избралъ я — *необходимость
 отечественнаго воспитанія*. Доказываю сію необхо-
 димость во-первыхъ шѣмъ, что достоинство част-
 ныхъ лицъ и народовъ требуетъ отъ нихъ само-
 стоятельности въ ихъ дѣйствіяхъ; что частныя
 лица и народы необходимо впадаютъ, безъ сей са-
 мостоятельности, въ позорную и вредную для нихъ
 зависимость отъ силъ чуждыхъ; что Россія до-
 стигла уже того возраста, въ который должно ей
 стараться объ освобожденіи себя отъ безощетнаго
 во всемъ зависѣванія, и особенно по дѣлу во-
 спитанія. Доказываю даже, что иностранные во-
 спитатели, особливо недостойные своего званія,
 которыхъ, къ несчастію, болѣе чѣмъ достойныхъ,
 не могутъ насъ ознакомить съ нашимъ отечествомъ,
 побеляють холодность къ всему отечественному,
 для нихъ чуждому, хотя и заслуживающему любовь,

естественно похваляя свое, боже имъ законово-
 Здѣсь, между прочимъ говорю, что было время,
 въ которое Рускіе (разумеется, известнаго
 класса), раздружились съ своимъ языкомъ, играми,
 нравами и обычаями отечественными, скрѣпляющи-
 ми союзъ и единодушіе между всѣхъ сословій Госу-
 дарства. Зашѣмъ я осмѣлился предложить, чтобы
 Россіане высшихъ классовъ, обративши вниманіе
 на сіи предметы, очистили ихъ отъ грубаго, при-
 витого къ нимъ стѣкла невѣжественными, и, вмѣсто
 забвенія оныхъ и займствованія забавъ, насъ извѣ-
 живающихъ, равно нравовъ и обычаевъ намъ чуж-
 дыхъ, постарались возобновить свои, для сбли-
 женія стѣмъ всѣхъ сословій и для удержанія харак-
 тера народнаго. При семъ, для примѣра, показываю,
 что можно-бъ было, съ пользою и для высшихъ
 классовъ, возстановить, послѣ сообразнаго съ ду-
 хомъ времени и вкусомъ улучшенія, нѣкоторыя игры
 и обыкновенія, остающіяся теперь только въ про-
 стомъ народѣ. Начало рѣчи содержитъ въ себѣ
 обращеніе вниманія слушателей къ подвигамъ Мо-
 нарха на полѣ просвѣщенія; въ заключеніи выражаю
 желаніе, чтобы священная воля Государя — сохра-
 нить доблестный характеръ народа Русскаго и са-
 мобытность его со стороны умственной дѣятель-
 ности — исполнилась, и чтобы воспитанники Им-
 периатора, которыхъ назначеніе бытъ наставни-
 ками народными, выполнили надежды Отца-Мо-
 нарха и чаянія всѣхъ добрыхъ сыновъ Отечества.

Что-же приписывается мнѣ въ Телеграфѣ? За-
 главіе Рѣчи моеи выставлено то-же — о необходи-

ности отечественнаго воспитанія; а въ замѣчаніяхъ сказано, что я избралъ предметомъ любовь къ отечеству, и средствами къ развитію сей священной любви предлагаю одинъ вопль прошиву иноземнаго воспитанія, приводя въ доказательство справедливости вопля сего или исключенія, или несбытае; средствами къ исправленію мнимо-чужеземнаго воспитанія предлагаю *худшіе бои, борьбу, ристаніе на коняхъ*, и такъ дайте, равно *попойки на мѣлахъ отцовъ!*

М. Г.! Скажу еще разъ: вы не читали ни Рѣчи моей, ни замѣчаній на оную; иначе, при вашемъ благоразуміи, не допустили-бы послѣднихъ въ вашемъ Журналѣ; они написаны слишкомъ поспѣшно и весьма обидно для подсудимаго. Выписавъ нѣсколько моихъ періодовъ, Сочинитель замѣчаній привѣсилъ оныя совсѣмъ не къ тому, къ чему они склоняются у меня, и такимъ образомъ цѣлый трудъ мой, лицамъ, незнающимъ его, представляень со стороны, какой онъ вовсе не имѣеть. Меня виняшь за преувеличенія, за представленіе предметовъ въ неистинномъ ихъ видѣ. Обвиненіе, также несправедливое, ибо были, есть и понинѣ тысячи такъ называемыхъ образованныхъ людей, которые не знали и не знаютъ достаточнаго отечественнаго языка, не знаютъ, что хорошаго есть въ ихъ отечествѣ, не знаютъ своихъ законовъ и, не только многихъ обрядовъ Вѣры, но даже важнѣйшихъ, существенныхъ догматовъ ея; и все это вредное для духа народнаго незнаніе есть слѣдствіе слѣпой привязанности къ иностранцамъ и иностранному и нехотѣнія имѣть,

при дѣтяхъ своихъ, достойныхъ Русскихъ наставниковъ. Исключенія, которыми виняшь меня, не съ сей стороны, а съ прошивной. Меня виняшь также за дурной слогъ: не оправдываю себя въ семъ отношеніи; можешь спастись, слогъ мой поустарѣлъ вмѣстѣ со мною. Скажу однако, что Сочинитель замѣчаній, касательно сего предмета, едва ли не въ такой-же увѣренности написалъ это обвиненіе, въ какой мѣщанинъ областного города хвалился своимъ нарѣчіемъ предъ поученымъ Москвитяниномъ, говоря ему слѣдующимъ языкомъ: «*нашой рыцѣ съ свѣци цышмо нитю.*» — Прости же мнѣ, М. Г., это шуточное сравненіе и — находите мое оправданіе по всему прочему основательнымъ, или нѣтъ — не оспариваешь помѣстивъ его въ вашемъ Журналѣ. Мнѣ желательна снятъ пянно, наложенное на меня предъ глазами вашихъ чисташедей. Не согласятся они со мною — вы и ваши правы; согласятся — это не умалишь (ибо кто не погрѣшаетъ?) ни ихъ, ни, особенно, моего къ вашимъ талантамъ и оплеченымъ трудамъ вашимъ на пользу общую уваженія, съ коимъ имѣю честь пребысть навсегда, и проч.

Матвій Талызинъ.

13 го Августа,
1832 года.

Санктпешербургъ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПОСТЕПЕННЫЙ ХОДЪ

И

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ АРХИТЕКТУРЫ ВЪ АНГЛІИ.

(Окончаніе).

Архитектура временъ Елисаветы составля-
етъ отдѣльный классъ, особенный родъ Архи-
тектуры, который ни мало не кажется намъ
дурнымъ. Это, всегда умное и часто гармонич-
еское, смѣшеніе стариннаго Готическаго и
Итальянскаго родовъ, уравненныхъ одинъ дру-
гимъ. Если Англо-Саксонскому стилю даютъ
особенное и почетное мѣсто, то я спраши-
ваю, почему не пользовались тѣмъ-же преиму-
ществомъ смѣшанному стилю временъ Елисаветы?
Архитектура Англо-Нордманнская есть пе-
реходъ отъ Готическаго къ Лапидному сти-
лю; Архитектура Елисаветина времени пока-
зываетъ возвращеніе отъ Римскаго стиля къ

Май 1832.

9

Готическому: характеръ этихъ эпохъ перехода и смѣшенія одинаковъ. Въ обоихъ вижу я однѣ и тѣ-же спранны: ярусы круглыхъ арокъ на Римскихъ колоннахъ; пму украшеній; колоннады спиралями; множество арабесковъ; камни, обѣченные въ грань и съ осприми углами, словомъ, роскошь, напоминающую о живомъ, пламенномъ воображеніи и внутренней силѣ, кипѣвшихъ тогда. Это шестнадцатый вѣкъ Англии. На швердой землѣ не было ничего похожаго на господскія жилища Англичанъ. Итальянскій мацерь, можно сказать, приващъ здѣсь къ спилу Архитектуры Английской. Такъ геній Итальянскихъ сказочниковъ видѣнъ сквозь блестящій и высокій умъ Шекспира. Чистый Готизмъ и Палладіевскій спилъ никогда не расшевелиащъ такъ души моей: съ этими изваяніями и украшениями, современными Спенсеру и Бакону, соединено сполько очаровательныхъ, народныхъ воспоминаній! Во Франціи, въ Германіи, замки того-же времени замѣчательны сполько своею необыкновенною вышиною, множествомъ оконъ и малостью этихъ оконъ, подавленныхъ тяжелыми корнизамн. Это другой спилъ, безъ прелести и безъ величія. Вы подумаеае, что это шрехъ-палубный корабль съ ошкрытыми люками.

Приблизивъ къ безсмертному генію Шекспира неправильное величіе Архитектуры сего вре-

мени, и фаншасшическое, прихотливое, высокое богашство ея, мы думаемъ, что не оскорбили имени Поэша. Подобно архипешпорамъ, современникамъ своимъ, онъ многое заимствоваль у иностранцевъ, и творческою силою своего генія удивительно преобразилъ разнородные элементы. Подобно имъ онъ великъ, и въ шже время нисходишь до малѣйшихъ подробностей. Лучъ Итальянскаго солнца блещеть на стѣхъ изъ его драмъ, копорыхъ дѣйствіе происходитъ въ Веронѣ и Венеціи. Высокія видѣнія, раждавшіяся въ эпозъ, спозъ поэтическомъ и спозъ положительномъ умѣ, имѣющъ много сообразнаго съ полу-феодалною и полу-Итальянскою поспройкою, копорую мы защищали. Пурисмы не понимали Шекспира и называли варваромъ; наши архипешпурные Ариспурхи обвиняющъ въ своевольствѣ и дурномъ вкусѣ прелестныя и спранныя зданія: Лонглишъ, Чарльшонъ, Волашонъ, Бюрлейгъ, Кобгамъ, Бликкингъ. Одни и шѣ-же люди, съ циркулемъ въ рукѣ и съ микроскопомъ на глазу, мѣряющъ мешозъ и скандующъ спихъ, измѣряющъ діаметръ и вышину колонны и замѣчающъ ошибку въ кошюмѣ. Они взвѣшиваютъ и планируютъ, безъ жалосши, шакъ-же какъ и безъ ума, дѣженія сердца человеческого! Эшо люди мѣлкіе: у нихъ никогда нѣтъ многообъемлющей кришники общности и глубокаго наблюденія природы. Они

спараюшя силлогизмами доказати вамъ , что мы виноваты чувствуя удовольствіе. Не побоямся сказать , что изъ этихъ тяжелыхъ и непріятныхъ зданій , кошорыя взгромоздили Урень и Ванбругъ на родной почвѣ , девять десятихъ суть чудовища педантизма и безвкусія ; сравненіи съ мнимо-варварскими здаціями Елисаветиной эпохи , или на примѣръ , сравненіи съ большою башнею Оксфордскихъ Школъ , не смощи на то что въ ней пять эшажей различныхъ орденовъ , безчисленное множество изваяній , блистающія огромныя спекла и зубчатые пиласстры. Эшопъ спилъ , есть слѣдствіе естественнаго и счастливаго соединенія спараго Готическаго , и , новаго соперника его , спила Римскаго. Слѣдовавшая за нѣмъ Архишекшура есть не иное что какъ Римскій спилъ , обезображенный прихошями , спранносшями , глупосшями Ишальянскихъ художниковъ , кошорые болѣе спашьшь изобрѣшали уродсшва и оказывали успѣхи шолько въ спранномъ родѣ.

Архишекшура шесшнадцатаго сполѣтія въ Англіи особенно опличаешя симметриєю. Иногда , при Ишальянскомъ спилѣ , господсшвуетъ въ ней нѣкошорое однообразіе , и посему-шю мы предпочитаемъ замкамъ Лонглишу , Оудлей-Энцъ , и ихъ плоскимъ кровлямъ , ихъ правильной формѣ параллелограмма , замки Бурлейгъ ,

Чарльстонъ и Кобтамъ. Здѣсь гармоническій планъ приличенъ разнообразной кровлѣ, украшенной куполами, фризамъ, аншаблеменшами, шакъ-же какъ флигелямъ и башенкамъ, коихъ спиранное сближеніе напоминаетъ волшебныя замки и усиливаетъ живописное очарованіе, игру свѣта и случайности пѣни.

Садъ, принадлежность и необходимое дополненіе этихъ зданій, былъ любопытною ихъ частью. Исчезли прелестныя сады! Но я люблю ихъ огромныя шеррасы, усыпанныя пескомъ, удобныя для вѣшеходства, украшенныя двойнымъ рядомъ рѣзныхъ балюстрадъ, статуями и вазами всѣхъ формъ; ихъ каменныя ступеньки, ихъ длинныя, величественныя лѣстницы, ихъ обсприженныя и вѣчно-зеленыя загоры, ихъ пѣнистыя, прозрачныя, безконечныя аллеи; ихъ лужайки, ихъ цвѣтники, гдѣ изъ распустившихся цвѣтновъ составлялись по землѣ звѣзды; ихъ длинныя полосы бархатной зелени, ихъ высокія, сѣдмь деревьевъ, ихъ блестящія фонтаны, ихъ водометы, съ какимъ-шо свѣжимъ ропотомъ возвращающіеся съ вышины въ мраморныя бассейны, наконецъ ихъ запушанныя лабиринты и ихъ пустыни, служившія окончаніемъ *Баронскихъ парковъ* и соединеніемъ съ окружающими полями. Какъ благодарю я немногихъ живописцевъ, сохранившихъ воспоминаніе объ этихъ садахъ! Въ прошедшемъ столѣтіи, шолпа варваровъ, эти

Кенны, Броуны, Рептоны, пейзажисты-садовники, испребили благородные *вертограды забавы и гести*, какъ называли ихъ въспарину. Справедливо оскорбленные дурнымъ, пошлымъ вкусомъ, который ввели въ Англию Голландцы, и эшими солдатами, вырѣзанными изъ писовъ, эшими пѣшками шахматной игры, выдѣланными изъ деревьевъ, обезображенныхъ, измученныхъ, они впали въ противоположное излишество: они насильственно хошѣли обратись къ природѣ заблудшихся современниковъ. Въ народную страсть обратились эти безыскусственные сады, настоящие дѣвственные лѣса, только созданные человекомъ, лишенные дикой красоты лѣсовъ, и прелести, которою украшаетъ искусство свои произведения. Подъ окнами столовой явились огромные дубы и сшали распостраняющъ свою тѣнь и сырость; домъ среди зелени, какъ шашеръ Араба среди пустыни, казался памъ зашеряннымъ и пересаженнымъ будто изъ чуждой почвы. Къ счастью, эта мода прошла.

Въ Англии осшается очень немного садовъ, которые могутъ дать поняте о живописномъ, монументальномъ стилѣ. Никогда не забуду, какъ; въ молодости моей, уединенно гулялъ я въ старомъ паркѣ Геддонскомъ, можетъ бытъ единственномъ, гдѣ вкусъ владѣльца и почше-

віе его къ воспоминаціямъ стараго времени умѣли сохранить, во всей чистотѣ, живописный и ученый характеръ, изображенный мною выше сего. Вы прошли залы, гдѣ мебель, тканые обои, позолота, спатуи, все принадлежишь къ царствованію Елисаветы. Вы входите въ паркъ, и эши аллеи, выглавенныя какъ парке, эшо смѣшеніе правильности и прихотливости, невольно переносятъ васъ въ годы, между 1560 и 1590-мъ. Вы ожидаете, что сей часъ войдешъ Королева; при малѣйшемъ шорохѣ листьевъ воображаете вы, что она явится со своею блестящею свитною и роетъ Камеръ-Фрейлинъ, одѣтыхъ въ шелкъ и шитую золошомъ шафшу. Вы думаете, что подъ эшимъ круглымъ, зеленымъ сводомъ сберушя всѣ знашныя господа и дамы, танцовашъ *la gaillarde*, при звукахъ какого нибудь Неаполитанскаго вирпуоза, кошорому плашашъ предорого.

Іоаннъ Данверсъ, житель Чельзи, вывезъ изъ Италіи и распространилъ въ Англіи эшу моду изукрашенныя садовъ. Старый Оубрей жалѣетъ о нихъ искренно и отъ глубины души. Онъ говоритъ, что Баконъ любилъ ихъ и упѣшалъ ими до безконечности. Въ своихъ *Опытахъ* онъ даетъ наставленіе помѣщикамъ, кошорые захопашъ подражашъ этому стилю орнаментальнаго садоводства. Оубрей, въ сочиненіи, озна-

ченномъ нами , помѣспилъ подробное и полное описаніе сада въ Чельзи , по плану Кавалера Іоанна Данверса. Эшомъ садъ занималъ неважное просранство : всего шридцать акровъ земли ; шамъ была поляна въ четыре акра , пустыня или боръ въ шесшь акровъ ; подъ аллеями и высокими деревьями , правильно обшриженными , было чешуре акра ; оспальное занимали огороды , фруктовые сады и цвѣтники. Клѣшки съ пшицами , водометы , спашуи , бюшмы , каріашиды , вазы , колонны , панцовальныя и ванныя залы , посреди эшой зеленѣющей сцены , приводили на память богатства архитекшурныя , испраченныя на украшеніе замка , окруженнаго эшимъ паркомъ. Чшо ни говори Погъ , а въ эшомъ спилѣ нѣшъ ничего смѣшнаго : эшо любовнышная , живописная , прелесшная смѣсь сокровищъ произрасшенія и чудесъ Искусства , эшо искусный переходъ , который соединяешъ , и пакъ сказашъ миришъ мраморы палацъ и ихъ гармоническую симметрію , съ дубами сада и ихъ движущимися листьями , ихъ ешественною неправильностью. Намъ кажется , что гораздо меньше вкуса и приличія , вдругъ изгнашъ изъ нашихъ парковъ и прелесшь и пользу , испребишъ огороды и фруктовые сады , перебросишъ Кышайскіе мостики черезъ сухія рѣки , пришкнушъ на верхушку искусственнаго холма нѣсколько вышожныхъ колоннадъ мнимаго Грече-

скаго храма, и преобразить природу въ оперную декорацию, безъ отношенія къ нашимъ нравамъ и повядіямъ, къ нашей народности и воспоминаніямъ. А все это дѣлалось у насъ недавно. Да, мы жалѣемъ о сшаринной Англійской Архитекшурѣ, выпѣсенной Итальянскимъ стилемъ, кошорый уже нераздѣльно господствовалъ около семнадцатаго столѣтія.

« Много было тогда владѣльцевъ, эшихъ учѣ-
 « няковъ архитекторскихъ, воспшанниковъ Ви-
 « прувія, умершихъ въ больницѣ! Сколько денегъ
 « издержали они, для того, чтобы успроишь себѣ
 « неудобныя жилища! Сѣверныя вѣтры: дуйше
 « подѣ этими длинными аркадами? Косматый
 « иней, врѣзываетъ въ эти обширныя колоннады!
 « Какъ гордится хозяинъ, проспущаясь за шакія
 « большія издержки! Съ какою гордостью дро-
 « жить онъ въ эсихъ печальныхъ палатахъ! Те-
 « бѣ, Випрувій, повинуется онъ! Эшошь ри-
 « сунокъ древній. Самъ Палладіо изобрѣлъ эшошь
 « порпикъ. Но, вопѣ владѣлецъ нашъ раззорил-
 « ся: пакъ хотѣли Древніе! Греческій капишель
 « взялъ послѣднюю монешку его! (Коуперъ). »

Съ эшого времени можно счишать паденіе нашей Архитектуры. Напрасно будущъ хвалишь пошъ или другой стиль, и доказывать, по метафизическимъ началамъ, превосходство Эллинскаго Искусства надъ изобрѣшеніями новыми. Въ

Архитектура прекрасна только приличіе и гармонія. Зданіе, безъ гармоніи съ климатомъ и обычаями того, кто живешь въ немъ, какъ-бы ни было оно великолѣпно, все останешся непоспѣю. Попробуйте воздвигнуть Алгамбру въ Скандинавіи, и перенесите эти мраморы, извѣстные прозрачно какъ лисья, подъ суровое небо, въ средину вѣчныхъ льдовъ. Ошкрывая колоннада, портикъ, перистилю, Испальянская перрасса явно въ несогласіи съ домохозяйными обычаями и переменною температурою Англии. Въ странѣ, гдѣ непременно должно давать свободный входъ воздуху и защищаться отъ солнечныхъ лучей, эти характеристическія подробности Греческой или Авзонійской Архитектуры прекрасны, удивительны; но онѣ жестоко противорѣчаютъ нашимъ приличіямъ и потребностямъ. Перенесите Парѣнонь на скалы Шотландіи, поставьте Колизей на берегу одного изъ шѣхъ озеръ, издѣ кошорыми дымится вѣчное испареніе, и красота ихъ исчезнетъ, ибо для этихъ созданій необходимы: солнце, освѣщавшее ихъ при зарожденіи, и земля, изъ кошорой извлекли для нихъ мраморы и колонны.

Ближайшимъ слѣдствіемъ необдуманнаго принятія Испальянскаго стиля, были эти уродливости, обезчестившія наши дворцы и палаши, послѣ возстановленія образованности. Уже не

Довольствовались заимствованиями у Браманше и Микель-Анджело ихъ порпиковъ и пиластровъ: начали искашь въ Голландіи, во Франціи, въ Бельгіи и Новой Ишталіи образцовъ дурнаго вкуса. Злоупотребленіе кривыхъ линій и выпушекъ было доведено до послѣдней степени: спилъ несносный, который въ такомъ-же отношеніи къ Архитектурѣ, въ какомъ акроспихъ къ Поэзіи. Хотѣли не выпѣснить, а украсить Греческій спилъ. Только и видны были завѣшки простыя и оперенныя, вышныя колонны, составныя пиластры, спатуи на тумбахъ, хари, безобразныя цвѣточки, репейки на выворотъ, раковины въ цвѣсахъ, цвѣты безъ образца въ природѣ, колонны, которыя не поддерживали ничего, капители безъ колоннъ, арки безъ всякой надобности, подобія порпиковъ безъ порпика, куполы остроугольныя, остроконечныя, искривленныя, феспоны по всѣмъ сплнамъ, прихопы воображенія, изваянныя изъ мрамора и вознесенныя подъ облака: смѣшная, жалкая пародія Эллинскаго спила, который хотѣли уважать и хранишь посреди эсихъ арлекинскихъ попытокъ!

Не будемъ долго занимашся Архитектурою, модною во времена Карла II-го, Іакова II-го и Вильгельма III-го. Обращимся къ старинной, шуземной Архитектурѣ, споль без-

разсудно осмавленной, и столь удивительно пользовавшейся матеріалами, столь хорошо приспособленной къ нашимъ обычаямъ, и по потребности.

Люди, писавшіе и вполне и поверхностно объ Исторіи Искусства, которое составляетъ предметъ нашей науки, забыли вопросъ важный и основной. Человѣкъ находилъ въ каждой почвѣ различные элементы для зодчества: ось ихъ-по особеннаго свойства всегда зависѣлъ сшилъ, принятой для постройки зданій. Хотяшъ, чтобы у всѣхъ народовъ былъ одинъ образецъ въ Архитектурѣ, и не вспоминашъ, что не одинъ климатъ у всѣхъ, не одинаковы средства, и что архитекторы должны были подчиняться самымъ разнообразнымъ законамъ мѣстности.

Архитектура Древнихъ, кажется, началась въ Египтѣ и Халдеѣ, гдѣ лѣсу мало, но много песчанаго камня, который добывается легко, и много глина, служащаго для постройки громадныхъ, прочныхъ зданій. Сначала выдѣлывали пещеры въ видѣ храмовъ: эти почтенные памятники разсѣяны во множествѣ по Индіи, Персіи, Аравіи, Киринѣ, Сициліи и Великой Греціи. По обѣимъ сторонамъ входной двери исѣкали пиластры, и вѣнчали эту аркаду грубымъ архитектуромъ изъ мягкаго камня. Сія пе-

щеры были первообразомъ Греческихъ храмовъ ,
удержавшихъ мрачный, тёмный, религіозный
характеръ. Изъ равностороннихъ камней стро-
или свѣту ; изъ плоскихъ и болѣе широкихъ ,
крышу : вопль происхожденіе горизонтальной ли-
ній антаблементовъ , и прямолинейной гармо-
ніи , осправившейся во всей Архитектурѣ Древ-
нихъ. Этой системою не измѣнили , а только
украшили и увеличили ее.

Въ Сѣверѣ , напрошивъ , мало камня и много
лѣсу. Тамъ хижина изъ вѣшвей и гибкой ивы
была первымъ жилищемъ челоука. Досками сво-
ихъ лодокъ и подводною часпью своихъ челно-
ковъ крылъ онъ свои зданія : съ пѣхъ поръ оспро-
угольная форма начала господствовать въ этой
Архитектурѣ. Коля , вколоченные въ землю ,
сближенные вверху , оспиримъ куполомъ , были
первымъ скелетомъ Гопической постройки. Вѣш-
ви , естественные согнутыя , были первообразомъ
спрѣльчашаго свода. Спѣны дѣлали изъ глины и
тонкихъ вѣшвей , или изъ драничекъ , обмазан-
ныхъ глиною или извесью. Таково начало двухъ
родовъ построекъ : Архитектура Греческая ,
возникшая изъ каменныхъ скалъ , и Архитектура
Сѣверная , изъ лѣсовъ.

Не думайте , чтобы эаотъ первобытный ха-
рактеръ обоихъ стилей изгладился со време-
немъ. Совершенно внѣшняя жизнь Древнихъ и

совершенно уединенная, домашняя жизнь Сѣверныхъ народовъ дѣйствовали и различно измѣняли ихъ Архитектуру. Передъ Греческими храмами воздвигли портики, для того чтобы защитить людей отъ палящаго солнца. Архитекторъ Сѣверный никогда не пералъ изъ вида своего перваго образца, величественнаго святилища, лѣса, который старался выразить онъ. Эллинскій храмъ такъ создать, что на него должно глядѣть снаружи; Христіанская церковь, напротивъ, должна быть созерцаема внутри. Въ Греческой Архитектурѣ, всѣ украшенія относятся къ внѣшности; въ Готической все богатство сохранено для внутренности храма. Церковь Среднихъ вѣковъ, огромная, неправильная, если глядѣть на нее снаружи, едва можешь скрыть эти основные недоспѣшки умножая свои башенки, башни, ненужные бастионы, сдѣланные для того, чтобы не видно было тяжелой, лишенной прелести плошничной работы. Надобно спастись внутри: тогда-то васъ удивятъ эти огромные куполы, поддерживаемые снаружи толстыми подпорками и подспавками. Тамъ надобно разсматривать эпоху другой каменный лѣсъ; эти красивыя колонны, возвышающіяся подобно тонкимъ стеблямъ, эти сплетенія вѣтвей, рисующихся надъ вашею головою и образующихъ легкіе всячіе своды, эти листья, облегающіе столбики и вѣнчающіе капители, нако-

нецъ. эту прозрачность полу-свѣта, скупо допускаемаго, смягченнаго блестящимъ цвѣтомъ спеколь, и проникающаго вѣсь священнымъ, шихимъ ужасомъ, кошорый располагаетъ къ обожа-нiю Всесильнаго, наподня душу меланхолею столь могущесшвенною въ сумракѣ лѣсовъ.

Для чего на Югѣ передъ домами возвышающ-ся шеррасы, а надъ домами Сѣверныхъ жишелей кровли оспирюгольныя? Южные народы хосятъ наслаждаться свѣжестью воздуха прсжде и послѣ восхожденiя солнца. Народы Сѣверные защища-ющся опъ снѣга и инея эшими кровлями, по ко-шорымъ скашываешся шижестъ снѣжная, лепя-щая на нихъ съ вышины. Въ Малой Азiи, въ Греци, въ Ишалiи, естъ родъ волканическаго песку (Pozzolana), изъ кошораго дѣлаешся швер-дѣйшiй цеменшъ, и шеррасы изъ пуццоланы шакъ-же непроницаемы для влажноши, какъ буд-по-бы онѣ были обложены ираморомъ и свин-цомъ. Въ Сѣверѣ нѣшъ пуццоланы и пошому над-лежало упошребляшъ черепицу, кирпичи, аспидъ, и складывашъ ихъ шакъ, чшобы по нимъ скашыва-лись дождь и снѣгъ. Окна защишили выдавшя-мися корнизамн, а для защиты фундаменша опъ сырости, расположили эшажн шакъ, чшобы верх-нiе выдвигались впередъ. Архитекштура украси-ла какъ можно лучше эшн справноши, проис-шедшя опъ климаша, и для шого изобрѣшены

всѣ чудные выпуски, или иными подставки, видимы въ нашихъ старинныхъ церквахъ.

Монахи и большіе господа могли спрощь зданія изъ дорогихъ, чужеземныхъ матеріаловъ; но простые частные люди довольствовались матеріалами подручными. Въ южной части Англіи большая часть монастырей и школъ была построена изъ песчаного Каэнскаго камня. Изъ всѣхъ областей Великобританіи, только въ Графствахъ Дорсетскомъ, Вильпскомъ и въ сѣверо-западныхъ частяхъ Графствъ Глоспера, Оксфорда, Нортamptonа, Линкольна, Йорка находились много зданій каменныхъ. Обширная полоса оолита проходитъ по симъ различнымъ странамъ; но дурное качество камня сего, слишкомъ рыхлаго, ломкаго, непрочнаго, было причиною, что множество прекрасныхъ зданій, между прочимъ и въ Оксфордѣ, подверглись разрушенію. Къ востоку отъ этой линіи простираются мѣловыя возвышенія Графствъ Дорсета, Вильпа (южная часть) Гантса, Биркса, Бокса, Кембриджа, Соррея и Кенна. Голыши и мѣль предшавляли въ этихъ областяхъ не много средствъ для Архитектуры, и замѣчательныхъ зданій въ нихъ мало. Почва другихъ Графствъ, восточныхъ, главнѣйше состоятъ изъ наносной глины и камешнику; отъ того въ зданіяхъ тамъ употребляется кирпичъ. Но Лондъ

домъ долго былъ городомъ деревяннымъ: онъ истощалъ Англійскіе лѣса, и надобно было пруждать гражданъ дѣлать постройки изъ кирпича и камня. Красный мергель находится всего болѣе въ западныхъ и центральныхъ Граешвахъ, Девонскомъ, Воршерскомъ, Шропскомъ, Чискомъ, Стаффордскомъ, Лейшерскомъ, Варвикскомъ, Нолшингамскомъ. Прежде ихъ покрывали обширныя лѣса; потому большая часть домовъ тамъ деревянные, и только тамъ видимъ эши спранныя и живописныя черныя зданія съ бѣлыми украшеніями: они рисуются на лазури неба, какъ крыло сороки, разцвѣченное двумя яркими ошпѣнками. Камень, смѣшанный съ красн. ч. мергелемъ, споль рыхл. и непроченъ, чпо зданія, въ которыхъ упошребляли его, едва представляющъ нѣкоторые слѣды древнихъ рѣзныхъ украшеній. Этошъ темно-красный камень, пакъ сказать, расплыся ошъ дѣйствія температуры: всѣ углы его округлились, всѣ выпуклости, ошъ безпреспаннаго опаденія сдѣлались неправильными шарами; всѣ украшенія обезобразились. Церкви тамошнихъ округовъ представляютъ зрѣлище плачевное: архитекторъ, изучая сіи обломки, едва ошкроетъ въ нихъ первоначальный рисунокъ любопытныхъ арабесковъ, начертанныхъ стариннымъ художникомъ. Въ Шотландіи, гдѣ тошъ-же родъ камня въ упошребленіи и нынѣ, климашъ гораздо

разрушительные и потому все опадаетъ еще быстрѣе.

Геологическое свойство почвы опредѣляло не только родъ матеріаловъ для постройки стѣнъ, но и форму, и образъ крыши. Въ лѣсныхъ округахъ употребляли драницы, какъ и нынѣ употребляющъ ихъ на Альпахъ и въ Германіи. Въ Вестморлендѣ и Графствѣ Валлисскомъ, гдѣ есть аспидные пріиски, дома крыли аспидомъ, а въ шѣхъ Графствахъ, по коимъ проходитъ полоса оолита, описаннаго нами, употребляли родъ камня, круглago и чрезвычайно красиваго, который называющъ шеземцы *каменной черепицею* (Stone-tile). Въ Графствахъ восточныхъ дѣлали кровли изъ черепицы, а тамъ, гдѣ всего болѣе мѣлу, дома покрывали драницами, снопами и соломой.

Просимъ не удивляться эшой, нѣсколькo длинной и число геологической диссертаціи: глубокая и необходимая отношенія между Архитектурою и почвою, носящею на себѣ ея зданія, были совершенно забыты. Характеристическіе признаки нашихъ старинныхъ зданій, происходящъ рѣшительно отъ матеріаловъ, которые были употреблены для нихъ. Кшо-бы вздумалъ выдвигать первый эшажъ впередъ, дѣлашь его шире нижняго, распространяшь вшорой эшажъ шакъ, чшобы онъ прикрывалъ первый, и нако-

нецъ устроивашь препній такимъ образомъ, чюбы линія кровли была шире основанія десятию или двѣнадцатию фурами, если-бы не спростили энихъ спранныхъ деревянныхъ домовъ, кошорыхъ образцы и пеперь еще естъ въ Швейцаріи, Германіи, Англии, Франціи? Надобно было защишишь оиъ дожда не шолько жителей, раздобаривавшихъ и сходившихъ съ лошадей подъ навѣсомъ, но и сохранишь бревна фундаменша; надобно было придашь споркамъ шакую длину, чюбы вода выливалась изъ нихъ далеко ошъ нижняго этажа. Вошъ ошъ чего явились эши, шуповски украшенные жолоба, эши фаншазіи, драконы съ опверсною пасшью, эши воздушные каналы, оканчивавшіесе змѣями и химерами, и всѣ эши великанскія хари, головы лошадиныи и волчьи, сирены и подпоры, поддерживавшіи нижніе этажи и упошреблявшіесе иногда не шолько для поддержки зданія, но и для шого чюбы опдаляшь воду, падавшую съ верхнихъ этажей. Новме Архипшекпоры сдѣлали большую ошибку, примѣнивъ сіи *Атланты* къ каменнымъ зданіямъ: они шамъ не нужны; ихъ назначеніе бышь подпорой, а не просшымъ украшеніемъ. Для чего обременяющъ онц ихъ спокнами? Тушъ все эшо уже не иное чшо какъ излишесшва, вздорныи и смѣшныи, потому чшо они не нужны.

Мягкій, рыхлый камень, о кошоромъ говорили мы (оолишъ), пакъ сказашь, опливался

въ форму подъ рукой спаринныхъ Архитекторовъ, принимая всѣ измѣненія, какія внушали имъ вкусъ и прихоть. Отъ эпохи-то особенной гибкости и мягкости произошла вся любопытная и щасливая рѣзба въ зданіяхъ, въ парапетахъ, гдѣ видимъ сквозныя отверстія, зубцы, звѣзды, ромбонды, кресты, овалы, и всю рѣзную работу, споль шонкую и мѣлкую, что издали вы почтете ее широкимъ газомъ, развѣшеннымъ по воздуху; зубцы съ тысячею граней, корнизы всѣхъ родовъ, геральдическія фигуры на верху кровли, окна, окруженныя цвѣтами и разными узорами, и многоугольныя башенки съ гербами.

Въ шѣхъ обласняхъ, гдѣ было нечего употреблять кромѣ кирпича, легкость давала этому веществу разнообразную форму, произвела дѣйствія новыя. Такъ воздвиглись, обремененныя чудными барельефами замки: Гельмингамъ, Дюргамъ, Гампшонъ-Коуршъ, Чинсъ, Гингревъ, Госпендонъ, Стольшонъ. Трубы каминовъ украсились тысячею прелестныхъ спранностей. Спѣны разцвѣпились различными опшѣнками. Начали располагать кирпичи въ зашѣливой симметріи, пріятной для глазъ; окна обложили живописно, съ щасливою изысканностью.

Нынѣ, желая поспрошить замокъ спаринный, надобно не смѣшивать всѣ силы эпохи Архи-

интерьеры, а тщателью отдѣлять одинъ отъ другаго различныя, отдѣльныя ряды, которые прежде ошнюдь не почитались однородными. Укрѣпленный замокъ не былъ похожъ на Аббатство, Аббатство на Пріорство, а Пріорство на Бронскій домъ. Владѣльческое зданіе времени Елисаветы, украшенныя палаты, господскій замокъ, въ тысячѣ отношеній были опличны отъ помѣстья старинныхъ владѣльцевъ. Для чего-же новыя строили наши, въ пылу своей спрасси къ Готическому, сбросали, въ безпорядкѣ и безъ всякаго вкуса, всѣ различныя характеры, принадлежащія отдѣленнымъ эпохамъ? Они соединили махикулы съ Итальянскими спашуями, окно, украшенное листьями, съ остроугольнымъ сводомъ, зубцы крѣпости съ углубленіями соборныхъ церквей, и башіоны цитадели съ украшеніями Пріорства. Неужели думаютъ, что стоишь лишь очертишь башенки, нарисовашъ зубчатую стѣну вокругъ новаго зданія, размножишь осмиугольныя, шестіугольныя, десятиугольныя бока, исковеркашъ камень всѣми возможными образами, скопировашъ всѣ изобрѣшенія старыхъ временъ, безъ выбора и раздумья, безъ вниманія къ различію вѣковъ и стилей, и Готическое зданіе готово?

Какъ смѣшны эти рухлыя укрѣпленные замки, въ которыхъ съ перваго взгляда видишь и но-

вое время и ничтожность! А ихъ тяжелые парапеты, надъ двойнымъ рядомъ оконъ съ зелеными жалузи; ихъ нижній эшажъ, ровный съ почвою; ихъ бесполезный ровъ!.. Ишь, у насюющей крѣпости всѣ окна въуспрь. Она прочна, огромна, неприсупна, она спойшъ на возвышеніи; безмѣрная спѣны ея безъ всякихъ украшеній, безъ пребованій на богатство или легкость спила; словомъ, это непреоборимая преграда.

Домъ церковный имѣлъ свои опличительные признаки: тамъ царствовалъ Аббатъ въ мирѣ, сопровождаемый своею свитою съ плѣшивыми головами, и монахами въ длинныхъ одеждахъ. Тамъ все должно быть соглашено съ церковью, средопочіемъ монастырскихъ спроеній. Я предпочту для нихъ остроугольные окна чешыреугольнымъ, спрѣльчатый сводъ аркъ. Каланчи, башни съ фонарями, чешыреугольники съ длинными пиласпрами, мнѣ кажется, необходимы для сего рода спроеній, который произошелъ отъ соборной церкви, своей еспешивенной начальницы.

Хотите-ли подражать Архитектуру времени послѣднихъ Генриховъ, той Архитектуру, которая легко сблизается со всеми попребностями новаго вкуса? Не забудьте широкихъ оконъ, глубоко вдавшихся въ стѣну; множества угловъ,

спряженныхъ, фантастическихъ; кривыхъ линий, разнообразящихъ осмиугольную форму башенокъ; прутья каменныхъ, скрытыхъ гербами; фестоновъ, перемѣшанныхъ съ ромбами и перефигурными фигурами; не забудьте, особенно, чепуреугольника, необходимаго, непремѣннаго въ планѣ такого зданія. Эпизодъ Архитектура прилична не только для замка, но и для Пріорства, для жилища священника, даже для маленькаго домика и парадной хижины. Кто, одаренный вкусомъ, не чувствовалъ тайнаго негодованія, видя подлѣ огромной церкви и почтенныхъ ея стѣнъ, поросшихъ плетнемъ, подлѣ ея тысячи оконъ, различныхъ формъ, ея шпировъ, похожихъ на иглу, домикъ Священника, складенный изъ краснаго кирпича, съ плоскою кровлею, съ прямыми окнами, которыхъ убраны цвѣтами въ горшкахъ? Всего легче привести въ гармонию оба эти зданія, не распуская украшеній, не придавая дому священника пышности, которая была-бы не прилична скромному и полезному назначенію этого жилища.

Богатство, прихоть, смѣшеніе стилей Готическаго и Итальянскаго, башни, куполы, башнионы, фигурные парапеты, съ сквозными оплыверестіями, балюстрады, уставленные статуями, множество оконъ, прямоугольныхъ, съ украшеніями, вотъ что составляетъ особенный стиль

временъ Елисаветы, спилъ, гдѣ соединены изящество и величіе, всѣ прихоти самой свободной фантазіи и важная торжественность.

Мы разсмотрѣли главное расположеніе нашихъ старинныхъ зданій; но если займемся ихъ внутреннимъ расположеніемъ; то удостоверимся, что Архитектура, теряя свой монументальный характеръ, не пересажавала у насъ дѣлашь успѣховъ относительно домашней жизни и удобствъ ея. Наши предки жили пышно и очень дурно. Обыкновенно, въ срединѣ зданія была у нихъ большая зала. Съ порога замка или монастыря входили въ галерею, гдѣ открывался пришедшему съ одной стороны кухни и служительскія комнаты, а съ другой большая зала (hall), отдѣленная отъ галереи экраномъ (screen), или рѣзными ширмами, преузорочно сдѣланными, кошорыхъ створчатыя двери вели въ большую залу. Надъ экраномъ находилась галерея министрелей или менеспрелей, замѣчательная по развѣшаннымъ на ней трофеямъ, рогамъ оленей, копытамъ ланей и древнимъ щипамъ. Войдите въ самую залу: она обширна; ея пополокъ, обремененный гербами, показываетъ вамъ всю наследственную гордость фамиліи. Въ концѣ залы одна ступенька: надъ эшимъ возвышеніемъ былъ балдахинъ, прямо напрошивъ глубокаго окна. Другія окна, чрезвы-

чайно высокія, были расположены кругомъ сѣнъ въ равномъ разстояніи, и опдѣлялись одно отъ другаго фамильными поршрешами. На возвышеніи, въ глубинѣ залы былъ поставленъ споль. Прозрачныя спекла, раскрашенныя, изображающія битвы, Свящыхъ, подвиги владѣльца или его предковъ, кидали въ залу легкой свѣтъ. Споли, разсавленные параллельно сѣннамъ, были назначаемы для вассаловъ и впоросипенныхъ гостей. Среди пополка сдѣлано было опверспіе, въ видѣ фонаря, и черезъ него проходилъ дымъ, вылепавшій изъ каміна, гдѣ съ шрескомъ горящія вѣшви были навалены на желѣзную рѣшетку. Такъ успроены были неудобныя каміны праѣдовъ нашихъ.

И шеперь еще можно видѣти образцы этой Архитектуры въ нашихъ училищахъ и судебныхъ залахъ. Даже камінь сохранился въ Кембриджѣ, посреди залы, и въ немъ донитѣ жгущъ земляной уголь, въ обширномъ brazero. Кто хочетъ соспавитъ себѣ почное понятіе объ Англійской кухнѣ времени Тудоровъ, и объ ихъ споловомъ приборѣ, шотъ сдѣлаетъ всего лучше, если посѣтитъ церкви Христа и Троицы, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Еще разъ послушаемъ добраго Оубрея: его жалобы особенно основывались на гаспрономическихъ привычкахъ нашихъ предковъ.

«Владѣльцы замковъ, говорили онъ, бѣли въ своихъ большихъ, Готическихкихъ залахъ, за высокимъ споломъ. Кушанье подавали имъ и принимали по команднымъ словамъ. Тогда не знали верпеловъ. Молодые ребята жарили мяса, облизывали вилку желѣзную, копликъ, и дѣлались послѣ полными, жирными плушами, которые дрались за своихъ господъ. Слуги спояли въ большой залѣ, почтительно, и были готовы повиноваться первому слову. Въ этой-же залѣ бывали всѣ игры Рождественскія, пѣсни, пляски, интермедіи, маскарады, нравственные представленія. Черезъ двѣнадцать дней послѣ Рождества, король дураковъ забавлялъ своихъ господъ. Бывало, страшно взглянуть на судебныя залы. Тамъ были развѣшаны открытые шлемы, налечники, верхнія кольчуги, копья, пики, панцыри, булавы, щипы.»

Капелла или часовня составляла также необходимую часть стариннаго господскаго жилища. Ею былъ занятъ правый флигель перваго двора; часомъ она была и отдѣльно отъ другихъ зданій. Не забудемъ также большой или уединенной комнаты, которую обыкновенно оставляли для пріемовъ или торжественныхъ случаевъ. Въ галлерей принимали гостей и играли въ шѣ игры, которыя назывались вспарии-

ну ombratiles. Окна, выдававшіяся снаружи, образовывали внутри большія углубленія, гдѣ стояли низенькія стулья, и куда удалялись разговаривать. Генеалогическія деревья, испещренныя разными красками и унизанныя гербами, фамильными поршретами и картинами сраженій, украшали это мѣсто отдохновенія. Въ большихъ домахъ были также разговорныя комнапки, лѣтнія и зимнія, обложенныя панелями изъ блестящаго и хитро вырѣзаннаго дуба, или обитыя широкими шпалерами. Около времени Генриха VIII спали вырѣзывать изъ дуба тонкія обои. Тексты Священнаго Писанія были начертаны или написаны на рѣзной работѣ. Угловатые своды пополека, странно выдѣланные, были украшены пестрыми висящими сводами, листьями, цвѣтами, копорые означали ихъ повороты. Разнообразіе ихъ сдѣлалось безконечно, когда гнѣсъ замѣнилъ дерево.

Круглая башня заключала въ себѣ виншообразную лѣстницу, копорой каменныя ступени шли вокругъ столба, и всходъ слѣдовалъ по линіи стѣны, гдѣ лѣстница была изсѣчена или вдѣлана. Въ нѣкоторыхъ замкахъ, напримѣръ въ Амбоазскомъ, склоненіе этой спиральной линіи было такъ легко, что когда ступени лѣстницы были выняты, то по ней безъ труда взѣзжали въ карсмахъ. Около времени Елисаветы, лѣстницы

сдѣлались великолѣпны и опличались характеромъ особеннымъ. Тогда украшали ихъ щасельною рѣзною работою; всходъ красиво извивался, обремененный сиренами, виноградными лисьями, головами живописныхъ. Перила эшихъ лѣспницъ и шеперь служатъ предметомъ любопытства. На площадкахъ или вѣспахъ отдыха, украшения опличались огромностью: колонны вышья или круглыя пошрасъ показывали, что вы на площадкѣ. Совѣшумемъ архисекпорамъ, которые хошятъ подражатъ эшому стилю, не забышь лѣспницы и ея многочисленныхъ украшений, опличисельныхъ признаковъ эпохи.

Но, если надобно подражатъ съ величайшею точностью украшениямъ, и вообще внѣшности Архисекпуры, то я никакъ не думаю, чтобы и во внутреннемъ расположеніи зданій, вновь спроинныхъ, должно было имѣшь образцомъ господскія жилища спараго времени. На что намъ ихъ большая зала? На что эша галлерей мене-стрелей? По нашему мнѣнію, лучше сдѣлатъ обыкновенную галлерей, вмѣсто корридора, о кошоромъ говорили мы; спашун, оружія, сундуки, могутъ служить ей украшеніемъ. Надобно, чтобы въ мебели и вещахъ былъ сохраненъ особенный характеръ шой эпохи, къ кошорой принадлежатъ стиль зданія. Однакожь, шяжелыя синолы изъ проспаго дерева, грубыя ска-

мейки, и рогожки, покрывавшія полъ, можно замѣнить мебелью шакого-же вида, только поудобнѣе. Работникъ и крестьянинъ нашего времени пользующіе физическимъ благосостояніемъ, слѣдствіемъ усовершенствованной промышленности; Короли и Королевы шеснадцатаго и семнадцатаго столѣтій не знали этого благосостоянія. Постели ихъ, были неудобны; ихъ дворцы, въ этомъ отношеніи были хуже дома нынѣшняго мѣщанина.

Пышность жилищъ равнялась ихъ неудобству. Жесткія и дурно сдѣланныя постели были покрыты злыми шканими съ серебряными львами; голубой бархатъ и бѣлая камка, чернѣйшая ашласъ, блистающій золотыми гербами и розами, столовая посуда съ драгоценными камнями и сіяющія шпалеры передавались изъ рода въ родъ. Это было наследственное богатство фамиліи. Не трудно было-бы примѣнить къ новому вкусу высокіе стулья изъ чернаго дерева, рѣзные и поченые, кровати для отдыха, ящички изъ слоновой кости, буфеты дубовые, столы, покрытые бархатомъ, ширмы съ фигурами, подушки, сложенные одна на другую, въ видѣ опшомановъ, драпированные обои и богато выработанные разные сосуды, употреблявшіеся при Елисаветѣ и Іаковѣ. Уже мебельщики и обойщики наши совѣдуются съ аншикваріями и

возобновляющъ. нѣкоторыя изъ вещей той эпохи. Большой стулъ съ оникидною спинкою оная входилъ въ употребленіе. Бархатная подушка съ живописью занимаетъ почешное мѣсто въ нашихъ будуарахъ. Мы, которые видимъ, какъ исчезающъ всѣ слѣды прежней образованности, мы съ особеннымъ участіемъ находимъ въ нашихъ господскихъ послѣдніе признаки существованія нашихъ предковъ, и охотно предпочитаемъ ихъ курульнымъ стульямъ (изъ слоновой кости), на которыхъ не лѣзя сидѣть, мраморнымъ каминамъ, которые обваливаются, стульямъ изъ розоваго дерева, которые не прослуживаютъ года, и эфиромъ Индѣйскимъ кориантамъ несноснаго вѣса, эфиромъ шифоньеркамъ и психеямъ, которые Европа одобрила и ввела въ употребленіе ихъ не прочное изящество.

Съ Французскаго. Б.

ПЕСЧИНКА.

I.

ОГОНЕКЪ ВЪ ЧЕРДАКѢ.

Вотъ чешь женщины въ добрыхъ рукахъ!

А. Дюваль, *Молодость Ришеле.*

Господа! если вамъ угодно немножко послушать меня (а прежде всего позволите доложить, что я никогда не лгу), то я расскажу происшествіе, случившееся некогда въ одномъ замкѣ. Эпошъ замокъ построены былъ на берегу рѣки, прошивъ моста, въ городъ, коибраго цмя я забылъ — положимъ на часъ, что эпошъ городъ назывался. . . .

(Дюрайдъ, *Три горбуна, фабула.*)

Положимъ, скажу и я, что эпошъ замокъ принадлежалъ Максимилиану XXIV-му, Ландграфу * * * му; что эша рѣка была Майнъ, своя правная рѣка, кошорой источники шеряются въ необыашной цѣпи Фихшельскихъ горъ, и кошорая шечешъ опшуда на западъ, упучная въ своемъ бѣгѣ богатыя пажини, и ученою рукою насажденные, рядами возвышающіеся виноградники, Майнъ, кошорый, омывая промышленный Бамбергъ, ученымъ Вирцбургъ, шорговый Ганау, и вольный

Франкфуртъ , наконецъ оставляетъ свое имя близъ Майнца , и сливается съ Рейномъ , уже увеличеннымъ водами Неккара .

Положимъ еще , что имя города забыто съ намѣреніемъ , и что это былъ городъ О * * * . Не лѣзя найдши другаго , болѣе красиваго города въ тамошней споронѣ . Прекрасный городъ , и въ него-по поведу я читашелей съ моею сказкою . Право , я готовъ-бы вѣкъ прожить тамъ . Мужчины тамъ люди честные ; женщины добродѣтельны , безъ жеманства ; дѣвушки не сердятся при первомъ любовномъ словечкѣ , которое шепнутъ имъ , но — шопчасъ пересказывающъ шакую рѣчь своимъ маперямъ . Поѣзжайте въ О * * * искать друга ; но не думайте найдши тамъ любовницы , попому что тамъ есть старая кирха , куда , волею или неволею , надобно будете вамъ идти ; есть и добрый пашоръ , къ которому надобно будете вамъ адресоваться : шаковъ обычай въ О * * * ; надобно жениться , если вы вздумаете сказать : *люблю тебя* — даже бѣдной дѣвушкѣ . Счастливая земля , гдѣ самое милое изъ всѣхъ человѣческихъ словъ , не служитъ всегдашней игрушкою , и гдѣ супружество есть всегдашняя цѣль любви . Самый дерзкій столичный шалунъ не осмѣлился тамъ сдѣлать изъ чувства любви предмета своей забавы : онъ дорого заплашилъ за свою насмѣшку .

Молодые люди привыкли шамъ говоришь всегда правду , и они знаютъ , какъ тяжело бываетъ признаніе въ любви на вѣсахъ семейственной чести. Потому , никогда не осмѣливающихся они на вѣжное изъясненіе , не бывши напередъ хорошо увѣрены , что говорятъ его уже избранной или изъ красавицъ , будущей доброй хозяйкѣ , кошорая всегда поставишь на столъ добрый умъ , по окончаніи заняшій своего мужа , будетъ хорошо ходишь за нимъ , когда онъ сдѣлается боленъ , и щасельно спашель воснишмваш дѣшей своихъ , когда будешь матерью. Справедливость и равныя права для всѣхъ: если дѣвушка , съ перваго слова о любви , можетъ уже почишашъ себя соединенною съ своимъ суженымъ , то мужчина въ правѣ шребовашъ отъ суженой своей покорности и вѣрности , каквхъ уже шребуешъ мужъ отъ жены. Малѣйшее пашнышко на чести невѣсты досташельно для разрушенія всякаго обязашельства , и мужчина свободенъ отказать , если на нее пало даже самое легкое подозрѣніе.

Такимъ образомъ , видите вы , любезный читатель , что я хочу рассказать вамъ исторію не нашей стороны , и не шого времени , въ кошорое мы живемъ. На эшотъ разъ , мы оставимъ Францію , передвинемся за сто дѣль назадъ , и оживимъ , для пользы и удовольствия

нашего, одну изъ вѣтвей обширнаго генеалогическаго дерева, оствняющаго Германію многочисленными поколѣніями Принцовъ и Принцессъ.

Для людей, искавшихъ только удовольствій и забавъ, замокъ О * * *, во времена Ландграфа Максимилиана XXIV-го, былъ веселымъ и пріятнымъ жилищемъ. Ландграфъ, на 20-мъ году наслѣдовавшій всѣмъ титуламъ и владѣніямъ своего родителя, на 22-мъ году женился, стараясь избавиться отъ прихотей несносной, надозввшей ему любовницы. Почти полгода послѣ того, былъ онъ влюбленъ въ свою супругу, а потомъ поселилъ ее въ прелестномъ замкѣ, за двѣ мили отъ своей столицы. Послѣ сего разлученія, походившаго на разводъ, и прерываемаго отъ времени до времени только путешествіями Ландграфа въ замокъ прекрасной его супруги, Максимилианъ жилъ весело, съ молодыми, блестящими своими придворными, и возбуждалъ толки и переговоры между жителями города О * * *, о строгости нравовъ, о неизмѣнномъ уваженіи копорыхъ къ узамъ супружества, а уже говорилъ выше сего.

Но всѣ толки и переговоры въ народѣ состояли однакожь изъ двухъ, трехъ словъ, сказанныхъ попихоньку, въ семейномъ кругѣ, когда двери были уже крѣпко занерны, и маленькіе дѣти спали уже крѣпко въ своихъ люлькахъ.

Пожатіе плечами , и косое словцо на ечетъ поведенія Ландграфа , никогда не переходили за кружокъ самыхъ искреннихъ людей. Самый ловкій иностранецъ не услышалъ-бы ни одной эпиграммы , даже самой невинной , изъ устъ общагца города О*** , и если-бы онъ вздумалъ испищивать общественное мнѣніе , всѣ единогласно изъявили-бы ему глубокое уваженіе , къ благородному характеру и безпорочнымъ нравамъ своего Ландграфа.

Не назовутъ-ли смѣшнымъ шакого спараго предразсудка добрыхъ Нѣмцевъ , въ отношеніи къ ихъ повелителю ? Но это особенный родъ народной гордости , которой не лзя не полюбить отъ чистаго сердца.

« Унижаешь того , кому повинуюешься , и повиноваться ему , обративъ на него презрѣніе чужеземца , значить не заплачивать ему за его ошибку , или несправедливость , но только обезславишь самого себя. »

Да : « уважаешь повелителя своего , изъ уваженія къ самимъ себѣ » — вотъ правило , которымъ руководствовались жители города О***. Никогда брань и хула не присоединялись у нихъ къ имени Ландграфа , и самая злая кришика ихъ оканчивалась желаніемъ сыновьямъ своимъ того , чего недоспавало Максимилиану XXIV-му , и молитвою Богу , о дарованіи дочерямъ ихъ луч-

шей участи, нежели та, какую перфла Клеменпина, оспавленная Ландграфиня Максимиліанова.

Да здравствуешъ веселье неприготовленное, кошорое вдругъ выхвываетъ насъ изъ важнаго размышленія, увлекаетъ опть трудной работы, и спасаетъ отъ скуки — самаго труднаго дѣла для людей, кошорымъ нѣчего дѣлать! Да здравствуешъ Максимиліанъ XXIV-й, кошорый вдругъ, однимъ словомъ, возвратилъ веселье на мрачныя лица своихъ придворныхъ! Они располагались уже оспавить Ландграфа, въ 9-ть часовъ вечера, послѣ длиннаго дня, проведеннаго безъ выѣзда на охоту, и даже безъ карточной игры въ Зеленой залѣ — любимомъ убѣжищѣ Принца, попому любимомъ, что шамъ оспавляли весь эіікетъ, какой спрого былъ наблюдаемъ во всѣхъ другихъ комнапахъ и залахъ Дворца. «Я поведу одинъ, навѣсшишь Ея Свѣшлость, Принцессу Клеменпину,» сказалъ Ландграфъ, и уже онъ ѣхалъ черезъ дворъ замка своего, когда взоры его встрѣтились со взорами Рудольфа Гацфельда, самаго веселаго изъ юныхъ его друзей. Съ минушу Ландграфъ смотрѣлъ на него, улыбаясь. Рудольфъ не смѣялся: Максимиліанъ опинмалъ у него веселый вечеръ.

« Мнѣ пришло въ голову, Господа, » сказалъ Ландграфъ — « вѣдь Ея Свѣшлость не ожидаетъ меня — что, если мы оплошимъ поѣздку, и поужинаемъ всѣ вмѣстѣ? Какъ вы думаете? Bravo! морщины Рудольфа разглаживаются — рѣшено — мы ужинаемъ вмѣстѣ! »

— Прекрасно, Принцъ! Вотъ первое порядочное слово, которое мы слышимъ отъ васъ сегодня. Я не даромъ думалъ, что Максимилианъ хочетъ заняться чѣмъ нибудь скучнымъ, и отъ него шакъ невесель: вы ѣхали къ Ландграфинѣ. . .

« Рудольфъ забываетъ, что мы еще не въ Зеленой залѣ. Подержите коня; а вы, Баронъ, постарайтесь, чтобы поскорѣе пригошовили намъ ужинъ. »

Довольно смѣлая шушка Графа Гацфельда была чувствительна сердцу Максимилиана; она напомнила ему всѣ вины его передъ Принцессою. Но едва вошелъ онъ въ Зеленую залу, какъ всѣ угроженія совѣсти прекратились. Ужинъ былъ молчастью готовъ. Веселый шумъ гостей, остротная вольность разговора, возвратили Принцу его обыкновенную веселость. Онъ первый началъ шушкать надъ спраннымъ своимъ намѣреніемъ — ѣхашъ къ Ландграфинѣ, когда могъ болѣе полугода прожить безъ нея, и очень весело.

«Я хотѣлъ играть ролю мужа, когда надобно всего болѣе забывашь объ эпомъ. Бранише меня, друзья мои, я пособляю вамъ, и, чшобы наказашь себя, обязываюсь осушишь — вопць эшу бушылку Шампанскаго!»

— Прекрасное наказаніе — подхвашилъ Рудольфъ — дя, я, какъ милости, попрошу у васъ позволенія раздѣлить его. Мнѣ половину казни! — Рудольфъ просянулъ руку, держа спаканъ. «Мнѣ!» закричали другіе, просягивая руки съ своими спаканами.

«Прекрасно, вѣрные мои рыцари; но если шолько двое изъ васъ попребующъ по половицѣ моей казни, шо мнѣ ничего не оспанется.»

— Не должны-ли мы, Принцъ, жертвовашь для васъ всѣмъ? Ваша Свѣшлость можете *заслуживать* наказанія; а мы должны *переносить* ихъ.

Эша забавная преданность умножила ошпропу и шумъ разговора. Хохошали шакъ, чшо Мешр-дошель при раза, громко, долженъ былъ повщорять: «Son Altesse est servie!»

«За шоль, Господа!» сказалъ Принцъ, садясь первый. Всѣ гости заняли мѣста вокругъ огромнаго шода, и шогда шолько замѣшили, чшо не доспавало одного, всегдашняго шоварица нечаянныхъ ужиновъ Ландграфа. Кувершъ его,

по обыкновенію, спомъ на спомъ, но его самого не было.

« Ошпона нѣтъ, Господа! Онъ необходимъ. Пошлите пошчасъ къ нему, и если его нѣтъ дома, велите искать его по всему городу. »

Десять слугъ, вдругъ посланныхъ, побѣжали къ дому перваго Министра Ландграфа.

Ошпонъ, молодой человекъ, не старше Ландграфа, съ давняго времени другъ его, былъ первымъ Совѣщникомъ и вѣрнымъ участникомъ забавъ сего Принца. Но онъ не раздѣлялъ ихъ такъ, какъ Рудольфъ Гацфельдъ, съ безразсуднымъ упоеніемъ, съ радостью, похожею на безуміе. Во время самыхъ шумныхъ оргій, замѣтно было уныніе на лицѣ его, и часто съ горькою улыбкою оживлялъ онъ на веселыя шушки своихъ товарищей. Такая важность характера, едва разсѣявавшаяся онъ самыхъ свободныхъ шушокъ, веселила Ландграфа. Никогда не чувствовалъ онъ себя столь веселымъ, какъ тогда, когда встрѣчалъ угрюмое лицо, принужденный видъ, мрачный, сверкавшій взоръ Ошпона, среди лицъ радостныхъ, среди взоровъ, блиставшихъ самою беззаботною веселостью. И такъ, присушествіе Ошпона было необходимо для Ландграфа. Безъ него — не было тѣни въ картинахъ, не было искренняго чувства радости, и приномъ — какос торжество бывало

для Принца, когда онъ успѣвалъ обмануть през-
вощь своего друга какою нибудь хитрою улов-
кою, подмѣнивши, на примѣръ, графинь воды
графинюмъ свѣшлаго, крѣпкаго вина! Впрочемъ,
подобныхъ шутокъ не смѣли заводить далеко.
Опшонъ объявилъ, что являешься на вечера Прин-
ца только изъ уваженія къ волѣ своего повели-
теля, но что онъ почтешъ себя освобожден-
нымъ отъ сей обязанности при первомъ оскор-
бленіи его строгихъ правилъ, и послѣ того на-
всегда могутъ почтешъ его исключеннымъ изъ
числа госпей Зеленой залы. Не смотря на ша-
кое грозное объявленіе, Максимилианъ продол-
жалъ однакожъ подмѣнивать графины, и Опшонъ
не переспаивалъ являясь къ его ужинамъ. Даже,
иногда онъ самъ паводилъ Принца на подобныя
шалости. « Медвѣдь обживается, Капонъ объ-
вицикуривается »—говорили при Дворѣ. Но мед-
вѣдь плохо обживался; лицо его всегда остава-
лось мрачно, и взоръ не веселѣлъ. И шакъ, Оп-
шонъ имѣлъ; слѣдовательно, какую нибудь
скрышную причину не опказывался отъ забавъ
Принца, всегдашняго предмета его неудоволь-
ствій и замѣчаній? Можешъ бышь!

« А! » сказалъ Максимилианъ — « ужъ не под-
тверждаюся-ли мои подозрѣнія? Не попался-
ли наконецъ мой благоразумный Министръ въ
сѣши какой нибудь шалуни моего Двора? Онъ

не ошкрываетъ намъ своей шайны, но — мы вырвемъ ее!» И Максимилианъ началъ исчислять дамъ, копорыхъ можно было подозрѣвать въ подобной побѣдѣ.

— Вотъ будешь забавно—сказалъ Рудольфъ—раздѣлишь между нами эпошу реэспрь, и явишься, каждому изъ насъ, къ копорой нибудь изъ дамъ, скромнымъ повѣреннымъ Ошпона, назвашься другомъ, копорый спѣшишь предупредитъ Министра, что Его Свѣшлость приказалъ искапъ его вездѣ, за какимъ-шо важнымъ, государшвеннымъ дѣломъ! —

«Браво!» закричали всѣ. — «Раздѣлимъ имена, и побѣжимъ искапъ его!»

Максимилианъ хотѣлъ сказать что-шо; но Рудольфъ спѣшилъ возразить: «Ошпонтъ не былъ ошкровененъ съ вами — нескромность была обязанностью его — и пришомъ, если онъ завоевалъ принадлежность кого нибудь изъ насъ? . . .

— Справедливо — прибавилъ другой — ошкрпше это важно для всѣхъ насъ!

Подобный розыскъ, раздѣленный между двѣнадцатью посланниками, могъ задержашъ ужинъ не болѣе, какъ на одинъ часъ. Слѣдствія его должны были шакъ позабавитъ Принца, что онъ шопчасъ рѣшился ошпусшитъ своихъ собесѣдниковъ.

Видишѣ-ли вы, какъ побѣжали по знатнѣйшимъ домамъ сполнцы молодые придворные, съ паинспвеннымъ видомъ говоря, въ каждомъ изъ нихъ, горничнымъ дѣвушкамъ, что надобно извѣстить Его Превосходительства, перваго Министра, о скорѣйшемъ возвращеніи во Дворецъ? И когда горничная оцѣвѣчаетъ, что Графа Опшона нѣтъ у ея госпожи, посланникъ лукаво смѣется, и спарается золомомъ искушить вѣрность дѣвушки. Болѣе смѣлые изъ искашелей успѣваютъ пробираться въ самыя тайныя комнаты Герцогини и Графини, и уходятъ увѣрившись, что не первый Министръ спрятался въ будуаръ чувствительной вдовы, или нѣжной супруги путешественника, котораго ждетъ она съ часу на часъ, и неперпѣливо. Друзья, Ландграфа собрали множество самыхъ забавныхъ анекдотовъ, которыми надѣются повеселить его за ужиномъ; но — Опшонъ пропалъ, укрылся отъ ихъ разысканій. Напрасно Графъ Гацфельдъ былъ такъ дерзко любопытенъ, что заславилъ отворить себѣ будуаръ прелестной Баронессы Редельгеймъ, напрасно едва не подрался онъ съ господиномъ Барономъ, который взбѣсился, что ему помѣшали играть въ вистъ съ своею супругою. Съ шрудомъ успѣлъ Рудольфъ увѣрить Барона, что не встрѣтивъ никого изъ людей въ передней, онъ дерзнулъ идти далѣе, и узналъ — не принялъ-ли какъ ни

буль, случайно, Графъ Опшонъ учаснія въ вистѣ госножи Баронессѣ. Мужъ учшиво проводилъ на доѣдалу, ворча: « Неужели при Дворѣ не знають, что я никогда не выдаюсь съ первымъ Министромъ... »

Пока друзья Принца бѣгали по городу, разсѣвая подозрѣнія на добродѣтель самыхъ знаптейшихъ дамъ Двора Максимилианова, пржевожа подозрѣніями мужей, бѣся жеманныхъ скромницъ, и, можеть бышь, заставляя многихъ завидовать шавиншвенному предмету любви перваго Министра, Секретарь Опшона, скромный, вѣрный чиновникъ, осѣдлалъ лошадь, и окольными дорогами прискакалъ къ замку Принцессы Клеменшины. Онъ ошдалъ шамъ запечатанную записку одной изъ Фрейлинъ Ландграфини, оставилъ свою лошадь, и пѣшкомъ опправился обратно въ столицу. Не отошелъ онъ и пяти сошь шаговъ, какъ шойошь лошади, издали услышанный имъ по дорогѣ, успокоилъ эшого вѣрнаго наперсника Опшона. Онъ ошановился, савида кого-то ѣхавшаго верхомъ, узналъ Министра, епѣшившаго въ столицу, и побѣжалъ за нимъ изъ всѣхъ силъ, опъ времени до времени указывая дорогу Опшону, шихо, прерывчапными словами, хотя ночь была прешемная, и дорога совершенно безлюдная.

« Сюда — здѣсь на право — на лѣво — черезъ кустарникъ , черезъ ручей — чшобы не замѣтили слѣдовъ — прыгайте черезъ ровъ — слава Богу! Небойшесь — никшо не узнаешъ — скорѣе испоргнушь у меня жизнь, нежели вашу шайну — воть и городскіе огни — мы успѣемъ пріѣхать, пока еще ничего не узнали...» .

Секретарь Опшона бѣжалъ подлѣ него , не опсшавая. Когда надобно было ѣхать черезъ роци, онъ бралъ коня за узду, раздвигалъ вѣшви и сучья , не боясь изорвать свое плашье и испарипать лицо. Ничто его не опсшавлявало — онъ брелъ черезъ ручьи , и поддерживалъ лошадь , когда она спшыкалаь по каменьямъ. Опшонъ оборачивался въ ту спшорону , опкуда ѣхалъ , и бормошалъ сквозь зубы : « Какое несчастіе! . . Она могла умереть опъ испуга . . Каково ей и теперь ! . . Чшо сказать? . . Какуо ложь выдумашъ ? Ахъ ! какъ ужасно обманывашъ ! . . »

Наконецъ , они приблизились къ городскимъ воропамъ. Опшонъ сошелъ съ лошади, и опдалъ ее своему Секретарю. Онъ былъ такъ задумчивъ , чшо даже не поблагодарилъ своего вѣрнато вѣжашая , и пожалъ только ему руку, не говоря ни слова. Но взоръ его наградиалъ все. Добрый Секретарь спасъ своего благодѣшела — эшо была лучшая его награда.

Закушавшись въ плащъ свой , шель шеперь Ошповъ по шемнымъ улицамъ столицы , перебирая въ головѣ своей тысячу выдумокъ , и все не находя извиненія , какое можно было сказать Принцу . Между шѣмъ , онъ приближался уже къ самому замку . Тогда насупалъ уже шопъ часъ , въ кошорый самый шрудолубивый ремесленникъ города О*** складываетъ свои инструмены , складаетъ передникъ , и удаляется изъ мастерской , послѣ 45-ти часовъ работы . Министръ видѣлъ , какъ на пути его попухали помаленьку огни въ кузницахъ , гасли лампы , умолкалъ шумъ молотковъ . Мастери сзывали домой ребятишекъ , игравшихъ на улицахъ , двери запирались , и — все еще нерѣшимельный , шщешно искалъ Ошповъ какой нибудь вѣрояшной жи . Ему оставалось шолько перейдши черезъ длинную , узкую улицу , чтобы явиться во Дворецъ , когда вдругъ , поднявъ глаза къ небу , какъ будто умоляя о счастливомъ вдохновеніи , онъ замѣпилъ въ шренъемъ эшажѣ дома , бѣдной наружности , грожащій свѣтъ , блискавшій сквозь бѣлыя занавѣски окошка въ чердакъ . У дверей этого дома видѣлъ , и спокойно спалъ , мальчикъ семи , или восьми лѣтъ . Безъ всякаго опредѣленнаго намѣненія , остановился Ошповъ , взглянулъ на окошко , кошорое одно шолько было освѣщено во всей улицѣ , приблизился къ ребенку — шопъ пробудился , и вскочилъ испуганный .

«Что ты дѣлаешь шустъ, плутишка?» спросилъ Опшонъ, погладивъ его по головѣ.

Мальчикъ проперъ глаза, и все еще боясь незнакомца, отвѣчалъ: «Жду маменьки — она пошла за ужиномъ для папеньки — ежели вамъ надобно повидаться съ нею — погодише немного — она пошчасъ придетъ.»

— А не знаешь-ли ты — спросилъ Опшонъ указывая на освѣщенное окошко — кто живешъ-вонъ тамъ? —

«Очень знаю. Тамъ живешъ дѣвица Елена, швея. Она ждесть своего брата, сосѣда нашего Гюга, и жениха своего, Ансельма Вернера — премилая дѣвушка — мнѣ нѣ знашь ея! Я и на свадьбѣ у нея буду, спало бышь, я ее знаю.»

— Правда, правда... да, вѣдь и я знаю ее — отвѣчалъ Опшонъ, кошорому вдругъ пришла въ голову новая мысль. Онъ бормоталъ про себя: «Молодая дѣвушка — одна — эшотъ мальчикъ свидѣтель — шустъ и думашъ нечего! — Ты надѣешься, плушъ, что я не замѣнилъ швоей уловки?» сказалъ Опшонъ, громко. «Ты пришворялся спящимъ, для того, чтобы лучше подкараулишь меня?»

— Я, сударь?... Увѣрю васъ — да, посмотрише, я и шеперь еще дремлю, спало бышь, я спалъ.

« Ты меня не обманешь. Но , послушай : береги свои уши , если кому нибудь скажешь , что видѣлъ меня , какъ я вышелъ изъ этого дома ! » — Мальчикъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ . — « Да , ты меня видѣлъ , я знаю — но , вопль что заставившъ тебя молчать — смотри-же... » Ошонъ вынулъ изъ кармана нѣсколько флориновъ ; мальчикъ все еще глядѣлъ на него , не говоря ни слова , не смѣя взять денегъ , хотя ему и очень хотѣлось взять ихъ . Тутъ послышался шумъ шаговъ . Мальчикъ ободрился . — « Вотъ и маменька ! » сказалъ онъ . При сихъ словахъ Миниспръ сунуль въ руку его флорины , послѣшно проговорилъ : « Смотри-же — никому не сказывай , что ты видѣлъ , какъ я вышелъ опъ дѣвицы Елены » — и послѣшно пошелъ ко Дворцу .

Въ то-же время возвращались шуда Рудольфъ Гацфельдъ , и другіе молодые придворные , раздосадованные плохимъ успѣхомъ поисковъ по городу . Издаля узналъ Рудольфъ Министра , и побѣжалъ къ нему , крича друзьямъ своимъ : « Вотъ онъ ! Ко мнѣ . . . теперь онъ не уйдетъ ! » Въ одно мгновеніе , Ошонъ увидѣлъ себя окруженнымъ собесѣдниками Принца , осыпаннымъ вопросами , оглушеннымъ эпитаграммами , осажденнымъ со всѣхъ сторонъ . — « Вы узнаете откуда я взялся , когда мы будемъ передъ Его Свѣп-лосшью , » ошвѣчалъ онъ нескромнымъ вѣтрен-

никакъ. — Хорошо, хорошо! — возразилъ Рудольфъ — пойдѣте къ Его Свѣтлости!» И съ радостнымъ шумомъ повели Оштона, шая, что издали еще долетали въ Зеленую залу хохотъ и крикъ.

« Ну, что? Кошорую изъ нашихъ красавицъ надобно поздравить съ побѣдою? » спрашивалъ Ландграфъ, смѣясь. — « Какая Герцогиня была такъ ловка, что умѣла привадишь къ себѣ дикаря? »

Эти слова, небрежно сказанныя Принцемъ, низкимъ бременемъ упали на сердце Оштона. Онъ задрожалъ и поблѣднѣлъ. Но, къ счастью, смѣшеніе его не было никѣмъ замѣчено. Оштонъ успѣлъ ободриться, и приготовавшись удовольствоваться рѣшительнымъ образомъ оповѣчалъ на вопросы веселаго Двора.

« По совѣсти » — отвѣчалъ Рудольфъ — мы не можемъ сказать Вашей Свѣтлости, гдѣ скрывается красота, завладѣвшая его сердцемъ. Всѣ наши старанія открывъ ее, были безплодны. Ни въ какихъ чертогахъ не лзя было найдти ея — правда, что мы являлись только къ знашнымъ дамамъ.

— Можеть бышь, вы были-бы счастливиѣе въ вашихъ поискахъ — сказалъ Оштонъ, стараясь весело улыбушься — еслибы спустились ниже.

«Ниже, или выше?» вскричалъ не одумавшись Рудольфъ. Ошпону пошунить глаза; слова замерли на ухахъ его.

Ландграфъ строго посмоптрѣлъ на Гацфельда. «Господа!» сказалъ онъ. «Въ наши вздорны шушки не будемъ вмѣшивашь именъ почтенныхъ. Выше, дамъ, у кошорыхъ вы должны были искать Ошпона, находяща шолько Ея Свѣп-лоспъ, машь моя...» Рудольфъ едва удержался, чшобы не захохоташь. Максимилианъ продолжалъ: «Принцесса Иоанна, сеспра моя, и Ландграфиня, моя жена...»

Урокъ, данный Принцемъ безразсудному Рудольфу, послужилъ въ пользу Миниспра. Онъ началъ просить извиненія своему молодому другу. Максимилианъ прощаль подобныя вины весьма легко. Съли за шоль. Послѣ первыхъ блюдъ, перемѣненныхъ въ молчаніи, Ландграфъ далъ знакъ служилелямъ; они вышли, и шогда начался откровенный разговоръ, котораго не боялся уже шеперь молодой Миниспръ Ландграфа, успѣвъ приготовить къ нему.

«И шакъ, неловкій народъ!» сказалъ Максимилианъ, «вы не можете сказашь мнѣ, кшо предметъ шайншвенной любви нашего друга?»

— Нѣшъ, Принцъ! Но шакъ, какъ онъ общалъ не скривашься отъ Вашей Свѣпшоспи, вы можете спрашивашь: Ошпону все скажетъ.

«Избавьте меня!» сказалъ Ошпонъ. «Право, мнѣ трудно будетъ сказать вамъ истину.»

— А почему? Мой веселый Дворъ не есть-ли Дворъ любви? Ты знаешь, Ошпонъ, что между нами нѣтъ тайнъ въ этомъ родѣ шалостей... Мы общали сказывашь другъ другу все, для того, чтобы не вспирѣвшись въ нашихъ волокитствахъ. — Онъ засмѣялся.

«Нѣтъ, Максимилианъ, мы не можемъ быть съ вами соперниками. Знаю навѣрно, что вы не любите шу, кого люблю я.»

— Да, изъяснимся прямо; бросимъ эпошъ уклончивый языкъ. Ты общалъ бышь опкровеннымъ? приказываю тебѣ сдержашь свое общаніе.

«Неужели, Ваша Свѣтлость, въ самомъ дѣлѣ, беспокоишесь моею любовью? Повѣрьте-де, что если-бы я любилъ коншоруку нибудь изъ дамъ, красшю и прелесшю своею обольщающихъ кого нибудь изъ васъ — я назвалъ-бы ее немедленно, чтобы подозрѣніе не падало на другихъ.»

— И такъ, швой идолъ не принадлежишъ къ Двору? Хорошо; вошъ эшо ясное, дѣльное показаніе. Далѣе!

«Нѣтъ! вы напрасно будете приставашь ко мнѣ: ошальной шайны моею я не скажу ни что.»

— А! понимаемъ: она дурна, безобразна — подхватилъ Рудольфъ. — Я всегда говаривалъ: Ошшонъ большой чудакъ; если онъ вздумаетъ влюбиться, то посмотрите, что онъ влюбится въ урода, о которомъ никто изъ насъ и не подумалъ-бы. Я ушверждаю, что она уродъ!

« Да, она уродъ! » воскликнули другіе собесѣдники, и начали перебирать всѣ степени уродства и безобразія, приписывая ихъ скрышюй обладательницѣ Ошшона.

— Слышишь-ли, рыцарь: оскорбляютъ красошу твоей дамы! Теперь, ты принужденъ будешь сказать ея имя, опасаясь нарушить рыцарскіе обѣщанія славы и чести!

« Воля ваша, это насмѣяющее гоненіе! » говорилъ Ошшонъ, внутренно обрадованный оборотомъ, какой принималъ разговоръ. « Почему вы знаете, что, можетъ быть, для нея, а не для себя, спараясь я скрываю свою шалость? При подобномъ случаѣ, Господа, у каждаго изъ васъ есть чѣмъ похвастаться; а мнѣ почти стыдно, что я влюбленъ въ созданіе, которое не можешь назваться.... даже благородною... »

— А! это купчиха! —

« Еще меньше, Принцъ. Но, сдѣлайте милость, оставимъ нашъ разговоръ. »

— И такъ, это мѣщанка? »

« Еще мѣше, . . . »

— Неужели она служанка въ шракширѣ? — вскричалъ Рудольфъ. — А впрочемъ, изъ нихъ есть красавицы.

« Рудольфъ забылъ, что между мѣщанкою и служанкою находишься еще одно состояніе, гдѣ могутъ быть красавицы, и эти красавицы могутъ иногда заславишь насъ забыть свое званіе, и влюбиться. »

— Понимаю: она ремесленница—сказалъ Максимилианъ. — Мы давно говорили, что изъ нихъ есть премилыя; надобно когда нибудь увѣришься въ это.

« Но Ваша Свѣшлость, конечно, не спанеше хвалишься при Дворѣ побѣдою такого рода? »

— Правда, что сначала это покажется странно, но, любовью не повелѣваюшь, любезный Опшонъ.

« Для избѣжанія упрека въ странности, я лучше хощѣлъ молчать; да, Господа, молчать, что въ то время, когда вы искали меня у Графини и Баронессѣ, я былъ, у молодой шведки... Но, ради Бога! это останешся между нами! »

— Бѣдняжка! куда къ чорту вздумалось ему захватить съ своею любовью! — сказалъ Рудольфъ. — Ну, говорите-же: гдѣ живеть красавица?

«Никогда не узнаете вы этого! И безъ того уже есть надъ чѣмъ посмѣяться... Поговорить о другомъ...»

— Нѣтъ! ея имя, ея адресъ! — сказалъ Максимилианъ.

«Вы употребите это во зло, и я не поперяю этого. Любовь моя была глупость, прихоть, минушно пролетѣвшая; я разорвалъ уже мою вздорную связь: она выходила за мужъ... оставыше въ покоѣ бѣдную дѣвочку...»

— Опшона! повѣришь-ли ты моему слову? — спросилъ Максимилианъ. — Я клянусь тебѣ, за себя и друзей своихъ, что мы оставимъ тебя въ покоѣ, когда скажешь ты намъ имя швоей хорошенькой швен?

«Но, для чего оно вамъ?»

«Для чего! Мы всѣ пойдемъ, *incognito*, въ церковь, когда она будетъ вѣнчаться, и пошопривъ: умѣлъ-ли ты выбрать? Да, Господа, мы пойдемъ всѣ! Однакожъ, спрого-запрещаю вамъ— даже самую невинную шушку на счетъ малюшки швен. Надобно уважить несчастіе этой бѣдняжки: она пошерала любовь Опшона, и должна выйдти за какого нибудь честнаго мѣщанина. Но, имя ея? Требуемъ непременно!»

— Нечего дѣлать! Знайте, что ее зовутъ Еленю, и что она живетъ въ улицѣ Большаго Бѣлаго Ора.

« Чортъ побори , если я вздумаю когда нибудь искашь любовницъ въ этомъ переулкѣ . . . наспоющая западня !

Послѣднія слова Ошпона умножили веселость собесѣдниковъ . Онъ долго колебался , пока передалъ насмѣшкамъ друзей имя дѣвушки , которое едва самъ помнилъ . Но , думая , что ему надобно сильное свидѣтельство о знакомствѣ въ улицѣ Блага Ора , Ошпонъ рѣшился наименовать молодую швею . Ей не могло сдѣлаться ничего худого отъ жи перваго Министра : никто не зналъ ея ; а между швѣмъ ея имя заспавляло всѣхъ собесѣдниковъ Принца думая , что Ошпонъ сказалъ имъ сущую правду о своемъ ночномъ спривствованіи .

Съ шумомъ вышли за здоровье невесты , и за вѣчное ослѣпленіе ея будущаго мужа . Рудольфъ овладѣлъ послѣ шого разговоромъ , и началъ рассказывать веселому обществу замѣчанія , собранныя имъ въ ночной прогулкѣ по домамъ знавшійшихъ дамъ столицы .

II.

У л и ч н ы я с п л е т в и .

Сначала легкій шумъ перолетаетъ по землѣ, какъ ласточка передъ бурей, *pianissimo* бормочетъ, и плещетъ, и съестъ на бѣгу ядовитыя замѣшки; онъ попадающъ въ шохъ, нацъ другой роицъ, и *piano*, *piano*, искусно скользаятъ вамъ въ ухо. Зло сдѣламо; оно расшетъ, оно ползетъ, оно идетъ своимъ пушемъ, и *rinforzando*, изъ роица въ роицъ, перескакиваетъ чершовски; потомъ вдругъ, не знаю какъ, вы видите, что клевета подымается, шипитъ, дуется, расшетъ въ мгновение ока. Она бросается, лешитъ, вершитъ, обхващываетъ, рветъ, увлекаетъ, блещетъ молніею, гремитъ громомъ, и, по милости Божіей, дѣлается всеобщимъ крикомъ, публичнымъ *crescendo*, общимъ хоромъ ненависти и гоненія. Какой чортъ устоитъ противъ этого?

Воманне, Севмалскій Цирюленикъ.

Ребенокъ, въ улицѣ Вольшаго Бѣлаго Орла, вершѣлъ въ рукахъ своихъ флорины, разсмапривалъ, при блѣдномъ лунномъ свѣтѣ, изображенія, на нихъ бывшія, и уже думалъ о шомъ, какъ испрапитъ ему шакое множесиво денегъ на будущей городской ярмаркѣ, гдѣ самыя лучшія куклы сподяшъ не дороже двухъ крейцеровъ. Мать его подходила; бѣдный богатъ не зналъ, куда спряпашъ опъ нея свое богашсиво: кармановъ у него не было, чулковъ шакже, а въ

башмаки спрягать флориновъ было не лзя. «Иди, Фрицъ,» сказала ему мать. «Егоръ, опецъ швой, скоро возвратишься, ужинъ еще не готовъ, онъ разсердишь. Держи-ка вошь эту бушлыку; возми-ка вошь эту чашку!» Но бѣдный Фрицъ не смѣлъ пропаянуть рукъ, чтобы пособить матери: деньги ему мѣшали. «Бери же, Фрицъ! вѣдь я тебѣ говорю!»

— Не могу взять, маменька — у меня руки заняты. . .

«Вѣрно, игрушками? Брось ихъ въ шапку, и пойдемъ скорѣе.» Фрицъ снялъ съ головы свою шерстяную шапку, со всевозможною осторожностію сложилъ въ нее драгоценныя флорины; но, поропаясь надѣть шапку на голову, не замѣшивъ онъ, какъ одна изъ монетъ скользнула на землю, упала, и зазвенѣла на первой ступенькѣ лѣстницы. «Боже мой! Что это?» вскричала мать. «Тутъ съ неба деньги падаютъ! Пущи-ка, пущи, Фрицъ я посвячу!» Она опшолкнула сына, желая поближе разсмотрѣть флоринъ, блискавшій на ступенькѣ лѣстницы, и опшолкнула такъ сильно, что серебряный дождь пошелъ изъ-подъ его шапки, и мать, размашивая флорины, насыпала ихъ до пянадаши. «Чудо, чудо!» кричала она. «Смы мой превратился въ серебро!» На восклицаніе Фрицовой матери расхлопнулись двѣ соседствен-

ныя двери. « Кто шурш? » спрашивалъ въ тоже время голосъ сверху лѣстницы. « Эхъ! по-
дише сюда, сосѣдки! Фрицъ околдованъ! флоринны падають у него изъ ропа и изъ глазъ! » Сосѣдки не заспаивали повшоряшь себѣ два раза эшихъ словъ, прибѣжали, съ деревянными под-
свѣчниками въ рукахъ, и османовились, изу-
мленныя, при видѣ богашства, разсыпаннаго на полу! Фрицъ хошѣлъ говоримъ, но мать не да-
вала ему сказашь и объяснимъ, что деньги эши шли не изъ рукъ чорша, но получены ошѣ моло-
даго господина, съ условіемъ: никому не ска-
зывать, что эшошъ господинъ былъ въ госняхъ у сосѣдки ихъ, швей Елены. Наконецъ, одна изъ сосѣдокъ наклонилась, желая разсмотрѣшь чор-
шово сокровище; другая удержала ее, вскри-
давъ: « Ахъ! что ты! Вѣдь обожжешься! » Фрицъ успѣлъ въ эшо время схватишь одну монету, и сказашь: « Видише, что я не обжигаюсь? И шогда совсѣмъ не были онѣ горячи, когда бо-
гатый господинъ далъ ихъ мнѣ, вошъ съ мину-
шу назадъ, не болѣе. » — Какъ? Какой господинъ? Говори скорѣе! — Фрицъ подобралъ въ эшо время всѣ флоринны, и мать спряшала ихъ въ свой холщевый карманъ. Ребенка посадили на спупеньку, и онъ началъ рассказывать, какъ господинъ, закушанный въ большой плащъ, вы-
шелъ ошѣ дѣвицы Елены, какъ онъ зѣвалъ въ эшо время на порогъ, какъ эшошъ господинъ

подошелъ къ нему, и далъ ему денегъ, съ шѣмъ, чшобы никому не сказывашь о посѣщеніи эшимаъ господиномъ молодой швей. Болшунъ Фрицъ не сказалъ ни слова о шомъ, что эшомъ господинъ разбудилъ его, и пошомъ уже далъ ему денегъ, и просилъ молчашь. Сосѣдки, опершись на перила лѣспницы, слушали ребенка, съ радосшью, изумленіемъ, съ разинушыми ршами и выпученными глазами. И Фрицъ, ободренный участіемъ, какое принимали въ его разсказѣ добрыя кунушки, рѣшилъ еще болѣе прикрасишь свои разсказы. « Мнѣ кажешся, я видѣлъ даже, какъ дѣвица Елена съ нимъ прощалась; но, впрочемъ, эшо недосповѣрно. Да, надобно-же бышь путь большой шайнѣ, когда хорошій эшопиъ господинъ далъ мнѣ сполько денегъ. . . »

— Ну! и ты самъ хорошо видѣлъ, что эшомъ господинъ вышелъ ошъ Елены? — спрашивала его еще разъ мать.

« Вошъ еще : хорошо видѣлъ! За что-же и плашишь мнѣ, если-бы я не видалъ! О, эшо большой господинъ! нѣшъ сомнѣнія; люди, шакіе, какъ мой бапюшка, не носяшъ плащей съ бархатнымъ ворошникомъ.

— Онъ правду говоришь — вѣдь дѣшкое дѣло! Да, эшо, конечно, придворный господинъ. Но, какова-же эша дѣвица Елена? А! поди-ты, пожалуй! кто-бы подумалъ!

« Ну , я подумывала эшо издавна ; она давно такъ смогрѣла , эша дѣвчонка . . .

— Наканунѣ свадьбы ? А ? Эшо ужасъ !

« Если-бы покойница , мать ея , была жива , такъ кровавыми слезами оплакала-бы безпуштво дочери . . .

— А онецъ-шо ? Да , онъ убилъ-бы ее ! Вѣдь эшо былъ честный челоуѣкъ .

« Неужели бѣднаго Ансельма допусшишь до женишьбы на ней ? Онъ-же мнѣ родня ! Да , я изъ одного сохраненія нашей фамильной чести не дозволю !

— Но кто-бы эшо былъ эшопъ господинъ ? — возразила мать Фрица . — Елена никуда не выходишь безъ брата , или безъ жениха своего !

« Да , зачѣмъ-же ей выходишь , » ошвѣчала одна изъ сосѣдокъ , « когда молодчикъ самъ къ ней приходишь . »

— Его-шо я не виню : онъ поступаетъ , какъ поступилъ-бы всякій молодой мужчина . Дѣвка должна сама себя беречь — прибавила другая .

« Разумѣется . Мужинъ нечего винишь . Мой покойный бапюшка говаривалъ бывало : беречься курица , а пѣшуку что за дѣло !

Болшанье кумушекъ продолжалось-бы еще долго , если-бы Егоръ , онецъ Фрица , не возвра-

пѣлся въ это время. « Чшо вы шущь, сосѣдки? Бѣда какая, или диво? » спросилъ онъ.

— А шакое диво — отвѣчала жена его — чшо Фрицъ нашъ разбоганѣлъ въ эшотъ вечеръ, и нажилъ 45 флориновъ.

« Пятнадцашъ флориновъ? » сказалъ Егоръ. « Да, гдѣ-же онъ взялъ ихъ? »

Фрицъ охотно гошовъ былъ снова рассказывать исторію, о свиданіи своемъ съ хорршимъ господиномъ въ плащѣ. Онъ уже и начиналъ ее, когда Егоръ перебилъ начало рѣчи его, словами: « А скажи-ка, жена, варишся-ли мой ужинъ? Вѣдь эшо онъ, негошовый, споишъ шущь? Я ѣсть хочу. Фрицъ доскажетъ намъ, пока мы спанемъ ужинашъ, и если флорины перешли къ нему неладно, шакъ я завпра-же опдамъ ихъ по-му человекъ, кошорому они почно принадлежатъ. »

— Опдашъ — ворчалъ Фрицъ, всхода по лѣспницѣ, съ бушылкою и чашкою въ рукахъ. — Довольно и шого, чшо ихъ у меня опняли. Вѣдь я ихъ вырабошалъ, и вырабошалъ честно.

Между шѣмъ, когда въ Зеленой залѣ Ландграфа весело пили за любовь Минисира къ мѣщанской красавицѣ, а въ кварширѣ бочара Егора кумушки-сосѣдки проклинали развращную дѣвушку, любовницу знашнаго человекъ, внимательная Елена считала минушы, вставала под-

слушивашь каждый шумъ шаговъ по лѣсницѣ , и снова садилась за свою работу , говоря : « Ну , шить лучше ; это еще не онъ ! Но завтра , я ужь не буду его дожидаться ; завтра Воскресенье ; онъ цѣлый день оспанется со мною . А на шой недѣль ? . . Да , на шой недѣль , полно ему работашь : въ Понедѣльникъ свадьба — и онъ , по крайней мѣрѣ , цѣлую недѣлю долженъ просидѣть дома со мною ! » Она начинала пошомъ работашь съ новымъ удовольствіемъ ; рука ея бѣгала по пальцамъ , и буква : Е свивалась подъ ея иглою съ буквою : А Елена вышивала свадебный галстухъ своему жениху . Она не чувствовала грусти , кошорая шакъ часпю мучилъ сердца нашихъ дѣвушекъ передъ свадьбою , при мысли о будущей судьбѣ своей . Она очень хорошо знала добрый характеръ Ансельма , его дружбу , искреннюю и открытую , и пошому никакое опасеніе не смѣшивалось съ ея мечшою о будущемъ благополучіи . Ансельмъ жилъ вмѣстѣ съ ея братомъ , и уже пять лѣтъ Елена была у нихъ полною хозяйкою . Послѣ свадьбы ея , ничему не должно было измѣниться въ мирномъ бытѣ молодой швей . Если она и желала , чшобы поскорѣ наснуилъ день ея свадьбы , шо этого для того шолько , что ей обѣщали позволить танцовашь сколько угодно , и пришомъ въ первой парѣ . Какая радость для дѣвушки , кошорая любитъ танцы болѣе всего

въ міръ! Свадьбу хошѣли праздновашь цѣлмхъ восемь дней. Послѣ шого, все должно было придти въ опредѣленный порядокъ у обиташелей чердака въ улицѣ Большаго Бѣлаго Ора : они спали-бы жишѣ по семейному, какъ жили прежде. Только Ансельмъ долженъ былъ послѣ свадьбы переселиться изъ своей комнаты въ другую, а на его мѣстѣ надобно было поселиться Гюгу, брату Елены. И шакъ, не сирашное нешерпѣніе заставляло Елену прислушивашься къ шуму шаговъ на лѣстницѣ. Она привыкла ожидать своихъ гостей всякій вечеръ. Въ эшошъ день, они предупредомили, что придуть поздно : эшо была хлопотливая суббота, послѣдняя передъ свадьбою. Елена не только не беспокоилась о позднемъ отсутствіи брата и жениха, но, напрошивъ, еще боялась, что они придуть слишкомъ рано, когда она не успеетъ еще кончить своей работы. Уже шесѣть дней скрывала она шайну шипья своего, а эшо было довольно тяжело : скрывать что нибудь отъ Ансельма, хотя и для шого единшвенно, чтобы приготовить ему пріятную нечаянность. Уже почти половину шайны своей, она открыла своему жениху, облегчая сердце, и сказавъ однажды : « Вы не знаете, Ансельмъ, что я для васъ теперь работаю; но *это*, я не хочу говорить, и запрещаю даже вамъ глядѣть на мои пальцы. Вы очень удивились, ко-

гда увидише что такое это будущее.» Напрасно Ансельмъ преслѣдовалъ ее вопросами, послѣ сей полу-довѣренности; онъ не добился ни полслова болѣе.

Одиннадцать часовъ ударило на башнѣ, когда Елена кончила пишье галспуха Ансельмова. Въ это время Гюгъ, и будущій зять его, вошли въ улицу Большаго Бѣлаго Орла. Елена узнала голоса ихъ: возвращаясь, они весело пѣли, по своему обыкновенію.

«Пой, пой, бѣдный Ансельмъ!» говорили сосѣдки бочара Егора, все еще шолковавшія о паниспвенныхъ посѣщеніяхъ знашнаго господина. Елена, на чердакѣ своемъ, также сказала: «Пой, пой, мой Ансельмъ! Ты скоро будешь еще веселѣе, когда увидишь, какой прелесный галспухъ вышла я себѣ!»

Двое друзей взошли на свой чердакъ. Столъ былъ уже приготовленъ для ужина, и галспухъ, завернутый оспорожно въ бѣлую бумагу, былъ положенъ Еленою въ оловянную шарелку ея жениха. «Вы хорошо поработали сегодня,» сказала она, «и я также. Разверните бумагу, господинъ Ансельмъ, и посмотрише на сюрпризъ, которій я вамъ готовила.» Ансельмъ поспѣшилъ развернуть бумагу. Съ раскраснѣвшимися отъ удовольствія щеками, улыбаясь, сморгла Елена, какъ онъ удивлялся ея искусству. Въ вос-

порогъ радости , Ансельмъ подошелъ къ невѣстѣ своей , желая поцѣловать ее .

« Ты позволишь , братъ ? » сказалъ онъ Гюгу .

— Да , да , поцѣлуй ее — сказалъ братъ , за- жигая свою трубку — всякой работѣ надобна плаха , и ея работа споймъ поцѣлуй . — Елена подсыновила свою щеку , и молодой женихъ напечатлѣлъ на щекѣ невѣсты одинъ изъ пѣхъ громкихъ , крѣпкихъ поцѣлуевъ , копорые шакъ мило схватывашъ на пухлыхъ , розовыхъ щечкахъ хорошенькихъ Нѣмочекъ .

« Добрый вечеръ , друзья мои ! » Елена безпреспанно смѣялась , пока братъ ея Гюгъ , спряхнувъ пепель съ трубки своей , не началъ говорить важнымъ голосомъ . « Послушайше меня , дѣшн . Когда покойный родитель мой — да будешъ памяшь его благословенна на вѣки — шель въ горня , онъ сказалъ мнѣ : Сынъ ! оспавляю на рукахъ швоихъ шжелое бремя : шы долженъ воспиташъ дѣвушку , сестру швою , и сберечь ея доброе имя . Слова шпарика , кошораго съ дѣшшва научилъ я почишашъ , кошорому повиновался я , сполько-же по любви , сколько по долгу моему , попали въ уши человека , не забывающаго своихъ обѣщаній . Я поклялся бытъ покровишелемъ Елены , заслушашъ ей мѣсто отца , и горжусь , говоря шеперь , что добродѣтель и поведеніе сестры моей сдѣлали мнѣ иго мое весьма легкимъ . »

Внимательно слушала брата своего Елена; между тѣмъ какъ Ансельмъ, не менѣе внимательный, черпнулъ возжикомъ по дубовому столу. Вдругъ Елена перебила рѣчь брата: «Съ чего вздумалось тебѣ говоришь мнѣ комплименты?» сказала она. «Ты исполнилъ то, что обещалъ опцу своему; я, чѣмъ была обязана къ самой себѣ, къ тебѣ... къ Ансельму... Ну! скажемъ просто, что каждый изъ насъ исполнилъ свой долгъ, и спанемъ говоришь о другомъ.»

— Нѣтъ, сестра, я не все кончилъ. Отецъ еще говорилъ, и заказывалъ мнѣ, вотъ такъ: «Женщина должна принести мужнинѣ приданое; мужчина долженъ имѣть пвердосшь душевную, и необходимыя средства пропитанія, для жены и для дѣшей. Знаешь-ли ты это, Гюгъ?» Слушай, сестра! это умирающій отецъ говоритъ съ нами: «Тебѣ извѣстно, сынъ мой, что у меня доспавало душевной пвердосши; были и дарованія, не тѣ, которыя пребующъ силы рукъ, но было образованіе, необходимое для званія адвоката. Защищая добро другихъ отъ нападеній злобы и коварства, я забывалъ о своемъ добрѣ, не думалъ, что иногда надобно хлопоташъ и о сомнительныхъ правахъ богатаго и могущаго кліента, не слишкомъ заботясь о безпорочности адвокатскаго званія. Адвокашу

надобны покровишели , и въ мое время начинали уже поговаривать : « Только проигранная шажба безчестнѣ адвоката , а выигранная всегда дѣлаешъ честь ему . » Твой дѣдъ шахъ не думалъ . Я хотѣлъ соблюсти въ плохое время шаковую-же , дѣдовскую строгость правилъ , и ошъ меня сивали ошсшаващъ . . . Сначала прошла слава , что я выигрываю шолько такіа шажбы , о которыхъ и говоришь не стоило . При каждомъ успѣхѣ моемъ , забывалъ , что часто прошивъ сильнаго соперника склонялъ я боязливое , вершншешельное правосудіе . Наконецъ , судья спали посмѣлѣе — да просшишь имъ Богъ ! — и шессть разъ сряду одно сильное имя прошивной стороны было дяжеле на вѣсахъ ихъ , нежели правопша , мною защищаема . Презираемый богачами , поржеспвовавшими надъ моимъ краснорѣчіемъ , я разсердилъ шѣхъ , кого невольню раззорилъ своимъ заспушленіемъ , и , спыдимый моими поварищами , я началъ понимащъ , что мѣсто честному челоувѣку приличнѣе въ масперской , нежели въ судейской , если онъ хочешъ быщъ уваженъ другими . Тогда сказалъ я самъ себѣ : Сынъ мой будетъ ремесленникомъ , и я брошу адвокатское плащье , а надѣну передникъ . Твоя добрая , почшенная мащъ недолго пережшла мое позднее рѣшеніе ! . . Я воспнпалъ себя , научилъ ремеслу дочъ , и шеперь ошправляюсь въ далекій пушь , съ горесщью , что ни-

чего не оставляю ей, чѣмъ могла-бы она обогатить добраго ремесленника, кошораго выберешь ты ей въ мужа, попому чшо, повшоряю шебѣ: женщинѣ надобно приданое, а мужчинѣ швердосшь духа. .

Тутъ Гюгъ ошпановилса, и помѣшалъ въ своей шрубкѣ: это была его привычка, когда онъ кошѣлъ скрышь сильное движеніе сердца, а никогда безъ сильнаго движенія не говорилъ онъ объ ошцѣ своемъ. У Елены навѣрнулись на глазахъ слезы; Ансельмъ все еще держалъ ножикъ въ рукѣ своей, но онъ не чершилъ уже имъ по шшолу: слова друга заняли все его вниманіе. Когда Ансельмъ замѣшалъ, чшо будущій шуринъ его пересталъ говорить, шо взялъ онъ его руку, крѣпко пожалъ ее, и сказалъ: «Брашъ — я могу уже называшъ шебя эшимъ именемъ — не говори мнѣ никогда о приданомъ! Развѣ не условились мы взаимно, съ давняго времени, каждую субботу опкладывашъ лишнее прошивъ расходовъ, и развѣ не положились мы, когда будешъ у насъ досташочный запасъ, ошкрышь общую механическую слесарню, подъ именемъ *Ансельма, Вернера и компаніи* ?

— Да ! — сказалъ брашъ Елены — и эша слесарня. . . мы ошкроемъ ее съ будущей недѣли, если ты хочешь ?

« Эшого не дѣзя , » сказала Елена , « Я знаю небольшое сосояніе Ансельма : оно очень не огромно , а у меня , когда я куплю себѣ подвѣчное плашье , ничего не останешся ошь моихъ запасовъ . »

— Я прошивъ всего эшого не спору — сказалъ Гюгъ — да , моихъ-по запасовъ не знаепе вы , друзья мои ! Неужели вы думали , что я согласился-бы на замужство сестры моей , если-бы у меня не было возможности сдержашь слово , данное мною ошцу моему ? « У Елены будешъ приданое , » сказалъ я ему , когда услышалъ грусть его о шомъ , что онъ умираептъ , не оставляя шебѣ приданого . Я долженъ былъ обѣщашь эшо , чтобы кончину его сдѣлашь спокойнѣе и счастливѣе его жизни . И какъ обѣщанія Гюга Ишпейна не пустыя слова на воздухъ , чтобы упѣшишь шолько ими умирающаго... Ну ! я работалъ для сестры моей . . . Слава Богу ! Ни работы , ни охоты моей , никогда не было недоспащочно . . . Ну ? вотъ , дѣши ! — прибавилъ Гюгъ , вынимая изъ кармана кожаный кошелекъ — считашше палеры и рейхсъ-палеры , и скажише : эпошь сюрпризь сподишь-ли вышшаго галсшуха ?

Елена нѣсколько времени сподла , изумленная , передъ золошомъ , которое братъ ея разсыпалъ по сполу . Пошомъ бросилась она на шею доб-

раго Гюга, который, смѣясь, защищался отъ ея ласкъ. «Ну, ну! хорошо! вы довольна? много только и хопилось мнѣ, и опецъ вашъ долженъ бытъ также доволенъ, если онъ виднѣ все это... шамъ, шамъ... Да, я исполнилъ, кажется, двойную обязанность, имѣ на меня наложенную... Теперь пшвой чередъ, Ансельмъ, работашь для Елены, и думашь о ея добромъ имени...

— Гюгъ! — сказалъ Ансельмъ — вы сдѣлали для насъ много, слишкомъ много! Любишь Елену я могъ и безъ этого.

«Кончено! а шакъ, какъ это вамъ не помѣшаешь, но ни слова больше объ этомъ... закуримъ-ка шрубку...

— Скоро часъ по полуночи — сказала Елена. — Вы уснули. Пора спать...

«Правда! И шакъ: добра ночь!»

Черезъ четверть часа все замолкло, и сквозь бѣленькія занавѣски чердака въ улицѣ Большаго Бѣлаго Ора, не видно было никакого огонька. Добрая ночь счастливымъ!

На другой день, какъ я ужъ говорилъ вамъ, было Воскресенье, веселое Воскресенье, съ сѣрымъ Нѣмецкимъ небомъ, шуманнымъ солнцемъ, шжельнымъ воздухомъ окончанія лѣта, Воскресенье, наконецъ, котораго желаюшъ мужчинамъ,

чтобы весело собрался пить пиво и джрашь въ кегли, въ саду большой госпинницы, Воскресенье, о кошоромъ упоминающъ въ своихъ молитвахъ молодыя дѣвушки: имъ можно въ эшопъ день напанцоваться подѣ деревьями сада. Въ залѣ госпинницы шанцовашъ пакъ не ловко, и шакъ не весело. Ошъ шабачнаго дыма, ошъ непареній бѣлаго пива шемно въ глазахъ, кружишся голова. Нехошя обмолвишся неучивымъ словомъ, и часшо шолчки получаете лучшій другъ вашъ, когда вы сами не знаете, какъ началась ваша ссора. На чистомъ воздухѣ, дымъ шабаку, запахъ пива, грубосшь слова, все разлепашся. Да здравшвуешъ чистый воздухъ, для веселой игры въ кегли! Да здравшвуешъ чистый воздухъ, для шанцованья въ кружку! Какой залы доспанелъ для эшого кружка? Лучшая изъ залъ Ландграфа не прельстшла-бы молоденькихъ Нѣмочекъ, когда онѣ соснавлиющъ шанцовальный кругъ свой въ саду, и если-бы самъ Принцъ, лично, предлагалъ имъ шогда свою залу, онѣ присли-бы передъ нимъ, и сказали: «Покорно васъ благодаримъ, Ваша Свѣшлосшь, но въ залѣ вашей нѣгдѣ смѣяшся!»

И шакъ, день обшчалъ бынь прекраснымъ. Мужья ошкладывали въ карманы по немногу мягкой монешы, располагаясь проиграшъ ее въ кегли. Мальчики бѣгали уже по улицамъ, и молодыя дѣвушки одѣвались къ обѣднѣ. Но гдѣ ма-

шери? Почему, какъ обыкновенно заведено, онѣ не присушшвовали въ эпопѣ день при воскресныхъ туалешахъ дочерей своихъ? Раздѣльными группами спояли эши добрыя матери подлѣ дверей домовъ своихъ, и, какъ замѣшно было, въ жаркомъ разговорѣ. Во всѣхъ улицахъ города былъ разговоръ самый живой; въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла особенно толпы говорящихъ были многочисленнѣе, и разговоръ жарче и живѣе. Супруга Егора бочара, мать маленькаго Фрица, не уставала пересказывать исторію о *пятнадцати флоринахъ*. Толпами сбѣгались слушать ее, и каждому, вновь приходящему, она повшоряла разговоръ богатаго господина въ плащѣ, съ маленькимъ сыномъ ея. Каждый разъ шекстѣ разсказа украшался всѣми предположеніями, которыя создавались вокругъ ея, и опѣ шого каждый изъ ея разсказовъ былъ значительнѣе умноженъ, и обогащенъ новыми прибавленіями. Проходящіе, черная въ рѣчахъ ея запасъ, которымъ можно было проившашъ любопытштво сосѣдей каждаго изъ нихъ, несли въ свои углы шо, что говорила бочариха, и сокровище злословія и клеветы не только не испощалось у нихъ дорогою, но оказывалось удивительнѣе прирасшавшимъ; по мѣрѣ шого, какъ разскащикъ опдалался опѣ улицы Большаго Бѣлаго Орла. Правъ былъ добрякъ Баснописецъ, сказавши :

«И такъ какъ число ящъ, благодаря мольбѣ, возрасло непрерывно, при переходѣ изъ устъ въ уста, по къ концу дня возрасло оно, отъ одного яща до сотни и болѣе ящъ.»

Число флориноръ, данныхъ ребенку нечаяннымъ господиномъ, возрасло въ пропорціи ящъ, какую означилъ Баснописецъ. Тутъ говорили: «Ужъ не въ первый разъ поймали этого знашнаго господина!» Тамъ прибавляли: «Да, и кокетка эша не перваго любилъ!» Позволише замѣнить, что словомъ: кокетка, перевелъ я здѣсь слово гораздо болѣе сильное, гораздо болѣе выразительное, отъ котораго кровь бросается въ щеки стыдливости, и котораго никогда не произносятъ въ порядочномъ обществѣ. Но путъ-ли шолько останавливаться злословію! Раздавались голоса, осуждавшіе глупость жениха и невнимательность брата, въ шому, что касается чести его сестры. Что онъ: пренебрегаешь поведеніемъ своей сестры, или участуешь въ ея преступленіи? *Участуешь!* Но эщо роковое слово было произнесено шолько однимъ злымъ человѣкомъ, и не нашло себѣ отголоска. Эшимъ словомъ хотѣлъ одинъ мерзавецъ выслужиться у всеобщаго негодованія... Мерзавцы естѣ вездѣ. Какъ не бышь имъ и между добрыми Нѣвцами!

Наспугивъ часъ обѣдни. Маменьки накрѣпко заказали дочерямъ не говорить ни слова съ шведскою улицю Большаго Блага Орла, не подавать ей даже малѣйшаго знака вниманія, когда она придетъ въ церковь, не позволять ей помочь вышивавшаяся въ панцы, и даже не ходитъ по той сторонѣ улицы, по которой пойдеть развратная шведка. Мужья приказали шже самое женамъ своимъ. Молодежь условилась уходить отъ шого мѣста, гдѣ сядушь брашъ, или женихъ швед. Съ такими, довольно несходными съ Христіанскимъ милосердіемъ расположеніями, все общество отправилось къ обѣднѣ. Ансельмъ, Гюгъ и Елена съ удивленіемъ замѣтили, какъ опроретью бросился отъ нихъ народъ, когда они вошли въ церковь. Ансельмъ и Гюгъ прощивули руки къ нѣкошорымъ изъ своихъ знакомыхъ, и, въ первый еще разъ ни одна рука не прощивулась къ нимъ дружески, и руки всѣхъ спряпались! Ансельмъ нахмурилъ брови, но Гюгъ тихо сказалъ ему: «Терпѣніе! Не понимаю, что это значить, но мы все узнаемъ!» Елена также замѣтила, что ласковая улыбка ея знакомыми дѣвушкамъ оспалась безъ ошвѣща. Угрюмые взоры женщинъ, насмѣшливые взгляды мужчинъ, заспавили ея пошупишь глаза, хотя она вовсе не понимала, для чего на нее смотрѣли всѣ такимъ спрашнымъ образомъ.

Пасторъ взошелъ на кафедру. « *Изыдите изъ среды ихъ, удалитесь отъ нихъ, и не прикасайтесь къ нечистому:* » таково было начало проповѣди его. И едва только сія слова перазили слухъ людей, бывшихъ въ церкви, то, какъ будто сила какая нибудь отодвинула отъ Елены всѣхъ, бывшихъ подлѣ нея. Елена осталась одна, и пасторъ загремѣлъ проповѣдъ грѣшныхъ и преступныхъ. « Уйдемъ, » сказалъ ей братъ. « Не понимаю, но здѣсь ничего намъ не изъясняшъ, а шамъ, внѣ церкви, должны сказашъ; или » . . . Не договоривъ угрозы, онъ увлекъ за собою Елену и жениха ея; взоры всѣхъ обратились на бѣдную дѣвушку, и выражали одно: *презрѣніе!*

Елена сѣла на лавочкѣ, подлѣ дверей церкви; ноги не держали ея; она дрожала, и была блѣдна. Ансельмъ ходилъ большими шагами, сложивъ руки на груди. Гюгъ подходилъ то къ сестрѣ, то къ будущему своему зятю, и поочередно спрашивалъ ихъ, что все это значить? Но ни онъ, ни она не могли выговорить ему ни одного слова. Два часа продолжалась проповѣдь и обѣдня, шажкое, медленное наказаніе для бѣдной дѣвушки! Наконецъ, прежде другихъ, вышло изъ церкви множество молодыхъ дѣвушекъ. Елена начала звать ихъ, называвъ по именамъ.

Никто не отвѣчалъ ей ; и всѣ Кашхенъ, Грешхенъ, Минхенъ спѣшили идти, не глядя на Елену. Гюгъ бросился за ними и схватилъ одну изъ нихъ за руку. « Оставьте меня, господинъ Гюгъ ! » говорила дѣвушка , спараясь вырваться . « Маменька запретила мнѣ говорить съ вашею сестрицею , и не велѣла даже глядѣть на нее ! » Гюгъ хотѣлъ еще спрашивать , но замѣтилъ , что между шѣми будущій зять его горячо говоритъ со многими , окружившими его людьми . Оставивъ молодыхъ дѣвушекъ идти своею дорогою , Гюгъ бросился въ эту шолпу , гдѣ говорили громко и жарко . Приближаясь , онъ услышалъ ужасныя слова : « Да , Елена негодяйка , мерзавка ; она тебя обманываетъ ; всякій вечеръ приходишь къ ней любовникъ ! » — Любовникъ ! — вскричалъ Гюгъ въ бѣшенствѣ — кпо смѣешь эшо говорить ? — « Я , я , я ! » закричали вдругъ всѣ мужчины и женщины . — Но кпо свидѣшель , кпо свидѣшель ? — спрашивалъ Гюгъ : — « И свидѣшелей предсавялтъ ; если угодно ! » закричали ему . Пораженная вдругъ такимъ спрашнымъ обвиненіемъ , Елена не могла найдти ни одного слова къ своему оправданію . Она зарыдала . Сложивъ руки , въ опчаяніи хопѣла она говоритъ , но , задушаемая слезами , не могла произнести ни одного слова . Между шѣми , братъ ея , съ глазами , сверкавшими отъ гнѣва , съ лицомъ ,

горѣвшими ошъ стыда и негодованія, подбѣжалъ къ ней, и уже шрижды сказалъ: «Оправдайся, несчастная!» Но она продолжала рыдать, складывала руки, и слова умирали на губахъ ея. Ансельмъ, до тѣхъ поръ горячо поддерживавшій будущаго своего шурина, онѣмълъ, когда услышалъ, что обвинители Елены готовы, если надобно, предспавишь свидѣтелей пресупленія его невѣсты. Подозрѣніе запало въ его сердце, а Елена — не оправдывалась!

Ахъ! какъ хорошо понимаю я это молчаніе, это оцѣпенѣніе, овладѣвающее невинно-обвиняемымъ, и кошорое, увы! предубѣжденные суды не разъ принимали за сознаніе въ пресупленіи!..

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

РАЗБОРЪ КНИГИ:

Начальныя Основанія Всеобщей Химіи, составленныя по системѣ Г. Тенара, І. Варвинскимъ. Частн: 1 и 2.—СПбургъ. Въ типогр. Алекс. Смирдина. 1832.

Чишашелямъ Московскаго Телеграфа, и вѣроятно всѣмъ любителямъ Химіи извѣстно, что Г-нъ Варвинскій издалъ недавно первую и вторую Частн Основаній Всеобщей Химіи, составленныхъ по системѣ Тенара. Получивъ сію книгу, я намѣревался сообщить чишашелямъ полный разборъ оной, но былъ предупрежденъ въ томъ отзывомъ Г. Гесса, помещеннымъ въ Московскомъ Телеграфѣ, № 4 за текущій годъ. Ошвѣтъ Г-на Варвинскаго, сдѣланный Академику (Сынъ Опечесшва, 1832 № 25.), убѣдилъ меня, какъ, вѣроятно, и всякаго другаго, что Г. Варвинскій нимало не хочетъ согласиться даже съ самыми важными замѣчаніями, сдѣланными ему Г-мъ Гессомъ. Посему полагаю, что нѣсколько подробный разборъ, выказывающій несообразности книги Г-на Варвинскаго, будетъ полезенъ, хотя не для него, но для другихъ чишашелей. И такъ намѣрень я указать на главнѣйшія:

— На стр. 2 своей Химіи Г. В-ій говоритъ, что «Древніе принимали только четыре начала: огонь, вода, воздухъ и земля. Нынѣ», продолжаетъ онъ «извѣстно ихъ до 57, со включеніемъ невзвѣшиваемыхъ, и уже къ числу ихъ не относимся ни вода,

ни воздухъ, ни земля, сложность конхъ доказана.» —
Утѣшійся подумаешь, что огонь ошпоиснся къ числу началъ.

— Здѣсь-же Г. В. заключаетъ, что «если допустить, что сіи 54 вѣсомыя шѣла могутъ соединяться 2 съ 2, 3 съ 3, 4 съ 4, то очевидно, что они составивъ могутъ *всѣ* сложныя шѣла природы.» —
Во-первыхъ: что Г. В. хотѣлъ выразить словами: два съ двумя, три съ тремя и ш. д? Онъ желалъ, вѣроятно, перевести слова: *deux-à-deux, trois-à-trois* и пр., а на Русскомъ діалектѣ они значатъ: по два, по три, и ш. д. Переводъ-же Г. В-го приведетъ начинающаго въ величайшее недоумѣніе, ибо онъ подумаешь, что шѣла не могутъ соединяться въ пропорціяхъ напр. 2 съ 3, 2 съ 5, 4 съ 2, и ш. д.
Во-вторыхъ: изъ сказаннаго здѣсь Г. В-нмъ, для начинающихъ ни сколько не очевидно, что шѣла, соединяющіяся по два, по три, составявъ *всѣ* шѣла природы! Объ этомъ должно-бы сказашъ побольше.

— По вѣсѣмъ доселѣ принимаемымъ явленіямъ должно полагать, что свѣтъ, дѣйствіемъ преугольной призмы, *разлагается* на 7 лучей. Г. В. помѣстивъ его въ число началъ (стр. 2))!

— Никто до сихъ поръ не переводилъ: *molécules intégrantes, интегральными* (!) частицами.—На стр. 4 Г. В. говоритъ, что, шакъ-же какъ и въ простыхъ шѣлахъ, » *сѣрный свинецъ* есть скопленіе множества интегральныхъ частицъ, но всякая изъ оныхъ содержишь *еще по двѣ*: одну сѣрную, а другую свинцовую!» Это уже слишкомъ древнее умозрѣніе.

— Стр. 5. Г. В. пишетъ, что «силу сѣщенія можно нѣкопорымъ образомъ измѣрять шѣмъ

усиліемъ , какое пошребно для разделенія (!) интегральныхъ часшиць. » Далѣе продолжаетъ онъ : « очевидно (?), что присуствію сея силы должно приписать швердосць шѣлъ; ибо сподшъ ее *уменьшшть*, и шѣла будушъ жидкими , или *вовсе уничтожить*, и они будушъ газообразны ! » Это слишкомъ уже скоро для начинающихъ.

— На той-же страницѣ Г. В. говоритъ о сродствѣ : « *Нынѣ* извѣсны о семь слѣдующія положенія. »—Что разумѣль Г. В. подъ словомъ *нынѣ* ? Со времянь изданія Химіи Тенара о семь извѣстно гораздо болѣе. Пусть прочшуть чшшашели сочиненіе Берцеліуса (или всѣ вышедшія послѣ Тенара), или даже спашью Г. Варвинскаго (переводъ изъ Берцеліуса), помѣщенную въ Горномъ Журналѣ 1825 и 1826 годовъ. Зачѣмъ-же Г. В. не прибавиль, или лучше не измѣнилъ словъ Тенара ? Но это увидимъ впоследствии.

— На стр. 6, Г. В. пишеть : *Нерѣдко* шѣло АВ имѣеть свойства различныя ошъ началъ, его составляющихъ. » Это происходитъ не *нерѣдко*, а всегда ! Выраженіе Г. В. кажется показываеть, что онъ не выкнулъ въ шо, въ чемъ состошть *отличительный признакъ* Химическаго соединенія!!.....

— Послѣ сего слѣдуетъ опредѣленіе Химіи : « Химія есть Наука, имѣющая предметомъ познаніе *всѣхъ явленій*, происходящихъ ошъ *взаимнаго дѣйствія между частшицами разнородныхъ тѣлъ*. »—Изъ такого опредѣленія никакшо не составишь себѣ понятія о Химіи : ударъ (сшос) двухъ шѣлъ будеть также предметомъ Химіи ! Миѣ скажущъ, можеть бышь,

что сіе опредѣленіе находившееся у Тенара; но Тенаръ написалъ Химию еще въ то время, когда понятія о Наукъ не были столь ясны какъ нынѣ, и опредѣленіе Тенара было въ то время сносно по недостатку другихъ. Послѣ сего Химика, многіе занимались почтенымъ опредѣленіемъ Науки, и въ семь случаевъ первымъ безспорно поставивши можно Берцеліуса: » *La Chimie,* » говоритъ онъ, « *est la science qui fait connaitre la composition des corps et la manière dont ils se comportent les uns à l'égard des autres.* » Посему Г. В. и здѣсь слѣдовало-бы отшшупишь ошь оригинала.

— Г. В., на стр. 21, излагаетъ способъ, «какъ можно опредѣлить вѣсъ атома тѣла. Положимъ, » говоритъ онъ, » что тѣла А и В. по соединеніи образовали двойной составъ АВ, въ которомъ чрезъ разложеніе найдемъ, что сіи тѣла соединены въ пропорціи 5 А и 4 В. по вѣсу. Очевидно, что атомъ А вѣситъ 5, а атомъ В вѣситъ 4, ибо по предположенію Г. Дальсона составъ АВ происходитъ чрезъ соединеніе одного атома В съ однимъ атомомъ А.» Смѣло увѣряю Г. В-го, что никто не пойметъ этого! *Примѣры для объясненія*, приведенные Г. В-имъ, ни сколько не объясняютъ вышесказаннаго, ибо они суть только повторенія, а объясненій при нихъ нѣтъ.

— На стр. 27, Г. В., разсуждая о кристаллизаціи, говоритъ: «Подробности сея отрасли Естественнаго знанія можно найти въ сочиненіи Гаюи о Кристаллографіи.» Неужели Г. В-му неизвѣстны сочиненія, гораздо лучшія Гаюи? Гаюи былъ шворецъ Кри-

сигналлографію по труды Вейса, Моса, Милчерлиха, Г. Розе, Гейдингера и другихъ, совершенно переобразовали сію науку. Зачѣмъ — же ссылачься на старую книгу?

— На стр. 39, у Г. В-аго значится: «стекло расширяется *скорѣе*, нежели швердые металлы, а расширение послѣднихъ бываетъ *быстрѣ* расширения ртутп.» Изъ этого всякой изъ *натягающихъ* заключить, что *стекло расширяется скорѣе или быстрѣ ртути !!* А это-неправда! Пусть-же Г. В. справится съ Тенаромъ (Thénard, *Traité de Chimie*, tome 1, page 17, 7-ème édit).

— На стр. 44, Г. В. назвалъ *парами* (vapeurs) всѣ газы, кои при извѣстномъ давленіи и охлажденіи превращаются въ жидкое состояніе. Это совершенно никакъ не принято!

— Стр. 113. Г. В. говоритъ, что «*по сіе время кислородъ не былъ полученъ въ отдѣльномъ состояніи.*» Сказанное Г. В-мъ можно понять двоякимъ образомъ: или онъ хотѣлъ сказать, что кислородъ не можеть бытъ полученъ ошдѣльно отъ невѣсомыхъ началъ, и въ такомъ случаѣ замѣчаніе Г. В., *сдѣланное при одномъ кислородѣ*, приведетъ начинающаго въ величайшее сомнѣніе; или-же Г. В. желалъ выразить, что кислорода нельзя ошдѣлить отъ прочихъ вѣсомыхъ началъ, шогда оно показываетъ непростительное незнаніе предмета. Къ сожалѣнію, сей послѣдній смыслъ ближе къ словамъ Г-на В-го!

— Стр. 114. «Кислородный газъ,» говоритъ Г. В., «получается различными способами, напр. 1-е) чрезъ *накаливаніе ртутнаго или свинцоваго окисла, либо марганцовой перекиси чистой, либо смѣшанной съ сѣрною кислотою, и проч.*» Г-ну Варвинскому должно бышь извѣстно, что чрезъ *накаливаніе свинцоваго окисла* не лзя получить кислороднаго газа: для сего должно употребить *перекись* сего металла. Можеть бышь, Г. В. скажеть, что онъ слѣдовалъ номенклатурѣ Г. Соловьева, кошорый словомъ *окисель* означилъ вообще всѣ некислыя соединенія кислорода; но *во-первыхъ*, зачѣмъ-же сіе не *объявлено* въ Химіи Г-на В-го; а *во-вторыхъ*, при настоящемъ состояніи науки, сію шерминологию уже принять невозможно. Далѣе: изъ приведенныхъ словъ значится, что кислородъ можеть бышь полученъ, чрезъ *накаливаніе марганцоваго перекисля съ сѣрною кислотою*. Сію смѣсь *накаливашь* не лзя, а должно *нагрѣвашь*, ибо сѣрная кислота есть жидкость, и отъ слишкомъ *возвышенной температуры* разлагаеться! Едва-ли все это не доказываетъ, что Г. В. весьма мало занимался опытно-стію.

— Всякій согласится, что въ учебной книгѣ не должно приводить какого либо мнѣнія, для того только, чтобы помочь оное опровергнушь. Г. В. слѣдалъ это при разсмашириваніи горѣнія (стр. 116). Сначала подковалъ онъ теорію Лавуазье, а потомъ говоритъ (стр. 117), что «несправедливость сего положенія обнаруживается сама собою.» Далѣе уже приводитъ мнѣніе другихъ Химиковъ.

— Послѣ сего, Г. В. заключаешь уже, что «горѣніе есть слѣдствіе соединенія тѣлъ, происходящаго съ отдѣленіемъ теплоты и свѣта.» При семъ представляешь онъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Горѣніе, происходящее при соединеніи двухъ твердыхъ тѣлъ (стр. 120). Если смѣшашъ въ колбѣ порошокъ (!) стры съ мѣдными опилками, и смѣсь нагрѣвать, то сіи два шѣла, соединяюшся и произойдетъ отдѣленіе свѣта и теплоты, слѣдственно горѣніе.» Неужели Г. В. не догадался, что въ семъ случаѣ, мѣдъ соединяется съ парами стры, а не съ твердою строю? Не естъ ли это новое доказательство малой опышности Г. В.?

— На стр. 122—123, Г. В. изъясняетъ Флогистическую теорію Штала. «Для объясненія сей теоріи,» говоришь онъ, «возьмемъ слѣдующій примѣръ: мѣдъ почисалась Флогистиками состоящею изъ извести (окисла) (?) и флогистона.» Г-нь В. долженъ-бы былъ объяснить начинающимъ, что разумѣли Древніе подъ словомъ *stasis* (известь).

— На стр. 126, Г. В. говоришь о Девіевой обезопасительной лампѣ. «Толщина проволоки, изъ которой дѣлается свѣчка, должна быть отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{10}$ дюйма. Очевидно (!) что огонь чрезъ сію свѣчку можешь достаточно освѣщать, но не можешь чрезъ нее проникнуть и слѣдственно не можешь случиться воспламененія въ упомянутой смѣси газозъ.» Изъ толщины проволоки, кажешся, ни сколько не очевидно то, что хотѣлъ сказашъ Г. В. При томъ-же

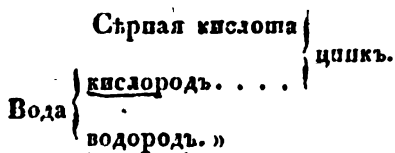
извѣстно, что лампа Девн *весьма слабо* освѣщаетъ, особенно въ довольно обширныхъ копияхъ. Въ *Dingler's Polytechnisches Journal*, Г-нъ В. можешь видѣть, какія огромныя спаранія употребляютъ до сихъ поръ Англичане, дабы устроишь въ сей лампѣ удобнѣйшіе *рефлекторы*, кои-бы все малое количество свѣта могли собирать на одинъ предметъ.

— При разсмашириваніи физическихъ свойствъ водорода (стр. 127) Г. В. пишешь: « По сему также свойству (т. е. легкости водорода) можно перепускать водородный газъ изъ одного сосуда въ другой, наполненный воздухомъ, *столь-же удобно, какъ ежели-бы сей сосудъ содержалъ въ себѣ воду (!!).* » Неужели Г-ну В. неизвѣстенъ самый простой химическій опытъ? Неужели Г-нъ В. никогда не замѣчалъ, что при перепусканіи водорода изъ одного сосуда въ другой, надъ нимъ опрокинутый и наполненный воздухомъ, никогда водородъ не получится чистый, по смѣшанный, по крайней мѣрѣ съ *половиною объема* воздуха !!...

— Стр. 129. « Впрочемъ водородный газъ, не смотря на великую горючестъ его, *не воспламеняется*, проходя чрезъ тонкую металлическую сѣтку, хотя-бы даже и былъ смѣшанъ съ кислородомъ. » — Это не ясно, и даже неправда; ибо невоспламеняемость водорода зависитъ въ семъ случаѣ отъ многихъ причинъ, какъ-то: отъ толщины проводокъ, отъ величины скважинъ сѣтки, отъ употребленнаго для сѣтки металла, отъ продолженія опыта, проч.

— При объясненіи теоріи добыванія водорода (который трудно добыть способомъ Г. В., ибо онъ приказываетъ для сего *палить на цинкъ или желѣзо стрную либо водородохлорную кислоту*, а куда положить смѣсь сію — неизвѣстно!), сказано: (стр. 132) «Бекерель нашелъ, что при раствореніи цинка, въ *слабой (воду содержащей) кислотѣ стрной*, металлъ обнаруживаетъ отрицательное, а кислота положительное электричество.» Изъ этого видно, что Г-нь В. думаетъ, что крѣпкая стрная кислота не содержитъ въ себѣ воды!

— Вслѣдъ за симъ Г. В. пишетъ: «Теорія полученія водорода можетъ быть изображена слѣдующимъ образомъ:

Зачѣмъ-же Г-нь В. объяснилъ въ началѣ книги своей формулы Берцеліуса, если онъ ихъ *нигдѣ* не употребляетъ? Неужели Г-нь В. пренебрегаетъ столь важнымъ пособіемъ для изъясненія химическихъ разложеній? Неужто онъ счелъ вышеприведенное объясненіе лучшимъ? Изъ расположенія Г. В. ни сколько не видно количества соединяющихся веществъ, между тѣмъ какъ формулами показать сіе совершенно возможно. Кроме того, подобное расположеніе неудобно въ другомъ случаѣ; оно занимаетъ много мѣста и притомъ, часто, весьма запутанно. Вѣрно Г-ну В. неизвѣстно, что многихъ

новѣйшихъ изслѣдованій совершенно не лзя изяснить безъ помощи формулъ Берцеліуса!

— На стр. 133, Г-нъ В., *вытсавъ* изъ Тенара спашью о Боръ, не выпустилъ даже словъ: «*Впротемъ сіе тѣло еще мало изслѣдовано!*» Это можно было сказать въ 1824 году; но Г-ну В., кажешся, неизвѣстны опыты Берцеліуса и многихъ другихъ Химиковъ послѣ него! Сіе подтверждается еще и тѣмъ, что Г-нъ Варвинскій привелъ для получения Бора самый невыгодный и неупотребительный способъ (черезъ разложеніе борной кислоты пошассіемъ) и ни слова не сказалъ о извѣстномъ и выгоднѣйшемъ способѣ Берцеліуса, хоша послѣ него онъ еще привелъ свои и Доберейнеровы опыты.

— Г-нъ В., *la nature d'un gaz* передаетшь природою (!!) газа, что можно видѣшь, напр., на страницахъ 131, 139 и ш. д.

— На стр. 141, у Г-на В. сказано, что «будуща соединень съ другими веществами, онъ (углеродъ) входитъ въ составъ сажи, органическихъ веществъ, каменнаго угля, графита и пр.» Неужели Г-нъ В. не знаетъ, что графитъ есть чистый углеродъ? Признаваясь, изъ приведенныхъ словъ я невольно заключилъ такъ, но на стр. триста тридцать девятой вижу, что Г-нъ В. знаетъ это! Что-же изъ сего заключить должно? . . .

— На той-же стр., Г-нъ В. говоритъ, что «чистѣйшій уголь приготавливается чрезъ выжиганіе дерева, и обрабатываніе полученнаго угля водоро-

дохлорною кислотою.» Едва-ли! Г-ну В., какъ химику, должно бытъ известно, что *мыль* (т. е. уже послѣ изданія Химіи Тенара) не получается углеродъ такимъ образомъ. Для сего употребляютъ напр. *sacchar*, состоящій изъ углерода, кислорода и водорода. При накаливаніи его въ платиновомъ окислѣ два газа отдѣляются; остается одинъ углеродъ, который можно считать за совершенно чистый.

— Стр. 145. Г-нъ В. пишетъ, что «Фосфоръ составляетъ молоко рыбъ и мозговья части животныхъ (!).» Въ мозгъ находившяся весьма мало фосфора, ибо по разложенію Вокелена (признанному Берцелиусомъ за лучшее, см. *Lehrbuch der Chemie*, том. 6) въ ономъ находившяся:

Бѣлковины	7,00
Стеарины.	4,53
Елагены.	0,70
Фосфора.	1,50
Вышяж. мясисп. частей	1,12
Кислотъ, солей и проч.	5,15
Воды.	50,00.

— По какой причинѣ Г-нъ Варвинскій опишетъ добываніе фосфора къ фосфорнокислымъ солямъ? Онъ сошлется, вѣроятно, на Тенара, а начинающіе не будутъ знать полученія столь важнаго шѣла до фосфорнокислой извести, т. е. до третьей части Химіи Г-на В.!

— На стр. 147 сказано: «Она (сѣра) плавится при $+ 107$ или $+ 109^{\circ}$.» И только! Здѣсь-бы должно было упомянуть о весьма замѣчательныхъ явленіяхъ при плавленіи сѣры; ибо извѣстно, что при повышеніи температуры, уже расплавленная сѣра густѣетъ, а потомъ опять перемѣняетъ свое состояніе. Свойство сіе шѣль болѣе замѣчательно, что на ономъ основано нѣкоторое техническое употребленіе сѣры; припомъ-же Г-нъ В. не жалѣетъ мѣста въ своей Химиі для ненужныхъ предмешовъ.

— Стр. 148. Г-нъ В. говоришь, что сѣра въ кислородномъ газѣ и при $+ 150^{\circ}$ «воспламеняется и горитъ синеватымъ пламенемъ, съ отдѣленіемъ удивительныхъ паровъ сѣрнистокислаго газа.» — Что такое пары газа? Вотъ слѣдствіе раздѣленія (принадлежащаго неоспоримо одному Г-ну В.) воздушныхъ шѣль на пары и газы!

— На стр. 151 напечатано: «Если нагрѣть Селеній въ стеклянномъ шарикѣ, такого объема, чтобы онъ не могъ улѣтѣть (?!), и потомъ пустить (!) въ шарикъ струю кислороднаго газа, то Селеній закипаетъ, поглощаетъ кислородъ и превращается въ селеновую (?) кислошу.» Въ семъ случаѣ Селеній превращается въ селенистую, а не въ селеновую кислошу. Если изъ другихъ ошибокъ Г-на В. не было еще ясно, что онъ вовсе не слѣдуешь за успѣхами науки, то приведенное мѣсто сіе совершенно подшверждаетъ; ибо кислоша, которая въ сочине-

ии Тенара (и других старых) называется *селеновою*, ныне всеми называется *селенистой*. Причиною сей перемены номенклатуры было то, что Мичерлих открыл кислоту, содержащую больше кислорода, и по составу соотвѣтственную кислоту сѣрной. Онъ назвалъ ее — *селеновою* (acide sélénique), а до того известная кислота соотвѣтствующая сѣрнистой, получила названіе *селенистой*. Желательно, чтобы Г-нъ В. воспользовался симъ замѣчаніемъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ представитъ намъ въ шрешней части, подъ заглавіемъ *селеновокислыхъ* солей описаніе *селенистокислыхъ*, а первая, вѣроятно, вовсе выпуститъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Пѣсь о колоколѣ*. Твореніе Шиллера (пер. съ Нѣм. А. П. Глинки). М. 1832 г. въ ш. Лазаревыхъ, 34 стр. in-12.

Мы давно уже говорили въ Телеграфѣ, что, по нашему мнѣнію, вѣшь и не можешь бышь отдѣльной *Дидактической*, или *учительной* Поэзіи, такъ же какъ не можешь бышь Поэзіи *физической*, или *химической*. Все, что подъ симъ названіемъ доннынъ извѣстно, все это, болѣе или менѣе хорошия, *собранія статей*, мыслей, ошрывковъ разнаго рода, написанныхъ одномѣрными стихами, собранныхъ воедино, и названныхъ производно: *Георгики*, *Сады*, *Мореплаваніе*, *Письмо о пользѣ стекла*. Это была *Классическая* шалость, въ которой позволялось поэшу, взявъ шемою что нибудь, наигрывать попомъ все, что приходило ему въ голову. Такъ, наприимѣръ, сказавъ, что онъ пишеть поэму: *Сельди*, поэшъ могъ начать свою поэму, созданиемъ рыбъ и цѣлымъ

мірошворенієм; описашь потомъ изобрѣшеніе компаса (кшаши, Фінікію; еще кшаши, говоря о соленыхъ сельдей, разныя соли); потомъ, говоря о плаваніи сельдей спадами, могъ онъ изобразить идею обществъ; далѣе, прощанье машроса съ женою (кшаши, семейственную картину: слѣпой ошець, спарая мать, дѣтя въ колыбели); далѣе море, звѣзды, бурю, и проч. — Вошь вамъ поэма: *Сельди*, и добродушный *Классическій* эстетичекъ внесъ-бы ее въ число *дидактическихъ* поэмъ, въ швердомъ убѣжденіи, что сочинившешь шочно хотѣлъ показашь чинашелямъ, *что такое сельди*, и какъ солать ихъ, и на эшошь предметъ сочинилъ *дидактическую* поэму.

Ошвергая мысль, что можетъ существовать особый *отдѣлъ Дидактической Поэзии*, и еще болѣе, что можно предписывашь для него *известныя формы*, мы вовсе не хотимъ однакожь отнимашь у поэтовъ права разыгрывашь пѣсни фаншазіи ихъ на какой имъ угодно манеръ. Въ этомъ состояшъ главное преимущество нашей Эстетики, передъ Эстетичкою нашлхъ шариковъ. Прежде спрашивалось предварительно у поэта: *что онъ хочешь писашь?* Поэшь долженъ былъ сказашь, именно и ясно: Элегію, Идиллію, Геровду, Эклогу. Получивъ утвердительный отвѣтъ его, раскрывали передъ нимъ кодексъ *стихотворства*, и шребовали, что-бы онъ въ Элегіи изволилъ распустить волосы, и плакашь съ начала до конца; въ Идилліи благоволилъ переселиться въ Аркадію, и проч. и проч.

Теперь совсѣмъ не то. Требуешь, чтобы поэтъ только создавалъ изящно, и вовсе не думаютъ предписывать ему опредѣленныхъ формъ, зная, что не эстетикъ предписываетъ ихъ поэту, а поэтъ эстетикъ. Можемъ допустить вдохновеніе и Дидактическое, только не хотимъ видѣть его спеланнымъ въ пеленки Виргиліевъ и Деллей.

Такъ *Письмо о колоколахъ*, созданіе Шиллера, есть собственно дидактическая поэма, но удаленная отъ формы старыхъ дидактическихъ поэмъ. Поэтъ описываетъ *мѣсто колокола*. Благочестивый, Нѣмецкій мастеръ благоговѣнно приступаетъ къ своему дѣлу. Поэтъ изображаетъ намъ работу его, и добрую бесѣду (*gute Reden*), которою мастеръ сопровождаетъ шрудъ свой. Онъ заставляетъ его сказать съ самаго начала:

Zum Werke, das wir ernst bereiten,
Geziemt sich wohl ein ernstes Wort;
Wenn gute Reden sie begleiten
Dann fließt die Arbeit munter fort.

Потомъ разсуждаетъ мастеръ о всемъ томъ, что бываетъ ознаменовано звономъ колокола: крещеніе дитяти, свадьба, похороны, пожаръ, возмущеніе народное. Яркими, поэтическими красками рисуетъ все это Шиллеръ; глубокое, прекрасное чувство одушевляетъ каждое его описаніе. Говоритъ-ли онъ о смерти, мысль безсмертія освѣщаетъ мрачную картину разлуки мастера съ дѣтьми, и горестъ ихъ, когда пошрѣмъ —

Безъ любви, войдетъ чужая
Къ сиротамъ въ овицовскій домъ!

Такова сія *дидактическая фантазія*, прелестное созданіе, въ которой колоколь и лишьше его служившій невидимою связью описаній поэта. Общность небольшой этой поэмы составляетъ цѣлое своимъ характеромъ и выраженіемъ, и это придаешь незъяснимую прелесть всему творенію.

Заставивъ говорить колокольнаго липейщика, самъ поэтъ скрылся, или, лучше сказать, закрылъ себя словами и мыслями мастера. Вы слышите бесѣду Нѣмецкаго художника, чувствуете добродушіе его, и релігіозную важность, съ какою разсуждаетъ онъ о своемъ дѣлѣ, видите, и въ карпинахъ, и въ словахъ, простому, не переходящую за сцену и объемъ понятій лица, выставленнаго поэтомъ. *Германъ и Доротея, Гѣше, Луиза, Фосса*, и *Пѣснь о колоколѣ*, Шиллера, оушь цѣлшы, сорванные на одномъ полѣ, хотя они и разныхъ цѣлшовъ.

Трудно было передать въ переводѣ всю красоту, всю добродушную прелесть подлинника. Но мы порадуемъ читателей, сказавъ имъ, что Русскій, нынѣ изданный переводъ *достойнъ своего изящнаго оригинала*. Тѣмъ болѣе пріятно сказать намъ это, что трудъ сей предприняла и совершила дама (Авд. Павл. Глинка, супруга извѣстнаго црѣша нашего О. Н. Глинка). Душа ея высказалась въ посвященіи труда памяти родителея, а превосход-

ство дарованія , и пламенная сила поэзія , которую умѣла она понять у Шиллера , сверкаютъ , почти непрерывно , во всемъ переводѣ . Переводчица хотѣла говорить съ нами даже и размерами подлинника , безпрестанно измѣняющимися . Стихъ Русскій повдвигался ей свободно , не какъ невольникъ слушается господина , но какъ другъ повинуется просьбѣ дружнаго сердца . Можно-ли не согласиться въ порывистой силѣ стиховъ , которыми переведено изображеніе пожара ? Выписываемъ ихъ , какъ ругательство за нашу опзвѣ : -

Чу ! преревога !... Воптъ звонятъ ,
 Бьютъ въ набатъ !
 Воптъ , какъ кровь ,
 Небо красно ,
 Не ошъ зноя и жаровъ !
 Какъ ужасно
 Все дрожишь ,
 Дребезжишь ,
 Дымъ валишь !
 Въ верхъ столпъ огненный взлешаетъ....
 Онъ бѣжитъ и возраспаетъ ,
 Все крушитъ , опламеняетъ !
 Какъ въ горнилѣ , яркимъ блескомъ
 Рдѣетъ воздухъ ; бревны , съ прескомъ ,
 Упадають ; сщеклы пають....
 Дѣши , машери блуждають !
 Дымъ , обломки ,
 Вопли громки
 Вихрей свиспы заглушають !
 Всѣ бѣгутъ , кричатъ , пренецуютъ —

Зарева , какъ солнца , блестящъ
Съ силой цѣпь гремящу мещущъ ,
Цѣпь звѣщаешъ ,
Съ ней взлешаешъ ,
Вверхъ ведро — и, вопшь , дугою ,
Бьешъ разсыпчатою волною
Водный шокъ на вспрѣчу зною !
Огнь все ярче и быспрѣй . . .
Ревъ живописныхъ , и звѣрей —
Съ свиспомъ , яроспный Борей
Налешѣль — въ порывахъ дикихъ
Носипъ , вьешъ огонь — и крики
Слышны : « Жипиницы горящъ ! »
Зерны брызжущъ и прещанъ ;
Двери хлопающъ , брячанъ —
И губительная сила
Ломишъ балки и спростила !
Все скрыпипъ , шумипъ , грохочешъ ,
Пламень роешъ — будпо хочешъ
Горы съ спержней ихъ сорвашъ
И, какъ пухъ , съ орбой умчашъ !
И до неба взросъ могучій ,
И челомъ раздвинулъ шучи
Исполинъ !
Властелинъ ,
Смершннй предъ Творцомъ въ смиреннй ,
Смопритъ , какъ его шворенъ
Безпощадно погибаешъ
Въ пепѣ все . . .
Въ дома , въ кровы ,
Вихри ломяшся суровы .
Ужась , спрахъ въ пущыхъ окошкахъ
Удъ гвѣздяшся ;

Облака , лепія , глядяпся
Сверху въ нихъ...

Всякій согласится , что не смотря на опущенія , или , лучше скажешь , невольныя уступки сила подлинника — это передано твердою рукою , и превосходно ! Скажешь , что въ Русскомъ переводѣ въшь мѣсть не столь прекрасныхъ , что вездѣ съ такою-же близкою простотою , и надежною силою , схваченъ подлинникъ — не лъзя. Но , вошь еще примѣръ мастерскаго перевода , и вмѣстѣ съ штиъ гармонической звучности стиха. Колоколъ выльпъ . Мастеръ называешь его : *Согласный* , и задумчиво благословляешь шрудъ свой :

Упопребленъ , да будетъ онъ
На то , къ чему опредѣленъ !
Надъ низкою земною жизнью ,
Въ шашрѣ небесномъ , голубомъ ,
Пусть плаваешь громовъ въ опчишѣ ,
Граница съ міромъ звѣздъ челошъ ;
Пусть возвѣщаешь онъ пропшжмо ,
Какъ звѣздъ блестящій хороводъ
Гласишь поржественно и важно
Свой гимнъ Творцу — и новый годъ
На доно Вѣчности ведешъ .
Лишь то , что вѣчно , что прекрасно ,
О , колоколъ нашъ , прсславляй !
И , неусыпный , ежечасно
Намъ вѣспѣ о времени давай !
И спавъ орудіемъ судьбины ,
Безчувспенный , подобно ей ,

Ты возвѣщай, съ своей вершиной,
 Игру премѣнной жизни сей!
 Когда-же звукъ твой скоропечно,
 Вспревожа, слухъ нашъ поразитъ,
 Узи, что въ мѣрѣ все не вѣчно,
 И — все земное *отвечитъ!*

Словомъ: мы приняли за Русскій переводъ *Пѣсни о колоколѣ*, какъ за шрудъ дамы, но прочитавъ его, скажемъ, что это цвѣшокъ, пересаженный на дикое поле Русской Словесности душою испинно поэтической.

Н. П.

— *Русскій Жилбазъ, похождение Александра Сибирякова*, или школа жизни. Сочиненіе Геннадія Симоновскаго. 2 ч. М. 1832. Въ ш. Селивановскаго. IX, 249 и 234 стр. in-8.

— *Графиня Рославлева, или супруга героя*, отличившаяся въ знаменитую войну 1812 года. Историко-описательная повѣсть XIX столѣтія (служащая продолженіемъ романа: *Ольга Милославская*). 2 ч. М. 1832. Въ ш. Селивановскаго. 139 и 111 стр. in-8.

Нынешній годъ Русской Литтературы представляеть намъ длинный рядъ оригинальныхъ романовъ, Историческихъ и современныхъ, которыхъ разно-

Май 1832.

15

образіе заключается въ различныхъ названіяхъ и въ разноцвѣтныхъ обверткахъ. Есть правила безъ исключенія; но, говоря вообще, наши новые романы кажутся чѣмъ-то неумѣстнымъ, несвоевременнымъ. Я уподобилъ-бы ихъ мальчику, играющему несвойственную ему роль взрослого челоѣка. Этошь широкій галстухъ, этошь искусственный видъ самоуѣренности, и обращеніе, свободное не по дѣламъ, не скрывающъ его дѣтскаго лица и дѣтскихъ ухватокъ. Маденькій самозванецъ возбуждаетъ въ насъ какую-то жалость, а совсѣмъ не то чувство, которое хотѣлось-бы ему внушить. Скажемъ, не думая никого оскорблять, что мы съ такимъ-же ощущеніемъ глядимъ на романы Русскіе, издаваемые въ послѣднее время почти безпрестанно. Чего-же недостаетъ въ нихъ? Возраста сочинителей. Это бульварные франтики, слишкомъ рано оставившіе дѣтскіе ворошички и куршочки, для высокаго жабо и Англійскаго фрака.

Главный недостатокъ большей части, или, лучше сказать, почти всѣхъ романистовъ нашихъ, что они имѣють неѣрное понятіе объ избранномъ ими родѣ сочиненій. Въ наше время, романъ есть самый высшій и слѣдственно самый шрудный родъ поэтическыхъ сочиненій, для котораго надобно имѣть сильную душу, глубокое чувство изящнаго, много воображенія, и, наконецъ, превосходный слогъ: тогда только можно успѣть въ этомъ родѣ. У насъ, напротивъ, за сочиненіе романа берется всякій, кто умѣетъ водить перомъ. Кажется, не нужнѣ

доказывать, что Исторія и бытъ каждаго народа представляют неисчерпаемое богатство для поэта. Сколько, например; слез поэтических въ нашей Россіи! Надобно только сосредоточить ихъ въ шомъ предметѣ, котораго въспревожилъ душу писателя. Но здѣсь-то и оказываешь недостатокъ зрѣлости нашей. Мы не умѣемъ ни глядѣть поэтически, ни чувствовашь, ни заставлятъ Русское сердце бить-ся сильнѣе обыкновеннаго. Немоцность наша оказываешь во всемъ: у насъ нѣтъ даже слога, этой необходимой принадлежности каждаго оригинальнаго сочиненія. Повторимъ: романисты Русскіе слишкомъ молоды для созданій высокой Поэзіи; мало жили, мало чувствовали они; и отъ шого-то сочиненія большей части изъ нихъ незрѣлы, ничтожны, жалки.

Можно понять достоинство двухъ сочиненій, коихъ заглавіе выписано вначалѣ сей статьи, если мы скажемъ, что они принадлежатъ къ числу самыхъ плохихъ Русскихъ романовъ. Первый изъ нихъ, *Русскій Жилблизъ*, кажется, писанъ не на задачу какаго нибудь книгопродавца, котораго обѣщала Автору сошню рублей. Видно что это писано отъ сердца; но жаль что сердце Автора было пусто, или исполнено чѣмъ-то не похожимъ на Поэзію. Не постигаю страсти людей: пишешь безъ внутренняго зазренія, безъ шого чувства, которое должно говорить, что сочиненіе наше сыщеть отзвѣтъ въ сердцѣ читателя! Вѣроятно, это шаякая работа, верига, налагаемая за какой нибудь грѣхъ на людей, впрочемъ добрыхъ. Они должны бытъ не-

премънно убѣждены, что трудъ ихъ не наградивши ничѣмъ, что это просто трудъ, работа, въ которой не помогаешь ни душа, ни сердце, ни умъ. Какое-же работашь шакъ одиноко, и на вѣрную неудачу!

Но, не умѣя располковать себѣ побудительной причины къ сочиненію *Русскаго Жилблаза*, какъ вижу я цѣль Сочинителя *Графини Рославлевой*! Впрочемъ, похвалитесь нечѣмъ: надобно зрѣніе очень недалекое, чтобы увидѣть эту невысокую цѣль. Кошпракшъ съ книгопродавцемъ заключень, или, по безсловному согласію, надобно взять ошъ него вѣ-что посущественнѣ писаной бумаги, а ему ошдашь товаръ, и... *Графиня Рославлева* поступашъ въ шп-пографію, а ошпуда и въ большой свѣшъ книжной торговли. Въ этомъ романѣ нѣшъ не шодько ии малѣйшей занимашельности, но и ни какой связи. Чудная смѣсь недѣлосщи, безвкусія и неумѣнья писать!

Между тѣмъ это для явленія изъ нашей Романтической Литтературы. Мы видимъ, что сочиненія сего рода являюшся у насъ не ошъ внушренной силы, а ошъ пустыхъ, мѣлкихъ причинъ, или и вовсе безъ причины. Это или подражанія, или труды совѣтъ не-литтературные. Каждое явленіе сообразно своему времени. У насъ еще нѣшъ жизни лиштературной; однакожъ мы живемъ, и для нашей жизни, покуда, надобны не книги, а насущный хлѣбъ и забавы въ родѣ билліярда и каршъ. Вошъ корень шакъовы и ошрасли ошъ него. Подождей, повадѣт-

ся. Лучшее всегда въ будущемъ ; по крайней мѣрѣ пріятно воображать, что у насъ уже видяшь пустоту явленій настоящихъ ; следовательно хотяшь лучшаго. Это всегда служить залогомъ событій болѣе утѣшительныхъ , хотя-бы и въ романтическомъ родѣ.

— *Краткая Латинская Грамматика Цумпта.* М. 1832. Въ т. Селивановскаго. IV и 266 стр. in-8.

Изученіе Латинскаго языка необходимо для желающихъ вступити въ какое либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Пользу сего языка знаетъ всякій , занимающийся науками. И такъ надобно учитьсѣ Латинскому языку. Но какъ ? Вотъ вопросъ , который стараются разрѣшить уже нѣсколько столѣтій. По нашему мнѣнію , лучшая метода для первоначальнаго обученія есть метода Жакопо ; мы думаемъ также , что изученіе Грамматики незнакомаго языка бесполезно приуменьшаетъ способности. Впрочемъ , сему предмету мы намѣрены посвятить особенное , пространное Разсужденіе.

Всѣ Латинскія Грамматики можно раздѣлить на краткія , и болѣе полныя. Хотя Грамматика Цумпта и названа Краткою , однакожь она довольно огромна , и полнѣ многихъ Полныхъ Грамматикъ. Недавно извѣщали мы о Латинской Грамматикѣ Лефранка , которую находимъ полезнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ ; Цумптова также можетъ служить полезнымъ пособіемъ. Въ Русскомъ переводѣ она примѣнена къ Русскому языку , что составляетъ въ ней новое достоинство.

— *Новооткрытая игра: Плутархъ для дѣтей*, руководствующая безъ пособія учишеля къ легчайшему изученію Всеобщей Исторіи съ Географією и Хронологією. Составленная Христофоромъ Ваханскимъ. М. 1832. Въ ш. Лазаревыхъ Института. Каршоны съ билетами и описаніемъ игры.

Это родъ *Лото*, гдѣ на билетцахъ и особенныхъ картонахъ напечатаны имена историческихъ лицъ, съ означеніемъ года ихъ рожденія. Жаль что Издатель далъ слишкомъ пышное заглавіе этой занимательной и полезной игрушки, которая можетъ служить также пріятнымъ подаркомъ дѣтямъ. Но шѣмъ не менѣе, и особенно въ рукахъ умнаго наставника, она должна быть полезна многимъ учебнымъ книжкамъ.

ПАРИЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ГЛУХО-НѢМЫХЪ (*).

La reconnaissance est la mémoire du cœur.

Monsieur, sourd-muet.

Благодарность есть память сердца.

Monsieur, sourd-muet.

Посмотрите, какъ въ прекрасное, весеннее утро, время сиреней и розъ, сбѣраются въ Училище глухо-нѣмыхъ, изъ всѣхъ частей обширнаго Париза, черезъ сады: Растеній (des Plantes), Пале-Рояльскій, Тюльерійскій и Люксанбургскій, родственники воспитанниковъ, маленькія общества пансіон-

(*) Сочиненіе Помье, наставника глухо-нѣмыхъ. Оно любопытно пѣтъ особенно, что въ немъ изъясняется теорія обученія глухо-нѣмыхъ. Кстати, прибавимъ здѣсь, что жителямъ Москвы должно обратить вниманіе на заведеніе для глухо-нѣмыхъ, недавно основанное въ Москвѣ, и заслуживающее ихъ одобреніе. *Изд. Теллер.*

скихъ учениковъ, обоего пола, иностранцы, путешественники, мѣщане, дворяне, Посланники, Епископы, Депутаты, Кардиналы, Перы, Принцы, Короли, одни пѣшкомъ, другіе въ богатыхъ, великолѣпныхъ экипажахъ, и всѣ нарядно одѣтые.

Эти веселые, любопытствующіе посѣпители, изъ всѣхъ сословій и званій общества, составляютъ въ залѣ Училища многочисленное собрание, иногда болѣе 600 человекъ, между которыми увидишь въ молодыхъ, прелестныхъ дамъ, блистательныхъ повелительницъ лучшаго общества, изъ всѣхъ земель Европы.

Войдемъ въ залу собранія. Съ одной стороны, направо, сидятъ юныя глухо-нѣмые дѣвушки, отъ 5-ти и 6-ти до 15-ти и 16-ти лѣтъ, однообразно одѣтыя, въ плащяхъ ослѣпительной бѣлизны, въ шляпкахъ, въ голубыхъ поясахъ; съ другою, тѣмъ же, находятся мальчики, въ плащяхъ сѣраго цвѣта, съ голубыми отворотами и лацканами, какъ пояса у дѣвушекъ.

Какая тихая радость видна на этихъ юныхъ, прекрасныхъ личикахъ! Какая живость, какое выраженіе въ физиогноміи обоего пола, быстрой, подвижной! Счастливая невинность прекраснаго времени жизни дышитъ въ ихъ скромныхъ взглядахъ, и видна въ знакахъ и движеніяхъ, мелькающихъ, какъ молнія, къ кошорымъ принуждены они прибѣгать для выраженія своихъ мыслей, потому, что они *никогда не говорили и не говорятъ*. Никогда звуки голоса брашнаго, рѣчь доброй, нѣжной маше-

ри, или голосъ еще сладостнѣйшій, не коснутся ихъ слуха, и не проникнуть въ ихъ сердца. Никогда не будутъ они наслаждаться очарованіемъ гармоніи. Для нихъ — долины безъ эха, собранія людей — безъ голоса и отъѣва; нѣтъ для нихъ журчанія ручейка, заманчиво приглашающаго къ задумчивости. Шорохъ листьевъ, надающихъ сивозъ вѣтви, шелестъ платья, волнуемаго вѣтеркомъ, никогда не заставятъ сердца ихъ трепетать. Тщетно весною соловей, и пѣвцы прекраснаго времени, разливаются въ очаровательныхъ пѣсняхъ! И отдаленный шумъ, и религіозные звуки колокола, незамѣтно исчезающіе въ воздушномъ пространствѣ, какъ будто улетаютъ въ небо съ послѣднимъ согласіемъ своимъ — всѣ сіи голоса, всѣ сіи звуки, всѣ сокровища мелодіи — какъ будто не существуютъ для бѣдныхъ дѣшей: на вѣкъ погружены въ бездну молчанія, они никогда не будутъ внимать имъ!

Но, вотъ братья Маршанъ, глухо-нѣмые, Марсельскіе живописцы; каждому изъ нихъ около двадцати годовъ: они близнецы; но мало сходства лѣтъ: одинаковый ростъ, одинаковое лицо, однѣ и тѣ же привычки, одинаковое изящество движеній. Одинъ точный Созія другаго. Они извѣстны въ Парижѣ, по своему искусству писать поршрешы; работа, вачашая однимъ, оканчивается другимъ, такъ, что не замѣтишь ни малѣйшей разницы. Ихъ безпрестанно принимаютъ одного вмѣсто другаго; они такъ похожи другъ на друга, что это бываетъ поводомъ къ самымъ забавнымъ ошибкамъ.

Два зрячі близнеца, любезные, молодые люди, прекраснаго обращенія, и, что еще дороже, ослѣченного характера, самыми почтительными взорами сопровождаютъ, какъ вы можете замѣтить, высокаго роста, пріятную даму, въ которой есть не знаю что-то величественное, важное. Это ихъ землячка, уже немолодая, и между нѣмъ все еще увлекающая взоры собранія своею красотою. Это мать, сирота, или, лучше сказать, украшеніе кошорой составляютъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, живыхъ, мильхъ, шесть дѣвушекъ, шесть мальчиковъ, отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ. И всѣ эти дѣти — глухо-нѣмые отъ рожденія! Какая жестокая сиротность, и какъ изъясните ее вы, господа Философы, подстерегавшемъ шайнъ Природы, хвастающіе нѣмъ, что сорвали покрывало съ лица ея, и утѣряющіе насъ, что для васъ нѣтъ уже шайнъ въ Природѣ? Ожидая чудесныхъ рѣшеній отъ вашей мудрости, порадуемся покаяться, подѣлимся вознагражденію, какое позволяетъ Природа бѣднымъ смертнымъ. Не находите-ли вы чего-то Древнаго въ благородныхъ чертахъ этого любезнаго, прекраснаго семейства? Обликъ, живость, глубьность взора, изящество, пріятность движеній, и особенно горячая, кипучая кровь, быстро обращающаяся подъ этою нѣжною, прозрачною, слегка опшѣвненною жаромъ солнца кожею — не говоритъ-ли все это вамъ, что вы видите потомковъ Греческой колоніи, потомковъ Фокеи, основательей Марсели?

Едва только эта небольшая группа глухо-нѣмыхъ южной Франціи, путешественниковъ, прибывшихъ

въ столицу, пошожкомъ Лейпскаго народа, замѣтила своихъ глухо-нѣмыхъ братьевъ и сестеръ, обитавшихъ Парижа, въ первый разъ ими видныхъ, какъ и завязывается жаркій разговоръ, начинается бѣглое движеніе рукъ, движется улыбка. Бѣдныя! Они кажутся соотечественниками, встрѣтившимися въ чужой землѣ, радостными при этой встрѣчѣ, давно знакомыми, хотя встрѣтились въ первый разъ. Разговоръ неистощимъ, говоряшь всё вмѣстѣ, всё вдругъ, однимъ языкомъ, безмолвнымъ языкомъ движеній, живописью предметовъ, которая одна и ша-же вездѣ. Много разъ случалось мнѣ говорить этимъ языкомъ съ глухо-нѣмыми урожденцами Бостона, Рима, Петербурга: онъ одинъ для всѣхъ. Глухо-нѣмой, гдѣ-бы онъ ни родился, въ Кишаѣ, Лапландіи, у анниводовъ, онъ не Рускій, не Лапландецъ, не Англичанинъ; не Кишаецъ, не Американецъ — онъ глухо-нѣмой, гражданинъ міра, космополитъ, чловѣкъ природы — *глухо-нѣмой*, однимъ словомъ.

Ударилъ часъ открытія застѣданія; громъ рукоплесканій показываетъ вамъ входъ наставника, окруженнаго своими главными воспитанниками, которые скромно становятся вокругъ него, на возвышеніи, передъ большою черною доскою. Глубокое молчаніе въ собраніи. Наставникъ начинаетъ говорить:

«Каждый изъ васъ, Мил. Государя, и Мил. Государыни, поставилъ смиренное убѣжище бѣдныхъ дѣшей, глухо-нѣмыхъ ошъ рожденія, безъ сомнѣнія,

предается грустными размышленіямъ о сравненіи ихъ жребія.

« Вѣроятно , вы старались составить себѣ нѣкоторыя предположенія , о томъ , какія средства употребляетъ наставникъ , чтобы заставить себя понимать , чтобы научить чему нибудь столь справныхъ учениковъ , которые , какъ сказала нѣкогда безсмертная изобрѣтательница ихъ ученія , не могутъ понимать , а не умѣютъ говорить .

« Но если они глухи , за то они не слѣпы . Чего не можемъ мы вогнать въ двери , то вгонимъ въ окошко , по словамъ Аббата Л'Эпе . Если звуки , голосъ , выраженіе , слова , имъ неизвѣстны , то имъ еще остается свѣтъ , фзіогномія , взоръ , цвѣта , движенія . И такъ — они выражаютъ свои мысли знаками , движеніями . Языкъ глухо-нѣмыхъ будетъ дѣйствіе ораторскаго искусства , во всей его полнотѣ , существенно поэтическое и живописное , живописующее то , что оно видитъ , и украшающее то , что оно живописуетъ — родъ внѣшняго воображенія и этимологіи движеній .

« Слово не сообщаетъ мысли ; единственно извѣстно оно отражаетъ ее на самое себя , такъ сказать , какъ оглозокъ , для того , чтобы мысль воспроизвела самое себя . Такимъ образомъ , бѣдное созданіе , безъ слуха и голоса , ограниченное своими естественными знаками , живущее почти отдѣльно , не наслаждается вполнѣ симъ драгоценнымъ и безконечнымъ преимуществомъ , если усиленіемъ генія не усовершенствуетъ оно своихъ знаковъ , возвышая ихъ

само, или за него кто-либо другой, въ достоинствѣ языка, кошорый можешь замѣнишь ему слово.

«Посмотримъ, постараемся дать драматическую форму нашему разговору, и попытаемся сдѣлать выраженія наши понятными, показавъ въ дѣйствіи шрудное искусство вести глухо-нѣмага, отъ его природныхъ знаковъ къ знакамъ установленнымъ, шо есть, отъ первобытнаго порядка къ условленному.

«Возьмемъ для нашихъ дѣйствій эшу хорошенькую собачку, и эшихъ двухъ прелестныхъ, глухо-нѣмыхъ дѣшей. Поди сюда ты, милая малюшка, и ты, рѣзвый мальчикъ, развлекающій собраніе быстройю своихъ движеній, и непрерывною своею движимостью. Мы спросимъ у васъ *знаками*, у васъ, нашихъ изъяснителей, смотрящихъ на насъ большими вашими глазами, *има* вошь эшого рѣзваго животнога, кошорое такъ ласкается къ вамъ.

«Но, прежде, не угодно-ли кому изъ собранія кликнуть собачку, и поласкать ее, а потомъ посмотримъ не найдутъ-ли для эшого какого илбудъ *зиска* наши глухо-нѣмые, кошорыхъ мы оборотимъ синною, чтобы они ничего не выдали.

Нѣсколько человекъ встаютъ въ одно время, и, какъ будшо по условію, дѣлаютъ знаки, которые всѣ мы употребляемъ, когда кличемъ къ себѣ собаку.

Въ свою очередь, снова обращенные къ зрителямъ, маленькіе глухо-нѣмые дѣлаютъ тѣ-же самые знаки, къ большому удовольствію собранія. Проша-

нудъ правую руку, они легонько бьютъ по своему колѣну, и попомъ движутъ двумя пальцами, показывая ихъ собачкѣ, улыбаясь, и шевеля губами, какъ будио хотѣли лаять. Собачка не можешь скрыть своей радости; она бросается къ милымъ дѣтямъ. Но посмотрише, что дѣлается въ то-же время на черной доскѣ: глухо-нѣмой, не участвовавшій въ этой сценѣ, и на кошораго не обращали вниманія, по маленькому движенію самолюбія, предосудительному, если-бы оно было опасно, пишетъ на доскѣ, то, что онъ узналъ, можешь бышь, шолько въ эту минуту — слово: *собака*, подѣ диктовку одного изъ маленькихъ дѣйствователей. Наставникъ, обрадованный сими, довольте, понимшія ми своихъ учениковъ, нежели полководецъ своимъ войскомъ, доставившимъ ему побѣду. Мы сказали, что глухо-нѣмой, можешь бышь, шолько въ эту минуту узналъ то, что онъ пишетъ. Но, нѣтъ, этого не можетъ быть: онъ, вѣроятно, зналъ всю сущность, всѣ приемы своего дѣла издавна, попому, что онъ умѣешь *писать*, *именовать*, *описывать* и *опредѣлать* предметы, и особенно животныхъ.

Разумѣется, что знакъ: *собака*, шакъ, какъ произвели его глухо-нѣмые, ешествененъ. Но ешь аксіома въ знаніяхъ, по кошорой не *знакъ вызываетъ идею*, но *предметъ*. Иначе думаешь, значило-бы испровергать ешественный порядокъ вещей: *предметъ*, *умственный образъ его*, *идея*, *знакъ*, *слово*, *имя*, *теніе голосомъ*, *теніе руками*. Все это объяснишь далѣе.

Впрочемъ, сей знакъ недосматоченъ для познанія предмета, *собаки*, кошорой предсказываетъ онъ только очѣркъ, а еще менѣе досматоченъ онъ, чтобы придашь сему имени его цѣнность. Не сомнѣвайшесь: эта цѣнность имени известна нашему глухо-нѣмому. Но какъ онъ изучилъ ее? Наставникъ его, при видѣ собаки, сдѣлалъ ему рисунокъ ея, не пренебрегая при томъ, какъ вещь необходимую, между рисункомъ и именемъ, о кошоромъ хочешь онъ дашь понятіе, изъясненій письменныхъ, при посредствѣ вылодвиженій, послѣдованія идей, и эвимологій — предметы неистощимые!... означеніе класса, къ кошорому собака принадлежитъ въ природѣ, и пошомъ, пробѣгая взоромъ мысленнымъ все, что ее характеризируетъ — дыханіе, движеніе, сонъ, бдѣніе, пишье, ѣду, всѣ необходимыя для бытія собаки принадлежности, а наконецъ — ея свойства, привычки, инстинкты, характеръ, нравъ.

«Все это очень хорошо,» возражаетъ вдругъ одинъ изъ слушателей, находящихся въ собраніи, обращаясь къ наставнику, «но вы не расшолковали намъ, какъ изъясняете вы своему воспитанику *цѣнность* имени. Почему онъ знаетъ, что это имя есть имя этого, а не другаго предмета? Понимаетъ-ли онъ, что слово: *собака*, есть имя сего кѣрнаго живошнаго, шоварища нашего дѣ радости и въ горести, никогда насъ неоспардліющаго? Нѣтъ! онъ этого не понимаетъ; пошому, что слово: *собака*, приданное сему живошному, совершенно произвольно. *Собака* — написанное, или выговоренное, это слово не есть даже для него слово,

ибо вы не показали ему азбуки, которая есть собрание сшихъ слова!»

— Вы правы, М. Г. — ошвѣчаешь насшавникъ — исправимъ нашу погрѣшность. Установимъ условленность между нами и нашимъ воспитанникомъ. Предмета передъ нимъ нѣтъ; имя написано вокругъ рисунка; мы покажемъ рисунокъ нашему воспитаннику, и онъ шощасъ принесетъ намъ предметъ. Но испытасемъ противное; сдѣласемъ мы сами учениками.

— Засшупивъ наше мѣсто, ученикъ показывасетъ намъ рисунокъ. Мы притворимся, что ошиблсся, и принесемъ ему совсѣмъ другой предметъ. Посмотрите: вошь онъ пожимасетъ плечами, съ жалосшною усмѣшкою, и самъ приноситъ намъ предметъ рисунка.

— Вошь условленность, до сего времени порядкомъ устроена, благодаря Природѣ, насъ руководсвующей. Но если, не показывая рисунка, сопремъ его, предмета также не покажемъ, и шолько оставимъ надпись, имя, то ученикъ нашъ зашруднипсся, когда велимъ мы ему принестъ предметъ, сизъ именемъ представляемый. Между шѣмъ, повшоряя сіе дѣйсшвіе нѣсколькo разъ, мы продолжимъ его зашруднсніе на такое шолько время, какое потребно ему понять, что *имя*, надпись, хотя и не похожая на рисунокъ, будесетъ всегда упошребляшсь нами вмѣсто онаго, и замѣншть предметъ, хотя и не походишь на него. Тогда, ученикъ, понявъ замѣну, убѣжденный въ ея

справедливости, и весьма великой пользы, согласяся на все это охотно. Вотъ условленность установленная, подкрѣпленная общимъ согласіемъ, слово, приданное цѣнности предмета, иная земля воздѣлыванію, и превратившееся въ мѣл. Такъ начинается *собственность*, и такъ приобретающъ ее *трудомъ*.

— Постараемся теперь показать ученику смыслъ слова, то есть, буквы, общность конхъ именуется *Азбукою*.

— Мы напишемъ сперва всѣ буквы азбуки на углу доски, какъ будто сложимъ ихъ въ какой нибудь магазинъ. Это будешь для насъ палаткою живописи, въ кошорой станемъ мы искашь красокъ, для изображенія всего, что поразитъ взоръ нашъ. Разумѣешь, что предварительно всѣ сія буквы ученикъ знаешь и пишешь по виду, и знаешь ихъ назвусь. Это его игрушки.

— Мы пишемъ послѣ того имена, сложенные изъ буквъ, но не многихъ. *Голосное произношеніе* ихъ производимъ ученикомъ, хоть онъ и не замѣчаетъ этого. Глухота не мѣшаетъ движению орудій голоса въ челоуѣкѣ, и не лишаетъ глухаго, хотя невольно и безъ сознанія сего дѣйствія, произношенія и голоса, кон сущъ предметъ буквъ, и смыслъ слова.

— Мы написали довольно именъ, стараясь употребить всѣ буквы, и исписавъ всю азбуку. Посредствомъ дѣятельности, времени, и особенно шерпѣнія, мы достигли наконецъ до того, что познакомили ученика съ предметомъ, нашимъ для него

знакъ, заставили нарисовать изображеніе, написать имя, перевели все это на азбуку шѣлодвижвнй, и, повтореніями, приучили ученика къ быстротѣ дѣйствій. Что-же шакое сдѣлали мы? Просто — мы передали ему слово, хотя и безъ слуха, которое какъ будто еще хочется противиться долгое время усиленнымъ испускван. Говоря, что мы передали слово нѣмому, я выражаюсь не точно, ибо мы научили его только, произвольно, ученымъ образомъ, создавать произношеніе и голосъ, которые производить онъ машинально и безъ познанія сего дѣйствія. Мы указали ему сокровище, въ немъ самомъ сокрытое, и научили его пользоваться сиемъ сокровищемъ. Позвольте продолжить съ вами, Ми. Гг., дайте постепенность нашего урока. —

(Окончаніе въ слѣд. №).

Г Р А М А Т Ы ,

Великаго Князя Василія Іоанновича , и Царей
Іоанна Васильевича , Феодора Іоанновича , Бориса
Феодоровича , Димитрія Самозванца , и Василія
Іоанновича Шуйскаго , данныя Галицкимъ ры-
воловамъ .

(Окончаніе).

Ошъ Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича,
всехъ Руссін , въ Галичъ , Семену Кобелеву . Бли-
намъ челомъ Галицкіе , аѣтніе рыбные ловцы , Васъ-
ка Смирдищевъ , да Гришка Копаныгинъ , да Хари-
шонко Лапинъ , да Нефедко Вебревъ , да Лазарко
Вощениковъ , да Афонько Никишинъ , да Агейко Ко-
рышовъ Дюрбеневи , съ товарищи ,
и сказали : ловяшъ-де они рыбу въ Галицкомъ озе-
рдѣ , и въ рѣчкахъ , кошорыя шекушъ въ Галицкое
озеро , въ рѣкѣ Вексѣ , по Сынковскіе сады , да въ
рѣчкѣ Осироловицѣ , да въ рѣчкѣ Сляшницѣ , по
Московскую дорогу , да въ рѣчкѣ Ихленкѣ , по Чел-
му рѣку , да въ рѣчкѣ въ Средней , по Большоу
омушѣ , да въ рѣчкѣ Шокшѣ , по Бѣлой омушѣ , да
въ рѣчкѣ Едомшѣ , по Безнинъ починокъ , и во
всѣхъ рѣчкахъ , кошорыя шекушъ въ Галицкое озе-
ро . А плашяшъ они съ шѣхъ рѣчекъ въ нашу казну ,

въ четверть дьяка нашего Василья Щелкалова об-
року на годъ , по сороку , по два рубля , по чешыре
гривны. Писана-де грамата у нихъ на шѣ воды бы-
ла , да сгорѣла , въ шѣ поры , какъ храмъ Введеніа
Пречистыя Богородицы . . . въ 29 году. И
около-де тѣхъ рѣчекъ Княжіе , и боярскіе , и мона-
штырскіе вотчины и помѣстья , и Князей-де , и дѣ-
ти боярскіе , и монастырскіе прикащики , и кресты-
яне , въ шѣ воды вступаются , и рыбу ловяшь слы-
но , а сказывають , что у нихъ шѣ воды въ нашихъ ,
въ помѣстныхъ , и въ вотчинныхъ граматахъ , и
намъ-бы Галичанъ , рыбныхъ ловцовъ , Ваську Смер-
дищева , съ товарищи , пожаловани велѣши имъ въ
шѣхъ рѣчкахъ , кошорыя въ сей грамахъ писаны ,
и въ озерѣ рыбу ловишь , и владѣшь по прежнему ,
и будешъ шакъ , какъ намъ Галицкіе рыбные ловцы
Васька Смердищевъ съ товарищи , были челомъ ,
шѣми будешъ они рѣчками прежь сего владѣти , и
грамата у нихъ на шѣ воды была , и сгорѣла въ . . .
году и ны-бъ Васькѣ Смердищеву , съ товарищи ,
кошорыя въ сей грамахъ имени писаны , велѣъ въ
шѣхъ рѣчкахъ рыбу ловишь по прежнему , и того
беречь на крѣпко , чшобъ у нихъ въ шѣ рѣчки
Князья и дѣти боярскіе , и монастырскіе прикащи-
ки , и крестьяне , въ рыбныя ловли не вступаи ,
и насильства имъ ни кошораго нечинили. Абудешъ
да шѣ рѣчки у Галичанъ , и дѣшей боярскихъ , или
у монастырей , или у ково нибудъ , наши жалован-
ныя , или помѣстныя , или вотчинныя , или обра-
чныя граматы , и ны-бъ съ шѣхъ грамахъ спиталъ
прошывни , да шѣ прошывни за слою рѣкою и за
печатью прислалъ къ намъ , въ Москвѣ , въ четверть

дьяка нашего Василья Щелкалова
и мы пошому велѣмъ указъ учинишь, а прочесть сю
грамашу, и списавъ съ нея прошивень, слово всло-
во, ошдываль-бы еси Васькѣ Смердищеву, съ пова-
рищи; и оми ее у себя держать для вныхъ нашихъ
приказныхъ людей. Писана на Москвѣ лѣша 7093,
Марша въ 25 день. На подлинной грамашѣ, назади
пишешъ шако: *Царь и Велики Кнзль всеа Русіи.*

Лѣша 7108, Генваря въ 11-й день, Государь Царь,
и Великій Князь Борисъ Федоровичъ, всеа Руси,
Галичанъ, рыбныхъ ловцовъ, Ваську Смердищева,
съ шоварищи, пожаловалъ: Сее у нихъ грамашы ни-
кому нивчемъ *рудити* не велѣлъ, а велѣлъ у нихъ хо-
диши о всемъ пошому, какъ въ сей грамашѣ, а под-
писалъ Государевъ Царевъ, и Великаго Князя, Бо-
риса Федоровича, всеа Руси, дѣякъ Семень Чередовъ.
Дѣякъ Василей Щелкаловъ. На подлинной грамашѣ
приложена печашъ на черномъ воскѣ.

Оми Царя и Великаго Князя Дмитрія Ивановича,
всеа Россіи въ Галичъ, Федору Васильевичу Чере-
дову, били намъ челомъ Галицкіе лѣшніе, рыбные
ловцы, Офонька Смердищевъ, Первущка Калушкинъ,
Онисимко Фомовъ; сынъ Лукинъ, Софонко Саклі-
евъ, Терешка Грышавинъ, Грнша Рышковъ, и во
всѣхъ Галицкихъ лѣшнихъ рыбныхъ ловцовъ мѣсто.
А сказали: оброчныя у нихъ рыбныя ловли, въ Га-

лицомъ озеръ и въ рѣчкахъ , кошорья шекуть въ Галицкое озеро , въ рѣчкѣ въ Вексъ , *Потыкавскіе* и сады , да въ рѣчкѣ Остроловицѣ , да въ рѣчкѣ Свешницѣ , дальные по Московскую дорогу , да въ рѣчкѣ Ихленкѣ , по Чему рѣку , по Московскую-жъ дорогу , да въ рѣчкѣ въ Середней , по Большіе Омущи , да въ рѣчкѣ въ Шокшѣ , по Бѣлой Омущѣ , да въ рѣчкѣ Едомшѣ , по Безиннѣ починокъ , и во всѣхъ рѣчкахъ , кошорья шекуть въ Галицкое озеро ; а плашашъ они съ тѣхъ рѣчекъ въ нашу Казну , въ Галицкой чети , по оброчной грамашѣ блаженныя памяти брата Нашего , Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича , всеа Руси , оброку плашашъ по сороку по два рубля , и по четыре гривны на годъ , и та-де оброчная грамаша вѣлика , а се подписана на измѣнника нашего Борисовича , Годунова , и по той-де оброчной грамашѣ у нихъ въ рыбныхъ ловли Княжіе , боярскіе , и монастырскіе , и дѣшеі боярскихъ прикащики , и крестьяне , вкупаются , и рыбу ловяшъ сильно , а сказываютъ что у нихъ шѣ воды въ нашихъ , въ помѣстныхъ и вошчинныхъ граматахъ написаны , и намъ бы ихъ пожаловати , на шѣ рыбныхъ ловли даши нашу-бъ оброчную , новую грамату . И будешъ такъ , какъ намъ Галичане , рыбные ловцы , Офондѣ Смердищевъ съ шоварищи , били челомъ , и какъ къ себѣ ся наша грамаша придетъ , и ты-бъ рыбнымъ ловцамъ , Офонкѣ Смердищеву , съ шоварищи , кошорые въ сей нашей грамашѣ имены писаны , велѣть тѣмъ рыбными ловлями владѣши , по прежнимъ , по оброчной грамашѣ блаженныя памяти брата Нашего , Великаго Государя Царя , и Великаго Князя ,

Федора Ивановича, всеа Россіи, и оброкъ въ нашу Казну платиши никому невелѣлъ, и ихъ-бы еси берегъ, чщобъ имъ ни отъ кого обиды и продажъ не было, никоторыми дѣлы, а прочешъ сю нашу грамоту, и списавъ съ нее противень, отдалъ-бы еси Офонькѣ Смердищеву, съ товарищи, и они ее у себя держашъ для иныхъ нашихъ приказныхъ людей и посланниковъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7114 Генваря въ 16 день. На подлинной грамотѣ назади пишеть шако: «Въ Галичѣ, Федору Васильевичу Чередову. Діакъ Андрей Алябьевъ. Спрашилъ діакъ Вишехшовъ. Принесли грамоту Галичаню, посадскіе люди, Офонька Смердищевъ, да Первуйка Луцешинъ, да Иванъ Алейшевъ, съ товарищи.

Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича, всеа Руси, въ Галичѣ, Федору Васильевичу Чередову, да Сланивершу Фомичу Сышину. Были намъ чедомъ Галицкіе лѣшніе, рыбные ловцы, Офонька Смердищевъ, Петрушка Калашникъ, Онисимко Бомновъ, сынъ Лукинъ, Софонко Салаисъ, Терешка Грыжавинъ, Гришка Рыжакъ, и во всѣхъ Галицкихъ лѣшнихъ рыбныхъ ловцовъ мѣсто. А сказали: оброчныя у нихъ и рыбныя ловли въ Галицкомъ озерѣ, и въ рѣчкахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро, въ рѣкѣ въ Векетъ, по Сынковскіе посады, да въ рѣчкѣ Острооловицѣ, да въ рѣчкѣ Свяницѣ, дальныя, по Московскую дорогу, да въ рѣчкѣ Средней, по Большіе Омумы, да въ рѣчкѣ Шокшѣ, по Бѣлой Омумѣ, да въ рѣчкѣ Едомшѣ, по Безинѣ починокъ, и во

всѣхъ рѣчкахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро. А плащать они съ тѣхъ рѣчекъ въ нашу казну, въ Галицкой чести, по оброчной грамашѣ по сороку по два рубля, и по чешыре гривны, на годъ; и у нихъ де въ рыбныя ловли Княжіе, и боярскіе, и монашырскіе, и дѣшеі боярскихъ прикащики, и крестьяне, вступаются, и рыбу ловяшъ сильно. А сказываюшъ, что у нихъ шѣ воды въ нашихъ помѣстивыхъ, и въ вошчинныхъ граматахъ написаны, и намъ-бы ихъ пожаловашъ: на шѣ рыбныя ловли дашъ нашу оброчную грамашу. И будешъ шакъ, какъ намъ Галицкіе рыбныя ловцы, Офонька Смердищевъ, съ шоварищи билъ челомъ, и какъ къ намъ ся наша грамаша придетъ, и вы-бъ рыбнымъ ловцамъ, Офонькѣ Смердищеву, съ шоварищи, которые въ сей нашей грамашѣ имяны писаны, велѣли шѣми рыбными ловлями владѣшъ по прежнему, по оброчной грамашѣ, и оброкъ въ нашу казну плащшъ, и въ шѣ у нихъ рыбныя ловли вступашися никому невелѣли, нѣ-бы еси берегли, чтобъ имъ ни ошъ кого обидѣ и продажъ не было, ни кошорыми дѣлы, а прочешъ сю нашу грамашу, и списавъ съ нее прошивень, ошдали-бы еси Офонькѣ Смердищеву, съ шоварищи, и они се у себя держашъ, для иныхъ нашихъ приказныхъ людей и посланниковъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7114 Іюль въ 7 день. На подливной грамашѣ назадъ пишешъ тако: «Въ Галичѣ, Федору Васильевичу Чередову, да Селивершу Фомичу Сышину. Діакъ Василій Козловъ. Справилъ подъячей Михайло Тухинъ.

С М Ъ С Ь.

— *Изясненіе картинки.*—Фамилія Вернешовъ представляешъ удивительный и едва-ли не единственный примѣръ наследственнаго дарованія въ шрѣхъ поколѣніяхъ. Іосифъ, Карлъ и Гораціи Вернешы, шо есть дѣдъ, ошець и внукъ почишаются въ числѣ превосходнѣйшихъ живописцевъ. Читатели наши видѣли уже въ очеркахъ нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Горація Вернеша, современника нашего. Доколѣ будешь пѣвнѣшь душу вѣрное и пламенное выраженіе, до шѣхъ поръ, слѣдовательно всегда, будутъ предметомъ удивленія и восшорга картины его : *Солдаты-земледѣльцы*, *созданы Ватерлооскій*, *Мазена*, *Убитый трубачъ*, и множество другихъ. Ошець Горація, Карлъ Вернешъ превосходствуетъ въ батальной Живописи и въ изображеніи коней. Картины его, представляющія битвы при Риволи, Маренго, Аустерлицѣ, Ваграмѣ, и проч., почишають Французы святынею своей народной славы.

На сей разъ мы прилагаемъ къ Журналу нашему очеркъ съ картины Іосифа Вернеша, родоначальника этого поколѣнія художниковъ. Клодъ Іосифъ Вернешъ родился 14 Августа 1714 года, въ Авиньонѣ. Ошець его, Антонио, былъ живописецъ и сначала единствен-

ный учитель своего сына. 18-ти лѣтъ отправился Юсифъ въ Римъ, и перѣзжая въ Италию моремъ, получилъ нѣ. сильныя впечатлѣнiя морскихъ видовъ и зрѣлищъ; которыя впоследствии перенесъ онъ столь поэтически на холстоу. Говорятъ, что буря ни мало не устращала его. Однажды онъ упросилъ Капитана корабля привязать его къ мачтѣ, во время сильнѣйшей бури, и когда другіе шрепешали, онъ наблюдалъ разъяренную стихію и восхищался величественнымъ зрѣлищемъ. Долго послѣ сего любимыя предметомъ картинъ его были море и виды морскіе. Двадцать лѣтъ прожилъ онъ въ Римѣ и приобрѣлъ тамъ прочную славу. Особенно славны были картины его, писанныя для Принца Боргезе, и для дворца Ронданини. Онъ былъ другомъ славнѣйшихъ художниковъ, жившихъ тогда въ Римѣ. Это были не одни живописцы. Напримѣръ Перголези находился въ самой дружеской связи съ нимъ, и даже часть своей знаменитой *Stabat mater* написалъ въ мастерской Вернета. Италия сдѣлалась вторымъ отечествомъ Французскаго живописца, и только блестящія предложенія Правительства Французскаго заставили его возвратиться на родную землю. Онъ долженъ былъ изобразить значительнѣйшія гавани Французскія, и изъ этихъ-то видовъ составилась знаменитая Вернетова галлерей, въ Луврскомъ Музеѣ. Вернетъ былъ чрезвычайно счастливъ въ выборѣ шочки зрѣнiя. Легкость, съ какою писалъ онъ свои картины, удивительна. Съ 1752 года, когда возвратился онъ во Францію, до 1789-го, года его смерти, не менѣе 200 картинъ, большихъ и малыхъ, написалъ онъ окончательну. Во всѣхъ, даже

самыхъ послѣднихъ , видна юношеская живость и отличная оцѣдка , которыя дають цѣну каждой картинкѣ его. Онъ изобразилъ всѣ морскія гавани Франціи , и эти картины составляютъ коллекцію безмерную. Никто не умѣлъ лучше , естественнѣе его представлять близости моря, легкихъ движеній и тихихъ переливовъ едва колышущихся волнъ , и игры свѣта на нихъ , такъ-же какъ бури , со всѣми страшными явленіями ея. Академія избрала его въ Члены слов , а въ 1766 году и въ Совѣтники. Послѣ этого позволено ему было жить въ Луврѣ. Но тѣмъ ограничили всѣ награды. Впрочемъ , Іосифъ Вернесть и не очень дорожилъ ими : ему пріятнѣе были уваженіе всѣхъ и дружба многихъ отличныхъ людей , которыя любилъ въ немъ не только великаго художника , но и любезнаго , благороднаго , посвященнаго челоуѣка.

На приложенномъ нами очеркѣ изображенъ славный замокъ Святаго Ангела, и мостъ , находящійся подлѣ него. Мостъ Святаго Ангела назывался прежде: Aelius, по другому имени Императора Адриана , который выстроилъ оный черезъ Тибръ ; для свободнаго подъѣзда къ мавзолею , воздвигнутому напрошивъ мавзолей Августова. Императоръ назначалъ сей мавзолей , то есть великолѣпныя палаты , мѣстомъ для своей гробницы. Папа Александръ VI, въ концѣ XV-го столѣтія , превратилъ палаты сіи въ цитадель. Замокъ Св. Ангела мѣсто историческое. Его исторія могла бы составить занимательную книгу. Есть два мѣ-

нія о названіи его. Одни говорятъ, что Григорій Великій, во время язвы, опустошавшей Римъ въ 597 году, увидѣлъ Ангела на высокой башнѣ Адрианава дворца, и возвѣстивъ окончаніе бѣдствія. Другіе, и гораздо вѣроятнѣе, полагаютъ, что названіе Св. Ангела произошло отъ бронзоваго изображенія, находящагося на самомъ высокомъ шпигелѣ замка, по имени котораго называется и мостъ, ведущій къ нему. Нынѣшній видъ придавъ мосту сему Папа Климентъ IX. Онъ велѣлъ построить мраморныя парапеты, желѣзную рѣшетку, и поставилъ на тумбахъ десять большихъ мраморныхъ изображеній Ангеловъ. Спашунъ сіи сдѣланы дурно, хотя надъ ними трудился Бернини со своими учениками.

Картина Юсіфа Вернета представляетъ величественный видъ моста и замка Св. Ангела. Знаюки удивляющія въ ней точности и живости всѣхъ изображеній. Не говоря уже объ архитектурныхъ зданіяхъ, которыя передъ глазами вашими, на картинѣ видите вы Итальянское небо, и струи Тибра, свидѣтеля всемірныхъ событій.

— *Нѣсколько замѣтаній на Исторію Малой Россіи, изд. Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.* — Въ 1й частъ, гл. XIII, на страницѣ 225, сказано: «Захарій Копыстенскій, Архимандритъ Печерскій, умеръ въ 1626 году.» Но изъ книги, у меня находящейся:

«Тридіонъ, сіестъ трилѣтнець Святой Великой Четырехдесятицы, отъ Емискаго изслѣдованъ, благословеніемъ и тщаніемъ Преподобнаго и Православнаго отца К. Захарій Копищенскаго, Милостію Божією Архимандрита Петерскаго Кіевскаго, въ Кіоіновѣ. С. Великія Чудотворныя Лавры Петерскія Кіевскія Ставропигиу (сего слова нѣсколько буквъ въ концѣ вырвацо) Архіепископа Константинопольскаго, Патріарха Вселенскаго. Въ лѣто отъ созданія міра 7135, а отъ Рождества Христова 1627. Куріопасха. Индикта 11»— видно, что Захарій Копищенскій живъ былъ и въ 1627 году. Слова: благословеніемъ и тщаніемъ, шо доказывающъ.

Въ III-й части, примѣтанія 218, въ выноскѣ, сказано: «Шестакъ, монета, спонившая въ Малороссіи шестьдесятъ копѣекъ, въ половину прошивъ шалера. *Котляревскій.*» Не знаю, въ какомъ вѣкѣ, и въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, была такая цѣна монетъ *шестакъ*, да и была-ли она, полно, монетою? Старожилы Малороссіане, бывшіе Сумскаго полка Сошеннаго, а нынѣ Курской Губерніи уѣзнаго города Суджи, завѣряли меня, что въ Суджѣ, назадъ тому лѣтъ 60, въ *шестакѣ* щитали двѣ *Ляцкіи*; *Ляцкіи* щиталось шри въ копѣйкѣ, а *шестакъ* шри въ двухкопѣечникѣ; но особой монеты шаковой цѣны тогда не было. Такимъ образомъ лѣтъ за 60 продавались, напр. восковыя свѣчи по полушкѣ, по *ляцкій* (не *Ляшеская*-ли, ш. е. Польская, извѣстнаго въ шо время достоинства монета?), по денежкѣ, по копѣйкѣ и проч. Полошна шкали отъ локтя: шолшныя по *ляцкій*, а шонкія

(напр. въ 10. и 12 пасемъ) по кошѣкѣ, по шестокѣ, по шагу (по двѣ кошѣки). Изъ поговорки, употребляемой ткачами :

Сшуй да грядь ,
Три за осьмакъ .
Жинка иде ,
Хлѣбъ несе ,
Покрышку пшона ,
Ще и кусокъ сала .

и другой , употребляемой простолюдными въ украину безпечнаго челоуѣка , заботащагося болѣе о винѣ , нежели о плащѣ :

Лашу на лашу сажу ,
А осьмакъ на горѣлку (цѣнное вино) щажу ,

по ешь :

Заплашу на заплашу нашиваю ,
А деньги на вино сберегаю .

можно полагать , что была еще монета , или щеть , называвшійся осьмакъ , но какое ея было достоинство , я не могъ узнать .

Въ 1-й части , гл. XVII , стр. 315 , подъ годомъ 1651 , сказано : « Киевское Воеводство недостаточное было для помѣщенія пришедшихъ Украинцевъ . Хмельницкій исходатайствовалъ имъ дозволеніе удалиться въ предѣлы Государства Россійскаго . Они перешли изъ-за Днѣпра въ Южныя сѣрани Бѣлогородскаго вѣдомства , основали города Сумы , Харьковъ и другіе ; составили пономъ плещ Слободская »

полковъ : Острогоскій , Ахтырскій , Харьковскій , Сумскій и Изюмскій . Царь не только принялъ милосердно сѣхъ переселенцевъ , но даровалъ имъ почти всѣ преимущества Малороссійскихъ Козаковъ . » Но не упомянуто , были-ли шѣ мѣста до того уже кѣмъ-либо населены . Въ описи (вѣдущейся у меня въ копіи) составленной 7172 (1664) года , по Указу Царя Алексія Михайловича , Герасимомъ Семеновичемъ Рагозинымъ , Сумскаго полка Сошенному городу Суджѣ , упоминается , что въ сіе время жившіе тамъ Черкасскіе Казаки имѣли по рѣкѣ Псу и впадающимъ въ нее рѣкамъ рыбныя ловли , усуренныя плошины и на оныхъ мельницы ; въ лѣсахъ боршневья ухожья ; въ самомъ городѣ и подгородныхъ слободахъ 5 церквей , 782 двора жилыхъ и 24 шивковыхъ , винокурни , пивоварни и проч . Сіе засвидѣтельствовано сомнѣваясь , чтобы Казаки , пришедшіе сюда только съ показаннаго 1651 года , могли тамъ обсединиться , ежели не было тамъ коренныхъ жителей . Но если были , то кто они такіе ? Откуда и когда пришли ? Къ сожалѣнію , на картѣ Волгана , приложенной къ Исторіи Малой Россіи , кромѣ Ахтырки , ни одного города и другаго какого либо жилища не назначено , а оставлены мѣста , принадлежащія оснальнымъ чепыремъ полкамъ , совершенно впусшѣ , между шѣмъ какъ можно полагать , что Ахтырка основаніемъ своимъ современна прочимъ полковымъ и сошеннымъ городамъ Слободскихъ полковъ . Недоумѣніе болѣе увеличивается ошъ разрышіи мною могильниковъ , находящихся въ Суджанскомъ уездѣ въ 13 верстахъ ошъ г . Суджи , между селомъ Рождественскимъ , с . Горланью и р .

Пслою , кон состоятъ изъ трехъ отдѣленій , въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой одно отъ другаго отстоящихъ. Въ одномъ отдѣленіи , въ распашной землѣ находящемся , разрыто мною 6 , гдѣ оказались глинныя банки , большею часнію по одной , а въ нныхъ по двѣ , ошъ 5 до 8 вершковъ вышиною и до 4 въ верхнемъ ошвершн , самой просной рабшты , съ находящимися въ нихъ жжеными костями. Во второмъ отдѣленіи , подѣ лѣсомъ и въ лѣсу , изъ числа 8 разрытыхъ кургановъ , семь имѣли по одному человѣческому скелету , и изъ сихъ одинъ шолоко былъ положенъ головою на востокъ , а прочіе , равно какъ и въ осьмомъ находящіеся шри скелета , изъ конхъ одинъ означалъ женщину , по найденному на шеѣ монисту , другой мужчину , а шрешій дитя , лежащее на правой рукѣ мужчины , лежали бокомъ головою на западъ , а лицомъ обращены къ югу. Трешіе ошдѣленіе мною разрыто еще не было. Но и изъ сихъ уже видно различіе въ вѣроисповѣданіи и давнее жншь въ сихъ мѣстѣхъ какого-шо неизвѣстнаго народа. О семъ я уже имѣлъ честь извѣстншь чншашелей *Историческаго и Статистическаго Журнала* , въ 1827 и 1828 годахъ , въ *Исторіи города Суджи* , и въ спашь о *Курганатъ и Могильникахъ Суджанскаго уѣзда* , и подѣ спашью: *Почва земли* , писалъ въ *Статистикѣ Суджанскаго уѣзда* , изъ кошорой ошпечастана одна спашь въ Телеграфѣ на 1831 годъ. Желашельно-бы было , чшобы Гг. Исторіографы и любншелн ошечественныхъ древностей обрашнли на разысканіе сего особенное вниманіе.

Поелику-же изъ Грамашъ и другихъ акшовъ видно, что Малороссіяне Слободскихъ полковъ пользовались одинакими правами съ прочими, описанными въ Исторіи Малой Россіи, участвовали съ ними во многихъ походахъ, шерпыли набѣги Ташаръ, разореніе отъ измѣнника Ивана Брюховецкаго и осадное сидѣнье, то, кажется, не лишнее-бы было присоединить Историческія о нихъ свѣдѣнія къ Исторіи Малой Россіи, чего къ сожалѣнію, не сдѣлано Г-мъ Издателемъ, или составивъ объ нихъ особую Исторію. Можно полагать, что по увеличивающейся теперь любви ко всему отечественному, нашлись-бы ревностные помощники въ семъ полезномъ дѣлѣ.

При семъ желательнo-бы было знать точныя границы прежней *Украины*, ибо въ Исторіи Малой Россіи, кажется, смѣшиваются слова: *Малороссія* и *Украина*, и точныхъ предѣловъ не означено; шолько изъ многихъ мѣстъ упомянутой Исторіи и другихъ акшовъ видно, что Украину составляли не земли нынѣшней Слободско-Украинской Губерніи, а мѣста отъ Кіева за Днѣпромъ находящіяся.

Уг. Дмитрюковъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О НЫНѢШНЕЙ ТОРГОВЛѢ

Россіи съ Персією.

До востшествія на престолъ Фетт-Али-Шаха, Персія, безпрестанно раздираемая междоусобіями, или угнетаемая деспотизмомъ своихъ власнищелей, быстро смѣнявшихся одинъ другимъ, мало по малу утратила по благосостоянію, которымъ пользовалась при Шахъ Аббасъ Великомъ, покровительствія, торговли и промышленности. Однакожь, хотя правленіе нынѣшняго Шаха и доставило спокойствіе Персіи, но мало способствовало къ народному благосостоянію, слѣдовательно, и къ государственному богатству. Правители, заботясь только объ удовлетвореніи чувственныхъ наслажденій, и о накопленіи сокровищъ, мало думаютъ о шѣхъ средствахъ, которыя могли-бы упрочить общее благо. Купецъ и земледѣлецъ суть послѣдніе предметны ихъ мы-

Іюнь 1832.

17

слей, и даже болѣе другихъ бываютъ подвержены припѣсненіямъ: если они въ избыткѣ, по на нихъ именно и обрушивается вся тягость налога. Торговля въ Персіи въ упадкѣ, и весьма естественна, потому что промышленность не можетъ процвѣтать при такомъ правленіи. Будущее также не обѣщаетъ Персіи благоденствія: смерть нынѣшняго Шаха, безъ всякаго сомнѣнія, повлечетъ за собою междоусобія, и нанесетъ новые удары торговлѣ и промышленности.

Между Персіянами есть нѣсколько купцовъ-капиталистовъ, но они, изъ опасенія, спаряются не выказывать своего богатства вполнѣ: доспашочно одной минутой прихода, чтобы найдти предлогъ лишить каждого изъ нихъ всей его собственности. Вотъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ, отъ чего купля товаровъ, а слѣдовательно и продажа оныхъ, рѣдко производится на наличныя деньги, но большею частію въ срокъ, отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцовъ. Прежде, классъ купцовъ въ Персіи отличался предъ другими классами народа большимъ благородствомъ и числосердечіемъ; но теперь, по мѣрѣ того, какъ Правительство становится своевольнѣе, и, слѣдовательно, несправедливѣе, въ этомъ классѣ замѣчается менѣе честности и какая-то недовѣрчивость, почему, до правленія

болѣе прочнаго въ Персіи, не лзя ожидать, чтобы торговля сношенія съ симъ государствомъ приняли твердое и надежное основаніе.

Торговля Россіи съ Персією, въ последнее десятилѣтіе, подвергалась неоднократнымъ измѣненіямъ. До 1819 года, т. е. до водворенія въ Тавризъ нашей Миссіи, Персіане большую часть Европейскихъ товаровъ получали чрезъ Константинополь и Трапезундъ; нашихъ купцовъ было тогда въ Тавризъ только двое. Съ того времени, подъ покровительствомъ Миссіи, число оныхъ безпрестанно увеличивалось, и многіе Русскіе товары, по дешевизнѣ своей, вошли во всеобщее употребленіе по всей Сѣверной Персіи, вопреки мнѣнію Гамбы. Но это было не продолжительно. Транзитъ, предоснавленный Закавказскимъ обласіямъ съ 1824 года, подорвалъ сбытъ нашихъ товаровъ, и мѣсто оныхъ, болѣею частію, заняли товары съ Лейпцигской ярмарки.

Изъ Персіи вывозятся въ Россію: *собственно для нея*, шелкъ, хлопчатая бумага, чернильные орѣхи, Кирманскія шали, Кирманская шермолама, купоросъ, сарачинское пшено, кунжушное масло, сушеные фрукты; *исключительно для Грузіи и Мусульманскихъ провинцій*, разныя шелковыя матеріи, бурмешье, кашанская шермолама, коленкоръ (изъ Индіи), бязи, магмаръ,

(родъ бархата , съ цвѣтами , для подушекъ и шюфяковъ) ковры , хинна (кошорою Ташари красящъ волосы) , мѣха лисьи , шабакъ , и , кромѣ сего , выгодно-бы было вывозишь изъ Мазандерана цинаровое и орѣховое дерева , весьма красивыя для мебели.

Русскіе шовары идушь въ Персію двумя путями: либо чрезъ Аспраханъ , на Ензили и Решпъ , либо чрезъ Тифлисъ , на Тавризь. Къ шоварамъ , которые весьма удобно могушь бытъ сбываемы въ Персіи , принадлежатъ : сукно (болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ) , сипцы , коленкоръ , кисей , мишкаль , бумажныя шали , на манеръ Персидскій , шафшы Московскія , саржа , камлоты (сбывающся въ большомъ количествѣ , особенно кипорныя , пестрыхъ цвѣтовъ) ; хрустальныя вещи , фарфоръ , галантерейныя вещи , зеркала , оконныя цвѣтныя стекла , чай , сахаръ , мѣха большіе хорьковые , канцелярное сѣмя (празышомъ). Исключительно чрезъ Аспраханъ и Решпъ доспавляющся въ Персію : желѣзные шовары , Сибирскаго издѣлія , какъ-шо напр. подносъ , ковшыя ящички , ушюги для поршннхъ , самовары , кофейники , чайники , и проч.

Впрочемъ , до сего времени не было обращено вниманія на многіе предметы , которые могли-бы имѣть хорошиѣ сбытъ въ Персіи , напримѣръ : ханишельныя позументы , Тульскія смальныя по-

дѣля , особенно ружья и пистолеты , цѣвпочныя луковицы (Персіане охотники до цѣвпочъ) , канарейки (эти птицы въ большомъ уваженіи , и потому высоко цѣнятся , именно по 20 пудмановъ , или 80 рублей серебромъ каждая ; не безвыгодно было-бы привозить для нихъ и хорошія клѣпки Русскаго издѣлія).

При семъ случаѣ надобно замѣнить , что Персіане отдають большое преимущество шѣмъ Европейскимъ шоварамъ , которые сообразнѣе съ ихъ причудливымъ Азіятскимъ вкусомъ. Чшобы приоровиться къ оному , шо необходимо даже , чтобы фабриканты наши и ремесленники имѣли образчики шѣхъ Персидскихъ произведеній , которые намѣрены они замѣнить своими. Такъ , въ красномъ шоварѣ Персіане большое вниманіе обращаютъ на узоръ , а въ галаншерейныхъ , стеклянныхъ , желѣзныхъ , и другихъ вещахъ , на внѣшнюю форму.

До сего времени торговля чрезъ Аспраханъ была въ рукахъ Персіанъ Решшскихъ , и ихъ родшвенниковъ , живущихъ нарочно для того въ Аспрахани (*) ; а чрезъ Тифлисъ , исключи-

(*) Во время пребыванія въ Визіяхъ нашего Консула , въ этой торговлѣ участвовали и Русскіе купцы.

тельно въ рукахъ Армянъ , ибо Грузины не имѣють ни малѣйшей склонности къ торговому промыслу. Армяне , народъ неприхотливый въ образъ жизни , смысленный и дѣшелейный , могли-бъ бышь , съ такими рѣдкими качествами , и съ познаніемъ Восточныхъ языковъ , весьма полезными кунцами для Россіи , если-бы не ограничивались мѣлочными видами , и если-бы врожденная въ нихъ спрась къ обману и непопозволенному барышу , не подрывала общаго къ нимъ довѣрія. Къ тому-же надобно прибавить , что между Армянами мало капиталешовъ , и даже шакихъ , копорые могли-бы содержать комиссіонеровъ. Для закупки товаровъ , они , большею частію , сами ѣздять на ярмарки , и , рѣдко имѣя наличныя деньги , занимають оныя , плаша до 20 и болѣе процешовъ. Такимъ образомъ , въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ , пока они закупають поваръ и привезушь оный на мѣсто сбыта , слишкомъ за двѣ тысячи верспъ , капиталы ихъ осшаються мертвыми , и сверхъ того нарастають еще огромныя процешы на долгъ.

Послѣ эшого не удивительно , если купленный въ Россіи , или на Лейпцигской ярмаркѣ поваръ , Армяне продають въ Персіи впрое , и даже вчешверо дороже , прошивъ заплаченной самими ими цѣны. Вошь на что особенно Рускіе купцы должны обрашись вниманіе , и

наиболѣе въ нынѣшнее время, когда кончился срокъ десяти-лѣтнимъ торговымъ привиллегіямъ, дарованнымъ для Закавказскихъ провинцій въ Октябрѣ 1824 года; а предполагаемое учрежденіе складочныхъ мѣстъ по берегамъ Каспійскаго моря, доставитъ большія удобства для нашихъ торговыхъ сношеній. Въ такомъ случаѣ надобно будетъ принять мѣры прошивъ вывоза шелка изъ Гиляни въ Индію. Это составляетъ главнѣйшее произведеніе Персіи для мѣтн, и сверхъ того важно для пошребленія нашихъ фабрикъ.

Въ нашихъ Мусульманскихъ провинціяхъ, такъ-же какъ и во всей Персіи, изготовленіе шелковыхъ и бумажныхъ матерій производится не на фабрикахъ, но частно, городскими жишелями, въ собственныхъ ихъ домахъ. Въ Шамахъ, Елисаветполѣ и Шушѣ дѣлаютъ мовъ, даран, и кассанъ; изъ оныхъ, одна шолько мовъ, которой нѣтъ и въ Персіи, выработывается въ большомъ количествѣ; она вошла въ общее употребленіе по Грузіи. Другія-же матеріи, дарая и кассанъ, расходятся большею частію на мѣстѣ; онѣ ошлячаются ошъ Персидскихъ матерій того-же названія своимъ качествомъ: сіи послѣдніи добротѣе и чище выработаны. Жишели Армянской Области, кромѣ бязи, другихъ матерій не изготовляютъ.

Въ Туркманчайскомъ трактатѣ, между прочимъ, постановлено: « Съ шоваровъ, привози-

ныхъ въ Персію, или вывозимыхъ изъ сего государства, Россійскими подданными, а равно съ произведеній Персіи, привозимыхъ въ Россію чрезъ Каспійское море, или чрезъ сухопутную границу, и съ Россійскихъ товаровъ, пшени-же пшени вывозимыхъ изъ Имперіи Персидскими подданными, взимають пошлину; какъ и прежде, по 5 со спа, единожды навсегда, при ввозѣ или вывозѣ пшѣхъ товаровъ, не подвергая уже оныя послѣ сего никакой таможенной пошлинѣ.» Но правило сіе ни съ шой, ни съ другой спорной, до сего времени, не могло бытъ соблюдено (*), по причинѣ существующихъ на пшени *раштаровъ*, какъ у насъ въ Мусульманскихъ провинціяхъ и Армянской Области, такъ и въ Персіи, гдѣ каждое Ханство пользуется особенымъ таможеннымъ сборомъ. Взиманіе пошлины производится, либо съ выюка, либо по оцѣнкѣ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ и пшѣи и другимъ образомъ. Опносительно оцѣнки естъ особое правило, а именно: если купцу покажется она высокою, и онъ не пожелаешь платити пошлины деньгами, шо можешь въ счетъ оной выдать слѣдующіе проценты шоваромъ.

(*) Изъ сего исключается только одинъ Рештъ, гдѣ уже берется однообразная 5-ти процентная пошлина по оцѣнкѣ.

Весьма немногіе изъ Тѣмисскихъ купцовъ ѣздятъ съ поваромъ во внутреніе города Персіи; почти всѣ останавливаются въ Тавризѣ, следовательно, рахшарныя пошлины приходятся имъ платить въ двухъ мѣстахъ Персіи: *Марандѣ*, и самомъ *Тавризѣ*; въ первой платятъ со вьюка 1 руб. 50 коп. серебр.; во второмъ 2 рубли по оцѣнкѣ повара, что сослывишь гораздо меньше 5%, и потому постановленіе шракшапа при нынѣшнемъ состояніи Персидской торговли нашей, не склоняется въ ея пользу.

По прочимъ важнѣйшимъ городамъ Персіи, сколько можно было узнать, сущесвующъ слѣдующія рахшарныя пошлины: *взимаемая съ каждаго вьюка* — въ *Ховѣ* 3 р. серебр., *Міанѣ* 50 к. серебр., *Кашанѣ* 1 р. с., *Тегеранѣ* 2 р. с., *Зенганѣ* 2 р. с., *Казбикѣ* 80 к. сер., *Эздѣ* 1 р. с., а по оцѣнкѣ товаровъ: въ *Решнѣ*, какъ уже сказано, по 5, въ *Аспаганѣ* и *Ширазѣ* по $2\frac{10}{20}$.

Въ верхней Персіи платятъ рахшарную пошлину сами купцы; въ средней и южной извозчики, которые, въ случаѣ ошвоза повара въ отдаленныя мѣста, берутъ за день по 50 к. серебр. съ каждаго вьюка; въ ближайшія же мѣста они нѣсколько возвышаютъ эту цѣну, и берутъ за провозъ повара уже не по днямъ ѣзды, а съ вѣсу.

За провозъ товара сухимъ путемъ изъ Москвы , или съ Нижегородской ярмарки до Тифлиса плащится съ пуда по 2 рубли серебромъ ; водою-же по Волгѣ до Баки 4 р. 50 к. ассигн., и отъ Баки 2 рубли ассигн. съ пуда (*). Далѣе отъ Тифлиса до Тавриза съ вьюка (въ 12 или 14 пуд.) 12 рубл. серебр.— Въ послѣдніе годы, по причинѣ караншиновъ и большой перевозки хлѣба и аммуниціи , цѣна на перевозъ товаровъ далѣе Тифлиса чрезвычайно увеличилась. Отъ Тавриза до другихъ городовъ Персіи перевозятся товары извозчиками , которые, какъ уже выше сказано , принимаютъ на себя плату *рактарной* пошлины. За доставленіе въ Тегеранъ , съ каждаго Шахскаго башмана (въ 16 Росс. фунтовъ) берутъ они 50 , или 60 к. сер., въ Испагань отъ 80 к. до 1 р. с. , въ Кашанъ отъ 1 р. до 1 р. 20 к.

Для кушца, кромѣ сихъ издержекъ, предположить на пуши еще многія другія. Онъ долженъ заплащивать : 1), Оссеинскимъ владѣльцамъ , живущимъ по военно-Грузинской дорогѣ, десяти рублей серебромъ за себя, и шакую-же сумму

(*) Нынѣ плаваніе по Каспійскому морю безопасно только съ Мая по Ноябрь ; но съ учрежденіемъ пароходовъ оно могло-бы быть производимо во всякое время года.

за извозчиковъ; 2), рѣхшарь съ каждаго вьюка въ Эривани 2 р., и въ Нахичевани столько-же; 3), за переправу чрезъ Араксъ, на Джульерскомъ паромѣ, въ полноводіе 20 к. сер., а въ другое время 10 к., и наконецъ, 4), рѣхшарныя пошлины въ самой Персiи, въ Мѣрандѣ 1 р. 50 к. серебр. со вьюка, въ Тавризѣ по оцѣнкѣ 2 процента.

По сдѣланному исчисленію, доставка яшваровъ съ Макарьевской ярмарки въ Тавризъ обходился, дорогихъ въ 4, дешевыхъ въ 12%.

Что-же касается до иностранныхъ поваровъ, то провозъ ихъ въ Персiю, чрезъ Транезунтъ и Арзерумъ, обходился въ 10%.—Недавно одинъ Французскій купецъ Сигфридъ (изъ дома Кеклена и комп.), привезъ поваръ свой въ Персiю, транзитомъ, чрезъ Грузію; но непредвидѣнныя обстоятельство, и остановка на пути по Черному морю, за безвѣпріемъ, ввели его въ большіе расходы: провозъ до Тавриза стоилъ 22%, и кромѣ того онъ встрѣтилъ затрудненія въ сбытѣ своего повара. Столь неудачный первый опытъ врядъ-ли поощритъ другихъ къ подобному предпріятію, не смотря на всѣ краснорѣчивыя приглашенія Кавалера Гамбы.

При нынѣшнемъ, улучшенномъ состояніи военно-Грузинской дороги, чрезъ Кавказскія горы, повара изъ Россiи довозятся до самаго Тифлиса на шлегахъ; отсюда-же, далѣе къ

Персию, хотя и есть въ некоторыхъ мѣстахъ арская дорога, какъ-то, напримѣръ, до Шуши, но не смотря на сіе перевозъ товаровъ болыною часію производится на вьючномъ скотѣ. Между Тифлисомъ и Тавризомъ предпочтается до сего времени слѣдующій путь, какъ самый ближайшій: чрезъ Борчалы, Казахію, Делижанское ущелье, Эривань, Нахичевань, и за Джульерскою переправою на Араксъ, чрезъ владѣнія Персидскія Маранду и Софіанъ. Вошь подробный маршрутъ этого пути:

Тифлискаго уѣзда.

Селеніе Телеты . . . 14 верстѣ.

Селеніе Козы . . . 41 верстѣ.

Борчала.

Мугалы (въ 13 верст. отсюда Красный люспъ).

Казахіи.

Салаглы . . . П . . . 26

Кущиканы . . . Р . . . 47

Караванъ-сарай . . . Е . . . 25

Эриванской Области.

Селеніе Рандамалъ . . . И . . . 60

Г. Эривань 40

Селеніе Ардаши . . . Ф . . . 28

Сардараки 28

Порашены Р . . . 38½

Нахичеванской Области.

Г. Нахичевань . . . Е . . . 56

Джульфская переправа . . . О . . . 25

Въ Персіи.

Георгерское ущелье	примѣрно	} 125.
Маранди		
Тавризь ,		

Всего . . . 493 $\frac{1}{2}$ верстѣ.

Дорога почти вездѣ ровная, и во многихъ мѣстахъ весьма удобная для проѣзда экипажей; она затруднительна только отъ Кушиканъ до границы Эриванской провинціи, особенно при перѣздѣ чрезъ Бомбанскій хребетъ горъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ сего хребта, называемомъ *Ешакъ Мейданъ* (Ишачья площадь), караваны подвергаются зимою большой опасности, особливо когда случился вьюга, и дорогу занесетъ глубокимъ снѣгомъ. Въ такое время почти всегда погибаетъ путь по нѣскольку шпукъ вьючнаго скопа, особенно имаковъ (*).

(*) По случаю чумы, свирѣпствовавшей въ Армянской Области, и особенно, чтобы избѣжать карантинновъ, торговые караваны изъ Персіи въ Тифлисъ, и обратно, шли другимъ путемъ, который нѣсколько дальше, а именно: отъ Худо-Перинскаго моста на Араксъ, чрезъ Карабазъ, Елисаветопольскій округъ и Ташарскія дистанціи. Эта дорога, отъ Шуши до Тифлиса, удобна для проѣзда экипажей.

Со времени присоединенія къ Россіи Армянской Области, дорога сія совершенно безопасна; при Персидскомъ-же правительствѣ купеческіе караваны переправлялись чрезъ Бомбанскій хребтъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ. Отъ Делижанскаго ущелья до Эриванской границы, они провожаемы были Казацкими караульными, а дальѣ, отъ границы до первой Эриванско й деревни Эйчи, Персидскими; на этихъ мѣстахъ, весьма удобныхъ для пригона разбойниковъ, нерѣдко дѣлали грабежи Айрюмцы, кочующіе около озера Гокчи.

Провозъ иностранныхъ поваровъ въ Персію, транзитомъ чрезъ Грузію, начался со времени дарованія торговаго транзита, въ Октябрѣ 1821 года. Наиболѣе зажиточные изъ Тифлискихъ купцовъ, которые торговали прежде единственно поварями, привозимыми изъ Россіи, обратились тогда всѣ почти на Лейпцигскую ярмарку, и десять лѣтъ попомъ, пользуясь платежемъ легкой 5% пошлины, они наполняли Тифлисскій рынокъ и снабжали большую часть Персіи поварями иностранныхъ фабрикъ, въ пользу нашей опечесшвенной промышленности.

Транзитный путь чрезъ Грузію, которымъ провозили иностранные повара въ Персію, начинался у лежащей на берегу Чернаго моря крепости Редущъ-Кале, и шелъ къ Тифлису чрезъ

всю Имеретію, а потомъ чрезъ Горійскій округъ (на разстояніи 340 верстъ); дорогу-же отъ Тифлиса къ Тавризу выбирала ту, о которой говорено выше. Следственно всего транзитнаго пути до границы Аракса выходило около 735 верстъ.

При учрежденіи таможенъ и заставъ по сухопутной Персидской границѣ, должны обратиться на себя особенное вниманіе два главные пункта на рѣкѣ Араксѣ: *Худонеринскій мостъ*, по которому идетъ дорога въ Грузію чрезъ Карабагъ, и *Джультерская переправа*, лежащая на главномъ пути отъ Тавриза къ Тифлису, чрезъ Нахичевань, Эривань и Казахію. Здѣсь должно сказать еще о двухъ пограничныхъ пунктахъ, которые въ настоящее время не заключаютъ въ себѣ большой важности: *первый*, гдѣ проходитъ дорога изъ Хойской провинціи въ Южный Эриванскій округъ Шеруръ, и *другой* при переѣздѣ Талышинскихъ горъ, отъ Ардебилъ къ нашей крѣпости Ленкорану. Изъ сихъ пунктовъ при, кажется, должны быть избраны для учрежденія таможенъ: *Джультерская переправа*, или лучше *Г. Нахичевань*, отстоящій отъ оной на 25 верстъ; *Худонеринскій мостъ*, и пограничное мѣсто на Джогломъ Ардебилъ къ Ленкорану. На пренъемъ пункти досташочно будетъ одной таможенной заставы, ибо изъ Хой въ Эриванскую провинцію можно проѣхать еще другимъ

пушемъ чрезъ Нахичевань, а пощому и ходъ торговыхъ каравановъ можешъ бытъ опшеденъ на сію дорогу; по оной переправа чрезъ Араксъ у Аббасъ-Абада.

Не зная подробно мѣспивности около послѣднихъ пункшовъ, здѣсь можно говорить только въ разсужденіи пѣхъ таможенныхъ учреждений, копорья предполагашся устроитъ въ Нахичеванской Обласпи. Съ этой стороны, весьма дешашочно одной таможи въ Г. Нахичеванъ; только при семъ нужно принять большія мѣри предосторожности, прошивъ шайнаго ввоза товаровъ.— Араксъ, по всему протяженію своему, вдоль Нахичеванской Обласпи, имѣешъ много бродовъ, удобныхъ для перехода; полноводіе же, когда они бывають закрыты, продолжается только съ небольшимъ два мѣсяца: Апрель, Май, и начало Іюня. Въ это время переправа на заграничный берегъ производится не иначе, какъ на паромахъ. Такихъ переправъ шесть:

- 1) начиная съ сѣверо-западной стороны Обласпи, *Гагагьская*, у сел. Шахшахты; 2) *Бумакская*, у селенія того-же имени; 3) *Аббасъ-Абадская*, у крѣпости; 4) *Дарашанская*, у Персидской деревни того-же имени; 5) *Джувльфинская*, чепырьмя верстами ниже сел. Джувльфин, и 6) *Ябжинская* у сел. Ябжи, Ордубашскаго округа. Главныя паромы, Джувльфинскій и

Аббасъ-Абадскій, поднимающъ каждый до 300 пудъ. При такомъ положеніи нашей границы, необходимъ самый бдѣтельный надзоръ таможенной спражи, вдоль всего берега Аракса, а чинобы еще вѣрнѣе предупредить шайный провозъ товаровъ, по было-бы не бесполезно имѣть и на прочихъ границахъ Нахичеванской Области досмотрщиковъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ изъ оной дороги въ Эриванскую Область и въ Карабахъ. Въ первую идутъ двѣ дороги изъ Нахичевана, соединяющіяся въ Шарурскомъ округѣ; крайнія по этимъ дорогамъ селенія Нахич. Области, суть: Геурархъ и Карабагларъ. Отъ Карабага отдѣляется Нахич. Область опротивомъ Бомбанскихъ горъ; есть примѣты, что въ прежнія времена, при большихъ торговыхъ сношеніяхъ, караваны съ товаромъ переезжали чрезъ эти горы въ нѣсколькихъ мѣстахъ; начиная съ сѣверо-западной стороны: 1), въ *Даралагезскомъ Магалѣ*, мимо Селимова Караванъ-сарая, построеннаго на самой вершинѣ пограничныхъ горъ; отсюда идутъ дороги на озеро Ганчу, въ Елисаветпольскій округъ, и въ Шушу; 2), въ *Нахичеванскомъ Магалѣ*, черезъ селеніе Кара-бабу: это самая главная дорога отъ Нахичевана въ Шушу; во время послѣдней войны съ Персіянами Рускіе улучшили ее, и она сдѣлалась съ того времени удобною для провоза экипажей; 3), въ *Аланджинскомъ Магалѣ*:

Іюнь 1832.

48

остатки караванъ-сараевъ , встрѣчающихся во многихъ мѣстахъ , вдоль рѣки Аланджа-Чая , служатъ доказательствомъ , что прежде была шуть караванный путь , проходившій чрезъ пограничное селеніе *Казанги* ; 4-й и 5-й , *Ордубашскаго* округа , въ *Магалахъ Биллескомъ* и *Ордубатгайскомъ* : въ первомъ пограничное селеніе *Бистъ* , во второмъ *Нюсъ-Нюсъ* ; въ обоихъ сихъ мѣстахъ дороги крушия и каменныя ; онѣ затруднительны даже для проѣзда вьюковъ .

Съ окончаніемъ транзита Закавказскаго , провозъ иностранныхъ товаровъ транзитомъ , чрезъ Грузію , или совсѣмъ долженъ прекратиться , или подвергнуться значительному уменьшенію . Весьма многіе изъ транзитныхъ товаровъ , будучи подведены подъ высокую пошлину Европейскаго шарифа , уже не выдержавъ совѣспичества съ издѣліями Русской мануфактурной промышленности , и можно надѣяться , что сія послѣдняя , по дешевизнѣ своей и возрастающей добротѣ , войдутъ въ общее употребленіе по Сѣверной Персіи , какъ было сіе съ 1819 по 1824 годъ . Оснаеися только желаніе , чтобы выгоды , отъ сего ожидаемыя , родили предприимчивость въ Русскихъ купцахъ , и склонили-бы ихъ къ непосредственному сношенію съ Персією . Въ такомъ случаѣ , *Нахичеванъ* , довольно важный пунктъ , при настоящемъ положеніи нашей шор-

говли, когда она вся почти находилась въ рукахъ Тифлисскихъ Армянъ, должеть будеть успушить свое преимущесиво прибрежными городами Каспійскаго моря, *Бахъ* и *Ленкорану* (*): вопъ два мѣсяца, въ которыхъ учрежденіе складочныхъ магазиновъ было-бы весьма полезно. Отъ Ленкорана идеть удобная дорога къ Тавризу, чрезъ Ардебиль; она могла-бъ бытъ чрезвычайно важною, для торговыхъ сношеній нашихъ съ Сѣвверною Персією! Но чтобы еще болѣе распространить сіи сношенія; по-необходимо обратишь особенное вниманіе на заливъ *Ензлейскій*, какъ самый надежный на всемъ западномъ берегу Каспійскаго моря; онъ могъ-бы служить *средотогіемъ* нашей торговли съ среднею и южною Персією; отъ Ензили весьма небольшой переѣздъ моремъ въ Решпъ (около 20 верстъ), а отсюда идуть дороги во всѣ главнѣйшіе города Персіи (**). Кромѣ того, самое Ханство Гилянское, и сосѣдній съ нимъ Мазандеранъ, суть нѣ области Персидскія, которыя наиболѣе изобилуютъ произведеніями для мѣнливой торговли. Сколько извѣстно, Правитель-

(*) *б Ленкоранд* прилагается дополнительная свѣдѣнія.

(**) Отъ Решпы до Тегерана караваны ходять въ 10 дней, а до Испагани въ 25 дней.

ство наше уже имѣло намѣреніе назначить въ Решь съ своей стороны торговаго агента, но остановилось привесити сіе въ исполненіе послѣ опъзма Тегеранскаго Двора; что по причинѣ неспокойнаго духа Гилянскихъ жипелей, и замѣченной въ нихъ непокорности, онъ не можешь отвѣчать за безопасность нашего агента. Такой опъзмъ не имѣетъ никакого основанія: стоишь только вспомнишь, что въ семъ городѣ уже есть агентъ со стороны Англии, и до сего времени пользуешься совершенною безопасностію.

Извѣстно, что Правительство каждаго государства, въ обложеніи иностранныхъ товаровъ пошлиною, руководствуется раздѣленіемъ оныхъ на два разряда: въ *одномъ*, копорый долженъ пользоваться платѣжемъ легкой пошлины, заключающа ся такіе товары, копорыхъ не имѣетъ государство, и копорые между шѣмъ необходимо нужны для пошребленія народной промышленности онаго, или копорые, по цѣнности своей, могутъ служить для мѣновой и транзитной торговли; ко *второму* разряду, гдѣ полезнѣе увеличенная пошлина, принадлежатъ предметы роскоши, и такіе товары, копоримъ подобныя обрабатываются на фабрикахъ государства. Въ отношеніи торговли нашей съ Персією, всѣ произведенія земли ея можно причислить къ *первому* разряду, какъ-то, главнѣй-

шее : шелкъ , хлопчатая бумага , сарацинское шено , сушеные фрукты , разныя красильныя и лекарственныя расшенія ; ко второму онойдутъ шелковыя , бумажныя и шерстяныя матеріи , выдѣлываемыя собственно въ Персіи , и также получаемыя ею изъ Индіи .

Персія получаетъ чрезъ Турцію слѣдующіе повары : сукна , бархаты , апласъ , шаффы , кисей , часы и другія галантерейныя вещи , хрустальныя издѣлія , ружья , пистолепы , желѣзо , мѣдь , свинець , спальныя вещи , и разныя мѣха . Какъ мы уже выше сего говорили , Россійскіе купцы успѣли было подорвать эту торговлю , но въ свою очередь были остановлены привилегіями Закавказскими . Впрочемъ , если и продолжается привозъ Европейскихъ поваровъ въ Персію чрезъ Ковстантинополь , то именно по тому только , что Русскіе купцы собственно не обращаютъ на это вниманія . За исключеніемъ весьма немногихъ издѣлій , которыя отличаются превосходною выработкою , всѣ прочіе изъ Европейскихъ поваровъ могли-бъ бытъ замѣнены Русскими , которые , если-бъ были привезены нашими купцами , или ихъ комиссіонерами , но только не *Армянами* , по въ скоромъ времени по дешевизнѣ своей были-бы предпочтены иносѣраннымъ поварамъ .

Дополнительныя свидѣнія о Ленкоранѣ.

Ленкорань, главный городъ Талышинской области, находится на самомъ берегу Каспійскаго моря, къ Югу отъ Баки. Мѣстоположеніе его весьма важно для торговыхъ сношеній Россіи съ Персією, и представляетъ всё къ тому удобна. Къ Ленкоранской пристани подходятъ самыя большія суда, плавающія по Каспійскому морю; въ случаѣ непогоды, разгрузившись у города, они могутъ отходить для безопасной спянки къ острову Бари, лежащему въ 6 верстахъ отъ берега.

При новомъ оборотѣ торговли нашей съ Персією, именно когда собственно-Русскіе купцы примутъ въ ней непосредственное участіе, на *Ленкорань* должно обратить особенное вниманіе. Онъ можетъ быть средоточіемъ сношеній нашихъ съ Сѣвѣрною и Среднею Персією. Не говоря о самомъ легкомъ переѣздѣ изъ онаго, моремъ, въ Рештъ, и другіе прибрежныя города, онъ пользуется еще весьма удобнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ, съ важнѣйшимъ торговымъ городомъ Персіи, *Тавризомъ*. Туда идутъ отъ *Ленкорана* двѣ дороги, соединяющіяся у *Ардебилля*: одна, вьючная, проходящая къ ягу, чрезъ пограничныя Талышинскія горы; другая арбовая; она простирается сначала къ сѣверу

опъ Ленкорана, на Муганскую степь, потомъ обгибаешь Талышинскія горы, и идешь къ Ардебилу чрезъ мѣстечко Мешкинъ. По первой караванъ доходящъ до Ардебила въ 4, а по последней въ 10 дней.

При учрежденіи въ Ленкоранѣ таможи, надобно имѣть въ виду шри пограничный пунктъ; для предупрежденія шайнаго провоза. Вьючная дорога у Талышинскихъ горъ пересѣкается рѣчкою Аспарою; построенный чрезъ нее каменный мостъ можетъ быть первымъ пунктомъ, гдѣ нуженъ надзоръ таможенной стражи; второй пунктъ лежитъ къ сѣверу отъ Аспары, на день ѣзды; путь есть дорога черезъ горы и другая мимо селенія Сіалалы; по оной важнѣйшее для надзора мѣсто должно быть выбрано у *Лакерскаго* моста, на рѣкѣ Вазару. Третьяго пункта съ шочностию опредѣлить не лзя. По арбовой дорогѣ, границу нашу съ Персією составляетъ рѣчка Одинобазаръ, удобная для переезда, во всѣхъ почти мѣстахъ, слѣдственно путь вдоль рѣчки нужны будутъ разѣзды таможенной стражи. Для мѣстопребыванія оной могутъ служить два селенія близъ Одинобазара, Кирилъ Агачъ и Археванъ. И теперь, идущіе по арбовой дорогѣ караваны всегда останавливаются въ сихъ селеніяхъ, какъ для отдохна, такъ и для запаса фуражемъ и провизією.

Лѣтъ десять тому, чрезъ Ленкорань шла большая, часишь шоваровъ изъ Россіи въ Персію, и обратно; шеперь по эшой дорогѣ ѣздишь шолько Тавризскіе Персіане, шоргующіе съ Астрahanью и Нижнимъ Новгородомъ.— До присоединенія Талышинскаго Ханства къ Россіи, *рахтарная* спашья въ ономъ осшавалась на ошкупѣ за 4000 шумановъ (4000 рублей серебромъ). Съ каждаго вьюка провозимаго шовара взыскивалось по 40 к. серебромъ, на наши деньги, слѣдшневно, по примѣрному исчисленію, можно положить, что чрезъ Ленкорань проходило въ годъ болѣе 45 ш. вьюковъ.

Городъ сей, пользующійся споль выгоднымъ мѣстоположеніемъ, не имѣеть впрочемъ никакихъ удобствъ для храненія шоваровъ; при послѣднемъ нашесшвіи нецрїащеля и самый даже базаръ былъ разрушенъ. Въ семъ случаѣ, учрежденіе здѣсь складочнаго мѣща было-бы весьма важно, какъ для поддержанія шеперешней шорговли, шакъ въ особенності для видовъ на будущее время.

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Миръ съ Персією и Турцією, усиленіе мануфактурной промышленности въ Россіи, и уничтоженіе Закавказскаго шранзипа, должны наконецъ обратить особенное вниманіе нашихъ производителей и капиталистовъ, на сбытъ Русскихъ товаровъ за Кавказомъ и тамошнюю торговлю съ Персією и Азіатскою Турцією. Въ семъ случаѣ, каждый благомыслящій гражданинъ, конечно, приметъ на себя трудъ обстоятельно подумать о средствахъ, коими можно доставить опечестиву новые, обильные источники сбыта, присвоить себѣ торгъ, коимъ завладѣли иностранцы издавѣка, пользуясь правами бывшаго шранзипа, и копорый огражденъ шеперь опъ ихъ покушеній новымъ тарифомъ. Недостатковъ свѣдѣній о Закавказской мѣстности, долженствующихъ послужить основою для подобныхъ соображеній, побудилъ насъ испросить позволеніе печатать въ Телеграфѣ извлеченія изъ достоверныхъ описаній, собранныхъ тамъ на мѣстахъ, подъ распоряженіями бывшаго Губернатора Грузіи, Его Превосходительства, П. Д. Завилейскаго, разными, бывшими при немъ Чиновниками. Надѣмся, что почтенные производители наши оценяютъ, какъ сущность сихъ положительныхъ и достоверныхъ свѣдѣній, такъ и желаніе услужить имъ оными. Предлагаемая шеперь статья извлечена изъ замѣчаній, собранныхъ Г-мъ Надворн. Совѣшн. Григорьевымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, желаемельно, чтобы Русскіе производители подумали наконецъ о патриотическомъ предпріятіи, копорому положено начало учрежденіемъ *Закавказской торговой Компаніи*. Планъ и адресъ сей Компаніи извѣстны

изъ объявленій и спашей, помѣщенныхъ въ Коммерческой Газетѣ, и другихъ повременныхъ изданійхъ. Не должно даже и предполагашъ шой мысли, чтобы почтенныя особы, положившія начало сей Компаніи, искали въ ней какихъ-либо личныхъ прибылей. Единственная цѣль ихъ — дать, хощя начальныхъ средства Русскимъ производителямъ къ торговымъ сношеніямъ, сперва за Кавказомъ-собственно, а потомъ и далѣе. До сихъ поръ, опть взаимныѣ недоразумѣній, не могли бытъ однакожь приведенъ въ исполненіе предпріяшя Компаніи. Конечно, никто не осудитъ благоразумной осмоприщельности въ дѣлахъ коммерческихъ; но и лишняя медленность можетъ бытъ вредна, во всѣхъ отношеніяхъ, для производителей нашихъ. Надобно вспомнить, что соперники наши не дремяють, пока мы думаемъ и не принимаемъ за дѣло. *Изд. Телегер.*

ПЕСЧИНКА.

(Продолженіе).

Самъ не понимая что дѣлаешь, Гюгъ держалъ руку сестры своей, сильно жалъ ее, и говорилъ: «Отвѣчай! Отвѣчай-же, Елена! Невозможно, чтобы ты была виновна... я не вѣрю этому! Говори, Елена! братъ твой умоляетъ тебя! говори, и я заставлю молчать твоихъ клеветниковъ!» Когда-же она, задыхаясь отъ слезъ, молчала, «Развѣ слезы оправданіе?» вскричалъ Гюгъ. «Спрашиваю тебя еще разъ: скажи мнѣ, что они солгали, что ты невинна, что ты еще сестра моя, моя Елена; посмотри на Ансельма: онъ также спрашиваетъ, какъ я... Онъ уже сомнѣвается!» — Сомнѣваешься? — вскричала Елена, какъ будто это слово возвращило ей чувства. — Ахъ! я очень несчастлива, потому что, клянусь тебѣ, братецъ! я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя! — Сія слова облегчили сердце Гюга отъ бремени, тяжко на немъ лежавшаго. Онъ вздохнулъ свободно, обращаясь къ окружающимъ его, и сказалъ: «Ну, что я напередъ зналъ! Видишь, что она невинна»

на ? » — Прекрасное доказательство ! — заговорил все собраніе. Послышался даже коварный смѣхъ. Ансельмъ кусалъ себѣ губы. Гюгъ взялъ сестру свою за руку. « Мнѣ обѣщали предсшавиць свидѣтелей , » сказалъ онъ , удерживая свою ярость — « это должны будутъ сдѣлать сегодня-же ! Проводивъ ее , я возвращусь сюда , и худо будешь тому , кто ложно посвидѣтельствуетъ противъ Елены : онъ дорого мнѣ заплашишь ! »

Оживленный гнѣвомъ , Гюгъ пошелъ бысприни шагами , увлекая съ собою Елену. Тяжкая мысль перзала ее ; она не смѣла оглянуться ; но когда вошла она съ братомъ въ чердакъ свой , на улицѣ Большаго Блага Орла , бѣдная увидѣла , что печальное предчувствіе было справедливо. « Мы возвратились одни , брашець ! » вскричала она , съ выраженіемъ ошчаянія. « Одни ! Ансельмъ не пошелъ съ нами ! » Гюгъ обвелъ кругомъ себя мрачный взоръ . . . подошелъ къ двери , будшо подслушивая , нейдетъ-ли кто нибудь . . . отворилъ окошко . . . смолрѣлъ на улицу . . . не было Ансельма ! « Онъ уже бѣгаетъ ошъ насъ , » проворчалъ Гюгъ , « а я еще не смѣю и подозрѣвать ее ! . . »

— Ахъ ! ты правъ , милый брашець ! — сказала бѣдная Елена. — Повѣрь мнѣ : это клевета , не понимаю къиъ и для чего выдуманная ; это

ищеніе , но за что , не знаю ! Можетъ быть , это ошибка ; ахъ ! вѣрно , это ошибка , ошибка ужасная ! Повѣрь мнѣ . . . на колѣняхъ умоляю тебя ! клянусь тебѣ моголою опіца , чешью , Богомъ клянусь . . . Нѣтъ , милый брашъ мой ! нѣтъ , я не заслужила безчестія , какое сегодня оказали мнѣ люди ! » Говори все это , бѣдняжка , шо бросалась на колѣни , шо сжимала въ объятіяхъ своихъ добраго браша , который ворчалъ сквозь зубы : « Все они говорили , что есть свидѣтели , доказательства . . . Боже мой ! я вѣрю тебѣ , Елена , вѣрю , что ты не виновата ; но для чего же она тебя обвиняютъ ? Никогда не было у насъ ни худыхъ сосѣдей , ни злыхъ враговъ ; они должны-бы уважать насъ , и , напрошивъ , наперерывъ нападають на тебя ! » Елена ломала себѣ руки , схватывала себя за голову , и тогда говорить только одно : « Чѣмъ я прогнѣвала тебя , Боже мой ! что Ты посылаешь мнѣ такое тяжкое наказаніе ! »

Гюгъ хотѣлъ наконецъ оставишь свою сестру , и возвратишься въ собраніе согражданъ своихъ , къ церкви , гдѣ , вѣроятно , она еще толпились , когда вдругъ распорилась дверь , и вошелъ Ансельмъ , блѣдный , убитый , съ мрачными взорами , едва въ силахъ вымолвить что нибудь . Прежде нежели будущій шурицъ его успѣлъ спросишь о причинѣ такого ужаснаго состоянія ,

Ансельмъ взялъ его за руку. «Прощай, братъ!» сказалъ онъ. «Я пришелъ къ тебѣ прогнаться! Немедленно оставляю я городъ. И все, что ты самъ можешь сдѣлать лучшаго, оставь и ты его, бѣги куда нибудь! я все узналъ; все слишкомъ явно доказано: сестра пивоя обманула насъ обоихъ!» Горестно заплакала Елена. Ансельмъ спѣшилъ выйти; но Гюгъ удержалъ его за руку. «Ты не шутишь, Ансельмъ?» сказалъ онъ.

— Боже мой! я самъ видѣлъ деньги, которыя дали этому маленькому Фрицу, чтобы онъ молчалъ!..

«Но что за связь между этимъ ребенкомъ и пресупленіемъ сестры моей?»

— Фрицъ видѣлъ вчера этого мерзавца, когда онъ приходилъ безъ насъ къ Еленѣ!..

«Какое безстыдство!» вскричала Елена.

— Поздно оправдываться, судариня! Весь городъ васъ обвиняетъ: не хопящъ васъ видѣшь, не хопящъ бытъ съ вами, пока вы не оправдаетесь. Но знаете-ли вы, чего спойащъ мнѣ разлука съ вами. . . Я любилъ васъ, любилъ искренно. . . Но я не хочу бытъ мужемъ шакой дѣвушки, у которой первый любовникъ не будетъ мужъ ея.

«Ансельмъ! подумай о томъ, что ты гово-

ришь!» сказалъ Гюгъ. «Ты отказываешься отъ руки Елены?»

— Да, и очень знаю, что я дѣлаю! Довольно наслушался я сегодня... голова у меня кружилась, сердце мое разрывается! я бѣгу отсюда. Ту, коюрой передамъ я имя свое, люди должны уважать!

«Ахъ, господинъ Ансельмъ! И вы также могли подумать, что я виновна!»

— Пропивъ правды и явной улики нечего говорить! Всѣ порядочные люди обвиняютъ васъ.

«Знаете-ли вы, сударь,» сказалъ Гюгъ, удерживая гнѣвъ свой, «знаете-ли, что я больше имѣю довѣренности къ одному слову сестры моей, нежели къ болшовнѣ всѣхъ эшихъ порядочныхъ людей?»

— А я думаю — сказалъ Ансельмъ — что безъ доказательствъ, и безъ причинъ, цѣлый городъ не обвинялъ-бы сестры вашей. Развѣ деньги, данныя Фрицу, не доказательство? Спросите самого Фрица, о чловѣкѣ въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ... слышите-ли вы, Елена: чловѣкѣ въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ! Нечего говорить болѣе — прощайте — все кончено!

«Мы еще увидимся, Ансельмъ?»

— Никогда! — Это было послѣднее его слово.

Гюгъ еще хотѣлъ остано­вить его, но Ансельмъ захлопнулъ за собою дверь.

« Послушай, Ансельмъ! Неужели мы такъ раз­спанемся съ побою? » кричалъ Гюгъ , ошворивъ за нимъ дверь — но Ансельмъ былъ уже да­леко.

— Я не переживу этого! — вскричала Еле­на. — Ахъ! я вижу , что онъ не любилъ меня. . .

III.

И С П Ы Т А Н І Е В З О Р О М Ъ .

Если ты боишься говорить, то, по крайней мѣрѣ, посмотри на меня. . . Не сказывай мнѣ своей тайны — я прочишаю ее въ глазахъ швожъ!

Фердинандъ Вилльиёвъ, *Рукописе
старого Маестра.*

Бѣгите всѣ въ спариннымъ ворошамъ; смотрите на блестящій поѣздъ!

Викторъ Гюго.

Изъ всѣхъ ударовъ, поразившихъ сердце бра­та Елены , разлука съ Ансельмомъ была самымъ чувствительнымъ ударомъ. Въ порывѣ гнѣва , Гюгъ бранилъ его , вслухъ называлъ злымъ , не­благодарнымъ , но тайный голосъ въ сердцѣ его оправдывалъ друга. « Ансельмъ , » думалъ про

себя Гюгъ , « уступилъ не пустой болтовнѣ со-
сѣдей ; онъ не искалъ только предлога , чшобм
разорвать всѣ связи съ шоварищемъ своихъ прудовъ , другомъ своего дѣшесва , своимъ бра-
номъ ; вѣшъ ! Когда весь городъ возопилъ ,
и погналъ невѣспу его изъ круга честныхъ лю-
дей , онъ изгналъ самого себя , какъ будшо
спидъ ея падалъ на его голову ! Онъ спрадаешъ
за безчеспіе семейства , которое еще не его
семейство . Онъ кажется самому себѣ презри-
пельнымъ , когда презирающъ его невѣспу ! Злой
человѣкъ присоединилъ-бы свой голосъ къ обви-
нишелямъ Елены ; неблагодарный оспался-бы въ
шомъ городѣ , гдѣ всѣ его любили , всѣ знали ,
гдѣ легко могъ онъ найдши другаго шоварища
и другое ушѣшеніе . Его привычки , его личная
польза , все удерживало его здѣсь , и онъ все
оспавилъ . Удалишся , бѣжашъ такимъ образомъ ,
надобно было сильное убѣжденіе , а послѣ убѣж-
денія совершенное ошчаяніе , пошому что Ан-
сельмъ честенъ . А слезы , которыя шщешно спа-
рался онъ скривашъ , довольно свидѣшельству-
ющъ за его сердце ! » Елена не могла рассу-
ждашъ шакимъ образомъ , и пришомъ только она
знала , какъ безбожно и несправедливо ее вини-
ли ! Но можно-ли оспоришъ обвиненіе , когда всѣ
убѣждены въ непобѣдимой силѣ доказательствъ
прошивъ Елены ?

Іюль 1832.

19

Послѣ долгаго молчанія, прерываемаго только рыдающими молодой швев, сидѣвшей въ уголку чердака, на котораго братъ ея отвѣчалъ отъ времени до времени глубокими вздохами, Гюгъ началъ опять говорить.

« Въ послѣдній разъ, сестра! » сказалъ онъ, угрюмо взглянувъ на Елену — « въ послѣдній разъ скажи мнѣ: виновна ты, или невинна? » Елена хотѣла отвѣчать. « Основанись! » сказалъ Гюгъ. Онъ отворилъ дверцы стариннаго, огромнаго шкафа, взялъ на полкѣ его шелстую книгу, переплещенную въ пергаментъ, и показалъ ее сестрѣ. « Ты знаешь эту книгу, » сказалъ Гюгъ: « это *Библия*, по которой отецъ училъ насъ читать. Всякая клятва, данная передъ такимъ свидѣтелемъ, вписывается тамъ, и тяжело упадетъ на насъ при послѣднемъ пришествіи Бога, если мы клялись несправедливо! Понимаешь-ли ты, что значитъ поклясться надъ сею книгою, здѣсь, на этой страницѣ, гдѣ означенъ день своего рожденія, поклясться въ томъ, что на швоей душѣ нѣтъ грѣха? » Елена вдругъ ошерла глаза свои, и твердымъ голосомъ отвѣчала: « Понимаю, и готова поклясться! » Устремивъ взоръ свой на глаза сестры, Гюгъ, слово за словомъ, сказывалъ клятву, и Елена повторала всѣ слова оной, не блѣднѣя.

«Теперь,» сказала Гюгъ, «мнѣ нѣтъ надобности въ чужомъ свидѣтельствѣ; но Ансельма долженъ я убѣдишь въ своей невинности. Я пойду теперь, Елена, пойду спрашивать ихъ, кто говоритъ, что у нихъ есть доказательства. Не бойся ничего. Я не разсержусь! Хладнокровно взвѣшу всѣ ихъ слова, узнаю источникъ клеветы, и обещаю тебѣ быть спокойнымъ до ихъ поръ, пока найду виновника иво-его безславія!» Разувѣривши сестру свою, долго не смѣвшую опустить оиъ себя брата, ибо она спрашивалась всего, Гюгъ опправился.

Первое дѣло его было сыскашь Фрица. Онъ нашелъ наконецъ этого мальчика, въ шолпѣ дѣшеѣ, и началъ допрашивать. Шалунъ сколько разъ повторялъ со вчерашняго дня, что онъ очень хорошо видѣлъ, какъ прекрасный незнакомецъ, въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ, вышелъ оиъ дѣвицы Елены, что и теперь не разсудилъ за благо опираясь оиъ своихъ словъ. «Хорошо,» сказалъ Гюгъ, «узнаешь-ли ты этого человѣка, если увидишь его еще разъ?»

— Узнаю-ли? Почему-же мнѣ это знашь — отвѣчалъ Фрицъ, въ досадѣ, что ему мѣшали продолжать игру съ товарищами.

«Но, вѣдь ты сказываешь, что говорилъ съ нимъ?»

— Разумѣется, что если-бы онъ опять спалъ говоришь со мною, но я узналъ-бы его. . . Да, не мѣшайше-же мнѣ! Вы видите, что шеперь моя очередь— вѣдь я этакъ промахнусь!—Фрицъ игралъ въ кегли съ поварицами.

«Теперь я себя осшавлю. Но завпра ты должень идши со мною.»

— Куда-же, господинъ Гюгъ?

«Завпра ты узнаешь объ этомъ.»

Не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ словъ ребенка, но не смѣя допустить и малѣйшаго сомнѣнія о невинности сесшры своей, Гюгъ мгновенно сошавилъ себѣ планъ дѣйствій, который рѣшился въ тоже время акрыть ошъ своей сесшры. Онъ возвратился къ ней. Видѣ его былъ спокоень. Елена подумала было, что онъ оправдалъ ее передъ обвинителями.

«Ну, что, милый братецъ?»

— Ничего, Елена. Я узналъ всѣ свидѣтельсшва противъ тебя. Успокойся. Все это скоро кончштся.

«Ахъ, дай Богъ! Посмотри: вотъ письмо ошъ Ансельма. Я не вѣрила уже его дружбѣ, но я ошибалась. Посмотри, прочитай, и ты увидишь, что онъ также достоинъ сожалѣнія, какъ и мы.»

Гюгъ взялъ письмо, распечатаише его сесшрой, и чшпалъ:

« Вошь уже два часа , какъ я оставилъ нашъ городъ , два часа , какъ я сижу , думаю , горю . Братъ мой Гюгъ проспипъ мнѣ , что у меня недоспало спать оспашься , и помочь ему объяснишь это несчастное дѣло . Мнѣ невозможно было жить долѣе въ томъ мѣстѣ , гдѣ безпрепятственно могъ я слышать вокругъ себя : « Вошь Ансельмъ , обманушый женихъ ! » Отправляюсь въ путь , куда нибудь далеко , гдѣ ни отъ кого ничего не услышу я о преступленіи Елены — преступленіи *мнимомъ* — хотѣлъ я сказать . Теперь , когда меня не оглушаютъ крикомъ своимъ сосѣди , когда я облегчилъ сердце свое слезами , все прежнее пришло мнѣ на память ! Я вспомнилъ обо всѣхъ своихъ заботахъ для меня , о дружбѣ , какую показывалъ мнѣ , въ печеніе пяти лѣтъ ; вспомнилъ , что вчера еще хотѣлъ сдѣлать для меня Гюгъ ; вспомнилъ даже о галстухѣ , вышитомъ Еленой , и говорю самъ себѣ то , что всегда долженъ-бы я былъ говорить : « *Невѣста моя , сестра добраго моего Гюга , не можетъ быть виновна !* » Но , мнѣ должно признаться : на минуту я повѣрилъ было ея преступленію ! Да проспипъ она меня ! Что-жь мнѣ было дѣлать ? Я стоялъ передъ свидѣтелемъ , кошорому дали деньги , за то , что-бы онъ молчалъ , и кошорый говорилъ шакъ явно ! Богъ знаетъ , откуда взялись эти флорины , видѣнные мною у сосѣда Егора ! Онъ шакъ

любишь гулянь , что не могъ скопншь самъ подобной куци денегъ , и онъ шакъ чеспень приномъ , что не спалъ-бы лгать ; да и къ чему лгать Егору ? . . Но , вошь опять попалъ я въ эшо несчастное сомнѣнїе... Нѣтъ! общаю вамъ , что никогда болѣе не шану я думать объ эшомъ проклятомъ дѣлѣ! Друзья мои! — всегда буду я называшъ васъ шакъ , а не иначе — Друзья мои ! когда шолько уцвержусь я въ какомъ нибудь мѣспѣ , шо извѣщу васъ немедленно. Думаю , что и вамъ , шакъ-же , какъ мнѣ , не лзя болѣе оспавашься на родинѣ. Получивъ мое увѣдомленїе , прїѣзжайше ко мнѣ. И въ другомъ городѣ можемъ мы осущесшвшшь все , что думали сдѣлашь въ О * * * . О *прошедшемъ* , мы никогда , и ничего говорншь не станемъ. Я буду всякій день молишься Господу Богу , чтобм онъ далъ мнѣ силы забышь все , что было и не было. Пожелайше мнѣ швердосши духа ; мнѣ нужна швердоссть духа , а вамъ она еще нужнѣе , если вы оспавешесь въ шомъ мѣспѣ , гдѣ , какъ я думалъ нѣкогда , ннкто изъ насъ не покращѣшь прн взглядѣ сосѣда. »

— Мы повдемъ къ нему , милнй , брашъ ! не правда-ли ? — сказала Елена , когда Гюгъ прочелъ письмо Ансельма.

« Да , » опивѣчалъ онъ — « и когда сестра моя будетъ оправдана , » прибавилъ къ эшому Гюгъ шнхо.

Хорошо обдумавъ планъ своихъ дѣйствій , и положивъ не говорить о немъ ни слова сестрѣ своей , Гюгъ взялъ книгу , чтобы опдалаешь всякій разговоръ , и началъ читать вслухъ . Сидя подлѣ окна , но не смѣя изъ него выглянуть на улицу , Елена слушала въ молчаніи чтеніе своего брата . Сильно билось ея сердце , и слезы , отъ времени до времени , навертывались на ея рѣсницахъ , особливо , когда она слышала молодыхъ подругъ своихъ , которыя шолпами шли на танцы , и весело пѣли . Въ это время , Еленѣ было очень тяжело . « Кто изъ нихъ могъ-бы бышь веселѣе , счастливѣе меня ! » думала Елена . « И между пѣнь , онѣ смѣются , поютъ , а я ? Ахъ , Боже мой ! чѣмъ я себя прогнѣвала ! »

Такъ прошелъ весь этотъ грустный день . Назавтра , ушромъ , Гюгъ отправился , по обыкновенію , будшо-бы на свою работу . Но , вмѣсто того , онъ явился къ ошцу и матери Фрица .

« Вашъ сынъ , » сказалъ онъ , « былъ причиною всего зла ; онъ долженъ пособишь мнѣ исправить это зло . По числу денегъ , какое безчестный клеветникъ Елены далъ Фрицу , надобно думать , что это богачшій человекъ , а по одеждѣ , какъ замѣнилъ ее Фрицъ , полагаю , такъ , какъ и вы , что это былъ знатный человекъ , вѣроятно — придворный Ландграфа . Позвольте-же мнѣ

взять съ собою Фрица. Я пойду, и спану съ нимъ караулишь у Дворцовыхъ вѣрошъ. Буду шамъ сперечь каждый день, каждый часъ, наблюдая за всѣми, кто входитъ во Дворецъ, и кто изъ него выходитъ. Богъ умилосердится надъ моею горесшью, и я увѣренъ, что наконецъ я узнаю моего врага, и — если-бы эшо былъ самъ Свѣшлѣйшій Ландграфъ нашъ, Максимилианъ — онъ долженъ будешъ поржественно признашся, что сеспра моя нагло оклеветана!

— Эхъ, господинъ Гюгъ! Поберегите себя — сказала мамъ Фрица — вѣдь, если эшо какойнибудь сильный человекъ, не нажишь-бы вамъ бѣды.

«Бѣда, или самая смерть» — ошвѣчалъ Гюгъ, холодно — «но никакая человеческая сила не воспрепятствуетъ мнѣ сдержашъ кляшвы, данной мною моему опцу. Я клялся соблюсти честное имя сеспры моей; могъ-ли я ошвратишь клевету? Нѣтъ! Но мой долгъ сыскашъ пеперь клеветника, гдѣ-бы онъ ни былъ, кто-бы онъ ни былъ, и уличишь его!»

— По крайней мѣрѣ — сказала робко бочариха — пожалуйше, не вѣшивайте въ эшу исторію насъ. Не наша вина, если у сесприцы вашей ешь такіе знашние, богашие знакомци... Мы

— Я буду молчать, любезный сосѣдь, но вы допомошь все мнѣ расскажете, пошому, что я принимаю искреннее учасіе въ вашемъ горѣ... Такой прекрасный молодой человѣкъ! Ахъ! Господи! Ну! кто-бы подумаль!

« И такъ, вы обѣщаете мнѣ молчать, любезная сосѣдка? »

— Положитесь на меня, такъ, какъ я полагаюсь на васъ, въ поможъ, что вы мнѣ все попомошь расскажете.

« Охошно, и ничего не буду скрывать, кромѣ того, что можешь повредишь предположенному мною плану.

Утро въ замкѣ Ландграфа начиналось. Фрицъ, котораго, подъ спрахомъ жестокаго наказанія, заставили дать слово, что онъ никому не скажетъ о причинѣ упренной прогулки своей съ сосѣдомъ, отправился съ Гюгомъ къ верошамъ Ландграфскаго Дворца.

Придворные, одинъ за другимъ, собирались во Дворецъ. Камеръ-лакеи бѣгали и перебѣгали. Шумъ и движеніе показывали, что повеліишель замка проснулся. Успремиръ неподвижные глаза на главную дверь парадныхъ стѣней, Гюгъ безпреспанно подзываетъ къ себѣ Фрица, игравашаго неподалеку отъ него, указывалъ ему на кажды-

го, вновь появлявшагося придворнаго, и каждый разъ, сказавъ: «Нѣтъ! эшо не онъ!» Фрицъ сѣвшилъ къ своимъ игрушкамъ.

Послѣ чепырехъ часовъ ожиданія, или, лучше сказамъ, чепырехъ-часоваго спраданія, по-тому, что происходившее въ душѣ Гюга было для него мученіемъ нестерпимымъ, Ландграфъ вышелъ изъ своего Дворца, сопровождаемый шюпю придворныхъ. Гюгъ держалъ въ это время Фрица подлѣ себя, и показывалъ ему поспешенно на всѣхъ окружавшихъ Ландграфа. Максимилианъ сѣлъ на лошадь первый. Трепеща указалъ на него Гюгъ. «О, нѣтъ! эшо не онъ!» ошвѣчалъ Фрицъ.

— Не эшошъ-ли? (эшо былъ Рудольфъ Гацфельдъ).

«Нѣтъ!» повшорилъ Фрицъ,

— Не эшошъ-ли? (эшо былъ Баронъ Вальбекъ).

«Нѣтъ!» сказалъ снова Фрицъ.

— Не эшошъ-ли? — Эшо былъ Графъ Ошпону. Но на немъ не было шогда плаща съ бархашнымъ воронникомъ, и Фрицъ опянь сказалъ: нѣтъ, какъ говорилъ онъ обо всѣхъ предшествовавшихъ Ошпону, и какъ ошвѣчалъ при вопросахъ обо всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ.

Лошадь Ландграфа пустилась въ галопъ; всѣ придворные поскакали за нимъ, и вскорѣ вся свита, и Ландграфъ, исчезли изъ глазъ брата Елены. «Пойдемъ домой!» сказалъ онъ Фрицу. «Но придемъ еще завтра,» прибавилъ Гюгъ спокойно.

Ошъ завтра до завтра, восемь дней прошло; но Гюгъ не могъ отыскать челоука, котораго искалъ съ такою настойчивостью. Уже онъ начиналъ опчаяваться въ успѣхъ своего предприятия. Между тѣмъ негодование, возбужденное противъ сестры его, не утихло; приключеніе 45-ти флориновъ все еще составляло безпрерывный предметъ разговоровъ для жителей города; машери продолжали приказывать дочерямъ своимъ не говорить съ Еленою; молодые люди не пересматривали смотрѣть на нее насмѣшливо, едва только бѣдная дѣвушка показывалась на улицѣ; начиналось шептанье, когда она входила въ лавку, и сидѣльцы едва удоспоявали ее словомъ, когда она торговала у нихъ что нибудь. Всегда со слезами возвращалась она на свой чердакъ. Каждый вечеръ говорила она брату: «Мы скоро уѣдемъ отсюда, не правда-ли?... Я не могу жить здѣсь долѣе. Чувствую, что мнѣ не вытерпѣть этого долгое время: это выше силъ моихъ!» И каждый вечеръ братъ отвѣчалъ ей: «Еще одинъ день, Елена! Ободришь: по-

ко одинъ день еще осмѣешь шебѣ плакать!» Онъ спарался льспить сеспру свою надеждоу, копорѣю льспилъ самъ себя, коша надежда эта не исполнялась. Въ восьмой день Гюгъ сказалъ самъ себѣ: «*Сегодня* опкрою я моего врага, или это будетъ доказательствомъ, что онъ не находится при Дворѣ Ландграфа!» Съ ушра опправился онъ съ Фрицомъ, на обыкновенное мѣсто свое, подлѣ главнаго входа во Дворецъ; но на сей разъ не позволилъ Фрицу опходить опъ себя. «*Вопъ,*» сказалъ онъ ребенку, и видишь-ли ты эпощѣ шалеръ? Онъ будетъ швой, и машь не опнимешъ его у шебя, если ты будешь говоришь каждому изъ господъ, на копорого я укажу: *Маменька благодаритъ васъ за ваши флорины!*» Глаза Фрица заблнспали опъ радости, когда онъ увидѣлъ новенькій шалеръ, блнспавшій въ рукахъ Гюга. Онъ общалъ говоришь слова, какія ему приказывали, и, двнспншнтельно, едва шолько приближался какой ннбудъ молодой придворный, по знаку Гюга Фрицъ бнжалъ къ нему на вспрѣчу, и говорилъ: «*Маменька благодаритъ васъ за ваши флорины.*» Многие думали, что мальчишка одурѣлъ, смѣялся, и шли своею дорогою. Но одинъ изъ придворныхъ опстановился, при словахъ Фрица, съ усмѣшкою посмощрѣлъ на него, смскалъ въ жарманѣ монешу, и сунулъ ее въ руку ребенку. Гюгъ задрожалъ, смощрѣлъ внима-

тельно, и хотя Фрицъ и молодой эпошъ придворный были опъ него опдалены на нѣсколько шаговъ, но онъ яено услышалъ слова знаменитой особы: «Ахъ! шалупъ! Ты все разболталъ! Но, шакъ и быпъ; мнѣ хощѣлось не скромносимливоей; возьми себѣ вопъ эпо, но въ другой разъ будь скромнѣ!» Опшонъ — эпо былъ Опшонъ на сей разъ — поспѣшилъ послѣ того во Дворецъ. Но Гюгъ шакъ хорошо замѣнялъ его, что яе могъ уже никогда попомъ опознашься въ немъ. Судите о чувсвахъ добраго брата, когда онъ, лицомъ къ лицу, увидѣлъ и узналъ клеветника Елены: онъ чувствовалъ, что вся кровь кипѣла въ его жилахъ, что его руки дрожали. Гюгъ гошовъ былъ удавишь злодѣя на мѣспѣ! Но онъ умѣлъ скрись свое движение: нурукопашный бой долженъ былъ предложить Гюгъ, для опмщенія чести сестры своей. Онъ понималъ, что бесполезный шумъ, и насиліе, не загладишь зла, причиненнаго Еленѣ. Гюгъ удержался, и опдалъ Фрицу шалеръ, когда пошъ съ радостью прибѣжалъ къ нему, говоря: «Вопъ вамъ молодой господинъ, въ плащѣ, съ бархатнымъ ворошникомъ!»

— Хорошо! — опвѣчалъ Гюгъ. — Теперь можешь шы идти играть. Ты мнѣ болѣе не надобенъ! — Фрицъ не заставилъ повворяишь себѣ энихъ словъ два раза. Пригая, побѣжалъ онъ къ

матери, сказавъ, что говорилъ съ богатымъ, хорошимъ господиномъ, который пригоршнями даетъ флорины дѣтямъ:

Для плана Гюгова необходимо надобно было удалитъ ребенка, когда онъ дастъ ему средства узнать господина въ плащѣ, съ бархатнымъ воронникомъ. Гюгъ не хотѣлъ въ присутствіи его спрашивать у часоваго объ имени своего врага. Это имя надлежало сначала знать только одному Гюгу, дабы хладнокровно соразмѣришь свое мщеніе съ важностью лица своего прошивника. Съ самаго начала, онъ рѣшился сразиться съ нимъ, каково-бы ни было званіе его при Дворѣ Ландграфа. Нѣсколько часовъ ходилъ Гюгъ передъ входомъ во Дворецъ, подстерегая, когда появится снова врагъ его. Наконецъ явился эпитъ клеветникъ сестры Гюговой, со многими другими придворными. Часовые отдали имъ честь, и когда эпитъ пошла придворныхъ удалилась на нѣсколько шаговъ, Гюгъ приблизился къ часовому, и спросилъ: кто шаковъ, вопиъ эпитъ знаменитый господинъ, который отдалился онъ другихъ, и пошелъ въ боковую аллею? — « Это Его Сіяшельство, Графъ Ошпонъ фонъ-Шпультгенъ, первый Минисръ Его Свѣплости, Ландграфа, » отвѣчалъ часовой.

— Первый Минисръ! — повпорилъ Гюгъ, съ чувствомъ радости и негодованія — первый Ми-

нистръ! Ну! пусть онъ будешь *первый Министръ!*.. Спасибо, пришелъ! — И гордый своимъ открытіемъ, Гюгъ отправился на свой чердакъ.

Онъ скрывалъ всѣ свои поиски ошъ Елены; онъ промолчалъ также и объ открытіи своемъ. Гюгъ рѣшился, не начиная еще говорить и дѣйствовать, имѣть неоспоримое доказательство, что сестра его не участница первого Министра. Увѣрительный видъ, веселый тонъ, какой замѣненъ былъ у Оштона, во время разговора его съ Фридомъ, могли найдши въ сердцѣ Гюга путь къ тайному сомнѣнію въ невинности Елены. Клятва надъ Библіею, конечно, не изгладилась еще въ душѣ брата ея. «Но,» думалъ Гюгъ, «можетъ быть, сестра моя, устрашенная великостью преслупленія, въ ту минуту, когда потребовалъ я признанія, не нашла въ себѣ довольно силъ выдержать гнѣвный взоръ своего брата; можешь быть, она подумала, что искреннее раскаяніе достаточно будешь изгладить грѣхъ ложной присяги!» Рѣшась узнать совершенную истину, Гюгъ легъ спать, но не спалъ. Всю ночь обдумывалъ онъ тысячи плановъ. Наконецъ, испытаніе самое простое, но слѣдствія коего не могли быть сомнительны, представилось уму его. Онъ почелъ эшо мыслью, непославною къ нему свыше, и положилъ увѣриться въ истиннѣ на слѣдующій-же день.

«Трубите въ рога, гошовыше своры, полюбимъ по слѣдамъ ихъ, мои добрые охотники! Надобно оплечиться предъ дамами!» Такъ говорилъ Максимилианъ XXIV-й; возбуждая своихъ молодыхъ придворныхъ, и безъ того уже оживленныхъ присутствіемъ всего, что почтительно самымъ щегольскимъ и прекраснымъ между дамами Двора Ландграфа. Прелестно одѣтые, въ модныхъ амазонахъ, Принцесса Клеменшина и придворныя дамы, скакали на лихихъ лошадяхъ, среди толпы придворныхъ, наряженныхъ въ щегольскія охотничьи плащья. Лай собакъ, ржаніе лошадей, крикъ охотниковъ, сопровождавшихъ Припца и его свиту, пробудили рано и внезапно добрыхъ обитателей города О***, жившихъ около Дворца. Было еще около шести часовъ утра.

«Дворъ поѣдешь на охоту,» говорили тѣ, которымъ нечего было дѣлать. «Надобно одѣваться, и идти смотрѣть на охоту Его Свѣшлосши.»

— Надобно идти, посмотрѣть, какъ охотится Его Свѣшлоспѣ—сказалъ братъ Елены.— Вошгъ, уже давно, какъ ты лишена всякаго удовольствія; пойдемъ: эщо разсѣпѣ тебя немного. — Елена сначала отказывалась; но какъ эша прогулка входила въ планъ брата ея; шо онъ рѣшишельно насцаивалъ. Привыкнувъ

Іюнь 1832.

20

слушаться его, Елена согласилась, хотя никакое развлеченіе не могло развеселить ея сердца, расперзаннаго удаленіемъ Ансельма.

Гюгъ испытывалъ чувство страха, начиная испытаніе, которое могло разрушить всю надежду его на ищеніе. Но, рѣшась на всѣ опасности веровой бѣснвы, для возмездія за позоръ, нанесенный невинной сестрѣ его, онъ рѣшилъ въ это время: что дѣлать, если Елена его окажется виновною? «Ни одного упрека не услышишь она отъ меня; я не скажу ей ни одного слова; но, я удалюсь тогда отъ нея! Поѣду, сыщу Ансельма, и съ нимъ вмѣстѣ спаву оплакивашъ наше посрамленіе!.. Елена не увидишь меня болѣе, никогда не увидишь! Что касается до капишала, сбереженнаго мною на ея приданое — я все оставлю ей! Съ эшимъ пособиемъ, можетъ она переѣхать куда нибудь, и дожишь честно оспальной вѣкъ свой, въ такой споронѣ, гдѣ никто не будетъ знать ея безславія...» Таковы были предположенія добраго ремесленника. Не смотря на испытанную швердосць своего характера, онъ прешалъ, прѣблжаясь къ шому мѣшпу, гдѣ назначень былъ съездъ охотниковъ: здѣсь должно было совершиться судьбѣ его! Моженъ бышь, ему должно будетъ сказанъ здѣсь, навсегда, сестрѣ своей, предмету любви и стараній его: *прости! Да,*

онъ смущался невольно , и , не въ состояніи преодолѣть своего чувства , схватилъ руку Елены судорожнымъ движеніемъ .

Печальная , недовольная шѣмъ , что ее противъ воли принуждали принять участіе въ разсѣяннѣ , когда каждый шагъ по улицѣ города стоилъ ей дорого , Елена остановилась съ безпокойствомъ , замѣшивъ смѣшеніе своего брата . « Здоровы-ли ты , Гюгъ ? » спрашивала она . « Ворошимся домой . Что намъ за радость , идши сморщивъ придворную охоту ? Клянусь тебѣ , что у меня вовсе нѣтъ на это желанія ! » При словахъ : « Ворошимся домой , » Гюгъ едва не гешовъ былъ пошчасъ ворошиться ; но сомнѣніе , шревожившее его , было ужасно : онъ хотѣлъ рѣшить судьбу свою , и лучше вытерпѣть Божіе наказаніе до конца , и умереть попіомъ съ опечалнн и позора , нежели спраданъ въ сомнѣніи и неизвѣстности . Оправясь кое-какъ , пробормоталъ онъ нѣсколько словъ , желая оправдаться передъ Еленою свое смущеніе , и продолжалъ идши , говоря : « Миѣ надобно немного развлечься ; тебѣ шакже... это будетъ полезно... увидишь , что мы возвратимся домой счастливые и веселѣе... »

— Счастливіѣ ! — повшорила Елена , со вздохомъ . — Нѣтъ ! не здѣсь мое счастье !

«Разумѣется — *можетъ быть!*» возразилъ братъ ея, боясь, не сказалъ-ли уже слишкомъ много, ибо онъ не хотѣлъ, чинобы Елена подозрѣвала цѣль ихъ прогулки. По расположенію Гюга, для полнаго испытанія, Елена должна была печально увидѣть своего клеветника, или... участника въ преступленіи!

Уже давно началась охота Ландграфа и Двора его, когда братъ и сестра пришли въ ближній лѣсъ. Звукъ роговъ охотничьихъ, и выстрѣлы, вдалекѣ сверкавшіе, руководили пушеть ихъ въ эпомъ лѣсу. Но шумъ утихъ наконецъ въ глубинѣ лѣса, и Гюгъ остановился на перекресткѣ, не зная, куда ему идти. Тамъ нѣсколько придворныхъ, изъ свиты Принца, проскакали мимо. Сдерживая горячую свою лошадь, Рудольфъ Гацфельдъ пріоспановился, взглянулъ на Елену, сказалъ: *Voilà une jolie fille!* и далъ шпоры лошади: Но сопутникъ его сдержалъ лошадь свою подлѣ Гюга и Елены. Гюгъ чувствовалъ, что холодъ пробѣжалъ по его жиламъ: это былъ Графъ Оппюнь! Елена, пошупившая глаза при мимолетномъ комплиментѣ молодого придворнаго, подняла ихъ на другаго, котораго, казалось, хотѣлъ что-то сказать ея брату. Гюгъ не сводилъ глазъ съ лица Елены, и не замѣтилъ на немъ никакого смущенія и чувства. «Поберегись, друзья мои!» сказалъ Гюгу

Минялись. «Его Святлость сей часъ здѣсь по-
ѣденъ, и лошади могушь ушибить васъ.»

— Благодаримъ, М. Г. — отвѣчалъ Гюгъ,
хладнокровно.

Сказашъ что нибудь еще, Гюгъ не имѣлъ силы.
Сердце его сильно билось отъ радости. Елена
схватила брата своего за руку; они отошли въ
спорону, и весь Дворъ проскакалъ мимо ихъ. Но
едва охота миновала шось лужокъ, гдѣ оста-
новились Гюгъ и сестра его, какъ братъ Елены
поднял руки къ небу, и вскричалъ: «Благода-
рю Тебя, Боже мой! Сестра моя невинна!»
Елена не понимала, отъ чего происходилъ бла-
гочестивый воспоргъ ея брата; но еще болѣе
изумилась она, когда Гюгъ горячо обнял ея,
и воскликнулъ: «Проси! я все еще подозрѣ-
валъ себя!»

— Но, почему-же теперь ты знаешь, что
подозрѣнія твои были несправедливы?

«Я узналъ неоспоримое этому доказатель-
ство. Тотъ, кого ты видѣла, кно разговари-
валъ съ нами... это онъ, это нашъ врагъ! Я
подглядывалъ за твоими взорами, я прислуши-
вался къ твоему дыханію, и во взорахъ тво-
ихъ я видѣлъ шолько чистоту души твоей, и
голосъ твой былъ спокоенъ, какъ голосъ невин-
ности... Еще разъ — проси меня, Елена: мнѣ

надобно было это испытаніе , для того , чтобы и могъ существовать... Вотъ уже девятый день , какъ я не живу ! . . .

Узнавъ , что была такъ близко подлѣ чело-
вѣка , опозорившаго ея доброе имя , Елена едва не лишилась чувствъ . Это было дѣйствіе раз-
судка послѣ опасносни . « Мы сей часъ воро-
ннися домой , » сказалъ ей братъ ея . « Те-
перь надобно избавишь тебя отъ мученія жить
еще въ О*** . Моего убѣжденія не могу я пере-
дашь мовѣ сосѣдамъ , цѣлому городу , и пошо-
му долгъ мой избавишь тебя отъ несправедли-
ваго ихъ презрѣнія . Сегодня-же , вечеромъ , я
провожу тебя во Франкфуртъ , къ дядѣ Фурциу .
Слухъ о нашемъ несчастіи еще не дошелъ до
него . Я найду какой нибудь прелогъ , и оста-
влю тебя у него на вѣсколько дней . Эти дни...
будь спокойна... я унопроблю съ пользою... Ты
вскорѣ возвратишься сюда , ты возвратишься
требовать того уваженія , которое никогда не
должны были нарушать къ тебѣ ! . . . »

Елена согласилась на все , что говорилъ ей
братъ . И въ пошъ-же вечеръ , она была во Франк-
фуртъ , а первый Министръ получилъ учтивую
просьбу : позволишь слесарю Гюгу Ишвенну ,
явиться къ нему завтра , на особенную аудіен-
цію .

IV.

Аудіенція.

Подойди... чего ты потребуешь? — Правосудія!..

Байгоцъ, *Марина Фаллеръ.*

... И вѣдай брашь — я, я, прѣхавшій сюда, вооруженный мощь правомъ съ шверымъ намфреніемъ — сорвашь маску съ злодѣя, кровавымъ черпачкомъ изобразишь душу его на лицѣ его! И вѣдай злодѣй — съ....

Вомарше, *Записки.*

Обиначеніемъ еполицы Ландграфа различно извѣстали возвращеніе супруги Ландграфовой въ замокъ О***. Люди, доброе другихъ, полагали, что причиною этого было возвращеніе вѣжності Максимиліана къ Принцессѣ; снаре, зме холосняки спорили напрошивъ, что это была просто прихоть женщины, захотѣвшей разсердить своего мужа упрямствомъ. Нѣкоторые изъ дамъ, желавшія, чтобы Принцесса никогда не возвращалась, все относили къ забавной ея ревнивости. Но мѣщане, купцы, ремесленники, не участвовали въ интригахъ Двора; а самый Дворъ вообще имѣлъ глупость думать, что Ландграфиня возвратилась только для того, чтобы присущствіемъ своимъ удержавъ сшарыхъ, угрюмыхъ дворянъ, которые хотѣли ухватъ въ свои помѣстья, раздраженные оскорбленіемъ

какое нанесено было ихъ шариннымъ домамъ обыскомъ , въ ночь пиршества Ландграфа. Мы сказывали уже чипашелямъ нашимъ , что Рудольфъ , и его шаловливые шоварищи , дерзнули искасть двадцапи-шеспи лѣшняго Минисира , безыменнаго выскочку , какъ называлъ его Баронъ Редельгеймъ , даже въ будуарахъ спыдливыхъ Герцогинь и скромныхъ Баронессъ , изъ копорыхъ у иной было по 15-ни , и по 20-ни извѣспныхъ предковъ въ родословной.

Мы сказали , что Опшона называли иныи *выскоккою безыменнымъ* ; но шущъ была ошибка : *выскокка* былъ онъ , это правда , но *не безыменный* , ибо родовое имя его издавна славно было въ Дессау , и другихъ мѣспяхъ Германіи. Дѣдъ его , Ульрихъ Шпульгенъ , умѣлъ соединить уваженіе ученыхъ , довѣренность знашнихъ , и почтеніе народа , будучи въ одно время и знаменитымъ Медикомъ и Пропеспацкимъ Пасторомъ. Опшонъ , воспитанный симъ почпеннымъ челоукомъ , съ раннихъ лѣтъ оказывалъ большую склонность къ ученымъ замаяціамъ ; но , честолюбивый болѣе дѣда своего , онъ безпрерывно возвышалъ цѣль , къ кошорой стремилось его честолюбіе , по мѣрѣ шого , какъ умножались его познанія. Задумчивый мечпашель , жадный къ наученію , онъ въ шожее время жаждалъ возвышенія. Опшонъ не понималъ , какъ

могъ ученый человекъ, подобный Ульриху Шпулгену , находившійся въ перепискѣ со всѣми Европейскими Академіями, довольствовавшійся скромнымъ мѣстомъ Пастора , въ забытомъ уголкѣ Германіи , гдѣ болѣе было ремесленниковъ , нежели знающихъ людей , когда имя его могло доставить ему почешное мѣсто при Вѣнскомъ Дворѣ. Онъ дивился также , что человекъ , по своему краснорѣчію достойный проповѣдывать Государямъ , соглашается на пребываніе въ бѣдномъ приходѣ , гдѣ его изумительное краснорѣчіе могло быть оцѣнено только въ нравственномъ отношеніи. « Чшо пріобрѣтаете вы здѣсь, ошъ вашего краснорѣчія , и вашихъ знаній, дѣдушка ? » говаривалъ иногда Опшонъ своему дѣду. — Добродѣтели , кои утверждаются въ сердцахъ проповѣдникъ слова Божія , развѣ малая награда для него , и онъ не долженъ благодарить за шо Бога ? — ошвѣчалъ спарикъ. « Но литературныя достоинства вашихъ проповѣдей ; богатый прекрасными мыслями , цвѣщущій слогъ вашъ , и глубина выраженій... кто понимаетъ здѣсь все эшо , хоть немного ? » — Слушай, любезный внучекъ мой ! — возражалъ спарикъ , улыбаясь — когда работаемъ мы для Бога , шо надобно работать , какъ можно лучше , и если здѣсь не оцѣняютъ : но понимающъ шо , что я говорю , скажи , пожалуй : для чего мнѣ , вмѣсто богатаго , хорошаго слога , пи-

сашь проповѣди мои слогомъ дурнымъ?»— Впрочемъ, хотя Докторъ Шульгенъ крѣпко держался за то, что онъ называлъ *своею свободою* (а подъ эпитомъ понималъ онъ шрудъ, часто занимавшій его съ ранней зари до глубокой ночи), онъ не отказывался однакожь отъ честнотлюбія, когда рѣчь доходила до его внука. Отецъ Максимилиана сдѣлался опасно боленъ, и Докторъ Шульгенъ имѣлъ счастье, изъ глубины уединенія своего, снабдивъ полезными совѣтами ищущаго своего друга, придворнаго Доктора Ландграфова. Узнавъ о своемъ спасеніи, Принцъ писалъ къ Доктору Шульгену, и предлагалъ ему значительныя выгоды, если онъ согласится переѣхать въ О***. Дядь Опциона отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

По титулу.

«Просшите мнѣ, В. С., если я откажусь отъ вашего благосклоннаго предложенія. Уже давно отказался я, въ подобномъ случаѣ, отъ предложеній самого Августѣйшаго нашего Императора, и не желалъ-бы теперь подать ему поводъ думать, что какіе нибудь расчеты заставили меня предпочесть покровительствѣ ваше его покровительствѣ. Предложенія, и Его Императорскаго Величества, и Вашей Свѣтлости, для меня равно драгоценны. Но въ нынѣшней

паспівъ моей естѣ больные духомъ и шѣломъ , перебующіе моего пособія , и мнѣ грустно было-бы измѣнить ихъ надеждамъ. Впрочемъ , у меня естѣ внукъ , Опшюнь Шпульгенъ , которому надобенъ приушь въ жизни : онъ можешъ быти Адвокатомъ , Лекаремъ , Профессоромъ Машеманики . Могу увѣришь также , что онъ хорошій живописецъ , и музыкантъ , достойный идти по слѣдамъ І. С. Баха . Если В. С. можеше сдѣлашь что нибудь для него , то все это я прииму шакъ , какъ-бы вы сдѣлали для самого меня .»

« Проспите , В. С. , что я еще попрошу васъ сдѣлашь для меня одолженіе . Говорятъ , что въ вашей библіошекѣ естѣ драгоценный , собственноручный яко-бы , списокъ сочиненія Цезаря Носпродамуса : *Гилліада , или Готтфридъ и Рыцари* (de Caesar de Nostredame , gentilhomme provençal . . . 1662 года) . У меня естѣ также драгоценный , и , какъ говорятъ , австрографическій списокъ сего рѣдкаго шворенія ; но въ немъ не доспаешъ листа , и желалъ-бы я дополнишь мою драгоценность . Въ ручашельство , что рукопись не пропадетъ у меня , я предлагаю Вашей Свѣтлости взять подъ залогъ мое небольшое цомѣстье *** .

Письмо это , начашое и конченное извѣстными формулами , было представлено Ландграфу

Опшномъ , котораго отправилъ дѣдъ вручилъ своему ошвѣща. Ландграфъ , не требуя никакого залога , отправилъ рукопись къ спарику , а подавля письма удержалъ при Дворѣ своемъ , гдѣ вскорѣ сдѣлался онъ наставникомъ и другомъ молодаго Принца Максимилиана . Наставникъ и ученикъ были почти одинакаго возраста . Хоша характеры ихъ совершенно различались , но между ними унѣвѣрилась такая дружба , что Ландграфъ , сполько философъ , что позволялъ плебею быти товарищемъ забавъ и ученя Принца , но строгій наблюдашель , въ то же время , аристокрашическихъ предразсудковъ , просилъ Имперашора одечь шипуломъ *Графа* молодаго наставника его сына . Долго разсуждавъ , и рѣшивъ наконецъ , что въ особѣ внука не вознаградишь онъ дѣдушки , оказавшаго услуги ему самому , когда эпошъ шарикъ еще живъ , Имперашоръ исполнилъ желаніе Ландграфа , возвыся въ Графское достоинство Докшора Ульриха Шпультгена , распространивъ оное и на все помощство его . Черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ , бѣдныя того городка , гдѣ жилъ Ульрихъ , оплакали кончину своего наставника и цѣлителя , а внукъ его назвался *Графомъ Оттономъ Шпультгеномъ* .

Почти въ то же время , и Максимилианъ наследовалъ владѣнія и шипулы своего опца . Опшошъ сдѣлался первымъ совѣшникомъ юнаго Ланд-

графа. Эна почестъ сповла дорого. первому Миниспру' умершго Ландграфа старца. Баронъ Редельгеймъ , привыкшій въ печеніе придцанн лѣпъ бытъ первымъ Миниспромъ , принужденъ былъ уступитъ сладостную привычку эшу новому молодому временщику. Думали , что въ утѣшеніе за эшу бѣду отставленный Миниспръ женился на одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ Ландграфства , и забылъ объ Опшонѣ и своемъ Минисперспивѣ. Но , мы увидимъ , что ненависть живуща въ сердцѣ Нѣмецкаго Барона.

Если молодой Ландграфъ слушался совѣтовъ молодого Миниспра во всемъ , что касалось до государственныхъ дѣлъ , онъ не былъ пакъ послушенъ въ томъ , что относилось къ его собственнымъ удовольствіямъ. Максимилианъ смѣялся надъ спрощеными правилами своего друга. Однакожь , онъ не засмѣялся , когда однажды Опшонъ пришелъ къ нему , со слезами на глазахъ , и началъ говорить : « Упомленные капризами Графини Фридерики , В. С. рѣшаесть вступитъ въ супружество. Эшо мнѣ извѣстно. Но то , что можно-бы почестъ обращеніемъ къ благо разумію , естъ шолько новая , величайшая шалость , копорой я не могу выпертѣть , и копорая никогда не совершится при мнѣ. . . Завтрашній день , шайно , вы дошлише обвинчаться — видише , В. С. , что я хорошо знаю все. Осо-

ба, которую хопните вы возвести въ высокое званіе супруги вашей, есть дочь Bankира Вольфа. Если вы её любите, женись на ней, Принцъ. Но, я предвѣщаю вамъ, что Дворъ вашъ удалится отъ васъ; что народъ будетъ презирать Ландграфиню вашу. Вѣрю добродѣтели и достойствамъ дѣвицы Вольфъ; но, прежде всего, я долженъ блюсти священный залогъ вашей славы, вами самими ввѣренный мнѣ. Извольте совершить преднамѣренное вами супружество, и я, немедленно; положу къ شماмъ вашимъ знаки чести, коими вы облекли меня, оликажусь отъ всякаго величія... даже отъ дружбы вашей, и сокроюсь въ уединеніе оплакивая спыдъ, коимъ вы себя покروه. » Максимилианъ думалъ нѣсколько времени, кусалъ губы, наконецъ неперпѣливо воскликнулъ: « Ты всегда являешься только ссориться со мною... Ну, хорошо, миръ, миръ! Жени меня, какъ ты знаешь, только, ради Бога, избавь отъ этой несносной Фридерики! » Спарій Министръ, о которомъ мы упоминали, взялся услужить въ этомъ случаѣ Принцу. Ошсавленная любовница Ландграфа обладала несмѣтнымъ богатствомъ, присоединеннымъ къ знатному, сшаринному роду, и Баронъ, лишившійся своего Минисшрства, попросилъ позволенія соединить свою грусть съ печалью Графини Фридерики. Это значило ушроить его богатство.

Счастливымъ пѣтъ , что разрушилъ безразсудное намѣреніе Принца , но зная припомъ слабый , легкомысленный характеръ его , Оппонъ свѣшилъ смскашь ему достойную оупругу , знанношнѣю рода равную Ландграфову роду . Выборъ его палъ на Принцессу Клеменшину . Какъ было обвщано , Максимиланъ согласился въ эпомъ дѣлѣ съ своимъ Миниспромъ . Клеменшина была прелесшна , молода , привлекашерна . Ландграфъ совершенно влюбился въ нее передъ свадьбою .

Прелесшь , красота , свѣтлый и кропкій умъ Принцессы , сдѣлали шакже сильное впечашлѣніе и на Миниспра , которому препоручено было ѣхашъ къ опцу Клеменшину , и заключить надлежащѣ договоры свадебные . Оппонъ не зналъ что дѣлашь , когда юная Принцесса дружески подошла къ нему , и спрашивала его о характерѣ будущаго своего супруга , съ пою любезною свободою разговора , пою добродушною простопою обхожденія , которыя неизвѣсны во Франціи , и переходящѣ въ Германіи изъ поклѣвія въ поколѣніе , какъ будшо для смягченія Германской , аришкочрапической гордостни . Съ сей минушы , Оппонъ не былъ уже счасливъ на високой спепенн , куда возвело его счасіе . Не разъ проклнналъ онъ шо время , когда Максимиланъ послушался его предсшавленій , и сказалъ

ему : « *Жени. меня, какъ ты знаешь.* » Если-бы дочь Банкира Вольфа, пропивъ воли Министра, сдѣлалась супругою Ландграфа, ему надобно-бъ было сражаться полько съ ненавистною женщиною. Но теперь, пропивъ любви, любви самой пламенной и пагубной, долженъ онъ былъ бороться каждое мгновение. И какъ будто нарочно старался Максимилианъ перзать его сердце. Въ первые мѣсяцы своего супружества, онъ любилъ повторять Клеменшинъ, всякій разъ, когда Министръ бывалъ у него въ ея присушствіи : « И онъ, именно онъ, выбралъ тебя между другими. Онъ угадалъ твои добродѣтели, умѣлъ оцѣнить твою красоту ; наше счастье есть его твореніе ! Знаешь-ли ты, Клеменшина, прибавлялъ Принцъ, смѣясь, « что если-бы я былъ на его мѣстѣ, то, видя тебя такою милою и доброю, не отдалъ-бы тебя другому ? Но онъ мудрецъ — онъ вѣрный другъ — и любовь его должна слѣдовать вычепамъ Философіи. Онъ влюбился обдумавши напередъ. » Принцесса всегда смѣялась этимъ шулкамъ своего супруга, а между тѣмъ, каждое слово Принца вонзалось въ сердце Опшона, какъ убійственный кинжалъ ! Еще тяжеле бывало мученіе его, когда Принцесса, для забавы супруга, принимая на себя удивленный видъ, говорила ему : « Какъ это, Графъ : вы будете философствовать, когда вздумаете любить, даже Принцессу ? Знаменитое имя, увлекаешь-

носшь красоны , не доспаютны будунъ про-
сно шронунъ ваше сердце ? Возможно-ли ! Мак-
симиліанъ обманывается ; признайшесь , что вы
полюбили-бы , не спрашиваясь Философіи ? » Въ
совершенномъ замѣшательствѣ , Опшонъ не могъ
опивѣчашъ ничѣмъ , кромѣ невнятныхъ словъ .
« Я сказывалъ себѣ , что онъ медвѣдь , » тихо
говорилъ Ландграфъ Клеменшинъ . Однажды Оп-
шонъ услышалъ , что она промолвила : « Какъ
жаль ! » Онъ не умѣлъ исполковать энихъ
словъ ; но радостный пренешъ пробѣжалъ по
шѣлу его : Принцесса думала , что онъ не-
счастливъ , жалѣла объ его участи... эшого бы-
ло довольно для его расперзаннаго сердца .

Въ шесть мѣсяцевъ пролетѣла любовь Ланд-
графа . Грустная Принцесса открыла эту не-
счастную пайну шому чловѣку , кошорый , одинъ
въ мірѣ , могъ порадоваться охлажденію сердца
Максимиліанова къ его супругѣ . Опшонъ съ жа-
ромъ заступился за Клеменшину . Но Макси-
лианъ искалъ уже новыхъ удовольствій , новаго
разстѣянїя . Онъ рѣшительно просилъ Министра
не надеждашъ ему болѣе , и велѣлъ объявить
Принцессѣ , что если столица не имѣешъ сча-
стія ей нравиться , то онъ отдаетъ въ ея пол-
ное распоряженіе замокъ Боежуръ , не подалеку
отъ столицы . Клеменшина плакала , насмивала
въ намѣренїи освашься еще въ кошорое время

съ своимъ супругомъ, безреривно надѣясь, что любовь его возвратится. Такъ прошелъ цѣлый годъ. Принцесса являлась въ публику съ веселымъ, счастливымъ лицомъ; но въ уединенныхъ комнатахъ своего отдѣленія, во Дворцѣ, предавалась она гореснн и опчаянн. Опшонъ, только одинъ Опшонъ былъ повѣреннымъ несчастнаго ея супружеснва, умолялъ ее надѣяться, спарался утѣшить Клеменнну, плакалъ вмѣстѣ съ нею. Когда двое несчастныхъ сближаются, соединяя свою скорбь, свои слезы, когда рука одного съ нѣжноспн жметъ руку другаго, и сердце женщины опвѣчаетъ участнемъ спрастному сердцу мужнвы — погнбель недалеко! Въ нежданную минупу забывчнвостн, голова спнхо склоннся на грудь несчастнаго друга, подѣлуй вспыхнешъ на устахъ, и — годы раскаянн не возвращающъ бѣдспвенной ошнбкн. . . .

Совснн не для того, чтобы своимъ присущнмъ заглядншъ слѣдствн неосторожной шалостн Максимнліана и его шоварнцей, не изъ прихотн, не изъ ревностн возвратнлась Клеменннна въ столицу, послѣ долгаго опсущнвн. Не потому возвратнлась она, что Максимнліанъ раскаялся въ своей вѣтренностн, такъ, какъ не вѣтренностъ его заставнла ее прежде удалнться въ свой замокъ. Положенн Опшо-

на впускало ей опасенія. Пламенная любовь къ нему; преспеть за опасность, ему угрожающую, необходимость видѣть его каждый день, быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, шакъ; чтобы честь и самая жизнь Министра были безопасны — вотъ тѣмъ заснавилу Клементину оснавить свой замокъ, и прѣхати въ столицу. Для Максимилиана было все равно, гдѣ-бы ни жила Клементина. Онъ былъ ей совсѣмъ чужой.

Прошеніе брата Елены подали Министру, когда онъ возвратился съ охоты. Гюгъ нарочно не упомянулъ, для чего проситъ онъ аудіенціи у Графа Шпюльгена. Но Ошпювъ былъ шакъ счастливъ, съ тѣхъ поръ, когда возвратилась Клементина, что и не думалъ отказать ни въ какой просьбѣ, гопіовъ былъ удовлетворить всѣ жалобы, всѣ требованія. Онъ приказалъ немедленно впустишь въ кабинетъ свой, на другой день, упротъ, слесаря Иштена, когда только явился эпортъ-проситель. Въ восемь часовъ упра явился Гюгъ. « Введише его, » сказалъ Министръ, едва только доложили ему, и бѣдному слесарю отворились двери въ кабинетъ перваго Министра.

Походка Гюга была тверда, взоръ его былъ спокоенъ; однакожъ дрожащій голосъ измѣнялъ внутреннему его движенію. Не постигая настоящей причины сего измѣненія голоса, Ошпювъ

спаралася показаться просителю, какъ можно привѣпливѣе. «Сядыпе, мой любезный, и пожалуйте ничето не опасайтесь» — сказалъ Графъ» — «я люблю и уважаю честныхъ людей во всякомъ званіи, и если ваша просьба справедлива, вѣрьте, что я сдѣлаю все, что мнѣ возможно, такъ, что, надѣюсь, мы разстанемся довольны другъ другомъ.»

— Надѣюсь и я, Ваше Сіятельство, что мы разстанемся довольны другъ другомъ: не милоспей, не помилованія пришелъ я просить у васъ, Графъ, но — правосудіа!

« Оно будетъ вамъ оказано. Ни одинъ честный человекъ, никогда, не уходилъ отъ меня, безъ того, чтобы справедливостъ его не получила полного удовлетворенія. Пожалуйте, будьте откровенны; вы не раскаетесь въ этомъ.»

— Благодарю, Ваше Сіятельство, за милостивое ободреніе, и скажу все откровенно, какъ человекъ честный, который надѣется говорить также съ честнымъ человекомъ.

Министръ не много изумился. «Что хотите вы сказать, Г-нъ Ишпеннъ? Развѣ обо мнѣ будетъ рѣчь въ вашемъ дѣлѣ?»

Твердымъ голосомъ заговорилъ тогда Гюль: — Да, объ васъ, Ваше Сіятельство, объ васъ,

дерзкою ложью доведшемъ честное семейство до опчаянiя . . . прошу не прерывать меня — вы ятощась все поймете! . . . Молодая дѣвушка, которой вы не знаете, которой даже имя неизвѣстно вамъ, прошивъ которой вы не могли имѣть ни малѣйшей причины къ ненависти, сдѣлалась теперь предметомъ презрѣнiя цѣлаго города. . . И отъ чего? Отъ того, что вамъ, сильному вельможѣ, защищенному общимъ уваженiемъ, угодно было однимъ словомъ посрамить доброе имя несчастной эшой дѣвушки!

Опшонъ спарался въ это время вспоминать, и наконецъ сказалъ: « Вы ошибаетесь, мой любезный. Вѣроятно, не со мною, не съ Графомъ Опшономъ фонъ-Шпюльгеномъ, хотѣли вы говорить. Богъ свидѣтель мнѣ. . .

— Не клянись всеу, Ваше Сиятельство! я могу дополнить слабость вашей памяти. Вѣрю, что вы легко могли позабыть вашу клевету, насмѣшку, шутку. . . и что за важное дѣло для васъ честь простой ремесленницы, какойнибудь швеи въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орда!

Сiя слова поразили Министра, напомнивъ ему огонекъ въ чердакѣ, дымя, спавшее на порогѣ, деньги, данныя эшному дышани, подѣ предложенью, что ими куплено его молчанiе. Гюгъ за-

иѣшилъ смущеніе Оппона. « Ваше Сіяшельство, конечно, припоминаете теперь все, что восемь дней тому сказали вы на степь сестры моей!

— Ахъ! это была ваша сестра! — проворчалъ Графъ, и потомъ прибавилъ въ замѣшательствѣ: — Но чего-же вы хотите? Чѣмъ могу я сдѣлать для васъ?

« Сперва хочу я предсказать вамъ всю великость зла, мнѣ причиненнаго, а потомъ, вы сами скажете мнѣ, угодно-ли вамъ заглавить его.

— Заглавить? Да, мой любезный, я признаюсь, что неприспешельно виноватъ — биспрѣбъ сказахъ Графъ. — Но, ради Бога, все это османился между нами... я полагаюсь на вашу скромность! Скажите: сколько шребуете вы отъ вена?

« Не деньги-ли вы предлагаеете мнѣ, Ваше Сіяшельство?» гордо спросилъ Гюгъ. « Или вы думаете, что всѣми сокровищами Принца можно окупишь честь бѣдной сестры моей? Не знаю, за сколько продаются доброе имя знанной дамы, но у насъ этого не въсяшь на золото!»

Оппонъ подходилъ въ это время къ бюро своему, вѣроятно, для того, чтобы немедлен-

но описываша, чего попребуешь отъ него слесарь. Услышавъ ошвѣтъ Гюга, онъ ошановиася, и сказалъ : « Вы честный человекъ, Г-нъ Имшенецъ, и ни за что въ мѣръ не желалъ бы я произносить когда нибудь имя вашей сестрицы

— Вѣрю вамъ, Ваше Сямельство, потому что всѣ говорятъ о вашемъ благородствѣ, вашемъ великодушїи. Нѣдобно, чтобы какое нибудь важное обшоятельство, котораго я во все не понимаю, принудило васъ оклеветать мою сестру. Но когда вы избирали имя, на которое должно было унасть безславію, вы ; конечно, не знали, что отецъ мой пожертвовалъ всѣми благами жизни, ошавилъ почешное званіе для труднаго ремесла, умеръ въ бѣдности, и все пошому, что хотѣлъ соблюсти безпорочнымъ имя, вами обезславленное ! Вы не знали также, что несчастная дѣвушка, погубленная вашей ложью, составляла предметъ самой вѣрной заботливости брата, поклявшагося умиравшему отцу быть кровникомъ, опорой сестры своей, блюсти, какъ драгоценный залогъ, ея доброе имя ! И когда я уже десятильѣтъ исполнялъ кляпву, данную моему отцу ; въ то время, когда я думалъ быть вознагражденнымъ за всѣ мои шруды, ошдавая мою Елену лучше-

ну моему другу, какъ дѣвушку его достойную... являешься вы, и однимъ словомъ губите всѣхъ насъ! Другъ мой, женихъ сестры моей, убѣждалъ въ омчаіініи... Елена принуждена скрывалась, какъ преступница, отъ презрѣнія цѣлаго города... А я... да, я умеръ-бы отъ стыда и горести, если-бы не рѣшился, не рѣшился непременно и твердо — возвратить доброе имя сестрѣ моей! Да, Ваше Сіятельство, я рѣшился на это! Если вы откажете мнѣ въ добровольномъ правосудіи — я найду средства принудить васъ!

«Г-нъ Ишшенъ!» отвѣчалъ Министръ, внимательно выслушавъ все, что говорилъ брашъ Еленѣ. «Ваши упреки не равняются еще упрекамъ, какіе я самъ себѣ дѣлаю, слыша васъ. Вѣрьте, что если-бы во власти моей было удовлетворить васъ тѣмъ, чего вы заслуживаете, я сдѣлалъ-бы все, все, хотя-бы и долженъ былъ для этого поперять уваженіе людей, мнѣніе которыхъ спавляю я выше всего въ мірѣ. Но если вы требуете публичнаго объявленія о моей лжи — это невозможно! Вы видите, что ошкроушенность моя равна вашей. На вашемъ мѣстѣ, я поступилъ-бы такъ, какъ вы; на моемъ мѣстѣ вы сдѣлали-бы тоже, что я.

— То есть, Ваше Сіятельство, ограждаете

себя знашностию вашего сана, и думаете оскорблять насъ, людей ничтожныхъ, безнаказанно? Но знаете-ли вы, что если вамъ угодно будете принудить меня, то мщеніе мое всюду найдетъ васъ? Позвольте мнѣ спросить въ послѣдній разъ: согласитесь-ли вы, въ присушствіи свидѣтелей, которыхъ я назначу, объявить, что никогда вы даже не видали сестры моей? Согласитесь-ли признаться передъ ними въ клевету своей, и объявить: гдѣ именно были вы 15-го Сентября, въ 10 часовъ вечера? Только этимъ признаніемъ убѣдяшся всѣ, что вы не у сестры моей были.

Пораженный словами Гюга, Графъ запрепеталъ, невольно упалъ въ кресла, и сказалъ измѣнившимся голосомъ: «Никогда, никогда! Это не возможно!.. Возьмите все, что я имѣю, но больше ничего не требуйте — извольте выйдти!»

— А! вы блѣднѣете! И какъ щупъ скрывается пайна, пайна ужасная? Хорошо: я опкрою, я обнаружу ее... Вы принуждаете меня къ войнѣ противъ васъ? Нечего дѣлать: война!.. Съ сего часа, я опъ васъ не опшпану, буду преслѣдовать васъ повсюду, буду слѣдить каждый шагъ, каждый взглядъ вашъ! Ежеминутно будете вы чувствовашъ шажестъ моего ищенія,

и, какъ ни высоко спали вы, вамъ не избѣ-
нушь оидъ меня! Ненавишь уравнишь меня съ
вами, и мое преслѣдованіе кончится только въ
шопъ день, когда сестра моя будетъ оправ-
дана. До свиданія, Ваше Сіапельсшво. . .

Гюгъ вышелъ, Министръ повелъ рукою по
лбу, и сказалъ шихо: «Онъ исполняетъ свою
обязанность, но я — могу-ли я измѣнить своей?»

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

РАЗБОРЪ КНИГИ:

*Натальныя Основанія Всеобщей Химіи, составлен-
ныя по системѣ Г. Тенара, І. Варвинскимъ. Частн:
1 и 2.—СПбургъ. Въ типогр. Алекс. Смирдина. 1832.*

(Окончаніе.)

— За симъ слѣдуешь статья о хлорѣ. Замѣтимъ
здѣсь, что Г-нъ В. при каждомъ веществѣ приводитъ
исторію открытія онаго (которая для начинающаго
совершенно бесполезна), но какимъ образомъ? Вотъ
примѣръ (стр. 152): «Хлоръ открытъ Шеле въ
1774 году; и названъ имъ былъ морскою обезгорючен-
ною кислотою (*acide marin deplogiatique*). Основате-
ли новой химической терминологіи (?) дали ему на-
званіе окисленной соляной кислоты (*acide muriatique*

oxygène). » Кто-же далъ ему названіе *хлора*? О семъ ни слова! Г. В. прямо начинаешь: «свойства *хлора* и проч.» Зачѣмъ-же было приводишь названія древнія, если не упомянуто о вытѣщеніи? Такъ-ли должно излагать исторію точной науки?

— Далѣ Г-нъ В. объясняешь теорію полученія хлора (стр. 156) и описываешь не знаками, но способомъ одинаковымъ съ упомянутымъ при водородѣ. Пусть взглянешь кто нибудь на объясненіе, Г-на В., полученія хлора вторымъ способомъ (черезъ смѣшеніе *хлористаго содія* съ марганцовымъ перекисломъ и стрѣною кислотою)! Знаками объяснишь сіе весьма легко. Г-нъ-же В. совершенно задушалъ оное способъ.

— На стр. 157 и др. *Esoptes animale* переводишься Г-нъ В. — *экономією* (!?) живошныхъ.

— Потомъ сдѣлаешь іодъ. При объясненіи добыванія хлора Г-нъ В. принялъ теорію Берцеліуса и Нѣмецкихъ химиковъ (*золотыя соли*), а добываніе іода толкуешь (на стр. 160) по теоріи *водородохлорнокислыхъ солей*!! Какой-же теоріи держится Г-нъ В.? Вѣроятно, той и другой!!..

— Г-нъ В. *золотуху* называешь *шикрофуземъ*!! Стр. 160.

— При бромѣ (стр. 163) опять принято существованіе — *бромнокислаго кали*!

— При добываніи азота (стр. 164) сказано: «Азотъ получаешь многими (??) способами: 1) черезъ *отдѣленіе кислорода изъ воздуха*, или 2) пропуская струю хлора черезъ водный растворъ

аміака и ш. п. (?!).» Можно-ли посему насшавленію добыть желазеный газъ? Къ несчастію, неподбымъ образомъ описано полученіе *осъль тѣль!*..

Ксташи замѣнили здѣсь о употребленіи Г-нъ В. словъ : и ш. п. (и тому подобное). Во многихъ случаяхъ Г. В. спавишь ихъ совершенно не у мѣста, шакъ, что оныя неволью возбуждають смѣхъ. Приведемъ только два примѣра.

1) На стр. 223 сказано : « Въ сихъ различныхъ состояніяхъ мышьякъ находимъ былъ во *Франціи*, Германіи, Англіи, *Сибирн* и ш. п. (!!).»

2) При настоящемъ состояніи науки, неизвѣстно ли одного способа полученія азота, *подобнаго* двумъ вышеприведеннымъ. Это, вѣроятно, неизвѣстно Г-ну В. ?

Скажемъ теперь нѣчто о планѣ Химіи Г-на Варвинскаго. Въ Предисловіи сказано, что Г-нъ В. слѣдовалъ Тенару, « *замѣтнул дополненія* какъ изъ *новѣйшихъ Журналовъ*, шакъ и изъ сочиненій Фуркромъ, Дави, Томсона, Берцеліуса, Дюма и *многихъ другихъ.*» Не говорю уже, что никакимъ образомъ нельзя помѣстивъ нынѣ цирконій въ прибавленіи къ *тѣламъ простымъ не металлическимъ*; но я принужденъ замѣнить Г-ну В., что слѣдовать Тенарову распредѣленію металловъ есть сущая невозможность! Г-нъ В. совершенно слѣдовалъ системѣ Тенара, и вошь какъ онъ ошговорился въ семъ ошношеніи при мешаллахъ 1-го ошдѣленія (стр. 178): « я слѣдовалъ раздѣленію Г-на Тенара *по той системѣ* (?!), что хотя помянушые металлы и

получены, но свойства ихъ еще не определены съ такою удовлетворительностію (!), чтобы по онымъ можно ихъ было отнести къ какому либо изъ прочихъ отдѣленій.» Можешь-ли сказать это Г-нъ В., пользовавшійся *новѣйшими* Журналами и всѣми сочиненіями! Зачѣмъ Г-нъ Варвинскій не справился съ Химіею Дюма (Traité de Chimie appliquée aux arts): онъ нашель-бы тамъ (tome 2, page 68), какимъ образомъ можно измѣнить Тенарово расположеніе металловъ. И такъ *сносно*-бы было, если-бъ Г-нъ В. принялъ расположеніе Дюма. *Замѣтимъ еще*, что Г-нъ В. привелъ въ семь мѣстъ Тенарово расположеніе для того, дабы показать, какинъ образомъ (стр. 177): «Металлы, основываясь на сродствѣ ихъ съ кислородомъ, могутъ быть раздѣлены на 6 отдѣленій.» Вѣрное раздѣленіе!..

— Тутъ-же Г-нъ В. говоритъ, что «металлы втораго отдѣленія способны поглощать кислородъ при самой *высокой* (не опечашка) температурѣ.» Г-нъ В. самъ себя противорѣчитъ, ибо на стр. 192 у него значится: «Сухой кислородный газъ при *обыкновенной температурѣ* поглощается потассіемъ, и вѣроятно (по аналогіи (!)) баріемъ, дітціемъ, стронціемъ и кальціемъ.» — Вскорѣ является оная неправда: на стр. той-же значится, что «кислородъ не поглощается *содіемъ*.»

— Стр. 181. «Прежде полагали,» пишешь Г-нъ В., «что металлы исключительно сухи шѣла, шѣжельшія воды; но *новѣйшими* (!) изслѣдованіями доказано сему *противное*; ибо находятся металлы лег-

чайшіе воды.» — Это можно было снѣзати окомъ 1807-го года. Опять повторю, что Г. В. долженъ бы былъ измѣнить слова Тенара.

— Г. В. пишешь (стр. 195) между прочимъ, подъ заглавіемъ: *Металлы и некоторые тѣла*: «Доберейнеръ нашелъ, что (3) *сѣристый окисель* (металлъ?!) и *недоокисель платины* поглощаютъ всѣ горючіе газы, но не дѣйствуютъ на газы кислородный и углероднокислый. Кромѣ того, сіи окислы (!!) находясь въ прикосновеніи съ воздухомъ и будучи смочены *алкоголемъ* (!) превращаютъ его въ воду и уксусъ.» — Неужели Г-нъ В. не знаешь, что это не окислы, а истые *металлы*! Либигъ давно уже доказалъ, что черный порошокъ, почищаемый *недоокисломъ платины* (платиновая чернь), есть чистый металлъ. Припомъ и въ заглавіи у Г-на В. тоже значится. Простышесельна-ли такая частая небрежность въ книгѣ, назначенной для начинающихъ! Можно-ли въ одномъ мѣстѣ говорить одно, а въ другомъ мѣстѣ другое, объ одномъ и томъ-же предметѣ? Не доказываешь-ли это, что Г-нъ В. не имѣетъ твердо пріобрѣтенныхъ познаній, но принимаешь первое ему встрѣтившееся мнѣніе, не замѣчая ни времени, въ которое оно писано, ни теоріи, принятой сочинителемъ!..

— На стр. 197. Г. В., изъясняя причину дѣйствія платины на некоторые газы, въ концѣ говоришь такъ: «Можешь быть (и сіе предположеніе наиболѣе вѣрояно), что губчатая платина, какъ сквашенное тѣло, *сгущаетъ* сіи два газа» и проч.

Нынѣ доказано уже совершенно, что сего бытъ не можетъ, ибо опыты Доберейнера и Гесса (см. *Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg*, или *Annales de Chimie et de Physique*, tome XXIV, p. 380) совершенно доказали, что *губчатая платина не поглощаетъ кислорода*.

— Вскорѣ за сими слѣдуешь *добываніе металловъ*. Г-нъ В. на стр. 198 говоритъ: «Нѣкоторыя изъ нихъ, *необходимыя въ общежитіи*, извлекаются изъ нихъ естественныхъ соединеній въ огромномъ количествѣ и особенными процессами, составляющими предметъ Металлургіи.» Можно-ли молчать о добываніи употребительныхъ металловъ? Почему же добываніе неупотребительныхъ металловъ нашло мѣсто въ Химіи Г-на В.? Припомъ, Металлургія есть нечто иное какъ часть Химіи.

— Послѣ сего слѣдуешь описаніе металловъ перваго отдѣленія. Здѣсь описанъ, неизвѣстно по какой причинѣ, одинъ *алуминій*. Въ отвѣтъ Г. Гессу, Г-нъ В. сказалъ, что это произошло *отъ обстоятельство книгопечатанія (!?)*.

— На стр. 204 сказано, что «*лучшій еще не былъ полученъ въ отдельномъ состояніи (!!)*». «Пусть сиранился Г-нъ В. съ сочиненіями, вышедшими послѣ Тенаровой Химіи.

— Стр. 205. При поглощеніи кислорода пошасси-емъ образуется на немъ *кора окиса*, а не *закиса*.

— Дать Г-нъ В. пишетъ (стр. 206): «*Пошасиій полученъ бытъ можешь, чрезъ разложеніе воднаго ками Вальшовымъ способомъ, или чрезъ нака-*

ливаніе воднаго кали съ желѣзомъ.» Ныцѣ *нигдѣ* не получается потасіей сими невыгоднымъ способамъ: металлъ сей добывается способомъ Бруннера, изъ виннокаменноокислаго кали, о коемъ у Г-на В. нп слова.

— Г-нъ В. на стр. 213 говоритъ, что полосы желѣза, находясь «*подъ угломъ 70° (?)*» приобрѣтають сами собою магнитное свойство.» — Г-нъ В. долженъ знать, что это происходитъ *только тогда*, когда сей уголь находится въ плоскости магнитнаго меридіана.

— На стр. 216 сказано: «Добываніе желѣза изъ его соединеній въ большомъ количествѣ *составляетъ предметъ* Металлургіи; въ *маломъ-же видѣ (?)* оно получается чрезъ накалываніе желѣзнаго окисла или углероднокислаго соединенія онаго съ углемъ.» — Вѣроятно Г. В. хотѣлъ представить способъ полученія желѣза въ маломъ видѣ для химическихъ изслѣдованій; но для сей цѣли не сѣдующъ представленному имъ способу, а сплавляютъ обыкновенно желѣзо съ его окисломъ, какъ шо показалъ Бролье.

— При хромѣ опущены новые опыты, но входящіяся у Тенара.

— При описаніи серебра ни слова не сказано о добываніи сего метала.

— На стр. 259, подъ заглавіемъ: *Отдѣленіе платины*, Г. В. представляетъ, вмѣсто дѣйствительнаго способа отдѣленія платины, *аналитическій способъ разложенія платиновыхъ рудъ*, гдѣ плати-

на не отдѣляется (какъ означено въ заглавіи), но количество оной опредѣляется чрезъ потерю вѣса (стр. 203), чего, вѣроятно, Г-нъ В. не замѣтилъ. Кажется, здѣсь было-бы лучше привести способъ Соболевскаго. Я долженъ однакожь упомянуть о томъ, что Г-ну Барвинскому сіе было уже замѣчено прежде (Сынъ Отеч. 1832, № 25), и что онъ, въ непомѣщеніи способа Соболевскаго, ошговорился тѣмъ, что оный принадлежишь къ Металлургіи; но — предлагаю другой вопросъ чистителямъ. Зачѣмъ-же Г-нъ В., исчисляя труды ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ плашины, не помѣтили Соболевскаго, коего труды принесли Россіи неоспоримо великую пользу?

— Послѣ плашины слѣдуешь ирдіи, а за симъ прибавленіе къ металламъ. Въ семъ прибавленіи описаны глициній, иштріи и торіи. Гдѣ-же помѣтили Г-нъ В. магнезій и ванадій? Свойства перваго изъ сихъ двухъ металловъ опредѣлены такъ-же удовлетворительно, какъ и глицинія и иштрія (особенно Либигомъ, который также показалъ весьма простой способъ добыванія его); а о ванадіи слѣдовало-бы, покрайней мѣрѣ, упомянуть, тѣмъ болѣе, что Г-нъ В. описалъ уже торіи. Я сказала уже, что въ ошвѣтъ Академику Гессу, Г-нъ В. говоришь, что все это вкралось ошъ особенныхъ обстоятельство книгопечатанія; но, какія здѣсь могутъ быть обстоятельства, если Г-нъ В. уже помѣтилъ магнезій и ванадій въ числѣ простыхъ тѣлъ, на стр. 2? . .

— Послѣ этого слѣдуетъ Глава III, о соединеніи неметаллическихъ шѣлъ между собою. Худое расположеніе книги Г-нъ В. было причиною пустыхъ поцѣпокъ въ вышеприведенной главѣ, на стр. страницъ 297, 313, 325 и проч.

— Первые соединенія, описанныя въ главѣ III, суть *водородистыя*. На стр. 282-й, при углеводородистыхъ соединеніяхъ, Г-нъ В. говоритъ, что, «судя по атомическому составу свѣхъ одиннадцати шѣлъ, нѣкоторые изъ нихъ должны составлять одно и то же, не смотря на различный образъ соединенія ихъ началъ. Такъ напримѣръ, по показанію Г-на Дюма :

	Углер.	водор.
Одноуглеводородный газъ содерж.	1 . . .	2
Двууглеводородный	2 . . .	2.
Углеродистый водородъ	4 . . .	4.
Розовое масло	8 . . .	8.
Нафта	6 . . .	5.
Полушорнеуглеродистый водородъ	6 . . .	4.
Двухуглеродистый водородъ	6 . . .	3.
Сладкое винное масло	4 . . .	3.
Очищенный скапидаръ	10 . . .	8.
Нафталинъ	5 . . .	2.»

Не говорю уже о запущанности именъ свѣхъ; но замѣчу еще слѣдующее: «Изъ *всѣхъ свѣхъ соединеній,*» продолжаетъ Г-нъ В., «въ особенности заслуживаетъ вниманіе *газообразный составъ (!)*, назы-

васный углеводородный газомъ.» Гдѣ-же въ помянутой таблицѣ соспавъ сей? Если Г-нъ В. называлъ сямъ веществомъ, какъ общимъ, оба первые газа, то сіе должно было объяснить прежде, а не говорить утвердительно, что «*вообще принято (не правда!), что видоизмѣненій всего газа находится два.*»

— При дѣйствіи неметаллическихъ тѣлъ на двухуглеводородный газъ, пропущено дѣйствіе брома (стр. 285).

— При углеродистой сѣрѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, вошла снатья: *о водородоксигеновой кислотѣ.* Зачѣмъ-же Г-нъ Варвинскій не ошнесъ ея къ кислотамъ?

— За сямъ слѣдуешь глава IV: *О соединеніи неметаллическихъ тѣлъ съ металами.* Если-бы Сочинитель вздумалъ придерживавшяся избраннаго имъ плана, то здѣсь слѣдовало-бы ему помѣстить всѣ окислы, кои не суть соляныя основанія, либо кислоты; но вѣроятно, савшкомъ явное неудобство, заставило его ошступить ошъ предначертаннаго имъ расположенія. Не доказываешь-ли и это невыгоды системы Тенара?

— О сѣрныхъ соляхъ Верцеліуса, столь важномъ предметѣ, сказано у Г-на В. шолько мимоходомъ (стр. 360).

— Какимъ образомъ, на стр. 413, въ снатью: *Амальгамы* вошли: 4) Сплавъ олова и свинца, 5) Сплавъ олова и мѣди, 6) Сплавъ олова и желѣза, 7) сюрмы и свинца, 8) Сплавъ цинка и мѣди,

9) Сплавъ мышьяка и платины, 10) Сплавъ серебра и мѣди, 11) Сплавъ мѣди и золота и — наконецъ, опять *амальгама* — 12) ртутни, цинка и олова? Неужели все это амальгамы?

Излишнимъ считаю распространяться здѣсь о номенклатурѣ, употребляемой Г-мъ В. Не говоря о ея неудобствахъ, замѣчу только, что она даже ошибочна и въ словопроизводствѣ. Такъ наприм. отъ словъ: *теллуръ* или *селенъ*, Г-нъ В. производишь не *теллуристый* и *селенистый*, а *шеллуровиственный* и *селеновиственный*! Г-нъ В. не можешь въ семь случаевъ саслаться на *мышьяковитый* (отъ *мышьяка*): слово сие всѣми принято, и при томъ не можешь бышь произведено иначе. Слова-же Г-на В. суть бесполезныя и ошибочныя *нововведенія*.

(О Второй Части впрдъ).

А. Комаровъ.

Августа 15,
1832.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— *Краткій Курсъ Словесности*, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ. Василья Плаксина. СПб. 1832. Въ ш. Гвице. VIII и 197 стр. in-8 (*).

Риторикѣ преподають почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Можешь быть это было привычной, что до сихъ поръ у насъ никто не осмѣливался сдѣлать вопроса: Существуетъ-ли Риторика, не какъ сборъ условныхъ правилъ, но какъ наука? Г-ну Плаксину принадлежишь честь, что онъ первый у насъ рѣшился объяснить сей вопросъ. Книга его служишь доказательствомъ, что мыслящій человекъ не спрашится никакого авторитета, когда рѣчь идеть о томъ знаніи, кошорому посвящаешь онъ жизнь свою. Съ любопытствомъ, съ участіемъ прочишали мы книгу Г-на Плаксина,

(*) Продаеться въ С.Петербургѣ, въ книжныхъ лавкахъ И. И. Заикина, по 4 р. за экземпляръ. Съ пересылкою въ другіе города по 5 рублей.

и спѣшимъ познакомить съ нею нашихъ чита-
телей.

Трудно, если не совершенно невозможно, изобре-
ти разрушая. Но въ такомъ положеніи былъ Г.
Плаксинъ, ибо онъ долженъ былъ прежде всего до-
казать самому себѣ неосновательность прежней
Ришорки, и потомъ присупить къ созданію ея
вновь. Посему не будемъ взыскательны. Примемъ
въ соображеніе важность труда, вспомнимъ, что
другіе писали о Ришоркѣ, и посмотримъ, что
сдѣлалъ Г-нъ Плаксинъ.

Ришорка, по опредѣленію почти всѣхъ писа-
вшихъ о ней, имѣла цѣлю *убѣждать, трогать, увле-
кать*. Какъ хорошо достигала она своего назна-
ченія, можно судить потому, что въ цѣлыхъ по-
колѣніяхъ учившихся ей, едва-ли нѣсколько чело-
вѣкъ обладали краснорѣчіемъ; едва-ли изъ тысячи
одинъ дѣлался хорошимъ писателемъ. Много вѣковъ
безплоднаго опыта надобно было для убѣжденія,
что Ораторское Искусство есть только видъ Поэзіи,
что оно имѣетъ источникомъ своимъ вдохновеніе,
и что, слѣдовательно, къ нему такъ-же хорошо
какъ и къ Стихотворству примѣняется извѣстное
выраженіе: *поэты рождаются*; прибавимъ: и воспла-
мняются обстоятельствами.

Къ Ришоркѣ приобщали также наславленіе о
формахъ различныхъ родовъ сочиненій, но естъ
показывали, что значить Романъ, Письмо, Исто-
рія, и прочіе роды сочиненій. При этомъ никогда
не было и требованія сдѣлать изъ учащагося рома-
нпста, письмописателя, историка; слѣдовательно,

это были сборы условных правил, которые измѣняешь каждый гениальный писатель. Жаль только, что не ограничивались въ этомъ случаѣ простыми объясненіями, какія находятсѣ въ Словаряхъ, или собраніемъ образцовъ, какіе есть, напримеръ, для прошеній и записокъ, подаваемыхъ въ Присутственныя мѣста. Это было-бы не худо и нынѣ, когда у насъ иные писатели не умѣютъ дать заглавія и расположенія книгъ.

Кто не согласится однакожь, что всѣ такія подробности, пустыя, условныя, и по большей части ничтожныя, ошчюдь не составляютъ, не столько Науки, но даже и Знанія? На нихъ основанная Риторика должна была разсыпаться прахомъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ наше время она сполннѣ немного повыше Алхиміи, которая хотѣла научить дѣлать золото, такъ-же какъ Риторика хотѣла научить быть писателемъ. Посмотрите, напримеръ, что говоритъ Г-нъ Плаксинъ о *Риторикѣ Кошанскаго*, еще недавно признанной лучшею изъ всѣхъ книгъ, изданныхъ по сей части на Русскомъ языкѣ: «Объ *для Риторикѣ Кошанскаго*, есть образецъ самаго управсва Сочиншела въ Науку; она, кромѣ и прекрасныхъ примзровъ, и то, по болъшей части, не кошани приведенныхъ, есть совершеннѣе лишнее и даже вредное явленіе въ Литтературѣ; она рзшительно ниже всѣхъ Риторикъ (стр. 153-я).»

Перебирая всѣ другія, известнѣйшія Риторикѣ, Г-нъ Плаксинъ не находитъ ни одной изъ нихъ удовлетворительною.

Излишне было-бы означать въ подробности, что именно оуждаешь онъ въ сихъ Риторикахъ. Надобно только вспомнить, что всѣ онѣ (исключая книги Гг. Талызина и Галча), были основаны на шѣхъ ложныхъ началахъ, которые означали мы выше сего. Слѣдовательно, осуждая ихъ всѣ, Г-нъ Плаксинъ осуждаетъ основанія оныхъ, а не подробности, которые могли бытъ изложены лучше или хуже. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ: онъ испровергнулъ все зданіе, которое называлось Риторикою.

Послѣ сего естественно являешь любопытный вопросъ: чѣмъ Г-нъ Плаксинъ замѣнилъ разрушенное имъ столь смѣло? На чемъ самъ онъ основалъ Риторикѣ?

Онъ, какъ показываетъ самое заглавіе книги его, рѣшился вообще объять Словесность, въ которой Риторика составляетъ хотя небольшое, однакожъ необходимое звѣно. Въ семъ обширномъ объемѣ, ему должно было показать необходимость Словесности, какъ стремленія чловѣка выразить свой внутренній міръ, и за тѣмъ объяснить законы, на основаніи коихъ проявляется сіе стремленіе. Наконецъ должно было дать понятіе, въ какомъ состояніи находишься Словесность, принимаемая какъ теорія Слова, какъ Исторія уже сдѣланнаго по сей часи, и какъ собраніе правилъ, коими долженъ руководствоваться писатель, или, чтобы выразиться иначе? Словесность въ идеѣ, въ прошедшемъ и будущемъ.

Сдѣлавъ сіе предначертаніе, основанное не на прѣдразсудкахъ, укорененныхъ временемъ, а на истинной сущности предмета, Г-нъ Плаксинъ увлекся однакожь стариннымъ повѣрьемъ, и въ сочиненіи о Словесности занялъ слишкомъ много мѣста разсужденіями о томъ, что отвергаешь онъ самъ. Въ его сочиненіи — гдѣ, какъ мы сказали, Риторика должна занимать весьма небольшую часть — четверть всей книги наполнена мало-полезными изъясненіями Общей Риторики. Напрошивъ Частная Риторика, эпошъ, если можно такъ сказать, *обрядникъ*, который необходимо знать всякому пишущему, сжашъ и обремененъ частностями, не всегда нужными. Гораздо полезнѣе было-бы распросраниться въ изъясненіи различныхъ родовъ сочиненій, нежели разсуждать о повѣствовательной, дидактической, убѣждающей прозѣ, о слогѣ высшемъ, среднемъ и низшемъ. Первое необходимо, особливо при обученіи первоначальномъ; второе есть только *предметъ любопытства*, известіе о томъ, какія оковы схоластицизмъ налагалъ на писателя.

Касательно частностей, можно было-бы замѣнить многое, съ чѣмъ мы несогласны, или что даже противорѣчитъ нашему убѣжденію. Но тогда надлежало-бы написать цѣлую книгу. Замѣшимъ, шелько для примѣра, немногое.

«Мыслиція силы вообще называются *умомъ*, *смысломъ* (стр. 3-я).» Кажется, не должно было бы дѣлать синонимами сіи двѣ, совершенно различныя способности человека.

«Если мы что знаем, то это пошлону, что чувствуемъ (тамъ-же).» Можно *чувствовать и не знать*.

«Дѣйствіе воображенія есть *представляемое* — *частное* *помятіе*.» Это немыслимо.

«Даръ слова имѣетъ два назначенія: необходимое «удовлетвореніе общечинию, житейскимъ надобностямъ, и свободное, безкорыстное удовлетвореніе чувству изящнаго; откуда происходятъ двѣ отрасли Словесности: *Проза* и *Поэзія*, коихъ различіе состоитъ въ томъ, что первая, происходящая изъ разсудка и разума, говоритъ симъ мыслящимъ способностямъ о мірѣ дѣйствительномъ, объ истинахъ существенныхъ, для пользы житейской или нравственной; а вторая, происходящая изъ фантазіи и чувствъ, дѣйствуетъ на воображеніе и чувства посредствомъ вымысловъ, облеченныхъ въ изящныя формы. (стр. 57-я).» Здѣсь большая сбивчивость. *Проза* есть только способъ выраженія, и противоположное съ нею есть *Стихотворство*; ибо *Поэзія* можетъ быть не только въ *Прозѣ*, но и въ безсловномъ событіи. Нужно ли доказывать сіе примѣрами? Арабъ, который воображаетъ *Бонаберджи* являющимся на вершинѣ *Пирамидъ*; видъ *Кавказа*, надъ которымъ при свѣтѣ солнца разражающіяся шучи и блещутъ молніи; единокорный подвигъ *Россіянъ* въ 1612-мъ году и сожженіе *Москвы* въ 1812-мъ — неужели это не *Поэзія* самая возвышенная? Неужели прозаическія описанія *Наполеона* собиравшихъ его *походы*, *Мадонна*

Жуковского, Notre-Dame de Paris В. Гюго, *Аммантъ-Бекъ* Марлинскаго — не Поэзія? Приводимъ эти указанія для того, чтобы убѣдиль Г-на Плаксива въ ошибочности его раздѣленія. Онъ писалъ на Русскомъ языкѣ, гдѣ Греческое слово Поэзія имѣеть одно, опредѣленное значеніе. Но если подъ именемъ *Поэзіи* онъ разумѣлъ *Стихотворство*, то слѣдующее объясненіе показываетъ опять что-то пропшлорѣчивое: «Прозанкъ, понимая природу, списываетъ ее; поэтъ, находя міръ непонятнымъ, шворитъ изъ него свой идеальный, чувственно-совершенный.» Совершенно напрощивъ! Поэтъ попому-то и пишеть, что понимаетъ описываемое имъ лучше всякаго прозаника. Поэта можно назватъ безощетнымъ философомъ. Онъ снимаетъ всѣ покровы съ таинствъ природы. Прозаникъ въ понятіяхъ, хотябы выражался онъ и стихами, естъ не иное что какъ простой описатель. Онъ описываетъ всякій предметъ такъ-же, какъ гладнокровный топографъ описываетъ какое-либо мѣстоположеніе.—Замыпимъ, мимоходомъ, что Авторъ весьма несправедливо называетъ Ришфорку наукой. Мало этого: онъ величаетъ именемъ науки и Пишнику, и Грамматнику!

Въ сужденіяхъ о писателяхъ, спорову не можетъ бытъ, и не должно бытъ. Мы не будемъ ни подшперждать, ни опрощать, напиримръ, что Г-нъ Броневскій, Авторъ морскихъ описаній, можетъ служить образцомъ: всякій судитъ по своему! Но не лзя не ошмѣивши слѣдующихъ явныхъ ошибокъ.

Г-нъ Плаксинъ думаетъ, что Г-нъ Никольскій сочинилъ: *Разсужденіе о механическомъ составѣ язы-*

ковъ. Это сочиненіе не Г-на Никольскаго, а Француза Бросса; Г-нь Никольскій только перевелъ его.

«Критики *Шихова* имѣли весьма значительное «вліяніе въ нашей Литтературѣ; особливо: *Олегъ Гайшемъ*, способъ возражать на критики, можешь почесться лучшимъ образцомъ и теорією Критики.» Жаль, что сей Критикъ вдавался въ крайности «Славянства» (стр. 161-я).» Не понимаю, какъ Авшоръ могъ въ этихъ немногихъ строкахъ едва ли такъ много ошибокъ. Книжечка, о которой упоминаешь онъ, писана не А. С. Шиховымъ, а прошивъ него. Сочинитель ее не только не вдавался въ крайность *Славянства*, но возставалъ противъ Славянства. Она можешь почесться не теорією Критики, но образцомъ остроумія и тѣкости, обдеченныхъ языкомъ и духомъ образованнаго общества.

Изъ немногихъ замѣчаній нашихъ можно видѣть, что книга Г-на Плакима болѣе достойна хвалы по намѣренію, нежели по исполненію. Общій планъ ее прекрасенъ; исполненіе и подробности не совмѣстивують оному. Однакожь мы не обинуясь признаемъ ее одною изъ лучшихъ книгъ по своей части, и на этомъ основаніи рекомендуемъ всѣмъ преподавателямъ и любителямъ Словесности. Это заря, которая предзнаменуетъ ясный день въ нашихъ повѣстяхъ о Словесности.

К. П.

— Стихотворенія Александра Полежаева. М. 1832. въ ш. Лазаревыхъ Института Восточн. язык. 283 стр. in-12.

Среди пустыхъ, бездушныхъ произведеній современнаго стихотворства, оправдно встрѣишь цѣлый томъ Стихотвореній внутреннихъ, чувствомъ истиннымъ, неподдѣльнымъ, незаимствованнымъ. Подобно самому челоѣку, бывающему въ разныхъ расположеніяхъ, въ разныхъ обстоятельствахъ, въ разныхъ тревогахъ душевныхъ, стихотворенія писателя также всегда носятъ оппечашокъ мѣстный, временный; но основныя силы души неистребимы, и ось ихъ-то писатель бываетъ всегда одинаковъ, не смотря на то что окружающія его обстоятельства, люди, даже воздухъ перемѣняются безпрестанно.

Въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Г-на Полежаева замѣсны были необыкновенная легкость и живость стихотворенія. Сквозь шуманъ юношеской пылкости, которая не дозволяетъ глубоко проникать въ предметы, у него всегда видна была душа, сильная, пламенная. Надобно пожалѣть, если обстоятельства не допустили его образоватъ свое дарованіе, не дали ему ближе разглядѣть общество и проникнуть въ таинства современнаго духа. Да! пусть душа влыва ищущъ вдохновенія въ чуждой Древности, или въ сочиненіяхъ гениевъ другихъ міровъ. Для поэта истиннаго, вдохновеніе всегда вблизи его, дома, въ шой сиратѣ, которая видѣла его рожденіе, и воспитала, возмѣтала его способности. Кто не находитъ поэзіи въ пред-

местахъ близкихъ , родныхъ ему , шомъ напрасно будешь размахивашь крыльями надъ отчизной Петербурга и Данше : тамъ ожидается его жребій Икара.

Г-нъ Полежаевъ увлекался современными направлениемъ Поэзіи и подражалъ Байрону , Ламаршину. Тамъ могъ онъ показашь только гибкость своего дарованія. Переводы надъ подражанія его слабы въ сравненіи съ подлинниками , но хороши какъ стихотворенія Русскія. Кажется однакожъ , что страсть къ подобнымъ предложеніямъ миновалась , и безвозвратно. Боже мой ! Двадцать лѣтъ назадъ : что это было за время ! Ни одинъ Французскій пѣвунъ , хоша-бы безголосый , не могъ разинуть рта безъ того , чтобы у насъ , въ землѣ Пѣвца о походѣ Игоревомъ , также не растворилось нѣсколько ртовъ : одни ошъ удивленія , другіе ошъ желанія вторить. И сколько мѣлочныхъ дарованій ушло при этомъ въ поэмы ! Переводъ всенки , едва сносный , давалъ право на имя лишерашора , и не рѣдко усыплялъ дарованіе. Настала вѣкъ желѣзный. Да , мы Римляне , закованные въ броню , въ сравненіи съ опцами нашими , Аркадскими пастухами Поэзіи. Какую славу пріобрѣлъ-бы Г-нъ Полежаевъ за свои переводы ! Теперь , мы указываемъ на нихъ какъ на удачные упражненія въ Стихотворствѣ , не болѣе.

У Г-на Полежаева есть другія , болѣе сильныя права на вѣнокъ поэта. Его собственныя стихотворенія , особенно послѣднія , писанныя на Кавказѣ , дышатъ чувствомъ истинно поэтическимъ. Такова участь поэтовъ ! Это страдальцы , обречен-

цы волненія и борьбы собственныхъ чувствъ. Дорого покупають они вдохновенія свои, которыхъ напрасно ищуть въ гостиницъ паркетные казанбуржисты. Чшобы узнать свѣтъ, надобно глядѣть не на декорацию его, а на внутренній механизмъ, движимый спрасшиями. Право на это надобно приобрести не обѣдами въ свѣшлыхъ столовыхъ, и не балами, гдѣ все блещеть и плѣняетъ взоръ. Прочъ всѣ замисленные лучи!.. Тогда-шо увидише вы этого ненагляднаго героя, именуемаго человекомъ, увидише прежде всего въ самихъ себѣ, и для разнообразія, для дополненія картины, въ другихъ. Только въ этомъ положеніи начинается и оканчивается воспитаніе поэта. Преображенный, свободный отъ земныхъ оскѣпленій, онъ смѣло пускается въ область Поэзіи. Всѣ явленія міра найдуть отзвувъ къ душѣ его.

Не достигши высоты, на которой стоятъ исполнены Поэзіи; Г-нъ Полсжаевъ заслуживаетъ однакожъ вниманіе, какъ поэтъ, полный чувства, испышанный спрасшиями и жизнью. Теперь-шо можешъ развѣшсья его дарованіе и облачать звучными стихами, столь легкими для него, помыслы высокіе. Залогомъ сего служишь напечатанный шомъ его стихотвореній. Въ подтвержденіе всего сказаннаго нами, выпишемъ нѣкошорыя мѣста изъ стихотворенія его: *Ночь на Кубани*. Обращаясь къ самому себѣ, Поэтъ говоритъ:

Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ,

И на зарѣ воевннхъ лѣтъ
 Его ничиножесство измѣриль;
 Кто погубиль, подобно мнѣ,
 Свои надежды и желанья,
 Предъ кѣмъ разрушились вцолѣѣ
 Грядущей жизни упованья;
 Кто сирѣ и туждѣ передъ людьми,
 Кому дадушъ изъ сожалѣнья,
 Иль ненавистнаго презрѣнья,
 Когда нибудь клочекъ земли....
 Одинъ лишь поштъ меня оцѣнишь,
 Моей поски не обвинишь,
 Душевнымъ чувствамъ не измѣнишь,
 И скажешь: пакъ, пы несчастливъ!
 Какъ братель къ поперянному братель
 Съ улыбкой вѣжной подойдетъ,
 Слезу спрадальную прольешь,
 И раздѣлишь мою утрату!..

.
 Лишь онъ одинъ постигнушь можешь,
 Лишь онъ одинъ поймешь шого,
 Чье сердце червь могильный гложеть!
 Какъ палма въ зеркалѣ ручья,
 Какъ шѣнь налестная въ лазури,
 Въ немъ отразился послѣ бури.
 Душа умылая моя!
 Я буду онъ! Онъ будетъ я!
 Въ одномъ изъ насъ сольются оба!
 И пусть шогда вражда и злоба,
 И мечъ; и заспутъ гробовой
 Гремятъ надъ нашей головой!

Мы нарочно выписали отрывокъ изъ такого стихотворенія, гдѣ виднѣ душа Поэша въ нынѣшнемъ

его положеніи, а не въ томъ, когда написалъ онъ свое стихотвореніе *Иманъ-Козель*, нѣкогда напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, и надѣлавшее довольно шуму. Впрочемъ, оно помѣщено и въ собраніи его стихотвореній. Если голосъ нашъ можетъ быть услышанъ Поэтомъ, мы посоветуемъ ему не унижать своей лиры шѣми фаншазіями, которыя надобно намъ въ нынѣшней пишущей бранни. Изъ *Посвященія* его видимъ, что онъ жпветъ среди Кавказа. Да оживишь его священный воздухъ горъ, и да явдшся онъ намъ, въ будущиѣхъ стихотвореніяхъ своихъ, шѣмъ пѣвцомъ, какого мы предвидимъ въ немъ и предсказываемъ самимъ себѣ. Замѣшимъ чешыре прелестныя стихи въ *Посвященіи*:

Пою разсѣянный, унылой,
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилою
Давно утраченные сны!

Эшо отзвѣвъ души!... Но прекрасныя, поэтичскіе отзвѣвы не гибнуть. Эшо можешь утѣшашъ Поэта и въ далекой сторонѣ, и въ глубокой грусти.

— *Первоначальная Географія*. Часть первая. *Предварительныя понятія и Европа*. СПб. 1832. въ ш. III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Влѣчества Канцелярн. XVI и 379 стр. in-8.

По всѣмъ частямъ знанія, у всѣхъ образованныхъ народовъ издаѣтся множество книгъ. Причина понятна. Кромѣ шого, что область знанія без-

прерывно увеличивается, каждый сморгнуть со своей точки зрѣнія. Особенно въ наше время, многое зависишь отъ методы въ изложеніи наукъ и знаній. Въ Географіи, напримѣръ, казаось-бы, не лзя сказать много новаго; но заглянише въ книгу, о кошорой объявляемъ мы, и вы согласитесь, что взглядъ Автора, ея и новъ и вѣренъ.

Мы признаемъ книгу сію одною изъ лучшихъ для первоначальнаго обученія Географіи. Она отличается отъ другихъ подобныхъ сочиненій тѣмъ, что въ ней описываются Земной Шаръ, Частн Сѣва и Государства только въ отношеніи дъ естественнымъ раздѣленіямъ. Всѣ другія подробности Географическія и Статистическія отдѣлены. Авторъ справедливо говоритъ, что, «будучи вводимы въ учебныя книги вкращѣ, сія опрѣвки понятій не удовлетворяють учащагося, а между тѣмъ отвлекають, или лучше сказать не довольно обращаютъ его вниманіе на изученіе *Карты*, хорошее знакомство съ коей есть единственное основаніе всѣхъ Географическихъ познаній.»

Жедаемъ всевозможнаго успѣха сей книгѣ, какъ для пользы учащихъся, такъ и для того, чтобы оно побудило неизвѣстнаго намъ Автора довершить свой трудъ изданіемъ слѣдующихъ частей.

— *Политическая Экономія или Наука о Богатствѣ.* Сочиненіе Іосифа Дроза, Члена Французской Академіи. Перевелъ съ Французскаго Б. Ю. Корфъ. СПб. 1832. въ т. III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелярій. XVI и 298 стр. in-12.

Извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ сей книги. Переводъ ея хорошъ. Мы принуждены ограничить ея смысломъ словами извѣстіе наше, ибо по нѣкоторымъ причинамъ не можемъ входить въ разбирательства, касающіяся Политической Экономіи.

ПАРИЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

(Окончаніе).

— Оставимъ нашихъ воспитанниковъ пользоваться нашими открытіями, говорить и разговаривать между собою свободно; пошомъ прислушаемся къ нимъ, подслушаемъ ихъ внимательнo, замѣшимъ: не будешь-ли въ знаки ихъ вмѣшиваться какой либо звукъ, какое нибудь произношеніе, не услышишься-ли голосъ, такъ, какъ изъ огня и кремня вылетаютъ искры, хотя огонь и кремль производятъ ихъ непроизвольно, безъ сознанія? Слушаемъ, и узнаемъ, что у нихъ есть *голосъ*, есть какіе-то *звуки*, и они явнo поражаютъ наше ухо; глазъ видишь движеніе органовъ для произнесенія свѣхъ звуковъ, хотя все это смѣшанно, безъ порядка. Мы замѣчаемъ даже ударенія голоса, признаки живыхъ ощущеній, чувствуемъ, кони одушевлены глухо-нѣмыми.

— Заставимъ явиться передъ собраніе эту молодую особу, которая производитъ звуки : А, Е, и слоги : МИ, ТИ. После многихъ опытовъ, мы достигли до того, что она повторяетъ ихъ, и произноситъ явственно. Она не знаетъ еще того, чѣмъ обладаетъ, она не чувствуетъ этого драгоценнаго сокровища ; но, хотя и на вѣкъ погруженная въ глубокое молчаніе, она со временемъ почувствуетъ, или, лучше сказать, научится различать въ смѣшанныхъ движеніяхъ горла, когда она производитъ извѣстные звуки ; и когда не производитъ ихъ. Она будетъ употреблять ихъ, и по ловкости, свойственной ея полу, спанетъ производить ихъ по волю, заставимъ слушающихъ понимать ее.

— Теперь, въ одно время, спанемъ писать, и заставимъ произносить : Е, МИ, А, ТИ. Если мы достигли до того, что заставили произнести все это, указывая на написанное нами, то мы уже дали урокъ Азбуки. Наша воспитанница сдѣлала важный шагъ въ наукѣ слова и чтенія.

« Да, » говоритъ, улыбаясь, одинъ изъ строгихъ слушателей, » ваша воспитанница далеко подвинулась съ этимъ сорочьимъ языкомъ, этою совершенною безтолковщиною ! »

— Почему-же, М. Г., вы такъ полагаете ? спрашиваетъ Наставникъ. — Согласитесь, что воспитанница наша очень хорошо понимаетъ извѣстное ей слово, которое впрочемъ и не имѣетъ надобности въ изясненіи, потому, что у нея есть сестры, братья, подруги.

Истинное дѣло наша *азбука*! Она кажется послѣднимъ успѣхомъ человѣческаго генія. Это чудное изобрѣщеніе — свести всѣ стихіи слова къ ограничѣнному, извѣстному количеству, и представивъ ихъ ограниченнымъ, извѣстнымъ числомъ знаковъ — есть величайшее дѣло ума человѣческаго! Не скажемъ-ли, что одинъ и тотъ-же великій умъ изобрѣлъ голосовую азбуку, письменные знаки, систему цифръ, и разложеніе свѣта на извѣстные цвѣта?

Въ органѣ слова, этомъ сокращеніи всѣхъ музыкальных орудій, человѣкъ получилъ отъ Создателя голосъ, ударенія его, пѣніе и слово, что все употребляетъ онъ, раздѣльно или вмѣстѣ. Человѣкъ можетъ подражать крику всѣхъ животныхъ, скорбѣть съ несчастливцемъ, веселиться съ счастливымъ, рыкать со львомъ, ворковать съ голубемъ, пѣть съ упрецнею пшичкою, свистать съ вѣтромъ пустынь, гремятъ съ громомъ, жаловаться съ своею подругою, и говорить съ человѣкомъ.

Языкъ дѣйствицъ, изображая идеи движеніями, придавая формы мысли, нѣкоторымъ образомъ *говоря предметами*, соединяетъ ошлеченныя идеи, вызванныя изъ самыхъ высокихъ областей ума, подъ владычествомъ воображенія и чувства. Это основаніе естественной Мнемоники постоянно заставляешь идти вмѣстѣ *ощуемое и видимое*.

Спросите нашего воспитанника, не давая ему времени размыслить. Пусть онъ покажетъ вамъ слово: *одна*. Онъ тотчасъ представитъ вамъ свою палку, свою шляпу. Вы замѣтите ему, что онъ показываетъ вамъ *одна* предметъ, но не число:

Одинъ, отдѣленное, уединенное отъ всякаго предмета. Онъ покажетъ вамъ тогда свой палецъ — прежде возраженіе съ вашей стороны. Онъ спарашетъ выйдши изъ затрудненія, проводя вамъ одну линію по воздуху. Но эта линія не оставляетъ никакого слѣда, да если-бы она и была впечатлѣна, постоянна, видна на рисунокѣ, дѣло кончилось-бы все тѣмъ-же, что онъ не можетъ вамъ показашъ числа: *одинъ*, отдѣльно, объединенно отъ предметовъ. Тогда убѣждается онъ, что нельзя отдѣлать *отвлеченнаго* отъ *видимаго*, и, можешь бышь, не возможно поняшь одно безъ другаго.

Попроще для живописи — *пространство*, попроще для языка дѣйствій — *время*. Между тѣмъ, сіи два рода выраженія часшо сближаются.

Дѣлая знаки *будущаго*, *настоящаго*, *прошедшаго*, изъ собранія сихъ трехъ періодовъ времени, воспишанникъ сославляетъ знакъ *самаго времени*.

Ошрицаешь-ли онъ прошедшее потрясеніемъ головы — у него нѣтъ начала; ошрицаешь-ли онъ будущее — у него нѣтъ конца. Очертивъ на воздухѣ, указательнымъ пальцемъ, кругъ, означающій *безконечность* во всѣхъ смыслахъ, онъ обрѣзалъ края времени, изобразилъ свернушую въ кольцо жизнь, знаменующую въ живописи символъ *вѣчности*.

Глухо-нѣмой употребляетъ кисть живописца для выраженія *смѣха* и *плача*. Въ первомъ случаѣ ему довольно обернуть пальцемъ, нѣсколько разъ, би-стро, полукругіе рта поставя его концами къверху; для второго онъ оборачиваетъ ихъ кънизу.

Какой-то Принцъ посѣтилъ, говоряшь , однажды Флоренсійскую галлерю , и видя Амура, плачущаго въ углу одной изъ картинъ , просилъ живописца заставитъ его смѣяться. Желаніе подобнаго чело-вѣка приказъ ; двумя чертами кисти Амуръ началъ смѣяться.

Если ученикъ подражаетъ дѣйствию живописца , такъ , какъ будто-бы въ правой рукѣ у него была кисть , а палитра на мизинцѣ лѣвой , и если онъ переноситъ дѣйствіе живописи къ уму , указывая на лобъ , и какъ будто погружая указательный палецъ свой въ верхушку головы , когда физиогномія его при томъ оживлена , онъ , такъ сказать , заставилъ разцвѣстъ передъ вами *воображеніе* : онъ показадъ его взорамъ вашимъ.

Если онъ , быстро , и нѣсколько разъ , ударяетъ себя въ лобъ указательнымъ пальцемъ , дабы показашъ вамъ обиталище ума ; потомъ направляетъ пальцы къ небу , живо шевеля ихъ , и изображая шѣмъ пламя , вылетающее изъ верхушки , головы , когда физиогномія его выражаетъ вдохновеніе , не изобразилъ-ли онъ вамъ *генія* ?

Пусть воспламенитъ онъ воображеніе , и эпошъ очаровашель украситъ вамъ самую природу своими вымыслами , и *поэзія* видна будешъ передъ вами.

Могущество ума, овладѣвающее душами , посред-ствомъ *доказательства* и *убѣжденія* , господствующее надъ сердцемъ , являющееся взорамъ въ блескѣ движенія , выраженіи слова , исправности писація ,

есть краснорѣчіе. Оно предполагаетъ пособіе познанія , работу генія , обработку ума.

Выражаютъ-ли вамъ знаками сердца , стремящееся къ одному предмету , съ сильнымъ желаніемъ , простирая въ тоже время руки впередъ , какъ будто для привлеченія его , и сопровождаая сіе дѣйствіе движеніемъ физиогноміи неизъяснимымъ — шагъ оно выразительно — показывающимъ , что довѣренность сердца полагають въ будущемъ — во всѣхъ сихъ знакахъ , вы узнаете *надежду , цѣль благополучія*. Дѣйствительно : мы находимъ въ этой ушѣшительницѣ смертныхъ , въ одно время, *желаніе , вѣрованіе , ожиданіе*.

Желаніе можешь ослабить , заснувши ; даже тогда , это *сонъ сердца* , или , однимъ словомъ , *равнодушіе*. Но желаніе никогда не погасаетъ ; это быдабы смерть души. Желаніе , напрошивъ , есть ее питаея. Между отчаяніемъ и жизнью существуетъ рѣшительное противорѣчіе , и этошь раздоръ ихъ , какъ выразилъ чрезвычайно краснорѣчиво Воссюэшь , есть *сцѣпленіе обманутихъ надеждъ*. Надежды наши непрерывно обманываются , но непрерывно и обновляются желаніемъ , перелезающимъ отъ одного предмета къ другому , на крыльяхъ времени.

Ненасытное желаніе , и безжалостное время , изъ подъ носы коего непрерывно сверкаешь жизнь , даже въ мракѣ смерти , шрудящся для вѣчности.

Если физиогномія глухо-нѣмого оживаетъ , какъ цвѣтокъ , распускающійся при благотшественномъ сіяніи солнца , когда при шомъ онъ шихо опирается

сердцемъ на свою руку — что онъ выразилъ? Намъ-ное, оживляющее чувство, природу, жизнь, душу, *любовь*.

Дабы очистить огонь ея, если онъ присовокупишь движеніе пальца, направленное къ небу, самъ преклоняясь въ то-же время съ благоговѣйнымъ обоженіемъ, онъ выразишь вамъ *любовь къ Богу*.

Если, съ знакомъ любви, онъ улыбаешся какому-то предмету, который, кажешся, легонько качаетъ онъ на рукахъ — вы видите мать, делящую дитя. Если пальцемъ онъ проведетъ линію, означающую отношеніе сердца матери къ сердцу дитяти, или отъ сердца дитяти къ сердцу матери — вамъ изображены два взаимныя отношенія: *любовь материнская и любовь дѣтская*.

Если это отношеніе существуетъ между двумя особами, безъ различія пола, съ переменнымъ движеніемъ обѣихъ рукъ, означающихъ симпатію, *взаимность*, съ какимъ-то стремленіемъ взаимнаго почтенія, переходящимъ изъ сердца въ сердце — кто не узнаешь *дружбы*?

Извѣстенъ анекдотъ о двухъ славныхъ комедіаншахъ, которые когда-то обѣдали за однимъ столомъ, и были приглашены собраніемъ гостей показашь опытъ своихъ дарованій. Одинъ изъ нихъ, произнесеніемъ прекраснаго ошрывка поэтическаго, возбудилъ состраданіе и ужась во всѣхъ душахъ, поразилъ ихъ страхомъ, и заславилъ плакать. Другой, на котораго обратились потомъ взоры всѣхъ присуществовавшихъ, тихо приближается къ ра-

сваренному огню, держа салфетку свою на рукахъ, какъ будто ребенка, тихо качаясь се, тихо улыбаешься ей, и краснорѣчвыми плодовиженіямъ, и выраженіемъ фізіогноміи, показываешь материнскую нѣжность, неописуемую ни какими человѣческими словами. Вдругъ дупка выпадаешь изъ рукъ его въ окно... Съ смертною блѣдностью, съ ошчаяннымъ взоромъ, онъ слѣдуешь въ паденіи за предметомъ любви своей, хочешь схватить его, и въ благородной, прогашельной фізіогноміи своей; показываешь все ошчаяніе матери, все, что только можетъ выразить человекъ, у котораго испоргалось его сердце!...

Для дополненія системы знаковъ, надобно-бы прибавить къ нихъ изслѣдованію, описанію, и изображенію буквъ письменныхъ, крашку теорію человѣческихъ фізіогномій. Дѣло — почти невозможное! Можно противопоставить любовь ненависти, смѣхъ плачу; можно подраздѣлить насмѣшку на презрительную и коварную; можно усупенить ряды чувствованій, побужденій, страстей главнѣйшихъ. Но никакого человеческого искусства не будетъ достаточно, если оно захочетъ описать всѣ ничтожные ошѣтки, кошорые, какъ молнія, перелезають на лицъ, когда страсти обуреваютъ душу, подобно вихрямъ, волнующимъ бурное море.

Ученіе никогда не должно бытъ отдѣляемо отъ воспитанія. Раздѣленіе ихъ есть порокъ нашего вѣка. Какая нещепость! Почитать голову бѣднаго ребенка мѣстомъ складки, гдѣ безъ различія, кое-

какъ , сбрасываютъ всякую всячину , не заботясь объ его сердцѣ , направленіи его воли , добрыхъ наклонностяхъ , оныхъ которыхъ зависить будущее его благополучіе ! Не значить-ли это упорно хотѣть , чтобы человекъ ходилъ на головѣ , оставляя сердце его , душу и волю , приходямъ случая ? Такое однакожь человекъ , обрубленный мыслями воспитаніемъ .

Воспитаніе и ученіе , друзья дѣтства , должны быть неразлучными спутниками человека , по крайней мѣрѣ , въ юности его . Если не лзя дать первому возрасту понятія о величій его жребія , безсмертіи души , вѣчности будущей жизни , то , до крайности — дайше ему хоть предчувствіе всего этого .

Беру какой нибудь художественный предметъ , на примѣръ , вошь эти часы . Спрашиваю , знаками , у этого восьми , или девятилѣтняго воспитанника : сія часы чье произведеніе — мухи , обезьяны , пчелы , жирафа , муравья , слона , или нашей маленькой собачки , способствовавшей нашимъ изъясненіямъ ?

Воспитанникъ краснѣетъ оныхъ негодованія . Онъ ошвѣчаетъ насмѣшливо , хотя и безъ гнѣва , но утвердительно : нѣтъ !

Поспараемся успокоить его , объяснивъ , что вопросъ эшотъ сдѣланъ не въ шушку , и идонитса къ его наученію .

Наставникъ . Чье созданіе эти часы ?

Воспитанникъ . Это произведеніе часовщика .

Наст. Что значить: *заговирки*?

Восп. Человѣкъ, который дѣлаешь часы, и т. д.

Сего примѣра достаточно, для убѣжденія, что проходя такимъ образомъ съ воспитанниками, посредствомъ знаковъ, и продолжительнаго ряда вопросовъ, всѣ предметы искусствъ, всѣ произведенія человеческой промышленности, можно показать имъ идею *Души*, могущества, превышающаго инстинктъ животныхъ.

Наконецъ, обращаясь къ солнцу, спрашиваю у воспитанниковъ: этоли неисчерпимый источникъ, непрерывно разливающій во вселенной попоки свѣта и теплоты, оживляющій всѣ предметы самими яркими дѣйствіями радуги; произведете-ли рукъ человеческихъ?

Всѣ отвѣчаютъ: *нѣтъ*.

Сего втораго примѣра достаточно, дабы показывать источникъ множества вопросовъ о предметахъ природы, и о томъ, какъ доводится воспитанникъ до идеи *Бога*, Создателя, безмѣрно высшаго ступеню великихъ гевіевъ, принадлежащихъ къ числу слабыхъ смертныхъ, созданій его.

Достигнувъ 16-ти и 18-ти лѣтняго возраста, воспитанники, умѣющіе писать, знающіе грамматику роднаго языка, и всѣ формы рѣчи, могутъ отвѣчать письменно на многіе вопросы.

Когда они хорошо вѣдаютъ явленія жизни животныхъ, всѣ способности и дѣйствія души человеческой, связь явленій природы и произведеній

искусствъ, могутъ восходить отъ дѣйствія къ причинамъ, до первоначальной вѣлы, независимой, колеблемой ничѣмъ, безмѣрной, вѣчной, всемогущей, то они обладаютъ стихіями новыхъ каршнвъ, которыя могутъ задавать самимъ себѣ.

Представляю теперь вамъ, ММ. ГГ. монахъ старшихъ воспитанниковъ. Мы можемъ дѣлать вамъ всякаго рода вопросы, о чемъ-бы то ни было.

Вопросъ. Что такое : *вѣчность* ?

Массье. Безъ рожденія и безъ смерти, юность, безъ дѣтства и старости; сегодня, безъ завтра и вчера. Кругъ безъ послѣдованія; безвозрастность (le non-âge).

В. Что такое : *трудность* ?

Массье. Возможность, съ препяшшвіемъ.

В. Что такое : *искренность* ?

Клеркъ. Ничто естественное, свободное, доброе, безъ хитрости, безъ закрытія и изворотовъ въ словахъ и дѣйствіяхъ. Крещьяне и мужики, большею частію, простыяки, пошому, что ихъ умъ необработанъ. Дѣши и молодые люди, благорожденныя и благовоспитанныя, искренны, пошому, что сердце ихъ не испорчено.

В. Что такое : *идея, мысль, сужденіе, выводъ и метода* ?

Бертъ. *Идея*, слѣдствіе вниманія, рисуешь предметъ въ умъ; *мысль* соединеніе идей, и сравненіе

ихъ , для сужденія ; *сужденіе* опредѣляетъ ихъ сходство и несходство ; *выводъ* соединяешь сравненія , сужденія , и выводилъ одно изъ другаго. *Методъ* есть искусство дѣлать что либо по правиламъ.

В. Что такое въ человѣкѣ *пріятность* ?

Газанъ. Нѣчто , чего мы сами не знаемъ , что-то небесное , разлитое въ шѣлѣ , въ движеніяхъ , въ знакахъ , во всемъ человѣкѣ. Это подарокъ , милость Божія.

В. Что такое : *стыдливость* ?

Газанъ. Стыдливость , самая прогашельная изъ добродѣтелей , румянитъ лицо честнаго человѣка , а еще болѣе молодой дѣвушки , пріятною краскою. Это законное отвращеніе отъ худаго , смѣшанное съ милымъ румянцемъ , при видѣ шого , что оскорбляетъ цѣломудріе.

В. Что такое : *милосердіе* ?

Бертъ. Величественное прощеніе.

В. Какое различіе между прекрасною и милою женщиною ?

Газанъ. Прекрасная обладаетъ сильнымъ очарованіемъ возбуждающимъ въ насъ удивленіе. Она заставляла наши взоры останавливаясь на ней , привлекая ихъ благородными качествами , правильностію шѣлѣ своего , и пріятнымъ смѣшеніемъ розъ и лилій въ цвѣтѣ его. Милая нравилась намъ , и увлекала насъ , хорошею фигурою , и милымъ въ дви-

жизнью. Это игрушка, кошорую мы любимъ, не удивляясь ей. Бышь прекрасною можно однимъ образомъ, нилою тысячами!

В. Какое различіе между прекраснымъ и великолѣпнымъ?

Газанъ. Въ искусствахъ, и въ созданіяхъ ума, для прекраснаго надобны правильность, благородная простота, величіе; великолѣпное придаетъ всему необыкновенный блескъ, соединеніемъ совершенствъ и соразмѣрностей, чему не лзя не удивляться. Соедините прекрасное съ великолѣпнымъ, будетъ величественное, кошорое восхишитъ, плѣнитъ, увлечетъ васъ. При всемъ этомъ, всегда найдете вы его самымъ естественнымъ.

В. Чшо такое : благополучіе?

Газанъ. Вкушать наслажденія жизни есть только удовольствіе. Благополучіе — миръ удовольствій съ совѣстью.

В. Признаете-ли вы важность шаниствъ въ Христіанской вѣрѣ?

Газанъ. Жалкій вопросъ! Человѣкъ, горделивый червакъ, думающій прощочить машину вселенной, взволзши на верхъ шаниственнаго храма Вѣры, до-рѣнется до основаній нашей духовности, и ошкритъ шо, чшо шамъ скрышо. Все затворяетъ передъ нимъ дверь шаниствъ. Тщешныя усилія, суцая глудоснь! Онъ скоплетъ себѣ ошвлеченныя знанія, онъ, ашомъ въ безконечности недоснаю-

жить ему свидѣній! Можешь-ли опъ послѣ сего спрашивать у меня, товарища своего неслѣстна и скудоумія, признаю-ли д важность шажиста Христіанской вѣры?

Наставникъ раскланивается съ собраніемъ, говоря: «Мм. Гг. и Мм. Гг-ни! благодарю васъ ошъ имени *глухо-нѣмыхъ*, за посѣщеніе, которымъ вы насъ удостоили. Засѣданіе наше кончилось.»

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СКАЗАНІЯ,

О

ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО ВЪ ИНДІЮ
И НА ВОСТОКЪ.

«Чѣмъ глубже рыть, тѣмъ лучше руда,» говорилъ ученый Нѣмецъ, прочитавъ Шлецерова Нестора, и принимаясь самъ за чтеніе Русскаго подлинника Несторовой лѣтописи. Такъ и въ Словесности. Никакія созданія новыя, какимъ-бы блескомъ дарованія ни были они ознаменованы, и какого-бы глубокаго изысканія не носили они на себѣ отпеча-токъ, не будутъ досташочны къ проявленію древней народности. Надобно самимъ намъ узнать ваянъ преданія, быльи, шебылицы, сказанія, вѣрья нашихъ стариковъ; надобно знакомиться съ

старшиною, не черезъ шолмачей, но лично. Трудъ вознаградится спорницею, если мы постараемся понять нашу простую, добродушную, довърчивую, но умную старину, имѣвшую свои достоинства, и недосадки, добродѣтели и слабости. Безъ всего этого, не узнаешь намъ никогда, не только стхій древней народности нашей, но даже и стхій народной лищерашуры вообще.

Увѣренные въ этомъ, мы постоянно представляемъ читателямъ нашимъ материалы для познанія Древней Руси, во всѣхъ отношеніяхъ. И теперь съ симъ-же намѣреніемъ предлагаемъ имъ *Древнія Русскія сказанія, о походѣ Александра Македонскаго въ Индію*. Мы списали ихъ, почти слово въ слово, изъ *Хронографовъ*, или Всеобщей Исторіи, переведенной на Славянскій (бывшій тогда книжнымъ въ Руси) языкъ, въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ стараясь при томъ въ переложеніи нашемъ сохранить всю характеристику разсказа нашихъ стариковъ. (О *Хронографахъ* вообще, см. Разсужденіе П. М. Строева, въ *Трудахъ и зпн. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, ш. IV, кн. I, стр. 116—121, и *Ист. Русск. народа*, ш. I, LXXIII).

Александръ, « безсмертный мнеческій символъ побѣды на Восходѣ, » какъ сказали мы въ другомъ мѣстѣ, играетъ столь-же важную роль въ древней Русской, исторической и лищераатурной Мифологіи, какъ и у Восточныхъ народовъ. Какъ на Восходѣ, онъ является у насъ также предме-

Іюль 1832. 24.

помощь философическихъ, поэтическихъ описаній, и задачею Исторіи, въ смѣси съ Библейскими и всѣми преданіями. Столь сильно отозвалось въ вѣкахъ сближеніе Европы съ Азіею, первое, въ лицѣ Искандера совершившееся! Въ предлагаемомъ теперь отрывкѣ, читатели увидятъ въсѣтъ поэзію и философію нашихъ стариковъ: это собственно описаніе пребыванія Александра въ землѣ *блженныхъ Рахмановъ*, идеальной Утопіи нашихъ предковъ. Мы объясняли уже географическую Мифологію Руси, и идею нашихъ предковъ о *Рахманахъ* (т. е. Индійскихъ *Браминыхъ*, или *Брахманахъ*), говоря въ Телеграфѣ (1830 г.) о древнихъ Русскихъ Космографіяхъ. — Здѣсь источники поэзіи и романа Русскаго! Ни въ поэзіи, ни въ романѣ не оживить для насъ Руси тощъ, кто не исчерпаешь ея самобытныхъ матеріаловъ. Пока сочинитель незнакомъ со всѣмъ эпическимъ, до шѣхъ поръ онъ будетъ намъ выдавать героическія и любовныя сказки, гдѣ, усиленіемъ его дарованія, дѣйствуютъ мечтательныя лица, имъ созданныя, но не настоящіе Русскіе. Впрочемъ, рѣчь объ этомъ можетъ быть долга. Довольно, если читатели увидятъ, въ разсказѣ нашихъ стариковъ о Македонскомъ Царѣ Александрѣ, живой отпѣнокъ быта прежняго, какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и если это захошится, хотя нѣкоторыхъ изъ одаренныхъ талантами людей, не пугаться толстыхъ, пыльных книгъ старинныхъ, и вѣщихъ харшій, оставленныхъ предками на память потомкамъ.

Потомъ пошелъ Александръ въ Индію Великую. Услышавъ о томъ Индійскій Царь Поръ, послалъ къ Александру сказать: «Повеѣваю тебѣ отойдти, разрушающему грады! Ты человекъ худой и малый, а я непобѣдимый Царь и Богъ. Не можешь ты мнѣ противиться; потому и рати моею не посылаю я противъ тебя. Ничтожна для меня земля твоя, и ничего нѣтъ въ ней достойнаго моему царскому видѣнію. У насъ-же всѣ блага, какихъ нѣтъ по всѣмъ другимъ мѣстамъ вселенной.»

«Слышавъ я словесное твое извѣщеніе,» написалъ къ нему Александръ, и знай, что имъ-то и подвигъ ты насъ на большую брань. Говоришь, что ничего нѣтъ въ Эладѣ, а въ Индіи всѣ блага, все зрѣнія Царскаго достойное. Потому-то и хотимъ мы все это опрять у васъ. Брань-же сотворишь съ тобою, не какъ съ Богомъ, но, какъ съ человекомъ.»

Прочитавъ сіе, Поръ разъярился ужасно, собралъ множество Эіоповъ и варваровъ, отъ разныхъ народовъ, приготовилъ множество звѣрей и слоновъ. Сильно устремился на брань Александръ. Множество погубило тогда Персовъ и Грековъ. Убитъ былъ подъ Александромъ знаменитый конь его, Буцефалъ. Тогда Александръ началъ совѣщаться съ Поромъ о томъ, чтобы биться имъ самъ на самъ, а людей своихъ пощадить. Поръ весьма обрадовался, ибо онъ былъ высокъ, пяти лакшей ростомъ, а Александръ только шрехъ лакшей. Нача-

лась битва. Вдругъ возшумѣли въ это время въ полкахъ Пора. Онъ оборотился, желая узнать, отъ чего происходитъ шумъ. Тогда Александръ успрѣлъ его въ ногу, и, соскочивъ съ коня, ударилъ его конемъ въ ребро, сшибъ съ коня и убилъ. Одолевъ такимъ образомъ Пора, завладѣлъ онъ всею Эіопією, и замыслилъ идти къ Рахисанамъ.

И пришелъ Александръ сперва къ острову Прованскому, гдѣ живутъ люди, называемые: *долгожити*, ибо есть у нихъ старики лѣтъ по полтораста. Царь у нихъ Индійскій, и всѣ Цари той страны ему покоряются, какъ спрашиги. Къ этому острову прилежишь другихъ острововъ до тысячи, и всѣ въ обдерживъ Черное море. Тушь-же находишь и *Желѣзная матка*, которая привлекаетъ къ себѣ желѣзо. Ежели идешь мимо корабль, сколоченный желѣзными гвоздями, то стараешься держаться поодаль отъ матки, а тамошніе всѣ корабли строятся съ деревянными гвоздями. Пять рѣкъ великихъ находишь на Прованскомъ островѣ, и по онымъ кораблями ходяшь. Сказываютъ, что никогда безъ овощей сей островъ не бываетъ, ибо, когда одинъ овощъ цвѣшетъ, то другой уже наливаешь, а шрешій зрѣетъ. Есть еще тамъ много финиковъ, и Индійскихъ орѣховъ, величиною съ дыню. Родается тамъ и каменіе драгое, и жемчугъ, а въ землѣ золото. И нѣтъ въ сей землѣ убогихъ, но всѣ богаты; питаются-же молокомъ, Сарацинскимъ пшеномъ, и овощами. Тушь-же есть всякія райскія

пшцы, чудныя, и запахъ отъ нихъ повсюду разносится благоуханный. Жители тамъ ни волны, ни льна не шкутъ, одежды не нѣютъ, и лядвѣ только покрываютъ овчинами, а золошомъ они пренебрегаютъ. Къ бою крѣпки. Есть еще у нихъ овцы волосатыя, безъ волны, весьма молочныя, и хвосты у этихъ овецъ плоскіе, а ѣдятъ они мясо. Спиней-же, отъ самой Омиванды, во всей Индійской сторонѣ вовсе нѣтъ, ибо тамъ очень знойно. Говорятъ, что Индійскаго моря широка простирается до горъ Араратскихъ, на коняхъ находящихся Ноевъ ковчегъ. Тамъ-же есть еще въ морѣ скалы, которыя пожираютъ въ себя лучи солнечныя, и отъ того зачинается въ нихъ бисеръ. Сей бисеръ достаютъ такъ, что повергаютъ въ море *ахаты*, и гдѣ ахаты остановятся, наскнувшись на скалу, значить, что шупъ мѣсто бисера; ловцы бросаются въ море, и его достаютъ. Живетъ еще тамъ звѣрь аспидъ, и, говорятъ, что онъ вылезаетъ изъ моря на берегъ, сушиться; въ это время ловятъ его, для цѣленія и красоты. Скажемъ и о перцѣ: онъ рождается въ Индійской землѣ, въ области Вифандской. Люди тамъ малы и худосныяны, живутъ въ пещерахъ каменныхъ, и лазятъ умѣютъ по вышамъ и пещерамъ, ибо мѣста у нихъ весьма гористы. Деревя перечныя весьма низки, хотя на нихъ перецъ великій рождается. Когда онъ созрѣетъ, испекшись на солнцѣ, жители изъ пещеръ выходятъ, неся на себѣ солому и дрова сухія, и зажигаютъ все это вокругъ горы, на которой родится перецъ, со всѣхъ сторонъ. Земля

шамъ всегда помрачена, и полна змѣй и всякихъ гадовъ. Ошъ огня скрывается всякій гадъ въ глубокіи ямы. Тогда надъ сими ямами снова возгнешаюшъ огонь, и ошъ шого весь гадъ изгибаетъ, а потому гадовъ, заваливъ въ ямахъ, сожигаютъ, чшобы не возсмердилась земля. Пошомъ, мужчины и женщины начинаютъ перечныя деревья шрясти, и собирашъ перецъ, носитъ его въ свои пещеры, и куплю имъ дѣяшъ съ приходящими кораблями.

Александръ довольно почудился сей землѣ, и озмѣлъ шушъ, въ обласши Вифандской. Тогда пришелъ къ нему нѣкшо, по имени Каланъ, и сказалъ ему о великомъ островѣ Рахманскомъ, и о самыхъ Рахманахъ, какъ они живутъ, ходятъ наги, и не имѣютъ у себя никакого земнаго богатства, а шолько овощи благіе и дерева сладкія. «Желаю видѣть чедовѣковъ сихъ, шолько не вѣдаю пуши въ ихъ землю,» ошвѣчалъ Александръ. — Царь Александръ! — сказала ему Каланъ — я бывала въ шой землѣ; если хочешь, шо можешь и шы се видѣть. Рахманы богатство могли-бы имѣшъ, но по волѣ ошмещаютъ его, и ничего имѣшъ не хошашъ. Такой удѣлъ взяли они себѣ свыше, ошъ Божьего суда, на дѣлъ его исполняютъ, и живутъ наги, ошмещаясь всего земнаго. Нѣтъ у нихъ скота, ни орашвы, ни желѣза, ни зданій, ни огня, ни вина, ни ризъ, и ничего, чшо на дѣло приключаетъ, или на наслажденіе служишъ. Воздухи въ землѣ ихъ сладки, и весьма добрыя. Чшушъ они, безпрешанно возвышая духъ свой, Бога вышняго, и молашся

смовира на небо, а не на востокъ. Вдять оны, что случится: *младигя* дубовыя, зелья дикія, которыя сами изъ земли растушь, а воду пьюшь изъ Океана; живушь-же въ *дрязгахъ*, и спяшь на лисцяхъ. Мужчины обиають у нихъ въ Океанской части, по одну сторону Гангрин, райской рѣки, ибо сія рѣка шечешъ въ Океанъ, а жены ихъ живушь по другую сторону Гангрин, въ Индійской части. И приходяшь у нихъ мужи къ женамъ въ Іюль и въ Августъ мѣсяцахъ, ибо сія мѣсяца у нихъ студѣнѣйше, и солнце тогда на сѣверъ вышится. Поживъ съ женами 40 дней, мужья оцашъ уходяшь къ себѣ. Когда жена родить двоихъ дѣшей, то мужъ на женскую сторону уже не приходиль, и къ женѣ своей не приближаешся, но оны и она живушь въ воздержаніи. Если-же она является неплодною, то до пяти лѣтъ приходиль къ ней мужъ, а потомъ налагаешъ вѣчное воздержаніе, и болѣе не являешся къ женѣ. Онь всего этого и число Рахмановъ не велико. Рѣку-же Рахманскую шрудло переходиль. Говоряшь: живешъ шупъ звѣрь *отонъ-туритонъ*, сильный и гордый, обиаешъ на водѣ и на сушѣ, прямо пропиль перехода рѣки, и такъ великъ шощъ звѣрь, что слона цѣлаго проглатываешъ. Когда наступашъ Рахманамъ время идиши къ женамъ, то звѣря сего не видно; оны на сорокъ дней уходяшь прочь, по волю судьбы. Говоряшь, что въ то-же время и рѣка Ниль наводняешся, въ преполовеніе жашвы, и напояешъ Египеть, когда солнце зришь на Сѣверный поясъ, и другія рѣки оны него изсыкаюшь, а Ниль наполняешся, ибо солнце оны него нахо-

дншыя шогда далеко. Когда-же Рахманы во своенъ
возвращаюся, шо и оподъ-шуршопнъ приходишь
опяшь къ рѣкѣ Гангрин, отъ Эдинновъ *Индосъ* намы-
ваемой. Надобно шебѣ знашь, что одна рѣка ше-
чешъ изъ Эдема, но раздѣляется на чешыре рука-
ва. Первый ешь *Фисонъ*, по Рахмански *Гангрин*.
Овыи обходишь всю землю Эвиладскую, Малую и
Великую Эѳіопію, и Эвулейскую страну, или сред-
ну Индіи. Изъ Эѳіопіи Великой идешь сія рѣка на
югъ и на западъ, по сю сторону Гадира, гдѣ ешь
великій Океанъ, обошедшій всю землю. Вшораѣ рѣка
Геонъ, а по Египетски *Нилъ*, идешь сквозь *Малую*
Эѳіопію, и земли Анувишскую и Аксонишскую, а
попомъ, черезъ Эиванду и Египеть, вливаешся въ
море. О семъ и Пророкъ Іеремія сказалъ: « Чшо
вамъ въ землѣ Египетской пишь мушную воду Гео-
на! » Третья рѣка *Тигръ*, грядешъ въ страны Ас-
сирійскія, препишываетъ страны восточныя, и,
понырнувъ въ землю, исходитъ у Арменъ, выскапа-
ешъ снова въ землю, и пробиваешся опяшь въ Ас-
сирской странѣ. Чешвертая рѣка *Евфратъ*, также
уходитъ въ землю, выходитъ у Арменъ, и наво-
ешъ Персидскую страну. Ешь въ сихъ рѣкахъ зми
великіе, шакъ, что до 70 лактей величешво ихъ
бываешъ, а муравы шамъ обшашоупъ въ пядь, и
скорпіоны въ докошь, потому; и шрудно бшваешъ
ходить въ шѣхъ мѣстахъ. Вшрочемъ, нѣ повсюду
ешъ сіи жившныя, или лдовыше зѣтри, но шоль-
ко въ пустыняхъ, гдѣ и шпада слоновъ многія па-
шуща. —

Слыша все сіе Александръ отъ Калана , еще бо-
лѣе началъ дивиться землѣ Рахманской , и хотѣлъ
ее непременно видѣть. Услышавъ Рахманы , что
Царь Александръ идетъ къ нимъ , и послали къ не-
му старѣйшихъ своихъ любомудрцевъ , съ грама-
тами. Александръ принявъ ихъ грамаху , и прочелъ
слѣдующее :

« *Посланіе Рахмановъ къ Александру Царю* (на-
гомудрцы сіи написали къ нему , какъ къ простому
человѣку). Если къ намъ идешь ты бишься , то ни-
чего не успѣешь , ибо нечего тебѣ у насъ взять.
Если-же хочешь ты того , что мы имѣемъ , то на-
добна тебѣ молитва , и долженъ ты прибѣгнуть
не къ намъ , но къ Вышнему Промыслу. Если-же хо-
чешь узнать кто мы , то знай , что мы человѣки,
привыкли любомудрствовать , и не сами себя мы со-
творили , но Вышній Промыслъ. Тебѣ подобаетъ
брань творить , а намъ любомудрствовать. »

Прочитавъ сіе , Царь Александръ удивился , съ
миромъ отпустилъ посланныхъ , и сказалъ : « Съ
миромъ хочу я идти къ вамъ. » Перешедъ рѣку рай-
скую , Фисонъ , пришелъ Александръ въ Рахманскую
землю съ миромъ , и увидѣлъ тамъ лѣса многіе , и
дерева многія , красныя и плодомъ украшенныя.
Рѣку-же райскую увидѣлъ онъ обходящую всю ту
землю , и въ ней воду сладкую , свѣтлую , и бѣлую,
какъ молоко. Финиковыхъ деревьевъ увидѣлъ тамъ мно-
жество , полныхъ плодовъ ; на виноградныхъ-же ло-
захъ висѣло по 1000 гроздовъ винограда добраго. И

увидѣлъ Александръ Рахмановъ, нагихъ, неоде-
тыхъ, подъ кущами и въ вершепахъ сѣдящихъ, а
недалеко ошъ нихъ женъ и дѣшей, какъ спада на
пасшвѣ.

Тогда спросилъ ихъ Александръ: «Или града
вы не имѣете?» — Рахманы ошвѣчали: «Вошъ вы-
спидище наше, вошъ и градъ нашъ. Здѣсь мы по-
чиваемъ, на землѣ, погребаясь въ сонъ, ибо земля
насъ родила, земля кормишь, и въ землѣ послѣ смер-
ти мы лежимъ, въ вѣчномъ снѣ, ожидая пробужде-
нія ошъ Вѣчнаго Промысла. —

Александръ въ другой разъ ихъ спросилъ: «Кого
больше: живыхъ, или мертвыхъ?» — Рахманы ошвѣ-
чали: Мертвыхъ, ибо невидимаго на землѣ болѣе,
нежели видимаго. —

Александръ въ третій разъ спросилъ: «Что
крѣпче: смерть, или живошъ?» — Рахманы ошвѣча-
ли: Живошъ, ибо когда солнце всходишь, то лу-
чи его бываюшъ свѣшлы, а заходящаго солнца лу-
чи немощные. Таково и жишіе человеческое.

Александръ еще спросилъ: «Что больше — земля
или море?» — Рахманы ошвѣчали: Земля, ибо все
море землею поддерживается. Онъ еще спросилъ:
«Какое изъ всѣхъ живошныхъ лукавѣ?» — Человѣкъ-
ошвѣчали Рахманы. — «Какъ?» — возразилъ Алек-
сандръ. — Не ты-ли самъ съ собою борешься, что-
бы мы съ шобою боролись. Какое-же другое живош-
ное можетъ это сдѣлать? А вѣдь ты звѣръ! По

смотри, сколько зверей водишь ты за собою! А для чего? Свой живешь изводя, других живешь изводишь. — Александр не разгнѣвался, но улыбнулся, и спросил: «Что-же есть царство мое?» — Обидливая сила — отвѣчали Рахманы — несправедливое дерзновеніе, времени помогающую брѣня злата. — «Что было начало времени: ночь, или день?» спросил помощь Александр. — Рахманы отвѣчали: Ночь, ибо все во мракѣ чрева родился, и къ свѣту идешь, пріять свѣтъ. — Тогда у другаго Рахмана спросил Царь: «Которая сторона добѣе: правая, или лѣвая?» — Правая — отвѣчалъ Рахманъ — и солнце на правой сторонѣ восходитъ, а въ лѣвую идетъ, и женщина дѣтище свое сперва правымъ сосцемъ пьетъ. — «Есть-ли у васъ имѣніе?» спросилъ Александр. Рахманы отвѣчали: Имѣніе наше — земля, древо плодоносное, свѣтъ солнца и луны, звѣздный ликъ, вода. Когда ходимъ ѣсть, идемъ къ плодовитому дереву, и рвемъ самородный его плодъ, на мѣсто коего новый намъ готовится. Захотимъ-ли пить, идемъ къ рѣкѣ, пьемъ воду, и веселимся. Имѣешь еще каждый изъ насъ жену, и живешь съ нею, пока родится два чада, одно замѣна отца, другое машери. Скажемъ мы тебѣ, Александръ, о тебѣ самомъ, что нѣтъ никакого мужества убивать людей, но разбойничье это дѣло. Вошь истинное мужество: бороться съ непогодой нагимъ шлоомъ, похотѣніе чрева унять, внутреннія раны побѣдить, не одолеваясь похотью на восхотѣніе славы, богатства и сладостей. Побѣди все это, убей все это. Если все это по-

бѣдишь, не будешь тебѣ потребности со внѣшнимъ *каторатся* (ссоришься). Мы, Рахманы, побѣдали внушренныхъ рашниковъ, и ко внѣшнимъ не копораемся, но пребываемъ въ великомъ покоѣ, почиваемъ на лисшвіяхъ, смотря на лѣса и небеса, слушаая сладкій гласъ пшиць и влечшаніе орга, одѣваемся лисшвіемъ, живемъ въ воздухѣ, плоды ѣдимъ, воду пьемъ, и Богу славу поемъ. Безъ печали живемъ мы, и будущія радости шико желаемъ; ничего не слушаемъ, что не ведеть къ успѣху души; немного говоримъ, и много перемалчиваемъ. Вы-же говоривъ никогда не перестаете, и что велѣно шворить, шо шворите. У васъ никто и Философа неувнаеть, если онъ молчать будеть. Вашъ умъ языкъ, и на устахъ смыслъ. Золошо и серебро вы собираете; рабовъ вамъ много надобно; великіе домы, чины и саны вы спроште, и скошами нечистыми себя почишаете, если не нарядитесь. Даже умершіе, идя на войну съ червями, еще облакаете вы себя въ золошо. Безъ страха все вы шворите, а сошворивъ страху покоряетесь, сами на себя, какъ враги, все вы сказывааете, и языкомъ владѣя, ошъ него падааете. Лучше-бы молчать вамъ, и не облачать себя. Ошъ овецъ, какъ ошъ плѣнницъ, берете вы волну, какъ кумиры украшаетесь одеждою, какъ жены златомъ величаетесь. Сошворенные по образу Создавшаго васъ, обладааетесь вы гнѣвомъ, подобно люшымъ звѣрямъ. Соберете-ли много шѣнія, начнете о немъ величаться. А что шѣніе? Тѣнь безсуцная! Золошо души не возшавляетъ, и шѣла не питаетъ; но душу топшитъ, и шѣло су-

пишъ. Мы истину вещей проразумѣли, и что въ самомъ дѣлѣ надобно, о томъ печемся. Хотимъ ѣсть — беремъ зелья; хотимъ пить — идемъ къ рѣкѣ, а золоша попираемъ. Золоша не уславишь жажды, не утолишь голода, не исцѣлишь раны, не излечишь недуга, не исполнишь сытости, а, напрошивъ, дивно возбуждаешь похотѣнія. Вжаждешь ли человекъ — напьешься воды, и пройдешь жажда; ѣсть ли захочетъ — поѣсть, и насытятся. Не явлено ли послѣ сего, что вовсе чуждо человекъ желаніе золоша хотѣнь, ибо похотѣніе переставаетъ, когда сытость человекъ почувствуетъ, а похотѣніе золоша бываетъ безъ сытости? И вы еще имъ красуетесь, славитесь, спавише себя больше другихъ, когда его нѣкую чашницу приобрѣтете! Вашъ Каланъ, лживый другъ вашъ, въ какой у васъ чести; но для насъ онъ не годился, и съ презрѣніемъ былъ онъ насъ опущенъ. Что мы попираемъ, то вамъ чудно является; шакъ посмупаешь и любосребрянный Каланъ, вашъ другъ, а не нашъ, полный безумія, изгнанный нами! Какъ шѣвъ много шечешь, такъ и онъ скоро исчезнѣтъ. Много людей ради славохотѣнія пошерили жизнь, полные безумія. Такъ и сей Каланъ. Посему не былъ онъ достоинъ насъ, не для любви Божіей, но для имѣнія окаянную свою душу убивающій!

Все это выслушалъ Александръ, и сказалъ Рахманамъ: «Просите у меня, чего вы хотите, и я все вамъ дамъ.» Тогда всѣ Рахманы возопили: Дай намъ безсмертія! — «Симъ я не влажду,» отвѣ-

чалъ Александръ, «самъ я смершень. — Если ты смершень — сказали Рахманы — для чего-же ты столько прудишься, желая все взять? Куда хочешь ты все это унести? Не оставишь-ли ты все послѣ себя, какъ и прежде тебя, во владѣніе другимъ? — «Все это спронтся отъ Вышняго Промысла,» отвѣчалъ имъ Александръ. «Его повелѣніемъ, сами себѣ служа, другимъ мы служимъ. Не возстанетъ пыль, если не дхнешь въшеръ. Не подвижешся и человекъ, если Промыслу неугодно. Я хотѣлъ-бы перестать ратовать, но не я далъ себѣ нравъ мой, а Владыка. Если-бы у всѣхъ насъ былъ одинакій нравъ, что-же было-бы тогда? Празденъ былъ-бы миръ, по морю-бы не ѣздили, земли-бы не воздѣлывали, браковъ-бы не было, и дѣти не родились.» — Потомъ спросилъ Александръ: «Имѣете-ли спартышину?» — Имѣемъ Игумена, немемъ Дейдамія, наставника и училсця нашего — отвѣчали Рахманы. — Теперь онъ лежишь въ дрязгѣ, на листвіяхъ; миръ подѣ него, и земля сосны свои доншъ ему, какъ мать. — «Хотѣлъ-бы я облобызашъ его,» сказалъ Александръ. Тогда указали ему Дейдамію, на землѣ, во множествѣ мягкаго листвія лежащаго, и предъ нимъ положены были смоквы, дыни, и другіе овощи.

Пошелъ шуда Александръ, и прошелъ мимо, не замѣтивъ его, ибо Дейдамій лежалъ въ густой чащѣ дрязговъ, и мирно почивалъ на листвіяхъ. Александръ послалъ къ нему друга своего, Онискраша, говоря: «Иди къ великому училсцю Рахманскому,

Дейдамію, и либо самого его приведи, или узнай, гдѣ онъ лежитъ, потчасъ скажи мнѣ, и я самъ къ нему пойду.» Вскорѣ отыскалъ Онисиграпъ великаго Дейдамія, и сказалъ ему: «Радуйся учитель Рахманскій, благословенный Богомъ! Великій Царь Александръ, всѣмъ человѣкамъ владыка, зоветъ тебя къ себѣ, и много добра дастъ тебѣ, и даровъ. Если-же не пойдешь, то голову тебѣ отсѣчетъ.» Дейдамій улыбнулся, не поднявъ даже головы своей отъ листвій, но насмѣшливо лежалъ, и отвѣчалъ такъ: «Единый только Богъ есть великій Царь; отъ него укоризна не является, но свѣтъ, миръ и жизнь, вѣдѣніе, шло и душа человѣка. Онъ всѣхъ насъ приѣмлетъ, Владыка и Богомъ, если къ нему приступимъ право. Онъ убійства отвращаетъ, и брани не творитъ. Но Александръ не Богъ — человѣкъ смертенъ, персть и брение. И какой онъ Владыка всѣхъ? Пославилъ-ли онъ престоль свой въ *Полеспоръ*? Перешелъ-ли рѣку *Тивсаву* и рѣку *Нижусолу*? Положилъ-ли жизнь во адъ? Прешелъ-ли весь пушь солнца? Извѣстно-ли въ Скиѣи имя его? Еще и за Гавгрію рѣкою много естъ земель — пусть перейдешь ихъ, и дойдешь шуда, гдѣ уже земля не можешь человѣка носить. Александръ обѣщаетъ мнѣ дары, но мнѣ ихъ не надобно. Мнѣ пошребны хлѣвина и листвіе, земное быліе и вода. Видишь: лежу въ своемъ домѣ, и зашворилъ очи на все другое. Золота и видѣть я не хочу, да не погублю санъ свой; земля все мнѣ приносишь, какъ мать млеко своему младенцу, и потому не нуждаюсь я идши къ

Александрѣ. Если и главу мою ошсѣчешъ , души не погубишь , а главу шолько молчащую опнинешъ. Душа моя пойдешъ ко Владыкѣ , а перстное шило , какъ сосудъ ушлый , въ землю , откуда взято. Давно сказано : судія всѣмъ обида. Спонь обидимыхъ мука обидящихъ , а доброта незрѣченная санниъ обидимыхъ. Пусть доведѣваешъ Александръ шими , кто хочешъ золота , а смерти боишся. Рахманы же золота не хошашъ , а смерти не боишся. Иди къ Александрѣ , и скажи : Дейданий даровъ твоихъ не шребуешъ , а пошому къ тебѣ нейдешъ. Если хочешъ онъ видѣшь меня , пусть придетъ сюда самъ. »

(Окончаніе въредъ).

С М Ъ С Ъ.

— *Отвѣтъ на возраженіе Г-на Талызина.* — Важность предмета, который избралъ Г. Талызинъ для своей *Рѣчи*, и желаніе неизвѣстнаго намъ, но безъ сомнѣнія благонамѣреннаго Корреспондента, который хотѣлъ знать мнѣніе наше о сей *Рѣчи*, заставили насъ написать замѣчанія, напечатанныя въ 7-й книжкѣ Московскаго Телеграфа, на стран. 411—416-й. Возраженіе Г-на Талызина (въ 9-й книжкѣ М. Тел.) показываешь, что наше благое намѣреніе не понято. Ни мало не оскорбляясь этимъ, мы, попросивъ, благодаримъ Г-на Талызина, что онъ даешь намъ случай пояснить и болѣе развернуть мысль нашу. Но, прежде всего, надобно оправдаться въ нѣкоторыхъ нарѣканіяхъ почтеннаго Возражателя.

Слишкомъ нескренно говорить онъ, когда спрашивается увѣришь себя и читателей, что мы писали о его *Рѣчи* не читавши ея. Къ чему эшо подозрѣніе? Предоставимъ дѣтямъ подобныя хитрости, и будемъ разсуждать какъ должно совершеннолѣтними.

Іюнь 1832.

25

И на чемъ основываетъ Г-нъ Талызинъ свое подозрѣнiе? На томъ, что заглавiе Рѣчи его гласитъ *о необходимости отечественнаго воспитанiя*, а мы наиболѣе говоримъ о любви къ отечеству. Но воспишанiе должно-же имѣть какую нибудь цѣль. Говоришь только о необходимости отечественнаго воспитанiя, значитъ не скажешь ничего, ибо кто не увѣренъ въ сей необходимости? Надобно показать, какими средствами можно развить, конечно не необходимость, а самую любовь къ отечественному. Г-нъ Талызинъ то и сдѣлалъ: онъ предложилъ средства; мы сказали, что эти средства не хороши. Вошь все дѣло. Говорили-ли мы, что Г-нъ Талызинъ написалъ Рѣчь *о любви къ отечеству*? Вошь слова наши: «Что можешь быть выше, свя-
« шѣе, прекраснѣе любви къ отечеству, и слѣд-
« ственно воспитанiя, развивающаго эту любовь,
« эшу страсть душъ благородныхъ и народовъ ве-
« ликихъ.» И на этихъ-то словахъ Г-нъ Талызинъ основалъ все свое обвиненiе!

Но объ одномъ-ли этомъ писали мы? Доказывая необходимость отечественнаго воспитанiя, Сочинитель Рѣчи привелъ такіе примѣры, которые называли мы исключенiями и небывалымъ. Подтверждаемъ это и теперь, ибо увѣренiе Г-на Талызина, что *есть* то или другое злоупотребленiе въ воспитанiи нашемъ, не доказываетъ ничего. Воспишанiе-ли, или лучше скажешь отчужденiе-ли отъ отечественнаго вишою, что у насъ не было ни Исторiи, ни Грамматики, ни образцовъ языка?

Ошчужденіе-ли виною, что Французскій языкъ сдѣлался необходимостью во всемъ мірѣ, и что для него необходимы Французскіе учители? Г-нъ Талызинъ за все худое винитъ иносстраницевъ, къ которымъ будшо-бы имѣюшь у насъ слѣпую привязанность. Но иносстраницы-ли виноваты, что нѣрѣдко юноши, выходящіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, не умѣюшь безъ ошибокъ написать росписки въ жаловань? Иносстраницы-ли виноваты, что эти юноши шакже худо знаюшь и чужіе языки? Неужели иносстраницы виноваты и въ шомъ, что многіе не знаюшь у насъ ничего? Нѣтъ, причина всего этого конечно скрывается въ чемъ нибудь другомъ. Вообще Г-нъ Талызинъ слишкомъ преувеличенно представилъ злоупотребленія, происходящія отъ иносстраницевъ, и слишкомъ безопачетно рѣшился обратиться къ шаринѣ. Сей-шо послѣдній пунктъ составляетъ главный предметъ нашего спора, и имъ-шо должны заняшь мы съ особеннымъ вниманіемъ. Касательно всѣхъ другихъ спорныхъ пунктовъ, приглашаемъ читателей сообразитъ наши замѣчанія и возраженіе Г-на Сочинителя *Рѣм*. Зачѣмъ повторають шо, что уже сказано нами и не опровергнушо Г-мъ Сочинителемъ?

Были, ешь, и конечно всегда будушь, не только любители шаринны, но и люди, желающіе возвратитъ ее. Желаніе помянутое, если вспомнимъ, что каждый вѣкъ имѣеть свои недоспашки, свои невыгоды, свои бѣдствія, кошорыя будучи близки

къ современникамъ , кажущся имъ всегда сѣдшвѣ-
емъ искаженія того , что было хорошаго , славна-
го , блестящаго въ вѣкахъ предшествовавшихъ. Сіи
люди забываютъ , что предки ихъ терпѣли неудоб-
ства и невыгоды своего вѣка , отнюдь не меньшія ,
но , почти навѣрно , большія , ибо усовершенство-
ваніе обществъ и политическаго быта есть не-
оспоримая истина. Они забываютъ также , что
недостатки каждаго вѣка бываютъ неразлучны съ
совершенствами его , ибо зло необходимо въ мірѣ ,
потому что есть въ немъ добро. Въ наше время
есть множество неудобствъ и недостатковъ , но
за то есть , и гораздо болѣе чѣмъ въ предшество-
вавшихъ вѣкахъ , усовершенствованій , которыя
куплены шажкимъ трудомъ многихъ поколѣній ,
кровію и слезами. Неужели должно погубить
всю сію опытность , все добро , пріобрѣтенное
вѣками , для того , чтобы помѣняться съ нашими
предками нѣкоторыми выгодами и взять съ тѣмъ
вмѣстѣ ихъ шаготы ? По счастью , это болѣе чѣмъ
неблагоразумно : это невозможно.

На что намъ , на примѣръ , тѣлесная сила , послѣ
изобрѣтенія пороха , и при усовершенствованіи
огнестрѣльнаго оружія , при необъятной силѣ ма-
шинъ , дѣйствующихъ за милліоны людей ? Наша
сила не въ рукахъ и мышцахъ , а въ головахъ и серд-
цѣ. Предки наши употребляли свою животную си-
лу на то , чтобы терзать другъ друга ; мы упо-
требляемъ для этого необходимаго зла пушки
и ружья. Мы заключились въ кабинеты и въ

домы , для того , что намъ нѣтъ надобности цѣлую жизнь сражаться съ спихіями , какъ дѣлали предки наши . Мы должны забывать о шѣлѣ своемъ , для того , чтобы сосредоточивать всю жизнь свою въ умственной дѣятельности . Говорятъ , что отъ этого шерпишь здоровье наше и сокращается жизнь . Во-первыхъ , доказать это трудно , ибо и въ наше время міръ наполненъ здоровыми и долговѣчными людьми ; во-вторыхъ , пожерпвованіе шѣлесными силами не значить ничего , если это нужно для крѣпости силъ умственныхъ . Желѣзное здоровье , конечно , преимущество большое . Можетъ быть гимнастическія упражненія и вольный воздухъ усовершеншуютъ его . Но что-же дѣлать , когда всѣ обстоятельства , всѣ занятія , вся жизнь наша требуютъ другаго ? Противъ судьбы , которая управляетъ дѣлами міра , идти не лзя .

Послѣ сего , справедливо-ли требованіе Г-на Тадызна , кошорый желаетъ кулачныхъ боевъ , борьбы , ристаній на коняхъ , бѣганія въ запуски , бѣстрыхъ устремленій на крутизны , смѣлыхъ скачковъ съ высотъ въ глубокіе потоки ? Предоставляемъ врачамъ рѣшить , крѣпче-ли будешь отъ этихъ упражненій здоровье шѣлесное , но , указывая на современное общество , утверждаемъ , что для него , для общества , это бесполезно и даже невозможно . Бесполезно пошому , что и безъ такихъ ужасныхъ игръ дѣти много занимаюся Гимнастикой по естественному влеченію своего возраста , а юношество Русское оплачивается розовыми щеками и

штѣлесно силою; невозможно жешему, что дни игры надобно продолжать во всю жизнь, если хотѣшь ошъ нихъ пользы, а во всю жизнь, и даже въ извѣстныя годы, скакашь и бѣгашь, нѣтъ ни у кого ни досуга, ни охоты, ни возможности. Сверхъ того, это было-бы на счетъ дѣятельности въ другихъ упражненіяхъ, которыя составляютъ необходимость при настоящемъ состояніи общества. Какимъ образомъ, напримѣръ, прикажете вы чиновнику, проработавшему шесть или восемь часовъ за письменнымъ столомъ, начинать *скотки* и *устройства на кружизны*? Онъ радъ что послѣ своихъ трудовъ можешь, сидя на диванѣ, освѣживъ умъ книгой или разговоромъ съ близкими сердцу. Далѣе, неужели купецъ долженъ запереть свою лавку, свою коншору, или оставишь свои занятія на биржѣ, и пускаешься *въ кулачный бой* или *въ запуски*? Эшнѣ онъ разстроишь свои занятія. Не забудьте также что онъ членъ современнаго общества; ему надобны: ошдыхъ, развлеченіе умственное, усовершенствованіе. Къ кому-же еще относится требованіе Г-на Талызина? Къ людямъ ученымъ? Къ литераторамъ? Ихъ и такъ упрекають въ недѣятельности по занятію; они и безъ этого слишкомъ много думаютъ о своемъ штѣ. Свѣтскіе люди? Но развѣ неизвѣстно, что это классъ людей небольшой, и котораго ни что не заставишь перемѣнить образа жизни. Да онъ и не въ силахъ перемѣнить его, ибо иначе онъ уже войдетъ въ какой нибудь другой классъ. Оставимъ его прыгать на балахъ: шамъ его настоящее мѣсто. Не говоримъ ни о во-

енныхъ, ни о ремесленникахъ, ни о мужикахъ: о нихъ конечно въ думалъ Г-нъ Сочиницель Рѣчи.

Слѣдственно, чтобы согласиться съ мнѣніемъ Г-на Сочиницеля, напередъ должно измѣнить всѣ завязкія, всѣ дѣла, все общество настоящаго времени. Г-нъ Талызинъ конечно не станеть спорить, что это невозможно.

Забвеніе родныхъ обычаевъ также есть не преступленіе, не порокъ, а необходимое слѣдствіе измѣненій, которыя производить время. Подъ именемъ *красоты* и *обычаевъ*, Г-нъ Талызинъ конечно не разумѣеть шѣхъ добродѣтелей, коими всегда гордились и отличались Рускіе. Любовь къ отечеству, уваженіе къ старшимъ, почтеніе къ религіознымъ обрядамъ, никогда не упадали въ сердцахъ соотечественниковъ нашихъ. Какимъ блестящимъ образомъ доказано это въ 1812 году, когда офицеры наши, *говоря по-Французски* клали свою голову за отечество; когда ни одинъ голосъ не возвысился противъ Градоначальника, обратившаго въ пепель Древнюю Столицу; когда ни одинъ воинъ не имѣлъ мысли не повиноваться шому безсмертному Вождю, котораго шакъ несправедливо подозрѣвали въ нелюбви къ Россіи и въ разныхъ упущеніяхъ; когда всѣ храмы Бога наполнены были усердными моельщиками, да пошлешь Онъ побѣду на гордаго врага; наконецъ, когда по единому слову Александра всѣ гошovy были несли свои богатства, свою жизнь въ жертву отечеству! Нѣтъ!

Рускіе не переставали и не переспали бышь достойны своего славнаго имени.

Въ чемъ-же еще упрекаешь ихъ Сочинитель Рѣчи? Мы сказали ему въ разборѣ нашемъ, во что обратился обычай поминовенія родителей. Такъ намѣняются и всѣ обычаи старины, сообразныя только современнымъ обстоятельствомъ. Онъ говоритъ, что на могилахъ ошцовъ должны мы учиться бышь Рускими. Нѣтъ, этого мало. Надобно расширить это училище. Мы призваны бышь Рускими настоящаго времени, а могильные камни не научають насъ этому. Есть живой памятникъ, который должны изучать мы: это сама Россія. Ея требованія, ея направленіе, ея болѣзни и силы должны мы узнать, чтобы сдѣлаться истинно-Рускими. Не нужно каедръ, чтобы заставить насъ любить предковъ нашихъ: это любовь, врожденная человеку, и мы не хотимъ даже думать, чтобы въ Россіи нашелся одинъ преступникъ, который не уважилъ-бы ошцовъ своихъ, даровавшихъ ему все. Но Россія настоящая: вотъ на Академія, въ которой нужны у насъ Платоны и Сократы.

Прошедшее погребено въ вѣкахъ и прахъ: его не воскресить намъ. Мершвыи не будетъ живыми: эту аксіому принуждены мы повторить для того только, что Г-нь Талызинъ, кажешся, не вѣришь ей. Онъ хочешъ ворошить прошедшее, хочешъ, чтобы Исторія повторила себя. Онъ не соображаетъ ни настоящаго порядка дѣлъ, ни силы времени. Онъ не видить ни возрастающей образованности,

ни удобешь и выгодъ; какия она дарила намъ; не видишь совершеннаго преобразенія общества, и только жалуешь о забытыхъ якошорыхъ обичаяхъ, замѣненныхъ другими, и мѣющимися свои недоспашки и свои выгоды; жалуешь о нѣкоторыхъ обрядахъ, неисполнимыхъ въ настоящее время. Во всемъ этомъ находишь оны *оцдательнѣ сѣткой привязанности къ иностранцамъ и иностранному*, и потому стараешся обратишь насъ къ прошедшему Русскому. Ко-внися и этого щекошливаго вопроса.

Въ нѣкоторыя Историческiя эпохи, народы сближающся и составляютъ одно, многочисленное семейство, соединенное какою нибудь силою, дѣйствующею на всехъ одинаково. Христіанство уравняло народы и сдѣлало ихъ братьями. Не смотря на всѣ мѣстныя ошлчiя, Христіанскiе народы составляютъ одно, многочисленное семейство. Посмотрише, напросивъ, какой анахронизмъ представляетъ въ Европѣ единственное иновѣрное Государство — Турція. Христіанство: вошь гдѣ заключаешся та общая связь, которая обавжаетъ Англичанина съ Ишальянцемъ и Француза съ Рускимъ. Разныя Историческiя событiя могутъ задерживать ходъ нѣкоторыхъ Государствъ, и оспашалять ихъ назадъ въ просвѣщенiя, составляющемъ истинную силу нашего времени. Но Провидѣнiе шакже дало, всякому ошпашавшему Государству силу и способность стремишься къ сравненiю съ ушедшимъ впередъ. Въ шакомъ ошношенiи находимся мы съ нѣкоторыми Европейскими Государствами.

Никакія распри и случайныя разстройства не могутъ разрушить сближенія нашего съ ними, ибо основаніемъ его служатъ религія, уравнивая всѣхъ, не различающая ни Французовъ, ни Рускихъ : иъ и другіе Христіане.
 Давнушыя могучиы Пешромъ по пуши, кошорый назначило намъ Провдтніе, мы почти сравнялись съ просвѣщеннѣйшими народами. По крайней мѣрѣ образованная часть народа одинакова и въ Россіи, и въ Англіи, и во Франціи. Вслѣдствіе этого, между Рускимъ и другимъ Европейцемъ 1832 года, гораздо болѣе сходства, нежели между Рускимъ 1832 и 1532 года. Одни живутъ вмѣстѣ, слѣдственно чувствуютъ, мыслятъ, дѣйствуютъ въ одинакомъ обществѣ, въ одинакихъ обстоятельствахъ, нравахъ и обычаяхъ ; другіе не имѣющъ ничего общаго, ибо жившіе на Русской землѣ за пристрастія дѣла, уже давно обвиняющъ въ лонѣ Бога. Удивляться-ли послѣ сего, что мы болѣе сходны въ общественной жизни, въ нравахъ и обычаяхъ, съ современными чужеземцами, а не съ предками нашими, и что мы болѣе сочувствуемъ живымъ людямъ, нежели холодному праху ?

Заклучимъ : паденіе старыхъ обычаевъ, частныхъ, временныхъ, никакъ не показываетъ паденія нравственности, любви къ отечеству и къ отечественному. Жалобы на отчужденіе отъ старины не согласны ни съ просвѣщеніемъ вѣка, ни съ требованіями времени, ни даже съ любовью къ отечеству, кошорая ведетъ Дамъ блюсти настоя-

щее, дѣйствоваша въ настоящемъ. Мининъ не жалѣлъ объ удѣльныхъ обычаяхъ, когда Поляки были въ Москвѣ. Русскіе офицеры не надѣвали охабней и шроклянокъ, когда Наполеонъ шелъ въ сердце Россіи. И теперь, не будемъ жалѣть о конскихъ ристаніяхъ и кулачныхъ бояхъ, когда намъ предстоитъ подвигъ на поприщѣ просвѣщенія. Любовь къ отечеству доказываешься не въ мѣлочахъ, а въ общемъ стремленіи, въ подвигахъ цѣлой жизни. Пусть дѣши Россіи воспеваются на хлѣбахъ и соусахъ, пригошевленныхъ по правиламъ Французской кухни, но пусть будутъ они Рускими въ душѣ и сердцѣ.

Г-нъ Талызинъ недоумѣваетъ, кто писалъ разборъ его *Рѣчи*? Кто? Журналъ, называемый *Московский Телеграфъ*. Для чего нужна ему личность? Пора отставашъ намъ отъ этого стариннаго обычая, кошорый укоренился съ шѣхъ времени, когда у насъ не было мнѣній общихъ. Г-нъ Талызинъ видитъ мнѣніе Журнала, кошорый разумѣется не можеть бытъ писанъ однимъ человѣкомъ. Мнѣніе Журнала есть мнѣніе многихъ людей, согласныхъ въ образъ мыслей.

Книженка , подь заглавіемъ :

Русскія Сказки ,

изъ преданія народнаго , изустнаго , на грамоту гражданскую переложенныя , къ быту житейскому прииоровленныя и поговорками ходящими раскрашенныя Казакомъ Владиміромъ Луганскимъ , съ энтиграфомъ :

И много за моремъ грибовъ ,
Да не по нашему кузову.

на сихъ дняхъ поступила въ печать. Она содержишь въ себѣ пять слѣдующихъ Сказокъ :

1-я Сказка о Иванѣ , молодомъ сержантѣ , удалой головѣ безъ роду безъ племени , сиротѣ безъ прозвища.

2-я Сказка о Судѣ Шемякинномъ и о воеводствѣ его и о прочемъ.

3-я Сказка о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ , равно и о шрепшѣмъ единошробномъ ихъ братѣ , о славныхъ подвигахъ и дѣянїяхъ ихъ , и о новомъ княжествѣ и княженїи.

4-я Сказка Новинка-дикивица , или невиданное диво неслыханное чудо.

5-я Сказка Сила Калинычъ , душа горемычїя , или Русскїй солдатъ ни въ аду , ни въ раю.

Казакъ Владиміръ Луганскій , который приходилъ съ родни памяшному , можетъ бысть , чинашелямъ Сѣверной Пчелы лицу одного съ нимъ имеди , пѣшилъ неоднократно земляковъ и собивачниковъ своихъ ; сказывая имъ , въ длинныя шемныя ночи , за бивачнымъ огнемъ , сказки , которыхъ наслышался ошъ дѣда , ошъ бабки , ошъ кумы Содо-мониды и даже ошъ сваша Демьяна ; а свашъ Демьянъ слылъ , и на Волгѣ , мастеромъ своего дѣла . Къ казачьимъ бивакамъ подходили иногда и кавалеры *нестангные* , шо есть , рядовые спроевыхъ полковъ , которыхъ огни лежали по сосѣдству съ первыми , и даже случалось , что Казакъ Луганскій замѣчалъ въ числѣ подѣвшихъ слушашелей *Московскихъ офицеровъ* , ш. е. офицеровъ спроевыхъ войскъ . Это и подало ему мысль собрашь , на попышку , пяшокъ Сказокъ своихъ , положишь ихъ на грамошу , переслашь родичу своему и шѣзкъ , во престольномъ градѣ здравствующему , для оппечашанія , къ чему и приложилъ сошенку другую рубляшковъ , шамъ и сямъ по походамъ собранную . Онъ , малый грамошный , написалъ при эшомъ случаѣ къ свашу письмо , въ кошоромъ говоритъ , между прочимъ , что намѣреніемъ его при эшомъ было , чтобы народныя наши замысловашыя и плоскія шушки , притчи , повѣрья , поговорки , были доведены до свѣдѣнія градообиташелей , ибо ему послышалось гдѣ-шо , что они високоумными бреднями заморскими набилли оскомину и себѣ и другимъ ; и будшо-бы пришаа такая пора , что ихъ иногда позываетъ почишашъ зашѣй доморощенныхъ . . . Правду-ли онъ говоритъ ,

нѣтъ-ли, не знаю; а еще менѣе отвѣчаю за почтенность простодушнаго и забавнаго заключенія его: что, понеже у слушателей его круга и сословія доставало ума и охоты слушать Сказки его, то онъ полагаетъ найдши того и другаго у господъ чиновныхъ и почетныхъ, по крайней мѣрѣ столько же! Я даже нахожу, что привѣщеніе и заключеніе это не совсѣмъ прилично; ибо, кто что ни говори, *господа* всегда останутся *господами*, а *простонародное* всегда пахнетъ *простонароднымъ*, ш. е. пенькою, дѣгшемъ и сосновымъ лѣсомъ! Но дѣло сдѣлано: свашъ выслалъ мнѣ тарабарскую рукопись свою и деньжонки, а я испунулъ ее, и надѣюсь, при посредничествѣ общаго нашего благодѣшеля, Александра Филипповича Смирдина, выставивъ ее жишелямъ столицъ нашихъ, губерскихъ, уѣздныхъ и даже зашшашныхъ городовъ, на показъ и на продажу, за наличныя деньги: этого требуетъ сама справедливость, ибо свашъ и шѣзка мой заплашилъ за напечатаніе на-личными-же.

О вышензложенномъ мнѣю честъ уведомивъ почтенныхъ читателей Сѣверной Пчелы, да и прошу всепокорнѣйше Г-дъ Издашелей прочихъ временныхъ листовъ и Журналовъ нашихъ — къ какому-бы царству Природы имя сихъ послѣднихъ не принадлежало — оказать мнѣ и свашу-шѣзкѣ моему услугу, и намекнуть въ свою очередь почтеннымъ читателямъ своимъ о великомъ письменномъ событіи семъ, предприимчивостію оборотливаго сваша-шѣзки мое-

го и подручниковъ его, при помощи Всевышняго, нынѣ уже довершаемаго.

Впрочемъ, поступившій нынѣ въ печать *первый лятокъ* Русскихъ Сказокъ присланъ Козакомъ Луганскимъ, для перваго шолько опыта; если онъ удастся, и чишашели оправдають сколько нибудь предположеніе Сочинителя, то онъ стращаешь насъ, что у него есть еще огромный запасъ ихъ, которыми онъ, въ случаѣ пошребы, немедленно *ухнетъ* на бумагу; почему и считаю обязанностію предостеречь почтенныхъ чишашелей отъ этой угрозы, указавъ имъ средства къ зашпрахованію себя отъ подобнаго наводненія.

Свашъ и шѣзка мой дѣлаешь еще, въ письмѣ своемъ, окончательную приписку, въ которой говоришь, что ему совѣшовали было отккрышь предварительно подписку на книженку свою; но, какъ между Козаками существуетъ обычай, заповѣдывающей *священную неприкосновенность* собственности каждаго изъ нихъ, между собою, ш. е., другимъ словомъ: дозволяешь пользоваться шолько *за гертой*, у чужихъ, а подписчики на изданія книжныя бывають всегда шолько приближенные, добросовѣстные люди, шо онъ, какъ добрый Козакъ, и не рѣшился прибѣгнуть къ сему средству, а предпочель лучше пущишь поваръ свой въ ходъ лицомъ, во всѣ чешыре стороны; а пріятелямъ своимъ и собивачникамъ раздасть, на счетъ покушциковъ за чершой, по книженкѣ Сказокъ своихъ, даромъ, въ го-

сщинецъ. За это, а равно и за умеренную цѣну книженки—ибо не приходится и по рублю за сказку—я его похвалилъ и пожелалъ ему, въ обращеніи земляковъ и землячекъ нашихъ ошъ ереси заморской, благаго успѣха.

Опшавной Флоса Лейшенантъ
и Докшоръ Медицины,

Владиміръ Дуганскій.

СПб. 30 Авг. 1832 г.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.
О СИСТЕМѢ НАУКЪ,
ПРИЛИЧНОЙ
ДѢТСКОМУ ВОЗРАСТУ
Отрывокъ первый (*).

Средства всякаго рода, употребляемая человекомъ или природою, для раскрытія или усовершенствованія способностей какого либо существа, могутъ назваться воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ. Но такъ какъ человекъ и природа суть двѣ силы на земномъ шарѣ, не рѣдко обнаруживающія себя различнымъ образомъ; то справедливо дѣйствія сихъ двухъ силъ означаются, большею частію, различными словами. Такимъ образомъ слово *воспитаніе* относитъ обыкновенно, въ широкъ смыслѣ, пополь-

(*). Г. Докторъ Ястребцевъ намѣренъ вновь издать свое сочиненіе *Объ умственномъ воспитаніи*, переработанное и умноженное нѣсколькими дополненіями. Главныя изъ сихъ послѣднихъ составляютъ предлагаемыя здѣсь отрывки, въ которыхъ соблюдено Правильное Сочиненіе. *Изд.*

ко къ средствамъ , копорыя придуманы самимъ челоуѣкомъ для своего усовершенствованія.

И однако челоуѣкъ совершенствуется , то естьъ возрастаетъ тѣломъ и душою , не оиъ однихъ только средствъ , о приобрѣщеніи копорыхъ онъ самъ старался , но и оиъ такихъ , о копорыхъ вовсе не помышлялъ , или копорыхъ приобрѣсть не доискивался. Кому же онъ обязанъ за сіи послѣднія ? Природѣ. Слѣдовательно и природа воспитываетъ челоуѣка (*).

Природа воспитываетъ не только челоуѣка , но и всѣ существа , ею произведенныя ; съ той самой минутой , въ копорую существо является на сценѣ міра , оно начинаетъ воспитываться природою , или , другими словами , его способности раскрываются и совершенствуются ея попеченіемъ.

Сіе естественное раскрытіе и совершенствованіе способностей происходитъ , или безъ всякаго усилія со стороны существа , въ копоромъ оно совершается , или съ его собственными усиліями. Животное получаетъ навр. оиъ

(*) Воспитываетъ челоуѣка и еще три наставника : *слуганность* , ш. е. счастье или несчастье , здоровье или болѣзнь , различныя и видимыя , хорошіе или худыя , примѣры , и т. д. Но , для краткости , мы оиъ *слуганность* , какъ цѣль обстоятельствъ , зависящихъ оиъ челоуѣка , къ природѣ .

ганъ зрѣнія , поспешенно совершенствующійся , безъ своего содѣйствія ; но оно должно приложити собспенныя спаранія , чтобъ выучиться употребляти сей органъ . Вообще животныя также учатся многимъ предметамъ , какъ и человекъ ; четвероногія учатся ходити , бѣгати , пинды лешати , и ш. д . Какъ бы скоро они ни выучивались тому , что надлежитъ знати имъ ; какъ бы скоро ни достигали полнаго своего совершенства : однако слабосць первыхъ опытовъ ихъ показываетъ , что у нихъ есть своя эпоха ученія .

И человекъ учится *естественно* весьма многимъ предметамъ , прежде нежели поступитъ въ руки педагога . Принявъ въ разсужденіе первоначальную слабосць силъ его , и множество предметовъ его изученія , должно согласиться , что *естественное* воспитаніе производитъ чудесныя успѣхи . « Если раздѣлимъ — говоритъ , не безъ основанія , краснорѣчивый , впрочемъ парадоксальный , *Руссо* — все знаніе человеческое на двѣ части , изъ которыхъ одна свойственна всѣмъ людямъ , а другая только ученымъ ; по найдемъ , что сія послѣдняя часть весьма мала сравнительно съ первою . » Конечно , дикій человекъ , оставленный самъ себѣ или природѣ , пріобрѣтаетъ , со дня рожденія своего до возмужалаго возраста , удивительное усовершенство-

ваніе своихъ способностей; но должно ли заключить изъ этого, что естественное воспитаніе достаточнo для чловѣка?

Нѣтъ, далеко нѣтъ. Природа воспитываетъ только высшія способности, общія чловѣку съ животными. Въ какой бы степени она ни развила сія способности, онѣ все будутъ животныя. До высшихъ качествъ, чловѣческихъ, она не касается. Если и въ дикомъ смѣнѣ природы блестятъ иногда сія высшія качества; то это значитъ, что они чловѣчески были въ немъ воздѣланы. Безъ чловѣческаго воздѣлванія они оспались бы въ такомъ-же безжизненномъ состояніи, въ какомъ находишь сила распыленная въ зернѣ, брошенномъ на камень. Воспитаніе по преимуществу есть усовершенствованіе высшихъ способностей чловѣка.

Мы старались опредѣлить значеніе воспитанія вообще; теперь займемъ воспитаніемъ собственно чловѣческимъ, рассмотримъ его подробно, и раздѣлимъ на главные его роды.

Воспитаніе, какъ сказано выше, состоитъ въ раскрытіи и усовершенствованіи способностей. И такъ каждой способности должно отвѣчать свое особенное воспитаніе; и сколько находишь первыхъ, столько должно быть видовъ послѣдняго.

Безчисленны способностями человѣческія. Древніе называли человѣка микрокосмомъ. Новые философы подтвердили это названіе, и доказали его справедливосшь. Поэтому въ человѣкѣ долженъ заключаться цѣлый, такъ сказать, міръ способностей.

Но всё ихъ можно подраздѣляшь на три главные рода. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; душа — изъ ума и воли: отсюда происходятъ прозякія силы человѣка: тѣлесныя, умственныя и нравственныя. Соответственныя имъ силы рода воспянанія будутъ: воспянаніе *физическое, умственное и нравственное.*

Кто не знаетъ, что не только тѣлесныя и душевныя, но умственныя и нравственныя качества совершенно различны между собою? Если люди съ прощипательнымъ умомъ, и общирными свѣдѣніями, но съ худою нравственностію, или слабою душою. У другихъ, съ превосходными душевными способностями, нѣтъ крѣпости въ силахъ тѣлесныхъ. Не случается ли видѣть, что нѣкоторые, при дверяхъ гроба, когда составъ тѣла приходитъ уже въ разрушеніе, показывающъ удивительную силу души? Иногда люди просные, которыхъ умъ не озаренъ свѣспильникомъ познаній, украшаются душою добродѣтельною. Иногда чувство религіозное, чувство, возвышающее человѣка отъ земли до неба,

сильно развито въ душѣ измозженнаго шѣлеспыми сшраданіями. Наблюденія медицинскія показали, что нѣкопорые больные, отличавшіеся, во время болѣзни ихъ, кропоснью, возбуждающею сугубое сосшраданіе къ ихъ положенію, спановились, по выздоровленіи, своенравными, взыскашельными, несноснаго нрава; что шакже болѣзнь не рѣдко дѣлала людей благоразумнѣе, рѣшишельнѣе, словомъ умспвенно или нравспвенно лучше, нежели каковы они были во время здоровья; и напрощивъ. Все это показываепъ, что законы шѣла и души различны. Различны шакже законы ума и воли. Одно изъ главныхъ различій сихъ законовъ сосшощъ въ шомъ, что умъ, какія бы человекъ ни употреблялъ усилія, можетъ шолько посшепенно и медленно посшигаешь шѣ истины, для приобрѣшенія копорыхъ онъ назначенъ, и копорыя доставляющъ ему царское, шакъ сказашь, достоинство въ природѣ; а воля, однимъ мгновеннымъ порывомъ, можетъ достигнуть до изумительной вышины нравспвеннаго совершенства. Знакъ: что никогда непоздно сдѣлаешь добродѣтельнымъ, хотя и можно опоздаешь бышь ученымъ; что всѣ, и каждое мгновение, могутъ бышь великодушными, милосшивыми и проч., хотя и не всѣ — знающими; что нравспвенныя достоинства необходимо просвѣщенія: иначе Богъ не усшроилъ бы шакъ ума и воли въ душѣ человеческой.

Соединеніе вмѣстѣ, въ равной и высокой степени развитія, шѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ чрезвычайно рѣдко, хотя всѣ желалибы имѣть его. Какъ будто законъ природы прописанъ такому совершенству въ слабомъ смерномъ. То по крайней мѣрѣ достоверно, что сіи три коренныя силы могутъ возрастать въ различныхъ между собою содержаніяхъ. Слѣдовательно онѣ не зависима однѣ отъ другихъ до нѣкоторой степени.

Говоримъ до нѣкоторой степени; ибо нельзя ихъ совершенно раздѣлить между собою; онѣ составляютъ въ чловѣкѣ одно общее цѣлое, и каждая необходима для прочихъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ метафизическія доказательства эпого; ибо мы предположили себѣ предметомъ, въ семъ сочиненіи, не воспитаніе вообще, а одно умственное воспитаніе дѣтскаго возраста, и то касательно только системы наукъ. Предоставляемъ другимъ обозрѣть въ подробности воспитаніе съ высокой точки зрѣнія. Для насъ достаточно коснуться только слегка общности законовъ, управляющихъ воспитаніемъ. Итакъ объяснимъ просто эмпирическою физиологіею, и опытомъ, взаимную зависимость душевныхъ и шѣлесныхъ силъ.

Органы и силы въ организмѣ чловѣческомъ (подъ организмомъ чловѣческимъ разумѣемъ

всего челоуѣка, душевнаго и шѣлеснаго вмѣспѣ) находяиша въ шакомъ равновѣсіи, что ни одинъ, или ни одна, изъ нихъ не могушъ слишкомъ развишья передъ прочими, безъ шого чтобы прочіе не спрадали отъ эшого, посредспвенно или непосредспвенно. Они всѣ должны возрастанш въ одинакомъ взаимномъ содержаніи; иначе усовершенствованіе одного будетъ происходиш на счешъ другаго. Разовьешся ли наприм. слишкомъ дѣятельность нервной системы, эшо худо для пищеваpительной; возмешъ ли слишкомъ верхъ живошная жизнь, эшо худо для расшпительной, и ш. д. Одна неправильность повлечеш за собою другую, другая шрешью, доидъхъ поръ, пока расшройство частное не сдѣлаешся общимъ; и шогда подвергается опасошши, иногда погибели, и шошъ органъ, или шасшя, копорья сначала возрасли было такъ неумѣренно передъ прочими. Эшо не всегда скоро происходиш, иногда весьма медленно; но шѣвѣрно, что эшо происходиш. Въ организмѣ, какъ въ полишическомъ равновѣсіи государствѣ, всякая важная перемѣна одной частши опзмваешся въ цѣломъ; въ немъ каждый членъ можешъ вредити всѣмъ прочимъ, не шолько по причинѣ ухудшенія своего, но и по причинѣ слишкомъ быстрого улушешія. Законъ природы, слѣдовательно и необходимошши, пребуешъ, чтобы всѣ частши цѣлаго вмѣспѣ раскрывались, вмѣспѣ

совершенствовались. Равновѣсіе естъ великій законъ! Благосостояніе плѣла, души, обществъ полишическихъ, всего міра, на немъ основано.

Взглянемъ теперь на то, что показывается опытъ. Извѣстно Ювеналово изрѣченіе: *здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ* (mens sana in corpore sano), изрѣченіе, котораго справедливость подтверждается ежедневно. Замѣшимъ, что здѣсь умъ опвѣчаетъ душѣ вообще, и опносятся сполько же къ волѣ, сколько къ разуму. Кшо не испыталъ надъ собою, или не видалъ, по крайней мѣрѣ, надъ другими, что значительныя спраданія одной какой нибудь часши плѣла сообщающся обыкновенно всему тѣлу, и что за болѣзнью плѣла слѣдуешь и самое расстройство силъ умственныхъ и нравственныхъ? Не нужно распроспираться объ этомъ; это пошлая, шакъ сказать, истина; но пошлая потому именно, что она слишкомъ явная истина. Описчго большая часть великихъ предпріятій, великихъ дѣлъ, совершается людьми въ полной силѣ возраста, вообще около тридцати лѣтъ? *Наполеонъ*, требовавшій отъ сухопутнаго полководца почти сверхъестественныхъ качествъ души, прибавилъ къ описанію совершеннаго полководца, что лучшее время онаго естъ тридцати-лѣтній возрастъ. Послѣ сего возраста (не говоримъ объ исключеніяхъ изъ правила),

энергія всякаго рода ослабѣваетъ , падаетъ : раскройте испорцію. Но это не противорѣчатъ ли тому , что мы говорили прежде о возможности весьма различнаго развитія шѣла , ума и воли , въ одномъ и томъ же человѣкѣ ? Не противорѣчатъ. Сии способности конечно могутъ развиваться въ различной мѣрѣ , но не иначе какъ однѣ на счетъ другихъ , и по до нѣкоторой только степени , не далѣе : вопъ сила правила. Слишкомъ великое развитіе какихъ либо способностей человѣка есть какъ бы сверхъестественное состояніе , родъ болѣзни. И по правда , что совершеннаго здоровья нѣтъ , здѣсь , для человѣка. Эта палеологическая истина относится не только къ шѣлу , но и къ душѣ , ко всему человѣку , и къ самому человѣчеству.

Посмотрите , какъ велико отношеніе ума къ религіи. Какое имѣетъ обыкновенно понятіе о религіи человѣкъ необразованный ? Онъ почти вовсе не знаетъ ея. Это правда , онъ молился Богу , въ извѣстныя , положенныя времена ; носитъ имя Христіанина : но въ душѣ своей онъ почти язычникъ , почти невѣрующій , не намѣренно , а по невѣденію. Спросите большую часть крестьянъ нашихъ , что они знаютъ опносительно вѣры. Сколько услышите неѣностей , предразсудковъ , суевѣрій ! Но , скажутъ , здѣсь нужно не столько знаніе , сколько чувство. Со-

гласенъ ; но какое чувство найдете вы у сихъ людей ? Не ищите вы у нихъ чувства. Оно покрыто въ душѣ ихъ такою же грубою корою , какъ и понятія разума. Кромѣ нѣкоторыхъ наружныхъ формъ благочестія , они не чувствуютъ надобности другихъ , еще высшихъ , обязанности религіи. И какъ чувствовать имъ обязанности живой вѣры , безпредѣльной признательности , глубокаго благоговѣнія , когда они не могутъ постигать ихъ ? А безъ этого что такое Молитва ? Человѣкъ , поклоняющійся Создателю въ Его Храмъ , но не имѣющій ничего въ умѣ или сердцѣ своемъ , достоинъ ли исполнять высокую сію обязанность ? Не родъ ли это какъ бы лицемерія ? Люди , ревностные можешь быть , можешь быть благонамѣренные , но ослѣпленные , вы , которые гоните , именемъ религіи , просвѣщеніе , какъ язву для нея , какъ причину разврата и безбожія , не гоните ли этимъ самымъ религію , не водворяете ли разврата и безбожія ? Оборонитесь къ вашей совѣсти , спросите ее , довольна ли она шѣмъ невѣжесвомъ и его слѣдствіями , на которыя вы осуждаете своего ближняго ! Разберите , хладнокровно , дѣло это. Вы ужаснетесь ! Вы ужаснетесь , если боитесь отвѣстственности передъ Богомъ !

Возвращаемся къ нашему предмету.

Итакъ совершенство, идеальное воспитаніе соспюитъ въ современномъ и пропорціонально-равномъ развитіи силъ, входящихъ въ составъ его.

Сія опихія, какъ мы видѣли, суть тѣлесныя, умственныя и нравственныя способности. Кажалось бы, съ перваго взгляда, что усовершенствованіе сихъ способностей доспаотно для человѣка, во всѣхъ случаяхъ его жизни; ибо онъ соспавляюль всего его, и онъ не можетъ, ни на одно мгновеніе, выйдти изъ сферы ихъ: однако нѣтъ. Общество, въ которомъ живеть человѣкъ, и долженъ жить непременно, имѣеть свой кругъ дѣйствія, и пребуеть для себя особеннаго воспитанія. Съ опличными физическими и нравственными качествами можно быть худымъ членомъ общества. Конечно, воспитаніе *общественное* основывается на тѣхъ же силахъ, которыя служатъ предметомъ человѣческаго воспитанія вообще; но оно развиваетъ ихъ своимъ особеннымъ образомъ, даетъ имъ свое особенное направленіе. Это необходимо; ибо человѣкъ въ обществѣ опличенъ опъ чловѣка въ самомъ себѣ, по многимъ опношеніямъ. Предметъ сей весьма важенъ; объяснимся.

Человѣкъ назначенъ быть самымъ совершеннымъ существомъ въ природѣ. Преимущество сего совершенства состоитъ, здѣсь на землѣ,

въ помя, что онъ можетъ употреблять, посредственно или непосредственно, въ пользу шѣла или души, все что находится внѣ его. Это естественное его право въ обширномъ смыслѣ. Только онъ долженъ пользоваться симъ правомъ такъ, чтобы ближній его могъ также имъ (правомъ) пользоваться; потому что оно дано не одному какому нибудь человѣку, а всемъ людямъ безъ исключенія.

Но что значить употреблять въ свою пользу? Усвоивать себѣ, для благосостоянія своего. Орудія усвоенія суть способности; вещи усвоенныя — богатство въ обширномъ смыслѣ. Такъ какъ природа состоитъ изъ двухъ частей: вещественной и невещественной; то и богатство бываетъ: вещественное и невещественное.

Богатства невещественныя, относятся болѣе къ душѣ, нежели къ шѣлу, расширяя кругъ дѣйствія ума, облагораживая побужденія воли, освобождая, сколько возможно, отъ грубыхъ попеченій физическихъ, были признаны, въ первые вѣка образованія человѣческаго, одни истинными богатствами отъ шѣхъ людей, которые превышали прочихъ душевными качествами. Мудрецы первыхъ временъ должны были высоко цѣнить достоинство невещественныхъ богатствъ, не только по внутреннему ихъ зна-

ченію, но и потому, что многія изъ нихъ богатствъ могутъ пріобрѣтаться безъ всякаго спѣсненія ближняго. Спѣсняетъ ли напр. мудрецъ своего ближняго, когда онъ размышляетъ о величїи или красотѣ природы, и находитъ въ этомъ наслажденіе? Что онъ дѣлаетъ при семъ размышленїи? Употребляетъ природу въ свою пользу; следовательно усвоиваетъ ее душѣ своей: но усвоиваетъ ее съ невещественной стороны. Если бы, напрошивъ, онъ усвоилъ себѣ чтонибудь изъ природы вещественно; то не спѣснилъ ли бы онъ симъ поступкомъ ближняго своего въ естественномъ его правѣ? Нѣтъ сомнѣнїя. Богатства вещественныя могутъ переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣтеля къ другому; и въ переходѣ семъ измѣняющся, порпятся, испребляющся: богатства невещественныя не переходятъ изъ рукъ въ руки, но сообщаются, подобно пламени, не угасая отъ сообщенїя. Все это должно было возвысить, во мнѣнїи философовъ, послѣднїя, и унижить первыя. За униженіемъ слѣдуетъ презрѣнїе. Презрѣнїе богатства вещественнаго должно было сдѣлаться правиломъ мудрости.

Но это было великое заблужденіе философовъ, или, какъ Кузей называетъ всякое заблужденіе, неполное, одностороннее прозрѣнїе истины. *Прозрѣнїе истины*; потому что богатства не-

вещественныя дѣйствительцо, безъ всякаго сравненія, выше вещественныхъ. *Неполноде прозрѣніе истины*; попому что богатства невещественныя имѣють свою важность, и необходимы для невещественныхъ. Это доказалъ великій наставникъ человечества, опытъ. Послѣ разныхъ испытаній, человечество увидѣло, что прежде всего надобно обезпечить матеріальное свое существованіе, и что за симъ обезпеченіемъ приходяшъ, такъ сказать, сами собою всѣ прочія улучшенія. Подлинно, за физическимъ благосостояніемъ слѣдуетъ и самое нравственное. Древніе философы-законодатели ввѣдали, и ввѣждали, искашъ счастья, не во внѣшнихъ предметахъ, а ввѣпри самого себя: они не достигли своей цѣли; попому что законы, ими составленные, несогласны съ природою человеческою. Безъ внѣшнихъ предметовъ, то есть безъ того, что составляетъ довольство, человекъ не имѣетъ ни охоты, ни способности, занимашъ ввѣнреннимъ своимъ состояніемъ; онъ становится *грубъ* по всѣмъ отношеніямъ, не только по шѣлу, но по уму и сердцу. Древніе законодатели не достигли этого; и со всѣмъ своимъ желаніемъ улучшить родъ человеческій, сдѣлали гораздо болѣе вреда ему, нежели пользы; попому что преградили ему, на долгое время, настоящій путь къ совершен-

сшвованію. Только въ новыя времена, *Смюль* (*), *Бенваль* и подобныя, основанныя на вѣдѣніяхъ

(*) Пользуемся, по примѣру нѣкоторыхъ, буквою *ё* для предсавленія англійскихъ буквъ *th*. Мы говорили уже нѣкогда публнкѣ о надобности употреблать нѣкоторыя средства, кромѣ находящихся въ нашей азбукѣ, для правильнѣйшаго, сколько возможно, изображенія многосланныхъ словъ, передаваемыхъ по русски безъ перевода. Согласно съ энциптъ, оплнчаемъ и здѣсь, въ словахъ, взятыхъ изъ иностраннаго языка, букву *г* особеннымъ знакомъ, всякой разъ, когда она выговаривается какъ латинская буква *h*, и оставляемъ ее просто, безъ всякаго знака, когда она отвѣчаетъ латинскому *g*. Мы слѣдуемъ, въ семъ случаѣ, наставленію Пайласа, который чувствовалъ недосипокъ, въ русской азбукѣ, буквы, отвѣчающей латинскому *h*, и предложилъ писать русскій *г* съ седилью когда *г* выговаривается какъ лат. *h* (см. *Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій*; Часпъ, I; *Explicatio litterarum alphabeti Rossici*). Но такъ какъ седиль имѣетъ, въ нѣкоторыхъ европейскнхъ азбукахъ, свое особенное назначеніе; шо мы замѣнили сей значекъ надбуквеннымъ греческимъ, такъ называемымъ, *густымъ придыханіемъ* (‘), отвѣчающимъ, какъ извѣстно, латинскому *h*; пишемъ напр. Гигіена. Для изображенія французскаго носоваго *n* (напр. въ словѣ *Cousin*) мы употребляли, въ первомъ изданіи сей книжки, русскій *н* съ прибавленіемъ

предметахъ, на непосредственной пользѣ все-
 благосостояніе чловѣка, самую слау и до-
 стоинство его души, одѣлались истинными
 благодѣтелями людей. Опныиъ *польза* составля-
 етъ, и должна составлять, главную пружину
 дѣятельности чловѣческой. Но шѣ превратно
 поняли бы сіе ученіе, которіе заключили бы,
 что оно основано на грубомъ эликуреизмѣ. Рѣчь
 идетъ не о томъ, что составляешь достоинство
 чловѣка, но о томъ, какъ можно его достигнуть.
 Религія и нравственность составляютъ, безъ
 сомнѣнія, высшую цѣль совершенствованія чело-
 вѣческаго; но сія цѣль не достигается химери-
 ческою утопіею древнихъ философовъ.

къ нему апострофа (н'), полагая, что буква *n*
 произносится здѣсь, какъ думаютъ нѣкоторые
 французскіе грамматиспы, не вполнѣ, а уст-
 ченно, и что устѣченіе это можетъ изобразить-
 ся прилично апострофомъ. Но извѣстный егип-
 тологъ нашъ, И. А. Гуляновъ, доказалъ мнѣ,
 изустно, что во французской ноевой буквѣ *n*,
 кромя *словесной*, какъ онъ называетъ, *стихи*,
 выражаемой русскимъ *н*, находится еще часпъ
стихи, выражаемой буквою *z*; такъ что фран-
 цузскій *n* есть скрытно — сложная буква, отъ
 которой стихія *z* не совсѣмъ еще отдѣлилась.
 Поэтому мы пишемъ теперь *н'*, вмѣсто пре-
 няго *н'*, въ непереводимыхъ французскихъ сло-
 вахъ.

Читатель, надѣмся, извинитъ насъ за это
 длинное замѣчаніе, принявъ въ разсужденіе,
 что опчешливостъ нужна во всякомъ случаѣ.

Іюль 1832.

27

Впрочемъ несправедливо было бы обвинять сихъ философовъ; они поступали, какъ должны были поступать, разумно и благонамѣренно. Только многостольпная ошпынность, которой не лзя было имѣть имъ, могла открышь ихъ заблужденіе, невольное, неизбѣжимое. Какое пространство времени, съ его уроками и бѣдспвіями, должно было пройди, прежде нежели умъ человѣческій могъ сказать, со *Шторхомъ*: «Безъ денегъ общесство было бы не только бѣдно, но и необразованно; п. е. не только оно «было бы лишено богатства, но и просвѣщенія!»

Просвѣщеніе, какъ умственное такъ и общественное, произведенное философами, было неполное, одностороннее; потому что основывалось на неполномъ пониманіи онаго. Но какъ могли философы произвести просвѣщеніе? Развѣ кромѣ ихъ, не было другихъ людей съ собственною волею и разумомъ? Развѣ современники философовъ не могли поступать иначе, какъ по ихъ предписаніямъ?

Массы народа ничего не производятъ сами собою: такъ какъ каменщики не строятъ домовъ; ихъ строятъ архитекторы. Подъ массой народа разумѣемъ не только низшій классъ онаго въ обществѣ; но и вообще всѣхъ тѣхъ, которые не отличаются отъ прочихъ особен-

нью умственной силою и дѣятельностью. Массы народа осуждены идти всегда подъ чужимъ руководствомъ; пошому что, безъ чужаго руководства, онѣ не знали бы куда идти. Онѣ это чувствуютъ (ибо имѣютъ для сего довольно разсудка, почти инстинкта), и располагаютъ своими дѣйствіями по плану, не ими составленному, не имъ собственно принадлежащему. Умъ ихъ покоряется слѣпо другому уму, сильнѣйшему, чѣмъ ихъ собственный. Надъ низшею народною массою, ш. е. надъ необразованнѣйшею, стоятъ другія массы людей, образованнѣе ея; но сіи сами, въ свою очередь, находящіяся подъ вліяніемъ другихъ умовъ, которые еще выше; и сія умственная іерархія восходитъ наконецъ до того малаго числа умовъ избранныхъ, гдѣ рождаются идеи, дѣлающіяся, въ послѣдствіи, общественнымъ мнѣніемъ. Могущество общественного мнѣнія извѣстно; но оно, говоримъ мы, происходитъ первоначально отъ немногихъ мыслипелей. Ихъ по отвлеченія превращаются въ дѣятельность. Они кажутся недѣятельными, погружившимися только въ умозрѣнія; и однако двигаютъ душами съ силою непреодолимою. Повелѣвая не сколько настоящимъ, сколько будущимъ, они образуютъ участь человѣческую. Напрасно матеріальная сила захотѣла бы бороться съ ихъ силою невещественною; рано или поздно, но

неизбѣжимо, идея спановнилося существенно-спію.

Такимъ образомъ древніе философы могли создашь всю цивилизацію своего времени, и должны были создашь ее, какъ сказано выше, неполною, одностороннею. Духъ сей цивилизаціи былъ выраженъ на храмѣ Апполлона дельфійскаго славнымъ *Анаксагоросымъ* изрѣченіемъ: *познай самого себя*, изрѣченіемъ, которое не имѣеть уже, въ новыя времена, прежняго великаго значенія; попому что оно слишкомъ шѣсно для новой цивилизаціи, и не можеть служишь ей основаніемъ.

Новая цивилизація ушверждается на основаніи, гораздо обширѣйшемъ, на познаніи людей; опшого многія древнія истины совершенно преобразились. Мы будемъ доказывать ниже, что благотворительность можеть производить, въ обществѣ болѣе вреда, нежели многіе изъ пороковъ; и однако благотворительность есть прекрасная добродѣтель въ сердцѣ человека. Что измѣнило шакъ ея свойство? Познаніе людей. Приведемъ другой примѣръ. Прощеніе обидъ есть высокая добродѣтель: но человекъ въ обществѣ часшо не имѣеть права приводить въ исполненіе сію добродѣтель; онъ можеть, и долженъ, сожалѣть въ душѣ своей о непріятелѣ, и однако обязанъ, для пользы ближняго или соотечественника, искашь его наказанія, и

не успокойсья до цѣхъ поръ, пока непришель не получишь сего наказанія. И шакъ далѣе. Вообще: неопредѣленность множества управляется другими законами, нежели опредѣленность единства. Нуль въ высшей математикѣ имѣеть уже совсѣмъ не то значеніе, какое имѣеть въ прѣспѣй ариѣметикѣ. И въ философіи мы находимъ напр., что *вѣное есть ничто природы* (*); по это не обыкновенное ничто, а то, изъ котораго Богъ сотворилъ, какъ училъ Моисей, небо и землю. Такъ различны, противоположны, спорны одной и той же вещи, когда она разсматривается съ двухъ точекъ зрѣнія, съ ограниченной и неограниченной! Новая цивилизація достигла это; и все древнее измѣнилось. *Познай себя и общество*: вотъ правило новыхъ времянь, правило, въ которомъ познаніе самого себя, шакъ сказанъ, помножается познаніемъ людей. Какъ ни обширно шакое правило, оно однако есть пригшовленіе шолько къ другому, еще обширнѣйшему: *познай теловѣество*. Но объ этомъ послѣ.

Возвращаемся къ тому, съ чего начали, къ шому именно, что законы общешва шребующъ особеннаго для себя воспитанія, или, справедли-

(*) « Das Ewige ist, das Nichts der Natur. » Oken.

все скажешь, они пребудутъ особенныхъ приложенийъ воспитанія: ибо воспитаніе не можетъ быть ничѣмъ другимъ какъ развишемъ шѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей; только способности сіи должны быть, по законамъ общества, приспособлены къ его пользѣ; при чемъ можетъ иногда спряться польза человека частнаго.

Чтобы не пропустилъ ничего изъ раздѣленія воспитанія, я долженъ еще упомянуть о такъ называемомъ *свѣтскомъ* воспитаніи. Это такъ же прикладное воспитаніе, п. е. приспособленное къ обществу; но оно приспособлено не къ тѣмъ высокимъ требованіямъ общества, которыми развивается человечество; а къ требованіямъ внѣшнихъ знаковъ благовоспитанности. Оно состоитъ, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ пріемахъ, непринужденныхъ, красивыхъ, въ нѣкоторыхъ предосторожностяхъ рѣчи и поступковъ, называемыхъ приличіями, въ знаніи и исполненіи, сколько надобно, правилъ моды, и пр., и пр. По существу своему, оно ничтожно; ибо учишь только тому, чѣмъ казаться, а не тому, чѣмъ быть; казаться напр. красивымъ, снисходительнымъ, услужливымъ, и проч.; оно есть ничто иное какъ призракъ, маска истинной благовоспитанности, сообщающей человеку дѣйствительно помилушя качества: однако

и оно нужно. Королева *Христина* говорила о *Сомезъ*, что онъ зналъ на всѣхъ языкахъ слово: спуль, но не зналъ, какъ на него садиться; *Сомезу* не дурно было бы знать и последнее.

Остановимся здѣсь, и повторимъ короткими словами, безъ дальнѣйшихъ объясненій, главные раздѣленія воспитанія.

По числу коренныхъ способностей чловѣка, воспитаніе можетъ быть трехъ родовъ:

Физическое,

Умственное,

Нравственное.

Къ физическому воспитанію относятся:

Гигіена,

Гимнастика.

Къ умственному:

Обученія промышленныя (воспитаніе промышленное),

Искусства; и словесность, изящныя (воспитаніе эстетическое, изящно-искусственное, изящно-словесное),

Науки собственно (воспитаніе ученое, сціеншифическое).

Къ нравственному:

Нравственность собственно (воспитаніе нравственное),

Религія (воспитаніе религиозное).

Къ прикладному воспитанію принадлежатъ :

Общественное или гражданское ,

Сѣтское.

Здѣсь заключается полный кругъ воспитанія человеческого. Каждая изъ частей онаго имѣетъ свои особенные законы; и что хорошо для одной, то можетъ быть дурно для другой: хотя всѣ онѣ, для совершенства своего, пребываютъ непрерывно взаимнаго вспомоществованія. Не будемъ больше говорить объ общемъ ихъ единствѣ, и вліяніи одной на другую. Перейдемъ къ той частности, которую мы избрали предметомъ своего разсужденія. Впрочемъ многія положенія, которыя скажутся здѣсь о умственномъ воспитаніи, могутъ относиться и къ воспитанію вообще.

Второй отрывокъ.

Сила просвѣщенія въ послѣдніе вѣка, въ послѣдній вѣкъ особенно, сдѣлала великіе успѣхи, и дала, необыкновенное дошоль, движеніе всему свѣту, касательно понятій и нравовъ. Сии успѣхи безпрестанно возрастаютъ какъ бы геометрическою, какъ мы выше сказали, прогрессію.

По мѣрѣ ихъ возраспанія, живошній чело-
вѣкъ выпѣсняется онисюду умспвеннымъ, и при-
нужденъ спраданъ въ свою очередь. Это спра-
ведливо не только въ опношенія къ ошдѣльнымъ
лицамъ, но и къ цѣлымъ народамъ. Непросвѣ-
щенные народы уснуають по неволѣ свое мѣ-
сто просвѣщеннымъ; вспомнимъ о дикихъ сосѣ-
дахъ Англо-Американцевъ. Сколько уже краевъ
земнаго шара, назначенныхъ первоначально опъ
природы въ жилище *цвѣтнымъ* покодѣніямъ чело-
вѣческимъ, занято пеперь *бѣлымъ* поколѣніемъ,
ш. е. просвѣщенѣйшимъ, слѣдовапельно силь-
нѣйшимъ! *Бѣлый* челоувѣкъ, *audax Japeti genus*,
какъ называешь сго *Горацій*, завоевываешь се-
бѣ мѣръ. Думаемъ, что, со временемъ, оспанен-
ся на земномъ шарѣ одно полько челоувѣческое
поколѣніе, Кавказское, или даже, можетъ быть,
та полько отрасль сего поколѣнія, которая
разовьешь сильнѣе прочихъ. Если это такъ
будетъ, то который изъ европейскихъ, или
азіатскихъ, народовъ населитъ землю? Не те-
перь можно челоувѣчески сдѣлать вѣрное заклю-
ченіе объ этомъ предметѣ; вѣрояпно, челоувѣ-
чество испыаептъ еще многія перемѣны въ ся-
лахъ его народовъ, прежде нежели который ни-
будь изъ сихъ народовъ рѣшительно. возобла-
даешь надъ всѣми другими. Впрочемъ Библія
уже рѣшила сей вопросъ, обѣщавъ всю землю
сѣмени *Авраама* (Бышія, книга 1-я : XII, 2,

3, 7; XVII, 6, 8; XVIII, 18, XXII, 17; XXVI, 4). Замѣшимъ, что безпримѣрная характерность Іудейскаго народа, неизгладимая его пребываемость, вопреки всѣмъ враждебнымъ, разрушительнымъ вліяніямъ, разсѣланіе по земному шару, какъ бы для того, чтобы собрать нечувствительно всѣ роды цивилизаціи, для удобнѣйшаго ихъ пошлѣ соединенія въ одно цѣлое, общее — могутъ служить намеками будущей участи Евреевъ для испорника.

Третьй отрывокъ.

Припомнимъ, какіе предметы входятъ въ кругъ умственнаго образованія. Сія предметъ, какъ мы видѣли, на спр. , сушь:

Обученія промышленныя,

Искусства, и словесность, изящныя,

Науки собственно.

Здѣсь вся энциклопедія. Но полная энциклопедія есть наука, не отдѣльныхъ людей, а рода человѣческаго. Для людей возможны только нѣкоторыя опоры сей великой науки.

Если сіи отрывки , различныхъ между собою родовъ , приспособлены одни къ другимъ такъ , что объясня и пополня себя взаимно , обращены къ одной какой нибудь цѣли ; то составляютъ систему наукъ , или , почитѣ , систему ученія . Свѣдѣнія , не связанныя между собою взаимною необходимостью , и не усурмененныя къ одной общей цѣли , не составляютъ системы , какъ бы они многочисленны ни были , и оспашюся , такъ скажашъ , безжизненными : это груды матеріала , хаосъ , *rudis indigestaque moles* ; система оживляешъ ихъ , приводя въ одно стройное цѣлое .

Не трудно понять , что лучшая система ученія должна быть такою совокупностью разныхъ свѣдѣній , взятыхъ изъ энциклопедіи , которая въ самое короткое время , и самымъ легкимъ образомъ , доводишъ до предполагаемой цѣли . Если къ сиимъ свѣдѣніямъ присоединены будутъ излишнія , ш. е. такія , которыя затрудняють достиженіе цѣли , оспанавливая на себѣ , безъ необходимости , спремяцагося къ ней ; то система , принявшая ихъ въ себя , не имѣешъ права назваться хорошею . Система будешъ дурна также , если не войдутъ въ составъ ея *всѣ* свѣдѣнія , необходимыя для полнаго успѣха . Ипакъ система ученія , чтобъ быть совершенною , должна избѣгнушь упрека , какъ въ издичесствѣ ,

шакъ и въ недоспаику, ея свѣдѣній. Но какъ избѣгнуть сего упрека, и не пропустить ничего истинно нужнаго, не допустивъ ничего излишняго? Вопросъ важный, шакъ сказать, органическій; ибо на немъ основана причина усѣха.

Въ новыя времена, когда кругъ наукъ сдѣлался весьма обширнымъ, родилась, въ общественомъ мнѣніи, необходимость усовершенствовашь *методу* ученія, для того чтобы сколько возможно легче пріобрѣташъ необходимыя свѣдѣнія. Много было предложено различныхъ методовъ, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, и до сихъ поръ продолжаютъ онѣ предлагаться. Повсеместное требованіе общества, и поощреніе Правительствъ, обращающъ вездѣ дѣятельность ума на предметъ сей. Во Франціи, въ 1828-мъ году, когда *Ватиниль* былъ министромъ Просвѣщенія, составлена была особая коммисія для сличенія и разобранія методовъ. Но какъ ни полезно изысканіе того, что нужно для скорѣйшаго успѣха въ наукахъ; однако еще полезнѣе заняшъ напередъ шѣмъ, какимъ наукамъ надобно учисься. *Система* наукъ должна предшествовашь *методу* ученія. Метода есть ничто иное какъ средство для пріобрѣтенія свѣдѣній; какая же польза въ методѣ, если не опредѣлены еще, или худо опредѣлены, шѣ

свѣдѣнія , для которыхъ она служишь должна , какъ орудіе ? Сперва. нужно разобрать , чему учись , потомъ уже — какъ учись .

Совершенство системы ученія пребуешь , какъ мы видѣли , что бы въ ней заключалась *полнота свѣдѣній* , *безъ излишества* . Замѣшимъ сперва , что мы говоримъ здѣсь , и будемъ говорить еще , о системѣ ученія , какъ бы алгебраическимъ *особомъ* , въ общихъ формулахъ , безъ приложеній дѣйствительныхъ . Само по себѣ разумѣется , что система ученія , для каждаго особеннаго человека , должна имѣть свою особенность , и приспособляясь къ его индивидуальнымъ надобностямъ ; и что слѣдовательно сколько будетъ людей , столько должно быть системъ для умственного ихъ образованія . Но вся сія безчисленность системъ управляется одними общими законами . Инакъ погрузимся въ ихъ метафизику . Это нужно для того , чтобы дѣлать потомъ выводы для приложеній , не на удачу , не слѣпо , или по прихоти , а по убѣжденію разума , по необходимости .

Повторимъ еще : совершенство системы ученія пребуешь , что бы въ ней заключалась *полнота свѣдѣній* , *безъ излишества* . Спрашивается : какія же свѣдѣнія нужны , и какія излишни или неужны ? Нужны , безъ сомнѣнія , только свѣдѣ-

ніа *полезныя*, ш. е. тѣ , которыя могутъ служишь къ удовлетворенію вуждъ. Еслибъ кому нибудь нѣкоторыя обстоятельствова , родъ жизни , собственныя способности , вообще наружныя или внутреннія средства , препяшпировали употребяшь въ свою , душевную или тѣлесную , пользу свѣдѣнія какой нибудь науки : шо какъ бы сія наука ни была превосходна , какія бы прекрасныя истины , или высокія свѣдѣнія , ни заключала въ себѣ ; однако она была бы для него совершенно излишнею , или , лучше сказашь , вредною ; ибо убила бы понапрасну часшь его жизни , выпѣснивъ собою занятія другія , для него полезнѣйшія. Инакъ не всѣ науки полезны для всякаго ; и каждый долженъ учяшься поую шолько , что согласно съ его нуждами , избѣгаи всего , что не отвѣчаетъ симъ нуждамъ.

Безчисленны и разнообразны нужды человекскія. Но что необходимо одному , въ томъ часшо другой не имѣеть никакой надобности ; у всякаго свои обязанности. Если однако обязанности общія для всѣхъ , обязанности которыхъ никто избѣгнушь не долженъ. Онѣ состоятъ въ томъ , чтобы бышь полезнымъ *человѣчеству* , *отечеству* и *самоу себѣ*.

Долгъ къ самоу себѣ требуетъ того , чтобы открываешь свои тѣлесныя , умственныя и нравственныя способности , и удовлетворяешь имъ.

Тотъ недоспоишь былъ бы имени чловѣка, кто съ намѣреніемъ погубилъ бы въ себѣ сіи способности. Такое самоубійство осуждается здравымъ смысломъ и нравственностью. Чловѣкъ, въ которомъ способности его не раскрыты, представляя собою только подобіе чловѣка. Но вина въ семъ случаѣ, если не онъ самъ причиною своего несчастія, лежатъ на отвѣтственности тѣхъ, которые могли вывести его изъ жалкаго состоянія, и пренебрегли это сдѣлать.

Долгъ къ отечеству требуетъ того, чтобы дѣлились съ нимъ своими способностями. Для этого надобно образовать свои способности такъ, чтобы онѣ наиболѣе могли принести пользы отечеству, хотя бы и спростили отъ него собственныя свои выгоды. Безумно жертвовать своими выгодами бесполезно для отечества; еще безумнѣе жертвовать ими къ вреду его: но жертвовать ими къ его пользѣ согласно столько же съ вѣчными законами разсудка, какъ и съ законами чловѣческими; ибо отечество необходимо для каждаго изъ сыновъ его. Что есть отечество? Оно не есть земля только, на которой чловѣкъ живетъ; оно есть идея, развивающаяся въ религіи, въ государственномъ благоустройствѣ, законахъ, искусствахъ, языкахъ, наукахъ, нравахъ, того народа, къ которому чловѣкъ принадлежитъ, и для физическаго

благосостоянія котораго служилъ извѣстная доля водъ и земель съ ихъ живописными, расширительными и минеральными произведеніями. Сія произведенія, кромѣ физической пользы (*), имѣютъ еще пользу нравственную, содѣйствуя, своимъ образомъ, къ развитію общей идеи народа; пошому заключены сугубо въ кругъ той симпатіи, которая объемлетъ все принадлежащее къ отечеству, все ему споспѣшествующее, все отечественное. Мы видѣли уже (стр.), что гдѣ чувство, памъ и долгъ. Но видѣли также, что долгъ основывается не на одномъ только неопредѣлительномъ расположеніи сердца, а на положительныхъ началахъ разсудка. И патриотизмъ можетъ быть также ложнымъ, или недостигающимъ своей цѣли, какъ неумѣстная благотворительность. Между благотворительностью и патриотизмомъ много подобнаго. Презрѣнна прищворная благотворительность; презрѣнна и прищворная любовь къ отечеству: но ша и другая неизъяснимо облагораживаютъ душу, когда онѣ чисты.

(*). Благодарность народа почти благотворительность передъ всѣмъ шѣмъ, что необходимо для поддержанія физической жизни.

Долгъ къ человечеству пребуешь того, чтобъ принести себя на жертву ему. Это высокій долгъ! Кто не уважитъ словъ, произнесенныхъ въ Россійской Академіи однимъ изъ знаменитыхъ членовъ ея: «Хорошо писать для Россіянъ; «еще лучше писать для всѣхъ людей?» Кто не согласится съ словами, еще примѣчательнѣйшими, шѣмъ же и шамъ же сказанными: «и «жизнь наша и жизнь имперій должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человеческой (*).» Человѣчеству служашъ всѣ, даже и шѣ, которыя вовсе не думаютъ объ эгомъ. Не ищешъ ли каждый, почти произвольно, сообщить другимъ все что произошло новаго въ душѣ его, все что, по его самочувствію, расширило, улучшило его умъ или сердце. Всякое важное открытіе, всякое высокое чувство, все кажущееся намъ усовершенствованіемъ существа нашего, приобрѣтеніемъ для способностей, спановишся для насъ тяжесію, если мы не раздѣлимъ его съ другими, со всѣми. Одна ли слава заславляетъ пи-

(*) Рѣчь Карамзина, произнесенная, 5-го декабря 1818 года, въ Собраніи Россійской Академіи.

сашеля искашь публичности? (*) Одна ли слава влечешъ даже завоевателя на поле сраженія, и ужасамъ войны? Нѣтъ, прежде славы, еще есмь въ душѣ побужденіе, образовашь міръ по своему, перенесши себя самое въ сей міръ, и вмѣстѣ съ нимъ въ одно соединишься. Всѣ сіи частныя покусенія людей излишья въ общее, и возвысишь ощее до высоты собственной, необходимы для человечества; потому что безъ нихъ человечество не могло бы совершенствоваться. Усилия слабыя, или вредныя, побѣждаются усилями сильными или полезными; и родъ человеческій подвигается безпрестанно къ той степени совершенства, которая назначена ему свыше. Постепенное развитіе человечества есть путь высокій выводъ историческій, который постигнешъ умомъ, и провозглашенъ, въ новыя времена. Теперь мы ясно понимаемъ, что прошед-

(*) Журналистика хлещетъ бичемъ кришкани бездарную шлопу писателей, которые наводяють липперашуру незначущими своими произведеніями. Она дѣлаетъ хорошо; потому что не надобно хвалить не заслуживающаго похвалы. Но журналистика не должна удивляться сему пушоцвѣшу липперашуры; не должна негодовать на него: потому что онъ основанъ на одномъ изъ свойствъ души человеческой. Уничтожьте въ чловѣкѣ расположеніе публиковать вздоръ, и вы уничтожите вмѣстѣ эшмиъ

шіе вѣки прудились для насъ , и что мы , въ свою очередь , прудимся для вѣковъ будущихъ . Безъ предшественниковъ нашихъ мы не могли бы пользоваться тѣмъ , чѣмъ теперь пользуемся ; и попомощво наше , только съ нашею помощію , будешь наслаждаться своими выгодами . Человѣкъ опредѣленъ для человѣчества , и настоящее опредѣлено для будущаго ; все для вѣчности .

Но что человѣкъ дѣлалъ до сихъ поръ по инстинкту , то будешь дѣлать нѣкогда по произволію . Прежде однако надобно ему постигнуть ту высокую истину , что жизнь индивидуальная должна быть принесена на жертву общей жизни ; надобно убѣдиться въ сей истинѣ ; надобно рѣшиться поступать согласно съ нею ; надобно наконецъ научиться поступать

и самую возможную успѣховъ разума ; однимъ ударомъ вы убьете и *Коперника* и *Разрушителя коперниковой системы* (Библиографія извѣстно русское сочиненіе : *Разрушеніе коперниковой системы* , соч. священника *Г. А.* Москва , 1815). Здѣсь не мѣсто входить въ объясненія , почему , при извѣстныхъ обстоятельствевахъ , появляющіяся во множествѣ тѣ или другіе роды негодныхъ сочиненій ; довольно замѣнить , что они указываютъ на высокую черту души человеческой , ешренишься къ общности , погружаться въ человечество .

накъ. Постигнувъ истину, убѣдишься въ ней, обратишь теорію въ практику, и учишься этому, съ разными степенями совершенства образованія человеческого. Высшая изъ нихъ конечно будешь та, когда человекъ приобрянетъ умныя жертвованія собою произвольно въ пользу человечества. Тогда достигнется цѣль земнаго его пребыванія. Она еще далеко не достигнута; любовь къ личной жизни во всей еще ея силѣ. Душа смущается отъ мысли считать ни во что собственное, свое благо, и искать его только въ благѣ общемъ. Но дума, въ глубинѣ своей, чинитъ сію великую жертву, удивляется ей, одобряетъ ее, хотя бы и не имѣла силъ, которыхъ сія жертва пребудетъ. Сей внутренній голосъ души въ пользу пожертвованія себя человечеству есть порука будущаго ея совершенства; это неугасимая искра священнаго огня, которая сдѣлается нѣкогда пламенемъ. Но теперь еще сія искра рдѣетъ среди мрака, какъ первая полоса зари, предвозвѣстница солнца, которымъ ночь превратится въ день (*).

(*) О высокой истинѣ личнаго пожертвованія въ пользу человечества, читатель можетъ найдши много поучительнаго въ книгѣ: *Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters; dargestellt von Johann Fichte, in Vorlesungen, gehalten zu Berlin, im Jahre 1804—1805. Berlin, 1806 in-8 min.*

Три обязанности, изображенныя шеперь нами, именно обязанности: бышь полезнымъ челоуѣчеству, опечеспу и самому себѣ, служащъ основаніемъ всѣмъ прочимъ; всѣ прочія обязанности составляютъ только приложеніе сихъ прехъ главныхъ. Поэтому система ученія была бы не полною, если-бы не заключала въ себѣ всѣхъ свѣдѣній, нужныхъ для челоуѣчества, опечесства и личности учащагося.

Кромѣ свѣдѣній самостоительныхъ, составляющихъ истинное *знаніе*, есть еще свѣдѣнія вспомогательныя, которыя необходимы для пріобрѣтенія *знанія*; таковы на примѣръ: чтеніе, писаніе, иностранныя языки, и п. д. Очевидно, что все это орудія для *знанія*, а не собственно *знаніе*. — Сверхъ того и самыя самостоительныя свѣдѣнія могутъ служить необходимою ступенью для другихъ, п. е. бышь вспомогательными. — Нѣтъ сомнѣнія, что вспомогательныя свѣдѣнія должны также войти непременно въ систему ученія.

Соединивъ оба сія рода свѣдѣній, и самостоительныя и вспомогательныя, что получаемъ? Получаемъ овышь полную энциклопедію. Но полная энциклопедія не возможна ни для кого. Слѣдовательно система ученія должна, по необходимости, ограничиться, не вообще полезными свѣдѣніями, а *возможно полезными*.

Исключимъ же изъ энциклопедіи, для системы ученія, невозможныя свѣдѣнія.

Къ невозможнымъ принадлежатъ конечно нѣ свѣдѣнія, которыя несовмѣстны съ пѣлесною или душевною организаціею учащагося. Силы чело-вѣка различны въ различныхъ періодахъ его жизни; и что можешь сдѣлать одинъ возрастъ, того не можешь сдѣлать другой. Напрѣсно вы спяли бы учили метафизикѣ прехлѣпнаго младенца; какъ бы вы не старались ему располковать ея, онъ ея не пойметъ: метафизика невозможна для него. Это очевидно. Инакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія только совмѣстныя съ организаціею учащагося, а всѣ несовмѣстныя съ нею должны бытъ исключены изъ нея.

Далѣе: возможныя, по организаціи, свѣдѣнія не всѣ могутъ бытъ приобрѣтены каждымъ; по-шому что не доспало бы цѣлой жизни для ихъ приобрѣщенія. Достанетъ ли напримѣръ жизни для одного только изученія всѣхъ, живыхъ и мертвыхъ, языковъ? Это приводитъ насъ къ заключенію о другаго рода невозможности въ-которыхъ свѣдѣній; о невозможности ихъ, не по несообразности съ организаціею учащагося, а съ временемъ, которое онъ можешь употребить для нихъ. Инакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія только совмѣстныя съ воз-

можнымъ пожертвованіемъ времени учащагося, а всѣ несомѣстныя съ нимъ должны бытъ исключены изъ нея.

Мы видимъ здѣсь необходимость исключити изъ системы ученія нѣкоторыя свѣдѣнія, не смотря на то, что они совмѣстны съ организаціею учащагося. Какія исключимъ? Было бы прошивно здравому смыслу не дать преимуще-ства свѣдѣніямъ полезнѣйшимъ предъ прочими. Поэтому свѣдѣнія не столь полезныя, какъ прочія, спановаятся шакже, своимъ образомъ, въ разрядъ невозможныхъ; ибо здравый смыслъ отвергаетъ ихъ. Ишакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія только наиболѣзнейшія, а всѣ не столь полезныя должны бытъ исключены изъ нея.

Какія свѣдѣнія наиболѣзнейшія? Пользу ихъ, какъ мы видѣли, должно искать опносительно: 1) себя или личности, 2) опечества, 3) чело-вѣчества и 4) шакже опносительно ихъ са-михъ собственно, какъ орудій. Опредѣлимъ, ка-кія свѣдѣнія полезнѣе прочихъ, по симъ чешыремъ опношеніямъ.

1) Наиполѣзнейшія науки относительно лич-ности чело-вѣка. Цѣль личнаго воспитанія состо-итъ въ раскрытіи и усовершенствованіи шѣ-лесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ спо-

способностей человека, такъ чтобы быть: по плъу, здоровымъ и крѣпкимъ — по уму, просвѣщеннымъ и умнымъ — по волѣ, добрымъ и благочестивымъ. Средство для этого состоятъ въ томъ, чтобы:

Упражнять тѣлесныя и душевныя способности; пошому что способности погибаютъ отъ неупражнения, а отъ упражненія совершенствуются. Оспавыше руку вашу, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, безъ всякаго движенія; сей произвольный параличь руки кончился дѣйствительнымъ параличемъ ея. Тоже можно сказать и о всѣхъ прочихъ душевныхъ и тѣлесныхъ способностяхъ. Упражненіе, напрошивъ того, увеличиваетъ ихъ силу, и можешь довести ее до высокой, удивительной степени.

При этомъ не надобно забывать, что воспитаніе только раскрываетъ и совершенствуетъ способности, а не даетъ ихъ. Большая ошибка, учишь дѣтей тому, къ чему они не имѣютъ способности. Можно ли наприимѣръ выучить прекрасно танцовать того, кому природа отказала въ граціи? Кто неспособенъ къ наукамъ, шомъ лучше сдѣлаешь, если посвятишь себя, не имъ, а какому нибудь художеству или ремеслу, къ кошорому онъ наиболѣе сроденъ. Природа дала каждому человеку способность къ чему нибудь полезному; старайшесь рас-

крытъ сію способность, и опжакишесь опъ ша-
кихъ, въ кошорыхъ вамъ уже опказано. Трудно
узнашь въ ребенкѣ будущія его способности.
Часто родители обманываються на эшотъ счетъ;
часто они (съ сожалѣніемъ мы просимъ ихъ за-
мѣтивши это) предполагають въ дѣтяхъ своихъ
необыкновенныя способности изъ живости рѣчей
ихъ, и въ неумолкаемомъ лепетаніи видяшь
признаки будущаго ихъ генія. Случается, что
сначала такіа дѣти и дѣйствительно оказы-
вають большіе успѣхи въ ученіи: но по-
шомъ они начинаютъ пупѣшь; переспають
любимъ науки, получаютъ даже къ нимъ непо-
бѣдимое опвращеніе; и безпрестанно болѣе и
болѣе, такъ сказашь, глупѣють, обманувъ со-
вершенно надежды и мечшы родительскія. Тогда
какъ другіе напросивъ, не обнаруживавши сперва
ничего блиспапельнаго, казавшіеся, долгое вре-
мя, неспособными къ наукамъ, вдругъ начина-
ють учитьсся оплочно; пользуясь ревностно
внезапнымъ почти и быспрымъ развитіемъ своихъ
способностей; ищупъ успѣховъ, какъ удоволь-
ствій; и, въ короткое время, далеко обгоня-
ють шѣхъ, кошорые прежде были впереди ихъ.
Такіе примѣры часты. Ешть знаменитый при-
мѣръ: *Наполеонъ* въ Бріенскомъ училищѣ не
блисталъ передъ прочими шоварищами своими
звѣздой; блиспалъ, и замѣивалъ *Наполеона*
Бурень; но *Бурень* вышелъ въ послѣдствіи

времени человекомъ обыкновеннаго ума (какъ доказалъ это собственными своими *Записками*); а *Наполеонъ* перебивалъ и поварницей своихъ, и современниковъ. Вообще молчаливыя и характерныя дѣти, кажуціяся обыкновенно непроницательному наблюдателю тупыми, общаюнтъ больше, нежели живыя, бойкія на словахъ и подвижному даровитыя. По прудности опредѣлять напередъ будущія способности въ маловозрастныхъ (и за возраснаго не всегда можно ругаться) осмѣается вѣрнаго только то, чтобы стараться извлечь наибольшую пользу изъ наснующихъ способностей, принявъ всѣ возможныя предосторожности для будущихъ. Другаго дѣлать нечего.

Между плѣсными органами особенно важны для души органы чувствъ. Поэтому нужно особенно :

Совершенствовать органы чувствъ; ибо они нѣтъ чрезвычайно много зависить физическое и моральное благосостояніе человека. Всякое чувство есть источникъ безчисленныхъ наслажденій; съ потерей какого нибудь чувства теряется для человека какъ бы часть вселенной. Между чувствами важно особенно чувство зрѣнія: его впечатлѣнія, какъ доказываетъ физиология, суть самыя ясныя и постоянныя изъ всѣхъ другихъ чувственныхъ впечатлѣній; они почти

всегда наполняешь душу, человеческую, не осматриваешь ее даже во снѣ; чего не лъзя сказать съ такою справедливостію о прочихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ.

Но такъ какъ жизнь человѣка заключена въ большемъ или меньшемъ пространствѣ времени; и какъ съ каждою частицею сего пространства сила человѣка измѣняюща: то должно измѣняться и самое упражненіе силъ сихъ; для малыхъ силъ нужно малое упражненіе; для большихъ большое; словомъ, надобно:

Упражнять душевныя и тѣлесныя способности соразмѣрно съ ихъ силами; иначе сія способности пошереются также, какъ и ошъ недоспашка упражненія. Ничего слишкомъ: вошъ условіе и законъ всего полезнаго. Теплоша нужна для сохраненія жизни въ шѣлѣ; но теплоша, доведенная до степени огня, смертельна для жизни. Милонъ Кротонскій имѣлъ большую силу, носилъ на дечахъ быка, и убивалъ его кулакомъ сразу; но захопѣвши разодрать дерево, погибъ. Извѣстно, что слишкомъ ученые дѣши живуйтъ недолго; Pico della Mirandola, чудо нашего пруда и учености, который, на 23-й году возраша свдого, показалъ, съ дѣпскою хвасшливостію, и обширностію, и неосновательностію, своихъ знаній, вызовомъ защищанъ

прошивъ всѣхъ ученыхъ, изданныя имъ; 900 пред-
ложеній о всѣхъ предметахъ наукъ (de omni
re scibili), умеръ 82-хъ лѣтъ, въ дряхлости.

Несоразмѣрность упражненій съ силами упраж-
няющагося можно раздѣлить на два рода: 1) на чрезмѣрно продолжительное упражненіе, и 2) на чрезмѣрно тяжелое. И то и другое излишество почти одинаково вредны.

Теперь приложимъ къ наукамъ собственно то, что говорили здѣсь о воспитаніи вообще. Оче-
видно, что наиболѣзливѣйшія свѣдѣнія для личнаго
умственнаго воспитанія будущъ шѣ, которыя
ошвѣчаютъ возрасту учащагося, т. е. шѣлес-
нымъ и душевнымъ его способностямъ.

Такимъ образомъ (чтобъ объяснить примѣ-
ромъ) ошвѣчаетъ юношескому возрасту, изъ
числа натуральныхъ наукъ, геологія практичес-
кими своими геогнозированіями. Сей возрастъ
не только пребуешь, какъ дѣтскій, шѣлеснаго
движенія, изошренія чувствъ и памяти, но еще
большаго упражненія самой души. Для дѣятель-
ности юноши не довольно экскурсій въ видѣ
прогулокъ; ему нужны онѣ съ предшшвѣннѣ,
которыя должно побѣднть, съ опасностями, на
которыя должно рѣшнться, съ лишеніями раз-
наго рода удовольствій, которыя надобно пре-

зрѣлъ. Этого требуетъ душа его, созрѣвшая къ сильнымъ впечатлѣніямъ, къ возвышеннымъ намѣреніямъ; этого она требуетъ, чтобы приготовиться для полного развитія шѣла, ума и воли ея. Сія препятствія, сія опасности, сія лишения, при шѣлесномъ и умственномъ трудѣ, все это соединяется въ геогностическихъ путешествіяхъ. Геогностъ, для успѣховъ своихъ, долженъ рѣшиться: спускаться часно по непроложеннымъ дорогамъ, иногда безъ экипажа, даже безъ лошади; быть готовымъ встрѣтить дикаго звѣря или ядовитую змѣю; перенести иногда жажду, иногда голодъ, зной, или стужу; онъ долженъ посѣщать подземныя пещеры — иногда онѣ величественны и прекрасны, но иногда ужасны —; онъ долженъ иногда взбираться, по ущельямъ, надъ пропастями, на неприступныя почти мѣста горъ, или опускаться въ жерла вулкановъ, дышащихъ сѣрною кислотою, смрадными испареніями. Но все сія труды не остаются безъ награды. Внутреннее сознаніе своей отважности и терпѣнія, обогащеніе разума новыми понятіями, надежда сдѣлать полезныя открытія, и приобрести извѣстность или даже славу, чувствованія души въ то время, когда природа представляется передъ нею въ своемъ величій, или ужасахъ: это великія наслажденія!

Заклучимъ : инакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣніи, только *отвѣвующія способностямъ утѣшагося* ; а всѣ неопытующія имъ должны быти исключены изъ нея.

2. Наипользвѣйшія науки *относительно отечества*. Мы сказали, что опечество сосиоитъ въ идеѣ, развиваемой жизнью какого либо народа. Раскроемъ мысль эту.

Человѣчество развивается поспешенно. Цель сего развитія та, чтобы достигнуть до возможнаго совершенства. Совершенство человѣчества должно сосиоитъ, какъ можно вывести Философически ; въ томъ, чтобы *умѣть произвольно*, т. е. по убѣжденію собсивеннаго его разума, быти *тѣмъ* ; чѣмъ предопредѣлено ему быти *свыше*. Если разсмотримъ внимательво слова : *умѣть произвольно*, то найдемъ, что сіи слова предполагаютъ разныя *испытанія*. Можно ли въ самой вещи, безъ разныхъ испытаній, *умѣть произвольно сдѣлаться совершеннымъ* ? Слѣдовательно человѣчество, въ развитіи своемъ, *пышется*, т. е. приводитъ въ исполненіе какую нибудь *идею* для достиженія своего совершенства. Оно *пробуетъ* разныя идеи, *будетъ* пробовать ихъ до тѣхъ поръ, пока не достигнешъ до совершенства ; тогда только, когда совершенство достигнуто, испытанія его кончатся, какъ уже ненужныя.

Хотя идеи, испитываемыя человѣчествомъ, сдѣлаются, уснувая мѣсто одиѣ другимъ: однако каждая изъ нихъ необходима; ибо открываешь часть истины, и приближаешь человѣчество къ высокой его цѣли.

Нужно ли замѣтишь, что мы разсуждаемъ теперь не о такихъ идеяхъ, которыя развиваются въ головѣ или сердцѣ того или другаго чловѣка; но о такихъ, которыя никому не принадлежатъ исключительно, а принадлежатъ великимъ массамъ людей, обществу? Очень можешь случиться, что никто изъ цѣлой массы или общества не будетъ имѣть никакого понятія о сей идеѣ, не смотря на то, что всѣ будутъ содѣйствовать ей развитію. Положимъ, что въ какомъ либо государствѣ должна исполниться идея спавленія вмѣстѣ многихъ племенъ. Оно, для сего, должно быть, по необходимости, между прочимъ, воинственнымъ. Нужно ли каждому изъ членовъ сего государства знать сию идею, чтобы умѣть ей содѣйствовать? Нѣтъ. Все необходимое для развитія этой идеи проникнетъ всюду въ такое государство, проникнетъ и въ законы, и въ нравы, и въ воспитаніе, словомъ во всѣ его составы; и однако никто, можешь быть, не пойметъ этого.

Мы не беремъ на себя объяснять того, какимъ образомъ начинающа сѣя геловѣственныя.

идеи, какое ихъ оплывіе опіъ идей лично-человѣческихъ, и тому подобнаго; скажемъ шд одно, что шамъ только можешъ бышь опечешво, гдѣ развиваешся какая нибудь челоувѣшвенная идея. Вотъ причина, почему не всякой народъ имѣеть свое собственное опечешство. Если народъ не можешъ развивашь особенной какой нибудь идеи въ пользу челоувѣшства; шо онъ не можешъ сосшавляшь и опечешства. Есть по эшому народы вовсе безъ опечешства, какъ большая часть дѣкихъ племенъ: есть, напрошивъ, племена, сосшавляющія многія или разныя опечешства; ибо въ нихъ развивающся многія или разныя идеи. Мы видимъ изъ эшого важность опечешства, и обязанность служишь ему. Служа опечешству, мы служишь самому челоувѣшству.

Опечешство сущешствуетъ до шѣхъ поръ, пока сущешствуетъ его идея; а сущешствуетъ она до шѣхъ поръ, пока развиваешся. Какъ скоро разовьешся вся, опечешство прекращается; ибо источникъ его жизни, идея, изсякъ. Для него оспанется шогда одна жизнь, и въ своемъ родѣ безсмертная, въ испоріи. Народъ же или народы его, или, пакъ сказашь, изнываютьъ въ ничтожешствѣ, или образуясь въ другія опечешства.

Государство сильно, когда отвѣчаетъ идеѣ опечесства; оно слабѣетъ, и идеѣ даже къ своей гибели, какъ скоро пропивмися ей. Конечно завоеванія не составляли идеи Франціи, когда и при *Наполеонѣ* она чуть не погибла опъ завоеваній. Она однако не погибла; это знакъ, что спихіи ея идеи сильно проникли въ народъ французскій: сокрушилась шолько ша сила, которая устремлялась преобразовашъ сію идею. Вулканическій островъ океана поглотилъ оспашки великаго предспавишеля сей силы, несогласной съ идеею французскаго опечесства. Понятно послѣ этого, почему слишкомъ бысприя завоеванія непрочны; почему въ могилѣ *Александра* Македонскаго, великаго генія по многимъ опношеніямъ, погребена была ша колоссальная монархія, которая изумила міръ и общирностью своею, и быспрошою разрушенія.

Спрашивается: чшобъ опредѣлишь наиплезнѣйшія науки для опечесства, необходимо ли нужно знанъ его идею? Нтъ сомнѣнія, что было бы весьма полезно знанъ сію идею; пошому что знавши ее, можно вѣрнѣ судить о томъ, какія науки согласны съ цѣлью опечесства: но

Во первыхъ: шрудно, и не всегда возможно, поспичъ ее; ее шрудно опредѣлишь и шогда,

Іюль 1832.

29

когда она много уже обнаружила себя; а какъ предугадашь ее, въ самомъ началѣ ея развитія? Между тѣмъ опечесиво подвигается впередъ непрерывно; оно не останавливается для того, чтобы подождать, пока ктонибудь опечеситъ его идею, и приспособитъ къ сей идее воспитаніе.

Во вторыхъ: если трудно постичь сію идею; то легко придти въ заблужденіе насчетъ ея, и почесть за высшую идею опечесива свое собственное предположеніе. Всякій видитъ, какая опасность угрожала бы опечесиву, если бы воспитаніе въ немъ расположено было по какомунибудь несправедливому предположенію сего рода. Къ счастью, здравый смыслъ шакъ возмущается противъ этого, что едва ли ктонибудь, въ мыѣшнія времена, кромѣ мечтателя, захотѣлъ бы привести въ исполненіе столь важный планъ, основанный на невѣрныхъ только догадкахъ.

Въ третьихъ: званіе идею опечесива ведомо спачно для опредѣленія воспитанія; пошому что идея сія, развиваясь, измѣняетъ безире-спанно наружный видъ свой. Отъ одного поколѣнія она пребуешь, можетъ бышь, болѣе физической силы, нежели умственной; отъ другаго напротивъ; и пришомъ пребуешь она,

можешь бышь, что бы физическая или умственная сила была обращена, въ одномъ вѣкъ, на такой предметъ, на которой она не должна бышь обращена въ другомъ вѣкъ. Возьмемъ напр. опять предположеніе наше о такомъ ошечествѣ, котораго идеею было бы: славить многія различныя племена. Можно думать, что сіе ошечество было бы вонисшвеннымъ. Но съ кѣмъ, въ какія времена, и гдѣ (на морѣ или на сушѣ), оно будетъ воевать? Сколько разныхъ пригношвленій! Далѣе: одними ли завоеваніями славивающіяся народы? Завоеванія не составляютъ ли только малую часть сего дѣла? Далѣе: другія ошечества, развивая свои собсшвенныя идеи, не дѣйствуютъ ли безпреспанно на наше; и не должно ли наше брать свои мѣры противъ сихъ вліаній, обращая ихъ въ свою пользу, или ониклоняясь опъ вреда ихъ? Но обстоятельство, которыми могутъ измѣняться жизненныя явленія ошечества, безчисленны. Ихъ не лзя унишожить, въ пользу идеи, и однимъ шагомъ, прямо, достигнуть до ея цѣли. *«Никто такъ не кривитъ исторію, сказалъ одинъ глубокой историкъ нашего времени, какъ логика (*).»*

(*) « Rien ne fausse plus l'histoire que la logique. » Guizot.

Тоже можно отнести и къ опечеснву. Подъ логикою здѣсь разумѣешь ша непреклонность выводовъ, кошорая не сморитъ на множество разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, дающихъ иногда совершенно другой оборотъ дѣлу. Не всякое полезное начало, щакъ какъ и не всякое вредное, производимъ непремѣнно всѣмъ полезныя, или вредныя, слѣдствія, какія можеть выводимъ изъ него логика. Ипакъ планъ дѣйствія въ пользу опечества долженъ быть расколагаемъ по обстоятельствамъ. Самые сильнѣшіе геніи, напримѣръ *Наполеонъ* (мы любимъ приводить его въ свидѣтельство; потому что великій человекъ опкрываетъ великія истины), соображали всегда свои покуски съ своеюравіемъ обстоятельствъ. Конечно надобно имѣть опредѣленный планъ для дѣйствованія; но сей планъ долженъ имѣть шу смечень упругости, кошорая, позволяя ему сохранять собственный видъ его, уснушаетъ однако, сколько должно, всѣмъ наружнымъ впечатлѣніямъ. Это необходимо правило пракческаго благоразумія.

Сіе правило благоразумія должно бытъ приложено и къ наукамъ. Опечество шребууетъ щакныхъ только наукъ, кошорыя могушь служить для удовлетворенія нуждъ его. Нужды его, съ печеніемъ времени, измѣняющся; слѣдовательно должны измѣняться и соощившвенныя имъ

науки. Чтобы приготовитьсь къ удовлетворенію нуждъ, должно знать ихъ, или предвидѣть. Мы можемъ знать настоящія нужды, и предвидѣть не слишкомъ отдаленныя; т. е. тѣ, которыя зависятъ непосредственно отъ настоящихъ, и составляютъ какъ бы ихъ продолженіе. Правда, мы можемъ предвидѣть иногда и весьма отдаленныя нужды, но только, какъ сказать, логически, а не исторически, т. е. безъ всѣхъ тѣхъ посредствующихъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ отдалить или приблизить эпоху удовлетворенія сихъ нуждъ; следовательно мы можемъ предвидѣть ихъ только въ неопредѣленной дали, какъ количественно алгебраическое. Инакъ хотя казалось бы, что полезно готовитьсь и къ нимъ; но еще полезнѣе готовитьсь къ нуждамъ самымъ непосредственнымъ, настоящимъ, или зависящимъ отъ настоящаго времени, которыя не поддаются намъ, которыя случаются не въ отдаленной, можетъ быть, будущности, а существуютъ теперь, или явятся скоро. Займемся сперва настоящимъ, потомъ уже примемъ наши мѣры для будущаго. И не можемъ мы, хотя бы и хотѣли, удовлетворить будущему, не удовлетворивъ сперва настоящему, и всему, что случится передъ симъ будущимъ. Должно успунуться закону необходимости.

Слѣдуя сему закону, мы ничего не пошере-
 емъ. Необходимость есть вѣрнѣйшая и краш-
 чайшая дорога къ пользѣ; это великое сред-
 ство, употребляемое Провидѣніемъ для дости-
 женія высшихъ цѣлей. Чтобы увѣришься въ
 этомъ, взглянемъ напр. на дѣйствія государ-
 ственныхъ обществъ. Главное спараніе госу-
 дарства соснойтъ, по необходимости, въ са-
 мосохраненія. Для самосохраненія оно должно
 употреблять сколько общесшвенныхъ силъ,
 сколько нужно. Чѣмъ больше вепріяшелей угро-
 жаютъ его самосохраненію; тѣмъ, конечно,
 больше оно должно употреблать сихъ обще-
 сшвенныхъ силъ. Иногда для сего нужно все
 количество ихъ; такъ что онѣ не могутъ быть
 употреблены ни на что другое, безъ опасно-
 сти государства. Такое время есть время ги-
 бельное для наукъ и художествъ вообще; ибо
 оно все поглощается войною. (Къ войнѣ отно-
 симъ и всѣ приговоренія для нея). Но слу-
 чай сіи весьма рѣдки. Обыкновенно часть силъ
 общесшвенныхъ можетъ оставаться свободною
 отъ военнаго употребленія. Сія часть силъ мо-
 жетъ быть очень великою. Самосохраненіе го-
 сударства пребуентъ непремѣнно того, чтобы
 употребить ее какъ нибудь: потому что она,
 по существу своему, не можетъ остаться въ
 совершенномъ бездѣйствіи; и если не данъ ей

какого нибудь направленія, то она сама себя выберетъ его, и, можетъ быть, выберетъ опасное. Какое дашь ей направленіе? Такое, чтобы оно служило къ обогащенію государства; это необходимо для государства. Отсюда поощренія въ пользу фабрикъ, торговли, наукъ и художествъ всякаго рода, и, е. поощренія въ пользу человечества: Государство имѣло въ виду только свои выгоды, искало только ихъ пріобрѣтенія; а нашло гораздо болѣе, нашло средства совершенствовать человечество. Провидѣніе провело для человѣка, какъ *одного* такъ и *общественнаго*, дорогу къ совершенству — а это дорога жизни — какъ бы между двумя каменными скалами. Всякій разъ, когда онъ захочетъ отклониться отъ нея (онъ можетъ это сдѣлать), встрѣтитъ для себя непреодолимыя препятствія, и болѣзненное чувство извѣститъ его о дурномъ его направленіи. Если онъ не уважитъ сего извѣщенія, и будетъ продолжать свое упорство; то ничего больше не сдѣлаетъ, какъ что что погибнетъ.

Покоримся же съ довѣренностью закону необходимости;

«Чтобы ни было — Незримой
«Ведетъ насъ къ лучшему концу
«Спезей непостижимой.

Поступая согласно съ настоящими "нуждами опетесца, мы будемъ содѣйствовать самому исполненію его идеи, хотя бы и не знали, въ чемъ соспоитъ она. Только идея оавляетъ опечество; только она одна дастъ ему прочное могущество. Если опечество цвѣтеть, то это вѣрный знакъ, что его идея, какая бы она ни была, развивается въ полной силѣ; иначе оно приходило бы въ упадокъ.

Поэтому наиболее полезныя опечеству свѣдѣнія будутъ тѣ, которыхъ пребуешь настоящее и предвидимое его положеніе. Сіе положеніе соопавляетъ для опечества то же, что возрастъ для челоука; оно опредѣляетъ вообще его способности, съ которыми и должно сообразоваться.

Итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, только соответственныя состоянію опечества, а всѣ несообразныя съ сию соспоиеніемъ должны бытъ исключены изъ нея.

(Будетъ продолженіе).

П Е С Ч И Н К А.

(Оконтаніе).

V.

КОРЧМА ЗОЛОТАГО ОЛЕНА.

Если есть столь низкіе люди, что измѣнятъ мнѣ, то моя добродѣтель, по крайней мѣрѣ, мнѣ не измѣнитъ. Вы увидите ее блистающею на краю пропасти, увеличавшею сѣвою, представляющею наказаніе; она заславивъ Августа побавидовашъ крови, которую прольешь онъ, заславивъ, шепешашъ его, когда онъ будетъ губить меня!

Корнель, Цинна.

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ послѣ ужасной угрозы Гюга, и все еще ни одинъ изъ ударовъ, коими грозило его мщепіе, не поколебалъ могущества Оппонова. Министръ переставалъ уже опасаться, хотя въ первые дни послѣ аудіенціи не безъ шепеша слышалъ онъ, что братъ Елены избѣгаетъ оупъ всѣхъ розысковъ полицейскихъ, какіе были сдѣланы для открытія его убѣжища, и взятія его самого.

Гюгъ не возвратился въ свой чердакъ, въ улицу Больного Блага Ора; онъ не былъ и съ сестрою своею во Франкеурнѣ. Нѣкоторые изъ жителей города О * * * * * сказывали, что онъ встрѣтился съ ними на дорогѣ во Франкеурнѣ; другіе говорили, что видѣли его на пути въ Обернбургъ; нѣкоторые разговаривали съ нимъ, когда онъ шелъ по лѣсу; иные кланялись съ нимъ на городскомъ мосту. Иногда въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ, Гюгъ являлся вдругъ во многихъ мѣстахъ, и повсюду проводилъ и обманывалъ онъ слѣдившихъ за нимъ шпионовъ.

Гюгъ не оставялъ О * * * *. Онъ былъ привычный житель сего города; всѣ обычаи, вся жизнь его обитателей были ему совершенно извѣстны. Онъ зналъ, въ какое время дня бывали пусты его улицы, въ какомъ часу, и гдѣ именно, можно ему было ходить безъ всякой опасности, и какими путями могъ онъ послѣ того выходить въ поле и входить опять въ городъ, не бывши примѣченнымъ нескромными свидѣтелями. Скрытый въ домъ одного вѣрнаго друга, ежедневно отправлялся онъ въ близкій лѣсъ, обдумывая шамъ планъ своего шенда, и никогда не возвращался въ свое убѣжище, не распростивши подкупленнаго слугу Министра, о томъ, гдѣ проведетъ злонъ день господствъ

его , для чего оставался онъ долго во Дворцѣ Ландграфа , въ кошоромъ часу возвратился домой ? Но все это ни сколько не подвигало впередъ его предпріяшя . Чѣмъ узнавалъ онъ о поведеніи и дѣлахъ Ошпона , то было велико , благородно , великодушно . Министръ вызжалъ ранѣ обыкновеннаго — во его вызвало какое нибудь благотвореніе ; онъ оставался долго во Дворцѣ — но для шого только , чѣмбы убѣдить Ландграфа издашь какой нибудь законъ , необходимый для счастія его подданныхъ . Ошпсюду Гюгъ слышалъ благословенія бѣдныхъ и спржадущихъ , и никто не произносилъ имени Ошпнова безъ восшорга .

Между шѣмъ , въ нѣсколькихъ душахъ шаялась скрытная ненависть къ Министру , и не одинъ Гюгъ поклялся погубить его . Обманушое честолюбіе , скрытная зависть наблюдали за каждымъ дѣйствіемъ любимца Ландграфова , и каждое изъ нихъ оправляли вымышленными клеветами и злобными предположеніями , за недостаткомъ прямыхъ доказательствъ о преступленіяхъ Ошпона . Злоба угадывала даже самую скрытную его шѣйну . Тщешно Клеменшина при другихъ заставляла сердце свое молчать , шщепно не хотѣла она извѣстнш спрашна своей даже неосторожнымъ взоромъ , изучала самое выраженіе голоса , и Ошпомъ показывала ей , въ

присутствіи другихъ , видъ самой холодной почтительности. Взоръ зависши впивался въ шайную мысль любовниковъ , и повсюду открывалъ слѣды страсти , копорую спарались они скрывать. Не было подслушано ни одно нескромное слово , не былъ замѣченъ даже ни одинъ неоспорожный взглядъ , а между тѣмъ , въ шайныхъ бесѣдахъ при Дворѣ , шепшала , что Максимиліанъ мужъ невѣрный . и — обману- тый ! Старый Баронъ Редельгеймъ , супругъ опсшавленной любовницы Ландграфа , изъявлялъ благородное негодование о томъ , что чело- вѣкъ столь ничтожный , какъ Графъ Оттонъ , дерзаетъ наносить такое ужасное безчестіе древнему роду !

Тайному заговору аристократовъ прошивъ Министра недоспавало только , для рѣшитель- ныхъ дѣйствій , преданнаго челоѣка , одной изъ шѣхъ душъ , копорыя не пятаяся назадъ ни при какой опасности , одного изъ тѣхъ людей , ко- торые умираютъ не открывая шайны , копо- рыхъ ничѣмъ не купишь , и не перекупишь ни за что. Такихъ людей называютъ , смотря по обстоятельству , орудіями , злодѣями , героя- ми. Въ свѣтѣ еще не условилась въ настоящемъ названіи многихъ предметовъ . . .

Брату Елены не было надобности въ правотѣ или неправотѣ шоварихей : онъ искалъ только

враговъ Министра, коимъ захотѣли-бы употребить его на погубленіе Оппона. Кто кого ищетъ прилежно, тотъ съ пѣмъ и встрѣчается, рано или поздно. И слесарь Ишшекъ скоро встрѣтился съ знавшими врагами Оппоновыми.

Въ своихъ ежедневныхъ прогулкахъ ко Дворцу, Гюгъ признакомился къ лицамъ Графовъ и Бароновъ, сославлявшихъ Дворъ Максимилиана. Бродя пошомъ по лѣсу, часто спалкивался онъ съ людьми, лица коимъ напоминали ему первѣйшихъ чиновниковъ Ландграфа. Такое странное сходство лицъ не могло избѣжать ошъ его наблюдательнаго взора. Въ лѣсу онъ всегда встрѣчалъ припомъ этихъ людей переодѣтыхъ. Мало по малу, онъ хорошо изучилъ имена каждаго изъ нихъ, кого, почти ежедневно, встрѣчалъ въ мѣснахъ и одеждахъ совершенно различныхъ. Увѣрясь наконецъ, что глаза его не обманываютъ, Гюгъ сообразилъ, что должна быть тайная, важная причина, по которой, переодѣтые, и обыкновенно при наступленіи ночи, собираются знашнѣйшіе люди Двора Ландграфа въ бѣдной корчмѣ *Золотаго Оленя*, находящейся въ лѣсу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, близъ малопроѣзжей дороги. Гюгъ вспомнилъ, что Баронъ Редельгеймъ принужденъ былъ уступить свое Мириспершво любимцу Максимили-

на. «Только мертвый прощаетъ своему преемнику.» Гюгъ зналъ эту шаривую поговорку Минисшровъ, и безъ труда догадался, что Оппшонъ значимъ что нибудь въ этихъ шатисствен-ныхъ совѣщаніяхъ. Не ждя себя, онъ рѣшился проникнуть тайно заговорщиковъ, собравшихся въ корчмѣ Золошаго Оленя. Въ пошъ-же день, не боясь никакой опасности, Гюгъ пустился въ глушь лѣса, следуя по шѣмъ дорожкамъ, гдѣ замѣчалъ идущихъ въ корчму разныхъ по-селянъ и егерей, и вдругъ сѣло вошелъ въ эту корчму. Тутъ находилось уже довольно гостей. Разговоръ въ одно мгновеніе прервался, едва явился Гюгъ; головы наклонились къ споламъ, большія шляпы надвинулись на глаза. Между пятнадцатью, или двадцатью человекими, сидѣвшими за пивомъ и виномъ, слышны были только легкое жужжаніе словъ и чоканье стаканами. Гюгъ спокойно сѣлъ, спросилъ пива, и спарался завести разговоръ; но на всѣ вопросы его, отвѣты были короткіе; посѣщители перешептывались и не обращали на Гюга вниманія. Раздосадованный худымъ успѣхомъ начала, онъ рѣшился быть ошважнѣе. «Тѣбу!» вскричалъ онъ, крѣпко спукнувъ оловяннымъ спаканомъ объ столъ — «какое гадкое пиво! Оно годится только на шо, чтобы утопить въ немъ перваго нашего Минисшра!» Недовѣрчиво переглянулись между собою другіе гости. «Да,»

продолжалъ Гюгъ, «если-бы нашлись добрые люди, и согласились купашь для этого полную бочку — чоршъ возьми! я бѣднякъ, а охотно даль-бы свою долю!» Шоношъ пролепелъ между собесѣдниками. По знаку, данному однимъ изъ нихъ, всѣ вспали: Гюгъ продолжалъ съ досадою: «Думаю, что нашлись-бы охотники не скупашься на шакое доброе дѣло!» — Всѣ, кромѣ Гюга, молча, хотѣли идти вовъ, и всѣ вдругъ оспановились, когда Гюгъ, обратясь къ одному изъ переодѣвшихъ, сказалъ: «Какъ вы объ этомъ думаете, Ваше Сіятельство, Графъ Урсель?»

Ударъ былъ направленъ споль вѣрно, что долге скрыватьсь не было возможности. Заговорщики шолною обратились къ Гюгу, и въ одинъ голосъ вскричали: «Измѣна! Это шпіоны!»

— Э! Ваше Сіятельство, Графъ Шпольбергъ,» ошвѣчалъ Гюгъ спокойно — «какой шпіонъ! Развъ не видите вы, что судьба посмлаешъ вамъ самого вѣрнаго шоварища!»

По приказанію Барона Редельгейма, шолчасъ замкнушы были всѣ двери корчмы. Нѣсколько шпагъ и пшолешовъ успремлено было на Гюга, и одинъ изъ переодѣвшихъ началъ говорить безспрашному слесарю: «Если вы насъ обманываете, если вы окружилъ насъ шпіонами, и хочешъ поймать, то знай, что мы имѣемъ сред-

ства уйдши отсюда не бмъ замѣченными, а ты погибнешь, прежде нежели успеешь подать знакъ своимъ сообщникамъ!»

- Гюгъ посмотрѣлъ на него беззаботно, и ош-вѣчалъ: « Жизнь свою отдаю охотно пѣмъ, кто хочетъ погубить перваго Министра, только прошу не жертвовать ею бесполезно. Впрочемъ, вы можете обыскать меня. Я пришелъ безъ оружія, увѣренный, что вы мнѣ его дадите — не для того, чтобы зарѣзать кого нибудь — благородные люди, подобные вамъ, не рѣшатся на такое предпріятіе — но для того, чтобы защититься, если вы препоручите мнѣ какое нибудь опасное дѣло.

Казалось, что заговорщики совѣшались между собою. Наконецъ, синарый Баронъ, до сихъ поръ не говорившій ни одного слова, спросилъ у Гюга: « Но, что ручаетесь намъ за свою вѣрность? Мы себя не знаемъ.»

— И я васъ не больше знаю — горячо возразилъ Гюгъ — не знаю и того, зачѣмъ вы собираетесь здѣсь; могу ошибаться въ цѣли вашего собранія, и только одна догадка привела меня сюда. Можете бышь, я ошибся, а между пѣмъ я въ вашей власни. Кто-то изъ васъ упомянулъ уже о моей гибели; но, вы сами видите: робѣю-ли я? Между пѣмъ, жизнь моя для меня чего нибудь стоитъ! Я честный человекъ,

и справедливое желаніе мести привело меня къ вамъ. Признаюсь, что охотнѣе избралъ-бы я другое средство изгладить позоръ, нанесенный мнѣ вашимъ и моимъ врагомъ, но когда: вѣшь другаго — гошовъ пользовашься чѣмъ могу!

Сія слова, произнесенныя съ грубою откровенностью, оплачающею Нѣмецкихъ ремесленниковъ, казалось, удовлетворили собраніе. Баронъ крѣпко пожалъ руку Гюга Иштерна, въ знакъ дружбы и бранства. «Разумѣеся: на жизнь и на смерть?» спросилъ его братъ Елены. Не смотря на аристократическую гордость, и другія знатныя руки коснулись мозолистой руки слесаря. Въ шакихъ случаяхъ всегда шакъ ведется. Неравенство званій исчезаетъ, общая опасность всѣхъ уравниваетъ, и не знатному тогда шолько бѣда, когда знатный торжествуетъ черезъ него, или когда бѣднякъ, завѣренный въ безопасности, согласился принять весь опившъ на себя. Въ первомъ случаѣ, его кидаютъ, какъ вещь не нужную; въ другомъ онъ узнаетъ, что неблагодарность идетъ рядомъ съ увѣреніями знатныхъ.

Спрошенный о причинѣ ненависти своей къ Министру, Гюгъ подробно рассказалъ исторію о пятнадцати флоринахъ, расшоргнутой свадьбѣ Елены, разлукѣ съ другомъ своимъ, безславіи и бѣгствѣ осыры своей. Все показали видъ,

что соснирадаюиъ его несчастіямъ. Но когда Гюгъ дошелъ до своего переговора съ Миниспроиъ, и рѣшишельнаго оиъказа его: оиъкрышь, гдѣ оиъ былъ 15-го Сенпибря, въ 10-иъ часовъ вечера, злобная радосшь заблистала во всѣхъ глазахъ, и, какъ будшо у всѣхъ заговорщикоиъ былъ одинъ роиъ, всѣ вдругъ воскликнули: « Оиъ былъ у Клеменшины!»

— У Клеменшины? — вскричалъ изумлениый Гюгъ. — А! шеперь я понимаю эту ужасную шайну; шеперь я знаю: сестра моя погублена для спасенія другой. . . Но чешъ женщины всегда чешъ, и Миниспръ поступилъ — какъ негодяй!

« Разумѣтешя. Надобно принудить его оиъкрышь преступленіе.

— Бѣдная! миѣ жаль шебя. . . Говорятъ всѣ, что она шакъ добра, шакъ несчастлива съ своимъ мужемъ — сказалъ Гюгъ. — Да! миѣ не хотѣлось-бы погубить ее!

« Ты уже не хочешъ оправдашь своей сестры?

— Хочу. Но, погубить женщину, которая не сдѣлала ни миѣ и никому никакого зла. . . вдругъ двѣ жершвы. . . Его — охотно; ее. . . Гюгъ ошановился.

« Ты не думаешъ о томъ, » сказалъ Баронъ, « что для спасенія виновной женщины, оиъ по-

губилъ свою единственную сестру? И не самъ-ли ты, сей часъ, говорилъ, что честь женщины всегда честь, не смотря на званія? Да, знаешь-ли, что ты не можешь и отказаться: ты нашъ; ты принадлежишь къ заговору. Общаю тебѣ, если я опять всуплю въ Минисперство, что участь твоя будетъ обезпечена.

— Прошу у васъ одной милости: дайте только мнѣ слово, если я погибну служа вамъ, господа, что вы посмаетесь возвратишь доброе имя моей Еленѣ! За эту цѣну, я иду на все, и вы можете располагать моею жизнью! — Всѣ поклялись ему въ этомъ, и въ замѣну сего Гюгъ обѣщалъ, что на другой день, въ восемь часовъ вечера, будетъ находиться подлѣ рѣшетки Дворцоваго парка, на берегу рѣки. Тотъ, кто выйдетъ къ нему, долженъ произнести условленный пароль: *Громъ и молнія*. Напрасно спрашивалъ Гюгъ; что это значить, и что должно будетъ тамъ дѣлать. Ему отвѣчали только: «Завтра, Министръ принужденъ будетъ изгладить безчестіе, какимъ покрылъ свое семейство. Вотъ все, что можемъ тебѣ сказать.» Но, это, въ самомъ дѣлѣ, было все, чего желалъ Гюгъ. Его предупредили еще, что предпріятіе, къ которому онъ былъ назначенъ, довольно опасно; что онъ, можетъ быть, оцѣниваетъ жизнь свою, рѣшаясь на его ис-

полненіе. «Вы клялись мнѣ» — опивчалъ Гюгъ — «что и послѣ смерти моей у Елены будушъ покрѣпители. Ни о чемъ другомъ не хочу и спрашивать. Завтра: ищете или смерть!» — Наступала ночь. Заговорщики разсѣались.

Между тѣмъ какъ, возвращаясь тайно въ свои чертоги, знашые люди сбрасывали съ себя плащя поселянъ и егерей, и надѣвали свои дворянскія одежды, Гюгъ осторожно пробирался окольными шропинками, желая выйдши на берегъ рѣки, спокойно кашившей свои волны ко Франкфурпу. Онъ слѣдовалъ по ея теченію, спрашая не бытъ замѣченнымъ. Отъ времени до времени, слышалъ онъ однакожъ за собою шорохъ шаговъ. Вспревоженный энимъ, оняшъ поворошилъ Гюгъ въ чашу лѣса, обошелъ кругомъ одного уединеннаго домика, но преслѣдовавшаго его повшорилъ все эшо вслѣдъ за нимъ. Изъ глубины души, Гюгъ молилъ себѣ покровительсва небеснаго, рѣшился дашь пройдши до садному сопушнику, и для шого остановился. Сопушникъ его также остановился. «Ну, слѣдовашельно эшотъ незнакомецъ имѣетъ до меня дѣло,» сказалъ Гюгъ. «Онъ одинъ: болясь нечего, и надобно узнать, что ему за надобность во мнѣ.» Сжавъ кулаки, Гюгъ пошелъ прямо на своего преслѣдователя; шощъ онъ далъ его. «Не за мною-ли вы идеть, прѣ-

шель?» спросилъ Гюгъ, спараясь, при слабомъ лунномъ сіяніи, распознать незнакомца.

— Да, за побою — отвѣчалъ незнакомецъ. — Неужели такъ скоро разучился ты узнавать своихъ пріятелей? — Братъ Елены узналъ въ эту минуту своего соупника: это былъ одинъ изъ заговорщиковъ, собиравшихся въ корчмѣ Золошаго Олена. «Зачѣмъ идешь ты такъ далеко съ нашею шайною?» спросилъ его заговорщикъ.

«Хочу еще разъ обнять сестру мою: можешь быть, въ послѣдній разъ! Вѣдь это не запрещено мнѣ, надѣюсь?»

— Нѣтъ! но ты позволишь мнѣ проводить тебя. Наша обязанность присматривать за побою, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ имѣть довольно доказательствъ швоего усердія, и не станемъ тебя подозрѣвать.

«И такъ, вы не вѣрите просто людской честности?»

— Мы сперва увѣряемся въ ней, а потомъ готовы отдавать справедливость честнымъ людямъ, и... наказывать бездѣльниковъ! — Незнакомецъ показалъ Гюгу дуло пистолеша.

«Послушайте, Графъ Урсель: двадцать шнагъ, и столько-же пистолешевъ, было на меня устремлено, но не испугали меня, съ чѣстъ

щому назадъ. Вы сами это видѣли. И такъ, спрячьте, пожалуйста, эту бездѣлку — она между нами вовсе не нужна. Если вы слишкомъ часто будете мнѣ показывать ее, то я подумаю, что вы не полагаетесь на свою храбрость. Между людьми, намъ подобными, надобно честное слово, а не угроза. Я вамъ клянусь; что иду къ сестрѣ моей. Послѣ сего, если дѣла ваши позволяющъ вамъ сопутствовать мнѣ — прошу покорно, а не по — до свиданія завтра!

— Я обѣщала друзьямъ моимъ слѣдовать за тобой, до того мѣста, гдѣ ты остановишься, и не могу тебя оставить.

«Справедливо. Что обѣцано, то надобно исполнить. Но, пойдемте-же вмѣстѣ, и спанемъ говорить безъ недоувѣрчивости.» Графъ Урсель дошелъ послѣ того съ Гюгомъ до Франкфурта; но тамъ, увѣривъ, что Гюгъ не думаетъ обманывать, оставилъ его, напоминая только, что завтра, въ 8-мь часовъ вечера, близъ рѣшетки Дворцоваго парка, къ рѣкѣ, будущъ его ожидать. Гюгъ подтвердилъ свое обѣщаніе, и поспѣшилъ къ своему родственнику, гдѣ жила Елена.

Нужно обила Елена брата своего, и услышала отъ него только одно слово: «Надѣйся.» Ночь прошла спокойно. На другой день, вѣрный

своему обѣщанію , Гюгъ разспался съ сестрою , когда увидѣлъ , что приближается назначенный часъ . Ему надобно еще было пройти добрыхъ миль полпоры . Прощанье было горестно . Нѣсколько разъ обнималъ Гюгъ молодую дѣвушку , за которую такъ безразсудно жершвовалъ , можетъ быть , своею жизнію . Елена испугалась выраженія его взоровъ , и усилія скрывать свои чувствва , выражаемаго всѣми чертами его лица . Но братъ еще разъ разувѣрилъ ее , и послѣднее его слово было тоже , что и первое : « *Надѣйся !* »

Въ шесть часовъ вечера , онъ ожидалъ уже на условленномъ мѣстѣ Графа Урселя , или кого другаго изъ учаспниковъ тайны . Незнакомецъ какой-то подошелъ наконецъ къ нему . « Вы-ли Гюгъ Ишпеевъ ? » тихо спросилъ эшопъ незнакомецъ .

— Я — отвѣчалъ Гюгъ , немного смутясь при видѣ неизвѣстнаго ему человѣка .

« Пойдемте со мною , » сказалъ незнакомецъ .

— Съ вами ? — спросилъ Гюгъ . — Но условленные слова ?

« *Громъ и молнія* » — прошепталъ незнакомецъ . Братъ Елены не оспознаваяаясь послѣдовалъ послѣ сего за нимъ . Они вошли въ какое-то подземелье .

VI.

СПАЛЬНЯ.

Подъ эшними сводами, подъ эшними башенками, убѣгая дневнаго свѣта, спраскиные любовники приходять иногда нѣжно переговаривать о любви своей. Но не забывайтесь, милыя дѣвушки, юные любовники, берегитесь, берегитесь — бѣлое привидѣніе глядишь за вами, бѣлое привидѣніе васъ подслушиваеши!

Евгеній Скрибб, La Dame blanche.

По неровному полу узкаго, подземельнаго корридора, шли нѣсколько минушь Гюгъ и его пушеводичель. Издали, долетали къ нимъ человѣческіе голоса, и надъ головами ихъ слышны были шаги. Гюгъ хотѣлъ спросить у своего пушеводичеля, куда онъ ведетъ его. «Тыше!» сказалъ незнакомецъ. «Мы идемъ близъ кладовыхъ Его Свѣшлости. Если кто нибудь спроситъ насъ, молчите; я буду за васъ отвѣчать.» Они перешли потомъ по двору, на котормъ выходили двери Ландграфской кухни. Былъ часъ обѣда. Слуги бѣгали, кричали, суетились. Среди общаго смятенія, незнакомецъ и Гюгъ прошли незамѣтно. «Сюда,» сказалъ незнакомецъ, и они взошли на лѣсшницу, слабо освѣщенную красноватыми свѣтомъ фонарей,

повышенныхъ въ каждомъ этажѣ. По мѣрѣ того, какъ они всходили, Гюгъ видѣлъ, съ одной стороны, сквозь огромныя окна лестницы, берегъ рѣки и входъ въ паркъ; съ другой стороны взоръ его шерялся въ длинные корридоры, примыкавшихъ къ большимъ галлереймъ, освѣщеннымъ люстрами, свѣтъ коихъ отражался на мраморѣ и паркешахъ. «Вошь,» говорилъ шико путешественникъ Гюга, «комнаты Его Свѣтлости; здѣсь библиотека; тамъ, внизу на право, галлерей къ комнатамъ Принцессы; прямо, пройдя насъ, знаменитая Зеленая Зала; лѣво комнаты отдѣльныхъ чиновниковъ. Выходи выше. Вошь мы въ корридоръ Фрейлинь Ландграфини — далѣе, далѣе?..» Гюгъ все еще не зналъ, чего хотѣлъ отъ него, и дивился, попавшись въ замокъ Ландграфа. Но нѣкогда было спрашивать, а еще менѣе отказываться. Безмолвно шелъ онъ за своимъ чичероне, пока тотъ далъ знакъ остановиться. Передъ ними была маленькая дверь послѣдняго корридора. Незнакомецъ посматривалъ на всѣ стороны, желая видѣть: нѣтъ-ли кого нибудь посторонняго. «Мы одни,» проворчалъ онъ, «хорошо!» Потомъ приблизился онъ къ двери, и тихо сказалъ: «Я.» Дверь отворилась. «Войдише поскорѣе,» — продолжалъ незнакомецъ, шѣлка поспѣшно Гюга въ комнату, гдѣ находилась только одна дама, закрытая покрываломъ.

— Эмо-ли поитъ господинъ, котораго вы ожидали? — спрашивала дама. Незнакомецъ отвѣчалъ утвердительно, сѣлъ, просилъ Гюга также сѣсть, и внимательно слушалъ, что станешъ говорить ему дама. Она начала:

«Вамъ извѣстно, что издавна есть сильныя подозрѣнія о связи перваго Министра съ Клеменшиною. Но по возвращеніи Клеменшины въ замокъ, ни однажды не видали у нея Министра. Между шѣмъ, люди, достойные всякаго довѣрія, согласно говорятъ, что голосъ Оштона часто бываетъ слыманъ въ комнатахъ Клеменшины, въ такіе часы, когда всѣмъ извѣстно, что она сидитъ одна, запершись въ своей комнатѣ. Много разъ, стараясь узнать истину, нечаянно прибѣгали къ Клеменшинѣ, подъ разными предлогами. Лицо ея показывало сильное движеніе; чувствено спреха пріяпно ее волновало; но Графъ Оштонъ всегда убѣгалъ, и никакъ не могли открыть, какимъ средствомъ избѣгаетъ онъ отъ поисковъ самыхъ тщательныхъ. Есть, въ этомъ не льзя сомнѣваться, тайный ходъ, извѣстный только Оштову и Клеменшинѣ, а этотъ ходъ должны вы открыть. На вашу скромность надѣются люди, которые хотятъ только сорвать маску съ лицейбра, безсовѣстно называющаго себя вѣрнымъ другомъ Его Величества».

— Но, я не вижу, что пользы отъ этого открытія для добраго имени моей сестры?—спросилъ Гюгъ, внимательнѣе выслушавъ слова дамы, закрытой покрываломъ.

«Какъ?» отвѣчала она, «Развѣ вы не понимаете? Послѣ этого мы легко принудимъ Графа признавшаго, что вечеромъ 15-го Сентября онъ былъ въ замкѣ Босежуръ? Мужъ мой,» продолжала она, «разсказалъ мнѣ о вашихъ несчастіяхъ, и повѣрьте мнѣ, что если вы услужите намъ, то, въ свою очередь, мы услужимъ вамъ еще болѣе.»

— Время прошедшъ — сказалъ пупеводитель Гюга. — Клеменшина можешь неожиданно возвратишься въ свои комнаты. Надобно-же располковать этому храброму молодцу, чего ожидаемъ мы отъ его приверженности.

«Да, говорите, говорите!» возразилъ Гюгъ. «Я обѣщалъ вчера, на жизнь и на смерть! Вы увидите, что я умѣю держать свои обѣщанія.»

Дама продолжала: «Сегодня большой обѣдъ въ замкѣ. Клеменшина возвратишься въ свои комнаты не ранѣе десяти часовъ вечера, и васъ провожу я сюда немедленно. Вы спрячешесь тамъ, въ указанномъ мною мѣстѣ; вамъ легко будетъ замѣшиться, какою шайною дорогою придешь Ми-

ниспръ. Вы пробудете скрипимъ оръ всѣхъ до самаго утра. Тогда приду я за вами, и выведу васъ. Ошкрышяе ваше мы передадимъ кому слѣдуетъ, и честь сеспри вашей будемъ публично признана безсовѣстнымъ обманщикомъ.

— Только сорвашъ маску съ этого общаго злодѣя, Миниспра-пирожника, и ошметнешъ ему за оскорбленіе людей испинно-благородныхъ хопимъ мы!.. сказалъ, съ лицемѣрною скромностію, незнакомецъ.

«А если меня ошкроюшъ?» замѣшилъ Гюгъ.

— Кшо? Графъ Опшонъ? — спросила дама.

«О, нѣтъ! съ нимъ, я знаю, что мнѣ дѣлать! Но сама Клеменшина, или кто нибудь изъ ея дамъ, или людей?»

При этомъ вопросѣ, незнакомецъ поблѣднѣлъ; дама подъ покрываломъ изъявила ужасъ, и пробормошала нѣсколько невнятныхъ словъ.

«Хорошо,» сказалъ Гюгъ, «понимаю: обо всѣхъ васъ я долженъ молчать; не правда-ли? Мнѣ надобно позволишь себя взять, потомъ налгать на себя... дашь себя осудишь, и все молчать...»

— Мы спасемъ васъ! — сказала дама, съ особенною живостію.

«Да, да, мы спасемъ васъ!» прибавилъ незнакомецъ.

— Разумѣется: если это будетъ возможно— опивчалъ Гюгъ, улыбаясь. — Хорошо! Но, ради Бога, одна просьба: не забудьте тогда моей сестры!

«Мы клянемся въ этомъ!»

Тутъ кончились разговоры прехъ заговорщиковъ. Дама вспала, взяла Гюга за руку, свела его, по маленькой лѣшницѣ, въ галерею, ведущую къ комнашамъ Клеменшины, прошла съ нимъ въ самыя дальныя отдѣленія, не встрѣшивъ никого, ни изъ дамъ, ни изъ служителей, ибо всѣ были тогда заняты въ другихъ отдѣленіяхъ замка. «Г-нъ Иштейнъ!» сказала новая пупеводительница Гюга, когда они пришли въ послѣднюю комнашу отдѣленія Клеменшины,» вошь спальня. Возьмите этошь ключъ, ошь стеклянной двери, вошь этого кабинета, подлѣ спальни; шумъ все будетъ вамъ видно; спрячьтесь въ этошь кабинетъ... прощайте! Смѣлость — скромность! Да поможетъ вамъ Богъ!» Она пожала руку Гюга, и удалилась.

Болѣе прехъ часовъ прошло, и никакой шумъ, никакое движеніе не развлекали во все это время размышленій Гюга... Они были тяжелы! Гюгъ видѣлъ себя принужденнымъ исполнять низкую

должность шпиона, служивъ орудіемъ подлой интригѣ нѣсколькихъ честолюбцевъ, ненавидѣвшихъ добродѣтельнаго, великаго человека, несчастнаго только, если онъ шочно былъ преслѣпникъ. Не такъ думалъ Гюгъ заслѣпиться за честь сестры своей! Не такими средствами прежде располагалъ онъ достигнуть благородной цѣли своего мщенія! Не шакови были думы его, когда споя лицомъ къ лицу прошивъ клеветника Елены, онъ говорилъ ему: « Война смертельная между нами!» Онъ хопѣлъ тогда сражаться съ нимъ оружіемъ, достойнымъ благороднаго человека. Его стремленіе было прекрасно; но дѣйствіе, къ какому оно довело его, оскорбляло душу Гюга, и возмущало его сердце. Шпионствомъ, доносомъ будешь онъ мстить за клевету! И сторгнувъ шайну несчастной женщины, не подавшей ему никакого повода къ ненависти, губя эту женщину, онъ хочешь доказать невинность сестры своей! Раздраженный прошивъ самого себя, Гюгъ готовъ былъ оставить свое скрытое убѣжище. « Нѣтъ!» думалъ онъ: « я не долженъ былъ принимать подобнаго предложенія! Шпага прошивъ шпаги, кровь за кровь: такъ долженъ былъ я пребывать возмездія отъ врага своего! И когда онъ былъ-бы у ногъ моихъ, побѣжденный, умирающій, тогда я имѣлъ-бы право предлагать ему условія за его жизнь! Но закрасься шайна,

подобно разбойнику и убійцѣ, поразишь, вѣснѣ съ своимъ злодѣемъ, доброе, несчастное созданіе... Нѣтъ! это не значишь требовашь правосудія, но воздаваешь преслушаніемъ за преслушаніе!»

И Гюгъ снова хотѣлъ уйдти изъ замка, оставивъ другимъ опокрытіе несчастной тайны Графа Ошпона, бѣжавъ скорѣе... Тушь послѣднія слова отца пришли ему на память; кликъ негодованія, изъявленный противъ Елены цѣлымъ городомъ, отозвался въ его ушахъ; онъ видѣлъ себя оспавленного своими друзьями; Ансельма, въ опчаяній, бѣгущаго изъ родины; вспомнилъ, что въ это самое время сестра его принуждена далеко отъ родины скрывать стыдъ свой; подумалъ объ оскорбленіяхъ, какія вновь ожидаютъ ее, если она явится въ О*** неоправданною. Передъ какимъ судилищемъ могъ онъ принести жалобу на врага столь сильнаго, каковъ былъ Графъ Ошпонъ фонъ-Шульгенъ? Могли онъ съ шпагою въ рукахъ омыснить ему за честь сестры? Нѣтъ! люди столь знатные не опвѣчаютъ на вызовъ людей мѣлкихъ! Гюга схватили, и въ тюрьмѣ никто не будетъ слышать воплей его горести и опчаянія. Только чудомъ могъ до сихъ поръ Гюгъ избѣгати шпіоновъ Министра. Дѣлаясь самъ шпіономъ противъ него, онъ сражался съ нимъ равнымъ оружіемъ. Ни-

какого другаго средства не осмалвалось брату Еленѣ. Онъ ясно видѣлъ эшо, задушилъ голосъ совѣспи, и бросился въ маленькій кабинетъ, попому что услышалъ шорохъ шаговъ въ галлерей.

Эшо была Клеменшина, съ нѣсколькими, сопровождавшими ее дамами. Всѣ онѣ вошли въ комнату. Между голосами сопутницъ Клеменшины, Гюгъ узналъ голосъ дамы, кошорую видѣлъ закрытую покрываломъ. Приложивъ глазъ свой къ замочной щелочкѣ, онъ убѣдился что не обманывается. Эша дама безпрестанно смотрѣла на дверь кабинета, пока другія заботились около Клеменшины, снимали съ нея вуаль, ожерелье, серьги. Клеменшина сбросила съ себя парадное свое платье, и проспой, домашній уборъ замѣнилъ великолѣпіе. Послѣ нѣсколькихъ словъ съ своими дамами., Клеменшина оппустила ихъ всѣхъ, долго прислушивалась къ шуму шаговъ ихъ по длиннымъ галлереймъ; попомъ ошорожно заперла дверь, и бросилась въ кресла, съ совершеннымъ опчаяніемъ. «Боже мой!» говорила она шихо «Какой вечеръ! Сколько опасностей! Какія спрадавія! Для чего злобные взори эшого стараго Барона безпрестанно были обращены на меня? Что говоряшь всѣ эши знаки, кошорые замѣшила я между врагами Графа? Онъ чего происходилъ ихъ поржешивующій видъ? А

эпопъ Рудольфъ Гацфельдъ , безпрестанно забавлявшійся намеками о какой-то шведъ... ремесленницѣ... Богъ знаетъ о комъ ! Какъ насмѣшливо глядѣлъ онъ на Опшона... Какъ спрдалъ топтъ... Я хотѣла говорить съ нимъ... услышавъ онъ него хоть одно утѣшительное слово... и его уже не было... Ландграфъ , съ такимъ забопливимъ вѣдомъ , увлекъ его въ свой кабинетъ... Чшо все это значишь ? Неужели подозрѣваешь !... Ахъ ! это ужасно ! Ничего не знаешь... препенешь... умираешь онъ спрдаданій , неизвѣстностей...» Нѣсколько минушь прохаживалась Клеменшина , въ глубокой задумчивости . « Да , только одно средство ! » сказала она наконецъ , рѣшительно . Потомъ дернула за золотое кольцо снурка , висѣвшаго подлѣ камня . Черезъ нѣсколько мгновений послучались у дверей ея комнаты , и вошло нѣсколько дамъ . « Вы нездоровы ? Скажите , ради Бога ! » спрашивали онъ .

— Да , я почувсшвовала себя что-то дурно — опвѣчала Клеменшина — но , теперь все прошло ; я напрасно васъ обезпокоила . Чшобы не превожить всѣхъ въ другой разъ , одна изъ васъ , Беаприкса , вы останешесь со мною... Я позову другихъ , когда мнѣ будетъ надобно... Идите !

Другія дамы просили позволишь имъ раздѣлишь ея уединеніе ; но по знаку Клеменшины должны бы-

ли оставитъ съ нею одну Беаприксу. Только что удалились онѣ, Клеменшина бросилась въ объятія Беаприксы. «Единственный, милый другъ мой!» сказала она. «Ты видишь меня въ совершенномъ опчяніи!»

— Скажите: что съ вами сдѣлалось?

«Все опкривается: подозрѣніе ужасно усилено! Всѣ старанія, всѣ заботы мои скрившайну бесполезны; я удосновѣрилась въ эиномъ сегодня; во всемъ видѣла я какое-шо смяшеніе, и шренешу, когда объ эиномъ шолько подумай... Ты одна знаешь все, ты одна можешь мнѣ пособитъ избавитъся опъ ужаснаго безпокойсшва, въ какомъ шенерь ты находишь меня! Видно, что Олимпонъ не придетъ сегодня...

— Какъ: сегодня? — сказала Беаприккса. — Неужели онъ опашъ бывалъ у васъ, уже послѣ возвращенія вашего изъ Весежура? Ахъ, Клеменшина! Чшо вы мнѣ говорили; чшо вы мнѣ обѣщали! Вы хочите погубитъ себя...

«Да, да, онъ бывалъ здѣсь... я не нашла смѣ слѣдовашь пивомъ совѣшамъ, шполь благоразумнымъ, шполь необходимымъ для моего спокойсшвія: обѣщаніе, данное шобѣ, нарушено мвом! Ты потребуешь опъ меня новой кляшвы, я опашъ поклянусь шобѣ, и опашъ нарушу кляшву мюу. Только онъ одинъ любилъ меня, шолько одинъ

Опшонъ понялъ, какою страшною могу я плашать за сердце, безъ раздѣла мнѣ отдаленное! Во всю жизнь мою, я встрѣтила только одинъ взоръ, одушевленный истинною любовью: это былъ взоръ былъ его; знала только одну истинно-высокую душу: эта душа была его! Онъ пожертвовалъ мнѣ своею жизнью, онъ любилъ меня, не смотря на опасность, ежеминутно ему угрожающую... Я была такъ молода, я чувствовала необходимость быть любимою! Все говорило мнѣ объ его добродѣтеляхъ, величии его характера, когда въ то-же время супругъ мой забывалъ меня, презиралъ уже... а я была еще безъ пятнышекъ на моей совѣсти, и шакъ любила его!.. Беаприкса! я не оправдываюсь; но мнѣ кажется, что я менѣ виновна, когда говорю себѣ: только любимою хочу я быть!

— Хорошо, Клеменшина — сказала расстроенная Беаприкса — скажите: чего-же вы требуете отъ меня?

«Теперь полночь; всѣ въ замкѣ спятъ; не можешь-ли ты сходишь къ Опшону, спросишь тамъ Вольфрага, Секретаря его, отдашь ему письмо мое... Только вы двое, вы и Вольфрагъ, знаете нашу шайну, и ни одинъ изъ васъ не измѣнитъ, въ этомъ я увѣрена!

— Но, Клеменшина... иди... теперь!...

«Ахъ, Беаприкса! не отказывай мнѣ! Ты возвратишь мнѣ жизнь. . . болѣе нежели жизнь : я ярепещу за безопасность Ошпона!» Беаприкса замолчала. Клеменшина поспѣшно написала нѣсколько спрочекъ, запечасала письмо свое, и хотѣла отдать ей, когда вдругъ перемѣнила свое намѣреніе; «Нѣтъ!» сказала она, «нѣтъ! это бесполезно: подай мнѣ письмо.. я все обдумала.. не надобно идти.»

— Ахъ, Клеменшина! вы хотите наконецъ выслушать мою просьбу, вы отказываетесь...

«Да, да,» быстро сказала Клеменшина. «Ты можешь идти къ себѣ; спуй! Добрая ночь! До завтра!» Она толкала Беаприксу къ дверямъ, не смотря на желаніе, какое изъвѣляла эта дѣвушка оспаться. «Поди, сдѣлай милость, поди скорѣе, Беаприкса! Я шребу, я хочу!...» И снова Клеменшина-оспалась одна въ своей комнатѣ.

Гюгъ не проронилъ ни одного слова, ни одного знака Клеменшины. Онъ видѣлъ письмо, написанное, запечасанное, отданное Беаприксѣ, пошомъ взятое и положенное на геридонъ, за кошорымъ сидѣла Клеменшина, писавши его. Гюгъ не понималъ причинъ внезапной перемѣны въ ея намѣреніяхъ. Вдругъ шайная дверь, закрытая большимъ зеркаломъ, повернулась... шайна

Графа Ошпона была въ рукахъ Гюга... Да, это былъ онъ самъ, Графъ Ошпонъ! Тайною эшою дверью, Ошпонъ вошелъ въ комнату Клеменшины!

«Съ вами былъ кто-шо?» спросилъ онъ, когда дверь снова зашворилась за нимъ, шакъ, что никакого слѣда не было замѣшно.

— Со мною была Беатрикса; я отослала ее... Милый другъ! я шакъ была расстроена... Какой вечеръ!... Ахъ! сердце мое разрывается...

«Успокойшесь, Клеменшина: эшошъ вечеръ довершилъ мое возвышеніе. Вчера еще былъ я на краю пропасти; сегодня мнѣ не кого болѣе опасаться: всѣ враги мои, всѣ наши шіоны, въ моихъ рукахъ! Я убѣдилъ Максимилиана подписать приказъ о задержаніи ихъ, и въ эшу минушу Баронъ и Графиня Фридерика, Графъ Вульшенъ, Шпольбергъ, и всѣ знаменитые заговорщики Золошаго Оленя, находяшся на пуши въ крѣпость Опшергеймъ. Еще съ упрашданъ былъ мною приказъ, чтообы ихъ содержали шамъ, какъ можно крѣиче. Ихъ жалобы и оправданія не выйдущъ изъ крѣпости, и еслибы, сверхъ всякой вѣроятности, они успѣли донести на меня... на насъ.. въ эшошъ доносъ увидашъ шолько безсильную клевету опчаянія.» По итрѣ шого, какъ говорилъ Ошпонъ, рат

доспѣ начинала блиснать въ глазахъ Клеменшина; грудь ея, волнуемая тысячью чувствованій въ сраданій, упикала, и когда Графъ кончилъ разсказъ о своей побѣдѣ, Клеменшина нѣжно сказала ему: « Милый другъ! что-же будешь съ шобой, если они снова получаютъ свободу? »

— Я думалъ только объ васъ, Клеменшина, только о вашей безопасности. Они могли погубить насъ: я это зналъ; надобно было рѣшиться на отчаянное средство. Я открылъ Максимилиану мнимую ихъ измѣну, разсказалъ о сборищахъ въ корчмѣ Золопаго Оленя, и, какъ милости, просилъ, чтобы въ избѣжаніе огласки запереть всѣхъ заговорщиковъ въ крѣпость, безъ суда. Онъ колебался, даже еще сегодня, когда боясь, чтобы ктонибудь изъ нихъ не избѣжалъ его гнѣва, пригласилъ ихъ всѣхъ зашолъ свой. Я успѣлъ наконецъ побѣдить нерѣшительность его: онъ подписалъ... Ничего не опасайтесь: шеперь никогда не выйдутъ они изъ крѣпости.

Но не всѣ враги Опшона были въ крѣпости: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Гюгъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ взоромъ Графа. При извѣстіи о взятіи заговорщиковъ, чувство страха оледенило его душу. Но быстро сообразивъ всю обширность этого бѣдствія, братъ Елены успокоился. Мысль, что:

возмездіе за оскорбленіе сестры будетъ теперь зависѣть единственно отъ него самого , заставила биться отъ чувства гордости сердце его, сначала сжатое страхомъ. Во глубинѣ души благословлялъ онъ Провидѣніе, предоставившее собственнымъ его силамъ весь подвигъ опущенія за клевету. Позоръ шпионства исчезъ въ его глазахъ. Онъ думалъ только о томъ, какъ выйдти въ свой чередъ побѣдителемъ , изъ опаснаго положенія , въ какое поставили его заговорщики Золошаго Олена.

Успокоенная рассказами Графа , Клеменшина почти развеселилась , спрашивала , какъ гордый Баронъ и его вѣжная супруга встрѣпили офицера , посланнаго для взятія ихъ. Она смѣялась даже , слушая пересказы Графа объ удивленіи описавшаго Министра и опчаяніи Фридерики. « Ни одинъ изъ враговъ моихъ не уцѣлѣлъ , » продолжалъ Опшонъ. « Я опваживалъ жизнь мою въ этомъ опчаянномъ дѣлѣ ; но чего-бы не сдѣлалъ я изъ любви къ вамъ , Клеменшина , для сохраненія вашей чести ! »

— А честь сестры моей? Развѣ для нея, Ваше Сяшельство , ничего не хотите сдѣлать? — сказалъ Гюгъ , быстро отворивъ дверь кабинета.

« Ахъ ! я погибла ! » вскричала Клеменшина , и , почти безъ чувства , упала въ кресла.

Пораженный изумленіемъ, Ошпонъ ойспушилъ на два шага при появленіи брата Елены; но вскорѣ опамашовался, схватился за шпагу свою, и хотѣлъ поразить шпіона. Взводя курокъ пистолеша, Гюгъ успѣшилъ предупредить его, говоря: « Осперегисьешь, Ваше Сіапшельство, покушайся на жизнь мою! Шумъ, какой произведу я защищаясь, можешь привлечь сюда много лишнихъ свидѣтелей!»

— Ошпонъ! ради Бога! удержишесь, не убивайте этого человека... здѣсь, въ моей комнатѣ... за чѣмъ-бы онъ ни пришелъ сюда, я его прощаю! Пущь онъ идетъ, шолько молчишъ! — Говоря сіи слова, Клеменшина удерживала руку Графа, все еще державшаго свою шпагу. Гюгъ спомалъ неподвижно, прицѣмался въ него пистолешомъ. Наконецъ, Ошпонъ уступилъ необходимости, положилъ шпагу свою на кресла; Гюгъ опушилъ пистолешъ.

— Кшо привелъ тебя сюда? —

« Тв, кошорыхъ вы послали въ Ошпергеймскую крѣпость. »

— Чего пребуешь ты за свое молчаніе? —

« Возвратише честь моей сестрѣ. »

— Безчеловѣчный! разве ты хочешь погубить для этого честь болѣе драгоценную?

« Смищеніе ередіпно удовольствовашъ меня , не вреди никому . Я согласенъ молчать . Но я жершвовалъ своею жизнью для полученія вашего правосудія , и не выйду ошсюда , пока не буду удовлетворенъ . »

— Чего хочешъ эшошъ человекъ ? Ради Бога ! Чего онъ хочешъ ? — спрашивала Клеменшина , шрепеща ошъ ужаса .

« Вечеромъ , 15-го Сентября , Графъ былъ въ замкѣ Босежуръ , » сказалъ ей Гюгъ . « Надобно было выдумашъ какую нибудь ложь , для оправданія своего опсущствія передъ шѣмъ человекомъ , кошорый искалъ его между шѣмъ по всему городу . И Графъ выдумалъ прекрасно : сберегая честь другихъ , онъ обезславилъ невинную сестру мою , сказалъ , что былъ у нея ! Теперь , я шребую удовлетворенія . » Опшонъ хопѣлъ взашься за шпагу . « Безъ шума ; Графъ , » продолжалъ Гюгъ . « Извольше выдумашъ какой нибудь предлогъ , какое нибудь извиненіе , кошорое публично доказало-бы , что сестра моя оклевешана вами , и я , клянусь вамъ всѣмъ , что ешь для меня священнаго , буду молчать ! »

Опшонъ ходилъ по комнашѣ большими шагами . « Онъ шребуешъ смерти моей , эшошъ человекъ . . . » говорила Клеменшина , закрывъ глаза рукою . « Опшонъ ! вы не можете , вы не должны

ничего говорить! Дайте ему золото, отдайте ему все мои бриллианты. . . Возьми, возьми ихъ, и откажись отъ ужаснаго своего ищениа!

— Я отказался уже отъ подобныхъ предложеній Графа. Золото не заставило-бы меня безстрашно пускашься на подобныя предпріяшя — ошвѣчалъ Гюгъ. Онъ приблизился въ это время къ геридону, на кошоромъ лежало письмо, написанное Клеменшиною къ Ошпону. «Графъ!» продолжалъ Гюгъ, «кончимъ эту пиагосшную сцену, кошорой никогда не началъ-бы я, безъ крайней необходимости. Спрашиваю въ послѣдній разъ: угодно-ли будешъ Вашему Сіашельству дать мнѣ честное слово, что завтра, въ собшвенномъ вашемъ домѣ, вы позволите мнѣ явиться съ нѣсколькими моими друзьями, и передъ ними объявите, что вы никогда не знавали, никогда не видали сестры моей. Если къ эшому присовокушите вы, какое вамъ будешъ угодно, доказашельство, что вы не были у нея 15-го Сентября, въ 10-ть часовъ вечера, то я уйду отсюда немедленно, и не открою ничего!

— Хорошо — сказалъ Графъ — общаю все это сдѣлать.

«Что вы говорите, Ошпонъ!» сказала съ ужасомъ Клеменшина.

— Не опасайтесь. . . я все придумалъ.

« Но , Ваше Сіятельство , » возразилъ Гюгъ , вспоминая , что я найду васъ всюду , если вы еще разъ не сдержите вашего слова . И тогда , я не пощажу ничего и — никого .

— Ты можешь надѣяться на мое слово . Спущай !

« Но я всего могу здѣсь опасаться , Ваше Сіятельство . Пропу васъ защишишь меня , и указашь мнѣ дорогу . Я послѣдую за вами . »

— Проведите его , Ошпонъ — сказала Клементина . — Мнѣ надобно опасаться одной . . . ашопъ человекъ ужасаетъ меня ! . .

Графъ взялся за свою шпагу . Гюгъ снова прицѣплялся пистолешомъ .

— Но для чего-жъ оружіе ! — вскричала Клементина , едва не лишаясь чувствъ .

« Его Сіятельство беретса за шпагу свою , » отвѣчалъ Гюгъ . « Будыте спокойны , Ваша Свѣтлость : я не посягну на жизнь Графа , если онъ не покуситса на ошпяліе моей . Но при малѣйшемъ его движеніи , я выстрѣлю , не въ васъ , Графъ , но для того , чтобы сбѣжались люди . Я скажу тогда откровенно , кто провель меня сюда ; вы должны будете сказашь , зачѣмъ и какъ пришли вы . . . Для собственной вашей безопасности , надобно удалиться отсюда безъ всякаго шума : мнѣ не такъ шажко будешь , если меня увидяпъ здѣсь , какъ вамъ . »

Ошпонъ вложилъ свое шпагу въ ножи, и гладнокровно сказалъ : « Пойдемъ ! » Онъ пронулъ пружинку въ рамѣ зеркала ; дверь ошворилась ; пошасенный фонарь былъ скрытъ въ углу шайнаго перехода. Графъ взялъ его, и Гюгъ, держа наготовѣ пистолешъ, послѣдовалъ за Графомъ, по скрышной лѣсницѣ. Черезъ нѣсколько секундъ, оба они очутились за рѣшеткою парка. Только что увидѣлъ себя Гюгъ на свободѣ, какъ бросился бѣжать, вскричавъ : « Завтра явлюсь я къ вамъ ! » И онъ исчезъ въ темнотѣ, столь быстро, что Графъ не успѣлъ вымолвить ни одного слова.

Едва только Клеменшина оспалась одна, какъ вдругъ что-то вспомнила... Со страхомъ взглянула она на геридонъ : письма, писаннаго ей, тамъ не было ! Она поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, не могла, и едва успѣла только дернуть золотое кольцо снурка, привязаннаго къ звонку... Дамы, прибѣжавшія къ ней, нашли ее безъ чувствъ...

VII.

ЯКОРЬ СПАСЕНІЯ.

Il faut garder une poire pour la soif.

Старинная пословица.

Въ семь часовъ упря, Гюгъ шелъ по самой глухой улицѣ. Онъ хотѣлъ собрать нѣсколько друзей своихъ, и попомъ идши съ ними къ Министру. Вдругъ окружило его нѣсколько человекъ полицейскихъ. Сначала онъ хотѣлъ было защищаться, но увидѣлъ не возможность прошившись множеству, и, безъ сопротивленія, былъ увлеченъ въ карету, гдѣ ожидали его четыре человека, пока шоварищи ихъ подсперегали Гюга.

«Куда везете вы меня?» спросилъ Гюгъ у своихъ сопутниковъ. Ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ. Смотря въ окно кареты, Гюгъ видѣлъ, что карета скакала по дорогѣ въ Ошпергеймъ. «Ну, мы идемъ въ крѣпость! хорошо; я это предчувствовалъ;» сказалъ Гюгъ, «и, вѣроятно, вы получили на мой счетъ самыя спрогія предписанія?» — Да, самыя спрогія! — отвѣчалъ одинъ изъ полицейскихъ.

«Прекрасно, и не могло быть иначе! Право, шоварищи! у насъ славный Министръ, и очень

хорошо знаете свое дѣло. Все исполнено, какъ должно: въ семь часовъ утра меня велѣно было схватить, а раньше полудня я не могъ его видѣть!» Шушливостьъ, съ какою говорилъ все это Гюгъ, развеселила и сопутниковъ его. Роли перемѣнились: Гюгъ не спрашивалъ болѣе ничего, но его стали спрашивать. «Ты, пришель, кажешься, малый-шо славный! За что это попался ты къ намъ?»

— Если-бы я и сказалъ вамъ, такъ вы ни не повѣрили-бы. Впрочемъ, это и не моя тайна.

«А! шакъ у тебя есть и поварница!»

— Нѣтъ! изъ уваженія къ шому, кто велѣтъ взять меня, я молчу.

«Э! ну, это слишкомъ нѣжно съ швоей спороны!»

— Вы сами разсудите, что совсѣмъ не годится, за часъ, или за два, которые прошу я въ шюрмѣ, засадишь его самого въ шюрму на вѣкъ. Это не великодушно будетъ съ моею спороны!»

«Это сумасшедшій», говорили шихонько другъ другу полицейскіе. «Есть-ли совсѣмъ посылать сумасшедшаго въ шюрму? Его надобно-бы опослать въ домъ безумныхъ.»

Гюгъ продолжалъ шушливо: «Признайшесь: вы мало видывали такихъ веселыхъ арестантовъ, какъ я? не правда-ли?»

— Правда, повариць!

« Вошь видише , а эшо пошому , что немного сыщешся шакихъ , кошорые держали-бы въ своихъ рукахъ честь и жизнь шого ; кшо кидаетъ ихъ въ шюрму . » Полицейскіе взглянули другъ на друга , и одинъ изъ нихъ ударилъ себя въ лобъ . Гюгъ понялъ причину . « Вы забыли обыскашь меня , кажешся ? Впрочемъ , напрасный шрудъ . Но , если эшо непременно надобно , прошу не церемонишься , господа , и исполняшь свою должность . » Онъ выворощилъ всѣ свои карманы , и позволилъ ощупашъ и осмошрѣвшъ все свое плашье . « Видише : я правду говорилъ ; у меня ничего нѣшь , кромѣ полдюжины флориновъ . Прошу сдѣлашь мнѣ удовольствіе , распишь ихъ за мое здоровье . » Эшо расшрогало Полицейскихъ , и самый чувствительный изъ нихъ сказалъ даже : « Какъ можно шакого молодца подвергашъ шакому шажелому наказанію ! »

— Такъ , спало-бышь , что нибудь очень шажелое пригошоваляюшь мнѣ шамъ ?

« Вѣчная шюрма , повариць : шолько ! Да , вѣдь эшо можешъ долго продлителься , при Министрахъ , кошорые лѣшь по шридцати сидашъ на своихъ мѣстахъ . Только съ перемѣною Министра можешъ кончитья швоя вѣчношь . Твой

знакомые позабудуть тебя , пока ты выйдешь изъ крѣпости .

— Мои знакомые ? Вздоръ ! я надѣюсь сегодня обѣдать съ ними .

« Развѣ ты не знаешь , что никого не спашь пускашь къ себѣ , и вѣрно не узнаешь даже гдѣ ты ? »

— Я самъ пойду къ нимъ , сегодня-же — возразилъ горячо Гюгъ . Полицейскіе опять взглянули другъ на друга , и повсорили : « Онъ сумасшедшій ! »

Черезъ полчаса скорой ѣзды , карета остановилась на первомъ дворѣ крѣпости . Вороша съ шумомъ зашворились за прѣхавшими . Гюгъ вышелъ изъ кареты , сопровождаемый своими сопутниками . Нѣсколько солдатъ приняли его съ рукъ на руки , и привели передъ Комманданта . Старый служивый , внимательно прочитавъ предписаніе Министра , хотѣлъ уже приказать опвески Гюга въ башню , когда Гюгъ попросилъ Комманданта позволить ему остаться съ нимъ наединѣ , для сообщенія важной тайны . Коммандантъ смѣрялъ его взоромъ съ головы до ногъ . « Обыскали-ль арестанша ? » спросилъ онъ . Полицейскіе отвѣчали утвердительно . « Хорошо , » сказалъ Коммандантъ , « оставьте насъ однихъ ; двое изъ васъ должны спастъ у дверей комнашы , и явиться по моему знаку . » Все бы-

ло исполнено по приказанію. Гюль и Комменданшъ оспались одни.

«Ну, послушаемъ, говори!» сказала Комменданшъ. «Вошь, ты уже двадцатый арестантъ со вчерашняго дни. И вошь они хошди опкрышь мнѣ весьма важныя шайны, и вся важность ограничивалась увѣреніемъ, что они невинны, что они жертвы измѣны. Пустые рассказы, вовсе безъ пользы, пошому что не въ моей власни освободишь кого нибудь!»

— Я не опшиму бесполезно вашего времени, господинъ Комменданшъ! Я не въ свою пользу хочу говоришь, но въ пользу Графа Опшона, нашего перваго Министра, кошорый приказалъ посадить меня въ крѣпость.

«Въ пользу Его Сіашельства, говоришь ты? Это дѣлаешь честь швоему характеру,» опшчалъ Комменданшъ, улыбаясь. «Немного видалъ я подобныхъ тебѣ арестантовъ, въ печеніе десяти лѣтъ, какъ завѣдываю крѣпостью! Ну, говори-же, что хочешь ты сдѣлать полезнаго для Его Сіашельства?»

— Это должно бытъ шайной между имъ и мною. Честь запрещаешь мнѣ опкрышь все, пока самъ Графъ, не прикажетъ мнѣ штого. Если вы позволили мнѣ опправить къ нему письмо...

«Дурака что-ли ты нашель? Ты хочешь просить помилванія: вошь вся швоя шайна!»

Приказаніе, полученное мною на счесть твой, очень ясно, такъ, что ты можешь оставаться спокоенъ, и я не позволю тебѣ переписываться съ Его Сіятельствомъ.

— Это последнее ваше слово, господинъ Коммендантъ? Вамъ рѣшительно неудобно, чтобы я писалъ къ Графу?

«Разумѣется. Если я позволю это всякому арестанту, такъ Его Сіятельство только и долженъ будетъ читать ваши прошенія. Я стоилъ-бы за такую глупость чистой ошшавки. Нечего болѣе разсуждать: изволь-ка ошправ-ляться на свою квартиру!

— Еще одно слово, господинъ Коммендантъ. Если увѣренія честнаго чѣловѣка имѣюшь какую нибудь цѣну въ вашихъ глазахъ, то я вамъ клявусь честнью, что все счастье, самая жизнь Графа Шпульгена, и жизнь еще одной особы, кошо-рую не хочу я наименовать, находится въ величайшей опасности въ эту минуту, когда я съ вами говорю. Если сегодня не получишь Графъ моего письма — завтра онъ погибъ!

Увѣрительный шонъ, съ какимъ говорилъ арестантъ, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на Комменданта. «Берегись, если щы меня обман-ваешь! Я повторю всѣ швом слова Его Сіятель-ству.

— И шакъ , вы позволяете мнѣ писать? — спросилъ радосно Гюгъ Иппеннъ.

« Да , но съ условіемъ , что я самъ посмотрю твое письмо .

— Это государственная тайна , господинъ Коммендантъ !

« Но я долженъ знать всю переписку моихъ арестантовъ .

— Въ такомъ случаѣ , я ничего не хочу писать . . . Завтра , вы принуждены будете опустить меня ; когда Графъ Шпюльгенъ займетъ мѣсто въ тюрьмѣ , которую для меня приготовили . Вы сподвѣствуете , прѣотивъ своего желанія , гибели Его Сіятельства , и , можете быть , отставка будетъ наградою за слишкомъ точное исполненіе вашихъ обязанностей .

« Можно подумать , » сказалъ Коммендантъ , « что въ твоихъ рукахъ всѣ тайны дѣла государственныхъ , и ты вершишь ими по своей волѣ .

— Надобно вершить только главною тайною , господинъ Коммендантъ , и всѣ другія опять того заверпякся . Эту главную тайну я имѣю въ моихъ рукахъ . Изъ тюрьмы моей могу я управлять ею по своей волѣ , и низвергать людей , гораздо выше меня посавленныхъ . Я хочу поль-

но предупредишь Министра объ опасности, угрожающей ему, а потомъ мы посмотримъ, угодно-ли будешь ему избѣжать ея. Скажу вамъ однимъ словомъ: если получишь мое письмо, Графъ Шпульгенъ не прикажетъ немедленно освободить меня, вы можете поступать со мною такъ строга, какъ вамъ будетъ угодно. . .

« Пиши,» сказалъ Коммендантъ, завлеченный ошкрошенностью арестанта.

Гюгъ сѣлъ съ одной стороны стола; Коммендантъ началъ писать къ Министру съ другой стороны. Онъ извинялся передъ Его Сіанельсвонъ въ снисхожденіи, какое оказалъ арестанту, и въ оправданіе свое приводилъ, слово въ слово, разговоръ съ Гюгомъ. Впрочемъ, письмо Комменданта для насъ нелюбопытно, а вотъ что написалъ Гюгъ :

« Когда шакой знашій челоуѣкъ, какъ вы, обѣщаль что нибудь шакому бѣдняку, какъ я, шо онъ спѣшилъ опдѣлаться отъ эшого бѣдняка. Такъ всегда поступаешъ умный челоуѣкъ. Но если шакой бѣднякъ, какъ я, получилъ обѣщаніе шакого знашнаго челоуѣка, какъ вы, и оставилъ его не пребуя ручашельства въ обѣщаніи, шо онъ дуракъ. Къ счастью, я не соуѣлъ доуѣрять вашему слову, и вотъ почему загошвилъ себѣ ручашельство, въ кошоромъ,

безъ сомнѣнiя , вы опказали-бы мнѣ . Разсказыва-
ясь вчера съ вами , я унесъ изъ комнаты , гдѣ
мы видѣлись , письмоцо дамы , имя которой я
умалчиваю . Это письмоцо написала она , и хо-
пѣла опослать къ вамъ , за нѣсколько минушь
до прихода вашего . Это письмоцо , и еще нѣ-
сколько подробностей о свиданiи нашемъ въ
прошедшую ночь , находясь теперь у одного
моего друга , и онъ препроводитъ все это пря-
мо въ руки супруга дамы , если я , хотя одинъ
день , не появлюсь къ нему самъ лично . И такъ ,
осперегитесь , Ваше Сiятельство . Ваша шайна
не принадлежитъ уже мнѣ . Если я останусь здѣсь ,
то другъ мой предскавитъ опданный ему мною ,
запечатанный пакетъ , и супругъ дамы узнаетъ
содержанiе его . Вы видите , что я поступаю
откровенно . Будете и съ вашей стороны от-
кровенны . Если-бы я не догадался захватить
письмеца , то погибъ-бы навсегда въ крѣпосш-
ной тюрьмѣ , и сестра моя , обезсдавленная ва-
шею клеветою , двойко была-бы несчастлива ,
ибо вы рѣшились погубить во мнѣ единствен-
ную ея подпору . День правосудiя наступилъ ,
Графъ ! Изъ мрака пемницы , ничтожный чело-
вѣкъ , проспой слесарь , песчинка , повелѣваетъ
вами , уничтожаетъ васъ ! Надобно , чтобы или
вы погибли , или сестра моя была оправдана .
Удержите меня здѣсь на однѣ сушки , и завтра-
же все будетъ опкрыто . Шпионы ваши не см-

щупъ мѣспонребиванія чловѣка, обладающаго
мощь шайною, а я смѣю увѣришь васъ, что
никакія пычки не испоргуишь изъ меня его
имени.»

Гюгъ Иштениъ.

Не прошло двухъ часовъ послѣ ошправленія
сего письма, какъ Коммендантъ Ошпергеимской
крѣпости получилъ повелѣніе освободить аре-
шанша. Вольѣрагъ, Секретарь Министра, по-
спѣшно прискадалъ съ этимъ приказаніемъ.
«Вошь, господинъ Коммендантъ, не правду-ли
я вамъ говорилъ?» сказалъ Гюгъ.

— И шакъ, Его Сіапельсшво шеперь сва-
сень?

«Еще не совѣиъ. Это будепъ отъ него за-
вистъ.» Боясь открытія шайны, Вольѣрагъ
перервалъ сей разговоръ, и поспѣшилъ выйдши
изъ крѣпости съ братомъ Елсны.

— Послушайте, господинъ Иштениъ — ска-
залъ Вольѣрагъ, ида вмѣспѣ съ нимъ, по до-
рогѣ въ О * * * — Графъ Шульгенъ, начальникъ
мой, полагаепъ, что ваша угроза была только
хищность, для полученія свободы. Онъ надѣиетъ
впрочемъ, что вы чловѣкъ благонамѣренный,
и не захошпте уопирсбипъ во зло письма:
оно повредитъ — не Графу, но — шаконъ осо-

бъ, которую вамъ должно уважать, какъ дану, и еще болѣе...

« Благодаренъ Его Сіятельству за доброе мнѣніе обо мнѣ; но не въ то время, когда онъ такъ вѣроломно не сохранилъ своего слова, спану я щадить кого-бы то ни было. Трусость непроспешельная будешь съ моей стороны, если я уступлю, достигая уже къ моей цѣли. Вчера я требовалъ только проснаго изъясненія; теперь хочу оправданія сестры моей, оправданія полнаго. Скажите начальнику вашему, что не правдоподобнымъ только извиненіемъ буду я шеперь доволенъ, но объясненіемъ обстоятельнымъ, гдѣ именно былъ, въ замкѣ Босезуръ, или въ другомъ мѣстѣ, Графъ Ошмонъ, въ прошъ вечеръ, когда оклеветалъ сестру мою, съ прибавленіемъ припомъ, что онъ имѣлъ важныя причины скрывать свое ошсущствіе изъ города...

— Не этого ожидалъ я ошъ васъ, особливо послѣ того, что сегодня происходило.

« Я могу сказать вамъ, М. Г., что происходило сегодня: безъ всякой недовѣрчивости, гонившая я идши въ домъ Министра; онъ обѣщаль оказашъ мнѣ правосудіе. И пока собиралъ я свидѣтелей, меня велѣно было схватить, бросить въ тюрьму, гдѣ осужденъ я былъ умереть, забывшій всѣми.

— Но, при первомъ вашемъ отношеніи къ нему, вы были свободны.

« При первой моей угрозѣ, скажише лучше. Неужели онъ думаетъ, что исполнитъ свою обязанность, если велѣлъ меня выпустить изъ тюрьмы? Но, въ противномъ случаѣ, онъ самъ погибъ-бы завтра! Опасность, кою угрожалъ я, носилась еще надъ его головою; письмо всегда можетъ быть передано по своему назначенію. Повторяю вамъ: Графъ долженъ воспріять предъставленіемъ неоспоримыхъ доказательствъ, что онъ не былъ въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла, въ то время, когда, по его словамъ, находился онъ у сестры моей. Прошу подумать объ этомъ. Извиненіе, кою не докажешь ясно, что клевета была необходима на этотъ разъ, для сокрытія важной тайны объ оплутѣ Графа изъ столицы, не удовольствуешь меня; я принужденъ буду употребить противъ Графа орудіе, коюрое находишь теперь въ рукахъ моихъ!

— Вы хотише подвергнуть опасности жизнь его!

« Я подвергалъ и свою жизнь опасности, М. Г. Онъ хотѣлъ спасти честь драгоценной для него женщины — я опущаю за честь сестры моей. Наши обязанности равны, и — ничто въ мірѣ не воспрепятствуетъ мнѣ исполнить мой

долгъ! Впрочемъ, еще новая мысль: вашъ начальникъ богачъ, могущъ... пусть онъ купитъ свидѣтелей: я и этимъ буду доволенъ...

— Могущъ! — сказалъ Секретарь. — Да, за часъ до сего времени, онъ былъ еще сколько могущъ, что однимъ словомъ могъ освободить васъ изъ шюрмы...

«Такъ, какъ могъ и бросить меня въ шюрму — прибавилъ Гюгъ.

— Но теперь онъ не имѣетъ уже никакой власти! — Гюгъ остановился, видя, что глаза Вольфрага наполнились слезами. — Да, господинъ Ишпенъ — продолжалъ Вольфрагъ — благороднѣйшій, великодушнѣйшій изъ людей добровольно отказался отъ всякой власти! Безъ вашего упорства, онъ еще держалъ-бы бразды государственнаго правленія, для счастья другихъ; но — вы принудили его оставить ихъ...

«Я?» сказалъ Гюгъ, съ чувствомъ радости.
«Но, что я сдѣлалъ для этого?»

— Онъ торжествовалъ надъ всеми своими врагами; только одинъ врагъ опасался, и эшотъ одинъ — были вы. Пока несчастный споръ происходилъ между вами въ комнатѣ Клеменцины, лазутчики подслушивали у дверей. Они слышали мужской голосъ. Напрасно Бенрикса

клялась, что только она одна была съ Клеменшиною. Къ счастью, поздно уведомленный, поздно послалъ за Графомъ Опшономъ Максимилианъ. Но, однакожь посланные не застали Графа Опшона дома, и вслѣдствіи его, когда онъ возвращался къ себѣ. Приведенный къ Максимилиану, что могъ онъ сказать?

«Ему стоило опять наговорить на сестру мою!» ошвѣчалъ Гюгъ, улыбаясь.

— Онъ шакъ и сдѣлалъ.

«Везспыдный человекъ!»

— Клеменшина была ни жива, ни мертва; надобно было обмануть Максимилиана. Но за вѣкъ шѣмъ, онъ худо повѣрилъ опговоркамъ своего друга, сильное подозрѣніе ошало въ душѣ его. Достаточно было одного слова обращения это подозрѣніе въ достоверность. И когда получено было письмо ваше, и угрожало ему ужасною гласностію дѣла, онъ рѣшился онъ всего ошказаться. Несчастіе должно щадить, Г-нъ Ишпенъ! Графъ добровольно ошказался онъ славы, почестей, онъ всего! Максимилианъ прислалъ уже ему увольненіе, и полную ошсавку; Графъ уважаетъ сегодня-же. Ошдайше бѣдственное письмо несчастному, который былъ первымъ Министромъ, сильнымъ Графомъ Шпульгеномъ. Человекъ, возвысившійся на первую сше-

ненъ знанности своимъ благородствомъ, своими дарованіями — теперь ничто, потому что вы этого хотѣли. Довольны-ли вы, Г-нъ Ишменъ? Вы сказали: «Министръ будетъ испроверженъ» — и онъ испроверженъ! Вы не можете отказать ему теперь въ отдачѣ письма: оно погубишь уже не его, но другую, совсѣмъ не оскорбившую васъ, несчастную особу.

«Если-бы я удовлетворялъ только ничтожному чувству гордости,» ошвѣчалъ Гюгъ, швердымъ голосомъ, «если-бы только желаніе унижить сильнаго врага одушевляло меня въ преслѣдованіи Графа, то, признаюсь, мое мщеніе было-бы теперь удовольствовано! Но возмездіе, какого, съ такимъ упорствомъ, пребую я ошъ Графа, равно пошребоваль-бы я ошъ купца, мѣщанина, ошъ подобнаго мнѣ ремесленника. Ошъ нихъ искаль-бы я его просно судомъ. Вчера я не могъ ожидать правосудія, обвинивъ передъ судомъ Министра; теперь оружіе наше уравнилось. Я обѣщаю вамъ не дѣлать никакого употребленія изъ письма, но ошдамъ его тогда только, когда сесшра моя будетъ оправдана судебнымъ порядкомъ ошъ клеветы. Письмо ошанешся у меня залогомъ правой моей жалобы.»

— Какъ, Г-нъ Ишменъ? Его паденіе, его бѣдствіе, не удовлетворяють васъ?

« Но, если-бы онъ сподѣлъ еще выше, и упалъ-бы еще ниже, если-бы онъ былъ шеперь еще несчастнѣе, развѣ сестра моя не будетъ одинаково презираема цѣлыми городомъ? Несчастіе Графа возвращаетъ-ли ей доброе имя? Ославивъ шеперь всякое преслѣдованіе, исполни-ли я кляпву, данную ошцу моему? Желаю всякаго благополучія Графу, желаю, чтобы онъ по прежнему, и, если можно, еще выше былъ при Дворѣ Ландграфа. Все это не возбудитъ во мнѣ, увѣряю васъ, никакой зависти. Но за то, въ какомъ-бы онъ ни былъ положеніи, пока сестра моя не оправдана, я долженъ, и буду его преслѣдовать! »

— Вы злой человекъ, Г-нъ Ишпеннъ! — сказалъ Вольфрагъ, поспѣшно удаляясь.

« Вы одобрили-бы меня, если-бы я преслѣдовалъ какого нибудь бѣдняка. Виновапъ-ли я, что врагъ мой Графъ и Министръ? Я не искалъ для вражды моей Графа и Министра, а сразился съ пѣмъ, кто самъ вызвался на мою неприязнь.

Вольфрагъ отправился въ столицу, извѣстивъ своего начальника о рѣшительномъ намѣреніи брата Елены. Гюгъ пошелъ по дорогѣ Франкфуртской. Вскорѣ былъ уже онъ подлѣ Елены, ожидавшей его въ ужасномъ безпокойствѣ. Гюгъ не хотѣлъ ничего говорить, ни о сценѣ въ ко-

мнѣшахъ Клеменшину , ни о своемъ непродолжительномъ заключеніи въ крѣпость ; но , въ первый разъ извѣстивъ оиъ тогда свою Франкфуртскую родню о причинѣ удаленія изъ О*** , наименовалъ виновника клеветы , заславившей его бѣжашь , вмѣстѣ съ сесшрою , сказалъ о низверженіи Министра , и о томъ , что оиъ хочеть преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ въ Городскомъ Судѣ . Если оиъ умолчалъ передъ своими родными о самыхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ борьбы своей съ Графомъ Шпульгеномъ , за то ничего не скрылъ оиъ Ансельма , въ письмѣ , ошправленномъ къ нему въ шопъ-же день . « Не мы , » писалъ оиъ къ нему , въ заключеніе письма , « не мы поѣдемъ шемеръ изъ О*** , искашь тебя гдѣ нибудь , вдалекѣ оиъ родины ; но мы возвратишься къ намъ , на родину , гдѣ швоя невѣста , совершенно оправданная , приобрѣшептъ снова уваженіе шѣхъ людей , которые слишкомъ попорѣились презирапть ее , положась на болшовню дышави . Признаемся : мы было сами всему повѣрили ; но скоро истина будешъ признана всѣми . Еще нѣсколько недѣль , и мы спанемъ думапть , что намъ ярезился неприятный сонъ ; мы снова условимся съ шобою о заведеніи своемъ , если процессъ не слишкомъ раззоришь наши запасы . Впрочемъ , пусть , весь запасъ нашъ перейдетъ на судебныя издержки , мы можемъ упѣвшисься ,

зная, что у насъ оспивается честь, вѣрное счастье, и здоровыя руки, которыя вознаграждать шраму денегъ, на добре употребленыхъ.»

На другой-же день, Гюгъ располагался идти, и подать жалобу на Графа Отптома Шюльгена. Уже онъ выбралъ себѣ и адвоката. Хотѣли едидиться за ужинъ; завязался сильный споръ: Франк-фуршская родня уговаривала Гюга не приспунать къ опасному процессу; Гюгъ не соглашался оставивъ своего намѣренія. Въ это время, вдругъ дверь отворилась; вошелъ какой-то незнакомецъ; Гюгъ узналъ въ немъ Секретаря Миниспрова. Вольфрагъ просилъ Гюга позволить ему переговорить съ нимъ наединѣ. Они вышли въ ближнюю комнату. «М. Г.,» сказалъ тогда Вольфрагъ, «послѣ нынѣшняго упра, въ судьбѣ моего начальника произошла ужасная церемѣна. Изъ сильнаго, знаменитаго вельможи, онъ сдѣлался теперь бѣглецомъ, долженъ, какъ преступникъ, скрываться, и это послѣднее его несчастіе есть ваше дѣло!»

— Говорите яснѣе, М. Г. — Я хотѣлъ только еще начинать судебное его преслѣдованіе...

«Такъ; но Графъ чувствовалъ, что жалобу вашу будете сопровождать подробное изслѣдованіе; что надобно будутъ вѣрныя доказательства на эиомъ несчастный вечеръ 15-го Сен-

царя; открытіе истины могло убить Клеменшину. Спасая честь ея, онъ отказался отъ почести, отъ опечетства; для спасенія жизни, онъ рѣшился пожертвовать ей и самимъ именемъ своимъ. Вамъ нечего уже жаловаться на Графа Шпульгена: онъ погубъ, онъ существовалъ только для одного меня! Только я одинъ буду опширъ вездѣ ему сопутствовать, постараюсь дружбою усладить его печальное существованіе, и доказать ему моею приверженностію, что я чувствую благодаренія, какими осмѣялъ онъ меня во время своего благоденствія.»

Вольфгангъ едва могъ говорить: такъ полно было его сердце. Невольно провуть былъ Гюгъ, не могъ удержаться, и не сказалъ: « Да, онъ былъ добрый вельможа, достойный Министръ... Но, еще вчера клеветалъ онъ на сестру мою, еще сегодня хотѣлъ онъ лишитъ ее брата... Это преступленія, М. Г., преступленія, какихъ не прощаютъ!

— Онъ искупилъ ихъ; повѣрьте, что онъ искупилъ ихъ ужасною цѣною! Позвольте мнѣ докончить, и сказанъ вамъ все, что сдѣлалъ Графъ для возвращенія сестры вашей чести, которою вы такъ дорожите, и которая стоила Графу слишкомъ много.

«Вчера она сповла-бы ему только нѣсколькихъ словъ, пакъ какъ за двѣ недѣли онъ ошналъ ее у насъ нѣсколькими словами.

— А шеперь, онъ ошдалъ за нее — болѣе, нежели жизнь, М. Г. — За вашу честь онъ ошдалъ свою честь. Нимѣшнимъ ушромъ, пожершвовавъ вашему мщенію званіемъ Миниспра, онъ надѣлся вашего смисхожденія. Но, когда возвратился я, и сказалъ о вашемъ упорствѣ, когда Графъ увидѣлъ, что рано или поздно шайна должна ошкрыться, онъ вскричалъ въ совершенномъ ошчаяніи: «Головы моей шребуешь эшошъ врагъ — онъ ее получишь!» — По выраженію взора его, я увидѣлъ, что Графъ рѣшился на что нибудь ошчаянное; но я не смѣлъ его спрашивашъ. «Слѣдуй за мною, Вольфрагъ!» сказалъ онъ. — Иду, куда идете вы, кошъ на край свѣша — вы всегда найдете меня готовога... Но Графъ не слушалъ меня — онъ былъ, какъ сумасшедшій. Вѣстѣ ошправились мы въ Ошшергеймскую крѣпость. Служъ ошспавкѣ Графа недостигъ еще шуда, и всѣ двери ошворнулись вередъ нимъ. Онъ прошель прямо въ шу комнату, гдѣ былъ заключенъ Баронъ Редельгеймъ, и находились въ эшо время всѣ посланные въ крѣвность заговорщики Золошнаго Оленя. Они поблѣднѣли при его появленіи, и не замѣшили, ни дикаго ошчаянія

въ его глазахъ , ни того ; что я пренесалъ .
« Зачѣмъ пришли вы ? Не порадоваться ли нашему несчастію ? » спросилъ Баронъ . Упреки , укоризны посыпались со всѣхъ сторонъ . Молча выслушалъ Графъ всѣ оскорбительныя слова враговъ своихъ , и когда первое движеніе негодованія ихъ прошло , сказалъ : — Прошу выслушать меня . Если всѣ вы хопише черезъ часъ бытъ свободными , и съ торжественно возвращишь ко Двору Максимилиана , это зависить отъ васъ . — « Еще злая насмѣшка ! » вскричалъ Баронъ . — Повторяю вамъ — опивчалъ Графъ — это зависить отъ васъ ! — « Но , что же надобно намъ дѣлать , » спросила Графиня Фридерика , « для возвращенія милости Ландграфа ? » — Погубишь меня , Графиня ! И , думаю , вашей ненависти ко мнѣ достанетъ согласишься на мое предложеніе — горячо возразилъ мой начальникъ . Арешанты , съ изумленіемъ поглядѣли другъ на друга , не смѣя вѣрять слышанному . Я угадывалъ все , и , не смотря на мои усилія , готовъ былъ плакать . « Вы должны оправить къ Максимилиану просьбу , которую сей часъ составляю я вамъ , и эта просьба погубишь меня , но , только одного меня ! Вы дадите мнѣ слово , что никогда и ничего не будете говорить противъ содержанія этой просьбы , и что подпишете ее всѣ . » Потомъ , обернувшись ко мнѣ : « Пиши , Вольфрагъ , что я буду диктовать , »

сказалъ Графъ, « а васъ прошу слушать внима-
тельно. » Со слезами взялъ я перо — мнѣ дол-
жно было писать смертный приговоръ Графа!
Всѣ заговорщики окружили столъ, къ которому
сѣлъ я, и, казалось, взвѣшивали каждое слово,
выговоренное Графомъ. Онъ диктовалъ мнѣ :

« Вѣрныя ваши подданные, жертвы робкой из-
мѣны, надѣясь, что вопль истины достигнетъ
до васъ, повергающъ къ стопамъ вашимъ обли-
ченіе величайшаго преступника. Графъ Општонъ
фонъ-Шпультгенъ, худо понимая нашу предан-
ность къ особѣ вашей, спарался вовлечь насъ въ
ужасный заговоръ, угрожавшій вамъ гибелью. . .

— Мы никогда не согласимся подписать эшо-
го! — вскричалъ Баронъ. — Мы сообщники за-
говора? Никогда, никогда! — повторили дру-
гіе. — « Просту позволишь мнѣ кончить, » хлад-
нокровно сказалъ Графъ. « Погибну только одинъ
я! » Онъ продолжалъ диктовать :

« Мы прищворно раздѣляли его умыселъ; но
только для того, чтобы имѣть ясныя доказа-
тельствва его преступленія, и предсавивши
ихъ вамъ. Злодѣй былъ ослѣпленъ. Онъ не ве-
далъ, что вмѣсто раздѣленія его преступныхъ
замысловъ, мы были охранителями вашими, го-
шовыми жертвовать за васъ жизнью. Прикажи-
те допросить Графа Шпультгена; узнайте, что

онъ спѣшилъ погубить насъ, и лишилъ всякаго средства изъяснить вамъ истину, почему единственно, что съ ужасомъ увидѣлъ наконецъ ейши, разставленныя ему нашею къ вамъ преданностию, »

— Подпишете-ли вы это? Откажете-ли мнѣ послѣ сего въ этой ужасной услугѣ? — спросилъ Графъ. — Я жертвую своею жизнью! Дайте мнѣ средство пожертвовать ею! — Графиня Фридерика плакала, шакъ, какъ я: она пошла все.. « Ошпонтъ! » сказала она, « я удивляюсь вамъ, я благоговѣю передъ вами! Человѣкъ, способный къ такой высокой спраси, дошопишь бышь любимъ женщиною, кто-бы она ни была!» Арестанты еще думали, чинали, не смѣли подписывать. « И вы еще колеблешесь? » сказалъ Графъ. « Передъ вами вѣрное средство приобрести снова благоволеніе Ландграфа, бышь главными при Дворѣ — и что еще, для этого надобно? Не мое-ли собственное призрачіе, что вы ничего не знали, что я былъ начальникомъ заговора, и шайныхъ собраній въ дворѣ Золошаго Олена? Не бойшесь: я не измѣню вамъ!» Онъ немедленно написалъ собственноручно два письма: одно къ Максимилиану, другое — къ вамъ, Г-нъ Ишпеннъ. — « Ко мнѣ? » вскричалъ Гюгъ, до слезъ распроганный словами Вольерага. Онъ схватилъ письмо Графа, и чиналъ слѣдующее :

« Навсегда убѣгая изъ той страны , гдѣ недоспоишь я жить , не хочу , М. Т. , оставивъ на совѣсти моей того , что я оклеветалъ невинную вашу сестру . Смиъ объявляю , что я никогда не видалъ и не зналъ ея . Ложный слухъ , распущенный мною о преступной ея со мною связи , прикрывалъ преступленіе болѣе важное , о которомъ вы скорѣ узнаете . Двадцать благородныхъ свидѣтелей , невинно страдавшихъ въ Општергеймской крѣпости , засвидѣтельствуютъ , что вечеромъ 15-го Сентября былъ я съ ними въ корчмѣ Золотого Оленя . Да проститъ мнѣ ша , копорую клевета моя безчестила въ глазахъ честныхъ людей .

Графъ Оттонъ фонъ-Шкульгетъ.

Чувство удивленія къ человеку , котораго преслѣдовалъ онъ такъ жестоко , овладѣло душою Гюга , когда Гюгъ прочелъ это письмо . « Ахъ ! если у него нѣтъ пристанища , пусть идетъ онъ ко мнѣ , пусть пребудетъ всего , самой жизни моей ! » вскричалъ Гюгъ .

— Онъ пребудетъ *только письма* Клементины . Теперь опдадите-ли вы его ?

« Вошь оно ! » сказалъ Гюгъ : « Оно всегда было со мною ; я не распечатывалъ , и не отдавалъ его никому . . . Но , скажите , что-же сдѣлалось съ просьбою ?

— Ее подписали всѣ , и отправили по назначенію. Въ то-же время , Максимиліанъ получалъ письмо Графа, подтверждавшее просьбу его враговъ , и показанія ихъ. . .

« Гдѣ-же Графъ теперь? »

— Онъ скрылся ; я свѣшу въ его тайное убежище. — Вольфрагъ вышелъ. Гюгъ бросился за нимъ. Завернувшись въ плащъ , Опшонъ ходилъ назадъ и впередъ неподалеку, и непрерывно водождался вѣрнаго Вольфрага. Видя , что за нимъ бѣжитъ еще кто-то, Опшонъ ужаснулся.

« Графъ ! » сказалъ Гюгъ — « я не хотѣлъ довести васъ до такого несчастія ! »

— М. Г. — оштрафовалъ Графъ — каждый изъ насъ исполнялъ свою обязанность , и каждый получилъ достойную плату : вы — угрызеніе совѣсти ; я — гибель ! — Онъ удалился.

Въ самый день бѣгства Опшонова , возвращены были ко Двору арестованны Опшергеймской крѣпости. Опшона судили заочно. Опредѣлимъ справедливость Барову и друзьямъ его : по ихъ просьбѣ Графъ Шпульгенъ былъ осужденъ только на вѣчное изгнаніе. Клементина ничего этого не узнала : смерть уже избавила ее въ это время отъ несчастій и спраданій. Ансельмъ возвратился въ О * * * ; Еленѣ снова дали мѣсто въ кирхѣ , въ общественныхъ панацахъ , и

въ добромъ мѣнѣн. Гюгъ положилъ письмо Графа подлѣ листочка Библии, на которомъ означенъ былъ день рожденія сестры. Но никогда не открывалъ онъ послѣ сего Библии безъ того, чтобы слезы не навернулись въ его глазахъ, и вздохъ не вылетѣлъ изъ его груди. « *Честь женщины дорого стоитъ!* » говаривалъ онъ (*).

(*) Сочиненіе Французскаго автора, который скрываетъ настоящее свое имя, подъ именемъ *М. Реймона*. Мы читаемъ въ Сѣверной Пчелѣ, что книга, изъ которой взята нами сія повѣсть (*Daniel le lapidaire, ou les contes de l'atelier*, 2 т. Парижъ, 1832 г.) вполне переводится на Русскій языкъ. Извѣстіе пріятное; читателямъ могутъ судить о книгѣ по образчику. *Изд. Тел.*

Путешествіе ко святымъ мѣстамъ, въ 1830 году.
Двѣ части. Съ эпитафіемъ: *Благословенъ Господь
 отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ.* СПб. 1832 г. въ
 ш. III-го Ошд. собшвенной Его Императорскаго
 Величества Канцеляріи, in-8, IV н 298, VI н 244
 стр. съ планомъ Іерусалима.

Сердечными желаніями успѣха въ пути и благо-
 получнаго возвращенія напушествовали мы юнаго
 соотечественника нашего, когда услышали, что
 по возстановленіи мира съ Турціею, ошложивъ мечъ
 война, онъ взялъ посохъ Паломника, и ошправил-
 ся поклониться святому Гробу Спасителя. Читате-
 ли приномнятъ пѣснь, какую прислалъ тогда
 поэтъ-воинъ, при ошправленіи своемъ въ далекій,
 шрудный путь (Телеграфъ, 1830 г. ш. XXXI, стр.
 314). Вѣра подкрѣпила силы его, и сохранила его среди
 опасностей. По возвращеніи своемъ, онъ рассказы-
 ваетъ шеперь своимъ сошчицамъ видѣнное, слы-
 шанное, испытанное имъ. Разсказъ этотъ особен-
 но любопытенъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи, путеше-
 ствіе по Европѣ не можешь, ни бышь для насъ
 предметомъ подобнаго любопытства, ни нѣтъ
 равной важности. Что хотѣлъ-бы сказать путеше-
 ственникъ, то, или уже давно сказано, или не
 можешь бышь сказано, или не можешь бышь даже
 замѣчено, схвачено въ быстрой прогулкѣ путеше-

сшвенника. Оспающся собшвенные взгляды страншвователя ; но много-ли шакихъ людей, кошорныхъ не сказанное еще никѣмъ прежде ихъ внушши-бы самыя высокіе предметы природы, или челоѣтскаго общешва — снѣга Альпійскіе, развалины Римскія, гражданшвенность Англійская, дикость Испанская ? Избави насъ Богъ отъ поэшическихъ думъ и мыслей, какія многымъ внушающъ Римъ и Греція; избави также отъ мыслей, протъавныхъ сквозь рѣшешо справокъ и цншатъ, и отъ описаній и открьшій, загошвленныхъ по позвращеніи пушешешвенника въ его кабинетъ ! Европа живешъ не на площадяхъ и не на улицахъ, и узнавашъ ее надобно не перѣздомъ изъ одного города въ другой. Но Восшокъ иное дѣло. Онъ весь наружъ, весь на показъ, и живешъ внѣшною жизнью, какъ молодой наслѣдникъ стараго опца. Жизнь эта не заключена въ шншннѣ кабинетшвовъ и въ пыльных бумагахъ. Восшокъ непрешнно надобно видѣтъ, чтобы поняшъ, и видя его поняшъ можно многое, даже въ быспромъ обзорѣ. Кромѣ шого, мы шакъ мало слышнмъ о Восшокѣ. Пушешешствіе въ самую Испанію сдѣлалось прогулкою, а въ Лондонъ изъ Петербурга можешъ сѣздитъ въ концершъ — шакъ поѣздка эта легка и недорога. Совѣшмъ другое Восшокъ, гдѣ подлѣ развалинъ дрѣвняго образованія кочуюшъ орды и чума, и жизнь общешвенная проявлешся въ дикнхъ, странннхъ формахъ.

Чшо сказали мы о Восшокѣ вообще, шб, часшно, можемъ прившнш къ Палестннѣ. Какъ въ Египетѣ безпрерывно прѣзжающъ шорговцы Европейскіе,

такъ въ Иерусалимъ всегда стремились поклонники, со всѣхъ сторонъ свѣта. Въ рѣдкомъ № Московскихъ Вѣдомостей не найдете вы извѣстiя объ ошѣзжающихъ въ Иерусалимъ поклонникахъ Русскихъ. Но что они, большею частiю, старики и старухи, люди низшихъ сослоянiй, и необразованные, скажутъ намъ? Одно, всепоглощающее чувство вѣры въ смиренiя ведетъ ихъ, часто заславля въ пути пѣваться милослынею! Иерусалимъ все еще остаешся особенно любопытнымъ для насъ, по самой рѣдкости Русскихъ, и вообще новыхъ извѣстiй о нынѣшнемъ его сослоянiи.

Правда, издревле имѣемъ мы, и можемъ предсавить нѣсколько описанiй Иерусалима, и рядъ ихъ продолжается до нашего времени. Еще въ XII-мъ вѣкѣ *Даниль Игуменъ* былъ тамъ, бесѣдовалъ съ *Гошшорфомъ*, царшвовавшимъ тогда въ Иерусалимѣ, и оставилъ описанiе (оно донныи не издано). Трифонъ Коробайниковъ описалъ Иерусалимъ въ XVI-мъ вѣкѣ (это описанiе было напечатано много разъ). Подробное описанiе, сдѣланное Сухановымъ, Кеаларемъ Троицкой Лавры, по которому Никонъ выстроилъ Воскресенскiй Новый Иерусалимъ, относится къ половинѣ XVII-го вѣка. Пѣшеходъ Григоровичъ — Маркъ-Павелъ нашего престолярiя (шестое изданiе его книги, СПб. 1819 г.), и Мелетiй, монахъ Саровскiй, писавшiй подъ руководствомъ извѣстнаго Иерарха Никифора Феошюкiя (напеч. свою книгу въ М. 1800 г.), описывали Палестину въ XVIII-мъ вѣкѣ. Не упоминаю о двухъ важныхъ путешешествiяхъ нашего времени (Вашня-

кова и Новикова, изд. въ М. 1813 г., и Бронникова, изд. въ М. 1824 г.), укажемъ на любопытныя ошривки изъ пушешествія просвѣщеннаго соотечественника нашего, кшорому, вѣроятно, важнѣйшія, государственныя занятія не позволили издать его вполнѣ. Мы говоримъ о *Д. В. Дашковѣ*, помѣщавшемъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* ошривки изъ своего пушешествія.

Кромѣ сихъ ошривковъ, почти все, что прежде и нынѣ писано объ Іерусалимѣ Рускими, состоить или изъ сухихъ топографическихъ подробностей, или изъ благочестивыхъ возгласовъ и разсказовъ. Чтаете Коробейникова, или Мелешія, и ни сколько не одушевляеши передъ вами святое мѣсто спрасей Господнихъ, колыбель нашего спасенія.

Противоположное этому представляеть книга, изданная новымъ странствователемъ нашимъ. Онъ посѣщилъ святыя мѣста и описываетъ ихъ, какъ поэтъ, какъ просвѣщенный наблюдатель, и какъ Христіанинъ. Прибавитъ къ этому свѣжестъ извѣстій и прелестъ новостми описаній. Если мы скажемъ еще, что Авторъ умѣлъ уравнивать объѣзды разсказа о самомъ себѣ съ описаніемъ того, что не было сказано другими, объ Іерусалимской топографіи; если мы скажемъ читателямъ, что хотя главный предметъ книги составляеть *Іерусалимъ*, но Авторъ описываетъ также пушешествіе свое до Іерусалима и изъ Іерусалима обратно, то они, конечно, согласятся, что мы хотимъ указать нѣтъ на книгу, почто достойную особаго вниманія.

Именно въ достоинство крѣги этой посвящаемъ мы, какъ-то, что Авторъ не собою, но щѣмъ, что видѣлъ, занимаешь чинашеля, шакъ и то, что онъ повѣстываетъ видѣнное и замѣченное имъ, а не составляетъ своего путешествія изъ выисокъ. Послѣ Шапобриана, который для Русскихъ чинашелей высшаго разряда составляетъ по-же, что Григоровичъ для нашего (*), можете чинашъ новое путешествие въ поученіе себя, и съ любопытствомъ.

Авторъ находился въ Дѣйствующей арміи, бывшей подъ начальствомъ Графа Дибича. Кратко описываетъ онъ вначалѣ переходъ черезъ Балканы, занятіе Адрианополя, и миръ съ Турціею. «Тогда расположенный грустію и навывкомъ долгихъ лишеній (стр. 14) къ предпріятію шажкому, рѣшился я (говоритъ онъ) слѣдовать наконецъ давнишнему влеченію сердца, и преодолевъ любовь къ родинѣ, которая меня къ себѣ манила, пустился въ новый, дальній путь, отъ раннихъ лѣтъ начертанный въ моихъ мысляхъ, къ священной цѣли, которой уже не могъ миновать на жизненномъ поприщѣ.»

При такомъ скромномъ упоминаніи, Авторъ не говоритъ намъ того, что не скрываютъ знавшіе

(*) Книга Шапобриана: *Itinéraire de Paris à Jérusalem*, etc. переведена была дважды на Русскій языкъ, Княземъ П. И. Шаликовымъ (М. 1815 г. 3 ч.) и Свящ. Іоанномъ Граціанскимъ (СПб. 1815 г. 3 ч.).

его товарищи. Юная, пылкая душа увлекла его, сына родителя, уважаемаго по заслугамъ и душевнымъ свойствамъ, подъ знамена бранноносныя, отъ тихихъ занятій учебіемъ, и отъ досуговъ поэзіи. Судьба хранила юнаго поэта среди ужасовъ брани, и среди гибели, которая окружала войнновъ нашихъ въ войнѣ съ Турками. Онъ былъ утѣшителемъ согражданъ, страдавшей, умиравшей окрестить него, и чувство Религіи всегда одушевляло его, и при одрѣ страдальцевъ, и въ кровавыхъ стѣчахъ. Это глубокое чувство повело его впоследствии ко Гробу Господню. Трогательный разговоръ Автора съ Героемъ Забалканскимъ, у котораго просилъ онъ позволенія отправиться для поклоненія Святымъ мѣстамъ. Въ Бургасѣ простился нашъ странникъ съ товарищами, и наканунѣ 1-го Января 1830 года, изъ Сизополя отправился, на Русскомъ военномъ кораблѣ, въ Царьградъ.

Февраля 8-го, изъ Царьграда, на Венеціанскомъ кораблѣ, отправился путешественникъ нашъ въ Египеть. Здѣсь, осмотрѣвъ Александрію, по Нилу прибылъ онъ въ Каиръ, видѣлся съ Магомешомъ-Али, взглянулъ на Пирамиды, на остатки Мемфиса, и по Сирійской степи пробрался въ Палестину. Кратко описывая все до сего главнаго предмета своего странствованія (стр. 1—203), Авторъ занимаетъ большую половину своего сочиненія (стр. 203—298, 1—160) описаніемъ Іерусалима и его окрестностей. Онъ возвратился черезъ Акру, Тиръ, Бейрутъ, откуда отправился моремъ въ Смирну. Корабль его приспавалъ еще къ Кипру. Изъ Царьграда отправился путешественникъ прямо въ Одессу.

Не ищите подробных, систематических описаний в двух небольших книгах, в которых заключается взгляд на столь многое и разнообразное. Это, говоря собственно, замѣтки. Но многое изъ сихъ замѣтокъ поясняетъ обстоятельствомъ лучше длинныхъ повторовъ стараго, или общихъ мѣстъ.

Постоянно хранилъ въ сердцѣ своемъ нашъ странникъ память о родинѣ. Имя *Рускаго* доставляло ему уваженіе всюду. Русь оглушила шеперь Востокомъ громомъ побѣдъ, и фаталистическое преданіе Востока, о томъ, что Рускіе возмущъ Царьградъ и низложатъ Турцію, получило почти положительную достоверность въ глазахъ Мусульманъ послѣ Адрианопольскаго мира. Нашему страннику, *Бензаде Московскому*, часто не смѣли противорѣчитьъ, въ такихъ случаяхъ, гдѣ ничто другое не могло убѣдить гордаго Турка, ни деньги, ни просьбы. Передъ прїѣздомъ его въ Иерусалимъ разнесся даже странный слухъ объ немъ. Говорили, будто онъ начальникъ отряда Рускихъ, назначеннаго завоевать Иерусалимъ, и это встревожило Мусульманское начальство Иерусалима. Эмиръ племени Мугамедова, показывая ему домъ свой, сказалъ со вздохомъ: «Будше къ намъ благосклонны. Чувствуемъ, что здѣсь все ваше, или будешь вашимъ. Но, да исполнися воля Судьбы!» Иерусалимскій Мусульманъ вѣжливо разговаривалъ съ нимъ о родинѣ своей, Абхазіи. Услышавъ, что эшотъ Мусульманъ родомъ изъ Сухумъ-Кале, нашъ соотечественникъ поздравилъ его землякомъ. «Какъ : давно-ли?» спро-

силъ изумленный чиновникъ. Узнавъ, что родина его уже подвластна Россіи, онъ изъявлялъ радость, что видишь Русскаго. *Народъ Московскій далеко оставилъ за собою все племена Франковъ* — прибавлялъ онъ.

Трогательны всѣ мѣста, гдѣ Авторъ разсказываетъ о предмѣсахъ, напоминавшихъ ему на Востоку милую родину. При церкви Св. Гроба, въ Иерусалимѣ, онъ нашелъ нѣсколько Русскихъ монаховъ и послушниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ некогда вахтиспромъ въ Конной Гвардіи, рывился, посажъ ошешавки, посвятивши себя Богу, уѣхалъ въ Иерусалимъ, и остался тамъ навсегда монахомъ. Онъ живо еще помышлялъ Русь и былую службу свою. Вънѣ забавный случай: садясь на лошадь, чтобы ѣхать съ иущешественикомъ нашимъ къ Иордану, онъ никакъ не могъ приладить по ногамъ корешникъ Арабскихъ стремень, и съ досадою говорилъ: «Послалъ бы я васъ, бусурмановъ, на ординарцѣ къ командиру нашей Конной Гвардіи, такъ онъ научилъ-бы васъ порядку, а ню вамъ здѣсь своя воля!» — Другой Русскій монахъ, Павсій, бѣжалъ еще изъ Запорожской Сѣчи; шеперь ему 80 лѣтъ, и онъ служилъ переводчикомъ для Русскихъ. Нѣсколько чело-вѣкъ бѣжало изъ плѣна у Турковъ и Персіянъ, и осталось въ Палестинѣ. «Всѣ они, составивъ себѣ особенный, странный языкъ, смѣсь Греческаго и Русскаго, для объясненія съ Духовенствомъ, приняли на себя различныя должности, и такимъ образомъ живутъ, хошя и скудно, среди всеобщаго голода и нищеты: Иной печеть прѣсѣбры и хлѣбы,

другіе смотрятъ за маслинами, огородами, дошаками. Въ обители Св. Саввы, изъ 17 монаховъ, половина Рускихъ. «Всѣ они преклонныхъ лѣтъ, и облеклись въ схиму, по даннымъ обѣщанъ за исцѣленія отъ тяжкихъ болѣзней, или чумы.» Но въ келліяхъ у нихъ, Авшоръ видѣлъ каршинки, изображающія событія 1812 года. Инокіи смотрятъ на эти каршинки, вспоминають иногда Россію, и утѣшающся памятью бываго, отречьшійся міра, и стояя при дверяхъ могилы, безъ всякой уже надежды увидѣшь когда нибудь свою родину. Въ этой-же обители Авшоръ видѣлъ портретъ Мазены, писанный масляными красками, съ гербомъ его, и Латинскою надписью. Преданіе говоритъ, что Мазена приходилъ въ Іерусалимъ, испрашивалъ разрѣшенія въ проклятіи отъ четырехъ Пашіарховъ, а въ заврѣ Св. Саввы оставилъ богатые дары, и на память портретъ свой, прося брашію молитъ о спасеніи его души. — На дорогѣ изъ Іерусалима въ Наблусъ, Вилеємскій Арабъ встрѣтилъ нашего путешественника, ѣхавшаго со многими другими. Узнавъ, что онъ Рускій — «Московскій Бейзадей!» сказалъ Арабъ, «я Христіанинъ. Скажи мнѣ: скоро-ли Царь вашъ освободишь Свяшую землю? Мы всѣ его. О, да избавишь онъ насъ отъ ига языческаго.» — Въ Египтѣ, близъ Пирамидъ Сахарскихъ, кладбища Мемфисскаго, путешественникъ остановился въ хижинѣ отшельника, Француза. Этотъ путешественникъ былъ некогда военномъ Наполеона, участвовалъ въ грозномъ походѣ 1812 года, видѣлъ пожаръ Москвы и испыталъ ужасы Русской зимы.

Имя *Наполеона* неизгладимо вѣзалось въ Пирамиды Египта и въ сѣни Сирийскія. Тамъ все еще говоришь объ его походѣ, его имени, на раду съ именами Римлянъ и Восточныхъ завоевателей. Восшокъ облекъ и Наполеона въ свой мнѣстскій покровъ. «Нашествіе Наполеона сдѣлало эпоху въ Египтѣ, подобно какъ въ Россіи 1812-й годъ.» Тамъ еще помнишь Клебера. Идя однажды по улицамъ Александріи, Авторъ всирѣтился съ нищимъ, слѣпымъ Арабомъ. Проводникъ сказалъ слѣпцу, что это Франкъ, и слѣпецъ, чисто по-Французски, проговорилъ ему: «Гражданинъ! дайте милостыню бѣдному Арабу!» — Авторъ не упоминаетъ о преданіи, существующемъ въ Египтѣ, будто гений, известный нѣкогда на землѣ подъ именемъ: *Бонапберджи* (Бонапарше), является нынѣ на вершинахъ Пирамидъ, сзываетъ и обзрѣваетъ воздушные поля свои. Такъ у насъ въ Россіи, простолоудины дѣтны не вѣрятъ, что Наполеонъ умеръ, и думаютъ, что онъ только скрывается, и явится нѣкогда снова, въ новой ужасающей силѣ, и всѣ Цари земные соберутся опять сражаться съ нимъ. Сколько поэзіи въ такихъ народныхъ повѣртіяхъ! Прекрасна мысль нашего путешественника, въ то время, когда онъ завидѣлъ «зубчатые стѣны многобашенной Акры, и ея легкіе минареты. Это *одинъ конецъ* шой завѣтной черпы,» думалъ онъ, «которую Восшокъ поставилъ предъ исполномъ Запада; *другой конецъ* ея въ Кремль, и объ эту завѣтную черпу разбился колоссъ его величія!»

Последнія событія на Восшокъ заславляютъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ читаешь все, что

говорятъ Ашоръ о цыптыннежъ сослоиіи Египта и Сиріи. Жаль, что онъ не изобразилъ намъ замѣчательнаго Ибрагима-Пашу, котораго вѣдѣлъ въ Александріи. Мугаммедъ-Али пригласилъ его къ себѣ, на другой день по прибытіи его въ Каиръ. Вечеромъ отправился къ нему нашъ *Бейзаде*, со многими факелами, и съ двумя ящиками, которые еще не перешли въ Египтъ носить имя Января. «Во прахахъ крѣпости Эль-Азабъ (говоритъ Ашоръ) встрѣтилъ я малолѣтняго внука Мугаммеда-Али, Аббаса-Пашу, ѣдущаго на молитву въ мечеть Гассана, при свѣтѣ многочисленныхъ огней, озарявшихъ пышную свѣшу и богатоубранныхъ лошадей. Они мелькнули и исчезли, и дикія башни цитадели снова погрузились въ густой мракъ, который уже не прерывался до самаго дворца. Множество коней и лошаковъ, конь владѣльцы сидѣли на совѣщаніи въ государственномъ диванѣ, наполнили дворъ, и ихъ черные саусы, вмѣстѣ съ стражами Паши, шолпились у крыльца. Я взошелъ въ верхнія залы. Тамъ, передъ пріемною комнатою Мугаммеда-Али, придворные его сидѣли на колынахъ, на разостланныхъ во всему полу цыновкахъ, и шворили послѣднюю молитву рамадана, молясь вмѣстѣ и о благоденствіи Паши, который, по своему сану, былъ избавленъ отъ общей молитвы, и спомойно сидѣлъ въ концѣ обширной залы, куда ввели меня, по окончаніи духовнаго обряда. Крѣпкое сложеніе обѣщаетъ еще долгую жизнь шестидесятилѣтнему Пашѣ, если только не прервутъ оной Царяградскія Парки. Умное и пріятное выраженіе

Іюнь 1832.

34

лица, и сѣдая окладистая борода, дающъ масши-
шному спарцу величавую наружность, которая спа-
новилась еще привлекательнѣе при его ласковыхъ
рѣчахъ и вѣжливомъ обращеніи. Чалма и одежда но-
сятъ оппечашокъ любви его къ роскоши, и ярко
горитъ алмазами вся принадлежащая ему утварь.
Онъ рѣдко окружаетъ себя многочисленнымъ дво-
ромъ своимъ; болѣе склонный къ обществу Фран-
ковъ, любитъ бесѣдовать съ ними о своихъ заве-
деніяхъ и шорговлѣ, вывѣдывая новости политиче-
скія, и въ ихъ кругу нашелъ я его при моемъ
представленіи. Всѣ спояли. — Еще издали привѣт-
ствовалъ меня Паша, и посадилъ близъ себя на
бархашномъ диванѣ, обкладенномъ парчевыми по-
душками, который окружалъ всю залу, ушланную
Египетскими, шонками цыновками. Ему поднесли,
на кофѣяхъ, блестящій алмазами калянъ, и намъ
обоямъ подали кофе; въ чашкахъ устьянныхъ бриль-
яншами. Придворный драгоманъ служилъ между на-
ми посредникомъ. Я просилъ его изъяснить Пашѣ,
какъ сладостно для меня бытъ въ обласныхъ его
домѣ нашего великаго народа, исполненнаго ува-
женія къ свѣдому преобразовашелю сихъ древнихъ
спранъ, котораго благодашна рука, какъ вшорой
Нилъ для Египта. — Мугаммедъ-Али, благодаря
меня за привѣтствіе, сказалъ, что онъ всегда ра-
дуется посѣщашеламъ Египта, особенно Рускимъ,
въ которыхъ всегда находилъ людей оппѣнно при-
ятныхъ и благородныхъ, жалѣя только, что он-
даленіе Россіи доспашало ему слишкомъ мало слу-
чаевъ знакомшсыя съ ея урожденцами, ибо и самыя

наши Коллегалы всегда избираемы были изъ иностранцевъ. — Въ свою очередь благодарилъ я Пашу, за то выгодное мнѣніе, которое онъ имѣлъ о моихъ согражданахъ, увѣряя его, что довольно было и немногихъ Русскихъ путешественниковъ, чтобы распространить въ Россію молву о благосклонномъ приѣмѣ и покровительствѣ, которыми пользуются въ Египтѣ иностранцы. — Правда, я люблю чужеземцевъ, отвѣчалъ онъ, и вѣрно, во все шеченіе моего владычества, никто изъ Франковъ не пожалуется въ Европѣ на притѣсненіе отъ Мугаммеда-Али. Тогда пожелалъ онъ знать причину моего прѣзда. — Я богомолецъ, отвѣчалъ я. Иду поклониться Св. Гробу въ Иерусалимъ; но приставъ въ Александріи къ берегамъ Египта, хотѣлъ я на пути своемъ подивиться древнимъ чудесамъ его, и представившись его нынѣшнему владыкѣ, о которомъ сколько слышалъ. Въѣхавъ съ шѣмъ, я просилъ у него средствъ и позволенія видѣть всѣ знаменитыя древности, какъ Египетскія, такъ и Арабскія, и покровительства его въ пустынѣ. — Все вамъ будетъ открыто, сказала Паша; что же касается до Бедуиновъ, то не спрашиваетесь ихъ набѣга; я совершенно успокоилъ пустыню, и самъ ручаюсь за вашу безопасность. — Тогда начался живой разговоръ о событіяхъ послѣдней войны Турецкой, о положеніи Султана, въ отношеніи Союзныхъ Державъ, объ успѣхахъ нашего оружія и условіяхъ мира. Мугаммедъ-Али судилъ обо всемъ очень здраво и откровенно, старался узнать о числѣ войскъ и больныхъ, не вникая въ нѣкія подробно-

слики бить, и всего болѣе дивился рѣшительности Судшана объявить войну тремъ сильнымъ державамъ, когда, по словамъ его, едва-ли Востокъ, ежедневно совершенствуемый, по нынѣшнему своему направленію, чрезъ сто лѣтъ будетъ только въ силахъ бороться съ второсепенною державою Европы. О семъ пророчесътвуетъ онъ своими глаукамъ, чтобы въ свое время, они отдали справедливостъ дѣду, при которомъ еще недавно правотѣрные умъ-ли только кричали: *нѣтъ божества кромѣ Аллаха и Мухаммеда, его пророкъ!* — Не могу описать всѣхъ подробностей пріятной бесѣды, которая продолжалась около часа, оставивъ навсегда глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. Благосклонный Паша сдержалъ данное слово, и на другой-же день явился ко мнѣ одинъ изъ его стражей, во все время ошъ меня не оплучный. Выстѣ съ нѣмъ были открыты для меня всѣ мечети столицы, и самый Мекасъ или Нилометръ, на островѣ Родѣ, не вѣтъ показываемый; но, къ сожалѣнію, я не успѣлъ воспользоваться симъ послѣднимъ позволеніемъ.»

Нашъ путешественникъ обозрѣвалъ пошомъ многочисленный шаборъ воиновъ Пашы, на берегу Нила. «Послѣ мертвой тишины лѣваго берега Нила, наполненнаго только великими воспоминаніями развалинъ — страненъ былъ внезапный переходъ въ шумный станъ сей, гдѣ дикими толпами шѣсвняся, вокругъ разсѣянныхъ вдоль рѣки шапровъ, войска Пашы, ни въ какое время года не измѣняя ко-чующей жизни своей. Здѣсь, съ перваго шага,

пропадаетъ очарованіе древняго Египта, и его новые обладатели являются въ своемъ истинномъ видѣ. Черныя, смуглыя, бѣлыя лица воинствъ неспрѣяшю въмѣстѣ съ ихъ разнообразными одеждами. Совершенный безпорядокъ царствуетъ въ семъ обширномъ полчищѣ, которое только въ строю заслуживаетъ названіе регулярнаго. Франки, посвятившіе себя его образованію, должны влечить горькую жизнь въ семъ невѣжественномъ кругу, не пользуясь уваженіемъ ни подчиненныхъ, ни самого Паша, который пренебрегаетъ ими, какъ наемниками, назначивъ большую плату, не всегда исправно выдаваемую; въ шеченіе знойнаго лѣта, одинъ только намѣтъ защищаетъ ихъ отъ горящаго неба Египта. По ловкой осанкѣ, легко можно отличить ихъ отъ сей грубой толпы; но ихъ немного мелькаетъ на пространствѣ всего лагеря, который шянется до самаго Каира. Около ста тысячъ войска поддерживаетъ могущественное имя Мугаммеда-Али; въ числѣ оныхъ до 50,000 одной пѣхоты, 10,000 артиллеріи и машрозовъ, и столько-же конницы. Въ бытность мою, Паша набирала еще нѣсколько конныхъ полковъ, изъ Негровъ и Нубійцевъ, особенно способныхъ къ сему роду службы; но мнѣ не удалось видѣть коней ихъ, потому, что въ весеннее время года они всѣ выпускаются на зелень, столь рѣдкую въ Египтѣ. До 30,000 Бедуиновъ готовы поднять оружіе на рубежѣ степи, при первомъ вызовѣ Паша, ибо ихъ Шейхи находятся въ столицѣ. Вообще, войска Египетскія, обучаемыя нынѣ на Европейскій ладъ, къ кошоро-

му легче привыкають ловкіе и живые Арабы, нежели тяжелые Турки, могутъ смѣло сослѣзаться съ полчищами Африки и Азіи.»

Ибрагимъ-Паша почти не выходилъ изъ Александрійскаго арсенала, во время пребыванія въ Александріи нашего собщественника. «Онъ занимался прилежно устройствомъ флота и войскъ, какъ будто Египетъ готовился къ сильной борьбѣ.» Въ Каирской цитадели, гдѣ живешь самъ Мугаммедъ-Али, въ арсеналѣ работало до 1000 человекъ: лили пушки, ковали оружіе, готовили конскую сбрую. Мугаммедъ ласково простился съ нашимъ путешественникомъ, бесѣдовалъ съ нимъ болѣе часа, и, по видимому, оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ обласканнаго имъ Русскаго странника. Конечно, для великихъ событій на Востоцкѣ, потребны, желѣзные люди подобныя Мугаммеду, и трудно судишь о немъ, пошому, что онъ является теперь однимъ изъ мощныхъ орудій Провидѣнія. Но, намъ кажется, что все, сдѣланное Мугаммедомъ, всѣ плоды его дѣятельнаго генія: жизни, возбужденная среди дикихъ развалинъ и степей, каналы, сады, торговля, крѣпости — слишкомъ уже закрыли въ глазахъ нашего соотечественника сущность дѣяній Египетскаго Паша. Отдавая справедливость его уму и трудамъ, почему не сказать въ то-же время, что Мугаммедъ возмыслился кровью и измѣною, живешь, какъ тиранъ, и мыслишь не о благѣ — которое изведешь Провидѣніе изъ самыхъ злодѣйствъ его, безъ всякаго сомнѣнія — но объ удовольствованіи

только своего ненасытнаго властолюбія и эгоизма? Для этого роешь онъ каналы, велишь учиться, шорговашь, воевашь, и наконецъ дерзаетъ положить свой мечъ и свою голову въ чашку шѣхъ въсовъ, у которыхъ въ другой чашкѣ лежишь дряхлая мощь Оштоманской Имперіи. Впрочемъ, съ эшимъ мнѣніемъ согласенъ и нашъ путешественникъ. «Уважаемый въ Сиріи, грозный въ Аравіи и покоренной Африкѣ, Мугаммедъ-Али (говоришь онъ) высоко спонилъ между владыками Востока, и спалъ бы еще выше, если-бы угнетенный прудами и налогами народъ не споналъ подъ игомъ жестокой монополіи обогащающей одну только жазу Паши, недоспашочную для его исполнскихъ замысловъ, ибо, склоняясь къ спаросши, онъ самъ хочешъ насладиться своими успѣхами, мало надѣясь на будущее тамъ, гдѣ ничего не принялъ ошъ прошедшаго.»

(Окончаніе впрѣдъ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— *Досуги Инвалида*. Часть первая. Въ двухъ книгахъ: въ первой VIII и 198 стр., во второй 280 стр. in-8. М. 1832. Въ ш. Спешанова.

Сочинитель сей книги, В. А. Ушаковъ, не написалъ своего имени на заглавномъ листкѣ, но вписалъ его, собственноручно, подъ дозволеніемъ Цензора, въ каждый печатный экземпляръ Первой Части *Досуговъ Инвалида*. Новое средство извѣщать о себѣ. Для меня, однакожь, дорого совѣтъ не средство, а самое извѣщеніе. Пріятно знать напередъ, съ кѣмъ будешь имѣть дѣло, и потому-то я люблю видѣть на челѣ книги имя автора, напечатанное черными или красными чернилами, курсивными или прописными буквами, усовершенствованными Дидошовскими ляншерами, или, въ первобытной простотѣ, заставляющей чтить Гумпенберга, написанное рукою самого шворца книги. И не то нужно мнѣ, чтобы знать: Бакалавръ-

ли Университета, Действительный-ли *Штатскій* Совѣтникъ; или Профессоръ *Енциклопидіи* трудился для моего удовольствія или пользы. Скажише мнѣ автора для того, чтобы я могъ судить, какова будешь бесѣда съ нимъ. Можешь быть, зная прѣжніе подлоги его, я откажусь отъ чести посвятивъ ему нѣсколько часовъ времени. Съ извѣстными людьми, сказано мнѣ, сказано все. Я не заглядывая въ книгу куплю Записки Дидерота или новую Комедію Грибоедова, и, если угодно, откуплюсь отъ Записокъ Г-на N. N., или отъ новѣйшей Комедіи ШЗ. Авторъ глупой книги ошмыкаетъ у меня первую драгоценность: время. «Страница, которая не засхавишь меня подумать о чемъ нибудь, въ какомъ-бы родѣ ни была она, хуже воровства! Воръ крадетъ деньги, но деньги вещь важная; а время кто мнѣ отдастъ? Я лучше буду спрощать замки въ дыму трубки моей, чѣмъ молотить пусшую содому.» Это сказано, конечно, по Шекспировой мысли, только не совѣмъ. Я прибавилъ-бы: Глупый писатель хочетъ отъ меня денегъ за свою книгу: очень радъ! Но на что ему мое время? Самъ онъ не дѣлается отъ него богаче, а у меня беретъ то, чего не можешь возвращать.

Виновать! Увлекся примѣромъ В. А. Ушакова, который не врагъ ошшупденій... Къ дѣлу.

Имя сего Писателя напомнило мнѣ *Киргизъ-Кайсакъ*, и слѣдовательно нѣсколько пріятныхъ впечатлѣній. Я развернулъ первую книгу *Досуговъ*

Иногда, в нашель въ ней новѣшнѣ, писанеюванную: Матушка-Мадамъ. Чшо эшо шакоѣ ?

Одинъ молоденькій офицеръ прїѣхалъ въ Русскую армію во время осады Очакова. Зима была холодная; осада длилась. Чадолюбивая мать молодого офицера спосковалась по немъ и начала звать его домой, ошдохнуть. Онъ не поѣхалъ. Она ошправдала, просишельныя письма къ разнымъ особамъ, и между прочимъ къ Князю Пошешнину. Тутъ-же приложилъ она письмо ошъ одной знакомой *Мадамъ*. Князь призвалъ къ себѣ молодого офицера, и, чшо называется, *вымыль ему голову*, повшорилъ нѣскожько разъ слова: *Матушка* и *Мадамъ*, *Матушка-Мадамъ* (*). Эшо заставило насмѣхашься надъ молодымъ офицеромъ. Его начали дразнить словами: *Матушка-Мадамъ*. Послѣ взятія Очакова, онъ, раненый, возвратился къ Матушкѣ, и ша хотѣла было женишь его на богатомъ уродѣ, но при помощи дяди, извѣшнаго въ романахъ и комедіяхъ моряка-резонѣра, онъ избавился ошъ эшой бѣды, уѣхалъ ошашъ въ армію, наконецъ вышелъ въ ошспавку и доживалъ свой вѣкъ Губернскимъ Предводителемъ. На многихъ страницахъ Матушка-Мадамъ бешеть служанокъ, бранишь мужа, ругашеть сына и чущь не сводить его съ ума.

(*) Не Князь Пошешкинъ, а Крыловъ изобрѣлъ, или, точнѣе сказать, взялъ съ природы эшо названіе. См. *Модную Ласку*.

Исключая любопытныя разсужденія Инвалида о бракѣ и безбрачномъ состояніи, о преимуществѣ стараго времени, когда всѣ жили для того, чтобы жить и не думали умнчать, о новѣйшихъ философахъ, кошорымъ достаеся порядкомъ; исключая еще остроумныя насмѣшки надъ высшими взглядами и надъ Трансценденсальною Философіею, исключая похвалы Князю Пошемкину и выговоры Нанолону... Я разсказалъ все, что можно найти въ *Матушкѣ-Мадамъ*.

Развершываю другую книгу: *Марихенъ*. Такова ея заглавіе; а содержаніе?

Если-бы почтенный Авторъ вздумалъ поместифировать чивашелей, и написалъ въ заглавіи своей книги: *Переводъ изъ Августа Лафонтена*, то, прочитавши *Марихенъ*, всякій повѣрилъ-бы ему. Это романъ, во всѣхъ отношеніяхъ Лафоншеневскій. Правда, въ немъ недостаетъ милой простоты, иногда плѣнительной и въ семейной жизни и въ романахъ Лафонтена. За то характеры, страсти, каршныя, самое повѣствованіе, о пѣкошорыхъ семейственныхъ происшествіяхъ и несчастіяхъ, совершенно во вкусѣ Лафонтена. Не беру на себя труда развнчать задушанную нишу этого романа. Любопытные могутъ прочесть всю книгу: смиренное мнѣніе мое передъ вами.

И только? Нѣтъ, надобно еще дать себѣ отчетъ въ этомъ явленіи. Въ самомъ дѣлѣ: какъ могъ Авторъ *Киргизъ-Кайсака* написать двѣ повѣсти,

ошоль мало достойны имени его? Философія, душа, слогъ его, не зміѣнились, но сочиненія новыя, какъ произведенія Искусства, стали гораздо ниже прежнихъ произведеній... Знаю, какую бурю воздвигну на себя, но, для пользы Искусства, скажу все, что думаю. Г лъ Ушаковъ безпрестанно бранишь и гонишь *высшіе взгляды*; но онъ, какъ видно, еще не испыталъ, что лишь съ ними можно быть творцемъ возвышеннымъ. Неудача его можешь послужить тому доказательствомъ. Вспомнише, что дарованіе даешь Богъ, но образовываетъ его самъ человекъ. Какое образованіе дали вы себѣ? Разумію здѣсь не то образованіе, которое можно приобрѣсти въ Губернской Гимназіи: нѣтъ, образованіе, приобрѣтаемое въ великой школѣ свѣта. Гдѣ мысли ваши? Куда ведетъ направленіе ваше? Человекъ гибокъ: онъ можешь возвыситься до полубога и упасть очень низко. Поддайшесь убаюкиванью самолюбія, мѣлкимъ требованіямъ; не отдаляйшесь отъ тысячеглаваго чудовища, шолпы, и всѣ произведенія ваши будутъ мѣлки, безжизненны, холодны, хотя въ то же время правильны по линейкѣ, добры по Гражданскому Уложенію, и умны какъ Сарептскіе законы. Не говорю этого ни на чей счетъ, но указываю на перспективу *мыслихъ взглядовъ*. Свѣдствія неизбѣжны.

Еще одинъ вопросъ желалъ-бы я *потресожить* здѣсь, потому что Авторъ *Досуговъ Инвалида* какъ будто вызываетъ на него вниманіе чинашея.

Что разумѣешь онъ подъ словами: *правильный*

слозь? Онъ преслѣдуетъ безграмотныхъ, не убогихъ писать: и по дѣломъ! Но къ грамотнымъ-ли причислишь онъ какого нибудь варвара-Семинариста, который, будучи Рускимъ, не напишетъ: *Моя будить пошла гулять*, но выразишь эту мысль такъ: «*Въ пренапряженномъ умосостояніи, имѣю я благое намѣреніе понасладиться своею плотью гуляніемъ.*» Грамматическихъ ошибокъ шуть нѣтъ; но правильно-ли еще? Не варваризмъ-ли вся эта фраза? Подойдемъ ближе къ вопросу нашему. Правильно-ли пишешь соблюдающій одні формы Грамматическія, соглашеніе словъ, падежи, почки и замятыя, но не думающій о выборѣ словъ, о гармоніи, о приличіи? Кажется, нѣтъ. Онъ не грѣшитъ противъ Грамматики, изданной для Народныхъ Училищъ, но грѣшитъ противъ Грамматики Вкуса, Приличія, грѣшитъ противъ языка и противъ всего, что необходимо для писателя.

Въ этомъ отношеніи, слозь Автора *Досуговъ Инвалида* неправиленъ. Вообразишь, напримѣръ, что у него, свѣтская дѣвушка, Монастырка, Графиня, говоритъ свѣтскому челоѣку, Князю: «Стыдись, мой отставной женихъ! Стыдись, господимъ невѣрующій! Прочитайте, мой Сіательный! Если сердце васъ не увѣряетъ, шо авось повѣрите бумагъ! (*Марихенъ*, стр. 252-я)» Ошибокъ Грамматическихъ шуть нѣтъ. Таже дѣвица пишеть: «Я *взираю* на Княгиню не съ почтеніемъ, а съ благоговѣніемъ... И въ самомъ дѣлѣ, князя Августа, у кого, въ особенности у мужчины, достапешъ душевной силы на шо, чтобы въ

«шечеде семнадцати цвѣтущихъ лицъ своей жвѣ-
 «ни, постоянно стремишься къ одной цѣли, не
 «смощя ни на какія препятствія, и наконецъ до-
 «стигнушь оной, поставитъ на своемъ, востор-
 «жествовашъ! . . Это можешь сдѣлать только жен-
 «щина и мать! . . .» Предлагаю на судъ образо-
 «ванныхъ читателей: можешь-ли такъ писать дѣ-
 «вушка, Графиня, Монастырка? Въ словахъ ея слиш-
 «комъ видны Авшоръ, который любилъ прихвѣши-
 «вать къ своимъ рѣчамъ славянизмы и приказныя
 «выраженія. Сличите съ выписаннымъ слѣдующія,
 «собственныя его слова: «По симъ-то причинамъ я
 «и принялся за Лишперашуру, *сирѣчь*, началъ со-
 «чинять; *какое* замѣшаніе породило для меня цѣ-
 «лое племя лишперашурныхъ враговъ, гошovýchъ
 «ушопить меня въ моей чернильницѣ. Но такъ какъ
 «это дѣло несбыточное, то *азъ*, яко истый Хри-
 «стіанинъ, прощаю моимъ врагамъ, и желаю имъ
 «всякаго блага и всякой пошѣхи. . . . Сверхъ того
 «доставивъ онъ (шрудъ В. А. Ушакова), чита-
 «телямъ удовольствіе побранить меня, а вашихъ
 «моихъ лишперашурныхъ враговъ чистѣйшее на-
 «слажденіе, при выходѣ книги общимъ хоромъ за-
 «лаять, *заржать, захрюкать*, какъ *цѣмый сонмъ*
 «*вашихъ: Малороссійскихъ оудьмъ и гуртей.*» (По-
 «священіе Досуговъ Инвѣнда).

Видимъ какъ прощаетъ враговъ своихъ Авшоръ.
 Но мы увѣрены, что насъ не причтешъ онъ къ
 сонму ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели пошъ врагъ
 намъ, кто по внутреннему убѣжденію не похва-

знать нашей книги? Книга не человек. Человека можно уважать, и в тоже время замѣнить недо-
смысли его книги.

— *Стихотворенія Панкратія Сумарокова*. СПб.: 1832. Въ т. Плюшара. XXXII и 160 стр. №-8.

Жизнь Панкр. Пл. Сумарокова была предметомъ многихъ догадокъ, рассказовъ и — выдумокъ. Въ самомъ дѣлѣ она необыкновенна. «Настоящій романъ!» скажешь прочитавъ ее человекъ, называющій романомъ всѣ событія спранныя, не похожія на жизнь тысячъ тысячъ. О Панкр. Сумароковѣ не лѣзя повторить: «Только лишь въ газетахъ осталось: выѣхалъ въ Ростовъ.» Нѣтъ, судьба загнала Панкр. Сумарокова въ Сибирь, въ заточеніе, и тамъ заставила развиться необыкновенныя способности его, блиставшія и тогда, какъ онъ былъ еще Конно-гвардейскимъ офицеромъ. Это можешь быть единственный человекъ, издававшій въ Сибири не только книги, но и Журналъ. Вообще, съ большимъ любопытствомъ, съ участіемъ — и не безъ пользы для молодыхъ людей — можно прочесть жизнеописаніе Панкр. Сумарокова, напечатанное при семъ изданіи Стихотвореній его, и написанное прекрасно: съ чувствомъ, съ необыкновеннымъ простодушіемъ и съ такою ошкровенностью, которая говоритъ сердцу. Жаль что многія опечатки безобразятъ это замѣчательное произведеніе.

Чтобы оценить достоинство Панкр. Сумарокова, как стихотворца, надобно вспомнить время, в которое онъ жилъ. Тогда хорошій стихъ былъ такая-же рѣдкость, какъ въ наше время хорошая мысль. Но, не смотря на вѣкоторую жесткость и неповоротливость языка, можно сказать, что стихи Панкр. Сумарокова необыкновенно хороши. Онъ какъ будто соперничалъ съ Дмитриевымъ, и, надобно прибавить, не всегда падалъ; но извѣстности его вредилъ: во-первыхъ, несчастное удаленіе отъ той сферы, гдѣ были раздаваемы литературные вѣнки, во-вторыхъ грубосиль многихъ выраженій и мыслей въ стихахъ, особенно поражавшая жителей оснадцатаго столѣтія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, онъ гораздо ниже Дмитриева, который нигдѣ и никогда не измѣнялъ пою и языку хорошаго общества. Если-бы надобно было продолжить сравненіе, то мы сказали-бы, что Дмитриевъ умный свѣтскій человекъ, а Панкратій Сумароковъ умный Русскій мужичекъ. Особенно въ Сатирахъ и Эпиграммахъ Панкр. Сумарокова видѣнь Русскій умъ, который выразился-бы гораздо чище и сильнѣе, если-бы не былъ съ юныхъ лѣтъ воздѣлянъ Французскими гувернёрами и воспоеть Французскою водичею. Заемное приспращіе къ чужеземному остроумію вредило ему всего болѣе. Но онъ зналъ Французовъ только изъ книгъ, и пошому-то она имѣли вліяніе на его умъ, а не на образованность нрава, которой недоставало ему и недоставокъ ея отражался грубостью.

Время сослужило стихи Панкр. Сумарокова; но и теперь можно съ удовольствіемъ вспомнить его Эпиграммы и прочесть въкошорыя другія сочиненія. Правда, что въ Эпиграммахъ онъ иногда не колеть, а бьетъ дубиною, не насмѣхается шонко, а хохочетъ съ какимъ-то цинизмомъ, но никакъ не лезя ошрицать, что въ немъ было много оспрошъ и мѣткости. Эпиграммы его выѣють еще по достоинство, что онѣ не сочинены, а сказаны экспромтомъ: прочитайше ихъ, вы удостовѣритесь въ этомъ. Также замѣчательны Сказки его, исполненныя живоспи и оспроумія. Нужно-ли упоминать, что во многихъ сочиненіяхъ П. Сумарокова есть заимствованія изъ Французскихъ авторовъ? Въ его время не любилъ жить своимъ умомъ. Однакожь онъ составляетъ, во многихъ отношеніяхъ, пріятное и достопамятное исключеніе изъ этого жалкаго правила.

Замѣтимъ, что и *Стихотворенія* его напечатаны также со множествомъ ошибокъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ поршаютъ стихи, а въ иныхъ омымають и весь смыслъ. Взгляните на Эпиграмму 3-ю, на стр. 160-й.

— *Разсказки*, или избранныя повѣсти иностранныхъ авторовъ, изданныя Николаемъ Гречемъ. 5 частей. СПб. 1832. Въ ш. Издашеля. 250, 291, 299, 279 и 262 стр. in-8.

Въ прошедшемъ 1831-мъ году были изданы, въ шрехъ частяхъ, прекрасныя повѣсти Цшокке, напечатанныя въкогда въ *Сынѣ Отечества*. Публика приняла

Іюнь 1832.

35

ить благосклонно. Это побудило Н. И. Греча издавать и другія, напечатанныя въ *Сынъ Отечества* повѣсти разныхъ авторовъ: Гоффмана, Ваш. Ирвинга, Ламошъ-Фуке, Крузе, и проч. Къ нимъ прибавлены и нѣкоторыя новыя. Выборъ и переводъ всѣхъ ихъ по большей части очень хорошъ; слѣдственно можно предречь и этому собранію успѣхъ. Даже читавшій повѣсти сіи, съ удовольствіемъ повторитъ ихъ. Да и многіе-ли имѣютъ случай читать повѣсти въ Журналѣ? Иной не выписываетъ Журнала, другому недосугъ, третій любитъ читать періодически одно дѣльное. Но *если одного полезнаго искать?* Бываютъ часы, когда именно хотимъ читать вымыслы. Тогда возьмите пять томовъ *Разсказчика*: онъ и развеселитъ васъ, и расстрогаетъ, и займешъ пріятно на нѣсколько часовъ.

— *Монфермельская мологница*, романъ Поль-де-Кока. Переводъ Н. Ш. 5 частей. СПб. 1832. Въ т. Плюшара. 180, 182, 166, 165, 163 стр. in-12.

— *Андрей Савояръ*. Романъ Поль-де-Кока. Переведенный съ Французскаго Н. П-мъ и О. С-мъ. 5 частей. СПб. 1831 и 1832. Въ т. Штаба Ошд. Корп. Внутр. Спражн. 172, 185, 194, 201, 228 стр. in-12.

Мы уже имѣли случай сказать свое мнѣніе о романахъ Поль де Кока, этого Романиста безъ сильныхъ чувствованій въ сердцѣ и безъ глубокихъ мыслей въ головѣ. Въ то время, когда вокругъ насъ, въ цѣломъ мірѣ разыгрывается разпичельная, высокая драма, его вымыслы кажутся кукольною комедіею.

дію. Впрочемъ , видно что не всѣ шакого мнѣнія о романахъ Поль де Кока. Многимъ онъ кажется моднымъ писателемъ. Даже люди съ дарованіемъ , не жадя времени , переводятъ его романы. Таковы переводчики *Монфермальской жологлицы* и *Андрея Саволяра*. Кому нечего дѣлать , кто хочетъ *убить время* , тому совѣтуемъ оставишь висеть и взяться за вновь переведенные романы. Убейте время ашимъ чтеніемъ : вы все еще будете въ выигрышъ. По крайней мѣрѣ вы останешесь дома , и не проиграете ничего , кромѣ небольшой доли времени , и нѣсколькихъ рублей , заплаченныхъ за романъ. Вы прочитаете книгу , правда безъ мыслей , но число написанную. Не безпокойтесь : сердце ваше не забьется ошъ нея ; страшныхъ сновъ не будешъ.

Послѣ этого мы увольняемъ себя ошъ извѣстій о будущихъ переводахъ романовъ Поль де Кока , ибо , вѣроятно , дѣло не кончима ашими двумя романами : переведемъ ихъ еще нѣсколько. Поль де Кокъ написалъ множество сочиненій сего рода , и во всѣхъ единиковъ , а мы не умѣемъ переимѣняшь въ мнѣніяхъ нашихъ , и не умѣемъ радовашься пустошъ , кошорая не существуетъ въ природѣ , но занимаешъ много мѣста во многихъ книгахъ.

Э С К И М О С Ы .

Въ № 23-мъ Телеграфа 1831 г. , мы помѣстили изслѣдованіе одного изъ ученыхъ Французскихъ путешественниковъ, Г-на Лессона, объ *неполннгахъ*, или великорослыхъ обитателяхъ южной оконечности Америки. Въ соотвѣстственность сей статьи, почитаемъ любопытнымъ помѣстивъ здѣсь замѣчанія того-же Лессона о *пигмеллахъ*, или малорослыхъ обитателяхъ Сѣверной оконечности Американскаго материка.

Они вообще извѣстны подъ именемъ *Эскимосовъ*. Сюда причисляются *сѣверные Гренландцы*, *Эскимосы-собственно*, или обитатели Лабрадора, и *Эскимосы западные*, бродящіе при устьѣхъ рѣки Меккензія и рѣки Мѣдной, на полуостровѣ Мельвиллѣ, по берегамъ и островамъ Баффинаова пролива и Ледовитаго, Сѣверо-Американскаго Океана. Европейцы приняли названіе *Эскимосовъ* изъ языка Абенаковъ; оно значить: *вдуны сырой рыбы*.

Составляя крайнюю сѣверную оконечность Америки, обширныя полярныя страны, въ большей части своего пространства, представляють намъ ужасающее зрѣлище пустынь, гдѣ ни одно дерево не ошѣняетъ земли, гдѣ мѣлкій мохъ и немного бѣдныхъ растеній составляютъ все прозябаемая,

и гдѣ человекъ живешь въ пещерѣ, вырытой имъ въ горахъ снѣга, часто не зная даже, что такое есть дерево, и думая, что кромѣ его нѣтъ на землѣ болѣе обитателей, и все остальное пространство земли составляютъ безлюдныя, вѣчныя льды и снѣга. Почти никогда не шаюшь громады льдовъ въ этомъ царствѣ вѣчной зимы. Но и тамъ живешь человекъ, униженный, бѣдный, малорослый, почти животное, но — все однакожъ *человѣкъ!* Не подвигаясь никуда отъ береговъ, не имѣя даже оленей, какъ водоземное животное плавая около береговъ въ лодкахъ, онъ ловитъ рыбу, и бьетъ обитателей моря, китовъ, тюленей, моржей, для своей пищи, одежды, освѣщенія, самой постройки жилища. Ревностные проповѣдники Слова Божія дошли и сюда, узнали языкъ этихъ полу-человѣковъ, перевели имъ Священное Писаніе. Съ изумленіемъ смотришь на нихъ географъ, не постигая: откуда и какъ зашли сюда эти *люди-рыбы*, по ихъ собственному названію? Съ любопытствомъ наблюдаешь ихъ физиологъ, видя въ нихъ крайнюю степень человѣческаго рода. Малорослость ихъ естественна рождаешь вопросъ: не они-ли, не этошъ-ли малорослый, униженный, загнанный къ полюсу выродокъ Человѣчества, подавъ мысль о существованіи *пигмеевъ*, или цѣлаго народа карлъ? Называя Эскимосовъ *Гипербореями*, вотъ что говоришь о нихъ Лессонъ:

«Мы видѣли особенное поколѣніе людей на южной оконечности Американскаго материка, отличающееся великорослостью, хотя оно живешь среди

народовъ обыкновеннаго роста, и даже недалега отъ жалкихъ Пешересовъ. На сѣверной оконечности материка Американскаго, мы найдемъ, напротивъ, обитателей, безъ различія одинаковыхъ, и раздѣленныхъ только на вшоросшепенныя породы, но имѣющихъ одинакую физиогномію, и одинъ образъ жизни и нравовъ.

« Народы, вообще называемые Эскимосами, и обрѣченные судьбою жить въ высшихъ широтахъ сѣвера, до высочайшей степени подвержены вліянію, какое можешь имѣть климатъ на челоѣка, и на всякое живое произведеніе природы. Ихъ физиогномія, ихъ обычаи, все доказываетъ, что они происходятъ отъ Монгольскаго рода. И между тѣмъ, уменьшенные ростомъ, сторбленные отъ жестокихъ холодовъ ледовитаго пояса сѣвернаго, и имъ обитаемаго, они претерпѣли всѣ измѣненія, какія можешь произвестъ на челоѣка продолжительное дѣйствіе холодной температуры, не представляя однакожъ собою рѣшительнаго примѣра малорослости, долгое время приписуемой обитателямъ береговъ Лабрадора, и земель арктическаго круга, коихъ многіе преимущественно называли Эскимосами, и почитали уродливыми карликами. Родъ Монгольскій, въ самыхъ умѣренныхъ странахъ первоначальной своей родины, вообще роста средняго. Отродія его, разсыпанныя по Гренландіи, Лапландіи, и по сѣверной оконечности Америки, подверженные вѣчному холоду, могли уменьшиться въ ростѣ, между тѣмъ какъ, напротивъ, похоніе на нихъ, говорящіе сходными языками народы, жи-

тая въ странахъ болѣе привольныхъ, сохраняли прежній ростъ, не измѣняя общему родовому типу.

« Сходство обычаевъ, и искусства, извѣстныхъ Эскимосамъ, показываютъ явную связь ихъ съ Самоидами, Остяками, и даже Камчадалами и Алеутами. Среди сихъ сѣверныхъ поколѣній замѣтно только одно особое поколѣніе, Чукчей, явно чуждое имъ, болѣе великорослѣе, живущее по берегамъ Берингова пролива.

« Всѣ народы, именуемые *Полярными*, издревле раздѣленные, и не имѣющіе между собою никакого сообщенія, не должны быть дѣлами въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Они естественнo составляютъ одно семейство, которое естественнo испытатели могутъ назвать *Гиперборейскимъ*. Вотъ характеристическія отличія сего семейства: ростъ не болѣе 4; футовъ; плотность шѣла, безъ подщипы; ноги короткія, но прямыя и весьма мощныя; голова круглая, и, по величинѣ, несоразмѣрная съ туловищемъ. Замѣчательнѣйшее въ лицѣ ихъ есть то, что оно широко, коротко, и плоско ко лбу; носъ раздавленный, но не широкій; щеки скулышныя, воздушныя, ротъ большой, волосы лежащіе плотно, черные, грубые и жирные; борода рѣдкая. Фабрицій, въ своей Фаунѣ Гренландской, замѣтилъ, что « обитатели сѣвера шѣмъ бѣлѣе, и волосы ихъ шѣмъ русѣе, чѣмъ далѣе на сѣверъ живутъ они; » но что « исключеніе изъ нихъ составляютъ обитатели странъ близъ полярнаго круга, какъ-то: Лапландцы, Самояды, люди меньшаго

роста, темнокожіе и черноволосые; для странной противоположности, природа помѣстила подлѣ нихъ великорослыхъ, лимфатическихъ Финновъ, такъ, какъ подлѣ Гренландцевъ расселила она племя русыхъ Исландцевъ. » Въ самомъ дѣлѣ, цвѣтъ кожи Гиперборейскаго племени красно-желтый, сальный.

« Обычаи Гиперборейцевъ сходны, почти всюду, гдѣ ихъ наблюдали. Населяя страны, въ коихъ природа кажется упрямою, погребенные подъ вѣчными полярными снѣгами, по истинкѣ должны были они обратиться къ рыболовству и звѣроловству, единственными средствами жизни, и приобрѣли въ сихъ занятіяхъ значительныя свѣдѣнія. Суровость климата, во время большей части года, принуждаетъ ихъ рыть подземельныя убѣжища, и собирать въ сіи кладовыя запасы, на все то время, когда они не могутъ упражняться въ звѣроловствѣ и рыболовствѣ. Въ продолженіе безконечныхъ полярныхъ ночей, когда только сѣверныя сіянія освѣщаютъ ихъ, скрывшись подъ снѣгомъ и льдомъ въ своихъ юртахъ, они питаются запасомъ, сушеною рыбою, киповымъ мясомъ, и пьютъ киповый жиръ, какъ напитокъ драгоцѣнный, освѣщая имъ въ то же время свои подснѣжныя жилища во время ночей, по нѣскольку мѣсяцевъ продолжающихся. Зимняя одежда ихъ состоитъ изъ кожи животныхъ, коихъ мѣхъ сшиваютъ они жидами. Одежда лѣтняя дѣлается изъ нерпичьихъ кишокъ, спитыхъ весьма искусно, и похожихъ на лакированную шкани. Впрочемъ, кругообразныя лѣтнія обиталища ихъ покрыты кожей оленей. Изъ тюленьей кожи, на легкихъ связ-

какъ дѣлають они маленькіе пироги, называемые *байдарами*, футовъ по 12-ти въ длину, но весьма узкіе. Устройство сихъ лодокъ прировнено къ бышу шугецевъ, ибо легкіе суденышки сіи способны къ быспрому ходу, безъ руля. Въ отверстіе, находящееся въ верхней крышкѣ байдары, садится Эскимось, привязываетъ себя къ лодкѣ особеннаго рода фаршуконъ, окружающимъ шило его со всѣхъ сторонъ, и кажется однороднымъ съ своею лодкою, управляя оною удивительно ловко, легко подымая ее, когда она пойдетъ бокомъ, и гошова перевернувшись. Эскимосы умѣють обрабатывать стрый, пористый камень, и дѣлають изъ него горшки и кошлы, украшая ихъ различными фигурками. Они дѣлають себѣ украшенія изъ прекраснаго нефрита, называемаго Лабрадорскимъ камнемъ, и думаютъ даже о щегольствѣ, по своему, намазывая волосы рыбьимъ жиромъ. Вообще они ловки на охотѣ лисицъ и соболей, мѣхами которыхъ торгуютъ, или одѣваются сами. Опважно бросаютъ они острогу въ кита. Къ ихъ стрѣламъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, или изъ крѣпкаго камня, привязаны бывають надушые пузыри, ошъ сопротивленія конхъ китъ истощаетъ силы, и всплываетъ издыхать на поверхности моря. Тутъ поражаютъ его снова, и дѣлають добычу, на долго доставляющую Эскимосамъ пищу, питье, матеріаль для постройки и освѣщеніе.

«Суетврные до крайности, при нѣкоторыхъ различіяхъ, они вообще имѣють общія всѣмъ имъ религіозныя идеи. Но нравственность почти незвѣ-

сина ять. При многоженствѣ, они безъ стыда предають позору своихъ женъ и дочерей, почитая женщинъ существами низкими, съ кошорыми мужчина, полный властелинъ, можетъ поступать, какъ ему угодно. Эскимосы, имѣющіе сообщеніе съ Европейцами, привыкли къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Между обитателями Лабрадора и Гренландіи находяшся миссіонеры изъ Моравскихъ Братствъ, но труды ихъ увѣнчиваются малымъ успѣхомъ. Нѣкоторые изъ юго-Гренландскихъ Эскимосовъ имѣють стада оленей, и вѣзять на собакахъ, или ходять въ дорогу на лыжахъ. Впрочемъ, здѣсь родъ Эскимосовъ смѣшанъ съ иноплеменными родами.

« Намъ остается сказать о малорослости Эскимосовъ. Видимъ, что природа отъ времени до времени производитъ людей малорослыхъ, какъ будто забавляясь произведеніемъ несовершенныхъ созданій, или челоука въ миниатюрѣ. Таковъ былъ извѣстный Бебе, совершеннѣйшій изъ карлъ, о которыхъ дошли до насъ преданія, ибо почти всегда карлы бывають уродливы, и малый ростъ ихъ есть слѣдствіе болѣзни. Напротивъ, Бебе былъ стройное, красивое и здоровое сокращеніе челоука. Преданіе о существованіи цѣлаго народа пигмеевъ должно отнести рѣшительно къ числу басень. Такъ, въ послѣднее время узнали мы, что извѣстіе Коммерсона о пигмеяхъ Мадагаскарскихъ совершенно ложно. Эскимосы вообще ниже средняго роста. Но должно-ли подгагать это прихотью при-

роды, или думать, что дѣйствіе чрезвычайнаго холода происшедшаго естественнo развило организмъ и сжимаешь шло. чедовѣческое? Кажется, что послѣднее достоверно. Способность пронзранія уменьшается въ природѣ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ. Вѣчные льды есть одно, чѣмъ наконецъ означаетъ она себя; число земныхъ животныхъ уменьшается и постепенно исчезаетъ.

Царство растеній представляетъ намъ въ сихъ странахъ еще сильнѣйшее доказательство вліянія климата. Искривленное, сжатое въ своихъ формахъ, замерзающее на девять десятыхъ часней года, оно является намъ мѣлко и ничтожно; сѣверная береза перерождается въ странѣ Эскимосовъ въ слабую справу. . . »

Г Р А М А Т А ,

данная Княземъ Андреемъ Владимировичемъ въ
Кіево-Печерскомъ монастырѣ, въ 1446-мъ году.

(Почтенная особа , доставившая намъ сей любопытный актъ , сказывала , что оцъ списанъ былъ ею изъ собранія болѣе нежели двадцати грамахъ , относившихся къ событіямъ Литвы , Волыни и Кіева , и хранившихся , нѣсколько лѣтъ тому , у одного любителя Отечественныхъ древностей . Гдѣ шеперь это собраніе , не извѣстно . Печатающа сію грамаху , не можетъ не изъявить желанія , чтобы и другія , вмѣстѣ съ нею находившіяся , были доведены до свѣдѣнія просвѣщенной публики . Хранишь подобныя сокровища подъ спудомъ , право , хуже скупости . *Изд. Телегр.)*

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа . Се азъ , рабъ Божій , Князь Андрей Владимировичъ пріѣхалъ есмь въ Кіевъ , съ своєю женою , и съ своими дѣтками , и были есмо въ дому Пречистыя , и поклонилися есмо Пресвятому Образу ея , и Преподобнымъ Отцѣмъ Антонію и Θεодосію , и прочимъ Преподобнымъ и Богоноснымъ Отцамъ Печерскимъ , и благословились есмы у Отца нашего Архимандрита

ша Николы, и у всѣхъ Свяштыхъ старцевъ, и поклонихомся ошца своего гробу Князя Владимира Ольгердовича, и дядь своихъ гробомъ, и всѣхъ Свяштыхъ старцевъ гробомъ въ Печерь, и размыслихъ на своемъ сердци: козко шо гробивъ, а всѣмъ живи на семь свѣшъ, а пошли всѣ къ Богу; и помыслихъ есмь: по малъ и намъ шамо поиди, гдѣ ошцы и брашнн наша, и подумалъ есмь съ своею Княгинею, и съ ошцемъ своимъ Николою Архимандришомъ Печерскимъ, и съ Свяшыми старцы, и своими бояры, и ошписалъ есмь своей женѣ Княгинѣ Марин, и своимъ дѣшемъ и ее дѣшемъ свою ошчину, и свою выслугу, иже есмь выслужилъ на своихъ Государехъ, своею вѣрною службою, на Великомъ Князи Вишовшѣ, и на Великомъ Князи Жигмоншѣ, и на своемъ Государи, Великомъ Князи Казимирѣ, ивънне первое (первое?) Айноу Словенескъ, Могыланое, Каменецъ, Лосожескъ, Илемници, Полоное, а шаже чшо есмь подовалъ ивъннн бояромъ своимъ, а кто всхочешъ женѣ моей, и дѣшемъ моимъ служишь, и они служашъ съ шыхъ ивъннн женѣ моей, и дѣшемъ моимъ, а кто не всхочешъ женѣ моей и дѣшемъ моимъ служишь, и азъ шые ивъннн далъ женѣ своей, и дѣшемъ своимъ, а вся шая ивъннн поляцилъ и далъ есмь женѣ своей Княгини Марин, и сыну своему Князю Глѣбу, и дочыцѣ своей Княжнѣ Овдошн, а пришомъ были Опець нашъ Никола Архимандришъ Печерскый, Уставникъ Юна Философъ, Ключникъ Давыдъ, Келарь Герасимъ, и иныхъ господы нашее старцевъ много, и наши бояре, и наши маршалкы, Князь Глѣбъ Дмишрѣевичъ, бояринъ нашъ Александръ Самошечинъ, Иванко Давыдовичъ,

и нимъ бояре наши и слугы припомѣ были. А кто се слово наше нарушишь, а имѣшь въ шме ивѣтніа вступаниса, разсудиса со мною предѣ Богомъ, и буди ему клятва, отъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, и отъ Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Маріа, и отъ всѣхъ Святыхъ Ангелъ, и отъ Пророкъ и Апостолъ, и отъ чешырехъ Евангелиствъ, и отъ Святыхъ Отецъ, иже на седьми Соборѣхъ бывшихъ, и оно всѣхъ Мученикъ, и Преподобныхъ, и Богоносныхъ Отецъ Антоніа и Феодосіа Печерскихъ, иже есмь шо вѣрнѣ выслужилъ у своихъ господарей. А писана въ Кіевѣ, въ обихелѣ царствѣ, въ Печерскомъ монастыри, Пресвятыя Богородица, и Преподобныхъ Отецъ Антоніа и Феодосіа, въ лѣто 6954, мѣсяца Іюня въ 16, на память Священномученика Тихона, а висалъ Сшарецъ Пахношій Дыхачевъ брашъ.

На подлинной печашь, съ изображеніемъ, въ видѣ церкви, и надписью вокругъ: *Печатль Князя Андрея Владимировича.*

С М Ъ С Ъ.

— *Изясненіе картинки.* — Ж. Б. Грѣзь родился въ 1726-мъ году. Еще ребенкомъ, онъ оказывалъ страсть къ Живописи: стѣны ошцовскаго домика и всѣ бумаги бывали исписаны его картинами, которыя у дѣтей всегда похожи на фантасмическія фигуры Фаустовскаго шабаша. Запрещенія ошца не дѣйствовали на ребенка. Наконецъ Грандонъ, поршрелный живописецъ, выпросилъ его у родителя и увезъ въ Ліонъ. До сихъ поръ, Грѣзь жилъ въ Турнюсь, гдѣ онъ родился. Подъ руководствомъ Грандона онъ скоро сдѣлалъ большіе успѣхи. Когда учитель его пріѣхалъ въ Парижъ, ученикъ былъ съ нимъ и началъ ходить въ Академію Живописи. Профессоры не ожидали многого отъ Грѣза; но онъ изумилъ ихъ, выставивши свою картину: *Отецъ семейства, изясняющій Библию*. Это необыкновенное произведеніе приобрѣло величайшую славу: оно встѣмъ извѣстно. Не говоря о множествѣ списковъ и эстамповъ съ него, вы увидите эту картину, въ различныхъ размѣрахъ, вездѣ, начиная отъ великолѣпныхъ альбомовъ и Гобеленевыхъ обоевъ, до ученическихъ шешрадей и Екатеринбургскихъ подносовъ. Немногія произведенія Живописи пользующ-

ся досихъ поръ такою всеобщою извѣстностью. Это настоящій родъ, въ которомъ превосходствоваль Грѣзь. Милыя, невинныя лица, простыя, но занимательныя положенія фигуръ, предметы домашней жизни, изъявленія шикой любви, дружбы, привязанности: вошь предметы большей части картинъ его. — Слава Грѣза пробудила вражду. Начали искать недоспашковъ и унижать красоты въ картинахъ его. Онъ рѣшился съѣздить въ Римъ и взглянуть тамъ на великіе образцы. Путешествіе сіе не принесло ему пользы, и даже повредило нѣсколько, ибо онъ утратилъ нѣчто изъ прослудшаго, ошличавшаго первыя произведенія его, и не могъ приобрѣсти силы, которой не было въ душѣ его. Онъ самъ убѣдился въ этомъ и хотѣлъ возвратиться къ истинному роду своему; но рука его уже ослабѣла, и въ послѣдніе годы своей долгой жизни Грѣзь не произвелъ ничего замѣчательнаго. Онъ былъ Членомъ Парижской Академіи Живописи, но суешное желаніе заставило его искать званія Члена именно по Исторической Живописи. Для этого написалъ онъ картину: Императоръ Северъ, укоряющій своего сына Каракаллу, который хотѣлъ умертвить его. Картина не заслужила одобренія и Грѣзь не былъ Членомъ по Исторической Живописи. Онъ умеръ въ 1805-мъ году, почивши 80 лѣтъ.

Грѣзь довольно извѣстенъ у насъ въ Россіи, но извѣстенъ слишкомъ односторонно. У насъ воображаютъ его какимъ-то сантиментальнымъ живописцемъ, который не писалъ ничего кромѣ дѣтскихъ

головокъ. Правда, что Грѣзь превосходствовала въ изображеніи головъ и лицъ, хотя его упрекають въ семь отношеніи однообразіемъ; но онъ умѣлъ давать лицамъ и фигурамъ своимъ выраженіе, сообразное общему предмету картины. Какая истина въ картинѣ, съ коюрой очеркъ приложенъ къ сей книжкѣ Телеграфа! Картина сія извѣстна подь именемъ *Отцовскаго проклятія*. Что можетъ быть разительнѣе этого несчастнаго отца, котораго лицо изображаетъ весь гнѣвъ раздраженной души! Находимъ, что положеніе его въскольکو изысканно. Мы не думаемъ этого. Человѣкъ, одушевленный сърасшью въ высокой смещени, принимаетъ всегда положеніе необычайное, шакъ скажешь героическое, коцорое не похоже на то, что видимъ ежедневно. Намъ кажется, напрошивъ, неесшешвеннымъ положеніе и лицо сына, коцорый, въ столь страшную для него минушу, взмахнулъ руками довольно безспрасшно. Всѣ другія фигуры, и особенно мать, удерживающая сына, и дѣти, умоляющія отца не произносишь роковыхъ словъ, превосходны.

Картина сія находится въ Парижскомъ Музѣ. Ширина ея 5 фушовъ, вышина 4. Съ нея былъ снятъ эстампъ Гальеромъ.

— *Памятникъ Державину въ Казани.* — Общешно Любителей Отечесшвенной Словесности, учрежденное при Казанскомъ Университетѣ, предположило воздвигнуть въ Казани, мѣстѣ рожденія знаменитаго Поэша Гавриила Романовича Державина,

памятникъ сему безсмертному соисчественнику нашему; півцу Бога и Фелицы, одному изъ величайшихъ Дириковъ всѣхъ временъ и народовъ. Мысль сія удостоилась Высочайшаго одобренія, и уже по волю Его Императорскаго Величества, чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, открыта по сему Государству подписка на сооруженіе сего памятника.

Общество препоручило и намъ, извѣстивъ въ Журналъ нашъ о семъ предпріятіи, достойномъ просвѣщенія современнаго. Мы увѣрены, что всякій, кто наслаждался швореніями Державина — а кто изъ Рускихъ не обязанъ ему многимъ минушми наслажденіями? — всякій поспѣшитъ принять участіе въ предпріятіи достойныхъ согражданъ, знаменитаго Поэта.

Приношенія на памятникъ Державину должно отсылать въ *Казань, Обществу Любителей Отеческой Словесности, при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.*

— *Объ изданіи сочиненія Н. С. Арцыбашева.* — Общество Любителей Отеческой Словесности при Казанскомъ Университетѣ, извѣщаетъ, что отъ имени его предполагается издать первые два тома, или четыре книги *Повѣствованія о Россіи*, сочиненіе извѣстнаго Историческими разысканіями, Члена сего Общества и другихъ, Н. С. Арцыбашева. Два тома *Повѣствованія* оканчиваются царствованіемъ Іоанна IV-го, и будутъ состоять не

менше какъ изъ 100 печатныхъ листовъ: Все сочиненіе составитъ четыре тома, или восемь книгъ, и заключится кончиною Императрицы Елисаветы Петровны. Первые два тома уже одобрены Цензурою. Пятая книга шрешьяго тома приводишся къ окончанію.

Желая обезпечить себя въ издержкахъ, потребныхъ на изданіе сей книги, Общество открыло подписку на рную. Подписная цѣна первымъ двумъ томамъ, на хорошей Московской бумагѣ, въ буажномъ необрѣзномъ переплещѣ, 25 рублей ассигнаціями. Желаютіе могутъ относиться съ деньгами и требованіями въ Казань, къ Члену, в Секретарю означеннаго Общества, Ординарному Профессору Г. С. Суровцову, отъ котораго будешь извѣщено какъ о выходѣ изъ печати книги, такъ и о взносѣ денегъ отъ Г-дъ подписчиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XLV-й часни.

Поспешенный ходъ и вынужденное состояніе Архипекшуръ въ Англіи. Сочиненіе Валлера Скопша.....	3, 183	✓
О вынужденной торговлѣ Россіи съ Персією....	263	✓
О системѣ наукъ, приличной дѣтскому возрасту. Сочиненіе Докт. Ястребцева.....	407	
Обозрѣніе новыхъ открытій путешественниковъ (ококтаніе).....	100	
Парижское училище глухонѣмыхъ.....	235, 361	
Эскимосы.....	554	✓
Русскія граматы XVI и XVII столѣтій.....	116, 247	✓
Древнія Русскія сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію и на Востокъ.....	374	✓
Грамата, данная Княземъ Андреемъ Владимировичемъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, въ 1446 году.....	562	
<hr/>		
Жизнь трехъ друзей. Повѣсть Гоффмана (ококтаніе).....	30	✓
Песчанка. Повѣсть.....	163, 269, 463	
<hr/>		
Ideen über die Politik etc.-De la politique, etc. (О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ древнихъ народовъ. Сочиненіе Геерена (ококтаніе)....	70	
Разборъ книги: <i>Начальныя основанія Всеобщей Химіи</i> , составленныя по системѣ Г. Тенара, Г. Варвицкимъ Ч. I-и 2 (Г-на Комарова).....	209, 336	
Разборъ книги: <i>Путешествіе по Салтыльмъ лд-сталь</i> , въ 1830 году. 2 части.....	525	

Современная Русская Библиографія....86,222,347,542
 Смѣсь.....121,253,391,562

КАМЕРЪ-ОБСКУРА КНИГЪ И ЛЮДЕЙ № 9,10,11,19

Мѣлая промышленность Парижа.....183,203

✓ Парижскіе шарлапаны, тудеса и диквинки....219,243

Обзорніе современныхъ Русскихъ Журна-
 ловъ.....189,216,238

Замѣчанія на журнальныя списанья. Письмо Г-на
 Грена.....

Парижскія моды.

При сей Часпи Телеграфа находящіяся: два очер-
 ка съ каршинъ Іосифа Вернеша и Грѣза; два
 изображенія мебели: ящикъ съ подарками
 жениха, и коммодъ; шесть каршинокъ Париж-
 скихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

КАМЕРЪ - ОБСКУРА.

№ 9.

МЪЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПАРИЖА.

Le petit métier est la providence du parisien, qui n'est pas riche.

Парижъ набитъ такимъ промышленнымъ народомъ, кошорый принадлежитъ только этому большому городу, и никуда не годится за его засшавою. Это промышленность канавъ, перекрешковъ, чердаковъ и лужъ, промышленность удачи, у кошорой есть свои надежды, свои цехи, свое управленіе, промышленность лоскушьевъ, спарыхъ гвоздей, битыхъ стеколь, эпическихъ поэмъ и водевилей. Обо всемъ этомъ хочу я поговорить, не шуя, и съ уваженіемъ, ибо во всемъ этомъ могутъ быть, и есть, честность, шрудъ, законныя пошребности, все это даетъ средства жить цѣлымъ семействомъ, посылаетъ дѣшей въ училища, даритъ приданое дочерямъ, и часто — даже мѣшечко на кладбищѣ Ошца Лашеза, если промышленникъ

былъ богатъ , счастливъ , уважаемъ , и сдѣлалъ духовную не для неблагодарныхъ .

Мѣлая промышленность владычествуетъ въ этомъ большомъ городѣ , который называють : *Парижъ* . Все такъ дорого въ немъ , всякое званіе , даже званіе самое ничтожное Сколько надобно денегъ , чтобы завести хоть маленькую лавочку , когда шеперь нѣтъ никакой лавки безъ зеркалъ на стѣнахъ , и безъ конторки красного дерева ! Хозяева домовъ въ Парижѣ такіе грубіяны ; векселя шеперь такъ трудно учестъ ! А между шѣмъ — надобно жить , надобно , какъ нибудь , спасти себя отъ расцупсива и богадѣльни ! Да здравствуетъ-же мѣлая промышленность , безъ лавокъ , безъ свидѣшельствъ на шоргодю , безъ спроса съ хозяевами домовъ , безъ векселей , безъ барышей , промышленность на чистомъ воздухѣ , ходячая , опускившая руки въ карманы , съ корзиною на спинѣ , или небрежно раскинушая на уголкѣ улицы , промышленность ходячаго шорговца , поджидящая мимоходящаго покупателя ! Въ часъ по полуночи , когда весь Парижъ засыпаетъ , кое-какъ , наскоро , съ угрызениями совѣсти , или развлекаемый мгновеними наслаждениями , засыпаетъ , шочно такъ , какъ будшо Домовой давилъ его ; начиная со смукомъ карешъ и оканчивая съ крикомъ разнощиковъ — самыше-

слр

ли вы на рынкахъ чрезвычайно дѣятельное движеніе? Тамъ не спятъ. Мѣлкая промышленность работаетъ. Со всѣхъ сторонъ, съ маленькими пѣвлекками, собирается торговый народъ, который дѣлаетъ день потомъ производитъ торговые обороты лукошкомъ картофеля, дюжиною связокъ моркови, пучкомъ луку, нѣсколькими дюжинами яицъ. Пока большіе торговцы съвѣстнымъ припасами оспаются неподвижно на своихъ мѣснахъ, надменно поджидая поваровъ изъ знаемыхъ домовъ, или горделивыхъ кухарокъ купеческихъ — вопль движется мѣлкая промышленность, рано вставшая, и доставляетъ поспу и бѣдняку дневное пропитаніе. Безъ моркови, картофеля, и полу-свѣжихъ припасовъ мѣлкой промышленности, бѣдняки умерли-бы съ голода. Имъ нѣкогда идти на рынокъ, гдѣ все могутъ они достать лучше и дешевле; они сидятъ на своемъ пашомъ этакъ, ждутъ судьбы своей, не только на каждый день, но даже на каждый часъ. Такъ созданъ великій Парижъ, работающій и ожидающій. Вся жизнь въпороспешеннаго Парижа проходитъ въ покупкѣ обѣда у перекупщика. Утромъ, когда молочница пригословила свое молоко, и величественно возшла подлѣ своей собачки, и своего жестянаго кувшина — посмотриште, какъ идутъ къ ней цѣпочкою — женщины, небрежно одѣтыя, полу-воныя, съ платками на головахъ; дѣвочки,

замѣняющія машерей, дрожащія отъ холода, съ распрепанными волосами; горничныя служанки, шажелме холостяки, насмѣшливые слуги, должностные люди — хоть имъ и совѣстно показаться въ этой разноцвѣтной полпѣ. Шумный рой этихъ голодныхъ пчелъ окружаетъ жестяной кувшинъ, молочница обдѣляетъ каждому его долю, скупую рукою, и обдѣленіе это продолжается до самаго полудня. Но знаете-ли, что эта молочница никогда не довшъ своей коровы? У нея даже и нѣтъ коровы, такъ-же, какъ у этой порговки яцами нѣтъ ни одной курды: все, что перепродаютъ онѣ, все это онѣ сами перекупили, и мужья ихъ, дѣши ихъ, совсѣмъ не земледѣлцы, не мизники: сынъ молочницы писаремъ у маклера, а мужъ караулитъ палки и шляпы въ игорномъ домѣ!

Но вопъ — полдень! Проснулся Парижъ: шумъ восходитъ до небесъ; все движется, и мѣлкая и крупная промышленность соперничаютъ. У всякаго занятія въ Парижѣ есть свой соперникъ, и своя каррикантура. Высоко или низко, честно или безчестно, позволено или запрещено какое нибудь занятіе — только позиция прилежнѣе — и вездѣ найдете вы, подлѣ оборотовъ, основанныхъ на огромнѣйшихъ капиталлахъ, обороты мѣлкіе, торговлю маленькую, купца разнощика. Взгляните присматывте

на Парижъ: подлѣ Восточной шали — вѣчнаго предчеша насмѣшекъ для водевилешновъ — продающя шали Терно; подлѣ шалей Терно — обновленные доскушья ветхаго муалеша знашной дамы; подлѣ нихъ, еще ниже — торговка съ каршовомъ въ рукѣ, гдѣ найдете вы исшасканныя кружева, изношенные плашья, и — даже чепчикъ распутой женщины! Мылка промышленноснѣ настоящій Прошей: она ни оцъ чего не краснѣешъ, гнется и перегибается на всѣ лады, готова раздѣшья до нага, чшобы пошомъ ее одѣла за эшо, готова, если надобно, вадаяшья въ грязи, не боишья ни какого смыда; ни какого росшовщичества, скользяшъ повсюду, спленичаешъ вездѣ, полкаешъ, давишъ, не спишъ ни днемъ ни ночью, готова морщшъ, и плясашъ, если ей велишъ. Вы слышали о браминѣ, пшнадцашъ лѣшъ глядѣвшемъ на свой носъ, въ фаваншескомъ изсшупленш, безъ сна, безъ ѣды, безъ пишья? Еъ Парижѣ, за самую бездѣльную плашу, возмушя выполнишъ вамъ ролю эшого брамина, пошому, чшо всѣ подобныя вещи перешли шенерь въ обласшъ самой мылкой промышленности.

Но пойдешъ-ше погуляшъ по городу. Выходи изъ дома, вамъ необходимо надобно пройдиши мимо каморки дворника (*la loge du portier*). Эшо жилище — родъ впадины, въ нижнемъ эша-

жѣ, въ копирую иной пожалѣешь помѣспитъ свою собаку, если она порядочная собака. Вообрази себѣ пространство въ 7, 8 фушовъ — никакъ не болѣе! И пусть иногда обипаешь цѣлое семейство: отецъ шьетъ башмаки, мать читаетъ романы, дочь, въ надеждѣ вспунить на сцену Французскаго Театра, декламируетъ стихи, старшій сынъ, будущій композиторъ Амбигю, играетъ на скрипкѣ, младшій, опредѣленный уже переть краски у Делакура, или гошовить мѣдныя дощечки у Жоганно, опдыхаетъ послѣ работы. И весь этотъ мѣръ художниковъ живетъ, пусть, мыслитъ, работаетъ, творитъ, обуреваются спрасями, и все это дѣлаетъ онъ мимоходомъ, оберегая домъ, и поднимая дверную защелчку, при первомъ звонѣ колокольчика въ воротахъ. Знаете-ли вы, гдѣ гнѣздились всѣ эти люди? Когда появились на бѣлый свѣтъ всѣ эти дѣти, какъ они выросли, какъ нашли они *victum* и *vestitum*, въ затруднительномъ своемъ положеніи? Отецъ семейства получаетъ за свою должность 300 франковъ жалованья, и — все пусть! А между тѣмъ, дѣти воспитываются, у отца ихъ есть два фрака, у махери мериносовое платье, у дочери золошая цѣпочка, у старшаго сына пара сапоговъ. Чудо промышленности, шерстяна, труда, и непоколебимой воли! И это чудо

найдете вы подлѣ ворошѣ каждого порядочнаго дома въ Парижѣ.

Но, я не задержу васъ долго у ворошѣ. Вы выходите. Поберегитесь — не толкните этого челоуѣка, который согнулся подлѣ канавы. Это *царалатель* (regrateur): онъ царапаетъ и перчищаетъ грязь на мостовой. Не лоскутьевъ ищетъ онъ, не собираетъ сора съ каменьевъ, не ловитъ клочковъ старой бумаги, носимыхъ вѣтромъ — лоскутья, соръ, старья бумаги, все это товары, слишкомъ выскіе для нашего промышленника! Онъ стоитъ гораздо ниже. — Просто: онъ ищетъ гвоздей, выпадающихъ изъ лошадиныхъ подковъ, или кусочковъ желѣза, которые шрение по мостовымъ выбиваетъ изъ колесныхъ шинъ. Онъ перемываетъ городскую грязь, эионъ трудолюбивый челоуѣкъ, шакъ, какъ другіе челоуѣки переиваютъ золопоносный песокъ Мексиканскій; онъ счастливъ, если найдетъ какой нибудь безголовый гвоздикъ, какъ счастливъ бываетъ Бразильскій Негръ, когда найдетъ дорогой алмазь. Посмотрише на него: какое тягостное положеніе! Какъ онъ нагнулся надъ своею добычею! Какъ играетъ онъ съ Фортуною! Сколько волненія въ душѣ его! Какъ сильно бьется его сердце! Вѣднѣкъ-увѣ! рудникъ не изобилень! Июльская революція опослала много лошадей на пашню, и столько карешъ уничтожила, что съ трудомъ шедеръ

царапашель улицъ находишь съ тѣмъ идши ему за городъ, прогуляшь Воскресенье и Понедѣльникъ за заспавою. Въ бывалія времена, онъ оспавался шамъ и на Вшорникъ!

Когда вы побереглись ошь царапашеля, и ошь грязи, кошорую разбрасываепшь онъ на всѣ спорны, съ вами, лицомъ къ лицу, спалкиваешся комиссіонеръ квартала (*commissionnaire du quartier*).

Эшошь комиссіонеръ обыкновенно бываешъ здоровый весельчакъ, съ широкою грудью, черноволосый, съ огромными плечами. Вида его, чувспвуеше, чшо эшо человекъ на своемъ мѣспѣ, кошорый ни кому не долженъ, кошорому должны много, и у кошораго еспъ маленькій запасъ на черныи день. Кшо шакой, и чшо шакое эшошь комиссіонеръ? Эшо, для меня мой слуга; для васъ вашъ слуга; для всѣхъ — слуга всякому. Онъ принадлежитъ ко всѣмъ домамъ квартала; въ каждый домъ входитъ, изъ каждаго выходитъ онъ, свободно. Его зовушь зимою пилишь дрова; лѣшомъ выносишь цѣпши на воздухъ; ему даюшь ошнести письмо, или записку; онъ садитъ на козлы, и правитъ лошадыми, когда вы хоппше ѣхашъ на вспрѣчу вашей супругѣ, а кучерь вашъ напился пьянъ. Его имя всѣмъ извѣсно. Всѣ знаютъ ошкуда онъ, сколько ему лѣтъ, сколько лѣтъ его ошцу

и машери. Онъ другъ кухаркѣ, врагъ дворняку, независимъ, какъ слуга, у котораго много господъ, дѣшелевъ и уменъ, какъ земледѣлецъ, застѣвающій свое поле; онъ дѣлаешь много, дѣйствуешь мало, шагомъ исходишь онъ всякій день нѣсколько миль, и никогда, ничего, никому лишняго не скажешь. Скромный, презвѣй, всегда гошовый въ дорогу, всегда гошовый услужишь, онъ равно услужливъ въ дѣлѣ и въ шалости. Парижская улица не была-бы полна, если-бы на ней не было комиссионѣра, овощной лавочки, и виннаго погребка.

Далѣе, на Новомъ мосту, или на Гревской набережной, безъ лавокъ, безъ свидѣтельствъ, шолько съ значками, шолцился цѣлое поколѣнѣе промышленниковъ, всегда занятыхъ, во всѣхъ направленихъ бродящихъ между шолцою, и никому не иѣшающихъ. Одинъ, облокотясь на свою скамеечку, просишь васъ, за копѣйку, позволишь ему возврапишь блескъ вашей зашмившейся обуви. Другой, хриплымъ голосомъ, зовешъ вашу собачку, и, во члобы шо ни сшало, хочешъ оспричь ее. Испуганная собачка ваша, съ лаемъ, прижимается къ вамъ, а между шѣмъ — вопшь продають вамъ сѣрныя свички, вопшь предлагають булавки, а эшотъ шарикъ пишается продажею ячменнаго сахара! Посмотрите на эшу широкую кумушку: она носишь на себѣ цѣлую

кухню; шуть у нея печь, гошовая жарить, говидина, гошовая бышь изжаренною, и жаркое, во всѣхъ видахъ. На десяшь шаговъ вокругъ разносишся запахъ отъ жирной колбасы, золотишвиднаго каршофеля, коплетки изъ свѣжей свинины — лакомыхъ кушаньевъ Гревской площади! Но что я гозорю? Прелестный мерланъ, камбала, гужонъ — кушанья, годныя для общесства болѣе избраннаго, поочередно зовуть къ себѣ аппешить, прохожаго. Мясная лавка ходишь рядомъ съ кухней; подлѣ нея и свѣжая рыба, гошовая въ походной кухнѣ замѣнишь изжаренную. Чась по полудий. Парижанину пора приниматься за завпиракъ. По утру онъ выпилъ уже чашку сливокъ; въ полдень надобно ему съѣсть на чешыре копѣйки каршофеля, или чего нибудь жаренаго, которое подають ему въ печатномъ листочкѣ. Онъ съѣдаетъ свою порцію на чистомъ воздухѣ, облокотясь на мостовыя перилы, смотря на штуки мимоходящаго фокусника, и между шѣмъ можешь пробѣжашъ полишическiя новости и диптературныя извѣстiя. Такимъ образомъ, всѣ наслажденiя соединены въ одно время, въ одинъ, блаженный для Парижанина часъ. Вода журчишь въ рѣкѣ, солнце свѣтитъ въ небѣ, пшичка поешъ въ ближнемъ домѣ набережной *des Orfèvres*, лодочникъ навгриваетъ пѣсню, жаркое шипишь, и полишическiя новости вчерашнаго дня къ его услугамъ. Еще шра

дня пройдетъ, пока эти новости долетятъ до жителя близъ востъ Марсельскихъ, и онъ прочтаетъ, вспавши по утру, по, что прочиталъ уже, мимоходомъ, ремесленникъ на набережной Гревской, за походнымъ своимъ обѣдомъ.

Не думайте, чтобы вся эта промышленность годилась вездѣ и для всякаго. Нѣтъ! мѣлка промышленность Парижа есть достояніе только Парижанина; она годится только для Парижа; только Парижанинъ пойметъ ее, полюбитъ, сумеетъ оцѣнить настоящимъ цѣною всѣхъ этихъ мѣлкихъ поргашей! Мѣлкій поргашъ есть созданіе существенно-Парижское, необходимость существенно-Парижская. Только Парижанинъ умѣетъ остановиться, въ палаткѣ лѣтней зной, добраго продавца коко, разговоришься съ нимъ, пока онъ выпираетъ свой посеребренный спаканъ, заспавишь налишь его вровень съ краями, и выпивъ свой учаспокъ, и наговоривъ съ этимъ добрякомъ, по крайней мѣрѣ, на два су, попребавать ошъ него сдачи съ десяти саншмовъ. Продавецъ, добрый малый, улыбается, сдаетъ два саншима съ паша; и, учшиво раскланявшись, начинается снова кричать свое: *coco à la glace!* Насмѣющее провидѣніе жаждущихъ солдатъ и нанекъ!

На мѣстѣ Парижанина, вообразите себѣ какогонибудь провинціала, съ его презрительною

улыбкою, прихотливого и избалованного. Онъ гордо пройдешь мимо благодѣшернаго напаша, не захочешъ оиѣвѣать на дасковое привѣщивше спарой Гебы, призывающей его, и черезъ часъ послѣ шого засядешъ въ какомъ нибудь дрянномъ прапширѣ, поршишь желудокъ кружкой шжелаго пива.

Одинъ шолько Парижанинъ, шолько онъ одинъ въ цѣломъ мѣрѣ, умѣешъ говоришь съ рыбной шорговкою, бышь ласковымъ съ шорговкою усприцами, и не разсердишь ходячей кухарки, шоргуясь съ нею. Парижанинъ образованъ, учпивъ, говоришь шихо, избѣгаешъ всякаго несогласія, и — въ шоже время, онъ ни опъ чего не красиѣешъ: среди бѣла дня волочинися за *грязеткою*, кошорая нравишся ему; среди улицы обѣдаешъ; швободно заходишь къ погребщику, и пьешъ: эшо Діогенъ, умывшій руки свои мивдальнымъ мыломъ. Не думайше, чшобы шакое быль провинціалъ — о, вѣпш! провинціальный жипель спѣсивъ — эшо образчикъ избалованнаго чудака. Онъ презираешъ легкими удобствами жизни. Я показалъ вамъ, какъ онъ хошѣлъ лучше умерешъ опъ жажды, нежели змившъ на улицѣ спаканъ коко. Посмоприше шечерь, какъ входишь онъ въ одну изъ шѣхъ вонючкѣ госшмивницѣ, гдѣ обѣдаешъ за 24 су съ человекѣ. Провинціалъ нашъ величаво садипся за столъ, хо-

одно опрыпный. Онъ глотаетъ свои четыре блюда, не говоря ни слова, и послѣ июневскаго куска говядины, заячьей похлѣбки, негодной яичницы, чего нибудь молочнаго, и какихъ нибудь глотковъ жидкаго, онъ выходитъ, съ угрюмымъ видомъ, съ пуснымъ желудкомъ, съ началомъ несваренія, и не понимаетъ, что на Гревской площади, или на какомъ нибудь красивомъ бульварѣ, онъ, весело и шупя, пообѣдалъ-бы на половину испраченнхъ имъ денегъ. Что дѣлать! Когда провинціалъ обѣдаетъ, по хочешь, чтобы первое блюдо его были салфетка и серебряная ложка!

Парижанинъ, лѣпомъ живущій на открытомъ воздухѣ, дышашій, наслаждающійся солнечнымъ сіяніемъ, зимою грѣнся въ галлереяхъ Пале-Рояля, и на каждый часъ у него своя забава, за каждымъ шагомъ подсперегаешь его полнарабовъ, гоповыхъ исполняютъ всѣ его желанія, при малѣйшемъ знакѣ. Парижанинъ позволяешь себѣ быть сколько счастливымъ, сколько хочешь сдѣлать его счастливымъ. У него нѣтъ никакихъ заботъ въ жизни. Для него придуманъ лабиринтъ промышленности, который испугалъ-бы всякаго другаго. Если только Парижанинъ захочетъ, то ему дадутъ на копѣйку сахару, предадутъ крылышко дичины, ножку куропашки, головку фазана. У Парижанина есть

все, чего онъ хочетъ. Скажите, гордые богачи земные: что такое есть у васъ, чего не было-бы у него? Эпоштъ беззаботный шалуиъ веселъ, шакъ какъ вы, добръ, какъ вы, богашъ, какъ вы. Вы надѣваете газовое ваше плашье, госпожа Герцогиня; вы небрежно кидаете розу въ ваши волосы; прелестная лента окружаетъ вашу шалию. Но — завтра, а, можетъ быть, еще и сегодня, цвѣточница Женни надѣнетъ ваше газовое плашье; небрежно переброситъ въ свои волосы цвѣшокъ съ вашей головы; ваша лента обхвашитъ шалию Женни — только она принуждена будѣтъ подвинуть да-лѣе по левшѣ пражку — у нея шалия лучше вашей.

Такъ бываетъ со всѣмъ шѣтъ, что дѣлается, работаетъ, изобрѣтается въ Парижѣ, и ввозится въ Парижъ. Вся эта работа, вся эта изысканность, вся эта роскошь — для Парижанина. Призываютъ Шпауба, заказываютъ ему пару плашья, выбираютъ шелковистую шкань, назначаютъ цвѣшъ пуговиць, качество подкладки, надѣваютъ къ этому плашью жилетъ, привезенный изъ Англии, и сапоги работы Сакоскаго; шляпа къ этому наряду вѣсмитъ едва шри унцямъ. Прекрасно, милый дамк! Сшуй на пышку въ швоемъ новомъ плашьѣ, жми ноги швоими сапогами, задыхайся въ швоемъ жи-

леть, и держи въ рукѣ твою шляпу, боюсь испоршишь прелестную уборку твоихъ волосовъ.—
 Черезъ восемь дней послѣ шого, идетъ продавецъ стараго платья. — *Старое платье! Старое платье! Купите платье, продайте платье!*—
 О, Сакооскій! О Шшаубъ! ваши сапоги, правда, немного поразношенные, переходятъ на ноги шоргаша коншра-марками; ваше платье надѣшо на фигуранша Театра Гимназіи, которому платятъ по 20 су въ день, съ условіемъ, что онъ всегда будетъ чисто одѣтъ.

Ксшати, я упомянулъ о шоргашѣ коншра-марками, и фигураншѣ Театра. Поговоримъ объ нихъ.

Продавецъ коншра-марокъ есть шоргашъ драматическими удовольствіями для Парижанина. Парижанинъ, какъ въстарину знашныя люди, имѣетъ полную привиллегію ходить въ театръ даромъ, и это дѣлается слѣдующимъ образомъ: первую пьесу сыграли; богатъ пришелъ — ему скучно — онъ дремлетъ, и идетъ вонъ. Онъ бросаетъ просто, или продаешь коншра-марку свою спекулянту, который за этимъ только и спомъ у театральныхъ дверей. Тотчасъ подбѣгаетъ къ нему и покупатель, или шоргашъ самъ сыскиваетъ покупателя. «Угодно-ли видѣшь, какъ танцуетъ Г-жа Дюпонъ? — Угодно-ли видѣшь игру дѣвцы Жоржъ въ 5-мъ актѣ? —

Одри начинаешъ, и онъ сегодня прелестенъ! Не угодно-ли?» — И вотъ, мой Парижанинъ, съ сигаркою въ зубахъ, размышляешъ, небрежно моргуешся, берешъ конспра-марку, и за цѣну свѣчки, кошорую надобно-бъ было счесть ему въ это время, еслибм онъ оспался дома, видишь все лучшее въ спектаклѣ, пренебреженное богачемъ. Вотъ онъ аплодируешъ, смѣешся, свищешъ, забавляешся — для него шолько существуетъ Опера въ Парижѣ, для него шолько процвѣтающъ Искусства и Поэзія во Франціи. — Счастливыи челоуѣкъ! онъ всмалъ беззаботно, и съ утра гошовъ у него обѣдъ — для него курица напесля яицъ, корова надонла молока, комисіонеръ привнесъ свои крючки, чистильщикъ сапоговъ пригосовилъ лучшую ваксу, норшной сшилъ прекрасныи плащя, кошорыи вы видише — для него работающъ подрядчики, освѣщающся лавки, открывающся театры. Счастливое, три краши счастливое дѣйствіе мѣлкой промышленности Парижа!

(Окончаніе въ свѣд. N°).

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Мы давно слышали, что въ Петербургѣ издающіяся *Литтературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. Но, мало-ли что издается и дѣлается на свѣтъ! Ошь многого избави насъ Боже! Мы, право, не желали видѣть вблизи холеру, когда шемные слухи извѣщали насъ, что она свирѣпствуетъ въ Индіи. Пришлось однакожь быть свидѣтелями этого бѣдствія; пришлось намъ увидѣть и *Литтературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, издаваемые Г-мъ Воейковымъ. И еще съ какимъ трудомъ доспали мы это сокровище, котораго въ Москвѣ вѣтъ почти нѣ у кого! Нашелся экземпляръ (НВ, новенькій, не чинянный) въ Библиотекѣ для чтенія. По обязанности надобно было пересмотрѣть его.

Изданіе, достойное Г-на Воейкова: вошь лучшая характеристика всего, что издается подъ вѣдѣніемъ этого писателя. Но, право, мнѣ кажется, что онь шесшвуя приобрѣтаетъ новыя силы. Какъ можно дойдши до этой шочки, на кошорой шеперь находишся Издашеть *Литтературныхъ Прибавленій*? Какъ до такой шепенни не дорожишь своимъ именемъ? Вошь что не для всякаго можешъ быть повашно!

Чувствую, что мои литературныя стнованія и сожалѣнія не у мѣста при газетѣ Г-на Воейкова, въ которой литературнаго только одно заглавіе. Желая вездѣ отыскать какую нибудь мысль, можно было-бы предположить, что Г-нъ Воейковъ хотѣлъ издавать газету сатирическую, въ родѣ *Корсера* и *Фигаро*. Только не его дарованію предлежитъ такой подвигъ. Не его права надобно имѣть на роль пересмѣшника. Надобно бытъ сильнымъ. Вездѣ этого, насмѣшки будутъ шумноистро.

Впрочемъ, давно зная литературныя подвиги Издашеля мнимо-*Литтературныхъ Прибавленій*, мы и не дивимся, что онъ издастъ такую газету. *Корсеръ* и *Фигаро* издаются для публики образованной, а *Литтературныя Прибавленія*, можетъ быть, для ресторацій и харчевень. Вездѣ есть публика. Можетъ быть тамъ и вкушаютъ остроты Г-на Воейкова, какъ *entremets*, между настойкой и закуской. Мы на дѣлѣ видимъ, что образованные люди не читаютъ этой газеты, наполненной пустѣйшими анекдотами, литературными вздорцами, сплетнями, и совсѣмъ не литературною бранью на нѣкопоборыхъ, презирающихъ газету Г-на Воейкова писателей.

Но вотъ что доспойно замѣтки въ дѣшописяхъ липпературныхъ. Въ этой-шо газетѣ, у *Г-на Воейкова*, помѣщаютъ свои сочиненія нѣкоторыя Липператоры!!.. Тамъ находимъ имена Г-дѣ Якубовича, Гдѣбова, Ознобишина, Познанскаго, Трилуннаго, Романовича, Башилова, и нѣкоторыхъ другихъ. Г-нъ Воейковъ перепечатываетъ стихи Пушкина, Жуковскаго, Дельвига, Языкова, но сочиненія упомянутыхъ писателей являються у него въ первый разъ, слѣдовательно идущъ прямо ошъ сочинителей. Думайте послѣ этого объ усовершенствованіи Липпературы, ожидайте чего нибудь отъ большей части писателей нашихъ! Не можетъ быть, чтобы эти люди не знали общественнаго мнѣнія; знаютъ, и не хотятъ уважать его. Имъ все равно, гдѣ-бы ни напечатать, шодько напечатать свои сочиненія, хошя-бы въ . . . *Литтературныхъ Прибавленіяхъ*. Публика знаетъ цѣну этихъ *Прибавленій*: она не читаетъ ихъ; а Липператоры гошовы бышъ въ нихъ сошрудниками. Слѣдовательно публика выше Липператоровъ. Бѣдная Липпература, гдѣ есть это явленіе, и нѣтъ высокихъ, помышленій, нѣтъ благороднаго презрѣнія къ ничшожеству!

Анонимъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les coiffures en cheveux de moyenne hauteur sont restées le plus en majorité, les grecques ne convenant pas à tous les visages. Les cheveux plats en bandeaux ne sont pas abandonnés par de très jeunes femmes.

Un chapeau de crêpe rose avec un bouquet de pensées d'un jaune peu foncé, est une des plus élégantes coiffures pour demi-toilette.

Un charmant chapeau qui a été remarqué à l'Opéra, était en crêpe rose, la passe un peu inclinée; sur le haut de la forme, était posé un bouquet de thym des montagnes, cette fleur violâtre et brune ressortait sur le rose tendre, et avait cela de tout particulier, qu'elle se voit fort rarement.

Les pélerines de mousseline, et surtout de jaconas et de batiste, brodées d'une guirlande au-dessus de l'ourlet, et garnies de dentelle, sont celles qu'on peut choisir de meilleur goût pour le matin. Les formes très-étudiées à longues dents ou les doubles jockeis mêlés aux garnitures, sont infiniment moins bien que ce qui n'a de recherché que le luxe de l'étoffe ou des dentelles.

La mousseline blanche très-claire est une des étoffes qui s'emploient le plus pour les robes de toilette; une jolie façon est à corsage froncé, à *la Vierge*, garni au cou d'une dentelle haute de deux doigts, qui badine et ne doit pas retomber. Le cou reste dégagé et l'on peut mettre une chaîne dont le premier tour se serre, et l'autre retombe jusqu'à la ceinture. Une écharpe de gaze ou crêpe, très-légère, convient mieux à ces robes qu'un châle ou un sautoir.

(*) Въ Парижѣ до 15-го Августа (н. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДИ.

Une autre façon, plus négligée, est à corsage plat, décolleté. La pélerine ou fichu est à quatre pointes, celles des épaules sont plates, celle du devant et derrière sont froncées de quelques plis qui font la gerbe. Si la robe est tout unie, le fichu doit au moins être garni d'une dentelle.

La couleur cerise a conservé quelque faveur dans les accessoires de toilettes. Quant aux chapeaux, ils sont tout à fait passés. Les petites cravates, les écharpes, sont toujours fort bien, surtout si cette nuance est jointe à celle du vert, du blanc, ou du marron.

On parle beaucoup des gants de tricots, et beaucoup de journaux les vantent, et parce qu'ils sont encore une nouveauté, on s'efforce de répéter qu'ils sont à la mode. *A la mode* veut dire ce qui est adopté par le monde qui la donne, et nous pouvons assurer que les gants de Suède ou nos gants français en peau de chevreau sont les seuls qui soient toujours bien portés. Du moins ceux-ci laissent à une petite main délicate toute son élégance et ne la défigurent pas comme les gants de tricots qui n'ont de réel avantage que de conserver plus de frais pendant l'extrême chaleur.

On fait pour le matin des tabliers de gros-de-Naples à quadrilles. Maintenant la forme la plus simple est la plus distinguée. Des ourlets plats tout autour: des poches sans dents, sans découpures, plates, arrondies du bas.

Прически средней вышины вошли въ общее употребленіе, потому что Греческія вдушь не ко всякому лицу. Самыя молодыя дамы не оставили и нѣхъ причесокъ, въ кошорыхъ волосы бывають убранны въ видѣ гладкихъ полосъ.

Парижскія моды.

Для полунаряда, самый лучший головной уборъ шляпка изъ розоваго крепа, съ букетомъ *penées*, желшаго, нѣсколько густаго цвѣта.

Въ Оперѣ замѣчена прелестная шляпка изъ розоваго крепа, съ наклоненными, шолько не много, полями. На верху шубли былъ у нея букетъ горнаго пиміана: эношь цвѣшоокъ, фіолешовый и шемный, отличался на нѣжно-розовомъ, и былъ особенно замѣчашелень шѣмъ, что онъ употребляешся рѣдко.

Пелерники кисейныя, и особенно жаконешовыя и башистовыя, у кошорыхъ надъ рубчикомъ вышита гирлянда, а уборка кружевная, почишающся самыми изящными для ушреняго наряда. Слишкомъ изысканныя формы, съ длинными зубцами, или двойныя жокеи, съ уборкою, совсѣмъ не такъ модны какъ шо, гдѣ вся изысканность въ богашствѣ шкани или кружевъ.

Бѣлая кисея, чрезвычайно прозрачная, употребляешся всего болѣе для нарядныхъ плашьевъ. Прекрасный фасонъ: съ лифомъ въ складкахъ, à la Vierge, убраннымъ вокругъ шеи кружевомъ, шириною въ два пальца, кошорое развѣвашся, но не упадаешъ. Шея оснаешся ошкрышою. При эшомъ можно надѣшь цѣпочку, кошорой первый оборотъ стягивается, а осшальное падаешъ къ поясу. Шарфъ изъ газа или крепа, самаго легкаго, при эшомъ плашь гораздо лучше нежели шаль или длинный плашокъ на перекрешъ.

Другой фасонъ, попроще, съ гладкимъ лифомъ и нѣсколько ошкрышою грудью. Пелерника или косынка съ чешырьмя углами, кошорые на плечахъ гладки, а на груди и на спинѣ въ нѣсколькихъ складкахъ, образующихъ снопъ. Если плашье одноцѣшное, то

косынка должна быть по крайней мѣрѣ убрана кружевомъ.

Вишневый цвѣтъ все еще употребляется, не въ главныхъ принадлежностяхъ наряда. Только шляпокъ вишневыхъ вовсе не дѣлають; но галстучки и шарфы носятъ, особенно если эшотъ цвѣтъ соединяется съ зеленымъ, бѣлымъ или каштановымъ.

Много шеперь говорятъ о вязаныхъ перчаткахъ. Эшо не болѣе какъ новость, а Журналы хвалять ихъ и повторяють что эшо мода. *Мода* значить шо, что принято въ свѣтѣ, кошорый изобрѣщаетъ моды, а мы (говорить Парижскій Журналистъ) можемъ увѣрить, что въ модѣ однѣ перчатки Шведскія и Французскія кожанья. Онѣ, по крайней мѣрѣ, оставляють нѣжную ручку во всей ея прелести, и не обезображиваютъ, какъ вязаня перчатки, ошъ кошорыхъ шолько ша выгода, что онѣ сохраняють свѣжестъ въ лѣтнѣ жары.

Для упреняго наряда дѣлають передники изъ гроденапля съ квадрашами. Нынѣ форма самая протшая есть самая лучшая. Гладкѣ рубчики кругомъ; карманы безъ зубчиковъ, безъ вырѣзокъ, плоскѣ и округенные снизу.

На приложенныхъ картинкахъ :

Дама. Шляпка бассовая. — Платье изъ вышивной кисей.

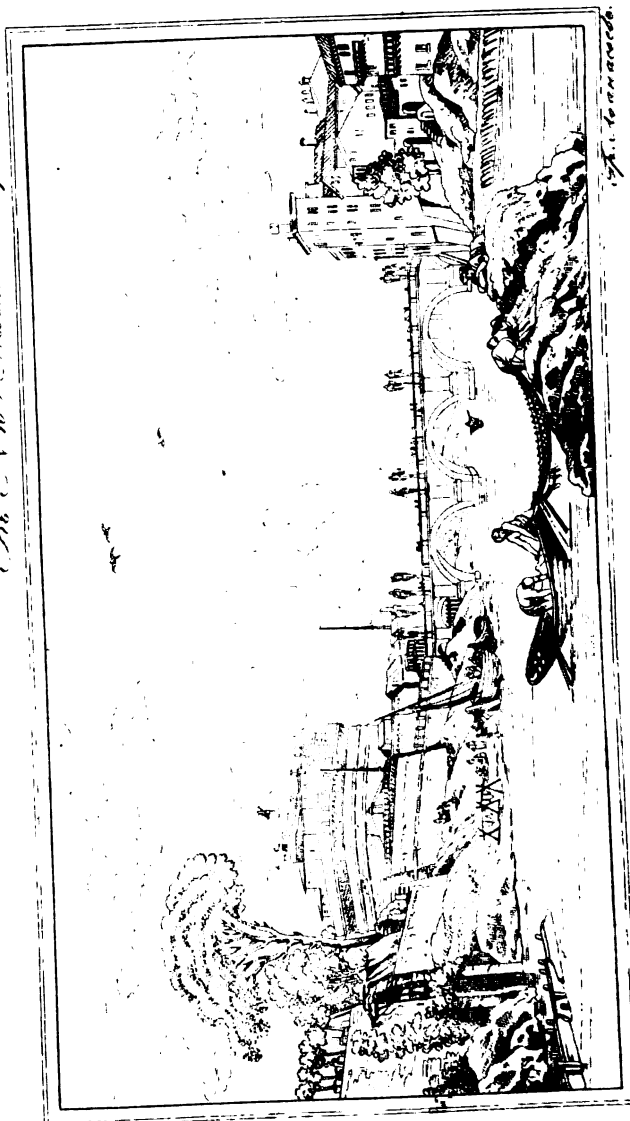
Мужина. Фракъ съ бархатнымъ воронникомъ. Жилетъ изъ козьего пуху. Панталоны изъ Англійскаго шикю или нанковые, и шиковые штимблешы.

Въ Парижѣ 10 Августа (мес) 1873

1
No. 410) c. Hood, Marcep. 1830 c.

St. Lawrence

St. Lawrence

КАМЕРЬ - ОБСКУРА.

№ 10.

МЪЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПАРИЖА.

(Окончаніе).

Мълкая промышленность естъ провидѣніе небогатаго Парижанина. Она спасаетъ его отъ скуки и ошчачнія; она сравниваетъ сословіе его со всѣми сословіями въ мірѣ; она даетъ ему средства удовольствоваться всѣ свои желанія. Мълкой промышленности Парижанинъ одолженъ своимъ благосостояніемъ, своимъ домомъ, своими слугами, своимъ экипажемъ. Давно-ли еще, кромѣ всего другаго, мълкая промышленность предложила всякому Парижанину огромныя кареты, въ двѣ, въ три лошади, всегда готовые къ его услугамъ, всегда готовые извѣздить Парижъ во всѣхъ направленіяхъ? Беззаботный, лѣнивый добрякъ Парижскій! Ты ни о чемъ не думаешь, а мълкая промышленность взялась за себя хлопотать: придумала ливрею для омнибу-

совъ, ушановила число и шерсть лошадей, заботилась о всѣхъ мѣлочахъ швоего экипажа. И вы, конечно, повѣрите, что когда Парижанинъ важно разляжешся на мягкихъ подушкахъ омнибуса, и горделиво упрешъ подбородокъ на коспяной набалдашникъ своей шпроси, право, ему нечего завидовашъ своему сосѣду, прежде бывшему Маркизу, копорый, желая ѣздить въ карешѣ, долженъ купить лошадей, нанять сарай и конюшню, заплашитъ кучеру и лакею, приготовитъ сѣна, и — не смопря на шо — всего чаще ѣздитъ въ наемномъ оіакрѣ.

Благодара мѣлкой промышленности, нѣтъ въ Парижѣ ни одной вещи, у копорой не было-би двухъ цѣвъ, двухъ крайнихъ цѣвъ, самой высокой и самой низкой: средний не бмваетъ, хомя, очень часно, высокая и низкая цѣна, въ сущности своей одно и поже. Такъ продають дичину на Новомъ бульварѣ, и у Г-жи Шеве; играють въ рулетку въ залѣ *Принцевъ*, сплошь раззолоченной, великолѣпной пещерѣ, гдѣ совершается раззореніе сполькихъ несчастливцевъ — играють въ рулетку и на Новомъ мосшу. Если Испальанскій бульваръ гордится Оперою, бульваръ Турецкой кофейни обладаетъ шакже Оперою, и болѣе нежели Оперою: шамъ *Фюллибулы*, и *Дебюро* — чудный кривляка! Ахъ! Боже мой! Кто междешъ сказаць, что на балахъ въ

улицъ Анпенской менѣ веселы, нежели на балахъ въ улицъ Куршилъ? Какую разницу находите вы въ побѣдѣ надъ кокешкою, въ ленгш и шедди закушанною, и въ преслѣдованіи *грязетки*, черноглазой, ловкой, съ маленькою ножкою? Да, *грязетка* настоящее Парижское созданіе, полузавядшій цвѣтокъ Парижской корзины, честь садовъ и великолѣпныхъ магазиновъ Парижа, поэзія Парижскаго студента, что-то милое, чего не лзя назвать ни порокомъ, ни добродѣтелью: это мѣлкая промышленность, веселая, рѣзвая, беззаботная, созданная для Парижа, и только въ Парижѣ могущая бытъ осуществленною! Да, да, понимаете-ли, что порокъ и добродѣтель, спраданіе и наслажденіе, любовь и раскаяніе, вездѣ и во всемъ—для Парижанина одно и тоже.

Парижанинъ уравниенъ со всѣми, кто-бы ни пріѣхалъ жить въ его городъ: онъ уравниенъ забавами, счастьемъ, любовью. Онъ раздѣляетъ всѣ праздники, всѣ наслажденія, всю роскошь. Разница, что сдѣлавшись боленъ, одинъ лежитъ въ своей постелѣ, другой въ больницѣ; но и здѣсь уравниеніе: лекарство одно и тоже, и въ чертогахъ богача и въ больницѣ, лекаръ одинъ и шопъ-же. Между чертогами и больницею не колеблется въ визитахъ своихъ славный Дюпюшрентъ, и еще, напрощавъ, къ Парижанину, къ

Парижскому Парижанину, больному въ его госпитали, онъ спѣшишь прежде богачей.

И не только мѣлая промышленность прилагается къ необходимостямъ жизни, къ потребностямъ роскоши, которыя также необходимость — итъшь! она вездѣ, она заботится о самыхъ спранныхъ прихотяхъ, самыхъ неожиданныхъ пребываніяхъ сердца и ума человеческого, о тѣхъ пребываніяхъ, которыя могутъ прійдти въ голову только богатаго и сильнаго человѣка, которыя въ другихъ земляхъ позволяешь себѣ только богачъ, и которыя позволяютъ себѣ Парижанинъ въ Парижѣ всегда, вездѣ, безъ всякой причины, только потому, что онъ знаетъ о томъ, чего хочетъ, хочетъ, потому, что знаетъ; ему одно время для жизни, и онъ Парижскій Парижанинъ.

Напримѣръ: Катерина хочетъ писать къ Ивану, который находится въ Шартрѣ. Катерина не знаетъ грамоты. Но за четыре копейки, Катерина посылаетъ къ Ивану письмо, прекрасно написанное, пречувствительное, безъ ошибки въ правописаніи, на веленовой, раздушенной бумагѣ, запечатанное сургучною печатью, съ гербомъ. Пріишелъ Иванъ, когда Иванъ получитъ это письмо, не шуща спрашиваетъ его: не новая-ли Г-жа Севинье пи-

шестъ къ нему? — Еще примѣръ : у васъ есть дядюшка , Членъ Филопехническаго Общества , и эпокъ дядюшка любите стихи? За день до именинъ его , заплашите пятнадцать копѣекъ , и — вы получите прекрасную пѣсню , сочиненную нарочно для дорогаго вашего именинника. И въ этой пѣснѣ будетъ его имя , и оно будетъ рифмовать съ послѣдующими стихами , если вы не пожалѣете прибавить еще пять копѣекъ. Знаете-ли вы , что въ Парижѣ есть пещеръ , подлѣ Люксанбургской рѣшешки , гдѣ какой-то Маркизь , за 12-ть франковъ сочинилъ цѣлый водевиль , и съ куплетами ? За мелодраму беретъ онъ по 25-пи франковъ , и недавно заплашили ему за модную пьесу изъ жизни Наполеона — сорокъ франковъ !

Есть люди , которые продадутъ вамъ четверть Мелодрамы , играемой на пещерѣ *Амбигю*. На набережной *aux Volailles* , вы найдете кучу писателей , составляющихъ цѣлый томъ романа за билетъ въ 50 франковъ. Они уступятъ этотъ билетъ своему книгопродавцу , по 15 на сто , и когда романъ явится въ свѣтъ , то окажется , что книгопродавецъ не въ большихъ баришахъ отъ ихъ работы.

Цѣлое семейство живетъ въ нижнемъ этажѣ , въ самомъ нездоровомъ мѣстѣ Парижа. Смотря на членовъ этого семейства , никакъ не угадае-

ше : какими ремесломъ занимающся всѣ они ? Всѣ они выходятъ изъ кварширы своей въ извѣстное время дня. Всѣ они презираемы своими сосѣдами. Въ кануру свою возвращающся они поздною ночью, что-то учась, чему-то учаща. Когда глава семейства выходитъ, то увлекаетъ съ собою всѣхъ — и сарага овца своего, и больную мать — даже маленькое дитя, въ колыбели, не бываешь забыто — и иногда даже собаченка Азоръ, и сорока Марго, соспавляють шоварищей его прогулки. Что за Цыганское семейство ? Узнайте, что глава семейства есть театральнй *фигурантъ*. Вся жизнь его проходитъ въ помѣ, что онъ представляешь безмолвныя роли, никогда не достигая до знанія актера, никогда не думая произнести хотя-бы одно слово на сценѣ. И знаешь-ли, что эпоху человекъ перенесъ въ жизни своей всѣ ужасы, всѣ спраданія Драмы ? Да, именно : когда Римляне были въ модѣ на театрѣ, онъ, Римлянинъ, въ шогѣ и пурпуровомъ плащѣ, протрудилъ правую руку, потому, что являлся съ голыми руками на сцену. Крестьяне, эти добрые *Колены* Комической Оперы, были пагубны его лѣвой ногѣ, потому, что онъ выбѣгалъ при эшихъ роляхъ на сцену въ тоненькихъ, перкалевыхъ панталонахъ, съ синими и розовыми банпиками на колѣняхъ. Появленіе Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* во Франціи было также роковою

эпохою его жизни. Драки разбойниковъ на сценѣ надѣлали ему много бѣдъ: однажды разрубили ему голову деревянною саблею; въ другой разъ выстрѣлили ему цѣлымъ писполоешный зарядъ въ лицо. Попомъ пошли и поползли по театрамъ чудовищи, дьяволы, адскіе огни — и ему надобно было мазаться краснымъ и чернымъ цвѣшомъ, являясь съ змѣями въ рукахъ, бросаться въ бездны подпольныя. Между тѣмъ природа болѣе и болѣе прѣбывала въ драмѣ: его заспавили ѣздишь по сценѣ на лошади, его вспащили на крышу горящихъ домовъ, велѣли ему изломать всѣ свои члены, покрыли его ранами и болячками, клеймили его горячимъ желѣзомъ, сѣкли плетьюми. Напоследокъ, когда онъ шакихъ усовершенствованій театры начали пущѣть, сбавили плачу несчастнаго фигуранта, заспавили его самого, на свой счетъ, покупать бѣлила, румяна, сажу, что все прежде выдавалось ему даромъ. Тутъ надобно ему было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Фигурантъ размножилъ ихъ всѣми манерами: онъ выпасилъ на сцену жену, дѣшей, вывелъ сеспру, брата, одѣлъ спараго онца Сенашоромъ, Дожемъ, Перомъ Франціи; спарая мать его получила мѣсто въ драмахъ Революціонныхъ и Наполеоновскихъ. Все сдѣлалось фигураншомъ театра вокругъ этого человѣка: сорока, кошорую видише вы въ клѣткѣ, на его

окошкѣ, играетъ ролю въ *Сорокъ-воровкѣ*; собака его была недавно превосходна въ *Монтаржиской собакѣ*. Въ мрачной, нездоровой, сирой канурѣ бѣднаго фигуранта вы найдете сокращеніе всего драматическаго искусства нашего времени.

Все это, нѣтъ спора, мѣлая промышленность, если только есть чтонибудь крупное на бѣломъ свѣтѣ. Кропая куплеты, расцѣпывая по клочкамъ комедію, чтобы изъ нея выкроить водевилъ, являясь передъ комическомъ чтеніемъ, собираясь вчепверомъ, чтобы разродиться совокупно жалкимъ псеапральнымъ уродцемъ, и, когда бѣдное созданіе готово къ розыгрышу на сценѣ, стояшь на колѣняхъ передъ бѣдняками, которые занимаясь промышленностью еще мѣльче водевильной, должны опхлопывать пьесу — да, правда, все это не крупно, хопъ и не легко!

Наспалъ день перваго представленія. Въ буфетѣ псеапральномъ собрались всѣ партерные липшерашоры, разобрали между собою условленные знаки, условились, когда должно сѣяться, когда плакать, въ какое рѣшительное мгновение необходимо придти въ воспоргъ. Успѣхъ заговоренъ, приготовленъ, рѣшенъ въ буфетѣ. Не знаю: можно-ли ъскапать промышленность мѣльче эпой, если ремесла авторовъ водевильныхъ не должно поставить еще ниже?

Часто случается, что мѣлкая промышленность перемѣняетъ шипуль свой: самая мѣлкая дѣлается большою, а самая большая вдругъ самою мѣлкою. Какая важная особа бывалъ въ спарину во Франціи Оберъ-Егермейстеръ? или Великій милосшно-раздаватель? или Оберъ-Церемоніймейстеръ? Напроривъ, посмѣтрите, какую огромную торговлю производишь теперъ Г-нъ Фюмадь, бывшій продавецъ фосфорныхъ огнивъ, или продавецъ ваксы, Г-нъ Гунтъ, разбогатѣвшій торгашъ, устроившій теперъ обширный магазинъ, съ зеркалами и эстампами на стѣнахъ. Въ одной изъ улицъ Маре, на широкой вывѣскѣ, можеша прочитати надпись, изображенную огромными буквами: *«Дютокъ сынъ, наследовавшій отъ отца своего производство бумажныхъ коробокъ.»*

Вопъ еще ремесленникъ: онъ опворяешъ дверцы у карешъ, при подъздѣ къ шеашру. — А наспрройщикъ форшепианъ? Мѣлкій промышленникъ, онъ пихонько пробираешся въ залу, опкрываешъ инструменшъ, измученный сонашами, возвращаешъ согласіе разспроеннымъ спрунамъ его. У эпого охощника до согласныхъ звуковъ нѣпъ своего форшепиано, и когда онъ наспрройшъ чужое, то, шрепеча опъ радости, позволяешъ себѣ наслажденіе — немножко поиграшъ. Но, входяшъ слуга, и оппускаешъ виршуоза,

не давъ ему докончить начатой импровизаціи. Что-же плашашъ ему? Немного побольше того, что плашашъ полошеру, и онъ искренно доволенъ.

Что вамъ угодно? Какое желаніе возмушило вашу голову? Вамъ надобно одну розу, приколоть къ петлицѣ вашего фрака? Извольте — вамъ сей часъ продадутъ розу. За копѣйку вы можете купишь фіалку, на мосту Художествъ. Слѣдуйте далѣе по набережной, и можете купишь книгу in-8, за цѣну 40 букетовъ фіалокъ. Вы живописецъ; вамъ надобны *натуральныя фигуры*, образцы? Какія именно фигуры: Марсъ, или Венера, Красота или Слава? Вошь Марсъ, въ лохмотьяхъ, бѣднякъ, плачевной наружности, проситъ милосердія, и указываетъ на разодранныя ложины. Вошь и Венера, съ прелестною шалією, бѣлыми плечами, высоко-воздымающеюся грудью, изящными руками. Сбрось свое покрывало, о богиня! Открой свои бѣлыя плечи, обнажи грудь твою, созданную для любви, выставь свою хорошенькую ножку, спавъ въ томъ роскошномъ положеніи, въ какомъ вышла ты изъ вѣдръ Океана! Извольте, извольте! И Марсъ, и Венера къ вашимъ услугамъ, и услуга ихъ стоитъ не болѣе того, сколько надобно было запластитъ за переѣздъ изъ улицы въ улицу въ порядочномъ фіакрѣ, до изданія новаго тарифа.

Наука продается въ Парижѣ недороже изящныхъ образцовъ для Живописи, пошому, что Парижъ наводненъ науками, искусвами, знаніями, набитъ Профессорами всякаго рода. Съ 1830 года учили Итальянскаго языка спали дешевле учителей Лапінскаго языка и Словесности; Нѣмецкому языку учились немного дороже. По всѣмъ предметамъ воспитанія, по всѣмъ профессорствамъ, самые дорогіе и самые уважаемые наставники, суть — шанцоэальные учителя. И шѣ учашъ почти даромъ. Судите о другихъ!

Росповщичество, даже росповщичество дѣлается мѣлкою промышленностью, чіобы легче ему было обирашь несчастныхъ жертвъ своихъ. Оно опирается на старый козырь, принимаетъ на себя видъ торгаша, въ маленькой лавочкѣ близъ рынка, и ссужаетъ бѣдняку шесть франковъ, съ пѣмъ, чіобы черезъ сутки получить отъ него шесть франковъ и пять санпимовъ. Оно покупаетъ билеты на вещи нищаго, заложенные въ Судной Казнѣ, и росповщикъ, мѣлкій мошенникъ, съ харею Тарпюфа, успѣваетъ выгадать и украсить что нибудь изъ этого, послѣдняго куска хлѣба. Такимъ образомъ, въ Парижѣ нѣтъ ничего, чіобы не могло быть сведено къ самому простому, самому низкому выраженію предмета. Вотъ золото — слѣдуйте

далѣе , въ увеличивающемся размѣрѣ , и вы дойдете до милліоновъ ; вотъ Каполическая религія — и проповѣдь нея секса Сень-Симонисшовъ ; вотъ величественный храмъ Св. Сульпиція — и подлѣ него часовня Аббаша Шашеля; вотъ Французскій Театръ — подлѣ театръ *Амбигю*. Какой хаосъ ! Какое безконечное движеніе ! Министръ и мошенникъ , придворный и шарлатанъ , банкиръ и рыночный росповщикъ , Тальма и Марли , Академія и разнощикъ ученыхъ объявленій ! . .

Но ремесла лоскушника , собирашеля нашеріаловъ для бумажной фабрики , никогда не осмѣлюсь я посшавишь въ число мѣлкихъ промисловъ . Нѣтъ , нѣтъ , почтенные лоскушники , послѣдніе судьи бумагъ , писанныхъ и печатныхъ , я не смѣю навлечь на себя вашего гнѣва ! И если надобно васъ посшавишь въ разрядъ мѣлкой промышленности , то развѣ съ шѣмъ , что вы займете въ ней первое мѣсто . Да , лоскушникъ есть созданіе съ важнымъ лицомъ , съ величественнымъ видомъ , молчаливое , спящее днемъ , живущее , прудящееся , дѣйствующее ночью . Неумолимый , какъ судьба , онъ и неушомимъ , какъ судьба . Онъ ждетъ ; но когда придетъ часъ его , то ничто не удержишь его смѣлой руки , и все попадаетъ въ его корзину . Въ этой обширной могилѣ законы Имперіи смѣшаны съ посшановленіями Республіки . Тутъ всѣ

наши эпическія поэмы, начиная съ Вольперовой. Всѣ журналы, поглотивъ собою все, чію только ни существовало, поглощаются корзиною лоскутника. Это бойня Липшерапуры, это складка всѣхъ нечистишъ умственныхъ. И по всѣмъ эпимъ отношеніямъ, лоскутникъ есть существо особенное, заслуживающее бытъ описано отдѣльно. . .

Вѣроятно, я забылъ еще много родовъ мѣлкой промышленности. Есть такіе, о которыхъ нечего говорить, потому что ихъ всѣ знаюшъ. Но какое изъ мѣлкихъ самое мѣлкое? Вопросъ шрудный! Думаю, что самая мѣлкая промышленность есть продажа похвалъ, если покупка ихъ еще не мѣлче, еще не ничтожнѣе.

Жанень.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ОТВѢТЪ

Г-ну Сочинителю Повѣсти :

Андрей, Князь Переяславскій.

«Ось жбѣ, Пале, тес-то бѣло!»

М. Г.!

Въ 6 № Телеграфа, вы изъявили справедливую прешензію на изданіе безъ вашего вѣдома двухъ главъ вашей Повѣсти. Читая спашью сію, я предчувствовалъ, что, по милости А. Ф. Воейкова, дѣло дойдетъ и до меня: предчувствіе мое сбылось! Читая далѣе, я нашелъ, что вы съ удивленіемъ встрѣтили въ 53 № *Литтературныхъ Прибавленій* къ *Инвалиду* (1831 г.), отрывокъ изъ вашей Повѣсти, напечатанный съ подписью моею, изъ Енисейска, и полагаеше, что эша выходка вполне принадлежишь Г-ну Воейкову.

Какъ ни больно мнѣ бытъ замѣшаннымъ въ дѣлѣ шакого рода, какъ ни далекъ я отъ литтературныхъ объясненій, но за всѣмъ тѣмъ, какъ честный человекъ, я вынужденъ сказать, что вы въ предположеніи своемъ не ошиблись, избавляя меня отъ

совершеннаго обвиненія въ присвоеніи и искаженіи
вашей собственности.

Считаю излишнимъ и даже не имѣю времени вхо-
дить въ дальнѣйшія объясненія. Могу только по-
клясться Фебомъ, вашими прекрасными стихами и
вашею единственною прозою, что я не виноватъ
въ семъ ни сколько; что я тогда-же, еще изъ Си-
бири, убѣдительною письмомъ просилъ Г-на
Воейкова снять съ меня эту напраслину и объявить,
что упомянутый опривокъ не принадлежитъ мнѣ.
Вѣроятно, слова мои... но зачѣмъ договаривать,
или говорить то, что для другихъ можешь быть
непріятнымъ?

Грѣшный человекъ, и я, шакъ-же какъ и вы, чув-
ствуя въ часы безсонницы какое-то поэтическое
призваніе, писывалъ стихи; пишу ихъ про себя и
нынѣ, а иногда и въ печать отдаю: однакожь какъ
произведенія мои ни посредственны, никогда не
думалъ я прославлять себя на счетъ другаго, ни-
когда еще не приходило мнѣ въ голову дурной мысли
присвоивать чужое, и шакъ нагло; хотя (долженъ
признаться) и былъ однажды оболъстительный пря-
мѣръ нѣкоего Г-на А. Грена, перепечатавшаго въ
покойный Съверный Меркурій изъ Енисейскаго Аль-
манаха (1828 г.) стихи одного моего знакомаго, подъ
названіемъ: *Могилы*, и подписавшаго подъ ними
свое имя!!! По Русской пословицѣ: *На тужой ко-
рочай, рта не разтвай*, я думаю: и худо, да свое,
и хорошо да чужое. И потому, хотя я и не имѣю
чести знать васъ, но, будучи однимъ изъ усерднѣй-
шихъ почитателей вашихъ литературныхъ про-
изведеній, какъ прежнихъ, шакъ и нынѣшнихъ, я

сообщу, что по стечению обстоятельств, выставленъ прошивъ васъ въ такомъ неблагоприятномъ для меня свѣтъ.

Не знаю, дойдешь-ли объясненіе мое до васъ, но во всякомъ случаѣ, избирая посредникомъ своихъ пошъ-же самый Журналь, въ которомъ напечатана ваша обвинительная статья, я остаюсь въ полной увѣренности, что Г-нъ Издашель М. Телеграфа не откажетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ въ гласности оправданія передъ публикою.

И. Петровъ.

Харьковъ.

19 Августа, 1832.

Издашель Телеграфа исполняетъ свой долгъ: оправданіе Г-на Петрова напечатано. Впрочемъ, нужны-ли были доказательства, что Г. Воейковъ сдѣлалъ обычную свою *штуку*? Это всѣ предчувствовали: и Авторъ Андрея Переяславскаго, и Издашель Телеграфа, и, вѣроятно, читатели наши. Это новая черта въ Русской Журналистикѣ.

— 0 —

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Une jolie forme de robe qui s'emploie beaucoup pour les robes d'étoffe du soir est à draperie croisée devant et derrière. On place à l'intérieur une espèce de chemisette en mousseline, en batiste, taillée comme la robe qu'elle dépasse de deux petits doigts, et garnie d'une maline au bas de laquelle sont posés deux rangs de dentelle à petits tuyaux retombant sur le corsage.

Les robes de chaly étant toujours dans une grande vogue, on s'occupe de les renouveler le plus possible avec quelques changemens. Dans ce moment on porte beaucoup de chaly brodé en soie plate. L'étoffe qui a peu de brillant fait ressortir la broderie qui est brillante. Ces robes sont habillées, et peuvent être faites décolletées.

Les jeunes personnes disposent leurs papillottes en touffes qui retombent sur l'oreille et laissent le front entièrement à découvert.

La coiffure d'une petite fille, et même d'une jeune fille de treize ou quatorze ans, doit être ou des boucles tombant sur le cou, ou une chinoise.

Leurs pantalons de percale doivent être demi-justes, tombant sur le coude-pied, avec une petite broderie au-dessus de l'ourlet, et si l'on veut, une petite dentelle au bord.

(*) Въ Парижѣ до 30 Августа (н. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

TOILETTE D'UNE FEMME ÉLÉGANTE.

Une des plus importantes parties de la toilette d'une femme, est certainement tout ce qui a rapport à sa toilette proprement dit.

Il dépend du goût de choisir un chapeau de telle ou telle couleur, de porter une ou plusieurs plumes; mais il est des secrets d'élégance, des recherches de soin qui n'appartiennent qu'à la femme vraiment élégante.

Nous allons jeter un coup d'œil d'ensemble sur tout ce qui entoure une femme du monde dans son intérieur particulier; détailler les pâtes, les essences dont elle fait choix pour son usage habituel; révéler quelques secrets dont elle fait mystère, bien que toutes les approuvent en général.

Les savons en pâte, ou plutôt en *crèmes*, sont onctueux et adoucissans, à la rose ou aux amandes. Le savon d'huile de palmier, avec les mêmes qualités, est aromatique et d'une odeur agréable; à la vanille, à l'ambre, ils laissent long-tems le parfum à la peau, mais ceux à l'amande sont préférés à tous.

La pâte d'amande en poudre est remplacée par la farine d'aveline. On a reconnu qu'elle séchait moins la peau que la première.

La pâte liquide préparée au miel, est indispensable pour conserver à la peau sa souplesse et son tissu uni; on s'en sert après avoir fait usage du savon. (*La suite au numéro prochain*).

Въ большомъ употребленіи прелестная форма для вечернихъ плащевъ, съ перекрестной драпировкой на груди и на спинкѣ. Подъ лифъ надѣваютъ родъ

Парижскія моды.

шенизетки, кисейной или батистовой, выкроенной по плащю, но такъ, что она выкаывается пальца на два. Она обшита Фландрскимъ кружевомъ, у котораго внизу два ряда кружевъ сложенныхъ въ шрубочки и упадающихъ на лифъ.

Плащя изъ шали все еще въ большомъ употребленіи, и потому всячески стараются поновить ихъ нѣкоторыми измѣненіями. Теперь носятъ много шали вышитаго несученымъ шелкомъ. Машерія эша имѣетъ мало блеску, и шѣмъ болѣе выкаывается блескъ шипья. Плащя изъ нея нарядны и могутъ быть сдѣланы съ вырѣзаннымъ лифомъ.

Молодыя особы причесываютъ свои булки болѣе назадъ, за уши, такъ что лобъ совершенно открытъ.

Прическа маленькой дѣвочки, и даже дѣвцы отъ шринадцати до чешыринадцати лѣтъ, должна быть, или локоны, падающіе на шею, или Кишайская,

Дѣтскіе перкалевыя панталоны дѣлаются средней ширины и доходятъ до сгиба ноги. У нихъ узенькое шипье внизу, и тамже бываетъ обшивка изъ узенькаго кружева.

Туалетъ модной женщины.

Важнѣйшая часть туалета женщины, конечно есть все то, что собственно относится къ ея туалету.

Выбрашь шу или другую шляпу, носишь одно перо или нѣсколько перьевъ, это зависишь отъ вкуса; но есть шайны моды, изысканности, принадлежащія только женщинамъ, въ полномъ смыслѣ модной.

Взглянемъ на все, что окружаетъ свѣтскую женщину въ ея уборной; опишемъ разныя мыла, духи,

выбранные ею для всесдневнаго употребленія ; откроемъ нѣсколько тайнъ , копорыя она старается скрывать , хотя всѣ вообще ихъ одобряють.

Мыльное пѣсто, или лучше мыльвыи кремъ, жирень и мягчипелень. Онъ бываетъ розоваго или миндалянаго запаха.

Мыло съ пальмовымъ масломъ , къ шты-же качествамъ присоединяетъ еще какой нибудь приятный аромать : ваниль, амбру, ось копорыхъ кожа долго сохраняетъ благоуханіе ; но миндальное мыло предпочитается всѣмъ другимъ.

Порошокъ миндальнаго мыла вынѣ замѣненъ мукою изъ Грецкихъ орѣховъ. Опытъ показалъ , что эта мука не шолько сущишь кожу какъ миндальный порошокъ.

Жидкое мыло, пригошованное съ медомъ , необходимо для сохраненія нѣжности и нѣжности кожи. Его употребляють вымывшиь сначала мыломъ.
(продолженіе въ слѣд. номерѣ).

На приложенной каршинкѣ :

Дама.—Креповая шляпка.—Пудерманшель изъ шпшой кисей , убранъ кружевомъ. Чехоль шафтяный.

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ штымъ , шшобы по напечатаніи предшавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сеншября 5. дня, 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

Въ типографіи АВГУСТА СЕМЕНА.

Гр. № 10. Кавказ-Общество 1832

Д-о Пашковъ 31. Авеюма (мод) 1832 г.

Fig. N. 10 Кансръ-Обушр. 1832.

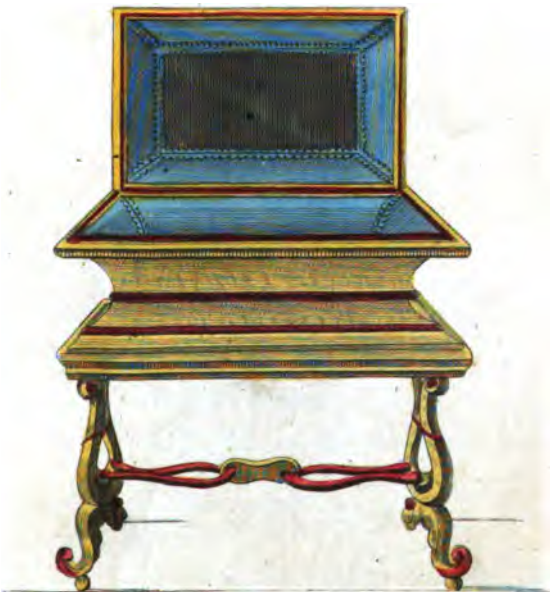
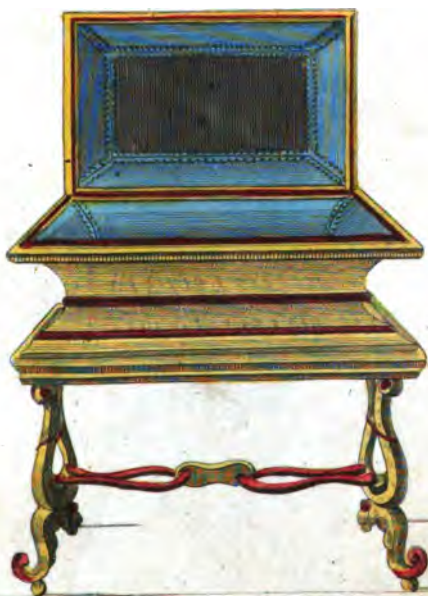

Табл. № 10. Кресло-Оубуфф. 1832.

КАМЕРЬ-ОБСКУРА.

№ 11.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ,

ЧУДЕСА И ДИКОВИНКИ (*).

О вы, щеголеватые *данди*, богатые *фашьонбл* улицы Анпенской и предмѣстїя Сентъ-Овора, дамы придворныя, дамы свѣтскія, никогда не выходящія изъ своихъ экипажей! Съ вышины каретъ вашихъ, едва замѣчаете вы, мимоходомъ, безчисленный народъ, жужжащій у ногъ вашихъ! Избранники судьбы, избалованные дѣлами счастья, посѣщивши только огромныхъ палаты, люди, которыхъ жизнь является шоль-

(*) Для полноты масперской картины Парижа, начертанной Жаненомъ (см. *Камерь-обскура*, № 9, 10), вопль еще нѣсколько очерковъ — спашья Поммье: Любопытно-бы послѣ сего взглянуть на Москву, въ тѣхъ-же отношенїяхъ. Сравненїя поясняютъ многое лучше огромныхъ диссертацій. *Изд.*

— *плюмажи!* Женщина, у которой любовник съ плюмажемъ, смотришь на всѣхъ другихъ съ видомъ какого-то превосходства и пренебреженія. Она сама солдашъ, когда солдашъ у нея любовникъ; ей кажется, что она носишь его шпагу, она гордишься его званіемъ, и, какъ необходимо слѣдуетъ, презираетъ фразниковъ. Вообще говоря: хотѣли-ли вы удачи въ любви? Надѣньте военный мундиръ, украсьте шляпу свою плюмажемъ. Плюмажъ — это ключъ къ женскому сердцу. Какая женщина усомнишь прошивъ плюмажа!

Пойдемъ далѣе. Что за веселость на всѣхъ эпихъ лицахъ! Въ день радости и досуга забыты всѣ дѣла, всѣ заботы дѣлой недѣли. Всякая скучная мысль опложена до ушра Понедѣльника. Дома пусты; весь Парижъ гуляетъ по улицамъ. Тушь играють, шумъ пьютъ, шумъ ѣдятъ.

Въ Парижѣ ничего не дѣлають малымъ числомъ. Все выдвигается возами, горами, какъ въ царствѣ пировъ. Есть извѣстные подрядчики пирожковъ на рынки, и по Воскресеньямъ вываливають они изъ своихъ печей миллионы булочекъ, пирожковъ, паштетовъ — настоящій волканъ печенья, какое-то газірономическое изверженіе, лава котораго, еще не остывшая, въ одно мгновеніе ока, разливается до предѣ-

ловъ каждого Парижскаго предѣлскаго, какъ будто пошопъ, какъ будто наводненіе пирожковъ и пирожнаго всякаго рода.

Неуже-ли вамъ это не нравится? Хорошо; мы найдемъ чѣмъ ошвесити ваше сердце, споль нѣжное, споль щекоплавное. Вошь лимонадъ, со льдомъ, по кофійкѣ стаканъ. Прекрасное, филантропическое изобрѣшеніе, самое народное, самое высокое изъ всѣхъ возможныхъ предпріятій! Лимонадъ, свѣжій, подслащенный, и не для однихъ Лукулловъ Биржи, не для блестящихъ шолько залъ Пале-рояля — нѣтъ: для каждого перекрестка, для послѣдняго бѣдняка, которому почти нечего ѣсть! О чудесное употребленіе полезныхъ искусствъ! О совершенствованіе! О вѣкъ, памятный между всѣми вѣками! Не есть-ли это одно изъ самыхъ величайшихъ благодѣяній новѣйшаго времени!

Пусть говорятъ послѣ сего, что состояніе чловѣка не улучшается! Не смѣйте говорить, по крайней мѣрѣ, въ присущствіи вошь много филантропа Шателенской площади, чего-то въ родѣ Торшони, бродячаго, проспонароднаго, продающаго мороженое по два ліарда! Мороженое за два ліарда — не диковинка-ли? Кто-бы могъ предвидѣть, что шакое, совершенно аристократическое наслажденіе сдѣлается со временемъ наслажденіемъ самымъ нѣщанскимъ?

Вотъ какъ прыгають при большызъ переворошахъ! Какое разстоянiе перешагнуто! Не шахъ далеко, можешь бышь, отъ Людовика XIV-го до 1830-го года, какъ отъ ванильнаго мороженаго до желудка шрубочиста! Удовольствiя образованности, наслажденiя роскоши и сибаритской изысканности, выходятъ мало по малу до Париевъ, до грубой черни! Дѣло конечно: привилегiи скончались, когда кончилась привилегiя шербеиа и лимонада, и когда ихъ пьешь всякiй!

Счастливецъ Парижанинъ! Всѣ возможныя искусства, всѣ снраны истощающся, для удовольстворенiя его вкуса, его прихостей. Всѣ шуземныя сладобы у него подъ рукою, и за бездѣлку: стоишь ему шолько наклониться и взяшь изъ нихъ, что ему угодно. Но этого мало. Ему предлагають всѣ заморскiя произведенiя, всѣ Америкацкiе плоды, и онъ покупаетъ ихъ не дороже грушь и картофеля, привезенныхъ изъ ближняго огорода, или сада. Не угодно-ли вамъ опшвдатель кокосоваго орѣха, этого огромнаго, бѣлаго зерна, обвернушаго черною, шолстною скорлуною? Его пригошовашь вамъ на копѣйку, на двѣ, больше, меньше — сколько угодно. Не хопише-ли вы покушашъ сахарнаго шпросшника, этого безцѣннаго растенiя, изъ котораго лется амврозiя, слаще амврозiя Оми-

ровскихъ боговъ? Скажите только: на сколько вамъ ее угодно? Вошь вамъ и продавецъ, съ ножикомъ въ рукѣ, гошовый отръзашъ, какъ прикажете — вершокъ, фунтъ. Да, это дрянъ — скажете вы — сухое, безвкусное дерево! Хорошо, но развѣ за ничто считаете вы удовольствіе ошвѣдать сахарнаго просинника? Цѣлую жизнь можете вы пошомъ гордиться этимъ, какъ дѣломъ весьма важнымъ. «Я, М. Г., я, кошорый виѣшъ честь бесѣдовать съ вами, въ сахарный просинникъ» — скажете вы — и на васъ посмотрятъ съ удивленіемъ, почши съ уваженіемъ, и вы покажешесь особою важною, великимъ человѣкомъ, пошому, что вы вамъ сахарный просинникъ.

Впрочемъ — закуски, лакомства, все это еще не велико дѣло. Сколько другихъ диковинокъ насъ ожидаетъ! Вспомните, что мы въ Парижѣ, городѣ чудесъ, центръ всемирныхъ рѣдкостей. Что угодно вамъ посмотреть? Только извольте сказать, только спонитъ вамъ промолвить слово, и всякое желаніе ваше въ минушу будетъ исполнено. Никогда палочка волшебника, никогда геній Арабскихъ сказокъ не дѣлали ничего такого, что могло-бы сравниться съ дѣйствительностію, васъ окружающею. Въ Царствѣ собирается все, что только есть рѣдкаго подъ солнцемъ. Если въ какомъ набудъ уголокъ міра

родилось необыкновенное чудовище, если гдѣ нибудь появился ребенокъ съ однимъ глазомъ, съ тремя глазами, если открыли гдѣ нибудь блоху, величною съ мышъ, или мышъ съ человѣка ростомъ, или человѣка, полсапаго, какъ быкъ, или быка не менѣ слова, или слона, равнаго киту, или кита съ цѣлую обласць — все это непременно везется въ Парижъ, и показывается въ Парижѣ. Все находишься шамъ, даже и то, чего нѣтъ въ цѣлой природѣ.

Не угодно-ли вамъ взглянуть на гермафродита? Рѣдка вещь подобная диковина! Это чудесный человѣкъ: и мужчина, и женщина. Физиологи утверждаютъ, и доказываютъ, что никогда не бывало и нѣтъ гермафродитовъ. Вопль, охота вамъ ихъ слушать! Да, вамъ покажутъ въ Парижѣ не одного, но двадцать гермафродитовъ, если только вамъ вздумается ихъ посмотрѣть. Не хотите-ли видѣть Цезарева коня, съ человѣчьими ногами, или Александра коня, съ бычьей головою? Не хотите-ли взглянуть на гидру, химеру, Кадмова дракона, Андромедино чудо морское? Не прикажете-ли показашь вамъ грифа, сѣякса, сѣйпра, ценшавра, пришона, сирену, циклона, пашагона, пигмея, горгону, альбиноса, вампира, луннаго жишеля? Стоятъ сказать — все это найдется въ Парижѣ, на тѣлгѣ, въ палаткѣ, въ ящикѣ, въ ящикѣ, въ ящикѣ.

Посмотрите только на изображения, на поршеш диковинокъ, которые выставляются сваружи, для привлеченія любопытныхъ. То видите вы ребенка, мальчика, съ огромною женскою грудью; то высокую женщину, вышивную съ домъ, и бородашую, какъ сапёръ; то ужаснаго смача, великана, который говоритъ на двадцати двухъ языкахъ, подобно Г-ну Сильвесшу де-Саси; то пигмея, пухленькую ручку кошораго показывающъ вамъ въ маленькое опшвершье, и кошорый весь усадется въ вашей шляпѣ; то, наконецъ — челоуѣкоядца, совѣтъ нагаго, съ пламенными глазами, убивающаго шигра однимъ взмахомъ дубины, или — еще лучше — дикую дѣвушку, Королеву, или Привѣссу покрайней мѣрѣ, которая убиваетъ медвѣдя стрѣлами. И вездѣ толпа, разивувшая рти опъ изумленія, дивится и не надивится, какъ на выѣскѣ балагана левъ рыкаетъ, пѣна у рта, медолинскіе зѣи ломаютъ буйволовъ, обвиншесъ вокругъ ихъ, и безмѣрные крокодилы жууютъ людей, словно табачный листочекъ.

Обращите взоръ на эти высокія подмосѣтки. Здѣсь передразниваютъ старинные шешры, говорятъ грубыя шонкосши, и кривляки въ лоскушьяхъ забавляютъ проходящихъ смѣшными шушовшвами. На шаконъ-то шешрѣ, Бобешъ, герой дураковъ и шушовъ, увеселяетъ вѣкогда

своими шалостями добродушныхъ постигателей Храмоваго бульвара. Въ эту минуточку, виднѣли — вниманіе публики увлечено удивительнымъ уроказникомъ: по примѣру баснословныхъ драконовъ, онъ изрыгаетъ облака огня и дыма. Огромный запасъ пакли въ рукахъ его; онъ рветъ ее зубами, наколачиваетъ себя ею, какъ добрый шюфакъ, ѣстъ ее, пожираетъ ужасно, и потомъ изрыгаетъ ртомъ огонь, и зѣвающая толпа не можетъ наглядѣться, шѣсниться, кричать онъ удовольствія, видя чудесника, обладающаго такимъ удивительнымъ искусствомъ.

Но, вдругъ сцена измѣняется. Вышли музыканты, начали нестерпимый концертъ, и вспревожили цѣлый кварталъ. Слышите-ли вы рѣзкіе звуки дудки, пробивающіеся сквозь ревъ трубы, вищанье скрипокъ, оглушающій шумъ цимбаловъ и громъ ужаснаго барабана? Женщины, дѣти, спарики, взрослые, недоросетки, все бѣгутъ на призывъ этого варварскаго оркестра. Глаза зрителей успремлены особенно на цимбальщика. Счастливыи смертныи! Это дикарь съ береговъ Сены, Караибъ изъ предвѣстія Сенъ-Марсо. Три четверти лица закрыты у него дремучимъ лѣсомъ поддѣльной бороды, на головѣ діадема изъ перьевъ, руки и ноги зашинушы въ запачканное шрико шѣлеснаго цѣша. Это герой театра; онъ зашнѣваетъ всѣхъ, и

всѣ глядятъ только на него. Подвигнешь-же его ловкостью: онъ совсѣмъ не знаетъ, что такое замѣшательство; онъ привыкъ къ людскому удивленію и къ глазной публики; ни на что не обращаетъ онъ вниманія, и занятъ только работою своею, усердно присовокупляя желѣзные звуки къ ужасному реву другихъ шоварищей.

Когда эта проклятая музыка, нашумѣла уже довольно, и собраніе сдѣлалось многочисленно, хозяинъ являющійся на подмосткахъ. Костюмъ его состоятъ въ изношенномъ сюртукѣ, старой, круглой шляпѣ, ужасно засаленной, и надѣтой на одно ухо. Важный видъ, хриплый голосъ, запачканныя руки — необходимая принадлежность. Послушаемъ его :

« Пожалуйте, пожалуйста, господа и госпожи! сходите посмотрѣть! Феноменъ единственныи, удивительный, неподдѣльный, несравненный! Дикая дама, и кушаетъ сырую говядину, точно шакъ, какъ мы, вы и я, ѣдитъ жаркое и ивродное! А эта барышня — А! (онъ указываетъ палочкою на размалеванную, холщяную выѣску) — эта дѣвица, лѣтъ 18-ти отъ роду, и совершенная красавица, какъ вы изволите видѣть (онъ слова указываетъ на холщяину), была найдена, полтора года тому въ Лишовскихъ лѣсахъ. Она проводила тамъ вре-

ши, какъ живошныя. Она была нагая. Она ничего не говорила, лазила по деревьямъ, и ловила зайчиковъ, и дикихъ упочекъ, и ногтями раздирала свою добычу, и ѣла, не спрятавши ничего, шакъ, смрое, какъ медвѣдь, и левъ, и прочіе дикіе звѣри. Величайшихъ трудовъ стоило поймать ее, но никакъ не могли приучить ее къ обыкновенной пищѣ. Если только вамъ угодно будетъ пожаловать, господа и госпожи, вы увидите эту барышню, вотъ эту (онъ еще указываетъ на картину), и она при васъ будетъ кушать сырую говядину, только что принесенную изъ мяснаго ряда. Она была при всѣхъ Дворахъ Европейскихъ — и при Дворѣ Его Величества Короля Датскаго, и Короля Бельгійскаго, и Короля Греческаго. Рѣдкая, диковинная вещь, очень любопытно, господа и госпожи! Пожалуйте, пожалуйста, господа и госпожи! Сей моментъ начинающъ; извольте поскорѣ брать билеты; иначе не заспаненне мѣста помомъ. Живой феноменъ, феноменъ безподобный, невиданный! И много-ли стоить заплатить? Всего по грошу, по грошу, господа и госпожи!»

Эта рѣчь, обыкновенная, съ нѣкошорими только перемѣнами, извѣстная съ тѣхъ поръ, какъ существовали обманщики и простаки, подкрѣпленная примомъ огромною картиною на ви-

вѣскѣ , никогда не терпятъ своего дѣйствія на шоллу. Люди, въ этомъ отношеніи, удивительны : они похожи на звѣрей , кошорыхъ съ самаго начала міра ловятъ одинакими силками , и кошорые безпреставно въ нихъ попадаются. Не въ состояніи будучи превозмочь некушенія , самыя любопытныя , или кто побогаче , идутъ въ балаганъ шарлапана , а оспальныя слѣдуютъ за ними зависпавымъ взоромъ.

Но, пустьъ бываетъ тоже самое, что обыкновенно случается на бѣломъ свѣтѣ : дѣйствительность разочаровываетъ воображеніе. Предполагали себѣ удовольствіе , и удивляются, что купили шолько одну досаду. Въмѣсто блестящихъ диковинокъ , какія воображали увидѣть , вмѣсто существъ , съ ашлешическими формами, украшенныхъ браслешами , ожерельями , серьгами , одѣтыхъ , какъ Восточныя Сулшаны , находятъ во внутрешности балагана жалкихъ бѣдняковъ , искривленныхъ , больныхъ , одѣтыхъ въ лоскушы , людей, на кошорыхъ жалко сморѣть. Всѣ женщины спарухи, и дурны , какъ смершныя грѣхъ ; всѣ мужчины запачканы и безобразны. Вамъ общали показать маленькаго карлу , спройнаго , складнаго , свѣжаго , ловкаго , уйнаго — показывающъ опшрашительнаго спарачишка , кривоногаго , большеголоваго , кошорый кое-какъ гнущитъ , едва шаскается на косны-

ляхъ — словомъ: одну изъ тѣхъ фигуръ, копоря грезяща въ снѣ, когда мы бываемъ больны.

Въ другомъ мѣстѣ, вамъ предсказываютъ бѣдную дѣвушку, одѣтую Канныбалкою, и увѣряютъ, что она глотаетъ кремни. Бѣдняжка, въ самомъ дѣлѣ, должна показывать, что любитъ ихъ. Когда приносятъ шарелку кремней, она вырываетъ ее изъ рукъ, будто голодное животное, и шарлапанъ, изъясняющій это явленіе, шлокаетъ ее въ животъ, и вы слышите, какъ въ животѣ ея спучаютъ кремни.

О Парижъ, столица шарлапанства, городъ мошенниковъ, сбѣжавшихся со всего свѣта! Сколько лопшерей, сколько рулетокъ, сколько игръ заведено для ловкости и удачи, сколько бродящихъ бездѣльничествъ! Посмотрите, добрые люди: вамъ стоишь только сбить кеглю, кинуть кружокъ на кружокъ, разбить стеклышко, и — вы выиграете! Какихъ усилій ума человеческого не испытываете ежедневно, для открытія какого нибудь новаго средства, чтобы поймать общественное любопытство! Чего не выдумываютъ, на что не пускаются! Какое соревнованіе! Какая прата гонія, и что за вымыслы! Посмотрите: вотъ сославъ удивительный, для шоченья бришвъ, для сдѣланія ихъ пехрупкими — для порчи ихъ, какъ-бы онѣ хороши были; вотъ камешокъ для бришва бороды —

возьмите его : бороды не выбрешете, а кожу съ лица сдерете!

Извѣщенъ-ли вамъ маленькій ученый, котораго спрашиваютъ на улицахъ? Это мальчикъ-умешвенный скоростыка, испивное чудо! Не говорите мнѣ болѣе о Пикѣ Мирандолѣ, и ни о комъ другомъ : маленькій ученый превзошелъ всѣхъ, зашилъ всѣхъ! Онъ знаетъ сколько камней въ Парижской мостовой, сколько звѣздъ въ небѣ, сколько песчинокъ на берегу морскомъ; онъ знаетъ навѣрное число каждаго событія въ цѣлой всемирной Исторіи, помнитъ время всякаго изобрѣшенія. Память его неисчислима, неизяснима : онъ полонъ, какъ Энциклопедія, вѣренъ, какъ опечашка. Онъ знаетъ-бы *все*, если-бы зналъ по-Французски.

А виршуозъ, который одинъ даетъ цѣлый концертъ, вдругъ играетъ на гитарѣ, на омейштѣ, на бубенчикахъ, привѣшенныхъ къ его шактѣ, въ то-же время локтями бьетъ въ барабанъ, повѣшенный за спиною, а ногами стучитъ въ цымбалы! А человекъ, представляющій спашую, изучившій курсъ неподвижности, достигнувшій до того, что сдѣлался совершенною машиною? Его шевелятъ, кладутъ, носятъ, спаваютъ, какъ настоящую спашую; онъ неподвижно осматривается въ положеніи, какое дали ему; машетъ руками, какъ машина шелегрѣйская; штъ его

одеревенѣло , окостенѣло , такъ , что даже рѣсница не мигнешь , если вы не велише ! А слѣпой шолспякъ , съ своею собакою , своимъ гудкомъ , своимъ бычьимъ голосомъ , смѣшными пѣснями , и рожею , споль уморительною , споль забавною , споль еспешивенно подвижною ? А цѣлое семейство на ходуляхъ , дѣлающее всѣ маневры и экзерциціи , какъ будшо капральспиво пѣхопы ? А химикъ , съ небольшимъ запасомъ воды , въ одно мгновение , при васъ , приготавливающей вино всѣхъ цвѣтовъ и вкусовъ , и которому для этого сповшъ только переливъ воду изъ одного спакана въ другой ? А *неgociантъ* , какъ онъ самъ себя называлъ , продававший порошокъ , и совѣтовавший , если хотите посмѣяться , насыпать этого порошка въ чью нибудь постелю , или , еще лучше , высыпать имъ паркетъ въ балльной залѣ

Безспидная глупость ! . . . Но , покупатели находились ! . . . Помните-ли вы еще торговца мышьякомъ , кошорый , въ доказательство доброты шовара , какъ свидѣтельство неоспоримое , спаскалъ в раскладывалъ по угламъ улицъ кучу мышей , крысъ , крошовъ ,дохлыхъ , полуизгнившихъ ? — А чиститель пашень ? Желая доказать превосходство своего мыла , или своей эссенціи , онъ подсперегаешъ каждое пашнышко , привыкъ опкрывать его издалека , какъ-бы оно

мало ни было, и когда замѣнишь онъ свою жертву, то схватываютъ ее за ворошь, пащущъ, и — хочешь-ли она, или не хочешь, чистишь ее. Горе вамъ, если вы идете на виду у него, и ваше платье не шакъ чисто и опрятно, какъ первый зимній снѣгъ! Дѣлайте, что вамъ угодно, вы будете схвачены, вымыты, намылены, вычищены — васъ заспаваютъ бышь опрятнымъ по нероль. А, шакъ называемый, *настоящій фабрикантъ* одеклона, не находившій другаго средетва доказать лекарственную пользу своего изобрѣшенія, кромѣ того, что самому платью его пятьдесятъ разъ въ день передъ шолпою проходящихъ, и потомъ заспаваютъ зрители подавашъ себѣ руки, плашки, табакерки, чшобы навоняшь все это своимъ гадкимъ составомъ? Выдали-ль вы Турковъ, Мамелюковъ, Мавровъ, урожденныхъ Парижанъ, дорого продающихъ Христіанамъ гнилые финики, взятыя изъ рыночныхъ лавочекъ, пахучіе шарки, минимы Серальскія лепешки, кошорыя пахнутъ погребальнымъ факеломъ, если зажечъ ихъ, и изъ кошорыхъ одной довольно, чшобы уморишь опгъ вони цѣлый домъ? Видете-ли вы эшихъ мошенниковъ, эту ловкую каналью, которая продаетъ цѣпочки для сбереженія часовъ, и начинаешъ шбмъ, что сама крадетъ ваши часы, шакъ, что вы начнете говорить съ шакимъ бездѣльникомъ, и у васъ часы были безъ цѣпочки, а кон-

чипсе, и найдете цѣпочку безъ часовъ? А молодя Эльзаски, маленькія шорговки бѣленькими вѣничками, съ черными повязками на головѣ, широкими рукавами, синими чулками, коропенькою юбочкою, кошора, что день, шо спавишися, короче, и не диво, пошому, что дѣвочки распушъ, а юбочки ихъ не длиннѣють! Знаеше-ли однакожь, что пушъ можешъ встрѣпшишься большое зашрудненіе: если Эльзаскія шорговки не переспанушъ расши — я не ошвѣчаю за будущій ихъ нарядъ! Вспомните еще бродящихъ шрубадуровъ и менеспрелей, кошорые изъ нашихъ гуляній дѣлають настоящія музыкальня академіи; вспомните черноволосыхъ Ишальянокъ, бѣлокурыхъ Нѣмокъ, бѣгающихъ изъ кофейной въ кофейную, съ своими скрипочками, люшнями, мандалинами, арфами, своими голосами Сиренъ, чтобы заняшъ и восхишишь вдругъ всѣ ваши чувшва! А механическіе органы, съ ихъ пляшущими куклами? А рыль, серинешы, чревошвѣщашели, съ ихъ предсказаніями, креслы, для взвѣшиванія самихъ себя, машины, для измѣренія силы человѣческой; кочевой аспрономъ, всякій вечеръ показывающій въ телескопъ мѣсяць и звѣзды, микроскопъ, въ кошоромъ блоха кажешся слономъ? Не забудьше человѣка, долго ошдѣвнаго въ шюрмѣ, гдѣ — чудо промышленноши и терпѣнія — на досугъ, онъ наловилъ блохъ, вооружилъ ихъ съ ногъ до головы, не

забылъ ни шлемовъ, ни поручней, ни поножи-
ковъ, ни щиповъ, ни коньевъ, достигъ до по-
го, что запрягаешъ ихъ въ пѣлеги, засшави-
ешъ возишь маленькія пушечки — чудиме эки-
пажи, невѣсомая артиллерія, почти невидимая,
копоруя, и съ лошадьми, можно заперешъ подъ
камешекъ першня! — Мы видали человекъ, пи-
савшаго — чѣмъ-бы думали? брюхомъ! Женщину,
копоруя шила колѣнками. Упоминашь-ли о скле-
вашеляхъ бшаго фарфора, продавцахъ Испан-
скихъ и Трипольскихъ бѣлашъ, у копорыхъ на
сполахъ всегда сидишь какая нибудь сова, на-
кой нибудь смѣшъ, дремлющій, но хорошо при-
бранный и напудренный? Говоришь-ли объ уче-
ныхъ звѣркахъ и звѣрахъ? Вошь лошадь, пока-
зывающая ногою копорый часъ, и кшо въ все-
го собранія влюбленъ болѣе другихъ; вошь вер-
блюдь, ушниво преклоняющій колѣна подъ звукъ
волянки; вошь обезьяна, копорая вѣдиптъ вер-
хомъ на собакѣ, дѣлаешъ все шпуки верховаго
вѣдока, мепешъ полъ, и подспавляетъ шляпу,
чшобы вы положили въ нее копѣйку; вошь дру-
гая обезьяна: ей брѣюшъ бороду огромною де-
ревянною бритвою; не понимая, для чего эшо
дѣлаешся, она кричиптъ, кривляешся, скалпшъ
зубы, и все хохочушъ! Вошь, наконецъ, уче-
ный заяцъ: онъ спрѣлаешъ, и бѣешъ въ барабанъ
«Бей честь публикѣ!» заяцъ повинуется. «Честь
Бурмону!» заяцъ не слушаешъ. «Національной

гвардіи!» пошчасъ.— «Полиньяку!» не хочешъ!
 Но — бѣдное живописное! пожалѣйте его! Онъ
 часпо ошибается — имена смѣшиваются въ его
 памяти. Въ нынѣшнее время быспрыхъ перемѣнъ,
 прудно и человѣку догадашься, кому онъ дол-
 женъ отдавать честь, и кому не долженъ. А
 бѣдный заяць? Уже сполько разъ перемѣняли ему
 предметы, уже сполько разъ приказывали и за-
 прещали ему бишь въ барабанъ для одного и
 того-же, что это совсѣмъ перевернуло, и смѣ-
 шало наконецъ его заячьи поняпія, и онъ часпо
 ошибается, и ошибается такъ грубо, что это
 бѣсншь его господина, и заставляешъ публику
 хохоташъ. Ахъ! господа! немножко поболѣе
 снисхожденія! Развѣ не прощаете вы своимъ по-
 этамъ, кошорые кадили поэпическими похва-
 лами, по шому, по другому, всѣмъ поочередно, и
 били честь въ поэпическій барабанъ свой Респу-
 бликѣ, Дирекшоріи, Консульспву, Наполеону,
 Людовику XVIII-му, Карлу X-му, и — на-
 конецъ, бьютъ шеперь Людовику-Филиппу?

(Окончаніе съ слѣд. книжкѣ).

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Радуга, возсіявшая на горизонтѣ благословенной Эстоніи, въ рыцарскомъ нѣкогда Ревелѣ, казалась предвѣстіемъ чрезвычайно пріятнымъ. Нынѣшніе жители Ревеля не рыцари; не мечи и пращовскіе гербы нужны имъ, по волю Судьбы сроднившимся съ Русью. Всего необходимѣе, всего благошворнѣе для нихъ сближеніе, или, на первый случай хоть знакомство съ исполномъ, принявшимъ ихъ въ семью свою. Въ этомъ случаѣ, Журналъ, издаваемый Русскимъ Ученымъ въ Ревелѣ, обѣщаль и могъ сдѣлать много добраго. Онъ могъ, прежде всего, заставить Ревельцевъ читать по-Русски, шакъ-же какъ Рускимъ дасть понятіе объ Осшзейскомъ краѣ. Потомъ, онъ долженъ былъ восписатьъ неопишомъ нашего ошечества. Да! Я самъ прогуливался по Финскому берегу, и не видалъ шакъ Русскаго лица, не слышалъ Русскаго словца. Уничтожишь это взаимное ошчужденіе: вотъ что долженъ былъ имѣть цѣлю Издашель *Радуги*.

Радуга Журналъ: можешь быть и это новость для многихъ читателей. Отъ *Радуги* надѣялись мы упомянушаго взаимнаго сближенія Осшзейскихъ областей съ Русью. Восемь книжекъ *Радуги* получены

ль Москвѣ — и всѣ надежды наши исчезли, какъ воздушная радуга, разлещившаяся въ милліонахъ брызгъ. Говоримъ твердо и съ совершеннымъ убѣжденіемъ : Издашель *Радуги* не понялъ своего призванія.

Вѣдшо того , чтобы сдѣлаться органомъ просвѣщенныхъ Рускихъ , въ отношеніи къ жителямъ областей Осшзейскихъ , Издашель *Радуги* задумалъ преобразовать всемірное просвѣщеніе , и началъ это непрерывными нападеніями на философовъ всѣхъ странъ и народовъ. Въ каждой книжкѣ раздражается громъ его надъ Шеллингомъ , или надъ Гегелемъ , или надъ Кузеномъ , или надъ Экшпейномъ , или надъ Сень-Симономъ , или надъ кѣмъ нибудь другимъ изъ извѣснѣйшихъ мыслителей. Во всѣхъ виднѣтъ онъ или глупость , или кривое , дурное намѣреніе. Всѣ труды ихъ , всѣ усилія объясненія явленій міра вещественнаго и духовнаго , ниспровергаешь онъ , или по крайней мѣрѣ хочешь ниспровергать въ прахъ.

Мы совсѣмъ не намѣрены защищать философовъ : Богъ съ ними ! Они сами довольно сильны : пусть книги ихъ опдѣлываются какъ хошашъ ошъ грознаго нападашеля. Но , по совѣсти , прилично-ли это Издашелю *Радуги* ? Какую пользу приносишь это и Русской и Осшзейской Россіи ? Издашель *Радуги* могъ-бы написашъ на Нѣмецкомъ языкѣ книгу , перебравъ въ ней системы философовъ , и бросишь сочиненіе свое въ Шеллинга , въ Кузена , въ кого угодно. Теперь-же камешки его не долетаютъ до мѣшъ и падаютъ на Русской землѣ. Боже сохрани , еще кому нибудь попадушь въ голову ! За что поспрадаешь невинный ? Гдѣ найдешъ онъ лекарство отъ раны , кошорую нанесешъ ему Издашель *Радуги* ?

Не думая о цѣли, кошорая должна бытъ главною мыслію каждаго Журналиста, Издашель *Радуги* не думаешь и о средствахъ. Онъ согласился, что писать надобно для того, чтобы насъ понимали. А понимающъ-ли Журналь его? Напередъ прошу не ссылашься на высоту мыслей. По крайней мѣрѣ мы увѣрены, что Издашель *Радуги* не безъ мѣры самолюбивъ и потому не станеть утверждать, что его мысли непонясны отъ высоты ихъ и отъ шуплости его чашателей. Нѣтъ, онъ непонясны отъ дурнаго и слишкомъ страннаго изложенія ихъ. Дурной, непонятный слогъ не средство къ распространенію просвѣщенія; а слогъ *Радуги* шакъ дурень, и, не грѣхъ сказать, шакъ безобразень, неприличень, что нѣтъ силъ ни чашать, ни понимать облеченныхъ имъ фразъ.

И что за слова изобрѣтены въ Ревелѣ! Что за названія статей! «*Отломокъ отъ философскаго мозаика!*» Спрашиваю: какой смыслъ въ этихъ словахъ? «*Осколокъ отъ философскаго мозаика.*» Еще лучше! Это значить: *осколокъ отъ разныхъ камешковъ*, ибо мозаика составляется не иначе какъ изъ разныхъ камешковъ. Можеть-ли же бытъ *осколокъ отъ разныхъ частицъ*? «*Капля изъ дождя познанія!*» Подъ пару къ осколку мозаики! «*Крохи Гамана (!).*» — «*Капли и брызги отъ дождя познанія!*»

Желаемъ, чтобы благошворный дождь познанія смыслъ скорѣе эти пашна съ *Радуги*. Мы не беремъ, да и не почитаемъ нужнымъ разглядывать ихъ ближе въ микроскопъ Кришки. Чтобы вполнѣ познакомиться чашателей съ духомъ и изложеніемъ эшо-

го Журнала, выписываемъ вполнѣ небольшую спашейку (изъ 8 №), названную :

ОКЕНЪ ЗА РАЗУМЪ ВЪЗЯЛСЯ.

«Видно наконецъ наскучило Окену сидѣть въ искусственной оградѣ Нашуральной Философiи, въ кошорой, какъ говорилъ Менцель, онъ было окопался. Все царство Нашуральной Философiи пало; всѣ главные предводители ученыхъ инсургентовъ добровольно сдались и положили оружіе; остался было онъ одинъ съ корпусомъ волонтеровъ, защищавшихъ вмѣстѣ съ нимъ воздушную крѣпость свою. Почши никто давно уже не нападаетъ на эту крѣпость, пошому что всѣ видяшъ, что она уже не можетъ бытъ болѣе опасною и сама скоро должна сдаться, имѣя уже очень мало съѣстныхъ припасовъ и еще менѣе пороху. Онъ объявляетъ, что намѣренъ издашь въ шести частяхъ Естественную Историю, съ приноровленіемъ оной къ общежитію. Первая часть будетъ заключать Минералогію, 2-я и 3-я Ботанику, 4-я, 5-я и 6-я Зоологію. Въ этой Естественной Историѣ, говоришь онъ, не будетъ шого систематическаго расположенія и шой терминологіи, кошорыхъ требуетъ строгая наука. Будетъ представлено описаніе Естественныхъ произведеній по употребленію ихъ въ общежитіи. Давно-бы такъ! Давно-бы пора догадаться, что знаніе природы намъ не для шого нужно, чтобы пышались силы свои, умственно пересоздавая ее на свой ладъ, и не для шого, чтобы опьянявая въ изслѣдованіи ея, возобновлялись подъ другими видами заблужденія вѣковъ, а просто для шого, чтобы, руководствуясь ими

знаніями, умѣть ея пользою упошребляшь ея съ произведеніями ея для земной нашей жизни. Охень не сознается еще въ шомъ, чпо всякое система-ническое изображение природы и частей ея есть шолько пріятная забава, роскошь ума, безъ кошорой онъ очень легко можешь обойдшися, и кошорая превращается въ умонченное идолослуженіе, если плѣнишь умъ. Онъ еще какъ-бы боишся сознаться въ эшомъ. Кумиръ его, какая-то строгая наука, какъ пугало еще носишся надъ духомъ его и, какъ ему кажется, требуетъ еще отъ него жершвопрношеній. Но нужды нѣтъ! и шого пока довольно, чшо онъ хошь дѣшательно отвращается отъ эшого кумира: и эшо ужъ показываешь, чшо онъ хошь почувялъ, чшо строгая наука, мечшательная богиня его, не стоишь шого, чшобы онъ ей себя всего отдавалъ. Авось либо сознается наконецъ, чшо не стоишь она и шого, чшобы онъ и часть себя ей отдавалъ. Теперь еще передъ мечшательной царицей онъ ничкомъ; авось вошь скоро будешь по-смыльїи, и сядешь къ ней бочкомъ, шамъ попы-таешся сѣсть рядомъ, а шамъ посмошришь сядешь задомъ, а шамъ играшь, шалишь начнешъ съ боги-нею, и наконецъ — соскучишся, увидѣвъ ясно, чшо его богиня даже не осиновоый чурбанъ, а прешо — самимъ имъ созданное привидѣніе.»

Надобно шолько прибавишь :

Вошь какъ по нашему дорогу пролагають !

Анонимъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les robes d'organdi brodées en laine, les batistes de soie brodées en soie plate, sont les plus jolies toilettes habillées du soir. On en brode, d'une seule couleur sur blanc, ou couleur sur couleur, qui sont de très-bon goût.

Les pélerines de robe qui sont le mieux en ce moment, rentrent dans la ceinture devant et derrière, en dégageant un peu la taille sur le devant. Puis des bouts sortent courts, carrés.

On a pris, pour les bonnets du matin, toutes les formes des bonnets d'enfant; ils se font en batiste d'Écosse ou quelquefois en mousseline claire.

Les bonnets-ruches, qui se placent sous les chapeaux, ne doivent se faire qu'en tulle ou en blonde. Ceux auxquels on ajoute du ruban sont extrêmement communs, et nullement reçus par le monde élégant.

TOILETTE D'UNE FEMME ÉLÉGANTE.

(Suite.)

Le son d'amandes amères sert à blanchir l'eau d'un bain; on le répand dans la baignoire comme on fait du son ordinaire.

L'eau de lavande ambrée, et le vinaigre à toutes sortes d'odeurs, ne doivent être versés que quelques gouttes dans une grande quantité d'eau, pour les toilettes.

Il n'y a rien qui laisse un parfum plus suave et plus frais que l'eau de roses blanches distillées à la vapeur. Cette eau peut être mêlée assez abondamment à l'eau qui sert à laver le visage, et il conserve une légère odeur d'essence qui n'a rien de trop sensible.

(*) Въ Парижѣ до 20-го Сентября (н. ст.)

ПАРЕНКОИЯ МОДИ.

Les pommades préférées sont celles à la maréchale , aux mille fleurs d'Italie , à la mousseline, au musc et au Portugal.

Pour relever les petits cheveux qui descendent dans le cou , et surtout ceux qui retombent à côté de l'oreille sur la joue , on se sert de pommade en bâton.

La pommade à la rose conserve les lèvres colorées et prévient leur gercure que peut occasionner le hâle du froid ou du soleil.

Telle femme., encore jeune , qui se révolterait à la pensée de se farder de blanc comme de la peinture , ne peut se refuser à faire l'essai des plus simples moyens pour donner un peu d'éclat à son teint , comme elle en donne à ses cheveux avec de la pommade. Elle devra connaître le blanc de perles , eau transparente , qui ne charge nullement le visage. La crème de limaçon, à la rose , qui donne à la peau du frais et du brillant. Le lait de roses aux concombres ; le blanc de lis en poudre ; qui se répand sur le visage , la poitrine et les bras , et s'attache au duvet , qu'il déguise lorsqu'il est trop brun. La crème de Perse rosée , et l'extrait de roses pour colorer les lèvres. On peut employer au lieu du blanc de lis des poudres blanches , à l'iris , à l'héliotrope ou au bouquet , et après s'être servi de la houppie en cygne ; on passe un linge très-fin pour enlever ce qui est apparent.

(La suite au numéro prochain.)

Самыя красивыя плашья для вечерняго наряда изъ органды, вышитыя шерстью, и изъ шелковаго башмиста, вышитыя несученымъ шелкомъ. Плашье, шитое однимъ цвѣтомъ по блѣному, или цвѣтъ на цвѣтъ, почищается весьма моднымъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Лучшія пелеринки къ плащамъ шеперьъ шф, у которыхъ концы назадъ и напередѣ уходящъ подъ поясъ, открывая немного шалью напередѣ. Выходящіе изъ-подъ пояса небольшіе концы должны бытъ четверугольныя.

Ушренніе чепчики дѣлаются изъ баписшъ-декоса, или прозрачной кисеи, во всѣхъ разнообразныхъ видахъ дѣшскаго чепчика.

Чепчики съ рюшемъ, которые носятъ подъ шляпой, должны бытъ изъ шюля или изъ блондъ. Съ лентами эти чепчики въ совершенномъ пренебреженіи.

Туалетъ модной женщины.

(Продолженіе.)

Ошрубями горькаго миндаля забѣдываютъ воду въ ваннѣ, точно такъ же какъ и обыкновенными ошрубями.

Довольно нѣсколькихъ капель одеколондъ-амбре, или уксуса, со всякимъ благовоиємъ, въ большомъ количествѣ воды, для употребленія при туалетѣ.

Ни что не сообщаетъ такого пріятнаго и свѣжаго запаха, какъ вода, перегнанная парами изъ бѣлыхъ розъ. Ее примѣшиваютъ къ шой, кошорою умываютъ лицо. Ошъ нея сохраняется легкій ароматическій запахъ.

Помады à la maréchale, aux mille fleurs d'Italie, à la mousseline, au musc и au Portugal предпочитаются всѣмъ прочимъ.

Помаду въ палочкахъ употребляютъ для поддержанія маленькихъ волосъ, иногда опадающихъ на затылокъ и около ушей.

Розовая помада придаетъ губамъ свѣжестъ и не допускаетъ ихъ распрескиваться отъ жару или холода.

Молодая женщина, которая ужаснулась-бы мысли красить себя бѣлками, не можетъ однакожъ не употреблять самыхъ простыхъ средствъ, чшобъ придать немного блеска цвѣту лица, шакъ-же какъ помадою придаютъ его волосамъ. Она должна знать бѣлки жемчужныя, прозрачную воду, которая не сколько не портитъ лица; кремъ de limaçon à la rose, кошорый придаетъ кожѣ блескъ и свѣжестъ; le lait de roses aux concombres; le blanc de lis въ порошокъ, кошорымъ посыпають лицо, шею и руки, и кошорый приспаетъ къ кожѣ и убѣляетъ ее.

Кремъ de Perse rosée, и выщажка въ розѣ служатъ для крашенія губъ.

Вѣсно blanc de lis можно употреблять бѣлые порошки à Paris, Phéliotrope или Au bouquet. Сначала должно навѣять ихъ пучкомъ лебядиныхъ перьевъ и послѣ сшереть самымъ тонкимъ полотенцемъ:

(До слѣдующаго номера.)

На предложенныхъ картинкахъ :

Дама. Газовая шляпка. Платье изъ шали и платье изъ гроденцаля.

Мужина. Суконный сюртукъ. Панталоны съ шнелеными лампасами. — Дѣтскіе наряды.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи представленные были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 25 дня, 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

16 (V. 12) (Kont. & Margh. 1830)

КАМЕРЪ - ОБСКУРА.

№ 12.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ,

ЧУДЕСА И ДЕКОВНИКИ.

(Окончаніе.)

На Парижскихъ улицахъ можете вы пройдши полный курсъ Естествознанія, можете увидѣть всѣхъ пшницъ, всѣхъ скошовъ, и всѣхъ гадовъ ползающихъ, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ. Ящерица бываетъ обыкновенною принадлежностью торговца ваксою, также и маленькія пшички съ неподвижною головкою, потому что у нихъ свернуша шея. Торгашъ пользуется этими пшичками, этими гадами, какъ искусный ловець, чтобы приманишь другихъ живописныхъ. Вообще, торгошъ ваксою бываетъ молодой малый, съ дерзкою рожею, спрашний говорунъ, ловкій болшунъ, гошовый на ошвѣшъ, и привыкшій къ приходямъ народной шолпы.

Когда онъ увидишь себя окруженнымъ порядочною толпою зѣвакъ, цю возвышаетъ свой голосъ. « Сей часъ, господа, увидимъ ми » — говоришь онъ — « какъ заплещетъ передъ нами огромная, красная змѣя (замѣшное движеніе либоимства въ толпѣ), но прежде нежели заставимъ ми плясать огромную, красную змѣю, которая спрятана вопъ здѣсь, во мху, въ ашомъ ящакѣ, я буду имѣть честь напомнить почтенному собранію, что ежедневно бываю я на здѣшной площади, и, съ увеличивающимися ежедневно успѣхомъ, продаю неподобную ваксу, изобрѣшенную Г-мъ Оже. . . (пусть половина слушателей идетъ прочь. Торгашъ бросаетъ гнѣвный, презрительный взоръ на эшихъ бѣглецовъ, но не перерываетъ своей рѣчи). Эта удивительная вакса, извѣстная и знаменитая во всей Франціи, и даже въ цѣлой Европѣ, есть единственная, которая всегда даетъ лоскъ и глянецъ, какъ-бы ни была замарана обувь. Не угодно-ли, господа, кому нибудь изъ васъ (говоруны обводятъ глазами ноги всѣхъ своихъ слушателей), кому нибудь изъ васъ позволишь мнѣ сдѣлать опытъ надъ его обувью. Я не пребую ничего, и хочу только показать превосходство удивительной моей ваксы. Позвольте мнѣ вычиснить чью нибудь обувь (рошзѣй каменщикъ выходитъ изъ толпы, и свивишь свою ножицу, въ огромномъ, запатка-

ночь известкою башмакъ, на маленькую скамеечку поргаша ваксою. Говорунъ продолжаетъ, отгибая край его одежды, и успанавливая его ногу). Прошу посмотришь, господа, на эту ногу. Кажется, я не солгу, если скажу, что никто въ мирѣ не видалъ обуви, запачканной до такой степени, какъ запачкана обувь этого господина? Конечно, полгода, по крайней мѣрѣ, ея не чистили, и на ней лежатъ въ прирѣда грязь и алебастръ (онъ царапаетъ башмакъ даменьщика ногтями) — извольте видѣть. Но, господа, кромѣ того, я еще намажу башмакъ саломъ (онъ мажетъ и претъ его салыннми огаркомъ), и внезапно вы увидите послѣ этого блескъ, лоскъ, настоящій брильянтъ. И это все по грязи, по салу... (слушатели показываютъ величайшее вниманіе. Торгашъ плюетъ на кусокъ ваксы, беретъ ваксы на щепку, другою рукою претъ башмакъ особенною щепкою, и чиститъ, не прерывая своей рѣчи), и все это дѣло одной минутой, и вотъ, господа, видите-ли? (онъ претъ сильнѣе. Верхняя часть башмака чернѣетъ и свѣщится, между швами, какъ ошальная часть бѣлехонька и запачкана). Вотъ, господа, ясное доказательство превосходства моей ваксы. Хорошо! Но по чемъ-же продаешь ты свою превосходную ваксу? (Замѣтите смѣлость этого: ты, и ловишь шропа, кошорымъ вдругъ перенесенъ на

лицо торговца вопросъ, какой должна ему сделана публика) Да, какой вамъ угодно цѣны? У меня вещь по три копейки за банку, если по шести копѣекъ, и въ этой банкѣ шрое товару прошивъ трехъ-копѣчной. Есть и по двѣнадцать копѣекъ, и въ этой шовару шрое прошивъ шесшикопѣчной. Не правда-ли, господа, что шолько шощъ, у кого нѣтъ въ карманѣ трехъ копѣекъ, или кто вовсе невѣжда, и не думаетъ объ опрашивости, шолько шощъ можемъ обойдшися безъ моей ваксы? Вы мнѣ скажете, что, на примѣръ, шощъ господинъ, простой ремесленникъ, не имѣетъ никакой надобности шеголять обувью, иди на свою работу? Совершенно согласенъ, господа! Но, почему въ воскресенье не имѣешь ему обуви опрашивной? А я смѣю васъ увѣришь, что съ трехъ-копѣчною порціею, вы получаете средсиво имѣть обувь вашу опрашивною цѣме полгода! Посмотримъ: что вамъ угодно? (одинъ простякъ подходитъ къ нему съ шремя копѣйками) А! вамъ надобно еще на три! (простякъ былъ первый покупатель) Какъ? И вамъ шоме, и вамъ...» Но, бѣднякъ напрасно обращаетъ ко всѣмъ; никто не покупаетъ его ваксы, и одинъ по одному, всѣ расходятся, шолпа рѣдѣеть. Остаются шолько три или чѣтыре простяка, и шершливо дожидаются, когда займаетъ большая красная змѣя. Каменьщикъ, служившій

доказательствомъ превосходства ваксы, спокойно идетъ на свою работу, съ свѣтло вычищенными частичками своихъ башмаковъ,

Что собрался вонъ тамъ народъ? Чего онъ сморитъ? Ахъ! это чловѣкъ, глотающій шаги! Бѣднякъ! вошь настоящая собачья промышленность! Мы видали людей, глотавшихъ цѣлокъ живыхъ мышей, живыхъ пшичекъ: энопъ бѣднякъ гошовъ проглотитъ цѣлую оружейную лавку!

Вошь женщина-Геркулесъ — женщина, я, говоритъ, мать семейства... Несчастлива! Она подымаетъ на волосахъ своихъ спрашныя тяжести; ее бьютъ молотами, въ доказательство ея силъ. Огромная, полно налиная бочка, находится подлѣ, обвязанная веревками, съ длинною жердью; она потчасъ начнетъ ее поднимать. Но прежде — всегда хорошо напередъ увѣришься — почтенная публика должна собрать для женскаго Геркулеса двадцать копѣекъ. Двѣнадцать уже собрано — еще надобно восемь. Ну, господа и господа! скорѣе, скорѣе, подавайте примѣръ, давайте, дополняйте сборъ! Не стыдно-ли скупиться? — Но публика позволяетъ въ такихъ случаяхъ уговаривать себя, и не краснѣетъ. Медленно собирающіяся копѣйки опъ зрители. Еще недостаетъ двухъ... еще одной — наконецъ сборъ полный: всѣ двадцать!

Теперь визываютъ шестерыхъ человекъ изъ пономъ. Женщина-Геркулесъ ложится на двухъ стульяхъ, такъ, что только голова ея находится на одномъ, и ноги на другомъ; оспальное плѣо виситъ на воздухѣ. Шестеро мужчинъ едва могутъ поднять бочку, едва тащатъ ее, и съ усиліемъ спавятъ на животъ несчастной женщины-Геркулеса. Она великъ спавитъ плѣо, и пошомъ начинаетъ свободно двигать эту шажесъ, едва сносную шестерымъ мужчинамъ, и—двадцать разъ въ день повторяетъ она такое отвращительное доказательство необыкновенной силы своей!

Кто эта другая дама, въ шляхѣ съ перьями, въ ошкрыпомъ кабриолетѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ, опрятно одѣтыхъ мужчинъ, въ красныхъ плащяхъ? Это шарлапанка, лекарка, докторъ въ юпкѣ. У нея есть чудесныя, шамисвенныя лекарства, есть корешки отъ всѣхъ болѣзней. Она знаетъ вѣрныя средства пропитьъ всего, обладаетъ настоющѣю живою водою, доведетъ васъ къ источнику юности. Купите у нея цѣлительной, все исцѣляющей мази, всеобщаго, все излечующаго лекарства, купите ея бальзама, ея ромашной выпивки, ея огуречной правы! Изъ челоуколюбія ѣздитъ она по свѣту, и въ вашемъ городѣ находится только проездомъ; она спасла отъ

смерти великаго Далай-Ламу, великаго Могола, великаго Негуса, Марокккаго Императора, и проч. И старыя кумушки, и доверчивыя провинціалы, и добродушныя рекруты, все это, обольщенное сладкою рѣчью шорговки орвиенкомъ, мѣняетъ бѣдныя деньжонки на шравы и мази, среди шоржественнаго шума одѣвшихъ въ красное плашве сопущниковъ дамы!

Далѣе — новыя чудеса! Ходящій зубной лекарь. У него есть зеленая мазь, рѣшишельво испребляющая всѣ мозоли; у него есть красная помада, которая залечиваетъ всякую обжогу, и выращаетъ волосы на плѣшивой головѣ. Его Жиль подноситъ эту помаду къ самому носу зрителя. У него есть маленькій, чернѣйшій камешокъ, всемогущее лекарство противъ всякой одоншалгии. Онъ равняетъ, чиститъ, раздѣляетъ, дергаетъ еспешивенные зубы, вспавляетъ зубы искусственныя, за которме проситъ ничего не платитъ ему, не пообѣдавши прежде, въ доказательство ихъ доброшны. У него есть аптекашн Медичинской Школы. И вы еще не вѣрите? Еще мало вамъ доказательствъ? За нами не спаваетъ: онъ покажетъ вамъ безконечныя четки изъ глазныхъ и коренныхъ зубовъ, вырванныхъ имъ безъ всякой боли. Нѣсколько разъ обовестъ онъ себя вокругъ этими четками.

«Господа!» говоритъ онъ, съсвѣтло — «если у кого нибудь изъ васъ, хоть немного болятъ зубы, прошу почтннть меня вашею довѣренностью. Я исцѣлю ихъ безъ всякихъ усилій, безъ всякой боли. Вы даже и не почувствуете моего леченія.» Долго оспариваясь всѣ неподвижны. Наконецъ какая-то жалкая фигура ошдѣляется опть полны, съ завязанною головою, съ щекою, раздушою, какъ пузырь. Бѣдняка садятъ на стулъ. Большой, нижній, огромный зубъ мучитъ его, болитъ. Даншистъ обхватываетъ эпопть зубъ кузнечными клещами, держитъ крѣпко. Вотъ драматическое, рѣшительное мгновеніе! Раздается невольный крикъ; цѣлишель рветъ зубъ, рветъ его шакъ ужасно, что своимъ усиліемъ могъ-бы вырвать цѣлый дубъ съ корнемъ, сорвать гору съ ея основанія. Больной, стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, Жиль, который ихъ держалъ — все полетѣло опть желѣзной руки немилосердаго рвача зубовъ! Но за то, упорный зубъ порожественно является въ клещахъ, и при немъ, въ барышахъ, еще порядочный кусокъ десны и кости... Гадкое зрѣлище, зрѣлище пышки и бойни! И на шакое несчастное зрѣлище всегда найдутся, и дѣйствующіе и зрѣтели!

Заставьте насъ позабыть всѣ эти отвратительныя позорища, вы, легкіе *фунанбулы*, лов-

ше прыгуни, гибкіе волтыжеры, веселые бала-
 дники, щегольскіе жемчужники! Кочевая шру-
 на является. Мъшо дѣйсвіа гошова лигомъ.
 На землю разосланъ запятанный ошашокъ
 ковра. Мужичи сбросили свои шурпуки, жен-
 щины свои маншо, и зришески видашъ красныя
 куршотки, пѣнники, когда-по бывшія бѣлши и
 вышившны тѣмъ-по блестящимъ, Испанскіе во-
 ропнички, шумиху, дировашме, шелковыя чул-
 ки. Кларнетъ и тамбуринъ сзываютъ публику;
 публика сбѣжалась, обспала кругомъ. Но кругъ
 очень тѣсенъ. Паецъ беретъ палку, вершитъ ее,
 дѣлаешъ изъ нея подобіе крыльевъ въпряной
 мѣльницы, и шакъ близко подлѣ носовъ зрише-
 лей, что зрители по неволѣ пяташся. Топчасъ
 началась пошѣха: женщины, дѣти ходятъ на
 рукахъ, прыгаютъ, голову на ноги, ноги на
 голову, свивающся, развивающся, ломающся на
 сто манеровъ: кажесся, что у нихъ вовсе нѣтъ
 костей. Въ свой чередъ, паецъ, умная каналья,
 въ клѣшчатомъ, шиковомъ плашѣ, въ дурац-
 комъ калпакѣ, минимый недвига; но въ самомъ
 дѣлѣ самый ловкій изъ всѣхъ своихъ шоварищей,
 несмотря на его дурацкій видъ, прыгаетъ, па-
 даешъ, разбиваешъ носъ — громкій хохощъ со-
 провождаетъ его неловкостъ! Но вошъ: чело-
 вѣкъ плашешъ на проволоку, другой носитъ на
 зубѣ огромную лѣшницу, и на ней держитсся еще
 ребенокъ; третій перекидываешъ руками коль-

цы, шаржи, книжки — они катаясь у него по ногамъ, по спицѣ, кругомъ, вдевъ шила, съ изумляющею зѣрностью, и такъ быстро, такъ скоро, что рабнѣ въ глазахъ — ловкое, но все еще несовершенное подражаніе Индійскимъ фокусницамъ, которые, нѣсколько лѣтъ тому, являлись въ Парижѣ, съ своими нѣжными лицами, мягкими руками, безсуетными пальцами, и изумляли въ первый разъ Европейскихъ зѣвакъ шуками, дошолѣ неизвестными!

Но, какъ ни забавно все это, есть такой предметъ между Парижскими диковинками, который должно предпочесть всѣмъ возможнымъ ловкосціамъ въ мірѣ, потому, что къ забавѣ, какую онъ доставляетъ, не примѣшивается ни-госпная мысль физическаго мученія, мысль о живомъ, подобномъ нашему шилѣ, страдающемъ для нашего увеселенія. Это забава безъ примѣси неудовольствій — запачканный, маленькій театръ маріонетокъ, подвижныхъ куколъ — это *Полишинель*!

Народъ любитъ Полишинеля, какъ хлѣбъ насущный — счастливый, умный народъ въ этомъ отношеніи! Спрашиваю васъ: если-бы онъ разлюбилъ Полишинеля, чтобы вы приказали дать ему въ обмѣнъ? Чѣмъ замѣнишь ему это простонародное, грубое, шушлявое, умное увеселеніе? Къ счастью, бояться не должно: Полишинель вѣчно

зодѣ, вѣчно идеаль, вѣчно здоровъ, и чѣло ни будѣ — Полишинель переживешь все !

Лицо не столь важное, не столь историческое, не столь Европейское, какъ Полишинель, но мнѣющее свои великія достоинства — это Жокрисъ, настоящій Французскій Жокрисъ, національный Жокрисъ, съ своимъ хохломъ на головѣ, косенкою, кошорая морщишь къ верху, трехъ-угольномъ шдпѣю, полуснущенными тудками, короткими рукавами, длинными руками, глупымъ разговоромъ, неловкостью и дурацкимъ видомъ. Оспашокъ первобытной Комедіи, онъ играешъ подъ сводомъ небеснымъ, днемъ, на открытомъ воздухѣ. Его глупости есть только приманка для собранія публики. У него вѣчно одна исторія: это дурачекъ Никодемъ, прѣхавшій изъ провинціи, и рассказывающій зрителямъ свои неудачи и похождения. Онъ говорилъ: какимъ образомъ попался онъ въ бѣду на постояломъ дворѣ, какъ окружила его въ Парижѣ толпа родни, кошорой онъ никогда не знавалъ, какъ его обокрали, прибили, какъ онъ нанялся въ слуги. И все это приправлено остроуміемъ, двусмысленностями, намеками, поговорками, готовымъ умомъ, щепотками крупной соли, заставлявшей смѣяться современниковъ Буало на Новомъ Моспу, и щипательно переданной изъ рукъ въ руки, отъ шарыхъ шутовъ Табарену, а отъ Табарена намъ.

Между нѣмъ, пока Жокрисъ забавляетъ собраніе своими пасквиладами и грубыми паншонами, приходитъ хозяинъ, и вдругъ перерываетъ его рассказы, начиная съ нимъ сердитый разговоръ, съ богатою прибавкою пивныхъ вездъ и звонкихъ пощечинъ. Эти громкія дополненія такъ-же принадлежатъ Жокрису, какъ хлованье палкою Полишицелю. Когда бѣдный Жокрисъ получилъ уже нѣхъ порядочную долю, и довольно опьянѣлъ за себя, своему господину разными выпуками и дѣшскими шалостями, господитъ его, большой искусникъ, знающій всѣ важнѣйшія шайны искусства, принимается въ свою очередь занимать почтенныхъ зрителей.

Прежде всего, онъ берется за что-то въ родѣ шляпы, у которой нѣтъ пулы, и начинаетъ превращать ее въ разные виды. Въ его ловкихъ рукахъ, послушная шляпа сама дѣлается, безпрерывно, то полумѣсяцемъ, то полною луною, то опкиднымъ капюшономъ пилигрима, то монашескимъ головнымъ нарядомъ, то ерзаомъ Генриха IV-го, то шляпою Кошуа, шапкою поселанна, Марсельскаго драгана, Калабрскаго разбойника, и нисемью другихъ шляпъ, шапокъ и головныхъ покрывшекъ, кошорни долго надобно-бъ было считатьъ. Обыкновенно оканчивается шляпою Парижскаго нѣщанна, съ двумя углами, осприми, длинными, прямо на лбу,

и эта штука никогда не проходитъ безъ того, чтобы собраніе не засмѣлось.

Кончивъ всё передѣлки, фокусникъ подвизываетъ волшебный мѣшокъ свой, и беретъ въ руку знаменитую палочку Жакова, эгого символа его достоинства, эгого кадуцей фокусниковъ, истинный скипетръ белой магіи. При маленькомъ запасѣ перлимпенневеваго порошка, крошечные шарики превращаются въ огромные шары, а большіе шары въ въ маленькіе шары. Съ помощью эдого порошка, неощупнаго, невидимаго, но всемогущаго, шары и шарики перекашиваются, исчезаютъ, являюща вновѣ, умножаются, соединяются, дѣлясь по волѣ очарователя.

Вдругъ возвѣщаетъ онъ о шпукѣ, гораздо болѣе удивительной, невиданной, и проситъ, ссудить ему часы, только на двѣ минушы. Рѣдко бываетъ, чтобы кто нибудь на эшо не согласился. Волшебникъ кидаетъ часы въ спущку, передъ глазами всѣхъ. Потомъ начинаешь ихъ колошнить, шлочь, разбивать на тысячу кусковъ, ставишь спущку съ разбитыми часами въ епору, и, по видимому, не думаешь объ этомъ болѣе. Спокойно принимаешься онъ за маленькую куклу, въ пальцѣ величинаю, и за-

оправляетъ ее дѣлать разныя движенія: «Голову на лѣво!» кричитъ онъ — «голову на право!» хвоятъ, когда кукла дѣлаетъ хорошо, бранятъ, когда кукла ошибается. Вдругъ кукла переставляетъ шею и шлется. «А, господа!» говоритъ фокусникъ — «она задумалась! Сиграемъ съ этимъ просякомъ славою шутку, и отправимъ его путешествовать въ Пондичерри!» Онъ начинаетъ говорить куклѣ на ухо, и какъ будто прислушивается къ ея отвѣтамъ. «Вонъ чинъ!» провозглашаетъ онъ попомъ громко — «спросникъ утверждаетъ, что ему не съ тѣмъ вѣшать!» Сопли модельныхъ остроумъ снѣгаются послѣ шутки. Между пѣть, доверившій часы свои шарлатану въ ужасномъ безпокойствѣ, и наконецъ рѣшается претовашъ ихъ обратно. Фокусникъ смотритъ на него съ удивленіемъ, въ замѣшательствѣ, опирается, робѣетъ, старается испугать болѣе и болѣе хозяина часовъ. Но когда комедія длилась уже довольно долго, онъ вынимаетъ часы изъ спунки, и отдааетъ хозяину, цѣлме, невредимые, и — шолпа зрительей едва вѣрять глазамъ своимъ!

Но самая забавная минута бываетъ та, когда фокусникъ извѣщаетъ, что подъ однимъ изъ его стакановъ находишь маленькая, живая пшичка, что эша пшичка полетѣвшъ, и садеться

на голову рогатаго мужа, если такіе есть въ собраніи. При сей угрозе, вы увидите, что спрахъ или веселось изображающа на лицахъ, смотря по отношеніямъ зрителей. Легко отгадаете вы, кто холостякъ, и кто женатъ изъ зрителей, по испугу и блѣдности послѣднихъ, спокойствію и беззаботности первыхъ. Женатые не могутъ увидѣть на мѣстахъ, раскрывающа, затѣмъ занесла ихъ сюда нелегкая, какъ будто лачво о каждомъ изъ нихъ идееть рѣчь, какъ будто каждый изъ нихъ видѣлъ уже проклятую пшичку волшебника на своей головѣ! Въ такое время ни одинъ не смѣетъ пошевеливаться съ мѣста, спрашась, что зникъ откроешь тайный ужасъ, перевозащій его душу. Такимъ образомъ, предзвуствіе ужаснаго позора неопредѣленно носится надъ головами всѣхъ, и испуганные бѣдняки ошдыхающъ шолько тогда, когда фокусникъ объявишь, что онъ пошупилъ. «Не бойтесь, господа,» прибавляешъ онъ, смѣясь — «моя волшебная пшичка такъ учлива, что, вѣроятно, прежде всѣхъ сказала бы правду мнѣ самому, и съла-бы на собственную мою голову.»

Впрочемъ, все это еще не главное, и дѣлаешъ шолько для достиженія къ самому главному дѣлу — продажѣ особенныхъ билетцовъ, гдѣ

предсказываешься будущее. Хитрый чародѣй не только фокусникъ, но еще и предвѣщатель. Онъ предсказываетъ молодой дѣвушкѣ, когда она выйдетъ за мужъ, бѣдняку, когда онъ разбогатеетъ — не новая промышленность, но самая вѣрная, пока люди будутъ доверчивы къ будущему!

Кому не случалось встрѣчаться на Парижскихъ улицахъ съ высокороднымъ Маркизомъ Д'Аржанкуронъ, бродившимъ въ полу-нагудренномъ парикѣ, изможденномъ жабо, чулкахъ, забрызганныхъ грязью, старомъ Французскомъ кашкетѣ, засаленномъ и оборванномъ? Онъ продаетъ пѣсни, и его ловкость шамова, что онъ выдаетъ свои пѣсни въ шрепшій, даже въ четвертый ящикъ, и попадаетъ именно въ то окно, въ которое вѣшаютъ. Нѣсколько времени онъ составлялъ общую утѣху Парижанъ; но что это во на землѣ?

Кажется, довольно перебрали имъ разныхъ шутовъ, диковинокъ и бездѣльниковъ? Но можно ли всѣхъ исчислить! Оканчивая, напомнимъ однако еще трехъ шарлапановъ ошдѣльно. Всѣ шрое были наши современники.

Первое лицо изъ эпихъ трехъ современниковъ была молодая дѣвушка: она вершѣлась на одной ногѣ, въ шо-же время пѣла, и держала подлѣ

глазъ своихъ острее иглки. Она вершѣлась шапкъ скоро, шапкъ бысро, чюо ничего нельзя было различить въ ней, и она казалась кубаремъ, пущеннымъ рукою какого нибудь мальчишки. Вершась шапкимъ образомъ, не переснавала она пѣшь, и изъ груди ея вылетали шажелме, прерывисшме звуки. — Другое лицо, о которомъ хочу я сказапъ, *гримасникъ*, весьма извѣсний во времена Наполеоноы. Онъ забавлялъ досужныхъ лѣнивцевъ, по улицамъ и перекресткамъ, своею знаменишою пѣсенкою о Бурбонахъ, чуднымъ искусвомъ кривляши и шевелиши свою смѣшную рожу, и огромными очками безъ сшеколь, съ побрякушками. Эти очки сжимали ему носъ, и онъ умѣлъ ихъ какъ-шо двигапъ и качапъ на носу. Наконецъ, я хочу сказапъ вамъ о шолсшомъ подагрикѣ, вездѣ попадавшемся, и со всякаго лица вырѣзывавшемъ слущъ изъ черной бумаги. Только чюо вы садилисъ гдѣ нибудь на гуляньѣ, онъ усаживался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, вынималъ изъ кармана бумагу, ножницы, и черезъ нѣсколько мгновеній предсшавлялъ вамъ собсшвенный вашъ профиль. Вы могли найдши его похожимъ, или непохожимъ, но отказывашься отъ покупки было нельзя, если вы не хотѣли завеспи безконечной ссоры съ художникомъ. Въ эшомъ случаѣ, куда дѣнется бвало его подагра : бѣгите опромешью — онъ васъ

догонишь. Бѣднякъ эшопъ жилъ въ Тивольскомъ саду въ хижинѣ (величиною не больше будки) обклеенной бѣлою бумагою, и обтѣленной силуэтными, какъ будто Кишайскими штылями. По вечерамъ, онъ освѣщаль внутренность своей будки, и она казалась 'сквознымъ фонаремъ. Однажды, упрямъ, хотѣли что-то сказать ей обитателю, постучались у дверей его хижинки, отворили: свѣчи у него совершенно догорѣли, и несчастный вырѣзывавшій силуэтовъ сидѣлъ мертвый. Видно было, что онъ умеръ уже нѣсколько дней. . . .

Это грустно. Но въ томъ, что мы прежде перебрали, есть забавное: изображеніе жизни человѣческой, у которой развязка печальна, какъ бы ни шалила судьба во все продолженіе пьесы. . . .

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Письмо къ Издателью Московскаго Телеграфа.

Въ 10 №^ѣвашаго Телеграфа, нѣкшо Г-нъ Н. Пешровъ напечаталъ ошвѣсь Г-ну Сочинителю Повѣсти : Андрей, Князь Переяславскій, гдѣ между прочимъ прописываетъ, что однажды былъ обольстительный примѣръ нѣкогого Г-на А. Грена, перепечатавшаго въ Сѣверный Меркурій изъ покойнаго Енисейскаго Альманаха (1828 г.) стихи одного его знакомаго, подъ названіемъ : Могила, и подписавшаго подъ ними свое имя!!! Эшошь нѣкій А. Грень, я нижеподписавшійся. Объясню : я жилъ въ Одессѣ когда издавался Меркурій, не читалъ его и даже не слыхалъ до пріѣзда моего въ Пешербургъ (1832 г.) о существованіи сей газетшы. Однажды, изъ Одессы я написалъ письмо къ своему знакомому о смерти друга своего, Г-на Курушы, племянника извѣстнаго Генерала Графа Курушы, и въ письмѣ семъ, въ родѣ эпиграфа выписалъ ошрывочекъ изъ стихошворенія : Могила, напечатаннаго въ Альманахѣ нѣкогого Г-на Н. Пешрова, объяснивъ шрема **, что стихи сіи не мои. Знакомый мой, пріятель Г-на Издателя Сѣвернаго Меркурія, показалъ письмо мое

ему, а пошъ соблазнился и списнулъ стихи сіи въ свою газету, подписавъ подъ ними мое имя.

Меня могутъ винить, что стихи: *Могла*, переданы на новый ладъ; виновать въ этомъ Г-нъ Бесшужевъ-Рюминъ: онъ далъ имъ другую форму. Виновать и Издашель моихъ *Стихотвореній*, помѣстившій эту передѣланную *Моглу* въ число моихъ произведеній.

Грѣшный словѣтъ, и я, также пописываю кое-что, и тоже чувствую въ часы безсонницы 'какое-то поэтическое призваніе; но не удавалось никогда соблазняться чужими произведеніями и присвоивать оныя себѣ. Это дѣлается только въ Сибири. Нѣкій Г-нъ Н. Петровъ пусть вспомнитъ свои стихи: *Небо*, напечатанные, кажется, въ Сынѣ Ошечесшва, и вѣрно догадается откуда оныя заимствованы. Стихи сіи начинающа шакъ:

Далекое небо! глубокое небо! и проч...

а у другаго извѣстнаго нашего поэта эши-же стихи начинающа шакъ:

Далекое море! глубокое море! и проч.

Какъ не обольстишься!!!!

Письмо сіе, покорнѣе прошу напечатать въ вашемъ Журналѣ, какъ оправданіе мое предъ публикою.

А. Грень.

С. Петербургъ,
4-го Октября 1832.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les formes de chapeaux n'ont pas encore subi de grands changemens; les formes d'automne restent celles de l'été, si ce n'est qu'elles augmentent au lieu de diminuer.

Une des plus jolies capotes pour demi-toilettes est en moire d'un gris nouveau, nommé cendre de chêne; avec un bouquet de plumes pareilles, posées sur le côté et élevées. Un nœud bien placé, sous le bavolet.

En attendant le velours et le satin, la moire est ce qu'on peut porter de mieux.

Les corsages à dos plat ne se voient plus du tout aux femmes élégantes.

Les façons de corsages des robes habillées sont presque toutes à draperies croisées, par devant; les dos doivent être ou plats du bas, et drapés à *la tyrolienne*, ou plats des épaules, et légèrement froncés du bas. Les draperies croisées, par derrière, habillent fort mal.

Les manches ne changent pas; toujours simples sans ornemens.

Le cachemire imprimé à dessins tures en colonnes, est charmant pour demi-toilettes.

TOILETTE D'UNE FEMME ÉLÉGANTE.

(Suite.)

Le rouge en pots, très-fin, est ce que les femmes peuvent mettre de moins nuisible à leur peau. Nul doute que ce baillant d'un moment n'altère le tissu qu'il a couvert, et le vinaigre anglais a dans ce genre beaucoup d'inconvéniens. A la longue le rouge en pots *d'Houbigan* a conservé une réputation immuable.

(*) Въ Парижѣ до 1 Октября (н. ст.).

Pour dormir, on enferme ses mains dans des gants gris préparés. Le front se couvre de la même peau enduite de la même préparation. Les mains et le front conservent ainsi fort long-tems leur jeunesse et leur fraîcheur.

Pour nettoyer les cheveux, les assouplir, et leur donner du brillant, on ne peut rien choisir de mieux que *l'eau romaine*. Spiritueuse et fortifiante, *l'eau romaine* a de plus une odeur balsamique que la chaleur de la tête n'altère jamais.

Les personnes qui ont les cheveux un peu gras, se servent de son parfum pour les nettoyer. On poudre entièrement depuis la racine, et l'on brosse jusqu'à ce que le son soit complètement enlevé.

Il est une mode pour les odeurs comme pour tout ce qui est de fantaisie, et ce n'est pas de petite importance de n'y pas manquer. Les essences fades, comme la rose, le jasmin, la fleur d'oranger, la vanille même, sont anciennes, et on ne les choisit plus. L'eau de cédrat, l'eau de Portugal, l'eau de miel d'Angleterre, sont les seules qui aient conservé quelque élégance.

Le musc, autrefois si en faveur, n'est plus conservé par une femme de bonne compagnie.

Pardessus tous les parfums d'appartement, les fleurs en profusion tiennent la première place.

L'eau connue sous le nom *eau à brûler de Lubin*, parfume doucement et laisse quelque chose d'aromatique.

Les allumettes de bois de cèdre, la poudre d'aloës répandent une odeur légère et douce.

Форма шляпы мало еще изменилась противъ прежней; ихъ только увеличиваютъ.

Одна изъ самыхъ красивыхъ шляпокъ-капотовъ для подунаряда, изъ волнистой матеріи совершенно новаго цвѣта, называемаго дубовою золою. Она украшена перьями, пюгоже цвѣта, прямо вставленными изъ сторонъ, и баншомъ, приколотымъ назадъ шляпы.

JUN 17 1929

